

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ТРУДЫ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Выпуск

12

МОСКВА 2014

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Т 78

Серия основана в 1997 году

Редакционная коллегия «Трудов ИРИ РАН»:

Ю.А. Петров (ответственный редактор), А.В. Голубев,
С.В. Журавлев (заместитель ответственного редактора),
А.П. Корелин, академик РАН Г.А. Куманев, В.А. Кучкин, Н.М. Рогожин,
Т.М. Смирнова (редактор-координатор), А.К. Соколов, В.В. Трепавлов,
В.В. Шелохаев, А.В. Юрасов (заместитель ответственного редактора)

Редакционная коллегия выпуска:

Ю.А. Петров (ответственный редактор),
А.Г. Гуськов (ответственный редактор),
В.В. Тихонов (ответственный секретарь), М.Ю. Анисимов, А.В. Белов,
Г.Н. Бибииков, А.С. Иванова, В.Н. Круглов, Т.А. Мухаматуллин,
П.С. Стефанович, С.В. Шагин

Научно-техническая работа — И.А. Головань

Рецензенты:

д-р ист. наук В.А. Невежин, д-р ист. наук Н.М. Рогожин,
д-р ист. наук А.В. Шубин

Т 78 Труды Института российской истории / Рос. акад. наук,
Ин-т рос. истории. — М., 1997 — .

Вып. 12 / [отв. ред. Ю.А. Петров, А.Г. Гуськов; отв. секр.
В.В. Тихонов]; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. — 2014. —
424 с. — ISBN 978-5-8055-0280-5.

Двенадцатый (специальный) выпуск Трудов Института российской истории РАН включает материалы школ-конференций молодых ученых «История России с древнейших времен до XXI в.: проблемы, дискуссии, новые взгляды», проводившихся в ИРИ РАН в 2012 и 2013 гг. В выпуск вошли статьи, подготовленные участниками конференций на основе представленных докладов. Исследования посвящены различным проблемам изучения отечественной истории начиная с Киевской Руси и заканчивая современностью. В центре внимания авторов проблемы политической, социальной и аграрной истории, исторической географии и демографии, истории внешней политики и повседневности, историографии и наукометрии, истории церкви.

ISBN 978-5-8055-0280-5

© Институт российской истории РАН, 2014
© Российская академия наук, серия
«Труды Института российской истории»
(разработка, оформление), 1997 (год
основания), 2014

СОДЕРЖАНИЕ

А.Г. Гуськов

О школах-конференциях молодых ученых Института российской истории РАН «История России с древнейших времен до XXI в.: проблемы, дискуссии, новые взгляды» 6

ИСТОРИЯ РОССИИ ДО XVIII В.

Д.М. Котышев

Ранняя история Киева в контексте истории Восточной Европы VIII—X вв. ... 13

Б.И. Чибисов

Избрание епископов на Руси: каноны и практика (XII — первая треть XV в.).... 29

Д.В. Верховцев

Разные смыслы понятия *Ижора* (*Ижорская земля*) в документах 1478—1617 гг. 43

В.А. Слугина

Подданство народов Сибири российскому государю в XVII в.: сравнительный анализ статей шертоприводных и крестоцеловальных записей 52

А.Н. Старицын

Отношение к церковной реформе XVII в. в северных монастырях Новгородской митрополии..... 61

И.А. Устинова

Служебная биография архиерейского дьяка Данилы Игнатьева: к вопросу о светском элементе в русском церковном управлении XVII в. 83

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (XVIII в. — 1917 г.)

М.А. Петрова

Российские дипломаты екатерининской эпохи: несколько штрихов к коллективной биографии (на примере германских государств) 93

А.В. Белов

Атрибутивные признаки городского статуса и русский город конца XVIII — первой половины XIX в. (по материалам административной реформы Владимирской губернии)..... 109

Р.Ю. Смагин

Сибирская военно-топографическая служба в 1822—1867 гг.: Организация и первые итоги деятельности 117

<i>К.С. Барабанова</i>	
Первая холера в Санкт-Петербурге в 1831 г.: противоэпидемические мероприятия и отношение к ним горожан	130
<i>О.К. Ермакова</i>	
Социально-правовой статус западноевропейских специалистов на Урале (первая половина XIX в.)	145
<i>С.А. Иконников</i>	
О трудностях в материальном обеспечении приходского духовенства российской православной церкви во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам Воронежской епархии)	156
<i>В.А. Малахов</i>	
Политика властей по отношению к евреям Царства Польского в годы правления Александра II	168
<i>А.В. Семенов</i>	
Ченстоховский юбилей 1882 г.: Империя vs религия?	182
<i>Е.В. Белокуров</i>	
Сельская хлебозапасная система в Российской империи (1891—1914 гг.)	190
<i>Д.А. Бакшт</i>	
Стратегия применения жандармерией чрезвычайного законодательства в межреволюционный период (на примере Енисейской губернии, 1907—1917 гг.)	210

ИСТОРИЯ РОССИИ В XX — НАЧАЛЕ XXI В.

<i>В.А. Березина</i>	
Специфика деятельности экскурсионных учреждений 1920-х годов (на примере Центральной городской школьной экскурсионной станции в Петрограде-Ленинграде)	222
<i>Е.А. Жданкова</i>	
Некоторые аспекты зарождения детского кинематографа в СССР в период нэпа	235
<i>Л.А. Кузнецова</i>	
Курортное строительство в 1920—1950-е годы: вопросы организации и управления	244
<i>А.А. Яскунова</i>	
Трудовая повседневность колхозников на лесозаготовках в 1930—1950-е годы (на материалах Вологодской и Архангельской областей)	263
<i>О.Ю. Попова</i>	
«Враг» в структурах повседневности советского человека периода довоенного сталинизма	274
<i>М.Ю. Наконечный</i>	
Смертность в лесных лагерях ГУЛАГа в 1937—1938 гг. в сравнительном мировом контексте	289

<i>Д. Ю. Хохлов</i>	
Архивные уголовные дела военнопленных как источник по истории Второй мировой войны	318
<i>Е. А. Бабкина</i>	
Визуальные образы ученых в советском документальном кино (вторая половина 1950-х — 1970-е годы): герои эпохи и люди эпохи	328
<i>В. Н. Сергеев</i>	
Дело Трофимова — Тельникова: студенческая борьба за демократию и социализм	341

ИСТОРИОГРАФИЯ И НОВЫЕ МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>О. В. Шемякина</i>	
И. А. Теодорович и политические контексты изучения народничества в 1920—1930-е годы	357
<i>В. С. Батченко</i>	
Крестьянское сопротивление антирелигиозной политике государства в конце 1920-х — начале 1930-х годов: опыт составления электронной базы данных (на примере Западной области)	372
<i>Р. Е. Романов</i>	
Побуждение или принуждение?: Проблема моральных факторов трудовой мотивации советских рабочих в годы Великой Отечественной войны в российской историографии 90-х годов XX — начала XXI в.	382
<i>А. Т. Урушадзе</i>	
Историки юга России: профессиональная жизнь в условиях разделенного научного сообщества	391
<i>А. А. Фокин</i>	
Историографические кластеры Челябинска	400
<i>А. Г. Гуськов, В. В. Тихонов</i>	
Российская научно-историческая периодика: индексы научного цитирования и проблемы оценки уровня журналов	410
Список сокращений	419
Сведения об авторах	420

А.Г. Гуськов

О ШКОЛАХ-КОНФЕРЕНЦИЯХ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ «ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО XXI В.: ПРОБЛЕМЫ, ДИСКУССИИ, НОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ» ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН

Очередной выпуск Трудов Института российской истории РАН посвящен школам-конференциям молодых ученых, которые с 2011 г. проводятся в ИРИ РАН. Мероприятие организуется Советом молодых ученых ИРИ РАН при поддержке руководства института и содействии его сотрудников.

Первая школа-конференция состоялась 16—18 ноября 2011 г. В мероприятии участвовало более 80 человек (студенты, аспиранты, молодые преподаватели и научные сотрудники), представлявших 48 учреждений (высшие учебные и научно-исследовательские институты, архивы и т.д.). Кроме российских ученых в работе конференции принимали участие исследователи из Германии, Польши и Украины. Работало четыре секции («Истории России до XVIII в.», «История России Нового времени», «История России XX в.» и «Историография и методология истории»), на которых было сделано более 60 докладов. Перед участниками мероприятия выступили: академик РАО С.О. Шмидт, директор ИРИ РАН Ю.А. Петров, главные научные сотрудники ИРИ РАН Н.М. Рогожин и А.К. Соколов, член-корреспондент РАН В.П. Козлов и директор Института археологии РАН, академик Н.А. Макаров. В лекциях были освещены наиболее актуальные проблемы историографических исследований, эволюция сообщества профессиональных историков в XX столетии, процессы российской модернизации в Новое и новейшее время, главные направления развития российской государственности с древнейших времен до XVIII в., тенденции изучения новейшей истории России в современной историографии, проблемы взаимодействия исторической науки и смежных дисциплин (археология) и сфер деятельности (архивная система).

Второй форум проводился с 9 по 24 октября 2012 г. Первые две недели школа-конференция проходила в онлайн-форме, а 24 октября в Институте российской истории РАН были проведены очные «круглые столы» по тематике трех секций и подведены итоги конференции. В мероприятии принимало участие более 50 студентов, аспирантов, молодых преподавателей и научных сотрудников из

21 учреждения (высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов, архивов и др.). Новый формат мероприятия предусматривал размещение всех докладов на сайте школы-конференции (URL: <http://www.mkonf.irigan.ru/>) и обсуждение их в виде комментариев. Комментировать доклады можно было через регистрацию на самом сайте или авторизовавшись в социальных сетях Facebook и ВКонтакте. Внимание посетителей в той или иной степени привлекли все доклады (всего было размещено 30 материалов), получившие от 2 до 33 комментариев. К примеру, обсуждение одного из текстов, автор которого был уличен в плагиате, в сети Facebook включало 23 комментария и 2 публикации, породившие самостоятельные ветви обсуждения. В них участвовали исследователи из ГУ-ВШЭ, СПбГУ, ЧГУ и др. Всего за время заочного обсуждения сайт посетило более шестисот человек. Все материалы обсуждения доступны на сайте и в настоящее время.

20—22 октября 2013 г. прошла III Всероссийская научно-практическая школа-конференция молодых ученых «История России с древнейших времен до XXI в.: проблемы, дискуссии, новые взгляды», на которой выступило более 80 участников из 42 учреждений (высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов, архивов и др.). В рамках работы форума были организованы выступления известных ученых: члена-корреспондента РАН А.А. Гиппиуса, д-ра ист. наук С.В. Журавлева и профессора МГУ, д-ра ист. наук Л.И. Бородкина. Их лекции были посвящены различным проблемам изучения текстологии древнерусской литературы, социальной истории XX в. (мода в СССР), применения математических методов в исторических исследованиях. Состоялась встреча с главными редакторами и представителями редакций нескольких крупных журналов по отечественной истории: «Российская история», «Древняя Русь. Вопросы медиевистики», «Вестник церковной истории». Лучшие доклады участников мероприятия, переработанные в научные статьи, легли в основу настоящего выпуска «Трудов Института российской истории».

Первый раздел сборника включает статьи, посвященные истории России до конца XVII в. В исследовании Д.В. Верховцева проводится анализ эволюции термина «Ижорская земля» в XV—XVII вв., первоначальное административно-территориальное значение которого постепенно заменилось этноареальным смыслом. Д.М. Котышев в статье «Ранняя история Киева в контексте истории Восточной Европы VIII—X вв.» разбирает проблему возникновения Киева в качестве специального поселения, контролирующего отрезок торгового пути «из варяг в греки». Топография городища позволяет поместить его в один ряд с речными торгово-промышленными поселками Вос-

точной Европы, образующих трансконтинентальную систему торговых путей. Работа В.А. Слугиной посвящена сравнительному анализу шертоприводных и крестоцеловальных записей, с помощью которых проводилось оформление подданных отношений народов Сибири московскому самодержцу. Автор показывает изменение дипломатических форм двусторонних соглашений, имевших место в записях предшествующего времени, в сторону безусловного подданства местного населения.

Духовная тематика открывается статьей А.Н. Старицына «Отношение к церковной реформе XVII в. в северных монастырях Новгородской митрополии». Преобразования патриарха Никона рассматриваются через призму сопротивления нововведениям, оказываемого монашеством северных земель. Биографический характер носит работа И.А. Устиновой «Служебная биография архиепископского дьяка Данилы Игнатьева: к вопросу о светском элементе в русском церковном управлении XVII в.». На основе широкого круга источников рассматривается служба приказного дьяка при Великоустюжском архиепископе Александре (1685—1699). В исследовании Б.И. Чибисова проводится анализ традиций избрания епископов в различных регионах Руси в XII — первой трети XV в. Сравнение канонов и существовавшей церковной практики свидетельствует о постепенном утверждении права русских митрополитов на самостоятельное избрание иерархов.

Раздел «История Российской империи (XVIII в. — 1917 г.)» включает десять статей. К проблеме изучения практики использования чрезвычайного законодательства в межреволюционный период 1907—1917 гг. обращается Д.А. Бакшт. На примере материалов Енисейской губернии автор показывает противоречивость правовой ситуации в России того времени — усиление репрессивных мер против оппозиции сочеталось с расширением поля гражданских свобод и деятельностью парламента (Государственной думы). Статья К.С. Барбановой «Первая холера в Санкт-Петербурге в 1831 г.: противоэпидемические мероприятия и отношение к ним горожан» посвящена проблеме развития медицинской инфраструктуры в столице Российского государства. Малая эффективность и неприятие среди простых горожан проводимых противоэпидемических мероприятий привели к массовым волнениям, результатом которых стало принятие мер по улучшению организации и снабжения уже существующих лечебных учреждений и созданию новых на средства благотворителей.

Через призму изучения атрибутивных признаков нового городского статуса рассматривается реализация административной реформы Екатерины II в исследовании А.В. Белова. На материалах

Владимирской губернии определяются черты городского поселения, которые выступают как признаки его статуса, доказательства способности и права именоваться городом, что характерно для сословного общества. Статья Е.В. Белокурова посвящена истории сельской хлебозапасной системы в России в конце XIX — начале XX в. Автором делается вывод, что в десятилетия, предшествовавшие Первой мировой войне, в связи с развитием сельскохозяйственного производства и повсеместной прокладкой железных дорог данная система постепенно теряла свое былое значение и приходила в упадок. В статье О.К. Ермаковой рассматривается правовое и социальное положение иностранных специалистов на Урале на основании анализа общероссийского законодательства, локальных нормативных актов, контрактов и договоров с иностранцами и делопроизводственных источников. Профессиональная принадлежность, высокий уровень материального достатка и правовой статус приглашенных специалистов определяли особое социальное положение иностранцев внутри уральского социума.

В исследовании С.А. Иконникова «О трудностях в материальном обеспечении приходского духовенства российской православной церкви во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам Воронежской епархии)» на примере священно-церковнослужителей одной из епархий делается попытка выявить наиболее характерные трудности, возникавшие при получении средств с главных источников доходов. Статья В.А. Малахова «Политика властей по отношению к евреям Царства Польского в годы правления Александра II» посвящена изменениям в политике по отношению к евреям в Царстве Польском в 1850—1870-е годы. Особое внимание уделено распространению среди российских элит националистических идей и правительственной политике по борьбе с польским культурным влиянием на евреев. Работа А.В. Семененко «Ченстоховский юбилей 1882 г.: империя vs религия?» посвящена изучению политики российских властей по снижению влияния католической религиозности на землях бывшего Царства Польского на примере празднования 500-летия Ченстоховского Ясногорского монастыря.

М.А. Петрова предприняла попытку наметить подходы к созданию коллективной биографии российских дипломатов екатерининской эпохи, служивших в государствах Священной Римской империи. На основе изучения официальной и частной переписки, автору удается выявить высокий уровень понимания российскими агентами дипломатического искусства и корпоративной этики, что является свидетельством того, что во второй половине XVIII в. дипломатическая служба постепенно превращается в профессию. В статье

Р.Ю. Смагина характеризуется состояние изученности проблемы организации военно-топографической службы в сибирском регионе в 1822—1867 гг. Рассмотрение автором ведомственной структуры, кадрового состава и объемов финансирования деятельности позволяет яснее представить процесс организации службы в регионе.

Раздел «История России в XX — начале XXI в.» открывается статьей В.А. Березиной, в которой анализируется деятельность Центральной городской школьной экскурсионной станции, курировавшей в 1920-е годы экскурсионную работу в Петрограде-Ленинграде. Освещается ее место в системе экскурсионной работы, выявляются основные особенности и трудности работы, состав работников. В исследовании Е.А. Бабкиной «Визуальные образы ученых в советском документальном кино (вторая половина 1950-х — 1970-е годы): герои эпохи и люди эпохи» рассматриваются советские документальные кинофильмы второй половины 1950-х — 1970-х годов на тему научных исследований как результат конструирования социальной и антропологической визуальной реальности. В рамках этой реальности был создан миф об ученом как о носителе образа культурного героя оттепели. В фокусе статьи Е.А. Жданковой «Некоторые аспекты зарождения детского кинематографа в СССР в период нэпа» находится вопрос о необходимости организации детского кинематографа как формы детского досуга в период новой экономической политики, тесно связанный с социальной политикой советского государства. На кино была возложена важная воспитательная функция: предполагалось, что оно «станет настоящим борцом с разлагающим влиянием, которое имеет на детей улица». Со свертыванием нэпа в конце 1920-х годов детское кино постепенно стало одним из приоритетных направлений советской кинематографической политики. Работа Л.А. Кузнецовой «Курортное строительство в 1920—1950-е годы: вопросы организации и управления» посвящена процессу институционализации курортного дела в СССР. В ней рассматриваются основные государственные и общественные институты в сфере управления курортами, их структура и функции, описываются основные акты, регулирующие их деятельность.

М.Ю. Наконечным на основе компаративной методологии предпринята аналитическая попытка рассмотреть на микроуровне катастрофу со смертностью заключенных в лесных лагерях ГУЛАГа в ходе массовых операций 1937—1938 гг. Для сравнения привлекаются данные пенитенциарных систем США, Третьей Французской республики (тюрьмы метрополии и колоний — Гвианы и Вьетнама), нацистской Германии, а также коэффициенты смертности сопоставимой половозрастной когорты на воле. Статья О.Ю. Поповой

является попыткой понять роль феномена внутреннего врага/«врага народа» в структурах повседневности советского общества периода довоенного сталинизма. Автор показывает, как посредством формирования и транслирования образа внутреннего врага, маркирования различных явлений/качеств как «вражеских» и заполнения этой информацией всего информационного пространства происходила формовка «советского человека».

Статья В.Н. Сергеева «Дело Трофимова—Тельникова: студенческая борьба за демократию и социализм» посвящена деятельности двух объединений левых диссидентов: Союзу коммунистов-ленинцев и Союзу революционных ленинистов. В ней анализируется социальный состав обеих групп, описывается процесс формирования организаций и их «антисоветская деятельность». В работе Д.Ю. Хохлова «Архивные уголовные дела военнопленных как источник по истории Второй мировой войны» рассказывается о приобщенных к делам военнопленных материалах (протоколах допросов, личных документах, фотографиях), благодаря которым исследователи могут получить ранее неизвестные сведения о событиях Второй мировой войны. Анализ трудовой повседневности колхозников-лесозаготовителей Русского Севера проводится А.А. Яскуновой в исследовании «Трудовая повседневность колхозников на лесозаготовках в 1930—1950-е годы (на материалах Вологодской и Архангельской областей)». Автором рассмотрены следующие аспекты трудовой повседневности: система мобилизации колхозников на лесозаготовки, организация труда, распорядок трудовой деятельности и бытовые условия жизни колхозников.

Проблемам, связанным с изучением истории исторической науки и использованием новых методов исторических исследований посвящен последний, четвертый, раздел сборника. В качестве одного из путей исторического исследования представлен опыт составления электронной базы данных, предпринятый В.С. Батченко. На основе создаваемой базы данных в среде Microsoft Office Access 2007 автором описан один из этапов изучения крестьянского сопротивления антирелигиозной политике государства в 1929—1933 гг. В базу вошли случаи активного и пассивного протеста на территории бывшей Западной области, отраженные в региональных архивах.

В работе Р.Е. Романова «Побуждение или принуждение?: проблема моральных факторов трудовой мотивации советских рабочих в годы Великой Отечественной войны в российской историографии 90-х годов XX — начала XXI в.» рассматривается зарождение и развитие современной отечественной историографии изучения моральной основы трудового поведения советских рабочих в годы войны.

Основное внимание уделяется анализу трех этапов ее эволюции с начала 1990-х годов до наших дней, в частности показано изменение историографических оценок роли побуждения и принуждения в формировании мотивации труда гражданского населения, в том числе рабочих.

Статья А.Г. Гуськова и В.В. Тихонова «Российская научно-историческая периодика: индексы научного цитирования и проблемы оценки уровня журналов» посвящена проблеме отражения состояния отечественной научно-исторической периодики в зарубежных и отечественных индексах научного цитирования (Web of science, Scopus, РИНЦ).

В работе А.Т. Урушадзе «Историки юга России: профессиональная жизнь в условиях разделенного научного сообщества» проводится анализ некоторых особенностей современного состояния сообщества ученых-историков юга России (специалистов в области региональной истории). Рассматриваются проблемы и перспективы институционализации исторического знания на юге России, определяется место и значение «Кавказской войны историографий» в развитии регионального научного сообщества историков. А.А. Фокиным на примере локального сообщества историков Челябинска предлагается концепция «историографического кластера». Под термином понимается или территориальное объединение историков, или схожесть методологических и тематических позиций.

Статья О.В. Шемякиной «И.А. Теодорович и политические контексты изучения народничества в 1920—1930-е годы» посвящена историографическим дискуссиям о народничестве. Одну из главных ролей в этих дискуссиях сыграл старый большевик, политический и общественный деятель И.А. Теодорович. Анализируя его работы, автор показывает различные политические и идеологические контексты, в которых проходило изучение народничества в указанный период.

Д. М. Котышев

РАННЯЯ ИСТОРИЯ КИЕВА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ VIII—X ВВ.*

В статье рассматривается проблема возникновения Киева как укрепленного поселения на днепровском отрезке пути «из варяг в греки». Анализируются различные концепции возникновения Киева, производится их сопоставление с данными археологических исследований восточнославянских памятников на территории города. Привлечение архивных материалов полевых исследований позволяет сделать вывод, что древнейший Киев возникает как торгово-ремесленное поселение, контролирующее южный отрезок маршрута «из варяг в греки» от Среднего Поднепровья вплоть до самого Константинополя. Время возникновения определяется в промежутке середины — второй половины IX в. и связано с проникновением скандинавских отрядов с севера на юг Руси.

Ключевые слова: Среднее Поднепровье; Старокиевское городище; киевский Подол; восточнославянская археология; международные торговые пути.

Dmitry Mikhailovich Kotyshev

Kiev's Early History in the Context of East-European History in the VIII—X centuries

The article deals with the problem of the rise of Kiev as a fortified settlement in the Dnieper's part of the route "from the Varangians to the Greeks". The author analyzes different concepts of Kiev's rise and compares them with archaeological data on East Slavonic finds made in the city's territory. Archival materials of field studies enable to draw conclusions that earliest Kiev was established as a trading-and-crafts settlement controlling the southern part of the route "from the Varangians to the Greeks" from the Middle Dnieper up to Constantinople itself. The time of the establishment is defined between the middle and second half of IX century, which was caused by the penetration of Scandinavian troops from the north into the south of Rus'.

Keywords: Middle Dniepe; ancient Kiev site; Kiev outskirts; East Slavonic archeology; international trading routes.

С зарождением государственности на Руси тесно связана проблема происхождения и развития Киева, ставшего столицей Русской земли. На сегодняшний день эта проблема, имеющая обширную историогра-

* Выполнено при финансовой поддержке РФГФ (грант № 14а-04-000642).

фическую традицию, далека от своего окончательного разрешения. Это обстоятельство побуждает вновь обратиться к имеющимся данным, попытаться рассмотреть становление и развитие центра Среднего Поднепровья в общем контексте восточноевропейской истории VIII—X вв.

Еще с XIX в. оформились две концепции возникновения и развития Киева. Первая предполагала, что князь Кий, основатель города, являлся реальной исторической фигурой; данный постулат был сформулирован еще Н.М. Карамзиным [26]. Другая концепция относилась к летописной легенде об основании Киева с изрядной долей скептицизма, полагая, в лучшем случае, Киев в качестве племенного центра полян [12; 18; 32; 74]. Скептицизм историков, разделявших эту точку зрения, понятен — вплоть до начала XX в. археологические данные, доказывавшие существование Киева в незапамятные времена, отсутствовали; летописная же легенда об основании города носила явные черты эпического предания [52].

Только с началом XX в., когда начались систематические исследования Киева раннеславянской и древнерусской эпохи, в руках исследователей оказался обширный археологический материал. Речь идет о раскопках В.В. Хвойко [20, с. 48—57; 21, с. 74—78] и Д.В. Милеева, имевших огромное значение для последующего изучения Киева.

Однако события 1914—1920 гг. — Первая мировая война, революция 1917 г. и гражданская война на Украине 1918—1920 гг. — привели к утрате большинства материалов исследований 1908—1914 гг. Полевая документация оказалась почти полностью утеряна, а последующие публикации сохранившихся в архивах материалов далеко не всегда позволяют воссоздать полную картину проведенных В.В. Хвойко [17; 36; 42] и Д.В. Милеевым [11; 35; 55, с. 229] раскопок.

В советское время археологические исследования Киева возобновились, однако и тут была своя специфика. Руководители раскопок на Замковой и Старокиевской горах С.С. Магура и Н.Ф. Мовчановский были репрессированы в 1937—1938 гг. Это привело к фактическому выпадению из научного оборота полевой документации проводимых ими исследований.

В результате итоги археологических исследований Киева первой половины XX в. были обобщены только в работах М.К. Каргера [28]. Ученый сформулировал идею, что Киев как единый город возник только в конце X в. путем слияния трех родовых поселков [29, с. 61—63]. Этот тезис М.К. Каргера лег в основу работы И.Е. Иванцова, полагавшего, что ядром города стали три городища на Старокиевской, Замковой и Лысой горах [23]. Указанная работа не была опубликована при жизни автора, однако ее сведения активно использовались в своем труде М.К. Каргером, правда, без указания на источник.

Концепция И.Е. Иванцова (в изложении М.К. Каргера) была воспринята М.Ю. Брайчевским [6, с. 119—120] и М.Н. Тихомировым [75, с. 18]. Позднее В.В. Мавродин и И.Я. Фроянов развили эту концепцию, предположив, что слияние древнейших киевских городищ в единое целое является проявлением общинного синойкизма, свойственного раннеклассовым обществам [48, с. 13—14].

В 70-е и в начале 80-х годов XX в. были предприняты попытки пересмотреть дату возникновения Киева в сторону ее удревления, прежде всего, в работах Б.А. Рыбакова.

Князя Кия Б.А. Рыбаков был склонен считать реальным историческим персонажем, действовавшим в эпоху славянского расселения [67, с. 36]. Опираясь на мнение П.Н. Третьякова [85, с. 250—252; 86, с. 271], Б.А. Рыбаков утверждал, что в этом колонизационном потоке приняли участие не только южные, но и западные славяне [67, с. 36; 69; 72].

Возникновение первичного поселения на днепровских высотах Б.А. Рыбаков связывал с образованием племенного союза полян в VI в., когда, по его мнению, происходит слияние полян и русов в единый племенной союз [67, с. 37].

Опираясь на исследования киевских археологов, в первую очередь, П.П. Толочко [76, с. 18; 80, с. 43], Б.А. Рыбаков предложил следующую схему возникновения древнего Киева. Первоначально поселение, связываемое им с резиденцией летописного Кия, возникло на Замковой горе; позднее укрепленное поселение возникает на Старокиевской горе, и именно оно становится ядром будущего исторического Киева. Основанием для такого утверждения стали проведенные на Замковой горе раскопки, в ходе которых были открыты материалы VI—VII вв. [30; 64, с. 147; 65, с. 24, 27; 76, с. 44; 78, с. 52].

Отталкиваясь от летописной легенды о Кие, Б.А. Рыбаков пришел к выводу, что в ней отразились реальные исторические события, а именно — заключение союза между Кием и византийским императором Анастасием Дикором. Медный фолис императора Анастасия, найденный на Замковой горе, послужил одним из главных аргументов в пользу этой концепции [67, с. 33—35; 69, с. 90—107].

Этот тезис о ранней дате основания Киева привлек внимание партийно-политического руководства УССР. При участии первого секретаря ЦК КП УССР В.В. Щербицкого и вице-президента АН УССР П.Т. Тронько было принято решение о праздновании в 1982 г. 1500-летнего юбилея города.

Итогом этого юбилея стало утверждение в советской исторической науке положения, что уже в VI—VII вв. на правом берегу Днепра возникает поселение, которое интерпретируется как своеобраз-

ный «эмбрион города». На протяжении VIII—IX вв. это поселение превратилось в раннефеодальный город; уже в IX—X вв. город переходит в средневековую стадию [76, с. 29; 80, с. 43; 81].

Этой концепции соответствовала и топографическая схема древнего Киева, получившая окончательное оформление в работе П.П. Толочко [9; 10; 23; 78, с. 43—80]. Детинец, по мнению большинства ученых того времени, был ядром города, вокруг которого начал впоследствии формироваться посад. Окольные территории Киева практически не становились объектом археологических разысканий. Только перед самой войной были предприняты раскопки на горе Киселевке [64]. Уже после войны в 1950 г. под руководством В.А. Богусевича были осуществлены первые масштабные исследования на Подоле. Они показали непрерывность заселения данной территории на протяжении IX—XIII вв. и позднее. Слой древнерусского времени местами доходил до 2 м, в среднем составляя 1,5 м.

Результаты раскопок на Подоле, а также исследований на Киселевке в 1948 г. [1А, с. 11—12, 13—17, 19—20, 21—22] позволили пересмотреть сложившуюся к этому времени историко-топографическую схему развития города и утверждать, что именно поселение на Подоле, а не городище на Старокиевской горе, было древнейшей частью Киева [1А, с. 30; 2А, с. 42—53; 3, с. 30].

Высказанные В.А. Богусевичем идеи настолько радикально меняли сложившееся представление об этапах развития Киева, что были встречены в штыки и подвергнуты критике [28, с. 363; 78, с. 111—118]. Но правота предположений исследователя стала очевидной после резонансных раскопок на Подоле 1971—1975 гг., когда была открыта городская застройка конца IX — X в. [4А; 5А; 6А; 7А; 8А; 13; 79].

Аргументы против концепции Рыбакова — Толочко накапливались на протяжении второй половины XX в. Первый шаг был сделан, как это ни парадоксально, М.К. Каргером. Анализируя материалы раскопок на Киселевке 1940 г., исследователь указал на неправомочность датировки керамических материалов ранним временем [28, с. 97]. Несколько позже А.М. Шовкопляс указала на то, что лишь незначительная часть керамики с Киселевки из раскопок 1940 г. может быть отнесена к культуре Корчак (VI—VII вв.), а подавляющее большинство фрагментов датируется VIII—IX вв. [90].

Совокупность данных по культурному слою Замковой горы была подтверждена и позднейшими исследованиями. Во время раскопок В.А. Харламова на северных склонах горы только один шурф из четырех дал керамику VIII—IX вв., а более раннего времени обнаружено не было [88]. Интерпретация Замковой горы как древнейшего ядра города опирается на утверждение, что поселение, следы которого отмече-

ны в VIII—IX вв., имеет непосредственное продолжение в VIII—IX вв. [76, с. 44; 81, с. 52]. Однако внимательное знакомство с опубликованными материалами раскопок 1940 г. позволяет поставить под сомнение это утверждение. В них отчетливо зафиксирован чистый слой глины, разделяющий слои VI—VII и VIII—IX вв. [64, с. 146]. Данное обстоятельство позволило немецкому историку Э. Мюле усомниться в господствующей концепции ранней истории Киева [59, с. 121].

В пользу умозрительности концепции ранней истории Киева, выдвинутой Б.А. Рыбаковым, говорит следующее обстоятельство. Как уже упоминалось выше, одним из главных аргументов в пользу ранней датировки поселения на Замковой горе является находка медных византийских фолисов императоров Анастасия и Юстиниана. Однако при ближайшем рассмотрении материалов раскопок они оказываются отнесены к разновременным и случайным находкам [44, с. 33 (№ 84); 45, с. 274 (№ 502); 64, с. 147], что не дает возможность использования указанных монет как датирующих признаков.

Момент истины для концепции раннего происхождения Киева настал в 70-е годы XX в., когда, как уже говорилось выше, на Подоле были открыты следы поусадобной застройки начиная с X в. В этих условиях концепция, предложенная в свое время В.А. Богусевичем, пережила второе рождение, прежде всего, в работах М.А. Сагайдака. Вопреки концепции П.П. Толочко, М.А. Сагайдак предложил иную схему возникновения и развития Киева. Согласно этой схеме, первоначальное поселение было основано на Подоле, вблизи днепровской гавани. На Замковой горе располагалась крепость, прикрывавшая доступ к Подолу, а на Старокиевской горе находилось языческое кладбище [73, с. 14—15]. Позже эту идею о Подоле как своеобразной «колыбели Киева» поддержали в своих работах Ю.В. Писаренко, В.Н. Зоценко, К.А. Михайлов [19; 54, с. 35; 63, с. 30—32]. Чуть позже она была скорректирована Ф.А. Андрощуком [2].

Впоследствии к дискуссии подключился В.К. Козюба. Он критически отнесся к предположениям как В.Н. Зоценко, так и Ф.А. Андрощука о прекращении существования городища на Старокиевской горе (речь идет о первичном поселении) в VII в. По его мнению, следы относятся к раннеславянскому времени, являясь не ядром будущего города, а сторожевой крепостью, защищавшей подступы к Подолу [34].

А.В. Комар предложил рассматривать вопрос о киевских поселениях в более широком историческом контексте межэтнических и межкультурных взаимодействий в Среднем Поднепровье в VII—IX вв. [37].

Позже П.П. Толочко подверг критике почти всех указанных авторов. Он отстаивает свою прежнюю точку зрения и утверждает, что древнейшее киевское городище существовало в VI—VII вв. [77].

Материалы дискуссии, по моему мнению, показывают, что обсуждаемая проблема далека от своего окончательного разрешения. В свое время я посвятил истории раннего Киева отдельную статью [43, с. 8—13]. Работа в архиве Института археологии НАН Украины в 2006 г. заставила меня пересмотреть многое из того, что было опубликовано годом раньше. Выяснилось, что материалы ряда публикаций сильно расходятся с данными полевых отчетов. Поэтому основная задача работы, на мой взгляд, состоит в сравнении различных сценариев зарождения и развития Киева и сопоставлении их с имеющейся на сегодня источниковой базой.

Начнем с поселения на Старокиевской горе, поскольку в сценарии развития Киева, который отстаивает П.П. Толочко, это место рассматривается как «эмбрион» города.

Речь идет об участке на северо-западном отроге Старокиевской горы вблизи здания ГИМ Украины. На этой территории выявлены археологическими исследованиями остатки укреплений городища и несколько жилищ.

К жилищам раннеславянского времени, открытым на территории городища, относятся четыре объекта, открытые в 1939, 1958, 1965 и 1971 гг. Первое из перечисленных жилищ было открыто вблизи ГИМ Украины [3А, с. 95; 23, с. 76]. Опубликовавший материалы раскопок М.К. Каргер первоначально отнес это жилище к зарубинецкой культуре; однако в последующих работах он пересмотрел эту оценку, датировав найденное жилище и инвентарь VIII—IX вв. [27, с. 97—99; 28, с. 104; 29]. А.В. Комар относит данную керамику, а вместе с ней и жилище к волынцевской культуре [40, с. 166—170]. Однако из-за противоречивых данных однозначно отнести жилищный комплекс к роменскому или волынцевскому горизонту затруднительно.

Второе жилище открыто раскопками П.П. Толочко и С.Р. Кириевич в 1958 г. на Андреевском спуске. В публикации материалов находок жилище было датировано VII—VIII вв. Однако материалы полевых исследований, хранящихся в архиве ИА НАНУ, ставят под сомнение предложенную датировку. Из отчета явственно следует, что речь идет о хозяйственной яме с переотложенным культурным слоем [9А, с. 6]. Сами фрагменты керамики были определены А.М. Шовкопляс как относящиеся к культуре Луки Райковецкой [31, с. 32; 89]. Таким образом, принадлежность материалов из раскопок 1958 г. к жилищу VII—VIII вв. не является доказанной.

Следующим по времени обнаружения комплекс — это жилище, открытое работами 1965 г. на склонах Старокиевской горы. В заполнении развала печи и вблизи него было обнаружено много фрагментов кружалной и лепной керамики. П.П. Толочко датировал

эту керамику, а вместе с ней и жилище VII—VIII вв. [84]. Материалы полевой документации оставляют двойственное впечатление — в большинстве случаев керамика VII—VIII вв. встречается в развалинах жилищ X—XI вв., куда она попала, по-видимому, при постройке [15А, с. 13—14, 16, 20, 27]. Кроме того, жилище с печью из глиняных вальков и кусков песчаника, датируемое VII—VIII вв., как показывают материалы раскопок, оказалось разрушенным при строительстве оборонительного сооружения, определяемого как часть оборонительного рва городища [15А, с. 27—28]. Присутствие в заполнении керамики VII—VIII и X—XI вв., на мой взгляд, говорит о том, что керамический материал мог попасть туда при строительстве рва с более верхних террас. Кроме того, в раскопках 1965 г. наблюдается сочетание лепной и кружальной керамики, причем в ряде случаев лепная керамика по своему характеру относится к роменской. Такое сочетание характерно для Киевского Подола и датируется IX — началом X в. [12А, с. 94; 38, с. 314; 73, с. 94; 83, с. 14]. Поэтому датировка жилища из раскопок 1965 г. остается под вопросом.

И наконец, четвертое жилище было открыто во время раскопок в 1971 г., недалеко от жилища, исследованного в 1939 г. В жилище сохранилась печь, наполненная фрагментами глиняных сосудов, относимых исследователями к пражской культуре V—VI вв. [31, с. 28; 82]. Керамика из жилища, открытого в 1971 г., имеет аналогию с керамикой, открытой на поселении Корчак и Зимно [64, с. 44; 65, с. 16]. Однако это поселение единичное, синхронных с ней находок на территории Старокиевской горы практически не встречается [10А, с. 83—89; 41, табл. 77, 6; 2, с. 14, рис. 2].

Таким образом, однозначно ранним жилищем можно считать жилище из раскопок 1971 г., однако оно единично и не связано с городищем, укрепления которого относятся к более позднему времени. Следовательно, говорить о возникновении укрепленного поселения в эпоху пражской культуры на Старокиевской горе нет никаких оснований.

Единственным достоверным маркером служит жилище из раскопок 1939 г. Подтверждением существования на Старокиевской горе поселения в VIII—IX вв. является находка в 2009 г. жилища вольтцевской культуры, аналогичного жилищу, исследованному в 1939 г. [25, с. 169].

Появление укрепленного поселения на Старокиевской горе маркируется также сооружением укреплений, и в первую очередь, древнейшего оборонительного рва. Он исследовался на различных участках трассы в 1908 г. [22, с. 117—118], 1936 г. [11А, с. 20], 1939 г. [27, с. 96], 1965 г. [14А, с. 4—5], 1969 г. [13А, с. 2—3] и 2008 г. [24]. Относительно конструкции этого вала существуют довольно противоречивые мне-

ния. Так, В.К. Козюба на основе неопубликованных материалов раскопок Д.В. Милеева предложил реконструировать оборонительное сооружение как деревоземляную стену, в основании которой находилась перекладная конструкция из положенных в горизонтальной плоскости перпендикулярно друг другу дубовых бревен. В.К. Козюба отмечает, что такой способ сооружения укреплений «встречается в насыпях валов на территории древней Руси с конца X в.», указывая при этом на конструкцию Змиевых валов [34, с. 144]. Такой способ сооружения вальных конструкций действительно отмечается исследователями у западных славян. Ю.Ю. Моргунов относит такой тип сооружений к крюковым и указывает, что на Руси они встречаются в конструкциях валов с XI в. и единичны, а вот при сооружении Змиевых валов использовались достаточно часто [57, с. 13—14; 58, с. 31—32].

Сам автор реконструкции склонен датировать конструкцию достаточно поздним временем — концом X в., указывая на то, что аналогичные конструкции встречаются у лужичан в VIII в. и на территории Польши столетием позже.

Подобный подход попытался оспорить А.В. Комар, предложив иной вариант реконструкции, указывая на то, что большие промежутки между вертикальными кольями свидетельствуют о наличии в основе конструкции плетеных клетей, укрепленных глиной [37, с. 125]. На основании этого историк полагает, что укрепления были возведены населением волынцевского периода и были разрушены до середины IX в.

Однако изучение в 2007—2011 гг. рва склонили исследователя принять точку зрения В.К. Козюбы, что и нашло отражение в новейшей коллективной монографии. На основании материалов новейших исследований* А.В. Комар выделяет три этапа функционирования рва: он возникает в конце IX — начале X в., к середине X в. укрепление оказывается заброшенным, потом следует восстано-

* Новейшие исследования рва не выявили материалов старше второй половины IX в., что опровергает предположения В.Н. Зоценко и Ф.А. Андрощука о принадлежности городища к пражскому времени. Определенные этапы истории рва отмечают погребения языческого могильника. Так, камерное погребение, открытое Д.В. Милеевым (№ 110 по каталогу М.К. Каргера), перерезает ров [53, Дневник III, л. 87 об., 89, 95; 36, с. 174—177]. Новейшие данные анализа погребального инвентаря из погребения № 110 позволяют датировать его периодом 912—950 гг., хотя В.К. Козюба считает, что погребение следует датировать более поздним временем [1, с. 43; 34, с. 149]. Во время раскопок 2009 г. было выявлено языческое погребение, которое перерезал эскарп рва [25, с. 171]. Таким образом, можно предположить, что погребение № 110 отмечает период между первым и вторым этапом функционирования рва, а погребение № 82 — его заключительную стадию существования.

ление укреплений, связываемое с деятельностью княгини Ольги, и третий этап связан с заключительной реконструкцией, предположительно после печенежской осады 968 г. [38, с. 318—319]. Ров вместе с остальными укреплениями прекратил существование из-за постройки Десятинной церкви, когда он был засыпан и снивелирован.

Таким образом, изучение рва городища на сегодняшний день полностью опровергает утверждения о его существовании ранее IX в.

Конструктивные особенности вала с использованием деревянных клетей, прослеженные раскопками, имеют определенные аналогии с укреплениями городища Коровель близ с. Шестовицы [33]. Это говорит, на мой взгляд, об отражении общих социальных и культурных процессов, происходивших в Среднем Поднепровье в IX—X вв.

Отсутствие в IX—X вв. застройки на Старокиевской горе, по меткому выражению А.В. Комара, «ставит в равное положение Старокиевское городище и Замковую гору» [38, с. 320]. Таким образом, на этих высотах со второй половины IX в. существуют укрепленные поселения, но без массовой жилой застройки. В то же самое время уже с конца IX в. на Подоле, близ днепровской гавани возникает поселение с регулярной поусадобной планировкой. Нижняя хронологическая граница подольского поселения на сегодняшний день маркируется срубом на Житнем рынке, дендродата которого — 887 г. [12А, с. 94]. Таким образом, археологические разыскания подтвердили предположения, выдвинутые в свое время еще В.А. Богусевичем, считавшим Подол ядром древнейшего Киева, а укрепленные поселения на Старокиевской горе — вторичными по отношению к нему. А.В. Комар убедительно полагает, что возникновение поселения на Подоле может быть отождествлено с деятельностью князя Олега, отраженной в летописи [39, с. 174—178].

В целом, топография древнейшего Киева, какой она предстает по результатам современных исследований (открытое поселение вблизи гавани и расположенное рядом с ним городище), оказывается схожей с топографией Ладоги, Рюрикова городища и Гнездова IX—X вв. К.А. Михайлов совершенно прав, помещая ранний Киев в один типологический ряд с другими открытыми торгово-ремесленными поселениями (ОТРП) [54, с. 11—14].

Это позволяет рассматривать становление Киева как укрепленного поселения в общем контексте истории Восточной Европы. Еще в начале 70-х годов XX в. В.А. Булкин и Г.С. Лебедев выдвинули гипотезу о том, что в VIII—X вв. в Балтийском регионе возникает и развивается особый тип торгово-ремесленный поселений предгорного типа [7]. На сегодняшний день эта концепция принята большинством отечественных историков и археологов [61, с. 67

и сл., 102], которые говорят о существовании «циркумбалтийского региона» [46, с. 100—101, 203, 205; 47, с. 29, рис. 4], объединенного единой системой политических и экономических связей.

Эта система представляла собой взаимосвязь западного (Британия, Ютландия и Скандинавский полуостров) [15] и восточного (Передняя Азия — Северный Кавказ — Волжский путь) [16, с. 144—146; 50, с. 96—100] направлений трансконтинентальной системы торговых путей. По мнению Г.С. Лебедева, эти ветви на рубеже VIII—IX вв. «смыкаются на Балтике, образуя уникальный в своем роде “серебряный мост”, перекинутый через североевропейский *barbaticum* и связавший пространства от Британии на Западе до Прикамья на Востоке, от окраинных областей Норвегии на севере до причерноморско-каспийских степей на юге Европы» [46, с. 100].

Е.А. Мельникова предложила рассматривать процессы политогенеза на Руси и в Европе как результат включения восточноевропейских территорий в систему общеевропейских и даже трансевропейских коммуникаций [49; 50]. По ее мнению, одним из ключевых подходов в объяснении политической и экономической ситуации в Европе середины — второй половины I тысячелетия н.э. является «тезис Пиренна», заключающийся в том, что окончательный распад средиземноморской цивилизации произошел не от набегов германских варваров, а в результате арабских завоеваний, резко изменивших экономическую конъюнктуру средиземноморского региона [62, с. 195—204].

Развивая «тезис Пиренна», С. Булин и М. Маккормик отметили, что в результате кризиса, постигшего средиземноморскую экономику в VII в., столетием позже формируются две крупные экономические области — исламская на юге и каролингская на севере Европы [92]. Осмысливая идеи Г.С. Лебедева, Е.А. Мельникова отмечает, что интеграция североморского и Балтийского регионов происходит в конце VIII — начале IX в. [51, с. 243—244, 248—249]. Появление Ладоги означает не просто включение Северо-Западной Руси в орбиту циркумбалтийского региона, но и установление связей через Волжский путь с торговым регионом исламского мира.

Считая эти построения достаточно убедительными, хотелось бы внести в них некоторые коррективы, чтобы ответить на вопрос о роли системы трансконтинентальных связей в становлении и развитии Киева. На мой взгляд, А. Пиренн, оценивая роль арабских завоеваний в истории раннесредневековой Европы, исходил из привычного для западных историков «каролингоцентризма». Однако до VII в. Византия существовала как правопреемница Римской империи, что делало Средиземноморье «внутренним морем» империи начиная с эпохи Юстиниана [91, p. 105—114, map. 5; p. 111; 93, p. 207—217].

Арабские завоевания нанесли империи сокрушительный удар — в течение столетия были потеряны ближневосточные провинции и Северная Африка [8, с. 289—290]. Последовавший вскоре иконоборческий кризис расколол единое религиозное пространство. Папство обратилось за поддержкой к франкам; союз папы и Карла Великого создал новую политическую реальность. Таким образом, совершился распад единого средиземноморского пространства на империю Карла Великого, Византийскую империю и Халифат. Это породило новые геополитические реалии, в которых и формировались те самые трансконтинентальные торговые маршруты.

Бесперебойное функционирование Волжского пути во второй половине IX в. начинает испытывать определенные трудности из-за возрастающей роли Хазарского каганата. Это стимулировало поиск новых путей на юг, что совпало с начавшимся экономическим подъемом Византийской империи. Таким образом возник новый трансъвропейский маршрут «из варяг в греки», на котором киевское поселение, возникшее с конца IX в., стало одним из ключевых.

Возникновение раннего Киева как крупного эмпория (или ОТПП) в Среднем Поднепровье отражает включение Южной Руси в систему формирующихся трансконтинентальных торговых путей. Активное участие Среднего Поднепровья в IX—X вв. в системе международной торговли сыграло решающую роль в зарождении древнерусской государственности.

- 1А. *Богусевич, В.А.* Археологические раскопки на Киево-Подоле в 1950 г.: отчет о работе Подольского отряда экспедиции «Большой Киев» // НА ИА НАНУ. Ф. 1950/18. Ед. хр. № 1136.
- 2А. *Богусевич, В.А.* Города и замки Киевской земли IX—XIII вв. // НА ИА НАНУ. Ф. 12. № 368.
- 3А. *Гептнер, Н.В.* Археологічні роботи по дослідженню м. Києва в 1939 р. Київської археологічної експедиції на кол. садибі Петровського // НА ИА НАНУ. Ф. 20 (ИИМК). № 48.
- 4А. *Гупало, К.М.* Звіт про археологічні дослідження на Подолі // НА ИА НАНУ. Ф. 1973/22а. Ед. хр. 7473—7474.
- 5А. *Гупало, К.М.* Звіт про розкопки на трасі Подольської лінії Київського метрополітену // НА ИА НАНУ. Ф. 1971—1973/34д. Ед. хр. 6421—6423.
- 6А. *Гупало, К.Н.* Отчет о раскопках Киевоподола в 1976 г. / Гупало К.Н., Ивакин Г.Ю., Сагайдак М.А. // НА ИА НАНУ. Ф. 1976/31а. Ед. хр. 8416—8417.
- 7А. *Гупало, К.Н.* Отчет об археологических исследованиях Подола в 1974 г. / Гупало К.Н., Ивакин Г.Ю., Сагайдак М.А. // НА ИА НАНУ. Ф. 1974/28. Ед. хр. 7485—7486.
- 8А. *Гупало, К.Н.* Отчет об археологических исследованиях Подола в 1975 г. / Гупало К.Н., Ивакин Г.Ю., Сагайдак М.А. // НА ИА НАНУ. Ф. 1975/25а. Ед. хр. 7571—7572.
- 9А. *Кілісевич, С.Р.* Археологічні дослідження на Старокиївській гори 1958 р. // НА ИА НАНУ. Ф. 1958/47. Ед. хр. 6869.

- 10А. *Мовчанівський, Ф.М.* Садиба Художньої школи. Щоденник керівника розкопок на «Десятинній садибі у Києві» // НА ІА НАНУ. Ф. ПМК. № 9 (118).
- 11А. *Мовчанівський, Ф.М.* Щоденник № 7 Київської археологічної експедиції 1936 р. // НА ІА НАНУ. Ф. 20. № 38. ПМК/К. № 20.
- 12А. *Сагайдак, М.А.* Хронология археологических комплексов Киевского Подола // НА ІА НАНУ. П.т. № 149.
- 13А. *Толочко, П.П.* Звіт про роботу Київської археологічної експедиції в 1969 р. // НА ІА НАНУ. Ф. 1969/20. Ед. хр. 7148.
- 14А. *Толочко, П.П.* Отчет о раскопках Киевской археологической экспедиции 1965 г. / Толочко П.П., Килиевич С.Р. // НА ІА НАНУ. Ф. 1965/1Е. Ед. хр. 4944.
- 15А. *Толочко, П.П.* Дневник Киевской археологической экспедиции ИА АН УССР и Государственного музея 1965 г. / Толочко П.П., Килиевич С.Р. // НА ІА НАНУ. Ф. 1965/1Е. Ед. хр. 4946.

1. *Андрощук, Ф.* До передісторії спорудження Десятинної церкви [Текст]: (хронологічний аналіз поховальних комплексів) / Андрощук Ф., Панченко М., Ковалюх М. // Церква Богородиці Десятинна в Києві. Київ, 1996. С. 43—46.
2. *Андрощук, Ф.А.* Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева [Текст] // Ruthenica. Київ, 2004. Т. III. С. 7—47.
3. *Богусевич, В.А.* Археологічні розкопки в Києві на Подолі в 1950 р. [Текст] // Археологія. Київ, 1954. Т. IX. С. 42—53.
4. *Богусевич, В.А.* Про походження і топографію древнього Києва за археологічними даними [Текст] // Археологія. Київ, 1952. Т. 7. С. 66—71.
5. *Богусевич, В.А.* Розкопки на горі Киселевці [Текст] // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1952. Т. III. С. 62—72.
6. *Брайчевский, М.Ю.* Когда и как возник Киев [Текст]. Київ: Наукова думка, 1964. 183 с.
7. *Булкин, В.А.* Гнёздово и Бирка [Текст]: (к проблеме становления города) / Булкин В.А., Лебедев Г.С. // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 11—17.
8. *Васильев, А.А.* История Византийской империи [Текст]. Время до Крестовых походов (до 1081 г.). 2-е изд., испр. СПб.: Алетейя, 2000. 512 с. (Византийская б-ка).
9. *Голубева, Л.А.* Топография домонгольского Киева: дис. ... канд. ист. наук. М., 1946.
10. *Голубева, Л.А.* Киевский некрополь [Текст] // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1949. № 11: Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 1. С. 103—118.
11. *Грибанова, Н.* «Втрачене» джерело про археологічні дослідження 1908—1914 рр. [Текст] // Церква Богородиці Десятинна в Києві. Київ, 1996. С. 24—28.
12. *Грушевський, М.С.* Історія України-Руси [Текст]. Львів, 1904. Т. 2.
13. *Гупало, К.М.* Дослідження Київського Подолу (1974—1975 рр.) [Текст] / Гупало К.М., Івакин Г.Ю., Сагайдак М.А. // Археологія Києва. Дослідження і матеріали. Київ, 1979. С. 38—62.
14. *Гупало, К.М.* Давньокіївський Поділ у світлі нових археологічних досліджень [Текст] / Гупало К.М., Толочко П.П. // Стародавній Київ. Київ, 1975. С. 40—79.
15. *Давидан, О.И.* К вопросу о контактах древней Ладоги со Скандинавией [Текст] // Скандинавский сборник. Таллин, 1971. [№] 16. С. 54—63.
16. *Даркевич, В.П.* Художественный металл Востока, VIII—XIII вв. [Текст]: произведение восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М.: Наука, 1976. 199 с.

17. *Елишин, Д.Д.* Раскопки Императорской Археологической комиссии в Киеве в 1908—1914 гг. [Текст]: новые архивные материалы // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. № 2, История. 2007. Вып. 4. С. 226—230.
18. *Закревский, Н.В.* Очерк истории города Киева [Текст]. Ревель: тип. насл. Линдфорса, 1836. 68 с.
19. *Зоценко, В.Н.* Скандинавские древности и топография Киева «дружинного» периода [Текст] // Ruthenica. Київ, 2003. Т. II. С. 26—52.
20. Известия Археологической комиссии [Текст]. СПб., 1908. Вып. 27. Прибавление.
21. Известия Археологической комиссии [Текст]. СПб., 1909. Вып. 32. Прибавление.
22. Известия Археологической комиссии [Текст]. СПб., 1913. Вып. 48. Прибавление.
23. *Иванцов, І.О.* Стародавній Київ [Текст]. Київ: Фенікс, 2003. 368 с.
24. *Івакін, Г.Ю.* Археологічні дослідження ділянок біля Десятинної церкви 2008 р. [Текст] / Івакін Г.Ю., Козюба В.К., Комар О.В., Манігда О.В. // Археологічні дослідження в Україні 2008 р. Київ, 2009. С. 91—92.
25. *Івакін, Г.Ю.* Розкопки 2009 р. на Старокиївській горі поблизу Десятинної церкви [Текст] / Івакін Г.Ю., Козюба В.К., Комар О.В., Манігда О.В. // Археологічні дослідження в Україні 2009 р. Київ, 2010.
26. *Карамзин, Н.М.* История государства Российского [Текст]: в 12 т. М.: Наука, 1989. Т. 1. 638 с.
27. *Каргер, М.К.* Археологические исследования древнего Киева [Текст]. Отчеты и материалы (1938—1947 гг.). Киев: Изд-во и тип. Акад. наук Укр. ССР в Львове, 1950. 252 с.
28. *Каргер, М.К.* Древний Киев [Текст]: М.; Л., 1958. Т. 1. 579 с.
29. *Каргер, М.К.* К вопросу о Киеве в VIII—IX вв. [Текст] // Краткие сообщения института истории материальной культуры. М.; Л., 1940. Вып. VI. С. 61—66.
30. *Килиевич, С.Р.* Археологічна карта Київського дитинця [Текст] / С.Р. Кілієвич // Археологічні дослідження стародавнього Києва. Київ, 1976. С. 179—213.
31. *Килиевич, С.Р.* Детинец Киева IX — первой половины XIII вв. [Текст]: Научная думка, 1982. 175 с.
32. *Ключевский, В.О.* Сочинения [Текст]. М.: Мысль, 1987. Т. 1. 431 с.
33. *Коваленко, В.П.* Археологические исследования Шестовицкого комплекса в 1998—2002 гг. [Текст] / Коваленко В.П., Моця А.П., Сытый Ю.Н. // Дружинні старожитності центрально-східної Європи VIII—XI ст. Чернівці, 2003. С. 51—83.
34. *Козюба, В.К.* Городище на Старокиївській горі [Текст] // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII—X ст. Київ, 2004. С. 139—152.
35. *Козюба, В.К.* Дослідження садибі Десятинної церкви у Києві в 1908—1914 рр. [Текст] (за матеріалами щоденників Д.В. Милеева) // Ruthenica. Київ, 2005. Т. IV. С. 169—214.
36. *Козюба, В.К.* Фотографії та малюнки розкопок В.В. Хвойки 1907—1908 гг. в садибі Петровського в Києві [Текст] // Науково-дослідницька та просвітницька діяльність Вікентія Хвойки. Трипілля, 2010.
37. *Комар, А.В.* К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева [Текст] // Ruthenica. Київ, 2005. Т. IV. С. 115—137.
38. *Комар, А.В.* Киев и Правобережное Поднепровье [Текст] // Русь в IX—X вв.: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 300—333.
39. *Комар, А.В.* Поляне и северяне [Текст] // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 2010. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. С. 128—191.
40. *Комар, А.В.* Городище «Монастырище» и древнерусский Ромен [Текст]: проблема преемственности / Комар А.В., Сухобоков О.В. // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII—X ст. Київ, 2004. С. 159—173.

41. *Корзухина, Г.Ф.* Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье [Текст]: каталог памятников // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Симферополь, 1996. Вып. 5. С. 352—435.
42. *Корзухина, Г.Ф.* Новые данные о раскопках В.В. Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве [Текст] // *Советская археология*. 1956. Т. 25. С. 318—342.
43. *Котышев, Д.М.* Начальный этап истории Киева (IX—X вв.) [Текст] // *Вестник Челябинского университета*. Сер. 1, История. 2005. № 2 (18).
44. *Кропоткин, В.В.* Клады византийских монет на территории СССР [Текст]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 64 с. (Археология СССР. Свод археол. источников; [вып.] Е 4—4).
45. *Кропоткин, В.В.* Клады римских монет в Восточной Европе [Текст] // *Вестник древней истории*. 1951. № 4. С. 241—281.
46. *Лебедев, Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе [Текст]. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. 286 с.
47. *Лебедев, Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси [Текст]. СПб.: Евразия, 2005. 639 с.
48. *Мавродин, В.В.* Ф. Энгельс об основных итогах разложения родового строя и вопрос о возникновении городов на Руси [Текст] / Мавродин В.В., Фроянов И.Я. // *Вестник Ленинградского университета*. № 20. Сер. История, язык, литература. 1970. Вып. 4. С. 7—15.
49. *Мельникова, Е.А.* Балтийская система коммуникаций в I тысячелетии н.э. [Текст] // *Древнейшие государства Восточной Европы*. М., 2010. 2009: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. С. 43—57.
50. *Мельникова, Е.А.* Возникновение Древнерусского государства и скандинавские политические образования в Западной Европе [Текст]: сравнительно-типологический аспект // *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света*. СПб., 2009. С. 89—100.
51. *Мельникова, Е.А.* Европейский контекст возникновения древнерусской государственности [Текст] // *Древнейшие государства Восточной Европы*. М., 2012. 2010: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. С. 240—269.
52. *Мельникова, Е.А.* Легенда о Кие [Текст]: о структуре и характере летописного текста // *А се его сребро: збірник праць на пошану чл.-кор. НАНУ М.Ф. Котляра з нагоди його 70-річчя*. Київ, 2002. С. 9—16.
53. *Милев, Д.В.* Раскопки на территории Десятинной церкви // *Институт рукописей НБУ им. В.И. Вернадского*. Ф. 152. № 163. Дневники I, III, VII.
54. *Михайлов, К.А.* Киевский языческий некрополь и церковь Богородицы Десятинная [Текст] // *Российская археология*. 2004. № 1. С. 35—45.
55. *Михайлов, К.А.* Сравнительная топография первых древнерусских городов IX—X вв. [Текст]: (к юбилею одной статьи) // *Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства*. Вологда, 2012.
56. *Михайлов, К.А.* Новые архивные материалы по археологическому изучению древнего Киева [Текст] / Михайлов К.А., Елшин Д.Д. // *Археологические вести*. 2004. № 11. С. 226—232.
57. *Моргунов, Ю.Ю.* Древо-земляные укрепления Южной Руси X—XIII вв. [Текст]. М.: Наука, 2009. 304 с.
58. *Моргунов, Ю.Ю.* Фортификация Южной Руси X—XIII вв. [Текст]: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06. М., 2007. 39 с.
59. *Мюле, Э.* К вопросу о начале Киева [Текст] // *Вопросы истории*. 1989. № 4. С. 118—127.

60. *Носов, Е.Н.* Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII — X в. [Текст] // Вспомогательно-исторические дисциплины. 1976. [Вып.] VIII. С. 95—110.
61. *Носов, Е.Н.* Проблема происхождения первых городов Северной Руси [Текст] // Древности Северо-Запада России: славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики. СПб., 1993. С. 59—78.
62. *Пирени, А.* Империя Карла Великого и Арабский халифат [Текст]. Конца античного мира. М.: Центрполиграф, 2011. 349, [2] с.
63. *Писаренко, Ю.* Першопчатка Києва [Текст]: наукові уявлення та народна традиція // Київська старовина. 2002. № 1. С. 24—32.
64. Розкопки в Києві на горі Кисілівці в 1940 р. [Текст] // Археологія. Київ, 1947. № 1. С. 141—151.
65. *Русанова, И.П.* Поселение у с. Корчака на р. Тетерева [Текст] // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1963. № 108. С. 39—50.
66. *Русанова, И.П.* Славянские древности VI—VII вв. [Текст]. М., 1976. 216 с.
67. *Рыбаков, Б.А.* Город Кия [Текст] // Вопросы истории. 1980. № 5. С. 31—47.
68. *Рыбаков, Б.А.* Древние русы [Текст] // Советская археология. 1953. Т. XVII. С. 23—104.
69. *Рыбаков, Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. [Текст]. М.: Наука, 1982. 590 с.
70. *Рыбаков, Б.А.* Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII века [Текст] // Вопросы истории. 1962. № 4. С. 34—57.
71. *Рыбаков, Б.А.* Первые века русской истории [Текст]. М.: Наука, 1964. 240 с.
72. *Рыбаков, Б.А.* Предпосылки образования древнерусского государства [Текст] // Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР, III—IX вв. М., 1958. С. 733—878 (Гл. 7).
73. *Сагайдак, М.А.* Актуальні питання зародження та формування раннього Києва [Текст] // Магістеріум: археологічні студії. 2001. Вип. 6.
74. *Соловьев, С.М.* Сочинения [Текст]. М.: Мысль, 1987. Кн. 1. 798 с.
75. *Тихомиров, М.Н.* Древнерусские города [Текст]. Изд. 2-е, доп. и перераб. М.: Госполитиздат, 1956. 477 с.
76. *Толочко, П.П.* Древний Киев [Текст]. Киев: Наукова думка, 1976. 207 с.
77. *Толочко, П.П.* Историческая топография раннего Киева [Текст]: реальная и вымышленная // Ruthenica. Київ, 2009. Т. VIII. С. 151—183.
78. *Толочко, П.П.* Исторична топографія стародавнього Києва [Текст]. Київ, 1970. 219 с.
79. *Толочко, П.П.* Массовая застройка Киева X—XIII вв. [Текст] // Древнерусские города. М., 1981. С. 63—94.
80. *Толочко, П.П.* Происхождение и раннее развитие Киева [Текст]: (к 1500-летию со дня основания) // История СССР. 1982. № 1. С. 39—49.
81. *Толочко, П.П.* Происхождение и ранние этапы истории древнего Киева // Новое в археологии Киева. Киев. 1981. С. 43—47.
82. *Толочко, П.П.* Раскопки древнего Киева [Текст] // Декоративное искусство СССР. 1972. № 1. С. 54—56.
83. *Толочко, П.П.* Розкопки Києвоподолу 1973 р. [Текст] / Толочко П.П., Гупало К.М., Харламов В.О. // Археологічні дослідження стародавнього Києва. Київ, 1976. С. 19—46.
84. *Толочко, П.П.* Новые исследования Старокиевской горы [Текст] / Толочко П.П., Кириличев С.Р. // Археологические исследования на Украине. Київ, 1967. Вып. 1: ... в 1965—1966 гг. С. 19—46.
85. *Третьяков, П.Н.* Восточнославянские племена [Текст]. Изд. 2-е, перераб. и расшир. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 312 с.

86. *Третьяков, П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге [Текст]. М.; Л.: Наука [Ленингр. отд-ние], 1966. 308 с.
87. *Удальцова, З.В.* Древняя Русь — зона встречи цивилизаций [Текст] / Удальцова З.В., Шапов Я.Н., Гутнова Е.В., Новосельцев А.П. // Вопросы истории. 1980. № 7. С. 41—60.
88. *Харламов, В.А.* Исследования на Замковой горе в Киеве [Текст] // Археологические открытия 1977 года. М., 1978. С. 396.
89. *Шовкопляс, А.М.* Раннеславянская керамика с горы Киселевки в Киеве [Текст] // Славяне накануне образования Киевской Руси. М., 1963. С. 138—144. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 108).
90. *Шовкопляс, А.М.* Славянская керамика VII—IX вв. [Текст] // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Киев, 1959. 8. С. 138—144.
91. *Louth, A.* Justinian and his Legacy (500—600) [Text] // The Cambridge History of the Byzantine Empire (500—1492). Cambridge, 2008. P. 97—127.
92. *McCormick, M.* Origins of the European Economy [Text]. Communications and Commerce, A.D. 300—900. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2001. XXVIII, 1101 p.
93. *Treadgold, W.T.* A History of the Byzantine State and Society [Text]. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1997. XXIII, 1019 p.

Б.И. Чибисов

ИЗБРАНИЕ ЕПИСКОПОВ НА РУСИ: КАНОНЫ И ПРАКТИКА (XII — первая треть XV в.)

Данная статья посвящена соотношению канонов и церковной практики избрания древнерусских иерархов. Особое внимание уделено моделям архиерейского избрания, существовавшим в различных регионах Руси. Показано, что периодическое появление на Руси сборников церковных канонов и византийского законодательства о Церкви, утверждающих право митрополита на единоличное избрание епископов, стало своего рода борьбой митрополитов как за каноничность и чистоту церковной практики, так и за целостность Киевской митрополии.

Ключевые слова: каноническое право; Кормчая книга; иерархия; епископ.

Boris Igorevich Chibisov

The election of bishops in Rus': canons and practice (XII — the first third of the XVth century)

The article focuses on the relation of church canons and practice of electing bishops. Special attention is paid to the models of episcopal election that existed in different regions of Russia. The author shows that periodic appearance of collections of church canons and Byzantine legislation on church in Russia, claiming the personal right of metropolitan to elect bishops, became a kind of struggle of metropolitans for the canonicity and purity of church practice, and for the unity of the Kiev Metropolis.

Keywords: canon law; The Kormchaya Book; hierarchy; bishop.

Период середины XIV — первой трети XV в. в истории Русской митрополии был отмечен рядом административных разделений, имевших существенное значение для судеб митрополии и входивших в нее епархий. В это время единая митрополия несколько раз оказывалась расколотой на части, что нашло отражение в титуле митрополита: в конце XIV в. он стал именоваться «митрополитом Киевским и всея Руси». Одной из причин кризисных явлений, как можно понять, например, из посланий митрополита Фотия западно-русскому епископату, было несоблюдение канонов, касающихся избрания и хиротонии церковных иерархов. Не кажется случайным в данной связи, что именно в конце XIV — первой четверти XV в. митрополитами Киприаном и Фотием были предприняты шаги по реформированию внутренней жизни Русской митрополии. В связи со сказанным следует задать следующий центральный вопрос: какой была практика избрания и поставления иерархов на Руси?

В историографии вопрос практики избрания архиереев на Руси представлен широким кругом научных работ. Митрополит Макарий (Булгаков) отметил, что Новгородский архиепископ избирался на вече посредством жребия. Жеребьевка применялась тогда, когда вече не могло прийти к единогласному решению о кандидатуре будущего архиерея [14, с. 399]. Этой точке зрения следовали в своих работах А.З. Неселовский [20] и А.И. Никитский [21]. В епархиях Северо-Восточной Руси владыки могли избираться в XI—XV вв. следующими способами: 1) по прямому указанию князя; 2) по взаимному соглашению князя и народа; 3) по прямому указанию митрополита; 4) по взаимному соглашению митрополита и собора епископов [15, с. 217].

Прот. И. Мейендорф отмечал наличие черт законодательства Юстиниана о церкви в процедуре избрания новгородского иерарха, что выразилось в избрании архиепископа светскими лицами на «вече» [17, с. 102—106]. В.Ф. Андреев показал, что избрание архиепископа Новгородского всегда происходило в два этапа: сначала новгородцы на «вече» избирали трех кандидатов на кафедру, а после проводили жеребьевку на престоле Софийского собора [1, с. 98—115]. Исследованию вопроса избрания новгородским архиереем Василия (Калики) посвящена работа Мацуки Ейзо. Автор выдвинул осторожное суждение: возможно, все архиепископы Великого Новгорода проходили через жеребьевку на престоле Софийского собора [16, с. 208]. М.В. Печников отметил постепенное складывание и неустойчивость традиции участия всех полноправных новгородцев в избрании ставленника, а также обязательность (за рядом исключений) жеребьевки на престоле Св. Софии [24]. Среди зарубежных работ, посвященных избранию епископов в Великом Новгороде, необходимо отметить статью М. Пола (Michael S. Paul), в которой автор критиковал использование термина «вече» по отношению к избранию Новгородских владык [41].

Избранию епископов не в Новгороде уделено намного меньше внимания. Помимо митрополита Макария данного вопроса касались в своих работах Е.Е. Голубинский и И.Я. Фроянов. С точки зрения Е.Е. Голубинского, во второй половине домонгольского периода кандидатов в епископы избирали удельные князья; после нашествия монголов право избрания кандидатов в епископы оставалось у митрополитов, однако последние находились в зависимости от князей [5, с. 360—363]. И.Я. Фроянов полагал, что новгородцы участвовали как в избрании, так и в смещении епископов [37, с. 135—137]. Данная точка зрения вызывает множество споров (в частности, с И.Я. Фрояновым полемизировал Мацуки Ейзо).

В числе актуальных направлений исследований российской исторической науки является формирование и развитие церковной административной структуры в Древней Руси. Значительный вклад в изучение проблемы сделали А.В. Назаренко [18], Б.Н. Флоря [19], Ф.А. Успенский [36], Б.В. Кричевский [11; 12], П.И. Гайденок, Т.Ю. Фомина [4]. Надо отметить, что при столь значительном количестве научных исследований по истории Русской православной церкви, административная сторона митрополичьей власти на Руси изучена в недостаточной степени. Однако существует возможность анализа канонических установлений, отраженных в Кормчих книгах, и их сопоставление со сведениями об избрании епископов.

Кормчие книги (в греческом варианте — Νομοκανὼν или Σύνταγμα) были основой административной власти иерархов на Руси. Известен древнерусский список древнейшего славянского перевода Синтагмы патриарха Фотия — Ефремовская Кормчая (XII в.). Была опубликована Кормчая книга Мазуринской редакции времени митрополитов Киприана и Фотия, что сделало возможным более глубокое исследование данного вопроса как на уровне каноническом, так и церковно-практическом. Неопубликованными остаются Новгородская Синодальная Кормчая книга (1282 г.) и Рашская Кормчая книга (1305 г.), а также другие Кормчие, отражающие новый славянский перевод Номоканона, который был переработан в Византии в первой четверти — середине XII в. в связи с необходимостью обновления содержащихся в нем норм. Сопоставление установлений этих Кормчих книг позволяет определить эволюцию канонов относительно избрания и поставления иерархов. Эти сведения необходимо сопоставить с данными об избрании епископов на Руси.

Церковная *potestas jurisdictionis* (или административная власть) включает в себя такой элемент, как замещение высших церковных должностей. Теоретически, процедура поставления епископов на кафедры в Киевской митрополии должна была меняться вместе с изменением содержания Кормчих книг. Как известно, византийское каноническое право в Древней Руси постоянно претерпевало изменения, что выразилось в бытовании в Русской митрополии нескольких редакций и списков Кормчих. Перед тем, как приступить к изучению Кормчих книг, необходимо отметить, что каноническое право есть система в целом консервативная, с трудом поддающаяся изменениям. По этой причине следует задать следующие вопросы: 1) каково было восприятие, понимание церковных канонов и их языка на Руси исходя из переводов Кормчих книг с греческого языка оригинала? менялось ли оно с течением времени? 2) Если канониче-

ская база в принципе консервативна и в целом неизменна, то как это могло способствовать церковным реформам? имели ли здесь место появление действительно новых канонов, не существовавших ранее в текстах Кормчих книг, а также новая интерпретация канонов (т.е. толкования)? Для ответа на эти вопросы необходимо сравнить разные редакции и списки Кормчих книг, бытовавших на Руси с XII по начало XV в. По сути, вопрос сводится к следующему: как Кормчие разных редакций решают вопрос избрания и поставления архиерея?

Наиболее ранней редакцией Кормчей книги древнеславянской редакции является Ефремовская, дошедшая до нас в Ефремовском списке XII в. В этой Кормчей хронологические рамки процедуры поставления епископа ограничиваются 25 правилом Халкидонского собора, в соответствии с которым епископ для вдовствующей кафедры должен быть рукоположен в течение трех месяцев, исключая случаи «неизбежной необходимости» [2, с. 123]. В течение этого времени митрополит обязан созвать собор епископов, послав им грамоты с призывом явиться в назначенное время и место. Если епископ по длительности пути или иным уважительным причинам не имеет возможности прибыть на собор, то тогда он посылает митрополиту грамоту, в которой заочно заранее соглашается с выбором того кандидата в епископы, которого изберет собор. Если епископ имеет возможность приехать на собор, но задерживается, то собору рекомендуется ждать, если возможно, прибытия епископа. Далее происходит сама процедура избрания ставленника: что интересно, в Кормчей не оговаривается число избираемых кандидатов. Исходя из 19 правила Антиохийского собора, решение об избрании кандидата принимается большинством голосов епископов (даже в том случае, если возникнут прения по этому вопросу). Заключительная фраза 4 правила Первого Никейского собора в Ефремовской Кормчей буквально говорит о том, что «придание силы бываемому / *происходящему* в каждой области принадлежит митрополиту» (курсив наш. — Б. Ч.) [2, с. 85]. Итак, по тексту канонов Ефремовской Кормчей избрание епископа одноступенчато: оно производится общим голосованием епископов и только утверждается митрополитом.

В Ефремовской Кормчей отсутствуют толкования канонов. Это создавало условия, когда канон, изложенный в краткой форме, мог быть истолкован по-разному. В данной связи небезынтересно понять, какое понимание языка византийских канонов иллюстрирует славянский перевод древнегреческого текста. Известен и опубликован древнегреческий оригинал только Ефремовской Кормчей. Греческий текст для обозначения этапов поставления епископа использует несколько глаголов: «ψηφίζομαι» — «избирать (посред-

ством голосования)», «καθίστημι» — собственно «поставлять» и «χειροτονέω» — «рукополагать». Глагол «ψηφίζομαι» — наиболее редкий и упоминается, например, в 3 правиле VII Вселенского собора. Второй по степени частоты глагол — «καθίστημι» — употребляется в большем числе правил, например — в 4 каноне Первого Никейского собора и 23 каноне Антиохийского. Глагол «χειροτονέω» употребляется наиболее часто, причем в греческом тексте он является двусмысленным: он обозначает как собственно рукоположение, так и связку из избрания ставленника и его рукоположения.

Важно то, что текст славянского перевода Кормчей имеет лишь один славянский аналог трем вышеназванным глаголам — «поставляти», и при этом, что существенно, перевод трех греческих глаголов одним славянским глаголом характерен для всех исследованных текстов Кормчих книг. Подобная лингвистическая путаница должна была накладывать отпечаток как на понимание канонического порядка избрания и рукоположения епископа, так и на всю церковную практику. Например, считалось ли на Руси каноничным простое избрание епископа без его рукоположения, ведь и первое, и второе суть «поставления»?

Другой проблемой является сосуществование в текстах Кормчих книг противоречащих друг другу правил. Это каноны, связанные с участием светских лиц (простых мирян и правителей) в избрании епископов. Так, противоречат друг другу 30 апостольское правило, 3 правило VII Вселенского собора и СХХIII новелла Юстиниана. Согласно последней, при необходимости поставить епископа клирики и первые лица кафедрального города собираются для избрания кандидата и клянутся при Евангелии в том, что они творят избрание не по причине обещания, награды или личной симпатии. Известно, что число избираемых ограничивается тремя, причем лучшего из них избирает «поставляющий» (т.е. «рукополагающий») [2, с. 801]. По всей видимости, речь может идти о патриархе, митрополите или архиепископе церковной области.

Иную линию в вопросе избрания епископов представляют Новгородский Синодальный список Кормчей 1282 г., Рашский список Сербской редакции, датируемый 1305 г., и Мазуринская редакция Кормчей книги, о которой следует сказать подробнее. Появление последней на Руси является проявлением «второго южнославянского влияния». Мазуринская Кормчая включает в себя несколько списков, однако для исследования интересны только Мазуринский список третьей четверти XIV в. и Чудовский список, который датируется по водяным знакам 1400—1413 гг. [13, с. 55]. Оба списка по времени выпадают на период правления митрополитов Киприана и Фотия.

Данные редакции и списки Кормчей объединяет наличие в них толкований. Подобное обстоятельство обусловлено восхождением всех этих Кормчих к переводу Номоканона («Синописиса канонов Стефана Ефесского»), заказанного Саввой Сербским; эта новая редакция византийского Номоканона имела толкования, разработанные византийским канонистом Алексеем Аристином. Именно толкование Аристина к размытому по смыслу правилу 4 Первого Никейского собора определяет установление двухступенчатой процедуры избрания епископа. Теперь фраза «придание силы происходящему в каждой области принадлежит митрополиту» стала пониматься следующим образом: после того, как епископы являются на собор, они избирают из числа достойных лиц двоих или троих кандидатов. Однако последнее слово остается за митрополитом: он единолично избирает в епископы того кандидата, который ему угоден [13, с. 128; 22, л. 59; 32, л. 69].

Итак, по сравнению с более ранней древнеславянской (Ефремовской) Кормчей, в новой Кормчей книге (Новгородская, Рашская и Мазуринская) были определены и закреплены в канонической форме полномочия и функции митрополита — не только присутствие на избрании вместе с подчиненными ему епископами (как неотъемлемое условие каноничности избрания), но и единоличное избрание угодного ему кандидата и его последующее рукоположение.

При этом в Мазуринской Кормчей все же сохраняется новелла Юстиниана, устанавливающая процедуру предызбрания ставленника светскими лицами. Таким образом, имеем следующую картину: в последней четверти XIII в. в системе древнерусского канонического права появляются Кормчие книги, *de jure* устанавливающие монополию митрополита на избрание епископа. Чем могло быть это вызвано? И как это сказалось на внутренней жизни самой митрополии, которая в XIV в., как отмечалось выше, пережила целый ряд серьезных разделений? Пожалуй, здесь следует перейти к общему состоянию церковной практики избрания епископов на Руси в XII — первой трети XV в. На материалах древнерусских источников можно увидеть различные способы и процедуры избрания архиереев.

Хорошо известен порядок избрания епископа в Великом Новгороде. Первое подробное описание этой процедуры содержится в Новгородской I летописи (далее — НЛ) в статье 6701 (1193/1194) г. Среди лиц, принимавших участие в избрании нового архиепископа (это: «новгородци с князем Ярославом», черное и белое духовенство), не оказалось единства во мнении о кандидатуре нового владыки. Тогда было принято решение проводить избрание по жребию: имена кандидатов написали на жребиях, из которых слепец, по-

сланный с «веча», вынул первым жребий Мартирия [27, с. 232]. Подобное описание процедуры находим в статьях 6867 (1359/1360) г. (избрание архиепископа Алексия) и 6896 (1388/1389) г. (избрание владыки Иоанна), с одной лишь разницей: во втором случае избранным считался тот, чей жребий оставался на паперти [27, с. 365, 381—382]. Без подобных тонкостей, но всегда достаточно емко об избрании в Новгороде архиепископа клиром и народом говорится в любом другом случае: «волею Божиею възлюби и князь Мьстиславъ и вси новгородци» [27, с. 52], «Новгородци же вси... възлюбиша Богомъ избрана... Давыда...» [27, с. 92], «възлюбиша вси Богомъ назнаменана Моисия...» [27, с. 97], «възлюбиша всь Новъгород... Богомъ назнаменана Григорья Кальку...» [27, с. 99].

В 6923 (1415/16) г. новгородцы «по обычаю», — положив жребии на престол Софийского собора, — избрали владыку Самсона [27, с. 405]. Рукоположен он был в 6924 (1416/17) г. митрополитом Фотием в присутствии пяти епископов [27, с. 406]. В 6929 (1421/22) г. вновь «по обычаю» был избран Феодосий, в 6932 (1424/25) г. по жребию избрали Емельяна, который после хиротонии у митрополита стал архиепископом Евфимием I. 13 ноября 1429 г. «по жребию» был избран Евфимий II [27, с. 14—415]. После избрания в Новгороде новопоставленный владыка, иногда даже благословленный после избрания своим предшественником [27, с. 92, 322], ехал на хиротонию к митрополиту. На избрание владыки, таким образом, митрополит не оказывал решающего влияния.

Об избрании владыки Василия (Калики) имеются два сообщения: по летописным данным, он был избран в Новгороде в январе 1330 г., а затем весной ездил на хиротонию к митрополиту Феогносту на Вольтынь; по данным же греческих записей канцелярии митрополита Феогноста, Василий (Калика) на Вольтыни вошел в число трех кандидатов по решению архиерейского собора, а затем из их числа был избран единолично митрополитом Феогностом [3, с. 452]. В данном случае показания источников не являются противоречивыми, а дополняют друг друга: вполне обоснованно говорить о «народном предызбрании», а затем и формальном избрании ставленника митрополитом, что полностью соответствует византийской практике [39, р. 535; 40, р. 345—346].

Итак, с 1156 г. (первого самостоятельного избрания новгородцами архиерея) до 1359 г. избрание Новгородского архиепископа по жребию было исключением, а не правилом. Как утверждал М. Пол, выборы архиепископа как единогласно на «вече», так и по жребию показывают, что до второй половины XIV в., во-первых, не было согласованного и отлаженного механизма избрания новгородского архиерея и,

во-вторых, имела место поляризованность политической ситуации в Новгороде, что приводило к конфликтам сторон при избрании архиепископа и необходимости в подобных случаях использовать жеребьевку. Что касается термина «вече», упоминаемого при избрании архиепископа, то его следует понимать исключительно условно [41].

После 1359 г. использование жребия стало систематическим и несколько изменилось в плане процедуры. До 1359 г. преобладала следующая процедура жеребьевки: вначале новгородцы с духовенством избирали трех кандидатов, а затем после литургии в Софийском соборе слепец или ребенок вытягивал жребий. Избранным считался тот кандидат, жребий которого выпадал первым. С 1359 г. в летописи говорится об изменениях в жеребьевке: теперь избранным владыкой считался тот, чей жребий оставался на престоле кафедрального собора после того, как протоиерей святой Софии поочередно выносил два предыдущих жребия. О том, что предварительно избирались три кандидата, можно судить только из поздних записей, например 1359, 1388, 1415 гг. (по НЛ младшего извода). Как избирали кандидатов для жеребьевки, остается неизвестным. В этом случае вполне адекватной представляется точка зрения В.Ф. Андреева, который предположил, что кандидаты для жеребьевки предварительно избирались на «вече» [1, с. 98—100]. Иными словами, в общей сложности избрание иерарха для Новгорода могло состоять из трех ступеней: «вечевого», народного избрания кандидатов, жеребьевки и митрополичьего избрания. Однако говорить об этом как о процедуре нельзя, как нельзя говорить и о соответствии новгородской практики новеллам Юстиниана.

Интерес представляют сроки, в течение которых совершалась хиротония ставленников. Так, в 1194 г. умер архиепископ Гавриил; вскоре после его погребения, видимо, в конце мая или начале июня, был избран новый архиепископ — Мартирий. Рукоположен он был митрополитом только 10 декабря [27, с. 40]. В 1200 г., 24 августа, скончался владыка Мартирий; вскоре снова был избран архиепископ — им оказался Митрофан, рукоположенный лишь 3 июля 1201 г. [27, с. 45]. У летописца такие длительные сроки пребывания ставленника без рукоположения нисколько не вызвали недоумения. Есть один случай за весь исследуемый период, когда летописец выразил свою «тревогу» по этому поводу. В 1330 г., после пострижения в схиму архиепископа Моисея, Новгород пребывал без архиепископа восемь месяцев: летописец повествует, что в это время новгородцы «мно-го гадали», желая избрать нового владыку. Спокойствие наступило только тогда, когда нашелся достойный кандидат — Григорий Калика. Почему все-таки новгородцев заботило больше не фактическое отсутствие сана у избранного архиепископа, а отсутствие подходя-

щего кандидата? Можно объяснить это тем, что новгородцы осознавали, что рукоположение по объективным причинам не может быть совершено ранее в силу занятости митрополита и дальности пути — эта причина была оправдана канонически. Из-за этого, как может показаться, новгородцев больше волновало скорейшее избрание, нежели рукоположение ставленника. Таким образом, в Новгороде было заметно беспокойство лишь тогда, когда не удавалось решить ту проблему, которая могла быть устранена, пожалуй, без особых усилий. Исходя из особенностей поставления архиепископов в Новгороде можно заметить следующее: новоизбранный владыка сразу после избрания вводился в архиерейский двор, следовательно, наделялся полнотой архиерейской административной власти еще до рукоположения. Это можно объяснить и пониманием языка канонического права. Дело в том, что, как уже было сказано выше, для греческого языка канонов избрание и рукоположение епископа представляли собой разные процедуры. Для славянского языка между первым и вторым не было коренной разницы по значению. Избрание и хиротония ставленника выражаются одним словом — «поставление». Поэтому рукоположение новгородского архиепископа осознавалось только как дополнение к уже осуществившемуся «поставлению», а само избрание Новгородского владыки имело огромное значение, не меньшее, чем само таинство рукоположения.

На материалах летописей и древнерусской агиографии можно наблюдать иные варианты избрания епископов. Краткие известия о поставлении епископов в Ростово-Суздальской епархии позволяют сделать вывод о том, что: 1) в большинстве случаев здесь епископов избирал не митрополит с собором епископов, а Киевский или удельный князь, причем ставленник мог быть духовником последнего; 2) удельные князья не обладали полным правом избрания епископов; в некоторой степени они зависели от митрополита и Киевского князя [7, с. 95; 8, с. 254—255; 25, стб. 390—391, 408, 438, 456]. Есть, правда, случаи, когда князья поставляли епископов на кафедры без ведома Киевского князя и/или митрополита [25, стб. 414; 26, стб. 666]. При избрании тверских архиереев прослеживается значительное влияние как самого тверского князя, так и боярских группировок [23, с. 13]. Степень этого влияния иллюстрирует ситуация с низложением Евфимия Висленя и поставлением Арсения на Тверскую кафедру по инициативе князя [29, с. 124—125; 30, стб. 444].

Кирилл Туровский, согласно житию, «оумоленьем князя и людьми того град(а) възведенъ быс(ть) на стол еп(и)с(ко)пский и от митрополита поставленъ быс(ть) еп(и)с(ко)помъ граду Турову» [9, с. 351]. Нет возможности определить ни форму, ни степень участия правоспо-

собного населения в поставлении на кафедру архиерея. Здесь важно заметить, что точка зрения И.Я. Фроянова о постоянном и систематическом участии правоспособного населения в избрании епископов не имеет в своей основе твердых доказательств. В пользу данной точки зрения нельзя использовать единичные свидетельства источников (одно из них вообще вложено в уста князя) [26, стб. 629].

Ряд свидетельств об избрании архиереев более информативен. В 1330 г. во Владимире Волынском митрополит Феогност рукоположил Феодора I на Тверскую кафедру [28, с. 203; 30, стб. 45]. Одна из греческих записей канцелярии митрополита Феогноста посвящена избранию епископа Феодора: «Месяца марта... лета 6838 (1329/30)... происходило избрание богоспасаемого града Твери. В присутствии и боголюбимейших епископов: Антония Ростовского и Даниила Суздальского, при согласии и прочих епископов — были предызбраны три достойных лица по чину каноническому: иеромонах Лаврентий, иеромонах Феодор и иеромонах Ефрем; предпочтенный и выбранный иеромонах Феодор рукоположен был во епископа Твери» [3, с. 452]. Имя епископа Феодора фигурирует в записи от 1334 г., где владыка входил в список епископов, избиравших Сарайского архиерея [3, с. 451]. Таким образом, записи из канцелярии митрополита Феогноста проясняют краткие сведения летописей и показывают, что избрание епископа Феодора происходило в соответствии с нормами канонического права.

После кончины в 1342 г. епископа Феодора Тверскую кафедру занял епископ Феодор II, также рукоположенный митрополитом Феогностом [30, стб. 55]. В записях канцелярии последнего не сохранилось данных об избрании Феодора II, но его имя зафиксировано в записи № 9, которая сообщает, что «августа месяца, индикта 15, лета 6855 (1347)... предызбран и рукоположен иеромонах Нафанаил в Суздаль в присутствии и боголюбимейших епископов Иоанна Ростовского и Феодора Тверскаго» [3, с. 451]. Можно предположить, что и Феодор II был избран по канонам митрополитом Феогностом.

Зимой 1382—1383 г. в Москву прибыл Стефан Пермский с целью просить у митрополита Пимена поставить новопросвещенной пастве епископа. Митрополит Пимен «прилѣжно думаше и гадаше, и скаше и пыташе, кого изыскати, избобрѣсти и избрати, и поставити, и послати епископа в Пермь, и како достоит епископу быти и какову подобает ему достоинством быти». Можно считать, что митрополит совершал избрание епископа на соборе, хотя и специфическом: помимо архиереев здесь участвовали клирики, «старцы» и «книжники». Митрополит отклонил все предложенные ему кандидатуры, сославшись на то, что он находит только Стефана достойным став-

ленником [35]. Здесь представлен тот случай, когда митрополит единолично избрал и назначил кандидата на кафедру, причем того кандидата, чью персону никто кроме митрополита не предлагал. Митрополит Пимен не столкнулся здесь с мнением великого князя Дмитрия Ивановича: этому способствовало то, что великий князь также склонялся к кандидатуре Стефана.

В феврале 1411 г., почти два года спустя после смерти Арсения Тверского, был рукоположен новый епископ — Антоний [30, стб. 186]. Подробные сведения о его поставлении присутствуют только в Белорусской I летописи и отсутствуют в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду, что позволило М.А. Шибаеву допустить существование краткого летописца, принадлежащего митрополиту Фотию, скопированного или оставленного в Литве [38, с. 91, 93]. После приезда митрополита Фотия в Тверь было избрано два кандидата (правда, неизвестно, кем именно), а имена их, написанные на жребиях, были помещены на престол кафедрального собора. Затем «слоужиль владыка Митрофанъ Соуздальскый по митрополичю словоу и благословению в соборной церкви, во светомъ Спасе и отсоуживъ обедню, таки в ризахъ взялъ одинъ жребии и принесъ къ митрополиту... и распечатавши жребии и обретеса жребии Антонеев» [31, стб. 54]. Несмотря на то, что тверичи не желали видеть Антония на своей кафедре, последний все-таки был рукоположен в епископа. Э. Клюг полагал, что недовольство тверичей и тот факт, что Тверская кафедра оставалась вакантной около двух лет, может объясняться разногласиями относительно способа избрания владыки [10, с. 269, 278]. Надо полагать, дело заключалось в избрании определенной кандидатуры: Антоний из Москвы был конкурентом Парфения, настоятеля тверского Феодоровского монастыря. Тверичи, видимо, требовали хиротонии своего ставленника без каких-либо дополнительных процедур, что не отвечало интересам митрополита. Поскольку Фотий не мог вступать в прямой конфликт, он предпочел жеребьевку при избрании архиерея как способ достижения компромисса.

Ситуация стала меняться позднее: в 1420 г. митрополит Фотий составил «Послание о соединении митрополии Киевской и Московской». После краткой преамбулы митрополит писал: «...яз по благодати, данной ми от Пресвятого и Живоначялнаго Духа, избрах со еже о нас священнымъ зборомъ свящеинейшихъ архиепископ и епископъ священноинока имярек и поставих его епископа в святейшую епископию богоспасаемаго града Володимерея и на весь предел тоя епископии» [34, с. 132]. Судя по тексту, епископа Владимирского и Берестейского избрал сам митрополит, а собор архиереев совершал предызбрание. Право митрополита на единоличное избрание став-

ленника было окончательно закреплено в чине избрания епископов 1423 г. [33, стб. 437]. Важно заметить, что текст более раннего источника — чина архиерейской хиротонии XIV в. — о правах митрополита умалчивает [6]. Приведенная выше цитата представляет собой «формуляр», канцелярский штамп, из чего следуют два вывода: во-первых, фразы-штампы говорят о распространенности документов подобного рода и обыденности ситуации, о которой говорится в документе; во-вторых, именно формуляры, скорее всего, вошли в теоретическую базу составления «Чина избрания и поставления епископов» 1423 г. Таким образом, в первой половине 20-х годов XV в. происходит изменение церковной практики в сфере избрания и поставления епископов Русской митрополии.

С формальной точки зрения в Киевской митрополии вплоть до начала XV в. наблюдается контраст церковных канонов и практики избрания епископов. Это приводит к мысли о том, что практика, основанная на Ефремовской Кормчей, позволявшая свободное (в рамках правил соборов и святых отцов) толкование норм и поэтому не имевшая четких предписаний, оставалась устойчивой даже в условиях появления новых Кормчих книг. Далеко не случайным представляется появление в конце XIV в. на Руси Кормчей книги Мазуринской редакции: Сербская редакция, появившаяся на Руси еще в последней четверти XIII в., воспринята не была. Путем повторного обновления церковного права митрополиты Киприан и Фотий стремились вытеснить из церковной жизни Русской митрополии практику избрания архиереев, которая уже не отвечала букве канона. Вполне обоснованно полагать, что периодическое появление на Руси сборников церковных канонов и византийского законодательства о Церкви, утверждавших право митрополита на единоличное избрание епископов, стало своего рода борьбой митрополитов не только за каноничность и чистоту церковной практики, но и за целостность Киевской митрополии.

1. *Андреев, В.Ф.* Северный страж Руси [Текст]: очерки истории средневекового Новгорода. Л.: Лениздат, 1989. 192 с.
2. *Бенешевич, В.Н.* Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований [Текст]: в 2 т. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1906. Т. 1. 840 с.
3. *Васильевский, В.Г.* Записи о поставлении русских епископов при митрополите Феофане в Ватиканском греческом сборнике [Текст] // Журнал Министерства народного просвещения. 1888. Ч. 255. С. 445—464.
4. *Гайденок, П.И.* Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы [Текст] / Гайденок П.И., Москалева Л.А., Фомина Т.Ю. М.: Университет. кн., 2013. 150 с.
5. *Голубинский, Е.Е.* История Русской церкви [Текст]: в 4 т. М.: О-во любителей церковной истории, 2002. Т. 1, ч. 1. 966 с.

6. *Желтов, М., диакон.* Чины рукоположений по древнейшему славянскому списку [Текст]: рукопись РНБ. Соф. 1056, XIV в. // Вестник ПСТГУ I: Богословие и философия. 2005. Вып. 14. С. 147—157.
7. Житие преподобного отца нашего Феодосия игумена Печерского [Текст] // Успенский сборник XII—XIII вв. М.: Наука, 1971. С. 71—135.
8. Житие и жизнь святого отца нашего Исайи епископа Ростовского чудотворца [Текст] // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2003. Т. 12. С. 254—261.
9. Житие свт. Кирилла, епископа Туровского [Текст] // *Лосева, О.В.* Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII — первой трети XV в. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. С. 350—354.
10. *Клюг, Эккехард.* Княжество Тверское (1247—1485) [Текст]: Тверь: [Б.и.], 1994. 432 с.
11. *Кричевский, Б.В.* Митрополичья власть в средневековой Руси [Текст]. СПб.: Искусство-СПБ, 2003. 262 с.
12. *Кричевский, Б.В.* Русские митрополиты [Текст]: церковь и власть (XIV век). СПб.: СПбГУПМ, 1996. 204 с.
13. Мазуринская кормчая [Текст]. Памятник межславянских культурных связей XIV—XVI вв.: Исследование. Тексты. М.: Индрик, 2002. 837 с.
14. *Макарий, (Булаков),* митрополит. История Русской Церкви [Текст]: в 9 кн. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1995. Кн. 2. 702 с.
15. *Макарий, (Булаков), митрополит.* История Русской Церкви [Текст]: в 9 кн. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1995. Кн. 3. 702 с.
16. *Мацуки, Ейзо.* Избрание и поставление Василия Калики на новгородское владычество в 1330—1331 гг. [Текст] // Великий Новгород в истории средневековой Европы: сб. ст. М.: Рус. словари, 1999. С. 207—217.
17. *Мейендорф, И., протоиерей.* Византия и Московская Русь [Текст]: очерк по истории церковных и культурных связей в XIV в. М.: УМСА-Press, 1990. 442 с.
18. *Назаренко, А.В.* Русская Церковь в X — 1-й трети XV в. [Текст] // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000. [Ненумер. том]: Русская православная церковь. С. 38—61.
19. *Назаренко, А.В.* Галицкая епархия [Текст] / Назаренко А.В., Флоря Б.Н. // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005. Т. 10: Второзаконие—Георгий. С. 322—328.
20. *Неселовский, А.З.* Чины хиротесий и хиротоний [Текст]: опыт историко-археологического исследования. Каменец-Подольск: тип. С.П. Киржацкого, 1906. 375 с.
21. *Никитский, А.И.* Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде [Текст] // Журнал Министерства народного просвещения. 1879. Ч. 202. С. 1—66.
22. Новгородская Синодальная кормчая // ОР ГИМ. Син. 132. 631 л.
23. *Первухин, Г.П., прот.* О тверских иерархах [Текст]. Тверь: типо-литография Н.М. Родионова, 1901. 175 с.
24. *Печников, М.В.* Новгородцы и кафедра Святой Софии в середине XII—XIII веках [Текст] // Средневековая Русь. 2011. № 9. С. 7—49.
25. Полное собрание русских летописей [Текст]. Л.: АН СССР, 1927. Т. 1: Лаврентьевская летопись, вып. 2: Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. 488 стб.
26. Полное собрание русских летописей [Текст]. М.: Языки рус. культуры, 1998. Т. 2: Ипатьевская летопись. 938 стб.
27. Полное собрание русских летописей [Текст]. М.: Языки рус. культуры, 2000. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. 720 с.

28. Полное собрание русских летописей [Текст]. СПб.: тип. М-ва Внутр. дел, 1885. Т. 10: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. 244 с.
29. Полное собрание русских летописей [Текст]. СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1897. Т. 11: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. 254 с.
30. Полное собрание русских летописей [Текст]. М.: Языки рус. культуры, 2000. Т. 15: Рогожский летописец. Тверской сборник. 186, 504 стб.
31. Полное собрание русских летописей [Текст]. СПб.: тип. М.А. Александрова, 1907. Т. 17: Западнорусские летописи. 648 с.
32. Рашская кормчая // ОР ГИМ. Воскр. 29. 398 л.
33. Русская историческая библиотека [Текст]: в 6 т. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1908. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: (Памятники XI—XV в.). 2-е изд. XVIII, 930, 446, 71 стб.
34. Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века [Текст]. М.: Языки славянских культур, 2008. 552 с.
35. Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего епископом в Перми, оставленное преподобным во священноиноках отцом нашим Епифанием [Текст] // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2003. Т. 12. С. 144—232.
36. *Успенский, Б.А.* Царь и патриарх [Текст]: харизма власти в России. М.: Языки рус. культуры, 1998. 680 с.
37. *Фроянов, И.Я.* Киевская Русь [Текст]: очерки соц.-полит. истории. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. 256 с.
38. *Шибяев, М.А.* Владимирский полихрон и Новгородско-Софийский свод [Текст] // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 2 (48). С. 83—95.
39. Acta et diplomata Graeca medii aevi sacra et profana [Text]: in 6 vol. Vindobonae: Carolus Gerold, 1860. Vol. 1. 607 p.
40. Acta et diplomata Graeca medii aevi sacra et profana [Text]: in 6 vol. Vindobonae: Carolus Gerold, 1862. Vol. 2. 608 p.
41. *Paul M.C.* Episcopal Election in Novgorod Russia 1156—1478 [Text] // Church History: Studies in Christianity and Culture. 2003. 72, N 2. P. 251—275.

Д. В. Верховцев

РАЗНЫЕ СМЫСЛЫ ПОНЯТИЯ *ИЖОРА* (*Ижорская земля*) В ДОКУМЕНТАХ 1478—1617 ГГ.

В статье рассматривается вопрос об изменении значения термина ижора (Ижорская земля) за время его бытования в письменных источниках. Анализ грамот митрополитов Макария и Феодосия, а также материалов, связанных с переговорами, предшествующими Столбовскому мирному договору, показал, что в этих документах топоним потерял административно-территориальное значение и употреблялся в основном в значении этноареальном. При этом память о прежних смыслах отчасти сохранялась у некоторых ограниченных групп населения.

Ключевые слова: Ижорская земля; ижора; Столбовский мир.

Dmitry Vladimirovich Verhovtcev

Different meanings of the name *izhora* (*Izhora land, Ingermanland*) in documents of 1478—1617

The article discusses the issue of changing the meaning of the term izhora for the time of its existing in written sources. In letters of Metropolitans Macarius and Theodosius as well as materials related to the negotiations, prior to the release of the Treaty of Stolbovo, the name izhora lost administrative-territorial significance and was used mainly in the ethnoareal sense. However, the memory of the former meaning is partially preserved in certain groups of the population.

Keywords: Ingermanland, Izhora, Treaty of Stolbovo.

Вопрос о границах земли Ижора (Ижорской земли), известной по сообщениям русских летописей и западным средневековым источникам (где она упоминалась как Ингрия, Ингария), неоднократно ставился в историографии такими исследователями, как А.М. Тальгрэн, А.Н. Насонов, И.П. Шаскольский, Е.А. Рябинин, О.И. Конькова, П.Е. Сорокин. Почти во всех случаях письменные и иные источники по проблеме рассматривались с точки зрения неизменности границ и статуса Ижорской земли на протяжении нескольких веков. Например, Е.А. Рябинин, говоря о том, что некоторые исследователи были склонны к «сужению границ первоначальной территории ижоры» (с маленькой буквы, то есть — территории племени), ссылается на А.М. Тальгрэна, который «относил к Ижорской земле район, лежащий к югу от Невы» [12, с. 63]. Очевидно, что автор считал тождественными территорию племени ижора и территорию, которая позже носила название «Ижорская земля», и если и разносил во времени существование племенной земли и

земли с этническим топонимом — то не считал, что их географические границы изменялись. А.Н. Насонов, определяя пределы Ижорской земли, рассматривал известия внутри трехвековой эпохи (с XIII по XV в.) и делал выводы на основе их сопоставления [9, с. 121—122], хотя ясно, что за это время статус Ижоры претерпел значительные изменения от племенной территории до административно-территориальной единицы, и географическое постоянство ее границ в обозначенный период требует специального доказательства. П.Е. Сорокин хотя и пишет, что «одной из проблем современного изучения средневековой ижоры является определение ареала ее расселения в различные периоды и границ средневековой Ижорской земли» [14, с. 186], однако в дальнейшем, раскрывая эту проблему, использует обозначенные понятия как синонимы [14, с. 208—211]. О.И. Конькова, рассматривая все предыдущие гипотезы, справедливо обращает внимание на их относительность (например, определение границ Ижорской земли относительно границ земли Водской, при неясности последних) и смешение понятий «Ижорская земля» и «территория заселения ижоры». Ее вывод: «мы не можем даже относительно определить границ Ижорской земли середины XIII века» [6, с. 54]. В контексте изучения этнической истории ижоры в целом, А.Н. Анфертьев писал, что несмотря на внимание ученых к этой проблеме (а особенно к области проживания ижоры — Ингерманландии), ключевые вопросы этого исследовательского поля по-прежнему остаются без ответа [1, с. 66]. Отсутствие достаточно определенных результатов в многолетних исследованиях, видимо, требует от нас более гибкого подхода к известиям письменных источников, учитывающего, что под одним и тем же названием (Ижора, Ижорская земля) могут упоминаться нетождественные друг другу географические объекты, выделяемые в разное время различными группами населения, имеющие различные географические границы. Попыткой осуществления такого подхода на примере конкретного временного периода и будет настоящее исследование.

Итак, еще составители указателей к изданию древнерусских летописей подметили, что название Ижора упоминается в этом источнике в трех значениях: гидроним (название реки) [10, с. 77, 291, 294, 424, 447, 449], этноним (название племени) [10, с. 65, 270, 78, 295, 450 и др.] и хороним (название земли) [10, с. 292, 448]. Даже при столь различающейся семантике порой не просто разобраться, в каких случаях речь идет о реке, в каких — о народе, а в каких — о территории, но и убедившись, что сообщение относится к Ижорской земле, нужно иметь в виду дальнейшее членение семантического поля: может иметься в виду область расселения племени ижора или

также (в более позднее время) административно-территориальная единица Великого Новгорода. Внесем еще одно уточнение: племя ижора упоминается в летописях как единая этнополитическая общность, со временем вошедшая во «всю волость новгородскую», имеющая собственное ополчение [10, с. 89, 321] и старейшину, выполнявшего в том числе и судебные функции (см. проект торгового договора Новгорода немецких купцов 1268 г. [2, с. 66]). Однако известное на середину XIX в. дисперсное расселение ижорских групп и даже изолированное проживание одной из них [17] ставит вопрос о том, все ли они входили в эту этнополитическую общность, а значит, помимо этнополитического значения название Ижорская земля возможно и этноареальное, то есть маркирующее ареал расселения ижороязычных групп, внешне категоризируемых под соответствующим этнонимом. Естественно, что в зависимости от значения, использованного автором известия, по-разному будет решаться и вопрос о географических границах Ижоры. Попробуем, учитывая этот немаловажный фактор, рассмотреть некоторые документы периода между установлением московского владычества в Ижорской земле и ее перехода под власть Швеции, чтобы понять, в каком значении упоминается там хороним, а в зависимости от этого — какие границы Ижорской земли подразумевались авторами известий.

Нижняя граница исследования выбрана с той точки зрения, что в 1478 г. Новгород окончательно подчинился Москве, и его административная система подверглась унификации с остальной территорией государства. Последнее упоминание Ижоры как административной единицы Новгородского государства относится к 1470—71 гг.: в проекте договорной грамоты Казимира IV с Великим Новгородом говорится, что «А в Русе ти имати за проежжеи суд, через год, сорок рублев... с Ёжеры два рубля» [4, с. 132]. По контексту упоминания можно судить, что здесь Ижора — судебный княжеский округ, не очень большой по населению (меньше была плата за суд только с Лопцы). В писцовых книгах рубежа XV—XVI вв., созданных по указанию Московского правительства, не встречается прямых упоминаний Ижоры или Ижорской земли, говорится лишь о погостах и о только что образованных уездах, однако в других источниках хороним продолжает встречаться. Верхняя граница исследования обозначает переход приневских земель под власть Швеции, в очередной раз поменявшей административное устройство территории, и соответственно, придав прежним названиям новое содержание.

К первой половине XVI в. относятся упоминания Ижоры в грамотах новгородских архиепископов Макария (25 марта 1534 — в Водскую пятину, 1534 — великому князю Ивану Васильевичу) и

Феодосия (8 июня 1548 — в Водскую пятину) [7, с. 60—72]. Грамота к Ивану Васильевичу упоминает Ижору лишь вскользь, наряду с Чудью («в Вотской пятине, в Чюди и в Ыжере»), и дает мало информации для анализа. Две другие грамоты, имеющие адресатов в Водской пятине, более интересны, хотя грамота Феодосия и считается плагиатом с грамоты Макария [5, с. 80—81]. Впрочем, заимствование Феодосием почти всего текста послания помогает проанализировать его собственные добавления: именно так удастся установить локализацию хоронима «Ыжера», упоминаемого в его грамоте. Для наглядности поместим «адреса» обеих грамот в таблицу и выделим **жирным шрифтом** текст, который Феодосий в своей грамоте актуализировал, и *жирным курсивом* — текст, которого в первоисточнике Макария не было вовсе:

<p>От пресвященнаго архиепископа Великаго Новагорода и Пскова владыки Макарья в Воцкую пятину, в Чудь, в Толдожской погост, и в Ижерской погост, и в Дудровской погост, и в Замошской погост, и в Егорьевской погост, и в Ополецкой погост, и в Кипенской погост, и в Спаской погост, в Зарецкой, и во все Чюцкие уезды и Ижерские, и в Вошки</p>	<p>От пресвященнаго Феодосия архиепископа Великаго Новагорода и Пскова в Воцкую пятину, в Чюдь, в Толдожской погост, <i>и в Ыжеру, в Каргальской погост</i>, и в Ижерской погост, и в Дудоровской погост, и в Замошской погост, и в Егорьевской погост, и в Ополецкой погост, и в Кипенской погост, и в Спаской погост в Зарецкой, и во все Чюцкие уезды и Ижерские, и в Вошки</p>
--	---

Как видно, под влиянием каких-то новых известий из Водской пятины, Феодосий включает в свое послание еще один конкретный адрес — «в Ыжеру, в Каргальской погост», по аналогии с упомянутым у Макария Толдожским погостом, также именуемым «в Чуди» в писцовой книге Водской пятины 1500 г. [11, с. 905]. В понимании хоронима здесь возможны два варианта: во-первых, аналогия с Толдожским погостом предполагает административно-территориальное употребление, так как уточнение «в Чюди» можно понимать как принадлежность к особой волости Чудца. С другой стороны, Каргальский погост никогда в историографии не относили к Ижорской земле, хотя проживание ижоры в этой местности фиксируется как минимум с XV в. [12, с. 64], и это может указывать на использование Феодосием термина Ыжера в этноареальном значении (земля, где проживает народность ижора).

Кроме прочего, и той и в других грамотах повторяется формула: «во все Чюцкие уезды и Ижерские, и в Вошки», хотя далее очевидно, что формула: «все Копорецкие, и Ямские и Иваногороцкие, и в Корелские, и в Ореховские уезды» — перекрывает это понятие. Та-

ким образом, Макарий (а вслед за ним — Феодосий) перечисляет все возможные этногеографические и административно-территориальные ориентиры (порой — синонимичные), чтобы послание не прошло мимо своих адресатов, однако тем самым затрудняет соотнесение погостов-адресатов (видимо — самых закоренелых в язычестве) с более крупными упоминаемыми территориальными единицами.

Вероятно, рассмотренные документы свидетельствуют об угасании памяти об административно-территориальном значении понятий «Чудца» и «Ижора» (Ижорская земля) и о начале замены, как минимум в случае с Ижорой, этноареальным значением. Предполагаем, что соотнесение Каргальского погоста с хоронимом Ижора произошло следующим образом: архиепископ Макарий, получив сведения об особенно значительных языческих обычаях чудского населения Толдожского погоста в Чуди, особо упомянул этот адрес в своем послании. Однако перерабатывавший его текст архиепископ Феодосий, вставший перед необходимостью также выделить языческие обычаи ижорского населения Каргальского погоста, и считая «в Чюдь» этноареальным адресом, таким же образом поставил в адрес и погост, и его этноареальную характеристику «в Ыжере». То есть, данный фрагмент можно рассматривать как указание на проживание народности ижора в Каргальском погосте в первой половине XVI в. (что, заметим, не означает отнесение погоста к Ижорской земле во времена существования независимого Великого Новгорода).

В прошествии еще более полувека, во время переговоров о заключении Столбовского мира, вопрос о границах Ижорской земли актуализировался. Русскими и шведскими послами, а также посредниками, горячо обсуждался вопрос о включении королем Швеции в свою титулатуру упоминание Ингерманландии (или — в русском варианте — Ижорской земли). У Н.П. Лыжина, изучавшего протоколы этих переговоров, мы встречаем следующее сообщения: «русские переговорщики не решались признать за королем шведским этого титула, на том основании, что часть Ингерманландии, простиравшейся до реки Тявзы, во владении русских» [8, с. 65]. Также Ю. Видекинд, шведский автор XVII в., пишет, что «шведские представители согласились принять это слово “Ofwerwinnare” — победитель — при условии, если великий князь признает за его величеством ингерманландский титул. Однако до получения решения великого князя русские решительно отказались пойти на такую уступку, ссылаясь на то, что Ингерманландия простирается вплоть до Тесова, который принадлежит Новгородской области» [3, с. 428]. Позже, во время переговоров по проведению «столбовской» границы споры возобновились: оказалось, что «...в государеве в подтвержденной грамоте написан король в

Ижере, а не государем Ижерские земли», потому что, согласно объяснениям русских послов, «за королем Ижерская земля не вся, а за государем нашим в Ижере Водская пятина, а в ней многие ижерские погосты, а ныне они учинились за рубежом в государеву сторону» [16, с. 44]. Таким образом, очевидно, что русские переговорщики и до и после Столбовского мира стойко придерживались позиции, что Ижорская земля частично лежит за границами переданных Швеции уездов Водской пятины.

К сожалению, географические пункты, которые упоминаются как маркеры этой «выступающую» на русскую сторону части Ижоры, не всегда можно сопоставить с реальной картой. Если Тесов, или Тесовский погост, хорошо известен и находился в то время южнее истоков Тосны и Ижерского погоста, то местоположение реки Тявзы определить затруднительно — похожих гидронимов среди современных географических названий нет. Здесь очевидно созвучие с селением Тявино возле Ивангорода, в котором был заключен мирный договор со Швецией 1595 г., однако селение это по Столбовскому миру передавалось Швеции, и маркировать «русскую» часть Ижоры не могло. Вероятно, здесь имеет место ошибка в протоколе или при его цитировании, но проверить это затруднительно, так как Н.П. Лыжин не дал ссылку на конкретный архивный документ. Попробуем сопоставить данные указания с историческим контекстом.

У того же Видекинда приводится похожее сообщение, что на переговорах по заключению мира аргументом в пользу признания за королем Швеции «ижорской титулы» приводился и этнический: «...послы сочли, что за шведским королем гораздо целесообразнее будет признать ингерманландский титул, так как четыре крепости с их областями — Ивангород, Ям, Копорье и Нотебург, находятся в Ингерманландии, а крестьяне тех мест большей частью говорят на языке, который они называют ингрским (Ingrisk)» [3, с. 429]. То есть переговорщики напрямую апеллировали к этноарельному значению хоронима.

О крайней скудности географических и этнографических знаний нового московского правительства о занятых Швецией территориях Водской пятины говорит и такой фрагмент записи расспросных речей новгородских дворян, производимых во время столбовских переговоров:

«А про ижеру в которых она пятинах того же дни генваря в 21 день ропрашиваны дворяне ноугородцы Воцкие пятины Иван Тырков, Иван Кузминской, Микита Супонев, в которой пятине Ижерский погост и в одной пятине ли или не в одной и города Ивангород и Яма, Копорья, Ладога, Гдов, Порхов, Старая Руса в которых пятинах?»

(ответ): Ижерской погост в Вотцкой пятине в Ореховском уезде. А Орешек и Яма и Копорья и Ладога в Воцкой же пятине. А Ивангород, Глов, Порхов, Старая Руся в Шелонской пятине. Заневские погосты за Невою рекою на Корельской стороны подошли к Орешку к посаду, уезд Ореховской» [13, с. 205].

Запись, что расспросы велись «про ижеру», и содержание ответов показывают, что собственно географические границы Ижорской земли осведомленным новгородским дворянам не были известны, как, видимо, и само понятие, — в ответ они рассказывают про конкретные географические единицы, не упоминая, собственно Ижору. Исходя из такой неосведомленности даже местных дворян, мы предполагаем, что понятие «Ижорская земля» домысливалась в Москве и в лагере русских послов на переговорах как «земля где живут ижоры». В этом смысле, действительно, по материалам топонимики и ономастики писцовых книг еще в начале XVI в. на территории Тигодского, Будковского и Солетцкого погостов (после 1617 г. оказавшихся с русской стороны столбовской границы) обнаруживалось присутствие прибалтийско-финского населения [12, с. 64]. На земле Будковского погоста оно сохранялось и до середины XX в. — это хорошо известные этнографам и лингвистам носители ордежского диалекта ижорского языка. Опираясь на факт проживания там ижор, русские послы и могли называть указанные погосты «ижорскими», что многие «учинились за рubeжом в государеву сторону».

В то же время о былом территориальном значении термина как будто помнили крестьяне новгородских погостов: уже после мира, при проведении границ между Новгородом и Ингерманландией, находившиеся при послах для справок крестьяне деревни Кондия приняли присягу, что «издавна причислялись к Ингерманландии» [8, с. 77]. Если считать, что эта деревня — современное урочище Кондуй в верховьях реки Смердынки, то здесь нельзя подозревать подмену Ижорской земли Ижерским погостом — эта деревня находилась на границе Ярвосольского, а не Ижерского погоста.

В дальнейшем мы встречаем и другие доказательства произвольного употребления хоронима Ижорская земля, Ижора. Недовольство властей лютеранской Швеции тем обстоятельством, что новгородский митрополит напрямую, посредством посланий, общается с православным духовенством, принявшим шведское подданство, заставило царя издать в 1620 г. следующее распоряжение в адрес владыки: «чтоб он вперед больше того в Ям и Копорье и в Ижеру, к попам не писал, а будет ему надобно писати, и он бы писал к державцам, а не к попам» [15, с. 152]. Хотя в Швеции вся провинция, включающая Копорье, Ям, Ивангород и Орешек, называлась в то

время «Ингерманландия», в царском послании «Ижера» ставится отдельно от Яма и Копорья. Причины такого употребления могут быть различны: то ли имелся в виду Ижерский погост, то ли действительно — древние границы Ижорской земли — это исходя из контекста определить проблематично.

Таким образом, мы видим, что почти за полтора столетия, прошедших с ликвидации административно-территориальной единицы Великого Новгорода — Ижорской земли, память о таком смысловом содержании хоронима стала угасать, и ему начали приписываться новые смыслы, происходящие из области этимологии — ведь народность ижора по-прежнему проживала во многих погостах Водской пятины, и именно с ними и стало связываться понятие. Угасание памяти об одном значении и появлении другого накладывалось друг на друга, переплеталось, и в разных группах и социальных слоях русского общества рождало различные понимания хоронима. Переход этих земель к Швеции в 1617 г. завершил период неясности и двусмысленности — шведы все земли Ореховецкого, Копорского, Ямского и Ивангородского уездов стали называть Ингерманландией, в России же этот хороним стал переводиться как Ижорская земля (что собственно и отразилось еще в споре о «титле»), и понятие обрело новое административно-территориальное и географическое значение, более широкое и однозначное, чем в рассмотренный нами период.

Несмотря на ограниченный круг рассмотренных источников, наши результаты достаточно ясно указывают на необходимость выявления омонимичности (сходности по звучанию/написанию, но не по значению) географических (и не только) терминов и дальнейшего отдельного рассмотрения терминов, имеющих различную семантику. Представляется перспективным применение этого подхода к источникам, датируемых вне пределов обозначенного нами временного периода, для окончательного решения вопроса о границах Ижорской земли, границах расселения ижороязычных групп и средневекового племени с названием ижора. С другой стороны, в рамках рассмотренного нами периода перспективным кажется более подробное рассмотрение архивных материалов, относящихся к Столбовскому миру, и иной дипломатической переписки начала XVII в. на предмет упоминания Ижоры и других территорий северо-запада Новгородской земли. Вероятно, отдельные образцы таких упоминаний, приведенные в настоящей работе, не единичны, и привлечение более широкого круга известий позволит разобраться в географических представлениях различных слоев населения русского и соседствующих государств в период московского владычества в Ижорской земле.

1. *Анфертьев, А.Н.* Прологомены к изучению этнической истории [Текст] // Этносы и этнические процессы: памяти Р.Ф. Итса. М.: Вост. лит., 1993. С. 62—69.
2. *Березков, М.Н.* О торговле Руси с Ганзой до конца XV века [Текст]. СПб.: Тип. В. Безобразова и К^о, 1879. [8], VIII, 267 с.
3. *Видекин, Ю.* История десятилетней шведско-московитской войны XVII века [Текст]. М.: Памятники ист. мысли, 2000. 658 с.
4. Грамоты Великого Новгорода и Пскова [Текст]. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949. 409 с.
5. *Зимин, А.А.* И.С. Пересветов и его современники [Текст]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 500 с.
6. *Конькова, О.И.* Ижора [Текст]: очерки истории и культуры. СПб.: МАЭ РАН, 2009. 248 с.
7. *Кочкуркина, С.И.* Письменные известия о карелах [Текст] / Кочкуркина С.И., Спиридонов А.М., Джексон Т.Н. Петрозаводск: Карелия, 1990. 140 с.
8. *Лыжин, Н.П.* Столбовский договор и переговоры ему предшествовавшие [Текст]. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1857. [4], IV, 242 с.
9. *Насонов, А.Н.* Русская земля и образование древнерусского государства [Текст]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 282 с.
10. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов [Текст]. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 576 с. (Полное собрание русских летописей; т. III).
11. Переписная оброчная книга Вотской пятины, 1500 года. Первая половина. СПб.: тип. Безобразова, 1868. [4] с., 960 стб. (Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею; т. 3).
12. *Рябинин, Е.А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси [Текст]. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. 260 с.
13. *Селин, А.А.* Новгородское общество начала XVII века: просопографическое исследование: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. СПб., 2009. 721 с.
14. *Сорокин, П.Е.* Ижора в эпоху средневековья [Текст]: (к вопросу о происхождении и ранней истории) // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. СПб.: Нестор-История, 2008. Вып. 2. С. 177—215.
15. *Чепель, А.И.* Диалог через границу [Текст]: русско-шведская борьба за подданных после заключения Столбовского мира // Диалог со временем. 2009. № 29. С. 147—162.
16. *Якубов, К.И.* Россия и Швеция в первой половине XVII века [Текст]. М.: Университ. тип., 1897. 493 с.
17. Ethnographische karte des St. Petersburgischen Gouvernements, angefertigt und erläutert vom Akademiker, D-r P. v. Koeppen. Herausgegeben von der Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg, 1846. [Санкт-Петербург], 1846. 1 л.: Грав. Раскраш.; 34×60 см.

В.А. Слугина

ПОДДАНСТВО НАРОДОВ СИБИРИ РОССИЙСКОМУ ГОСУДАРЮ В XVII В.: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТАТЕЙ ШЕРТОПРИВОДНЫХ И КРЕСТОЦЕЛОВАЛЬНЫХ ЗАПИСЕЙ*

В статье рассматривается проблема происхождения, функционирования и эволюции публично-правовых актов, с помощью которых в Московском государстве XVII в. оформлялось подданство сибирских народов. Автор выделяет основные компоненты условного формуляра шертоприводных записей, сопоставляя их с формулярами крестоцеловальных. Фиксируя формальное сближение шертоприводных записей с крестоцеловальными, автор делает вывод о трансформации дипломатической формы общения с сибирскими иноземцами от двухстороннего соглашения (шертного договора) к форме присяги на верность, с акцентом на безусловность подданства всего населения Московского государства.

Ключевые слова: Сибирь; русско-аборигенные отношения; подданство; присяга; шертоприводные записи.

Victoria Slugina

Acquiring allegiance to the Moscow sovereign by Siberian peoples in the XVII century: comparative analysis of articles of shertoprivodnye and krestotselovalnye letters

The article is devoted to a problem of origin, functioning and evolution of public-law sources used in the Moscow state in the XVII century to fix the native Siberian peoples in the Russian citizenship. The author pointed out key components of the form and structure of shert letters, in comparison with those of krestotselovalnye letters. Having documented similarity of the forms of the legal acts, the author came to the conclusion about a transformation of the diplomatic language. The Moscow state turned from a reciprocity agreement (a shertny contract) to a unilateral form of oath of allegiance. The simultaneous presence of the Orthodox and pagan oaths bore witness to absolute character of the allegiances.

Keywords: Siberia; administrative management practices Siberian natives; swearing in; oath of allegiance; shert letters.

Присоединение Сибири к России было важным событием в процессе формирования полиэтничного Российского государства. Оно сопровождалось обложением местного населения — сибирских ино-

* Работа выполнена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-01-00027.

земцев данью-ясаком и взятием с них аманатов — заложников, как правило, из числа вождей, «лучших людей» и их детей. Аманаты должны были гарантировать уплату ясака и лояльность подчиненных народов. Но цели русской власти не ограничивались интересами пополнения «государевой» казны. Московские власти ставили перед собой задачу инкорпорации сибирских территорий и народов в систему российской государственности. Важнейшим способом, обеспечивающим решение этой задачи, являлось приведение «иноземцев» в подданство Российского государства, или в понятиях того времени — «в вечное холопство» «государю, царю и великому князю всеа Руси самодержцу». Для оформления подданства русская власть обратилась к известному ей опыту шертования.

Понятия «шерть», «шертные записи» и «шертные грамоты» (от араб. «шарт» — условие, договор, соглашение) появились в русском политическом лексиконе в XV в. и использовались для обозначения соглашений между московским государем и правителями некоторых владений к востоку от российских рубежей [16, с. 28]. Шертование, как процедура, состояла из двустороннего «клятвенного» удостоверения положений шертной записи: с российской стороны — крестоцелования, со стороны контрагентов — некоего обряда (если договаривающийся стороной были язычники) или апелляции к Корану (в случае договора с мусульманами).

Первое упоминание «шертного ярлыка» (грамоты) в российской дипломатической практике относится к 1474 г., когда был заключен договор между Московским государством и Крымским ханством. Подтверждение договора в тексте грамоте выглядит следующим образом: «Ярлык или шертная (клятвенная) грамота, данная Великому князю Иоанну Васильевичу, от крымского царя Менгли Гирея пред Российским послом боярином Никитою Беклемишевым и крестным Великому князю целованием перед крымским послом Довлетек Мурзою» [2, с. 49]. Правители и дипломаты мусульманских стран подтверждали дипломатические документы со своей стороны апелляцией к Аллаху и Корану. Причем, как справедливо отметил И.В. Зайцев, мусульманское удостоверение шертей представляло собой не присягу («правду»), а клятву («роту»), ввиду включения в устный текст клятвы или в письменную шертную запись особой формулы — запрещения, для удостоверения действительности даваемых обязательств. Христианская же сторона, осуждавшая принесенные клятвы, оформляла свои обязательства через присягу — целование креста [4, с. 3—4]. Двустороннее оформление шертоприводных обязательств также фигурирует в документальном свидетельстве о шертовании остяков 1484 г., опубликованным С.В. Бахрушиным [3,

с. 86—87]. Обрядовое действие, сопровождавшее оглашение текста шертоприводной записи, исполнялось обеими сторонами, в результате чего получился «синтез» православного поклонения кресту и языческой клятвы. Символику обрядовой церемонии, культовую атрибутику и ритуальное поведение, сопровождавшее «шерть кодских и югорских князцов 1484 г.», подробно изучила Е.В. Первалова, отметив сохранение отдельных элементов описанной клятвы вплоть до конца XIX в. [13]. Общей чертой упомянутых шертей является наличие предварительных посольских переговоров, в которых обсуждались условия обязательств, даваемых обеими сторонами.

С началом присоединения Россией Сибири процедура шертования в отношении местных народов, включавшихся в российское политико-правовое пространство, видоизменяется и приобретает значение безусловной присяги на верность с фиксацией вечного характера подчиненного статуса [15, с. 136—137]. Такое подданство аборигенного населения Сибири российскому государю оформлялось через оглашение положений шертоприводных записей. Причем к шерти приводили не только предводителей крупных этнотерриториальных объединений, глав «родов» и «лучших людей», но и порой рядовых «урусных людей», попавших в плен либо прибывших на переговоры. По мере укрепления своей власти русская администрация стремилась охватить шертованием всех взрослых мужчин — глав семей [5, с. 59].

На широкое распространение процедуры шертования на территории Сибири неоднократно указывалось в исследовательской литературе, однако содержание положений шертоприводных записей становилось предметом исследования историков чаще всего лишь в контексте русско-аборигенных отношений на материале какого-либо конкретного этносоциума. Специальный анализ шертоприводных записей проводился А.П. Уманским — при изучении русско-телеутских отношений в XVII в.. На основе анализа текстов шертоприводных записей, автор пришел к выводу, что «подданство» Телеутской земли в XVII в. русскому царю по своему характеру и по своей форме представляло собой военно-политический союз, скрепленный договором (шертью) [17, с. 18]. Схожая оценка шертоприводным записям также давалась М.О. Акишиным. С помощью методов юридической науки, исследователь по формальным признакам определил шерти как неравноправные международные договоры [1]. На материале русско-якутских отношений в XVII в. шертоприводные записи исследовал В.Н. Иванов, заключив, что в якутском обществе XVII в., шерть выполняла функции основного регулятора отношений между отдельными племенами или их объ-

единениями и являлась важным юридическим актом, оформлявшим принятие российского подданства народами Якутии [7, с. 3—6].

Тенденцию к расширению проблематики изучения шертоприводных записей продемонстрировал А.Ю. Конев. Поставив вопрос о происхождении и эволюции этой разновидности публично-правовых актов, он четко развел два варианта шертования: первый, как процессуально-ритуальной формы доказательства невинности, и второй, как присяги на верность. Историк также отметил, что шертные записи «в широком смысле» имели «то же юридическое значение, что и крестоцелование — присяга православных подданных» [10, с. 172]. На схожесть двух типов публично-правовых актов — крестоцеловальной записи и шертоприводной записи — также указано в публикации А.С. Зуева и В.А. Слугиной [6]. Выявление связей между этими двумя типами актов, юридически оформлявших подданство в Московском государстве в XVII в., представляется перспективным. Сопоставление двух типов присяг — крестоцеловальных записей, предназначенных для русского православного населения, и шертоприводных записей, разрабатываемых для аборигенного населения Сибири, — позволит не только выявить формальные и содержательные стороны источников, но и приблизиться к пониманию характера подданства народов Сибири в контексте политического дискурса Московской Руси.

Исходя из принадлежности шертоприводных и крестоцеловальных записей к актовым источникам изучение внутренней структуры и стилистических особенностей их текстов можно осуществить посредством дипломатического (т.е. формулярного) анализа. Используя методологические разработки С.М. Каштанова, тексты актов можно разделить на статьи, обороты и элементы [8, с. 29—30]. Проведение сравнительного формулярного анализа позволит воссоздать фрагментарно сохранившийся источник, как явление культуры своего времени, и выявить формальные условия подданства сибирских народов, зафиксированные в шертоприводных записях в сопоставлении с условиями подданства православного (русского) населения, диктовавшимися в крестоцеловальных записях.

Следует особо отметить, что формуляр шертоприводных записей сложился только к началу XVII в. одновременно с формализацией текстов крестоцеловальных записей. Образцы шертоприводных записей разрабатывались в Сибирском приказе и отправлялись в Сибирь местным воеводам чаще всего вместе с наказной памятью и образцом крестоцеловальной записи. Исходя из этого, именно на материале XVII в. открывается возможность сравнительного анализа шертоприводных и крестоцеловальных записей.

Источниковой базой исследования являлись шертоприводная запись Василию Шуйскому 1605 г. [1А, л. 56—57], образец шертоприводной записи «братских князцов» 1642—1645 г. [9, с. 10—11], крестоцеловальная запись Алексею Михайловичу 1645 г. [2А, л. 115—116], шертоприводная запись для тунгусов 1645 г. [4А, л. 21—22], образец шертоприводной записи якутов второй половины 1640-х годов [12, с. 967—969], образец «шертной записи», «по которой клялись магометанского закона подданные...» 1648 г. [14, с. 440—442], а также образец «присяги русских всяких чинов людей» 1651 г. [6, с. 187—188] и шертоприводная запись Алексею Михайловичу для юкагиров [6, с. 188—189] и др. В целом, были проанализированы образцы шертоприводных записей, относящихся к тем территориям Сибири, где имелся достаточный административный ресурс, позволявший действительно «управлять» пространством проживающего этносоциума. Вне поля нашего исследования остались шертоприводные записи, предназначенные для кочевников Южной Сибири — телеутов, кыргызов, монголов. Сложный характер взаимоотношений с ними русской власти обусловил заметную специфику параметров их шертований.

В общем виде формуляр шертоприводной и крестоцеловальной записи состоит из оборота «яз имярек» (интитуляция), инскрипции (обозначения адресата, в данном случае титул царя), диспозиции (перечисления статей, излагающих перечень обязательств присягающего); санкция присутствует только в крестоцеловальной записи Василия Шуйского 1605 г. [1А, л. 56—57], и в шертоприводных записях Сургутского [3А, л. 256—257] и Верхотурского уездов 1646 г. [3А, л. 106—110]. В данной статье мы сконцентрируемся на анализе статей диспозиции шертоприводных записей в сравнении со статьями крестоцеловальных.

В первую очередь обратим внимание на то, что некоторые статьи присяг иноземцев полностью цитировали текст крестоцеловальной записи. Дословно совпадали два обязательства:

1. «Служить и прямить» государю, не иметь сношений и связей с неприятелями и «изменниками» России и не защищать их; не «отъезжать» в «немирные» земли и не призывать других государей на Московское царство.

2. По приказу царя «ходить» с российскими войсками против неприятелей России; на войне служить «без измены», подчиняясь воеводам и начальным головам.

Эти обязательства содержат перечень реалий — имен, названий географических объектов и названий этносов. Упомянутые в шертоприводных записях реалии можно разделить на два типа. Первые

относятся к описанию понятий, актуальных скорее для европейской части государства; они содержатся и в крестоцеловальных записях. Например, перечень государств, из которых «нельзя призывать» на московский престол царей, королей и королевичей, включает Польское и Литовское «царства» и «Немецкие решы (государства. — *В.С.*)». Этот перечень едва ли был понятен «иноземцам», находившимся за тысячи километров от этих государств. Второй тип реалий представлен названиями, относящимися непосредственно к территории Сибири. Некоторые из таких реалий, например, имя внука Кучума Девлет Гирея, названия этносов (кыргызы, якуты, калмыки), перечисляемые среди государевых «недругов», содержатся как в крестоцеловальных, так и в большинстве шертоприводных записей. Однако порядок перечисления неясных сибирских народов не был адаптирован к конкретному социально-политическому контексту шертования.

Несмотря на схожесть формуляров и отдельных статей, шертоприводная запись не приравнивала иноземцев к русскому (православному) населению. Некрещеные иноземцы в конце XVI—XVII в. имели в определенном роде статус внешнего «иноземного элемента». Хотя, конечно, присутствовала существенная разница в статусе «иноземца» — иностранца, прибывшего в Россию и обладавшего правом, по крайней мере де-юре, свободного въезда и выезда из нее, — и «ясашного иноземца», попавшего в «вечное» подданство и платящего ясак московскому государю. Специфика такого положения отражена в устойчивой формуле — «вечное прямое ясачное холопство», которая встречается в тунгусской [4А, л. 21] и якутской шертоприводных записях [12, с. 967].

Выплата ясака являлась одним из главных показателей подданства и признания русской власти. В текстах шертоприводных записей большое внимание уделяется обязательствам выплачивать ясак и поминки «сполна», «без недобору» и «по все годы». Однако отсутствие в шертоприводных записях описания размера платежей говорит о важности самого факта ясачного обложения, который носил явный политический характер. Народы, не включенные в даннические отношения, назывались «немирными», «неясашными» и фигурировали в шертоприводных записях в качестве «изменников» и «врагов», т.е. «не подданных» [4А, л. 21].

Помимо заверений о выплате ясака, в диспозиции шертоприводных записей также присутствуют статьи, «отговаривающие» контрагента, его «родичей» и «улусных людей», как потенциально возможных «изменников», от «шатости» — предательства. Это выражается в следующих обязательствах:

1. Не грабить, не убивать и не брать в плен ни служилых людей, ни подданных России (т.е. объясаченное население).

2. Не производить набегов на российские города, остроги, села и деревни; сообщать о возможной «измене» и «заговоре» и всячески им препятствовать.

Аналогичные обязательства зафиксированы и в крестоцеловальной записи Алексею Михайловичу 1645 г.: «Тако ж мне самоволством скопом и заговором ни на ково не приходится и никово неграбити и не побивати, и по ссылкам воровских делех сказывать» [2А, л. 116].

Причины включения указанных обязательств в формуляр вполне понятны. Вооруженные восстания и нападения иноземцев на русских служилых и торговых людей в Сибири XVII в. были не редкостью. Кочевники часто отгоняли у подданных «белого царя» скот и лошадей. Царские грамоты предписывали в таких случаях смирять «шатость» «ратным боем», заставлять «изменников» «добить свою вину», а потом простить им ее и вновь приводить их к шерти. Однако в условиях открытого или скрытого противодействия русским со стороны иноземцев шертные обязательства уже не ограничивались устойчивым формуляром, а дополнялись реалиями конкретной ситуации.

Эти дополнения были делом рук непосредственных исполнителей «воли государя» — воевод, служилых людей и толмачей. Вполне осознавая, что предыдущая шерть не смогла остановить иноземцев от «измены», местные администраторы сами формулировали санкцию. Так, в статейной речи якутского воеводы П. Головина аманатам «братцких людей» в 1645/46 гг. излагается вполне конкретная форма наказания в случае измены: «...и велят за ту вашу измену самих вас и ваших жон и детей и улусных людей, и не токмо вас и скот ваш побивать и разорять и юрты ваши огнем пожигать без пощады, а в полон имать и на выкуп отдавать не велят, а которых и возьмут, и тех вашу братью велят вешать и смертью казнить...» [9, с. 231].

Кроме введения санкции, царская администрация также могла и «сгладить» безусловный характер обязательств «иноземцев», даровав им некоторые «права», что видно из текста государева «жалованного слова». Это «слово» в самом общем виде гарантировало иноземцам «правый суд и сыск, и расправу» над их обидчиками. Оно также предписывало беречь во всем ясачных людей, чтобы они жили «в покое и тишине» и «промыслами своими промышляли», а государю во всем добра хотели «по своей шерти». Кроме того, оговаривалась возможность выдачи «царского жалования» в обмен на информацию о готовящихся «изменах» и «шатостях» [11, с. 14—16].

Сибирская администрация имела довольно большие полномочия в формулировке прав и обязанностей иноземцев, вплоть до са-

мостоятельного составления шертоприводных записей на основе крестоцеловальных записей и наказных памятей [14, с. 418—420]. Однако сибирские воеводы пользовались правом дополнения и расширения положений шертоприводных записей (по крайней мере, в письменной форме) не часто. Сравнительный анализ статей и оборотов шертоприводных записей, относящихся к разным регионам, показал сходство в их текстах многих формулярных элементов-формул, реалий и описаний, что указывает на слабую территориальную и социокультурную адаптивность данного типа документов. Можно предположить, что такая слабая вариативность шертоприводных записей являлась следствием стремления российской власти императивно интегрировать сибирских иноземцев в состав Московского государства без учета их отличительных социокультурных характеристик, границ их проживания, политического контекста их взаимодействия с соседними народами, потестарно-политических особенностей и т.д. Во внимание принималось лишь различие в вероисповедании, и то только потому, что это было необходимо для совершения ритуала шертования: мусульмане клялись на Коране, язычники — по «своей вере».

Подводя итог, констатируем, что шертование народов Сибири в XVII в. не сочеталось с одновременным крестоцеловальным удостоверением с русской стороны. Присяги, функционируя отдельно в «русской» и «иноземческой» среде, одинаково закрепляли подданных в вечной «холопской» преданности российскому государю. Сходство шертоприводных и крестоцеловальных записей XVII в. показывает трансформацию дипломатических форм двусторонних соглашений, имевших место в шертях предшествующего времени, в сторону безусловного подданства аборигенного населения. Шертоприводные записи, предназначенные сибирским иноземцам, содержали только их односторонние обязательства, в связи с чем являлись присягами, а не двусторонними соглашениями и уж тем более не международными договорами. Царская администрация, практикуя повсеместно в Сибири шертование, использовала шертоприводную запись для инкорпорирования местного населения в социально-политическую систему Московского государства, настаивая при этом на вечном характере подданства. Положения присяги-шерти также разъяснялись и дополнялись в «государевом жалованном слове». Оформление подробного перечня обязательств, которые должны были выполнять сибирские народы в отношении российской власти, в единый (цельный и непротиворечивый) документ — шертоприводную запись свидетельствует о том, что она выступала в качестве официального юридического подтверждения прав русского царя на сибирские территории и новых подданных.

- 1А. РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. № 133. Ч. 1. Д. 19.
- 2А. РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. № 133. Ч. 3. Д. 224.
- 3А. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 232.
- 4А. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 645.

1. *Акишин, М.О.* Шертование народов Сибири при присоединении к России [Текст] // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия История, филология. 2013. Т. 12, вып. 5: Археология и этнография. С. 233—241.
2. *Андреев, А.Р.* История Крыма [Текст]. М.: Белый волк, 2002. 105 с.
3. *Бахрушин, С.В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII веках [Текст]. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Сидовича, 1935. 86, [5] с.
4. *Зайцев, И.В.* Проблема удостоверения клятвенных обязательств мусульманина перед христианской властью в России XVI—XIX веков [Текст] // Российская история. 2008. № 4. С. 3—9.
5. *Зуев, А.С.* Российское государство и народы Сибири: характер и этапы взаимоотношений во второй половине XVI — начало XX в. [Текст]: учеб. пособие / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2011. 188 с.
6. *Зуев А.С., Слугина, В.А.* «Служити мне государю своему царю и великому князю Алексею Михайловичю» [Текст] / публ. подгот. А.С. Зуев, В.А. Слугина // Исторический архив. 2011. № 2. С. 183—189.
7. *Иванов, В.Н.* Принятие российского подданства народами Якутии в XVII веке [Текст] // Якутский архив. 2009. № 2. С. 3—6.
8. *Каптанов, С.М.* Очерки русской дипломатики [Текст]. М.: Наука, 1970. 502 с.
9. Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. [Текст]: сб. док. / под ред. Я.П. Алькора и Б.Д. Грекова. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1936. XXX, 280 с.
10. *Конов, А.Ю.* Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI — XVIII вв. [Текст] // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2006. № 6. С. 172—177.
11. *Кулешов, В.А.* Наказы сибирским воеводам в XVII веке [Текст]: ист. очерк. Изд. 2-е. Болград: Изданием Г.В. Юдина, 1894 (Типография Я.А. Иванченко). 50, [2] с.
12. Материалы по истории Якутии XVII века [Текст]: (документы ясачного сбора). М.: Наука, 1970. Ч. 3. 791—1269, [24] с.
13. *Перевалова, Е.В.* Шерть, «Медвежья присяга» и пляска с саблями [Текст] // Уральский исторический вестник. 2013. № 4 (41). С. 120—131.
14. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел [Текст]. М.: Тип. Селивановского, 1822. Ч. 3. 566 с.
15. *Трепавлов, В.В.* «Белый царь» [Текст]: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV—XVIII вв. М.: Вост. лит., 2007. 255 с.
16. *Трепавлов, В.В.* «Шертные» договоры [Текст]: российский прообраз протектората // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. III Междунар. науч. конф.: тез. докл. / Челяб. гос. ун-т. Челябинск, 1995. Ч. 1. С. 28—33.
17. *Уманский, А.П.* Телеуты и русские в XVII—XVIII веках [Текст]. Новосибирск: Наука, 1980. 296 с.

А.Н. Старицын

ОТНОШЕНИЕ К ЦЕРКОВНОЙ РЕФОРМЕ XVII В. В СЕВЕРНЫХ МОНАСТЫРЯХ НОВГОРОДСКОЙ МИТРОПОЛИИ

На материале северного региона впервые проводится обзор и анализ разрозненных источников, освещающих реакцию монашества на смену идеологии в государстве. Выявляется значительное количество монастырей, оказавших сопротивление церковным нововведениям. Обращается внимание на формы выражения протеста монахами, прослеживаются судьбы монахов, выступивших против реформы.

Ключевые слова: монастыри; монахи; церковная реформа; протесты против нововведений; старообрядцы; новообрядцы.

Alexandr N. Staritsyn

The attitude to the Church reform of the XVII century in the Northern monasteries of the Novgorod Archdiocese

For the first time on the material of the Northern region it is reviewed and analyzed different sources covering the reaction of monasticism replaced the ideology of the state. Significant number of monasteries which resisted to the Church innovations were found. The attention is paid to the forms of protest by monks, traced the fate of monks who opposed the reform.

Keywords: monasteries, monks; reform of the Church; protests against innovations; old believers; new believers.

Монастыри издревле занимали первенствующее место в деле осуществления руководства и контроля над епархией. Руководители монастырей — архимандриты и игумены выступали главными помощниками епархиального архиерея [27, с. 112]. Им подчинялись целые округа — десятины, от их расторопности, активности, личных нравственных и деловых качеств зависел порядок на всей вверенной им территории. Настоятеля монастырей имели огромный нравственный авторитет как среди черного и белого духовенства, так и среди мирян. Поэтому очень важно проследить, как происходило внедрение реформированного обряда в северных монастырях. Безоговорочно принимали монахи новое мышление или пытались протестовать? Какие формы принимали протесты монашествующих? В чем выражалось сопротивление реформе в монастырях Севера? Эти вопросы специально не рассматривались в литературе, не считая знаменитого восстания Соловецкого монастыря, кото-

рому посвящена богатая историография [18; 24; 30; 38; 41; 45; 46]. Оставляя в стороне хорошо изученные события противостояния соловецких монахов реформе, попытаемся ответить на поставленные вопросы применительно к другим, не таким значительным и менее самостоятельным северным обителям.

О сопротивлении обрядовым нововведениям в монастырях Новгородской епархии (в нее входили все северные территории Русского государства с начала проведения реформы до 1682 г., когда была образована Холмогорская епархия) известно очень мало. Однако мы имеем возможность узнать о подобных фактах из документов официального делопроизводства, а также из случайных указаний в старообрядческих сочинениях. К последним следует отнести принадлежащие к выговской литературной школе жития Епифания Соловецкого, Корнилия Выговского и Кирилла Сунского, а также «Историю Выговской пустыни» И. Филиппова и «Виноград Российский» Семена Денисова [13А; 14А; 5; 40; 12]. В указанных произведениях интересующая нас проблема находит освещение относительно Кирилло-Белозерского монастыря*, Нило-Сорского скита, Николо-Беседного Тихвинского, Спасо-Каргопольского, Троицкого Сунорецкого и Троицкого Курженского монастырей, Ильинской Машеозерской пустыни. Из актового материала становится известно об отношении монашествующих к нововведениям в Рогозерской, Маткозерской и Анзерской пустынях, в кольских Троицком Печенгском и Пречистенском Кандалакшском монастырях, в каргопольских Кожеозерском и Ошевенском монастырях, в тихвинских Введенском девичьем и Никольском Боровинском мужском монастырях.

В Кирилло-Белозерском монастыре предположительно до конца 50-х годов, а в Нило-Сорском скиту до начала 60-х годов монахи не признавали богослужебных изменений. В «Житии Корнилия Выговского», посвященном описанию жизни известного деятеля раннего старообрядчества постриженника Корнилиево-Комельского монастыря инока Корнилия, говорится, что после возвращения с Дона Корнилий удалился в Кириллов монастырь, а оттуда в Нило-Сорский скит [5, с. 81]. В Кирилловом монастыре, по рассказам монахов, было «о древнем благочестии ревнителей множество и ведущих божественное писание довольно» [14А, л. 20 об.]. Неизвестно,

* Кирилло-Белозерский монастырь и Нило-Сорский скит в XVII в. не относились к Новгородской митрополии. Тем не менее, мы сочли возможным объединить сведения о сопротивлении реформе в данных монастырях со сведениями о подобных происшествиях в монастырях Новгородской митрополии. Основанием для этого явились однотипность источников, близость территории и главное действующее лицо — инок Корнилий.

когда Корнилий уехал на Дон. Либо после первых расправ Никона с «боголюбцами» в августе — сентябре 1653 г., либо после собора, бывшего в марте — апреле 1654 г. Пробыл он на Дону три года, следовательно, в Кирилловом монастыре оказался около 1656—1657 гг. Еще до патриаршества Никона и церковного реформирования монахи Кирилло-Белозерского монастыря отличались непокорством и вольнодумством. В январе 1647 г. черный поп Боголеп, ризничий Кирило Муромец, житничий дьячек Якушко Сизма, чернецы Иона Зуй и Пахом Чуркин и др. говорили про царя и бояр «многие непристойные речи» [19, с. 1]. За что были сосланы в тот же монастырь в черные работы. Первые ссыльные противники церковной реформы в монастыре известны с 1659 г. В этом году в Кириллов монастырь был сослан постриженник Чудова монастыря Савватий (бывший дьяк Сибирского приказа Семен Васильевич Башмак) [17, с. 328]. Здесь Савватий написал свою вторую челобитную царю «о книжном неисправлении», которую отослал в Москву в 1660 или 1661 г. [17, с. 328]. Вероятно, появление в монастыре заключенных староверов обозначило тот рубеж, по которому можно судить о перемене идеологической позиции монашествующих. Недовольные реформой покидали монастырь. По сведениям «Винограда Российского» Семена Денисова, постриженник Кириллова монастыря инок Иоасаф оставил монастырь, когда там утвердились новые порядки, некоторое время жил в пустынных местах, затем много путешествовал, был арестован в Москве и умер под пытками [12, л. 40 об.—41]. В Кириллов монастырь в 1670 г. был сослан монах Симонова монастыря Трифилий, который провел в земляной тюрьме около 12 лет. Трифилий с уважением отзывался о подвиге Иоасафа [12, л. 80—81]. Таким образом, Корнилий появился в Кирилловской обители, когда симпатия к старине еще не считалась преступлением. Но он недолго задержался в монастыре. Сговорившись с несколькими иноками, Корнилий ушел в Нило-Сорский скит предположительно в 1657 г. Любопытно отметить, что в том же году, по данным приходных и расходных книг, в Ниловом скиту появляются кирилловские старцы Иона Зуй и Пахомий Чуркин, которые были наказаны десять лет назад за непристойные речи против царя [3А, л. 6—7]. Время пребывания Корнилия в скиту в «Житии» определяется в 12 лет, что неверно. Для вычисления времени его жизни в скиту необходимо оттолкнуться от достоверно датированного события. Таким отправным моментом можно считать уход Епифания из Кяткозерской пустыни в Москву для подачи челобитной царю. Это событие современными исследователями датируется осенью 1666 — зимой 1667 г. [8, с. 546]. В Кяткозерской пустыни Епифаний прожил с Корнилием два года с не-

большим, а до этого Корнилий два или три года прожил на Водле реке [5, с. 84]. Получается, Корнилий оставил Нило-Сорский скит в 1661—1662 гг., а пробыл там всего около пяти лет. Подобные подсчеты очень приблизительны, так как опираются на сведения, записанные со слов очевидцев по памяти. Но в достоверности сведений не приходится сомневаться. Так, упоминаемый в «Житии» Гурий Хрипунов — не вымышленное, а реальное лицо. В 1636 г. он значился по приходным книгам среди монахов Кирилло-Белозерского монастыря [28, с. 367]. Гурий Хрипунов познакомился с Корнилием в Москве, в Чудовом монастыре, куда приезжал, вероятно, по монастырским надобностям. Из Кириллова монастыря Гурий вместе с Корнилием ушел в Нило-Сорский скит. Здесь они много беседовали о вере, делали выписки из имеющихся в их распоряжении книг. И книги и выписки были потеряны при разгоне скитских староверцев [5, с. 82, 84]. Гурий, по словам Корнилия, оказался нестойким в старой вере. Его уговорили присоединиться к новолюбцам в Москве, когда он приехал туда по делам [5, с. 82]. Не исключено, что именно от Гурия в Москве узнали, что в Ниловом скиту иноки служат по старопечатным книгам. В «Житии» подробно описан процесс смены идеологии в скиту. Получив донос, «новолюбивии архиереи» направили в скит комиссию в лице неких «посланных» для наведения нового порядка [14А, л. 21—21 об.]. «Посланные», убедившись в достоверности доноса, угрозами заставили священника служить по-новому. Иноки, вознамерившись противостоять «нововводному служению», уговорили Корнилия, исполнявшего в скиту пономарские обязанности и имевшего доступ в алтарь, воспрепятствовать священнику в неправильных действиях. Корнилий мужественно выполнил отведенную ему роль и даже ударил священника кадиллом по голове. В завязавшейся драке он был избит, но сумел скрыться, а иноки оказали слабое сопротивление «посланным».

Кольская земля рано соприкоснулась с последствиями церковного раскола. В июле 1654 г. в Кандалакшский Рождественский монастырь был переведен из Спасо-Каменного монастыря главный оппонент патриарха Никона протопоп Казанского собора в Москве Иван Неронов. Проведя в тюрьме Кандалакшского монастыря около года, 10 августа 1655 г. Неронов бежал [23, с. 137]. Спустя еще два года в Кандалакшский монастырь снова сослали церковных противников, на этот раз ростовцев — посадских людей Силу Богданова, Алексея Шалдова* и Федора Голицына [29, с. 136]. Так, до конца XVII в. Кандалакшский монастырь и уездный город Кола слу-

* О.В. Чумичева прочитала фамилию Алексея Постникова как Шадров [41, с. 122].

жили местом ссылки противников церковной реформы из различных регионов России [39, с. 15—20]. Пребывание в монастырском заключении стойких ревнителей старины должно было повлиять на мировоззрение самих насельников монастыря. О коллективном противодействии реформаторам монахов в Рождественском Богородицком Кандалакшском и Троицком Печенгском монастырях сведений не выявлено. Но есть свидетельства о поведении отдельных духовных лиц, недовольных реформой. В 1679 г. в Кольском уезде проходили мероприятия по изъятию деревянных богослужебных сосудов и замене старых служебников на «новоисправленные». В этих целях специальная митрополичья комиссия, состоявшая из черного священника и старца Соловецкого монастыря, производила осмотр церквей и церковной утвари. В Кандалакшском монастыре, как явствует из грамоты митрополита Корнилия на имя соловецкого архимандрита Макария, священник Степан «новоисправного печатного Служебника не принял и старого Служебника и деревянных сосудов не отдал, и черного попа и старца, которые от вас были посланы для дозору церквей, в церковь Божию не пустили»*. Инициаторами церковного мятежа помимо священника названы ссыльные ростовцы Сила и Алексей. Вероятно, их содержание в монастыре было не очень строгим, и они имели там единомышленников. За сопротивление церковным властям священника Степана было приказано выслать в новгородский Судный приказ, а ссыльных ростовцев заковать в кандалы и посадить в земляную тюрьму [9, с. 77]. В 1682 г. иеромонах Печенгского монастыря Варфоломей обвинялся в «научении» своего духовного сына колянина Ивана Самсонова двуперстному крестному знаменю. Он пытался отвести от себя подозрение в «раскольстве», сославшись на то, что обучал этому Ивана еще до реформы, когда все так крестились [37, с. 20, 24]. Но избежать наказания ему не удалось. Как следует из грамот архиепископа Холмогорского Афанасия, посланных игумену Богородицкого Красногорского монастыря Никону в 1686 и 1688 гг., лишенный сана черный священник Варфоломей был сослан «за его тяжкие вины с запрещением священнодействия и благословения» в Красногорский монастырь «неисходно до конца жизни»**.

Об отношении монашествующих каргопольских монастырей к смене идеологии много ценной информации содержит «Вкладная

* К сожалению, из документа, процитированного Верюжским, неясно, о каком священнике идет речь — черном или белом [9, с. 77]. В переписной книге 1678—1679 гг. указан «поп Стефан Данилов на белой церковной земли» [23А, л. 25 об.].

** Информация почерпнута из старой архивной описи [7А], дела № 93, 109 не сохранились.

книга Спасо-Каргопольского монастыря»*. Запись о вкладе Ивана Яковлева проливает свет на биографию известного из староверческих сочинений инока Иосифа Ловзунского [40, с. 54]. Он оказался постриженником Александро-Ошевенского монастыря, а его сын был мастером иконного письма [24А, л. б/н, следующий после л. 204 об. по буквенной нумерации]. Среди каргопольских иконописцев известен Иван Яковлев Баженов, написавший в 1695 г. икону Игнатия Богоносца по заказу находящегося в ссылке в Кольском остроге опального боярина Леонтия Романовича Неплюева. Икона настолько понравилась Неплюеву, что он завещал строителю Троицкого Печенгского монастыря иеромонаху Павлу 100 р. для написания икон в восстанавливавшуюся после пожара церковь Троицы с условием, чтобы заказ выполнил каргополец Баженов. После смерти Неплюева по настоянию печенгского строителя архиепископ Афанасий поручил заказ именно Баженову в 1698 г. [32, с. 75]. На основании вкладной записи можно заключить, что уроженец Ловзунгской волости Каргопольского уезда Яков Баженов**, отец иконописца, принял постриг под именем Иосифа в Ошевенском монастыре и впоследствии перешел жить в соседний Спасо-Каргопольский монастырь. В 1665—1666 гг. по данным «Вкладной книги» известен келарь старец Иосиф [24А, л. 185—186 об.]. О других старцах Иосифах, бывших в этот период в монастыре, сведений нет. Логично предположить, что Иосиф Баженов из Ловзунги был в указанные годы келарем в Спасо-Каргопольском монастыре и входил в круг соборных старцев, так как упоминался как представитель монастырского руководства при записи каждого вклада до 1675 г. После исчезновения из монастыря строителя Евфимия в 1677 г. имя бывшего келаря и соборного старца Иосифа также пропадает из хозяйственных документов. Игумен, а потом строитель Спасо-Каргопольского монастыря Евфимий, по всей вероятности, сыграл заметную роль в судьбе старца Иосифа. Будучи постриженником Кожеозерского монастыря, Евфимий сохранил связи с монастырем, полномостным

* Каргопольский краевед К.А. Докучаев-Басков в начале XX в. издавал выдержки из «Вкладной книги» в сочинении «Строкина пустыня и ее чернецы: опыт исследования жизни монашествующих» (Известия Общества изучения Олонечкой губернии. Петрозаводск, 1914. № 3—8; 1915. № 2—3). К материалам «Вкладной книги» в разные годы обращались А.В. Пигин, В.И. Иванов, А.Н. Старицын и др.

** В переписной книге г. Каргополя и уезда 1648 г. упоминается крестьянин Ловзунгской волости деревни Коряевской-Токаревской Яков Федоров, у которого был сын Иван 1645 г. рождения [21А, л. 134]. Фамилия Баженов в переписи не названа. Можно только предположить, что фамилия Баженов распространялась на всех членов крестьянской семьи. Но, возможно, эту фамилию получил только сын Якова Федорова — иконописец Иван.

хозяином которого долгое время был мятежный старец Боголеп Львов*. Иеромонах Евфимий появился в Каргополе в 1662 г. [34, с. 103—105; 35, с. 80], и в этом же году его избрали игуменом на смену престарелому Иову, занимавшему эту должность 28 лет (1634—1662 г.) [36, стб. 994]. Приблизительно в это же время в Спасский монастырь приезжает другой кожеозерский постриженник — иеромонах Моисей. Его имя фиксируется во «Вкладной книге» с 1665 г. [24А, л. 185]. Оба иеромонаха находились под влиянием негласного руководителя Кожеозерского монастыря старца Боголепа и, надо полагать, так же, как и он, сохранили в душе приверженность старине. Когда церковные нововведения дошли до Кожеозера, Боголеп Львов запретил у себя в монастыре петь трегубую аллилуйю, называя это «новшество» римской ересью. Имея влиятельных покровителей** в Москве, старец Боголеп не пожелал подчиниться ни церковной, ни светской власти, отказавшись приехать по вызову в Москву на церковный Собор 1666 г. Узнав, что за ним послана митрополичья грамота, он плюнул и сказал: «хотя де будут и три грамоты, и мне де они в две денги» [23, с. 466]. Так как нет данных о признании Боголепом своей вины и о его покаянии перед церковными властями, можно предположить, что он остался верен старому обряду до конца своей жизни, и соответственно в монастыре сохранялся старый порядок до 1675 г. [10, с. 79].

Единомышленник Боголепа Евфимий долго противился наступающим «новшествам». Время игуменства Евфимия устанавливается с 1662 по 1677 г. [34, с. 104]. Из «Жития Корнилия Выговского» известно, что игумен Евфимий служил по старопечатным книгам и прятал у себя в монастыре 11 соловецких монахов. Имена некоторых из них известны: дьякон Игнатий, иноки Иосиф Сухой, Герман Коровка [5, с. 90]. Долгое пребывание в одном монастыре указанных старцев и наличие схожих черт в их дальнейших действиях подводит к осторожному предположению, что ими была выработана программа или схема поведения, которой они руководствовались в борьбе с реформированной церковной организацией. По всей вероятности, в Спасо-Каргопольском монастыре черным дьяконом Игнатием были составлены челобитные царям Алексею Михайловичу (до 30 января 1676 г.) и Федору Алексеевичу (5 октября 1676 г.) [6, с. 99, 107]. Возможно, монахами обсуждались вопросы, нашедшие выражение в написанном позднее сочинении Игнатия «Исповедание». Не все были

* Сделав колоссальный вклад в монастырь — 834 р. с полтиной, он распоряжался в монастыре как в своей вотчине [22].

** Покровители Боголепа известны — Федор Михайлович Ртищев и Алмаз Иванов [23, с. 466].

согласны со взглядами Игнатия на «Пилатово титло» и на скорейшее призвание неминуемой смерти. Однако эти идеи получили широкое распространение в Поморье во многом благодаря проповеди самого Игнатия и его единомышленников. Свою последнюю идею Игнатий воплотил в захвате Палеостровского монастыря в 1687 г. и последовавшем самосожжении [7]. Евфимий принимал всех несогласных с проводимой реформой, строил для них новые кельи. Даже исполняя обязанности поповского старосты в 1668—1670 гг., он не скрывал свои симпатии к старым порядкам [35; 34, с. 103—105]. Однако непринятие церковных нововведений Евфимием никогда не выходило за рамки правового поля. Именно он, подчиняясь распоряжениям священноначалия, был вынужден распространить в подведомственных ему церквях новые служебники в 1671 г. [6А, л. 249]. Вступив в конфликт с монастырскими вкладчиками, Евфимий был отстранен от игуменства, но в 1674 г. его вновь избрали на руководящую должность строителем [24А, л. 200; 36, стб. 994]. Достоверно неизвестно, как относился к нововведениям предшественник Евфимия игумен Иов [36, стб. 994]. Но, судя по тому, как болезненно реагировали на все новое люди старой закалки, можно допустить, что симпатии к «новинам» он не испытывал и по-новому также не служил. Поводом к принятию мер по устранению из монастыря старолюбцев послужило открытое столкновение гостившего в монастыре странствующего монаха Корнилия с представителями церковной администрации, надзиравшими за соблюдением богослужбных «новшеств», строителем Филофеем и иеромонахом Сергием в 1677 г. «С ними же Корнилий прение чинил» [5, с. 89]. В споре победу одержал Корнилий, а его противники были настолько растеряны, что даже не сумели воспользоваться административным ресурсом, чтобы арестовать инакомыслящего старца. Но «порядок» в монастыре они навели незамедлительно. Строитель Евфимий был удален из монастыря, а на его месте появился «новолюбивый» игумен Феодорит [36, стб. 994]. С этих пор монастырь из пристанища для беглых монахов стал постепенно превращаться в тюрьму для непокорных старолюбцев. При игумене Феодорите в Спасский монастырь был прислан для исправления «кажненной вор, церковной тать каргополец Петрушка Шангин, отсечена ему левая рука по запястью», принявший постриг под именем Питирима [8А, л. 1—3].

Вкладная запись бывшего игумена и бывшего строителя Евфимия, сделанная им после пожара в Спасо-Каргопольском монастыре, указывает на место его высылки — Ошевенский монастырь, и на занимаемую там должность келаря [24А, л. 203 об.—204]. Пожар в Каргопольском Спасском монастыре случился в ночь на 28 ноября 1679 г. и нанес братии значительный ущерб [19А, л. 189]. Сле-

довательно, через два года после высылки из Каргополя Евфимий занял в Ошевенском монастыре ответственную должность и имел возможность помогать своей прежней братии. Думается, что сами монашествующие, оставшиеся в монастыре, сочувствовали Евфимию и разделяли его взгляды на изменение обрядов. Руководивший с 1678 по 1683 г. Спасским монастырем игумен Моисей был старым приятелем Евфимия. Он, по всей вероятности, так же, как Евфимий, против своей воли подчинялся приказам начальства. В игуменство Моисея в 1683 г. в Спасском монастыре находился в заключении 80-летний крестьянин Павловской волости деревни Васильевской Леонтий Борисов, отказавшийся признать реформированную церковь. Прожив в монастыре около пяти недель, Леонтий Борисов умер, а тело его на третий день после смерти при явном попустительстве игумена было похищено. По предположению Е.М. Юхименко, тело Леонтия похитили и предали достойному погребению его единоверцы или сочувствующие им [44, с. 101—104]. Игумен Моисей скрыл от начальства это происшествие. Несмотря на запрос от воеводы от 14 июня 1683 г. с приказанием доставить Леонтия Васильева в Приказную избу, он ответил лишь 11 октября, что его арестант умер в марте [9А, л. 1; 43, с. 96]. В наказание игумен был выслан под начал в Кожеозерский монастырь [43, с. 105]. Похожая история в том же году произошла в соседнем Александро-Ошевенском монастыре при игумене Евфимии Бодухине*, но бывшего каргопольского игумена, а впоследствии ошевенского келаря Евфимия в монастыре уже не было [15А, л. 1—12; 44, с. 102]. Туда были присланы для исправления дети Леонтия Борисова Андрей и Авраамий, так же, как их отец, отвергнувшие новую церковную организацию. Они прожили в монастыре два месяца в чулане поваренной кельи. Из-под замка их приводили скованными на службу в церковь, где они крестились двумя перстами на иконы и поклонялись мощам преп. Александра Ошевенского. 21 апреля 1683 г. на следующий день после праздника преп. Александра, сбив кирпичом замок, Андрей и Авраамий бежали из монастыря. Ошевенский игумен Евфимий известил каргопольского воеводу о побеге заключенных староверов только в конце июля, т.е. спустя три месяца, намеренно затягивая время. Вскоре игумен Евфимий Бодухин умер, а наказанию подвергся его преемник бывший келарь Антоний, который был сослан под начал в Кенский монастырь [44, с. 105—107]. Где находился во время описываемых событий инок

* Фамилия ошевенского игумена Евфимия Бодухин (игуменствовал в 1665—1683 гг.) зафиксирована в «Синодике Александро-Ошевенского монастыря» [10А, л. 19]. Не следует путать с келарем Евфимием.

Иосиф Ловзунский, неизвестно. Можно предположить, что он ушел из Каргопольского монастыря вместе со строителем Евфимием и вернулся в родной Ошевенский монастырь. И опять же вслед за Евфимием оставил монастырь в 1682—1683 г., так как в сказке, поданной братией Ошевенского монастыря о побеге староверов Андрея и Авраамия в марте 1684 г., среди 22 подписей монашествующих его имени нет [44, с. 116]. Трудно допустить, что Иосиф остался в Спасо-Каргопольском монастыре после разгона пристанища для староверов в 1677 г. Однако отвергать совсем такую вероятность нельзя, потому что в допросных речах братии Спасского монастыря в марте 1684 г. фигурирует имя соборного старца Иосифа [44, с. 121]. Возможно, это другой Иосиф. В 1681 г. принял постриг с этим именем бывший подьячий приказной избы Иван Константинов, сделав вклад в 5 рублей [24А, л. 211]. Вопрос остается открытым. Судьба бывшего каргопольского игумена Евфимия прослеживается по «Синодику Александро-Ошевенского монастыря». Он упомянут там как бывший ошевенский келарь, а ныне игумен Никандровой пустыни [10А, л. 21]. Предположительно это Благовещенская пустынь под Порховом, потому что из трех Никандровых пустынь по «Спискам» Строева только там в 1690 г. значился игумен Евфимий [36, стб. 396].

Новые сведения, полученные из «Вкладной книги», позволяют обобщить имеющийся материал и раскрывают картину неприятия реформированного обряда в трех крупнейших каргопольских монастырях — Кожеозерском, Ошевенском и Спасо-Каргопольском. Между монастырями поддерживалась постоянная связь, которая проявлялась как на уровне личного общения монашествующих, так и в связи с официальными назначениями и перемещениями. В 1666 г. из Соловецкого монастыря в Ошевенский выслали «неблагонадежного» монаха Ефрема Киприянова, занявшего на новом месте должность строителя [34, с. 105]. Позже он переехал в Каргополь в Спасский монастырь к игумену Евфимию и оставался там до своей смерти, последовавшей 13 сентября 1674 г. [34, с. 105]. В 1671 г. на замену отставленному от игуменства Евфимию в Спасо-Каргопольский монастырь был прислан из Александро-Ошевенского монастыря иеромонах Симеон, который в 1674 г., по всей вероятности, вернулся обратно*. Постриженник Ошевенского монастыря Иосиф долгое время жил в Спасо-Каргопольском монастыре. Постриженники Кожеозерского монастыря черные священники Евфимий и

* Данное предположение основано на сопоставлении сведений о иеромонахах из «Вкладной книги Спасо-Каргопольского монастыря» с перечнем монашествующих Ошевенского монастыря, где значился в 1683 г. иеромонах Симеон [44, с. 116].

Моисей, ставшие впоследствии игуменами Спасского монастыря в Каргополе, неоднократно перемещались между монастырями по распоряжению начальства.

В Тихвине монашествующие небольших монастырей пытались отстаивать старые порядки. В июле 1666 г. архимандритом Большого Успенского монастыря Корнилием была получена митрополичья грамота из Москвы с приказанием арестовать монахов Николо-Боровинского монастыря Иоасафа Чаплина и Иоасафа Татарина и выслать в Москву [2А, л. 5]. Причем Иоасаф Татарин только недавно вернулся из Кириллова монастыря, где находился в ссылке. Узнав о грозящей монахам опасности, их успел предупредить игумен Николо-Беседного монастыря Досифей, и они скрылись. Начавшееся следствие установило причастность игумена Досифея к исчезновению опальных монахов, но этому не было придано должного значения. В 1671 г. Иоасаф Чаплин все же был пойман вместе с другим монахом Симеоном и доставлен в Новгород [2А, л. 6—23]. По сведениям тихвинского краеведа И.П. Мордвинова, разбиравшего архив Успенского монастыря, Чаплин неоднократно совершал побег из мест заключения и возвращался в Тихвин, где прятался у своих родственников (он происходил из посадских людей г. Тихвина) [25, с. 47]. Семен Денисов утверждал, что Чаплин умер в тюрьме новгородского Духовного приказа [12, л. 69 об.].

В отличие от Боровинского монастыря, где против реформы выступали отдельные монахи, мужской Николо-Беседный и женский Введенский монастыри до начала 70-х годов соблюдали старую богослужебную традицию. Известный противник церковной реформы игумен Николо-Беседного монастыря Досифей был избран братией на эту должность в 1662 г. Его предшественник, игумен Тарасий, отмеченный у П.М. Строева в 1658 и 1659 гг. [36, стб. 94], придерживался, по всей видимости, таких же традиционалистских взглядов. По свидетельству Ивана Филиппова, в Никольском монастыре у игумена Досифея гостил инок Прокопий во времена патриаршества Никона и при митрополите Макарии, т.е. до 1658 г. [40, с. 126]. На этом основании некоторые исследователи предположили, что Досифей стал игуменом в 1658 г. [1, с. 58]. Так как Досифея в старообрядческих сочинениях называли игуменом независимо от времени его поставления, то логично выдвинуть другую версию, что тогда он игуменом не был, а игуменствовавший при Никоне Тарасий сохранял в монастыре прежние порядки. Прокопий, как старый знакомый Досифея, мог просто жить в его келье. Таким образом, допустимо утверждать, что Николо-Беседный монастырь так же, как Спасо-Каргопольский, принимал и укрывал странствующих монахов. До 1669 г. епархиаль-

ное начальство, по всей видимости, ничего не знало о порядках в монастыре. В декабре 1669 г. Досифей внезапно оставил монастырь, фактически бежал, так как уехал тайно. По наблюдению П.В. Седова, он не собирался возвращаться и забрал все свое имущество с собой [31, с. 162]. Что послужило причиной поспешного отъезда игумена? Вероятно, его разоблачение, потому что новгородский митрополит Питирим сразу получил донос от монаха того же монастыря Феодосия, что игумен Досифей уехал из монастыря, а свои вещи и монастырскую документацию оставил на хранение в девичьем Введенском монастыре. Питирим поручил архимандриту Успенского монастыря Ионе навести «порядок» в указанных монастырях. В 1670 г. в Николо-Беседном монастыре появился новый игумен Геронтий, в женском монастыре также произошли изменения.

В Тихвинском Введенском девичьем монастыре предположительно с 1624 г. по 70-е годы XVII в. жили племянницы бывшей царицы Дарьи Колтовской — сестры княжны Леонида и Александра Гагарины*. После кончины 5 апреля 1626 г. всеми уважаемой Дарьи ее племянницы, не занимая никаких формальных должностей, оставались практически полновластными хозяйками в монастыре до самой своей смерти. Отношение к церковным «новинам», вводимым на государственном уровне, у таких людей с устоявшимися привычками и взглядами должно было быть отрицательным. Можно провести параллель с самовольным кожеозерским иноком Боголепом Львовым, который не признавал над собой никакой власти и осмелился не подчиниться ни митрополичьему, ни царскому указам, требовавшим от него прибыть в Москву для покаяния. Думается, что сестры Гагарины таким же образом отреагировали на указы священноначалия об изменении старого богослужебного обряда. Но если Кожеозерский монастырь находился в труднодоступной местности вдали от какого-либо начальства, то Введенский монастырь располагался в центре Тихвина по соседству с Большим Успенским монастырем, архимандрит которого являлся помощником митрополита и обязан был следить за проведением официальной церковной политики. В связи с бегством игумена Досифея священноначалию стало известно о непринятии реформированного обряда сестрами Введенского монастыря**. Старая игуменья Платонида была заменена игуменьей

* В 1624 г. в Тихвин возвращается царственная инокиня Дарья Колтовская и становится игуменьей во Введенском монастыре. В это время вместе с инокиней Дарьей в монастыре появляются ее племянницы сестры Леонида и Александра [42, с. 241; 26].

** Время игуменства Геронтия 1670—1672 гг. Время игуменства Платониды 1657—1669 гг. Время игуменства Измарагды 1670—1675 гг. [36, стб. 91, 94].

Измарагдой. Но из грамот новгородского митрополита видно, что Измарагда не оправдала доверие начальства. При новой игуменье богослужение по-прежнему совершалось по старопечатным книгам. В 1671 г. игуменья Измарагда, старица Александра Гагарина, старица Федосья Давыдова, белые священники, служащие во Введенском монастыре, Иван Никитин и Автоном Хрисанфов, а также белый дьякон Алексей Терентьев были высланы в Новгород для смирения. В апреле того же года они были возвращены в монастырь, так как признали свои «ошибки» и выразили покорность официальной церкви. Но священноначалие не было склонно доверять «раскаянью» тихвинских староверов. Митрополит Питирим приказал архимандриту Ионе послать во Введенский девичий монастырь из Успенского мужского монастыря искусного черного священника для наблюдения за сестрами и белыми священниками. Иона ответил, что искусного священника в монастыре нет, и он не знает, где его найти. Тогда митрополит в ноябре 1671 г. велел прислать во Введенский монастырь строителя Антониево-Дымского монастыря черного священника Варлаама, который когда-то был монахом Успенского монастыря [4А, л. 1—2; 5А, № 102, л. 1—2; 5А, № 105, л. 1; 1А, № 644, л. 1—3; № 647, л. 1—2]. Таким образом, к началу 70-х годов реформированный обряд под наблюдением иеромонаха Варлаама окончательно утвердился во Введенском девичьем монастыре.

Сведения о непринятии церковных нововведений в олонечких монастырях Троицком Сунском, Ильинском Машеозерском и Троицком Курженском почерпнуты целиком из старообрядческих источников. В первую очередь это «Житие Кирилла Сунского», составленное на Выгу и посвященное жизнеописанию первого насельника Выговской пустыни — постриженника Диодоро-Юрьевского монастыря и основателя Троицкого Виданского монастыря на реке Суне инока Кирилла. Специфика составления старообрядческих житий заключалась в сборе всевозможной информации, как устной, так и письменной, преимущественно получаемой из опроса очевидцев событий. Поэтому, как уже отмечалось выше, несмотря на большую степень достоверности излагаемых событий, их датировка может иметь погрешности. Пустынь, основанная Кириллом на Виданском острове реки Суны, получила официальный статус монастыря приблизительно в 60-е годы [13А, л. 315 об., 321 об.—324]. С 1657 г. в пустыни вместе с Кириллом проживал соловецкий выходец инок Епифаний, а позднее к ним присоединился другой соловецкий отшельник старец Варлаам [13А, л. 318 об.—320]. Епифаний рассказал пребывавшему в неведении Кириллу о начавшейся в России церковной реформе. Но Кирилл серьезно задумался о

степени духовной опасности проводимой реформы только после беседы с олончанином Иларионом Пуллоевым. Датировать эту беседу можно только приблизительно временем после 1666 г. С этого момента Кирилл стал сознательно избегать нововведений и следил, чтобы приходящие к нему иеромонахи тайно служили по-старому [13А, л. 330 об.—335 об.]. Кириллу удавалось притуплять бдительность поповских старост до 1683 г., когда новгородскому митрополиту Корнилию был подан донос на неблагонадежного строителя. Весной 1684 г. в монастырь прибыл подьячий Духовного приказа Семен Прокофьев (Семен Косой), который намеревался арестовать строителя Кирилла и скрытно проживавшего в его монастыре и служившего по-старому неизвестного иеромонаха. Кириллу и иеромонаху удалось бежать, а некоторые старцы были арестованы и скованные доставлены в Новгород. После полугодового пребывания в темнице виданские иноки признали «новины» и были возвращены в свой монастырь. На замену Кириллу из Новгорода прислали игумена одного из новгородских монастырей Ефрема [13А, л. 335—335 об.].

Расположенный недалеко от Троицкого Сунского Ильинский Машеозерский монастырь также служил прибежищем скрывающимся от преследования властей странствующим монахам. По сведениям, зафиксированным И. Филипповым в «Истории Выговской старообрядческой пустыни», строитель Макарий (1686—1689) [36, стб. 1006] несколько лет прятал уклонявшегося от «новин» постриженника одного из московских монастырей, инока Виталия, который жил на острове рядом с церковью в пустующей келье. Из этого убежища Виталий приходил в Сунский монастырь уже после изгнания оттуда Кирилла и беседовал о нем и о живших там соловецких отшельниках с оставшимися монахами, которые хорошо помнили своего наставника. Осенью 1687 г. Виталий в очередной раз вознамерился сходить на Виданский остров на реке Суне, но по дороге был настигнут отрядом стрельцов и спрятался от них в соломенном омете. Там он просидел восемь дней и застудил себе ноги. Его, обессиленного, обнаружили местные крестьяне и спрятали на некоторое время в Сунском монастыре, потом переправили в Выговскую пустынь [40, с. 118—120]. В Машеозерский монастырь он больше не возвращался. О дальнейшей судьбе строителя Макария ничего не известно.

Находящиеся в том же Олонецком уезде, только на противоположной стороне Онежского озера, два небольших монастыря — Троицкий Курженский и Спасский Маткозерский — не приняли нововведений. Первый из них, Курженский, наверное, самый известный оплот староверия в Заонежье. Основатель монастыря преподобный Евфросин дружил с соловецкими отшельниками Епифанием и Вар-

лаамом, которые недолгое время скрывались у него [15, с. 190—191]. Уже после смерти Евфросина монастырь превратился в общероссийский стратегический и координационный центр староверческого движения. Бежавший сюда в 1671 г. из Москвы тихвинский игумен Досифей развернул энергичную деятельность по организации сопротивления реформе. Помимо того, что, по сообщению И. Филиппова, в Курженском монастыре служба велась по-старому [40, с. 88], здесь проходили совещания, рассматривавшие важные вопросы внутренней жизни старообрядчества, отсюда рассылались письма в самые отдаленные уголки России и посылались староверческие эмиссары в Москву для организации подпольной работы в 1682 г. [33, с. 200]. Досифей покинул Евфросинову Курженскую пустынь в 1685 г., уехав на Дон окончательно [14, с. 75]. Предположительно вскоре после его отъезда пустынь прекратила свое существование в качестве убежища для старообрядцев. Но она не была сожжена и уничтожена, как об этом писал И. Филиппов [40, с. 89]. В свете новых источников, введенных в научный оборот Ю.Н. Кожевниковой [21, с. 65], следует пересмотреть версию о разрушении пустыни в конце XVII в. [33, с. 201]. По данным Реестра монахов Олонецкого уезда, в 1722 г. в Курженской пустыни числилось четыре монаха, и, по всей вероятности, она дожила до секуляризационной реформы 1764 г. [21, с. 65]. Как и в других монастырях, где монахи выражали недовольство проводимой реформой, в пустыни была проведена насильственная смена идеологии. Разогнав староверов, епархиальное начальство заселило монастырь новым составом монашествующих. Когда это произошло, сказать пока затруднительно. Из перечня монахов, проживавших в Курженской пустыни в 1722 г., видно, что самый старый из них 88-летний Макарий, пострижник Петропавловского монастыря на тридцати носах, был переведен сюда в 1692 г. сразу после пострижения [11А, л. 28]. Возможны два варианта реконструкции событий. Либо именно в 1692 г. произошла замена монахов-староверцев на монахов-нововерцев, либо разгон любителей старины был осуществлен раньше, и до этого года пустынь на острове Курженского озера оставалась пустой. В наказе новгородского митрополита Корнилия подьячему Духовного приказа Семену Прокофьеву от 1686 г. говорилось о розыске в Заонежских погостах «раскольников» и в том числе курженского чернеца Филарета [13, с. 309—311]. Можно предположить, что уже тогда старолюбцы были вынуждены покинуть монастырь и скрываться от преследований.

Другой, Маткозерский, монастырь был основан черным священником Фавстом, вероятно, во второй половине XVII в., так как первые известия о нем датируются 1674 г. В этом году Фавстом была

составлена челобитная о пожаловании Маткозерской пустыни пустошью в Андомском погосте [18А, л. 99]. Об идеологической позиции основателя пустыни Фавста свидетельствует грамота Вологодского архиепископа Гавриила от 24 июля 1686 г.^{*}, посланная властям Кирилло-Белозерского монастыря [11]. В грамоте говорится, что посланный в марте 1686 г. «в Кирилов монастырь с Вологды Хмелевской пустыни старец Пафнотей за раскол под начал» вместе с иеромонахом Маткозерской пустыни Фавстом били челом архиепископу о помиловании. Гавриил приказал архимандриту Тимофею старца Пафнутия освободить от тяжелой работы и оставить в монастыре под наблюдением, «а иеромонаха Фавста ис тюрьмы велеть свободить и быт[ь] ему до указа под началом же, а к церкви Божи[е]й велет[ь] ему ходить за бережением» [11]. Пафнутий отбывал наказание в течение полугода. Можно допустить, что и Фавст пробыл в тюрьме не дольше. В 1692 г. он уже вернулся в свою Маткозерскую пустынь и сделал вклад в виде колокола [4, с. 17]. Следовательно, к этому времени смена идеологической позиции маткозерской братии уже произошла.

Находящийся на расстоянии около 60 км к северу от Курженского, тоже островной Богоявленский монастырек располагался в удаленном от поселений месте на озере Рогозеро. О сопротивлении реформе в монастыре стало известно из дела о «раскольниках» в Пудожском погосте, заведенного в Новгородском приказе по донесению олонечского воеводы Леонтия Афанасьевича Стрешнева в 1693 г. [2; 20, с. 331—346]. В деле только один монастырский служака Андрей Остафьев упоминается, как старообрядец. О симпатии к старине собственно монахов Рогозерской пустыни ничего в документах не говорится. Возможно, она пустовала. Состояние пустыни было бедственным еще в 1678 г., так как по описанию переписчиков там не было даже церкви (Богоявленский храм развалился от старости), а стояла только часовня [22А, л. 167 об.]. Из других документов известно, что в 1682 г. строитель Серапион просил защитить его и братию от произвола соседних крестьян [20А, л. 29]. В июле 1693 г. в Рогозерской пустыни обосновались староверы — три пришлых монаха (Тимофей, Иосиф и один безымянный)** и большое количество мирян. В монастыре силами местных крестьян

* Сердечно благодарю Нину Михайловну Македонскую за указание на этот документ.

** Чернеца Тимофея С.А. Зеньковский ошибочно называет основателем Рогозерской пустыни [16, с. 287]. Пустынь была основана другим лицом — строителем Тимофеем в 1606 г. О втором чернце Иосифе Сухом подробно повествует И. Филиппов [40, с. 77—80]. Третий безымянный чернец, исходя из материалов дела, может быть идентифицирован как Тимофей Розунов или Розунога, выходец из села Сумы Пудожского погоста [20, с. 337—338].

была построена «изба о пяти житьях», где разместились выходцы из Каргопольского уезда около 100 мужчин. Всего на Рогозерском острове собралось до 1000 человек мужчин и женщин, для которых, вероятно, строились еще избы. 21 июля староверы вышли из Рогозерской пустыни в Пудожский погост, где пересвятили церкви и служили в них по-старому, перекрещивали окрестных крестьян. 12 августа большая часть вышедших из Рогозерской пустыни староверов (около 800 человек) сгорела в деревне Строкинской во время захвата их убежища присланной из Олонца стрелецкой командой. Руководивший карательной акцией стрелецкий сотник сжег все построенные старообрядцами срубы в Рогозерской пустыни [20, с. 337—346]. Куда исчезли жившие здесь до захвата монастыря старообрядцами монахи, неизвестно. О заселении монастыря вновь также нет никаких известий.

В документах Новгородского приказа сохранились отписки двинского воеводы Федора Полиектовича Нарышкина, свидетельствующие о неприятии в Анзерской пустыни церковной реформы. В июне 1674 г. в Холмогорах были задержаны анзерские монахи — строитель Иларион и рядовые старцы Пахомий и Нафанаил, которые выражали неуважение к «новоисправленным» книгам и церковным властям. В ходе розыска в Анзерскую пустынь была отправлена специальная комиссия в лице попа Стефана Гаврилова и подьячего Андрея Тихонова. Комиссия выявила поголовное неприятие насельниками пустыни религиозных «новшеств». Из восьми человек «раскольников» двое «пущих заводчиков», Симон и Александр, были отосланы скованными в Архангельск, а оставшиеся шестеро старцев посажены под караул [17А, л. 1—2]. Таким образом, монахи Анзерской пустыни были во всем солидарны с Соловецким монастырем. До июня 1674 г. им удавалось обманывать осаждавших монастырь воевод. Климентий Иевлев и Иван Мещеринов даже посылали анзерских монахов для уговора соловецких сидельцев [41, с. 106]. Но летом 1674 г. их лукавство было раскрыто, и они проявили себя стойкими последователями старого обряда [3, с. 82—85]. Судьба одного из шести анзерских монахов, оставленных на острове под караулом, известна. Черный дьякон Питирим, по сведениям И. Филиппова, бежал с Анзерского острова на лодке еще до взятия Соловецкого монастыря правительственными войсками. Пробираясь тайно от устья Онеги вдоль побережья Белого моря, он приплыл в Кушерецкую волость, а оттуда дошел до озера Чолозера. Там он скрывался до основания на Выгу первых поселений. Умер Питирим в Солотозерском скиту [40, с. 127—128]. Строитель Иларион и старцы Пахомий и Нафанаил принесли притворное покаяние и были отосланы для исправления в Антониево-Сийский монастырь

к игумену Феодосию. Из Сийского монастыря 28 сентября 1674 г. Нафанаил и Пахомий сбежали [16А, л. 4]. Старцу Александру также удалось освободиться из заточения в Михаило-Архангельском монастыре и обосноваться в местечке Янгоры Каргопольского уезда, где он жил до 1730-х годов [12А, л. 15 об.].

Проведенный анализ изложенных выше фактов показывает, что недовольство церковной реформой в северных монастырях было распространенным явлением. Случаи захвата монастырей старообрядцами (наиболее яркий пример — Палеостровский монастырь) не рассматривались нами в данной работе, так как они свидетельствуют уже не о монастырском, а о другом — крестьянском этапе сопротивления реформе. Можно допустить, что похожие ситуации сложились в Курженской и Рогозерской пустынях, т.е. они были захвачены или заселены пришлыми старообрядцами. Но в отношении этих монастырей мы имеем документальные свидетельства о мировоззренческой позиции хотя бы немногих насельников. Чтобы однозначно ответить на вопрос о захвате указанных монастырей, нужны дополнительные архивные изыскания.

Наиболее типичный вид монастырского сопротивления церковной реформе заключался в том, что монахи коллективно отказывались вводить «новшества», не желая разрушать привычное мировосприятие. Так, во многих монастырях продолжали служить по-старому до того момента, когда об этом становилось известно епархиальному начальству. Открытие факта симпатии к старине приводило к отсылке на незначительный срок настоятеля в другой монастырь для исправления, но чаще всего к смене руководства монастырем. Такие замены происходили, как правило, в административном порядке и не выделялись в особые делопроизводства. Поэтому в официальных источниках за редким исключением (как, например, в случае с Введенским девичьим монастырем в Тихвине или с Рогозерской и Анзерской пустынями) не удастся встретить известия о неприятии «новшеств» монахами того или иного монастыря. Анзерская пустынь попала в поле зрения воевод, причастных к осаде Соловецкого монастыря и обязанных докладывать обо всех происшествиях, связанных с осадой, а в особенности о мировоззренческой позиции монахов, вышедших с Соловецких островов. По этой причине сведения о неблагонадежности анзерских старцев нашли отражение в официальной документации. Нужно отметить, что подобные источники (приказное делопроизводство и следственные дела) являются наиболее полными и достоверными. Единственный их недостаток — единичность. В этой связи исключительную значимость приобретают старообрядческие сочинения. При отно-

сительно слабой точности датировки событий они обладают удивительной информативностью, сообщая важные подробности эксклюзивного характера из жизни противников нового обряда.

Другой вид протеста против изменения обрядности выражался индивидуально. В случаях, когда руководство монастырем не находило в себе силы противостоять церковной реформе или по идеологическим соображениям принимало нововведения, некоторые монахи, не желавшие отказываться от старого обряда, единолично покидали монастыри. Многие из них, как иноки Корнилий Выговский, Иоасаф из Кириллова монастыря, Кирилл Сунский, Иосиф Ловзунский или укрывавшиеся в Спасо-Каргопольском монастыре соловецкие старцы, продолжали борьбу с «новинами» и вне монастырских стен.

К региональным особенностям монастырского противостояния церковной реформе на Севере можно в первую очередь отнести географические условия. Труднодоступность и удаленность от епархиального и вообще какого-либо начальства позволяла монахам долгое время придерживаться старых порядков, а в некоторых случаях игнорировать митрополичьи и царские указы. Во вторую очередь следует отметить сочувствие и поддержку местного населения. Это ярко проявилось в конкретных случаях в Тихвине, Каргополе, Пудожском погосте и других местах.

В целом сопротивление небольших северных монастырей носило спонтанный характер, не имело должного уровня организованности и достаточных сил, как у Соловецкого монастыря, для противостояния государственной машине. Активность и продолжительность сопротивления монахов в большинстве случаев зависели от личных качеств настоятелей монастырей. Властным структурам достаточно было сменить или примерно наказать строптивного игумена, чтобы привести к покорности рядовую братию. Важно отметить, что ни в одном из выявленных случаев несогласия с официальной церковной политикой не зафиксировано решимости монахов пойти на коллективный разрыв с церковной или светской властью, как это произошло в Соловецком монастыре. Исключением является позиция анзерских старцев. Но Анзерская пустынь фактически являлась частью Соловецкого монастыря и находилась под его защитой.

- 1А. Архив СПбИИ. Ф. 12 (Коллекция археографической комиссии). Оп. 2. Переплет 7.
- 2А. Архив СПбИИ. Ф. 89 (Мордвинов). Оп. 1. Д. 81.
- 3А. Архив СПбИИ. Ф. 115 (Рукописная книга). Д. 677.
- 4А. Архив СПбИИ. Ф. 132 (Успенский Тихвинский монастырь). Оп. 1. Карт. 13. № 41.
- 5А. Архив СПбИИ. Ф. 132 (Успенский Тихвинский монастырь). Оп. 1. Карт. 14.

- 6А. Архив СПбИИ. Ф. 171 (Новгородский Софийский архиерейский дом). III № 166.
- 7А. ГААО. Ф. 309 (Красногорский Богородицкий монастырь). Оп. 2.
- 8А. ГААО. Ф. 792 (Спасо-Каргопольский монастырь). Оп. 1. Д. 216.
- 9А. ГААО. Ф. 792 (Спасо-Каргопольский монастырь). Оп. 1. Д. 235.
- 10А. ГААО. Ф. редкой книги. Синодик Александро-Ошевенского монастыря.
- 11А. ГИАНО. Ф. 480 (Новгородская духовная консистория). Оп. 1. Д. 80.
- 12А. ГИАНО. Ф. 480 (Новгородская духовная консистория). Оп. 1. Д. 528.
- 13А. ОР РГБ. Ф. 98 (Собрание Егорова). № 1137.
- 14А. ОР РГБ. Ф. 98 (Собрание Егорова). № 1968.
- 15А. РГАДА. Ф. 125 (Монастырские дела). Оп. 1 (1682 г.). № 42.
- 16А. РГАДА. Ф. 125 (Монастырские дела). Оп. 1. Д. 30.
- 17А. РГАДА. Ф. 159 (Приказные дела новых лет). Оп. 3. Д. 374.
- 18А. РГАДА. Ф. 159 (Приказные дела новых лет). Оп. 3. Д. 379.
- 19А. РГАДА. Ф. 159 (Приказные дела новых лет). Оп. 3. Д. 1109.
- 20А. РГАДА. Ф. 159 (Приказные дела новых лет). Оп. 3. Д. 1602.
- 21А. РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1, ч. 1. Д. 168.
- 22А. РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Д. 1137.
- 23А. РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Д. 15056.
- 24А. РНБ. Ф. 550 (Основное собрание). Q IV-337.

1. Агеева, Е.А. Досифей [Текст] / Агеева Е.А., Шашков А.Т., Юхименко Е.М. // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. XVI: Дор — Евангелическая церковь союза. С. 58—61.
2. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией [Текст]. М., 1842. Т. V: 1671—1700 гг. С. 378—394 (№ 223).
3. Акты, относящиеся к истории Соловецкого бунта [Текст] // Чтения в Императорском обществе истории древностей российских при Московском университете. 1883 год. М., 1884. Кн. 4. С. 1—92 (Разд. V: Смесь).
4. Барсов, Е.В. Алфавитный указатель монастырей и пустынь, упраздненных и существующих в Олонечкой губернии, с их настоятелями [Текст]: материалы для истории и статистики Обонежской церкви // Памятная книжка Олонечкой губернии на 1867 год. Петрозаводск, 1867. С. 3—29.
5. Брежневский, Д.Н. Житие Корнилия Выговского Пахомиевской редакции [Текст]: (тексты) // Древнерусская книжность: по материалам Пушкинского Дома: сб. науч. тр. М., 1985. С. 62—107.
6. Бубнов, Н.Ю. Комментарии [Текст] / Бубнов Н.Ю., Чумичева О.В. // Памятники старообрядческой письменности. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. С. 99—118.
7. Бубнов, Н.Ю. Дьякон Игнатий Соловецкий: жизнь и сочинения [Текст] / Бубнов Н.Ю., Чумичева О.В. // Памятники старообрядческой письменности. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. С. 11—38.
8. Бубнов, Н.Ю. Епифаний [Текст] / Бубнов Н.Ю., Юхименко Е.М. // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. XVIII: Египет древний — Ефес. С. 545—549.
9. Верюжский, В. Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще Русской церкви в конце XVII века [Текст]: церковно-исторический очерк. СПб.: тип. И.В. Леонтьева, 1908. [4], VI, 683 с.
10. Вкладная книга Кожеозерского монастыря [Текст] // Косцова, А.С. Вкладная книга Кожеозерского монастыря. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2008. Кн. 2: вступит. ст., текст, коммент. С. 69—154.
11. Грамота архиепископа Вологодского Гавриила властям Кирилло-Белозерского монастыря об освобождении сосланных в монастырь за раскол стар-

- ца Пафнутия и иеромонаха Фавста: 1-го от работ в хлебопекарне, а 2-го из тюрьмы, 7194 г. [Текст] // Труды / Саратовская ученая архивная комиссия. Саратов, 1914. Вып. 31. С. 19.
12. *Денисов, С.* Виноград Российский или описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие, написанный Симеоном Дионисиевичем (княз. Мышецким) [Текст]. М.: тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1906. XVI с., 135 л.
 13. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией [Текст]. СПб., 1872. Т. XII. С. 309—311 (№ 35).
 14. *Дружинин, В.Г.* Раскол на Дону в конце XVII века [Текст]. СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1889. X, 335, [3], 3 с.
 15. Жизнеописание Епифания [Текст] // Робинсон, А.Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания: исследования и тексты. М., 1963. С. 179—202.
 16. *Зеньковский, С.А.* Русское старообрядчество [Текст]: в 2 т. / сост. Г.М. Прохоров; отв. ред. В.В. Нехотин. М.: Институт ДИ-ДИК, 2006. 687 с.
 17. *Зиборов, В.К. Савватий* [Текст] / Зиборов В.К., Яковлев В.В. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3: XVII в., ч. 3: П—С. С. 327—329.
 18. *Игнатий, архиеп. Донской и Новочеркасский.* Истина св. Соловецкой обители против неправды Челобитной, называемой Соловецкой о вере [Текст]. СПб.: тип. Деп. внешней торговли, 1844. XII, 278 с.
 19. Из рукописей Е.В. Барсова [Текст] // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1885 год. М., 1885. Кн. 4. С. 1—3 (Разд. V: Смесь).
 20. Карелия в XVII веке [Текст]: сб. док. / сост. Р.Б. Мюллер; под ред. А.И. Андреева. Петрозаводск: Гос. Изд. Карело-Финской ССР, 1948. 443 с.
 21. *Кожевникова, Ю.Н.* Монастыри и монашество в Олонецкой епархии во второй половине XVIII — начале XX в. [Текст.] Петрозаводск: Изд-во Спасо-Кижского Патриаршего Подворья, 2009. 304 с.
 22. *Лобачев, С.В.* Патриарх Никон [Текст]. СПб.: Искусство-СПБ, 2003. 412, 2 с.
 23. Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые редакцией «Братского слова» [Текст] / под ред. Н.И. Субботина. М., [1875]. Т. 1. 492, VI с.
 24. *Молчанов, А.* Бунт соловецких монахов и его значение для раскола вообще и в частности для раскола поморского [Текст] // Памятная книжка Архангельской губернии на 1909 год. Архангельск, 1909. С. 1—38.
 25. *Мордвинов, И.П.* Старый Тихвин и Нагорное Обонежье [Текст]: ист. очерк. Тихвин: Тихвинск. уисполком, 1925. [2], 72 с.
 26. *Муштафаров, А.В.* Дария [Текст] // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. XIV: Даниил, пророк ветхозаветный — Даниил [Деметрий], имена 2 сир. царей из династии Селевкидов. С. 199—201.
 27. *Перов, И.* Епархиальные учреждения в Русской церкви в XVI—XVII веках [Текст]: (историко-канонический очерк). Рязань: губ. тип., 1882. [3], II, 210, X с.
 28. Приходные и расходные денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря, 1601—1637 гг. [Текст] / сост. З.В. Дмитриева. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. 758 с. С. 367.
 29. *Румянцева, В.С.* Народное антицерковное движение в России в XVII веке [Текст] / отв. ред. И.А. Булыгин. М.: Наука, 1986. 264 с.
 30. *Савич, А.А.* Соловецкая вотчина XV—XVII вв. [Текст]: (опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем русском севере в древней Руси). Пермь: О-во историч., философ. и соц. наук при Пермск. гос. ун-те, 1927. 280 с.

31. *Седов, П.В.* Закат Московского царства: царский двор конца XVII века [Текст]. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 604 с.
32. Словарь русских иконописцев XI—XVII веков [Текст] / сост. И.А. Кочетков. М.: Индрик, 2003. 815 с.
33. *Старицын, А.Н.* Курженская пустынь [Текст] // Вестник церковной истории. М., 2009. № 3—4 (15—16). С. 191—205.
34. *Старицын, А.Н.* Между Соловками и Выгом [Текст] // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2007. Т. I. С. 100—108.
35. *Старицын, А.Н.* Сказание о игумене Евфимии. Рядом со святостью [Текст] // Церковь в истории России. М., 2010. Сб. 9. С. 71—89.
36. *Строев, П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви [Текст]. СПб.: Археографич. комис., 1877. X с., 1064, 68 стб.
37. Судные процессы XVII—XVIII в. по делам церкви [Текст] // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1882 год. М., 1883. Кн. 3. С. 1—42 (Разд. V: Смесь).
38. *Сырцов, И.Я.* Возмущение соловецких монахов-старообрядцев в XVII в. [Текст]. [2-е испр. изд.]. Кострома: типо-лит. Ф.А. Фальк, 1888. 315 с.
39. *Ушаков, И.Ф.* Кольская старина [Текст]: докум. очерки. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1986. 190 с.
40. *Филиппов, И.* История Выговской старообрядческой пустыни [Текст]. М.: изд. Д.Е. Кожанчикова, 1862. 480 с.
41. *Чумичева, О.В.* Соловецкое восстание 1667—1676 годов [Текст]. М.: ОГИ, 2009. 350, [1] с.
42. *Шереметевский, В.В.* Русский провинциальный некрополь [Текст]. М.: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1914. Т. I. X, 1008 с.
43. *Юхименко, Е.М.* Каргопольские «гари» 1683—1684 гг. [Текст]: (к проблеме самосожжений в русском старообрядчестве) // Старообрядчество в России (XVII—XVIII вв.): сб. науч. тр. М., 1994. [Вып. 1]. С. 64—119.
44. *Юхименко, Е.М.* Новые документы о героях «Винограда Российского» — каргопольских старообрядцах Андрее и Авраамии Леонтьевых [Текст] // Старообрядчество в России (XVII—XX вв.): сб. науч. тр. М., 2004. Вып. 3. С. 101—121.
45. *Юхименко, Е.М.* Соловецкое восстание 1668—1676 гг. и старообрядческая «История о отцах и страдальцах соловецких» [Текст] (статья первая) // Архив русской истории. М., 1992. С. 71—92.
46. *Юхименко, Е.М.* Соловецкое восстание 1668—1676 гг. и старообрядческая «История о отцах и страдальцах соловецких» [Текст] (статья вторая) // Очерки истории феодальной России. М., 1998. С. 248—265.

И.А. Устинова

СЛУЖЕБНАЯ БИОГРАФИЯ АРХИЕРЕЙСКОГО ДЬЯКА ДАНИЛЫ ИГНАТЬЕВА: К ВОПРОСУ О СВЕТСКОМ ЭЛЕМЕНТЕ В РУССКОМ ЦЕРКОВНОМ УПРАВЛЕНИИ XVII В.

Статья посвящена исследованию служебной биографии приказного дьяка Великоустюжского архиерейского дома Данилы Лаврентьева сына Игнатьева. В период своей службы он стал ключевой фигурой при Великоустюжском архиепископе Александре (1685—1699). Его роль в этом качестве исследуется на основе как опубликованных, так и впервые вводимых в научный оборот архивных документов — судебных дел, отписок, челобитных и других источников, связанных с профессиональной деятельностью дьяка Данилы Игнатьева.

Ключевые слова: архиерейский дом; приказный дьяк; служебная биография.

Irina Alexandrovna Ustinova

Service biography archbishop's diak Danila Ignat'yev: on the question about secular elements in the Russian church's administration XVII century

The article investigates the service biography prikaznii diak Velikoustyuzhskii archbishop's office Danila Lavrentiev's son Ignat'yev. During his service, he became a key figure near Velikoustyuzhskii Archbishop Alexander (1685—1699). His role is investigated on the basis of both published and first introduced into scientific use of archival documents — litigation documents, petitions and other sources related to professional activities diak Danila Ignat'yev.

Keywords: archbishop's office; prikaznii diak; the service biography.

Важным направлением исследования истории государственного управления России XVI — начала XVIII в. стало изучение биографий приказных служащих всех уровней. Ключевым событием в этой связи является публикация фундаментального биографического справочника, подготовленного Н.Ф. Демидовой [6]. Анализ индивидуальных и коллективных биографий приказных людей определенного периода или региона в последнее время также все чаще становится предметом специального рассмотрения исследователей [11, 13]. Вместе с тем, в данном предметном поле продолжают оставаться «белые пятна», без ликвидации которых невозможно создать целостное представление о составе, динамике, служебном функционале и тенденциях развития особой социальной группы Московского государства — приказных людей. До настоящего времени очень мало вни-

мания уделялось исследованию той ее части, деятельность которой была связана с административными структурами Русской церкви. Едва ли не единственным целостным исследованием в этой области продолжает оставаться работа Н.Ф. Каптерева [9]. Сведения о многих приказных людях архиерейских домов (за исключением Патриаршего) отсутствуют даже в классических биографических справочниках С.Б. Веселовского, С.К. Богоявленского и свежем издании Н.Ф. Демидовой. Подобная ситуация во многом объясняется спецификой состояния источниковой базы вопроса — делопроизводственные архивы большинства архиерейских домов утрачены, находятся в рассеянии или хранятся в труднодоступных региональных архивах.

Даже сам вопрос о возникновении и распространении приказов в церковной администрации в настоящее время остается весьма слабо исследованным. Наибольшее внимание привлекала самая развитая и, по-видимому, наиболее ранняя структура — Патриаршие приказы. По мере изучения этих органов датировка времени их создания постепенно удревнялась: от 1620-х годов по версии И.И. Шимко [20, с. 4] до 1560-х годов по весьма убедительной аргументации Д.В. Лисейцева [11, с. 428—432]. В исследовании Б.Д. Грекова о Новгородском Софийском доме приведены данные, указывающие, что там приказы существовали уже в самом начале XVII в. [5, с. 63—68]. В отношении других епархий, требуются дополнительные изыскания, поскольку на данный момент специальные комплексные исследования (преимущественно дореволюционные) созданы лишь по нескольким епархиям [4; 8; 10; 12; 19].

На протяжении всего периода патриаршества русская церковь испытывала разного рода административные сложности, на фоне которых и происходил процесс разрастания приказной формы управления в церковном управлении. Одной из наиболее глубоких традиционных проблем была малочисленность епархий на огромных пространствах страны. Попытки выделения новых епархий, регулярно предпринимавшиеся на протяжении всего XVII в., заканчивались неудачно. Вторая актуальная проблема церковного управления состояла в том, что в рассматриваемый период достигла апогея практика привлечения светских лиц в церковную администрацию (в должностях десятильников, приказчиков, тиунов, архиерейских дьяков и подьячих и т.п.). Такая ситуация противоречила церковным правилам, характеризовалась высокими коррупционными показателями и различными злоупотреблениями, о чем свидетельствуют многочисленные челобитные духовенства и судебные дела. Решение данной проблемы власти пытались найти на серии церковных соборов 1667—1675 гг., когда были приняты решения о неподсудности

духовных лиц светским [7, № 102; 1, № 204]. Для обеспечения этой нормы сначала при патриархе, а потом и в епархиях стали создаваться приказы духовных дел. Однако свести к минимуму роль светского элемента в церкви не удалось. Причины этого явления требуют дополнительного исследования. Одним из его перспективных направлений представляется изучение биографий дьяков, подьячих и других светских служащих патриаршего и архиерейских домов. В настоящей статье предметом исследования является служебная карьера дьяка Великоустюжского архиерейского дома Данилы Игнатьева.

Устюжский и Великопермский архиерейский дом был создан в 1682 г. на территории, ранее входившей в состав Вологодской и Ростовской епархий. Первым во архиепископа Устюжского был хиротонисан Геласий, архимандрит Хутынского Варлаамова монастыря [18, с. 50]. Спустя три года устюжский архиерейский дом возглавил архимандрит Иосифо-Волоколамского монастыря Александр (1685—1699) [18, с. 183]. На этот период и пришелся расцвет служебной карьеры дьяка Данилы Лаврентьева сына Игнатьева. Важно отметить, что в источниках используются разные варианты фиксации имени дьяка: «Данило(а)», «Данило(а) Игнатьев», «Данило(а) Лаврентьев», «Данило(а) Лаврентьев сын Игнатьев». Однако сравнительный анализ имеющихся документов позволяет говорить о том, что во всех случаях речь идет об одном и том же человеке.

Деятельность дьяка Данилы нашла отражение в целом ряде опубликованных и архивных документов. Их видовой состав довольно однообразен: это делопроизводственные документы (челобитные, отписки, следственные дела, описи) и письма. Многочисленные документы Великоустюжского архиерейского дома были компактно опубликованы в дореволюционном издании — «Русской исторической библиотеке» [2; 3]. Этот комплекс источников чрезвычайно обширен и отличается завидной хронологической плотностью представленной информации. Однако немало остается и архивных документов, хранящих память о судьбе дьяка. На момент написания настоящей статьи автору удалось обнаружить документы, связанные с деятельностью Данилы Игнатьева в фондах Российского государственного архива древних актов [1А], Отдела рукописей Российской национальной библиотеки [2А], научно-исторического исследовательского архива Санкт-Петербургского института истории РАН [3А]. Опираясь на корпус имеющихся источников, можно предварительно обозначить крайние даты служебной биографии Данилы Игнатьева — 1683—1699 гг., т.е. не менее 16 лет.

К сожалению, сведений о ранних этапах карьеры Данилы Игнатьева обнаружить не удалось. Одно из первых свидетельств о его дея-

тельности относится к февралю 1683 г. В приходо-расходной книге Великоустюжского архиерейского дома 1682/83 г. упоминаются покупки рыбы и хлеба на новоселье архиерейскому дьяку (13 и 25 февраля). Запись от 4 мая того же года зафиксировала получение Игнатьевым «почести» от сбора разных архиерейских доходов: рубль с полтиной, «да ножик, черен рыба зуба, шадровой, с серебряною резною оправою» стоимостью 1 рубль [3, стб. 1054, 1056, 1060]. В 1683—85 гг. дьяк Данила регулярно упоминается в источниках в качестве одного из судопроизводителей архиерейского Разряда (синонимично архиерейскому приказу духовных дел) [2, стб. 595—608]. В сентябре 1683 г. он выступил одним из судопроизводителей по делу о непристойных речах жильца Лальского уезда Ивана Норицина на жильца того же уезда Еремея Паншина. Данное дело, в котором фигурировало обвинение в «прижитии» Паншиным ребенка от родной сестры, безусловно, входило в круг вопросов, подведомственных приказу духовных дел. Его вершили «архиепископя розряду духовных дел Телегова монастыря игумен Варлам, да приказной Игнатий Лукин», припись на бумагах — дьяка Данила Игнатьева. Кроме того в деле фигурирует «архиепископя розряду домовый пристав Петрушка Рябков», который совершал необходимые судебные-следственные мероприятия: сыски, допросы, выезд на место и т.п. [2, стб. 589—595]. В 1684—85 гг. дьяк Данила Игнатьев регулярно упоминается в сохранившихся документах в том же качестве [2, стб. 595—608]. Однако в эти и последующие годы дьяк Данила не единственный судопроизводитель при Устюжском архиепископе: одновременно с ним в документах упоминается дьяк Иван Осколков, а также приказной Игнатий Лукин [2, стб. 626, 632, 724, 992 и мн. др.].

Важной вехой в карьере дьяка Данилы Игнатьева стал 1685 г. — время смены архиерея на Устюге. Редким свидетельством событий рубежа 1684—85 гг., с кончины архиепископа Геласия до поставления архиепископа Александра является сохранившаяся приходо-расходная книга Тотемского приказного архиерейского двора за этот год [1А]. Она представляет собой ветхую тетрадь с записью расходов с 1-го марта 1684 г. по 19-е марта 1685 г. Книга невелика по объему — всего две тетради (16 листов), написана в полудесть, листы вложены друг в друга по тетраднему принципу, не скреплены. Документ прошёл архивную реставрацию. На полях книги сохранились обрывки скрепы. Хотя читается она не полностью, опираясь на основной текст документа, можно утверждать, что скрепу ставил поповский староста воскресенский поп Ияков, который неоднократно упоминается в документе. Заголовок книги сильно пострадал, но и в нем названо имя попа Иякова. Книга сохранилась не полностью — на последнем листе

имеется подзаголовок: «Книга окладная казначея старца Афонасея на Рождество Христово славленным деньгам соборной церкви протопопу з братьею и монастырем черным и прихоцких церковей попом и дяконом и домовых певчим именная 1683/84 году» (л. 16). Однако записи о раздаче рождественских славленных денег в книге отсутствуют.

Книга велась на Тотьме, на «домовом [архиерейском] дворе, в приказе» (л. 2 и др.). Состав расходных записей довольно однообразен: закупки товаров на приказные нужды (бумага, дрова), расходы на наем лодок и подвод для отправки проезжих архиерейских служащих, траты на продукты, издержанные при «отпуске». Тотемский домовый архиерейский двор предстает со страниц книги в качестве путевого пункта между Москвой и Устюгом, где останавливаются, получают прогонные деньги, продукты, транспорт служащие архиерейского дома в их поездках в Москву, в Устюг, по территории епархии. Среди прочих записей к книге зафиксировано, что «декабря в 13 день (1684 г. — *И.У.*) ехал с Устюга домовый дяк Данило Лаврентьев к Москве с ризничьею (казной. — *И.У.*). Несено ему в почесть хлеба на 6 денег, колачей на 5 алтын, рыбы: налимов на 5 алтын, харюзов на 2 алтын на 2 денег. В бумажке несено в почесть рубль. ... дано 26 алтын 4 денег, латунец на вино...» (л. 10 об.). Полный список «почести» утрачен. Записи свидетельствуют, что дяк провел на Тотьме несколько дней, остановившись в Спасо-Преображенском Суморине монастыре. Очевидно, это время ушло на подготовку к дальнейшему пути: были наняты две подводы до города Шумского под ризную казну, которую дяк вез в Москву новому архиепископу, заказана починка дяческой пищали — важного подспорья в дальнем пути. Очевидно, в эти дни велось и активное обсуждение событий, связанных со сменой правящего архиерея, между дяком и «приказным» архимандритом Суморина монастыря Игнатием, который также занимал видную позицию в системе епархиального управления. Так, в лестнице устюжского духовенства архимандрит Суморина монастыря в этот период занимал второе место после архимандрита Архангельского монастыря в Устюге Великом [2, стб. 608], а в документах 1680—90-х годов архимандриты Суморина монастыря нередко называются «казачными», «приказными архиерейского двора» [2, стб. 1142]. Предметом обсуждения должны были стать непростые обстоятельства кончины митрополита Геласия: в октябре—ноябре 1684 г. по ним проводилось следствие, в проведении которого участвовал и Игнатьев. Среди документов следственного дела есть запись, что 9 декабря 1684 г. дяк Данила Игнатьев был послан к Москве с отпиской, адресованной патриарху. В отписке подробно изложен ход дела, содержание допросных речей

ближних людей почившего архиепископа [3, стб. 1149—1150]. Таким образом, поездка дьяка Игнатьева в Москву в декабре 1684 г. преследовала сразу две цели — доставку патриарху оперативных сведений о ходе следствия, а также транспортировку ризной казны, необходимой для хиротонии нового архиепископа.

Возможно, что во время этой поездки дьяк Данила Игнатьев впервые встретился с новым архиепископом Великоустюжским и Тотемским Александром, с которым оказалась связана его дальнейшая карьера. Документы 1680—90-х годов свидетельствуют, что Игнатьев стал ключевой фигурой при архиепископе. Во время поездок владыки Александра в Москву его сопровождал домовый дьяк Данила [2, стб. 1044]. Ради своего делопроизводителя, архиепископу Александру даже пришлось вступить в конфликт со светскими властями. Весьма интересным в этой связи представляется следственное дело Ивана Москалева.

7 апреля 1693 г. была обнаружена кража архиерейской казны из палатки в Успенском соборе Устюга Великого. Ограблению непосредственно предшествовали работы по «иконоostasной ставке», ими руководил архиерейский домовый сын боярский Иван Москалев. На месте преступления был найден «клепик»*, который сын Москалева, также Иван, назвал отцовским. Силами архиерейского Разряда и Устюжской приказной избы было проведено следствие, Иван Москалев был признан виновным в церковной татьбе, за которую по Соборному Уложению 1649 г. полагалась смертная казнь (гл. 21, ст. 14): «А церковных татей казнить смертью же безо всякаго милосердия, а животы их отдавати в церковныя татьбы» [17]. Однако Москалев не сдался: он, его друг — устюжский площадной подьячий Андрей Злобин, а также сын Иван начали писать челобитные в Устюжскую четверть, обращаться с письмами к боярину Льву Кирилловичу Нарышкину. Одним из лейтмотивов жалоб стали обвинения в адрес архиерейского дьяка Данилы Игнатьева.

Показания, расспросные и пыточные речи Москалева сохранились в выписках из следственного дела, составленного в Устюжской приказной избе [7, стб. 1074—1093]. Кроме того, сам архиепископ Александр передает некоторые из свидетельств Москалева в своих письмах. Однако наиболее интересным среди всех документов представляется список с «Челобитной устюжанина Ивана Москалева патриарху Адриану с жалобой на жестокость и неправосудие архиепископа Александра и дьяка Данилы Игнатьева при розыске пропавших денег Устюжского собора», сохранившийся в архиве [3А]. Документ

* «Клепик — нож различного вида и назначения (преимущественно короткий и широкий нож с загнутым на конце лезвием» [16, с. 165].

представляет собой тетрадь из 6 листов, сшитых ниткой, текст написан одним почерком — ровным, аккуратным, хорошо читабельным, без выраженных особенностей. Листы пронумерованы карандашом без оборотов. Правый нижний угол тетради серьезно пострадал в результате деятельности грызунов. Из обстоятельств, описанных в челобитной, следует, что она была составлена между 1694 и 1699 г.

Иван Москалев в челобитной представляется состоятельным и достойным уважения человеком (упоминает о дворе, приводит значительный перечень пожитков, скота, «кабал и крепостей»). По его версии в течение семи лет он «во всякой верности и правде беспорочно» служил архиерейскому дому, занимая должность дворецкого (другие источники таких сведений не содержат). Однако его службе пришел конец из-за ненависти со стороны дьяка Данилы Игнатъева, состоявшего «в стачке» с казначеем Иоасафом. Причиной этой ненависти Москалев называет свое противодействие воровству «ведомого вора и миропродавца Данилы Игнатъева» (л. 4). Вследствие этого конфликта, по мнению Москалева, Игнатъев создал против него заговор, подбросил на место преступления нож, объявив его собственностью Москалева, в ходе судебного следствия архиерейский дьяк подделывал документы: «А в том, государь, присланном деле явилось многое воровство знатно ево Даниловым промыслом с подьячим, у которого то дело было, а в присланном ево архиепископле письме, которое прислано было в Устюжскую приказную избу за ево Даниловою рукою бут-то в покраденной казне, выскребена строка и приправлено вновь после пыточных и роспросных наших речей будто по скаске ево архиепископля [казначея] покраденной казны тысяча (утрачено 2—3 слова. — *И.У.*) два рубли» (л. 4 об.—5).

Действия опального челобитчика имели успех — в дело оказалась вовлеченной Устюжская четверть. В ноябре 1695 г. устюжский воевода стольник Дмитрий Иванович Лихарев получил царский указ, датированный 9 ноября того же года, требующий высылки подлинного дела Ивана Москалева, самого обвиняемого, а также архиерейского дьяка Данилы Игнатъева с подьячим Устюжского приказа Михаилом Милениным к Москве для дальнейшего разбирательства. 18 ноября воевода направил в архиерейский устюжский приказ духовных дел память с требованием выдать необходимых лиц и бумаги [2А, стб. 1]. Ответ воеводе из архиерейского разряда последовал 23 ноября — с однозначным отказом архиепископа Александра выдать Данилу Игнатъева, поскольку он «ни в чем не приличен и челобитной никакой на него не явилось», и о том деле архиепископ лично к Москве писал [2А, стб. 2]. Архиепископ начал активную деятельность по защите своего дьяка — он написал серию писем и челобитных, адресовав их патриарху Адриану,

боярину Льву Кирилловичу Нарышкину, другим московским боярам и церковным иерархам [2, стб. 1072—1107]. Аналогичные по содержанию челобитные с копиями из документов следственного дела, ведением которого изначально занималась Устюжская приказная изба, направлялись архиепископом Александром также в Устюжскую четверть в Москву. В этих письмах архиепископ доказывает вину Ивана Москалева, подчеркивает его неблагонадежность («ведомый вор», уже в 1685 г. приговоренный к смерти за «воровские смуты на мирских градских и уездных старост», но спасенный архиепископом Александром и взятый им на службу). Основной пафос писем владыки к московским покровителям направлен на то, чтобы «затейному воровскому челобитью не велеть поверить». Он просит «позакликнуть на него Андрюшку (Злобина. — *И.У.*), чтоб он за такого ведомого вора не заступал и мне б обиды и казни моей совершенной погибели не приносил» [2, стб. 1094, 1099]. Сам Злобин также характеризуется архиепископом в самом негативном ключе: «прежний товарищ его плут и затейщик и составщик устюжанин Андрюшка Злобин» [2, стб. 1026], а также сын обвиняемого Иван. Обращает на себя внимание и лексика, употребляемая владыкой: «затейщик» (зачинщик какого-либо дела); «затейство» (затеи, выдумки, злоумышления) [15, с. 318—319], «составщик» (одно из зн. — составитель подложных документов (доносов, обвинений, челобитных и т.п.)) [14, с. 213]. Основной причиной подобного беспокойства и заботы архиепископа стала судьба его домового дьяка Данила, за которого он ручался своим архиепископским словом.

Неизвестно, чем закончилось разбирательство для Ивана Москалева, однако своего приказного архиепископу Александру отстоять удалось — источники свидетельствуют, что вплоть до смерти владыки в 1699 г. Игнатъев состоял при его доме. Одно из последних известных на данный момент указаний на деятельность дьяка Данилы относится к 5 апреля 1699 г. [2, стб. 1471—1472].

Дополнить профессиональный портрет нашего героя позволяет анализ обвинений, выдвинутых против дьяка Данилы Игнатъева как минимум в двух судебных делах. Иван Москалев в своей челобитной обвиняет «ведомого вора и миропродавца Данилу Игнатъева» в ненависти к себе, «стачке» с казначеем Иоасафом, казнокрадстве, подделке документов, жестоких пытках и увечье самого Москалева, его сына и жены, покраже имущества [3А, л. 4—4 об.]. В финансовых притеснениях обвиняли архиерейского дьяка и представители духовенства епархии (1687 г.), с которых он собрал списанную архиепископом Геласием церковную дань [3, стб. 1131]. В 1699 г. старец Великоустюжского Архангельского монастыря Васьян Оловенников писал патриарху с жалобой, что 21 ноября 1698 г., будучи в его

келье, дьяк Игнатъев ударил старца «по глазам кулаком, и от того от удара стал увечен и очьми скорбен, и свет от того помрачается» [2, стб. 1471—1472]. Между тем, несмотря на показания многочисленных свидетелей, архиерейские приказные «дружа ему, дьяку Данилу» дело «замотчали», а архиепископу жаловаться было невозможно, потому что он «скорбел». Не удовольствовавшись подписанной в таких условиях мировой записью, старец Васьян и написал жалобу патриарху Адриану, а тот в своей грамоте от 5 апреля 1699 г. устюжскому воеводе и стольнику Ивану Васильевичу Кикину потребовал отправить все дело и самого дьяка Данилу в Москву. Однако пока остается неизвестным, было ли выполнено это требование.

Трудно сказать, насколько в действительности был преступен дьяк Данила Игнатъев, однако интересно отметить, что, судя по челобитным, подобные ему фигуры появляются и при других церковных деятелях эпохи — патриарший дьяк Иван Кокошилов (1650-е годы), патриарший «приказной монах» Иосиф Булгаков (1690-е годы). При этом, несмотря на многочисленные жалобы, каждый из них оказывается под непробиваемой защитой своего архиерея. Возможно, в условиях стремительно бюрократизирующейся системы абсолютистского государства церковные деятели становились все более уязвимыми, и в этих условиях им были жизненно необходимы такие многоопытные, хотя и не обремененные моральными принципами дельцы. Кроме того, оценивая причины столь трепетной «привязанности» архиереев к своим дьякам, стоит иметь в виду и определенный кадровый голод, нехватку профессиональных делопроизводителей, и, наконец, глубокую осведомленность таких работников в делах епархии, в том числе и не вполне «чистых» с юридической точки зрения.

В свете сказанного одной из актуальных задач в исследовании системы государственного и церковного управления России в XVI—XVII вв. является решение источниковедческих задач, выявление наличного состава приказных людей архиерейских домов, анализ их служебного и социального статуса, написание биографических и просопографических очерков. В дальнейшем это позволит создать единую базу данных, охватывающую все категории приказных людей Московского государства, уточнить их численность, место в системе государственного управления.

1А. РГАДА. Ф. 1206. Оп. 2 (Устюжский архиерейский дом). Д. 6.

2А. ОР РНБ. Ф. 532 (Основное собрание актов и грамот). № 4797.

3А. НИИА СПб ИИ РАН. Колл. 56 (Собрание И.К. Зинченко). Оп. 1. № 142. Тетрадь, 6 л.

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией [Текст]. СПб.: в тип. II-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1842. Т. 4: 1645—1676. 592 с. разд. паг.
2. Акты Холмогорской и Устюжской епархий [Текст]. Ч. 1: 1500—1699 г. СПб.: б.и., 1890. [4], XII, 25 с., 1480, 126 стб. (Русская историческая библиотека; т. 12).
3. Акты Холмогорской и Устюжской епархий [Текст]. Ч. 2. СПб.: б.и., 1894. [3], 34 с., 1286, 150 стб. (Русская историческая библиотека; т. 14).
4. Головина, Н.В. Источники по истории Рязанско-Муромской епископии XIV—XVII вв. [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2012. 26 с.
5. Греков, Б.Д. Новгородский дом святой Софии [Текст]: (опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины) // Греков, Б.Д. Избранные труды / под ред. М.Н. Тихомирова. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. Т. 4. С. 5—339.
6. Демидова, Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625—1700) [Текст]: биогр. справочник / отв. сост. Г.А. Иванова. М.: Памятники ист. мысли, 2011. 720 с.
7. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией [Текст]. СПб.: в тип. Эдуарда Праца, 1853. Т. 5: 1665—1667. 537 с. разд. паг.
8. Дубаков, А.В. Астраханская епархия в XVII—XVIII вв. [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград: б.и., 1998. 24 с.
9. Кантрев, Н.Ф. Светские архиерейские чиновники в Древней Руси [Текст]. М.: тип. «Соврем. Извест.», 1874. [1], 239 с.
10. Комолова, Э.В. Воронежская епархия в конце XVII — XVIII вв. [Текст]: образование, церковная организация, социально-политические отношения. Воронеж: Изд. Дом Алейниковых, 2007. 285 с.
11. Лисейцев, Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты [Текст]. Тула: Гриф и К, 2009. 792 с.
12. Перов, И./Ф./]. Епархиальные учреждения в русской церкви в XVI и XVII веках [Текст]: (историко-канонический очерк). Рязань: в губ. тип., 1882. [2], II, 210, X с.
13. Редин, Д.А. Дьяческий корпус Сибирской губернии в царствование Петра I [Текст] // Российская история. 2013. № 3. С. 66—74.
14. Словарь русского языка XI—XVII вв. [Текст]. М.: Наука, 2002. Вып. 26: Сну—Спа. 278 с.
15. Словарь русского языка XI—XVII вв. [Текст]. М.: Наука, 1978. Вып. 5: Е—Зин. 392 с.
16. Словарь русского языка XI—XVII вв. [Текст]. М.: Наука, 1980. Вып. 7: К—Крагуарь. 404 с.
17. Соборное уложение 1649 года [Текст]: текст, комментарии / подгот. текста Л.И. Ивиной; коммент. Г.В. Абрамовича, А.Г. Манькова, Б.Н. Миронова, В.М. Панеяха. Л.: Наука, 1987. 448 с.
18. Строев, П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви [Текст]. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1877. 1136 с.
19. Черкасова, М.С. Архивы вологодских монастырей и церковей XV—XVII вв. [Текст]. Исследование и опыт реконструкции. Вологда: Древности Севера, 2012. С. 86—100, 338—416. Разд. 2: Архив Вологодского архиерейского дома.
20. Шимко, И.И. Патриарший Казенный приказ [Текст] // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1894. Кн. 9. С. 1—361.

М.А. Петрова

РОССИЙСКИЕ ДИПЛОМАТЫ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ ЭПОХИ: НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К КОЛЛЕКТИВНОЙ БИОГРАФИИ (на примере Германских государств)

В статье предпринята попытка наметить подходы к созданию коллективной биографии российских дипломатов екатерининской эпохи, служивших в государствах Священной Римской империи. Выбор объекта исследования обусловлен важностью германского направления во внешней политике Екатерины II, интенсивными связями между Россией и германскими государствами в области науки и культуры, а также возросшим в последние годы интересом к процессам межкультурной коммуникации Нового времени, в том числе и политической, в которых дипломаты играли едва ли не ведущую роль. Российский материал применительно к заявленной проблематике до настоящего времени систематически не изучался.

Ключевые слова: международные отношения; внешняя политика России; дипломатический аппарат; межкультурная коммуникация эпохи Просвещения; дипломатический церемониал.

Maria Petrova

The Russian Diplomats in the age of Catherine II: a few Strokes to the Collective Biography (the case of German States)

The paper is an attempt to set approaches in order to create a collective biography of the Russian diplomatic representatives in the Holy Roman Empire during the reign of Catherine II. The choice of a research object is stipulated by the intensive connections between Russia and German states in the field of policy, science and culture, as well as by an increasing interest in the processes of intercultural communication, including political, in which diplomats played an important role. The Russian material conformably to the above mentioned problems has not been systematically studied till now.

Keywords: international relations, the Russian foreign policy, the diplomatic apparatus, intercultural communication of the Enlightenment, diplomatic ceremonial.

К началу правления Екатерины II (1762—1796) за рубежом действовали 14 российских дипломатических представительств: в Вене при дворе императора Священной Римской империи, Берлине,

Стокгольме, Копенгагене, Париже, Лондоне, Гааге, Константинополе, Варшаве при дворе саксонского курфюрста, являвшегося одновременно польским королем (до 1756 г. эта миссия существовала параллельно с миссией в Дрездене), Мадриде, Гамбурге (в Нижнесаксонском округе Священной Римской империи, к которому относились Мекленбург-Штрелиц, Мекленбург-Шверин, Брауншвейг-Люнебург, Бремен и некоторые другие имперские города), Данциге, Регенсбурге при так называемом Долгом, или Постоянном, рейхстаге и в Митаве при дворе герцога Курляндии.

После распада в октябре 1763 г. польско-саксонской унии Екатерина II приняла решение о воссоздании российской миссии в Дрездене, однако в силу разных причин назначение посланника состоялось лишь в 1766 г. В марте 1768 г. после почти сорокалетнего перерыва в Венецию в одностороннем порядке был назначен российский поверенный в делах. В 1769 г., в разгар русско-турецкой войны, поверенного в делах отправили на Мальту; в 1770 г. были установлены дипломатические отношения с Сардинским королевством (миссия в Турине).

В 1767 г., согласно российско-датскому союзному договору, наследник российского престола и одновременно герцог Гольштейн-Готторпский великий князь Павел Петрович отказался в пользу Дании от готторпского наследства в обмен на графства Ольденбург и Дельменхорст в Северной Германии, правителем которых стал родной дядя Екатерины II князь-епископ Любека Фридрих Август. В 1773 г. этот обмен был подтвержден российско-датским Царско-сельским трактатом, а в 1774 г. при дворе епископа в Эйтинге была создана российская миссия.

После подписания Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. с Османской империей, когда Россия получила право иметь торговый флот в Черном море и свободу плаванья в черноморских проливах, были установлены дипломатические отношения с рядом морских держав. В 1776 г. был учрежден пост «российского морского генерал-комиссара» в Великом герцогстве Тосканском с местом пребывания сначала во Флоренции, а затем в Пизе; открыты миссии в Неаполитанском королевстве в 1777 г., Лиссабоне в 1778 г. и Генуе в 1782 г.

В 1779 г. на конгрессе в Тешене, завершившем Войну за баварское наследство, Россия, будучи союзницей Пруссии, выступила гарантом мирного договора и таким образом политического устройства Священной Римской империи. Несомненный успех российской дипломатии способствовал росту авторитета России на международной арене и расширению сети российских представительств в Германии. В 1781 г. была учреждена миссия во Франкфурте-на-

Майне при Верхне- и Нижнерейнском, Вестфальском, Швабском и Франконском округах Священной Римской империи, в состав которых входили духовные курфюршества Трир, Майнц, Кёльн, светские курфюршества Бавария, Пфальц и другие германские государства, в том числе Вюртемберг, Баден, Гессен-Дармштадт и Гессен-Кассель. В 1785 г. было принято решение об учреждении самостоятельного представительства в баварском Мюнхене, которое открылось в 1787 г. и стало 25-м по счету.

Обстоятельства создания российских миссий за рубежом и основные направления их деятельности традиционно рассматриваются в контексте истории двусторонних отношений России с отдельными государствами* или в связи с деятельностью ее внешнеполитического ведомства — Коллегии иностранных дел [3, с. 255—264]. Если не считать немногочисленных биографических очерков, посвященных некоторым дипломатам, как самостоятельных, так и вписанных в труды по истории международных или двусторонних отношений, то личный состав российских миссий как общность людей, не только представлявших своего монарха и отстаивавших интересы своего государства, но и выступавших посредниками между ними и местной культурной средой, предметом специального исследования не становился [о составе российских миссий в правление Елизаветы Петровны см.: 2, с. 49—107]. В настоящей статье предпринята попытка наметить подходы к созданию коллективного портрета российских дипломатов на примере тех, кто служил в государствах Священной Римской империи.

Осуществление подобной задачи возможно лишь с привлечением методов просопографии — вспомогательной исторической дисциплины, изучающей биографии лиц, которых можно объединить по какому-то признаку, в данном случае, говоря современным языком, по их профессиональной деятельности. Основным методом просопографии является постановка однотипных вопросов и анализ ответов на них. В рамках рассматриваемой темы такими вопросами являются: социальное, национальное происхождение и подданство дипломатов (поскольку на дипломатической службе России было много иностранцев), их образование, доходы, этапы карьеры, круг обязанностей, наличие или отсутствие связей при дворе — факто-

* Этапы создания российских дипломатических представительств в правление Екатерины II отражены в очерках, подготовленных Историко-документальным департаментом МИД РФ. Они не лишены некоторых фактических ошибок, но, будучи составленными на основе документов Архива внешней политики Российской империи и Российского государственного исторического архива, содержат ряд ценных сведений, отсутствующих в имеющейся научной литературе [10; 11].

ры, позволяющие проследить продвижение дипломата по карьерной лестнице и механизмы социальной мобильности.

Из 25 миссий Российской империи к концу правления Екатерины II только две имели высший статус посольства — в Вене и Варшаве; в остальных главами представительств были министры второго (чрезвычайные посланники и полномочные министры) и третьего (министры, резиденты, поверенные в делах) ранга*. К последним относились миссии в Данциге, Митаве, Флоренции, Эйтине и на Мальте**.

В германских государствах интересы России в рассматриваемую эпоху представляли 20 дипломатов: князь Д.М. Голицын и граф А.К. Разумовский в Вене; князь Н.В. Репнин, князь В.С. Долгоруков, граф С.П. Румянцев, М.В. Нессельроде и С.А. Колычев в Берлине; А.С. Мусин-Пушкин, Ф.И. Гросс и барон Ф.М. Grimm в Гамбурге; И.М. Симолин, барон А.Ф. Ассебург и М.М. Алопеус в Регенсбурге; князья Андрей Михайлович и Александр Михайлович Белосельские-Белозерские, И.И. Местмахер в Дрездене; граф Н.П. Румянцев во Франкфурте-на-Майне; А.И. Криденер, Х.И. Петерсон и К.И. Бюлер в Мюнхене; Местмахер и Алопеус также служили в Эйтине. В состав каждой миссии входили советник или секретарь посольства (иногда оба), которые в отсутствие главы миссии исполняли его обязанности в должности поверенного в делах. О них в этой статье речь идти не будет.

Примерно половина дипломатов из представленного списка являлись так называемыми «природными» русскими. Многие из них происходили из дворянских фамилий, близких ко двору, и потому начинали свою карьеру не со службы в Коллегии иностранных дел в Петербурге, а с назначения за границу: чаще всего в качестве так называемых «дворян посольства» (например, Д.М. Голицын, В.С. Долгоруков, братья Белосельские-Белозерские, А.С. Мусин-Пушкин) или, как А.К. Разумовский, С.П. и Н.П. Румянцевы, сразу в качестве главы миссии.

Другую половину дипломатов, служивших в Священной Римской империи, составляли иностранцы. К ним можно отнести как подданных Российской империи, выходцев из Остзейских губерний, присоединенных по Ништадтскому мирному договору 1721 г. (И.М. Симолин, И.И. Местмахер, М.М. Алопеус, А.И. Криденер), поскольку русский язык еще не стал для них родным, так и подданных гер-

* Следует учитывать тот факт, что во второй половине XVIII в. термин «дипломат» почти не употреблялся, а система дипломатических рангов все еще оставалась размытой [1, с. 25—26, 42—44].

** См. «Список российско-императорским послам, министрам и прочим поверенным особам», не датированный, но относящийся к началу 1784 г. [1А, л. 178—178 об.].

манских государств (В.М. Нессельроде, Ф.И. Гросс, А.Ф. Ассебург, Х.И. Петерсон, К.Я. Бюлер, Ф.М. Гримм). Широко практиковавшиеся в России в XVIII в. приглашения иностранцев на дипломатическую службу, которые не были редкостью и в Европе, объяснялись нехваткой образованных людей, владевших иностранными языками, а также отсутствием специальных учебных заведений.

Происхождение дипломата не являлось препятствием для добросовестного выполнения им своих обязанностей и продвижения по службе. Показательной в этом смысле является карьера Ивана Матвеевича Симолина, который прошел долгий путь от секретаря посольства в Копенгагене, Стокгольме и Вене до министра в Регенсбурге, посланника в Копенгагене, Стокгольме, Лондоне и Париже. Интересны аргументы, которые высказывал Симолин, прослуживший около 14 лет в Регенсбурге и стремившийся получить более интересный и значимый пост: «Хотя я не имел преимуществ родиться русским, я, однако, был рожден подданным Империи, и в том, что касается рвения, привязанности и верности Родине, думаю, что не уступаю кому бы то ни было, и, следовательно, надеюсь, что ливонского дворянина не будут рассматривать в качестве иностранца; впрочем, справедливость ее императорского величества и ее просвещенных министров меня полностью убеждает в том, что они не будут на этом основании делать различий в распределении постов, тем более что есть тысячи примеров, когда положение иностранца не было препятствием для получения милостей при дворе» [15А, л. 34—34 об. (И.М. Симолин вице-канцлеру А.М. Голицыну, 20 (31) мая 1767 г.)].

После восшествия на престол Екатерины II все российские дипломаты за рубежом остались на своих постах. Впоследствии императрица меняла их нечасто. С одной стороны, она предпочитала вести сложные переговоры с иностранными министрами в Петербурге, а с другой — умела ценить опыт и знания своих дипломатов, их связи, позволявшие доставать ценные сведения и документы. Однако «главный предмет всякого иностранного министра» в XVIII в. состоял в том, чтобы «заслужить благоволение и доверенность того двора, при котором он находится» [16А, л. 14—14 об. (вице-канцлер А.М. Голицын Д.М. Голицыну, 23 января 1770 г.)]. Именно поэтому обычной практикой екатерининского царствования были долгие сроки пребывания на одном и том же посту. Так, Д.М. Голицын прослужил в Вене 21 год, В.С. Долгоруков в Берлине — 23 года, Ф.И. Гросс в Гамбурге и братья Белосельские в Дрездене — 26 лет, Н.П. Румянцев во Франкфурте — 15 лет, И.М. Симолин и А.Ф. Ассебург в Регенсбурге — соответственно 14 и 17 лет. Смена дипломата обычно происходила, если нужно было активизировать отношения

с какой-либо державой или требовался более искусный и искушенный в политических делах человек.

Допущенные дипломатами ошибки, как правило, не были фатальными для их карьеры. В начале 1760-х годов Екатерина II была недовольна реляциями Д.М. Голицына и неоднократно отмечала, что они «мало содержат в себе важных обстоятельств» [4А, л. 19 (вице-канцлер А.М. Голицын Д.М. Голицыну, 14 октября 1763 г.)]. Тогда вице-канцлер А.М. Голицын дал своему двоюродному брату совет: «Стараться о всех случающихся каких-либо происшествиях благо- временно доносить с подробностью, представляя причины и случаи, кои подали к тому повод, и упоминая притом о следствиях, кои оттого произойти могут» [3А, л. 19 об.].

Посланник в Берлине князь Владимир Сергеевич Долгоруков, который еще с первых лет пребывания в прусской столице имел репутацию дипломата «только по названию»*, часто не получал от своего правительства важных внешнеполитических сведений или документов, необходимых для работы, что нередко ставило его в тупик при общении с прусскими министрами и представителями дипломатического корпуса. Это явное и труднообъяснимое недоверие к способностям Долгорукова, на которое он неоднократно жаловался руководителям Коллегии иностранных дел, не стало поводом для отзыва**. Екатерина II предпочла оставить его в Берлине до 1786 г., потому что он был приятен Фридриху II и прусскому двору***.

Не была прервана и карьера Н.П. Румянцева, провалившего переговоры об обмене принадлежавших дому Габсбургов Австрийских Нидерландов на земли курфюршества Баварии и Пфальца. Переговоры по просьбе императора Иосифа II российский дипломат вел с наследником баварского курфюрста герцогом Цвайбрюккена Карлом Августом, отказывавшимся давать согласие на обмен. Румянцеву нужно было действовать крайне деликатно, а он воспользовался языком угроз, что окончательно оттолкнуло герцога от проекта и нанесло существенный удар по авторитету Екатерины II среди герман-

* Это выражение содержится в донесении австрийского посланника в Берлине барона И.Г. фон Ридта канцлеру В.А. Кауницу-Ритбергу от 20 августа 1763 г. [17А, Fol. 41 v].

** См. донесения Долгорукова от 24 октября (4 ноября) 1766 г., 10 (21) марта 1767 г. и 25 декабря (5 января) 1770 г. [7А, л. 98—98 об.; 8А, л. 14—14 об.; 10А, л. 142].

*** Это подтверждает австрийский посланник князь Г. фон Ройс, написавший 1 июля 1786 г., что князя Долгорукова «здесь все без исключения очень любили и ценили» и теперь сожалеют о его отъезде. Ему вторит преемник российского дипломата на посту в Берлине граф С.П. Румянцев: «Все о нем искренно сожалеют. Двадцать лет пребывания и действительно достойные уважения качества могли обеспечить ему друзей» [см.: 18А, Fol. 228 г; 11А, л. 20].

ских князей, заметно возросшему после Тешенского конгресса 1779 г. Однако никакого взыскания Румянцев не получил [6, с. 281—284, 294—297]. Следовательно, можно предположить, что если дипломаты и заслуживали по какой-то причине неудовольствие своего правительства, то обычно получали возможность исправиться. Случаи отзыва или перевода на другое, менее почетное, место службы за те или иные проступки нуждаются в детальном изучении, как и многие другие факты, позволяющие отследить этапы дипломатической карьеры.

Для воссоздания коллективного портрета российских министров трудно обойтись без тех новых подходов, которые предлагает в настоящее время история дипломатии, являющаяся областью политической истории. На заре формирования профессионального исследовательского сообщества во второй половине XIX в. политическая история понималась исключительно как история государственной власти и тех действий, которые она предпринимает на пути к установлению своего могущества. Тогда же сложилось устойчивое представление об истории дипломатии как о событийной истории межгосударственных конфликтов и переговоров. Впервые попав в архивы и познакомившись с огромным количеством дипломатических документов, исследователи часто ограничивали свои работы пересказом того, «что один клерк написал другому». За это в XX в. они подверглись жесткой критике [17, с. 20—21].

Под влиянием марксизма, с одной стороны, и школы «Анналов» — с другой, на первый план в исторических исследованиях вышло изучение общества и общественных институтов. Бурный рост так называемой «новой социальной истории» в Европе, «становление которой проходило под знаменем социологии, социальной антропологии, демографии, количественных методов», пришелся на середину и вторую половину XX в. [9, с. 63]. В исторической науке закрепились такие термины, как «социальная мобильность», «социальное дисциплинирование», а теория «социального капитала» Пьера Бурдьё стала успешно использоваться в исследованиях по истории дворянства и двора, как основного центра власти в эпоху Нового времени, а отчасти и по истории дипломатии [см., например: 20].

Начиная с 1980-х годов социальная история вступила в определенное противоречие с историей ментальности и с культурной антропологией, в свое время выросших из нее, а на место универсального понятия в историографии (такого, каким прежде были «государство» или «общество») стала претендовать «культура». Под культурой в данном случае понимается не деятельность человека, рукотворная или интеллектуальная, и не ее материальное воплощение, а коллективные представления, ценности, символы, ритуалы, образцы по-

ведения [18, с. 38—40; 19, с. 10]. «Новая культурная история» заняла прочное место в историографии, возведя понятие «культура» в абсолюте. Через него осмысливаются любые политические процессы и даже процессы государственного строительства. Всякая история — это культурная история, считает немецкий исследователь Барбара Штольберг-Рилингер, автор многочисленных работ по истории репрезентации власти в Священной Римской империи [22, с. 9—24].

Отсюда возросший в последние два десятилетия интерес к «межкультурной коммуникации» — дисциплине, возникшей еще в 1960-е годы в США и Канаде на стыке психологии, социологии и антропологии. Ее предмет сложился из трех составляющих. Первая — это непосредственно коммуникация, личное или опосредованное общение, понимаемое как взаимодействие, в том числе невербальное. Важнейшими формами символической коммуникации между государствами и одновременно репрезентации власти являются церемониал и сопутствующие ему практики, например: обмен подарками или организация празднеств. Вторая составляющая — это культурный трансфер, или культурное посредничество, которое заключается не только в механической передаче идей или культурного опыта, но и их адаптации на родной почве, и наконец, третья — восприятие «другого» или «чужого», через которого человек познает не только окружающий мир, но и самого себя [см.: 19].

Три составляющие межкультурной коммуникации во многом перекликаются с основополагающими обязанностями, формирующими деятельность дипломата в любую эпоху: представлением своего государя, ведением переговоров и сбором информации о месте пребывания. Для выполнения этих обязанностей используются различные приемы дипломатической работы и стратегии поведения. К приемам относится установление дружественных контактов при дворе, участие в культурной жизни страны пребывания, работа с прессой по улучшению образа своего государя и своей страны, оказание различных «добрых услуг» и прямой подкуп чиновников с целью достать секретные сведения и документы или оказать давление на правительство другого государства. Подробности этой неофициальной деятельности не просто реконструировать, поскольку российские дипломаты крайне редко называли источники информации, ограничиваясь упоминанием о том, что сведения получены от сведущих и надежных людей или от «приятелей» [5, с. 87—90].

Стратегии поведения, которых придерживались дипломаты при иностранных дворах, зависели как от двусторонних отношений с конкретным государством, так и от их личных качеств и обстоятельств жизни. Несмотря на престиж дипломатической службы, ко-

торый в связи с успехами России на международной арене заметно повысился в годы екатерининского царствования, материальное положение дипломатов оставалось незавидным, если только кроме жалования они не имели доходов с принадлежавших им земель, как, например, посланник в Вене Д.М. Голицын. Являясь владельцем двух домов в Вене, меценатом, коллекционером и организатором частных концертов, он был принят как равный в австрийское придворное общество и фактически стал частью местной элиты [6, с. 72—77].

В отличие от него посланник в Берлине В.С. Долгоруков сознательно дистанцировался от общения с представителями двора и дипломатического корпуса, по возможности избегая официальных и частных приемов и визитов. Причиной были многочисленные долги и, как следствие, тяжелое финансовое положение, которое к концу его пребывания в Пруссии стало катастрофическим. С 1765 г. он постоянно просил главу Коллегии иностранных дел графа Н.И. Панина выхлопотать высочайшее одобрение и одолжить ему некую сумму, чтобы погасить растущие в геометрической прогрессии проценты. Ответ императрицы, переданный Долгорукову, был однозначным: «Господин граф Панин, скажите ему от моего имени, что, поскольку я никогда не требую от своих министров тратить больше, чем я им плачу, то я нисколько не намерена возмещать их долги»^{*}.

Совсем по иным соображениям избегал контактов с прусским двором преемник Долгорукова на посту посланника в Берлине граф Сергей Петрович Румянцев, назначенный в 1786 г. Россия в то время была формально союзницей двух давних противников — Пруссии и Австрии, хотя предпочтение явно отдавалось последней. Тем не менее, ухудшение отношений с Пруссией в планы Екатерины II не входило, и она особой инструкцией повелела Румянцеву стараться заслужить доверие короля Фридриха II и его наследника, будущего короля Фридриха Вильгельма II. При этом российскому дипломату предписывалось проявлять больше самостоятельности и меньше поддаваться прусскому влиянию, чем это делал Долгоруков [14, с. 494—500].

Быть может, из-за нехватки опыта Румянцев слишком буквально воспринял эту инструкцию: в донесениях в Петербург, которые в эпоху повсеместной перлюстрации писем могли быть прочитаны в Берлине, он позволял себе нелюбезные высказывания в адрес прусских министров и вел себя по отношению к ним высокомерно. Румянцев был единственным иностранным дипломатом, который в августе 1786 г. не надел траур по Фридриху II под предлогом того, что

^{*} Резолюция императрицы на челобитной Долгорукова от 7 (18) августа 1768 г. из Берлина (копия) [9А, л. 46].

министры прусского двора в соответствии с печатным регламентом покойного короля не должны носить траур. По мнению Румянцева, иностранным дипломатам необходимо было следовать их примеру [11А, л. 71 об. (Румянцев вице-канцлеру Остерману, 11 (22) августа 1786 г.]. Однако последние из уважения к памяти Фридриха II все-таки облачились в траур. Австрийский посланник князь Генрих фон Ройс отмечал 6 октября 1786 г., что его российский коллега ведет себя неразумно, возбуждая всеобщую ненависть: «Ему так и не простили, что он единственный не драпировался (имеется в виду, не носил траур. — *М.П.*), и он вынужден прислушиваться к этим голосам» [18А, Fol. 389 г]. Румянцев несколько раз получал внушения от Екатерины II и вице-канцлера И.А. Остермана, но никак на них не реагировал, а лишь постоянно просил отозвать его из Берлина, что и было сделано в 1788 г. [4, с. 134—138]. В эпоху, когда регулярное посещение двора являлось показателем социального успеха, подобная стратегия поведения не была распространена среди членов дипломатического корпуса и, безусловно, ими не одобрялась [21, с. 78].

Российские дипломаты по-разному взаимодействовали с местной культурной средой. В эпоху отсутствия железнодорожного сообщения и только зарождавшейся культуры путешествий именно они играли ведущую роль в культурном трансфере: покупали технические новинки, книги и художественные произведения и отправляли их на родину, приглашали иностранцев на службу, работали с прессой, распространяли модели поведения, опыт в сфере образования и культурные практики дворов, при которых служили, причем все это было вменено им в обязанность.

Первым культурно-политическим поручением, которое должны были выполнить дипломаты сразу после восшествия на престол Екатерины II, стало переселение колонистов из европейских государств в Россию, которое реализовывалось в рамках двух императорских манифестов. Манифест от 4 декабря 1762 г. позволял иностранцам переезжать в Россию, а беглецам беспрепятственно вернуться домой [8, с. 126—127]. Дипломатические представители России 7 (18) января 1763 г. получили распоряжение опубликовать манифест в местной прессе, что не встретило никакого противодействия со стороны европейских властей.

22 июля (2 августа) 1763 г. была создана Канцелярия опекунства иностранных и опубликован второй манифест, который не только подтверждал возможность свободного переселения в Россию, но и разрабатывал соответствующие процедуры и список пригодных для этого земель [8, с. 312—318]. Российским дипломатам вменялось в обязанность помогать обращающимся к ним колонистам, обе-

спечивать их транспортом и давать деньги на проезд. Манифест от 22 июля 1763 г. был опубликован только в некоторых государствах. В Австрийской монархии, Швеции, Франции, Испании, Пруссии, Баварии, Пфальце, Гессен-Касселе и Саксонии публикация была запрещена. Единственной альтернативой могло стать издание документа в иностранных газетах, издававшихся в месте пребывания российских дипломатов, или распространение отдельных его экземпляров под угрозой преследования полиции.

Официально заниматься переселением колонистов могли только посланник в Гамбурге Алексей Семенович Мусин-Пушкин и посланник в Регенсбурге Иван Матвеевич Симолин. Они должны были найти людей, которые бы хотели отправиться в Россию, организовать их отъезд и спланировать каким-то образом жизнь их семей в чужой стране. Мусин-Пушкин и Симолин прекрасно понимали, что не смогут в одиночку справиться с поставленной задачей, и потому прибегали к услугам вербовщиков, с которыми Канцелярия опекунства иностранных заключала договоры. Нередко российские дипломаты сталкивались с нечистоплотностью как вербовщиков, так и самих потенциальных колонистов, которые сбегали с деньгами на проезд.

Сотрудники российских миссий должны были действовать тайно, чтобы не вызвать неудовольствие германских князей. Избежать этого им, однако, не удалось, и к концу 1766 г. антирусская кампания вынудила Мусина-Пушкина и Симолина постепенно сворачивать свою деятельность. «Я приношу тысячу благодарностей вашей светлости за то, что вы известили меня о решении ее императорского величества прекратить операции с иностранными колонистами до тех пор, пока их семьи, отправленные в Россию, не устроятся на определенных для них землях, — писал Симолин вице-канцлеру Голицыну 4 (15) января 1767 г. — Кажется необходимым, чтобы публика была осведомлена о ее намерениях по этому поводу, чтобы положить конец новым проискам некоторых эmissаров (имеются в виду вербовщики колонистов. — *М.П.*) во Франконии, чей образ действий начинает уже беспокоить некоторые государства этого Округа [Священной Римской империи]» [14А, л. 1—1 об.]. К тому времени усилиями Симолина и Мусина-Пушкина в Россию переехало больше 30 тыс. человек [7, с. 56—65].

Впоследствии, несмотря на трудности, дипломаты продолжали искать в Германии искусных людей, которые могли быть полезны России. Примером служит отправка на фронты русско-турецкой войны немецких врачей, контракты с которыми заключали посланник в Берлине В.С. Долгоруков в 1770 г. и посланник в Гамбурге Ф.И. Гросс в 1770 и 1789 гг. Часто ремесленники, горные рабочие,

ювелиры, ученые и художники сами обращались в российские миссии с просьбой дать им возможность продемонстрировать свои таланты, чтобы получить разрешение поехать в Россию или пенсию от Екатерины II, которая имела в Европе репутацию покровительницы наук и искусств.

Посредством своих связей с местной средой дипломаты пытались получить достоверные сведения об обращающихся к ним людях, чтобы рекомендовать их своему правительству или, напротив, отказать им. Императрице и ее министрам было непросто принять решение и своевременно направлять соответствующие инструкции. Поскольку и времени на такой обмен мнениями уходило много, в Петербурге, как правило, прислушивались к мнению дипломатов. Среди тех, кому удалось получить положительный отклик на свои предложения, были итальянский художник Грегорио Гульельми, немецкий гравёр Николаус Кёрнлейн, итальянский певец Луиджи Лудовико Маркези, фламандский скульптор Гильельмус де Грофф, естествоиспытатель Франц Карл Ахард, врач и ботаник Самуэль Готтлиб Гмелин, французский писатель и публицист Николя Анри Линге. Это далеко не полный список, к которому следует отнести также тех людей, о которых неизвестно ничего, кроме упоминания фамилии в дипломатической корреспонденции.

Помимо квалифицированных специалистов, Екатерина II нуждалась также в информации о внутренней политике европейских стран. В одном из первых указов, от 16 (27) июля 1762 г., императрица предписала всем российским дипломатам узнать, «не производятся ли какие новые тамо негоциации и не чинятся ли иногда какие новые ж до экономики и до прочего касающиеся учреждения» [см., например: 2А, л. 11]. 1 (12) ноября 1763 г. они получили приказ прислать в Петербург сведения о женских монастырях и пансионах, которые могли бы послужить примером для создания будущего Общества благородных девиц [см., например: 5А, л. 42—42 об. (рекрипт Екатерины II Мусину-Пушкину, 1 (12) ноября 1763 г.]. Впоследствии российские дипломаты доставали сведения об устройстве табачных фабрик, виноделии, горной индустрии и многих других отраслях промышленности. Какие-то материалы остались не востребованными, какие-то Екатерина II забрала из Коллегии иностранных дел и обратно не вернула. Значительная же их часть направлялась Коллегией в профильные учреждения.

Хотя российские дипломаты занимались самыми разными вопросами, их личные пристрастия в той или иной области общественной жизни все-таки удается проследить. Посланник в Гамбурге Мусин-Пушкин прекрасно разбирался в экономике. Невзирая на

отсутствие устоявшейся терминологии, он писал профессиональные отчеты на русском языке о банкротстве немецкого купечества после Семилетней войны и различных мероприятиях, направленных на преодоление европейского финансового кризиса начала 1760-х годов. В 1767 г. Музина-Пушкина перевели в Лондон, где эти способности также были востребованы.

Н.П. Румянцев, будущий канцлер Российской империи, чье знаменитое собрание древностей заложило основы первого общедоступного музея в Москве, в годы своей дипломатической деятельности имел склонность к естественным наукам и технике. По его инициативе для Екатерины II в Бонне были заказаны зеркала. Переписка Румянцева свидетельствует о том, что он понимал технологию их изготовления и мог ее объяснить [12А, л. 54 (Румянцев Остерману, 6 (17) декабря 1784 г.]. В феврале 1787 г. ему было предписано найти специалистов по механике, гидравлике, соляному и горному делу, с чем он успешно справился [13А, л. 7—10 (Румянцев Екатерине II, 21 февраля (5 марта) 1787 г.]. Румянцев отправил в Петербург образцы шелковых тканей и ниток (сохранившиеся в материалах Коллегии иностранных дел и до сих пор не утратившие яркость цвета), уделив большое внимание производству шелка и особенно технологии красильного дела [13А, л. 18 (приложение к реляции Румянцева Екатерине II, 21 февраля (5 марта) 1787 г.)]. По сравнению с коллегами Румянцев не слишком много писал о внутренней политике германских государств, возможно потому, что не имел на это времени: пост посланника в пяти округах Священной Римской империи предполагал частые разъезды и активную внешнеполитическую деятельность.

Почти все дипломаты, служившие в Германии, имели отношение к приобретению произведений искусства — главным образом для императорских собраний. Инициатива иногда исходила от них, если по своим каналам они узнавали о готовившихся аукционах. Однако и сами владельцы коллекций или их наследники приходили к российским дипломатическим представителям с предложением приобрести имевшиеся в их распоряжении ценности.

В 1763 г. российское правительство заключило договор с купцом Иоганном Эрнстом Гоцковским о покупке зерна, оставшегося в русских магазинах в Берлине после Семилетней войны. Позже выяснилось, что платить ему нечем, и российский посланник Долгоруков предложил Екатерине II принять вместо денег коллекцию старой фламандской и голландской живописи, принадлежавшую Гоцковскому. Императрица согласилась, благодаря чему в 1764 г. Россия приобрела в числе прочего шедевры Рембрандта, Франса Хальса и Яна Стена [16, с. 28—52].

1 (12) марта 1768 г. посланник в Дрездене Андрей Михайлович Белосельский-Белозерский сообщил графу Н.И. Панину, что наследники саксонского министра графа Генриха Брюля имеют намерение продать обширную коллекцию картин, библиотеку и «натуральный кабинет», для чего составляют каталоги [12, с. 388—389]. Екатерина II проявила большой интерес к коллекции, которая стараниями российского дипломата была приобретена в июле и вскоре отправлена в Россию [12, с. 393—394].

История собраний Гоцковского и Брюля, вошедших в состав Эрмитажа, достаточно хорошо изучена. Однако дипломатические донесения содержат ценные сведения и о других, менее известных коллекциях картин, гравюр, скульптур, книг. В мае 1772 г. министр Мекленбург-Шверина граф Бассевиц обратился к резиденту в Гамбурге Ф.И. Гроссу с предложением купить большое собрание гравюр, принадлежавших его покойному родственнику — обер-камергеру Гольштейн-Готторпского двора Фридриху Вильгельму фон Берхгольцу. Собрание состояло из 44 томов формата ин-фолио (32 244 гравюры)*. Екатерине II оно было известно, и она повелела его приобрести [6А, л. 32—32 об. (Гросс Панину, 11 (22) мая 1772 г.)]. 18 июля 1772 г. договор был заключен, а в конце года собрание прибыло в Петербург**.

Дипломатические представители России делали приобретения не только для императрицы. Почти неизвестна и заслуживает пристального внимания роль посланника И.М. Симолина в Регенсбурге, искавшего художественных агентов для пополнения личного собрания живописи и скульптуры вице-канцлера А.М. Голицына. Посланник в Вене Д.М. Голицын также внес большой вклад в приумножение собрания двоюродного брата и завещал ему свою коллекцию, состоящую преимущественно из немецкой и австрийской живописи XVII—XVIII вв. [13, Приложение II]. После смерти обоих Голицыных их родственники выставили объединенные семейные сокровища в первой общедоступной Картинной галерее Москвы, созданной в 1810 г. при Голицынской больнице [15, с. 11].

Большой исследовательский интерес вызывают и собрания, которые по разным причинам не были приобретены, а также мастера, чей талант оказался невостребованным, — изучение обстоятельств неосуществлен-

* См. печатные листы под названием «Известия об одном большом собрании гравюр, которое находится в Висмаре, и любители, которые хотят купить ее целиком, могут обращаться» («Nachricht von einer grossen Sammlung von Kupferstichen, welche sich hieselbst in Wismar befindet, und Liebhabern, die solche unzertrennt kaufen wollen, hiedurch angetragen wird») [6А, л. 33—34 об.].

** См. квитанцию от 18 июля 1772 г. и донесение Гросса Панину от 30 октября (9 ноября) 1772 г. [6А, л. 116—116 об.].

ной покупки или незаключенного контракта позволяет выявить круг общения и методы работы российских дипломатов, особенности художественной среды и повседневной жизни в стране пребывания.

Посредническую деятельность дипломатов в сфере культуры следует рассматривать как неотъемлемую часть их политической деятельности и один из способов поддержать престиж своего монарха. Сотрудники российской Коллегии иностранных дел, служившие за рубежом, в полной мере осознавали важность подобной миссии. Их размышления о дипломатическом искусстве и корпоративной этике, нашедшие отражение в официальной и частной переписке, являются еще одним свидетельством того, что во второй половине XVIII в. дипломатическая служба постепенно превращается в профессию. Эта проблема станет одной из центральных в задуманном исследовании.

- 1А. АВПРИ. Ф. 5 (Секретные мнения). Оп. 5/2. Д. 586.
 - 2А. АВПРИ. Ф. 32 (Сношения России с Австрией). Оп. 32/6. Д. 397.
 - 3А. АВПРИ. Ф. 32 (Сношения России с Австрией). Оп. 32/6. Д. 419.
 - 4А. АВПРИ. Ф. 32 (Сношения России с Австрией). Оп. 32/6. Д. 422.
 - 5А. АВПРИ. Ф. 44 (Сношения России с Гамбургом). Оп. 44/4. Д. 59.
 - 6А. АВПРИ. Ф. 44 (Сношения России с Гамбургом). Оп. 44/4. Д. 137.
 - 7А. АВПРИ. Ф. 74 (Сношения России с Пруссией). Оп. 74/6. Д. 162.
 - 8А. АВПРИ. Ф. 74 (Сношения России с Пруссией). Оп. 74/6. Д. 169.
 - 9А. АВПРИ. Ф. 74 (Сношения России с Пруссией). Оп. 74/6. Д. 185.
 - 10А. АВПРИ. Ф. 74 (Сношения России с Пруссией). Оп. 74/6. Д. 189.
 - 11А. АВПРИ. Ф. 74 (Сношения России с Пруссией). Оп. 74/6. Д. 330.
 - 12А. АВПРИ. Ф. 92 (Сношения России с Франкфуртом-на-Майне). Оп. 92/2. Д. 22.
 - 13А. АВПРИ. Ф. 92 (Сношения России с Франкфуртом-на-Майне). Оп. 92/2. Д. 49.
 - 14А. РГАДА. Ф. 1263 (Голицыны). Оп. 1. Д. 3205.
 - 15А. РГАДА. Ф. 1263 (Голицыны). Оп. 1. Д. 3207.
 - 16А. РГАДА. Ф. 1263 (Голицыны). Оп. 1. Д. 4300.
 - 17А. ННStA. Staatskanzlei. Preussen. Korrespondenz. Karton 48. Fasz. Berichte.
 - 18А. ННStA. Staatskanzlei. Preussen. Korrespondenz. Karton 64. Fasz. Berichte.
1. *Агеева, О.Г.* Дипломатический церемониал императорской России, XVIII век [Текст]. М.: Новый Хронограф, 2013. 891 с.
 2. *Анисимов, М.Ю.* Российская дипломатия в Европе в середине XVIII века [Текст]: от Ахенского мира до Семилетней войны. М.: КМК, 2012. 340 с.
 3. История внешней политики России, XVIII век [Текст]: (от Северной войны до войн России против Наполеона). М.: Междунар. отношения, 1998. 302 с.
 4. *Мартенс, Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами [Текст]. СПб.: Тип. м-ва путей сообщения, 1883. Т. VI: Трактаты с Германиею, 1762—1808. 489 с.
 5. *Петрова, М.А.* Дипломатическая практика Петербурга и Вены [Текст]: к истории российско-австрийских отношений второй половины XVIII в. // Исторические записки. М.: Наука, 2009. Вып. 12 (130). С. 71—96.
 6. *Петрова, М.А.* Екатерина II и Иосиф II [Текст]: формирование российско-австрийского союза, 1780—1790. М.: Наука, 2011. 422 с.

7. *Плеве, И.Р.* Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века [Текст]. М.: Междунар. союз нем. культуры, 2008. 399 с.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. М., 1830. Т. 16. 1018, 104 с.
9. *Рейна, Л.П.* Историческая наука на рубеже XX—XXI вв. [Текст]: социальная теория и историографическая практика. М.: Кружг, 2011. 559 с.
10. Россия и Европа в XVIII в. Англия, Испания, Швеция и Германия. URL: http://www.idd.mid.ru/inf/inf_51.html (дата обращения: 24 февраля 2014 г.).
11. Россия и Европа в XVIII в. Италия. URL: http://www.idd.mid.ru/inf/inf_50.html (дата обращения: 24 февраля 2014 г.).
12. Сборник императорского Русского исторического общества [Текст]. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1876. Т. 17. 450 с.
13. *Сейделер, И.И.* Московская Голицынская больница в ряду европейских больниц [Текст]. М., 1865. [Ч. 2]. 359 с. (4-я паг.).
14. *Трачевский, А.С.* Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II и Иосифа II, 1780—1790. СПб.: [тип. М. Стасюлевича], 1877. IV, 528 с.
15. *Третьякова, Н.* История создания Голицынского музея в московской усадьбе на Волхонке // Голицынский музей на Волхонке. М.: ГМИИ им. А.С. Пушкина, 2004. С. 11—32.
16. *Франк, К.* Собрания Гоцковского, Эймбке и Штейна: к истории берлинских коллекций в период Семилетней войны // Век Просвещения. М.: Наука, 2011. С. 24—63.
17. *Hochedlinger, M.* Political History [Text] // 18th Century Studies in Austria, 1945—2010 / Eds. Th. Wällnig, J. Frimmel, W. Telesko. Bochum: Verlag Dr. Dieter Winkler, 2011. P. 13—31.
18. *Hochedlinger, M.* Verfassungs-, Verwaltungs- und Behördengeschichte der Frühen Neuzeit. Vorbemerkungen zur Begriffs- und Aufgabenbestimmung [Text] // Herrschaftsverdichtung, Staatsbildung, Bürokratisierung Verfassungs-, Verwaltungs- und Behördengeschichte der Frühen Neuzeit / Hrsg. von M. Hochedlinger, T. Winkelbauer. Wien: Verlag Böhlau; München: Verlag Oldenbourg, 2010. S. 21—85.
19. *Lüsebrink, H.J.* Interkulturelle Kommunikation [Text]: Interaktion, Fremdwahrnehmung, Kulturtransfer. Stuttgart; Weimar: Metzler, 2005. 211 S.
20. *Pečar, A.* Ökonomie der Ehre. Der höfische Adel am Kaiserhof Karls VI (1711—1740) [Text]. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2003. 432 S.
21. *Scott, H.* Diplomatic culture in old regime Europe [Text] // Cultures of Power in Europe during the Long Eighteenth Century / Ed. H. Scott, B. Simms. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 58—85.
22. Was heißt Kulturgeschichte des Politischen? [Text] / Hrsg. von B. Stollberg-Rilinger. Berlin: Duncker & Humblot, 2005. 376 S.

А.В. Белов

АТТРИБУТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ГОРОДСКОГО СТАТУСА И РУССКИЙ ГОРОД КОНЦА XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

**(по материалам административной реформы
Владимирской губернии)**

В статье раскрываются внешние и внутренние признаки, которые формировались в русском городе в ходе реализации административной и городской реформ Екатерины II. Наряду с наделением городов определенными функциями, центральными и местными властями проводилась работа по приданию городам определенного облика и наделения их необходимыми качественными внешними чертами — городским атрибутивными признаками.

Ключевые слова: русский город; дореформенный город; урбанизация; городская сеть; атрибутивные признаки; городские функции; Новое время.

Alexey Viktorovich Belov

Attributive signs of the city status and the Russian city of the end of XVIII — the first half of the XIX century (on materials of administrative reform of the Vladimir province)

In the article were shown external and internal signs which were formed in the Russian city during realization of administrative and city reforms of Catherine II reveal. Along with investment of the cities with certain functions, the central and local authorities worked on giving to the cities of the certain shape and investment with their necessary qualitative external lines — city was carried out by attributive signs.

Keywords: Russian city; prereform city; urbanization; city network; attributive signs; city functions; Modern times.

Губернская реформа Екатерины Великой была тесно связана не только с перекройкой структуры управления на местах, но и с созданием нового, современного типа города — города в таком облике и содержании, как его видела сама императрица, и как его понимало общественное сознание в свое историческое время.

Общеизвестно, что регулярность — главный принцип, положенный в основу реформы города конца XVIII в. Но сведение этой реформы только лишь до выполнения формальных задач (выпрямление улиц, рациональное расположение площадей) не раскрывает содержания главной идеи преобразований — создание новой реальности, более ра-

циональной, которая приведет к рациональности и природы человека и его поступков, и всех аспектов жизни, станет основанием для дальнейшего прогрессивного развития. По сути своей это очередная русская модернизация, но в отличие, например, от замыслов Петра Великого, проводившаяся не в отдельных регионах страны и аспектах ее жизни, а фактически повсеместно, в каждом городе каждой губернии.

7 ноября 1775 г. с подписания указа «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» [3, с. 229—304 (№ 14392)] начинается административно-территориальная, или губернская реформа Екатерины II. Указ об учреждении Владимирского наместничества (губернии) был подписан монархиней 2 марта 1778 г. [3, № 14714], что и означало начало проведения здесь преобразований. Согласно указу Екатерины II [3, с. 598 (№ 14714)], генерал-губернатором был определен граф Роман Илларионович Воронцов, которому и поручалось создание губернии по примерному плану («примерному росписанию») из 13 уездов. Для этого он должен был, «не упуская времени», объехать губернию и «на месте удобства их освидетельствовать, и как о сем, так и какие города для приписания к ним уездов нужно будет» незамедлительно сообщить императрице. Аналогичную работу проделали руководители всех учреждаемых административных регионов.

Р.И. Воронцов незамедлительно отправляется в поездку, которая длилась с 6 по 9 мая 1778 г. В отчете по ее завершению новый наместник [1А, л. 16—17] Воронцов полностью соглашается с «примерным росписанием» из 13 городов и указывает поселения, которые получают статус города и соответствующие ему обязанности, привилегии и внешние атрибуты.

Таким образом, по итогам инспекции 6—9 мая 1778 г. было утверждено 13 городских центров (7 старых и 6 новых). Старые: Владимир, Переславль-Залесский, Юрьев-Польский, Суздаль, Шуя, Гороховец и Муром. Новые: Александрова слобода, Киржач, Ковров, Вязники или Ярополич, Судогда и Покров [1А, л. 16 об.]. Спустя ровно полгода после именного указа выходит следующее распоряжение императрицы, в котором Екатерины II учреждает окончательный штат Владимирской губернии. В ее составе «назначаются» 14 городов — уездных центров, т.е. на один город больше, чем предполагалось первоначально. Добавляется «новоназначенный город» Меленки, преобразованный из бывшего дворцового села [1А, л. 4; 3, с. 742 (№ 14787)].

Однако на учреждении губернского и уездных центров края план Екатерины II по преобразованию городской сети страны не заканчивался. Он предполагал создание нового («регулярного») города. В рамках решения этой задачи планировалось не только создание новой «исправленной» планировки территории (что описывалось и хорошо известно),

но и возведение определенного набора зданий, требуемых городу для выполнения им своих функций (административных и хозяйственных). Этот аспект реформы известен значительно меньше. Наличие планируемых сооружений (по представлению высших властей страны) должно было стать признаком соответствия города своему статусу, т.е. неким атрибутивным признаком. Наличие во вновь учрежденных городах всех уровней предписанных атрибутивных сооружений ставилось властями всех уровней столь высоко, что главы города, нередко, несмотря на хроническое отсутствие материальных ресурсов и ввиду острой необходимости, настоятельно искали возможности для их возведения. Особое значение они имели для городов — губернских центров, к которым со 2 марта 1772 г. стал относиться Владимир [3, № 14714].

План перестройки города Владимира был «конфирмован» самой императрицей к 1785 г. [3А, л. 19]. Для этой цели выделялась специальная, «особливо отпущенная» [3А, л. 26 об.] «строевая сумма» [3А, л. 26 об.; и др.]. Она целевым порядком направлялась на возведение «казенных каменных публичных зданий» [1А, л. 25, 26 об.] — сооружений, необходимых по замыслу реформ для исполнения городом его функций. В первую очередь — административной и административно-хозяйственной. Наличие этих сооружений со временем стало выступать как важный внешний признак особого статуса поселения. К числу таких сооружений относились: дома (или квартиры) для проживания высших чинов губернской администрации (генерал-губернатора и губернатора [1А, л. 16 об.], вице-губернатора и коменданта [3А, л. 19]); для лиц среднего звена местной администрации (городничий, уездный казначей) [3А, л. 26 об.]; а также для строительства присутственных мест, обязательно каменных [3А, л. 19, 26 об.; и др.].

Особое значение придавалось центру города. Здесь должны были располагаться: губернское и уездное казначейства с хранилищем ассигнаций; казенная палата с банком серебряной и медной монеты; верхний земский суд; губернский магистрат [4А, ч. I, л. 142, 142 об.]. Также в планах перестройки города назывались сооружения «прочего казенного строения» [3А, л. 19]. Под ними понимались склады («магазинны») [3А, л. 26 об.] для содержания запасов соли и вина («винной и соляной») [4А, ч. I, л. 141]. Их продажа составляла весьма важный источник прибýtка в казну губернии. Так, например, в Костромском наместничестве на 28 мая 1788 г. прибыль от продажи соли и вина составляла более 243 000 рублей, или треть (32%) от всего числа доходов [4А, ч. I, л. 32].

Во «вновьучрежденных городах» также в обязательном порядке должны были быть возведены каменные соборы — духовные центры уезда [3А, л. 25].

В начале мая 1778 г. генерал-губернатор Р.И. Воронцов лично объехал вновь созданную и «препорученную его попечению» губернию. В отчете о поездке [1А, л. 16—17] он особо отметил как «первейшее» его попечение — устройство в губернском городе «палат для помещения присутственных мест», и доложил, что начало их строительства было положено еще до его отъезда. Кроме того, глава края писал императрице, как при его личном участии уже состоялось «основание строению генерал-губернаторского и губернаторского домов». Все сооружения планировалось закончить уже «к будущему октябрю» [1А, л. 16 об.], т.е. за полтора года к октябрю 1779-го.

Исключительное внимание генерал-губернатора подчеркивало особое значение, которое придавалось данному виду построек. Их возведение собственно и делало Владимир, не самый заметный город края, губернской столицей.

Обещание Воронцова завершить строительство к октябрю 1779 г. на поверку оказалось фикцией. 14 ноября 1783 г. (спустя четыре года после установленного самим вельможей срока) императрица издала указ, включавший помимо прочего требования «о содержании Присутственных мест» [4, № 15873]. Исполнявший его новый генерал-губернатор И.П. Салтыков обнаружил, что чинить нечего, так как «с открытия (Владимирского наместничества. — А.Б.) казенных публичных зданий не строилось». «Корпус для вмещения всех присутственных мест» в «губернском городе Владимире» был лишь заложен. Аналогичная ситуация была и в Костроме — втором губернском городе генерал-губернаторства, также не так давно возглавляемого Воронцовым [3А, л. 26 об.]. При этом с открытия и Владимирского, и Костромского наместничества для строительства здесь выделялись суммы [3А, л. 25]. Таким образом, хоть и косвенно, но подтверждается полуполюгендарная кличка Романа Илларионовича Воронцова, якобы данная ему лично императрицей: «Роман — большой карман». Хотя в отечественной историографии можно встретить возражения против справедливости этой формулировки [1, с. 34].

Новый этап в создании административных сооружений Владимира пришелся на 1785 г.

14 августа 1785 г. генерал-губернатор Салтыков в «верноподданническом рапорте» императрице отчитывался в выполнении плана создания регулярного города [3А, л. 19]. Как выяснилось, его реализация во Владимире была только в самом начале: «Губернский город Владимир... мало еще отстроен». Конкретные задачи, которые предполагалось решить в первую очередь, сводились к трем пунктам. Первое — снизить плотность застройки. Второе — выстроить обязательное (предусмотренное законом) казенное жилье (дома или

квартиры). В первую очередь для вице-губернатора и коменданта. Третье — возвести каменное здание присутственных мест. Все перечисленное выше не было выполнено вообще, хотя еще семь лет назад Воронцов цветасто описывал свою решимость и старание.

Согласно новому отчету, «...старое ж обывательское строение весьма тесно и невыгодно»; здания для проживания высших чинов администрации к моменту отчета не были построены и предполагалось поселить чиновников на казенных квартирах. Но таковых (пригодных для лиц данного статуса) просто не было («в городе ж пристойных квартир нет»).

В отношении третьего пункта отмечалась крайняя нехватка средств. Этим же объясняется срыв всего плана постройки официального жилья. По сути, к перестройке города только-только приступили: «А из отпускаемой по всевысочайшему ... повелению, и на построение в Володимирском наместничестве каменных присутственных мест и прочего казенного строения ежегодной суммы, *начинаю построение нынешним летом* (выделено мной. — А.Б.), первое присутственных мест потом генерал-губернаторского и губернаторского домов, и прочих каменных строений, которые скоро окончены быть не могут; а потому вице-губернаторской и комендантской дома долго не построятся» [3А, л. 19].

«Потеснение» местных жителей в их домах для расположения властей Салтыков считал невозможным, так как тем самым присланные сановники «обывателям зделают отягощение, и сами не будут иметь покою» [3А, л. 19 об.]. Решение проблемы с квартирами он видел в том, чтобы постепенно покупать пригодное жилье у тех, кто намерен его продать. В качестве варианта императрице предлагалось утвердить следующее решение: «Из числа живущих здесь продают дворы: первой коллежский асессор Акинфиев за две тысячи пять сот рублей, второй бывший комендант полковник Казадаев за тысячу пять сот рублей; кои... повелеть ... купить, первой — вице-губернатору, второй — коменданту. А когда построены будут для их каменные дома, то сии можно будет обратить в пользу общественную, как то: для народных школ, или по тогдашнему времени на что другое» [3А, л. 19 об.].

Для провинциальных центров Владимирской губернии была выделена единовременная («особливо отпущенная») сумма в 24 000 рублей на строительство каменных соборов в «вновь-учрежденных» городах. Строительство предполагалось провести только в трех (из семи) поселениях: Судогда, Меленки и Киржач [2А, л. 26 об.]. Причина такого выбора связана, по-видимому, с тем, что эти бывшие села каменных храмов не имели и не были способны возвести их сами, в отличие от экономически высокоразвитых [2А, л. 1, 130] Александрова или Вязников [2, с. 154—155].

Согласно отчету, храмы были построены, но только в двух первых городах. Киржач остался без новой каменной церкви [3А, л. 26 об.]. Это не случайно. Поселение не отличалось высоким уровнем развития. Через несколько лет именно оно было лишено городского статуса и преобразовано в посад.

Помимо административных мест и квартир, Владимир не имел достаточной и обязательной для его статуса хозяйственной инфраструктуры. На 1786 г. в столичном городе полностью отсутствовали «лавки и амбары для торговли и поклажи товаров», необходимые для размещения иногородних купцов и ведения сколь-нибудь крупных операций. Местное торговое общество было не в состоянии «завести сих надобных строений», так как само «нуждается в деньгах» [3А, л. 69]. Для решения этой задачи генерал-губернатор Салтыков просил разрешение императрицы «взять из приказа общественного призрения шесть тысяч рублей», при условии, что городское общество за счет процентов от торговли вернет их, а сооружения оставит в своей собственности [3А, л. 69—69 об.].

Из приводимых документов хорошо видна степень пригодности Владимира (по крайней мере его внутренней структуры, потенциала) для решения придаваемых ему губернских функций. Старый русский город предстает достаточно архаичным и слабо развитым поселением. Ни он сам, ни его внутренняя структура, ни имевшиеся в распоряжении местной власти средства не позволяли быстро обустроить город в соответствии с его новым статусом, снабдить хотя бы формально требуемыми для этого строениями.

По сути, эта первейшая работа не сдвинулась с мертвой точки и находилась все еще в состоянии самого начала, хотя с момента учреждения Владимирской губернии прошло шесть с половиной лет. И это несмотря на весьма оптимистические отчеты предыдущего генерал-губернатора Воронцова, обещавшего завершить возведение «палат для помещения присутственных мест» и «генерал-губернаторского и губернаторского домов», уже «к будущему октябрю» 1779 г. [1А, л. 16 об.]. Однако из отчетов Салтыкова выяснилось, что за все предшествующее правление Воронцова не было построено ничего.

Итоги работы генерал-губернатора Салтыкова оказались более успешны. Его преемник на этой должности (с 1786 г.) генерал-поручик И.А. Заборовский нашел во Владимирской губернии «везде надлежащий порядок и исполнение... императорского величества учреждений, сопряженные с должным спокойствием и тишиною» [4А, ч. I, л. 18]. Хотя завершение присутственных мест так и не было достигнуто. Открытие здания присутственных мест (основы административного управления губернией) произошло только 17 декабря 1790 г. [4А,

ч. I, л. 29], т.е. на одиннадцать с лишним лет позже срока, обещанного Екатерине II первым генерал-губернатором Воронцовым.

Завершение строительства стало возможным во многом благодаря усилиям наместника (губернатора) П.Г. Лазарева. К июню 1788 г. (т.е. всего за один год нахождения в должности) он достиг целого ряда заметных результатов. Провел улучшение «водяной коммуникации» (р. Клязьмы), дно которой «разрыли» «в трех порогах», благодаря чему в город стали прибывать суда большего водоизмещения, доставляющие большой груз [4А, ч. I, л. 79]. Это позволило вести строительные материалы из Москвы. Кроме этого, был проведен водопровод от реки «на гору», по которому «машиной» на высоту 37 сажень поднималась вода для строительных работ. В первую очередь для возведения давно обещанных присутственных мест. Именно водопровод позволил осуществить это строительство «самою малою ценою» [4А, ч. I, л. 79]. На территории губернии усилиями Лазарева было найдено месторождений камня и начата его разработка. Это позволило отказаться от доставки известняка «из Москвы за весьма дорогую цену», что также удешевило строительство [4А, ч. I, л. 79]. Кроме того, своею заслугою Лазарев называет налаживание поставок соли «водою малыми деньгами» [4А, ч. I, л. 79] (благодаря тому, что были проведены работы по углублению дна Клязьмы).

Итогом стало разорение Лазарева и, возможно, обвинение его в воровстве. Судя по тексту одного из рапортов, в 1788 г. наместника обвинили в растратах, и он готовился с позором покинуть свою должность [4А, ч. I, л. 79]. Но от должности его отстранили только спустя восемь лет. Такой ценой Лазареву удалось-таки к декабрю 1790 г. завершить строительство присутственных мест губернского города Владимира [4А, ч. II, л. 29].

Таким образом, даже в губернском центре здания, необходимые для исполнения им своих функций, были построены с большими усилиями и разорением. В остальных городах края ситуация была не столь остра (иной статус), но так же не столь успешна. На возведение здесь административных сооружений средств попросту взять было неоткуда. В архивных документах кроме постройки храмов отсутствует какая-либо информация о создании иных обязательных сооружений.

Так, например, в Суздале для размещения административных служб генерал-губернатор Заборовский предполагал использовать «архиерейский каменный дом... поелику архиерею там быть не положено» [4А, ч. I, л. 125]. Это здание (где ныне находится известный музей) собиравались «занять... под присутственные места, ибо в нем с малыми поправками могут оные свободно поместиться так как и магазейны вин-

ные и соляные, денежная кладовая, и сверх того останется место для житья городничего и казначея» [4А, ч. I, л. 125]. Другого подходящего варианта в городе попросту не нашлось. Но то, что совсем недавно сооружение использовалось для церковных нужд, создавало проблемы для эксплуатации его как административного здания. Разрешение на это предполагалось испросить лично у императрицы [4А, ч. I, л. 125].

В заключение необходимо отметить, что при проведении полномасштабной административной реформы и устройении новой региональной сети городов во второй половине XVIII в. власти неизменно учитывали необходимость создания (или поддержания) у города внешних признаков. Причем данная задача была не столь формальной, как это может показаться с первого взгляда.

Город выполняет определенные функции. В процессе выполнения каждым городом своих функций рождаются определенные черты городского поселения, которые выступают как признаки его статуса, доказательства способности и права именоваться городом, что тем более заметно и обязательно в условиях сословного общества. Такие формы (точнее будет их назвать атрибутивные признаки) городской жизни являются прямым следствием выполнения городом своих функций, материальным их выражением. Присущие поселению внешние признаки воспринимались современниками как обязательные, отличительные черты города и несли значение символов. Таким образом, при изучении процесса функционирования городской сети необходимо учитывать это обстоятельство наряду с функциями города и внешними факторами, оказывающими влияние как на само функционирование, так и на возникновение атрибутивных признаков. Особое значение эти вопросы приобретают при рассмотрении города в контексте пространства отдельного региона.

1А. РГАДА. Ф. 16. Д. 636.

2А. РГАДА. Ф. 16. Д. 638.

3А. РГАДА. Ф. 16. Д. 639.

4А. РГАДА. Ф. 16. Д. 640.

1. *Алексеев, В.Н.* Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России [Текст]. М.: Центрполиграф, 2002. 480 с.
2. *Клокман Ю.Р.* Социально-экономическая история русского города, вторая половина XVIII века [Текст]. М.: Наука, 1967. 336 с.
3. Полное собрание законов Российской империи [Текст]. Собрание 1. Т. XX. [1], 1034, 10 с.
4. Полное собрание законов Российской империи [Текст]. Собрание 1. Т. XXI. [1], 1085 с.

Р.Ю. Смагин

СИБИРСКАЯ ВОЕННО-ТОПОГРАФИЧЕСКАЯ СЛУЖБА В 1822—1867 ГГ.: ОРГАНИЗАЦИЯ И ПЕРВЫЕ ИТОГИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

В статье кратко характеризуется состояние изученности проблемы организации военно-топографической службы в сибирском регионе в 1822—1867 гг. Работа представляет собой анализ нормативно-правовых документов, способствовавших проведению первых военно-топографических съемок и началу организации военно-топографической службы в Сибири в первой половине XIX в. Рассмотрение автором ведомственной структуры, кадрового состава и объемов финансирования деятельности позволяет яснее представить процесс организации службы в регионе. В статье подведены и первые итоги деятельности зарождающейся сибирской военно-топографической службы.

Ключевые слова: история картографии; военно-топографическая служба; Отдельный Сибирский корпус; Корпус военных топографов; история Сибири XIX — начала XX в.

Roman Yurevich Smagin

Siberian military topographic service in 1822—1867: organization and first results of activities

The article summarizes the study of a problem of the organization of military and topographical service in the Siberian region in 1822—1867. The work represents an analysis of legal documents concerning the first military surveys and the beginning of the organization of military and topographical service in Siberia in the first half of the XIX century. The author considers the departmental structure, staff composition and volume of financing that allows a clearer understanding of the process of organizing services in the region. First results of military and topographical service activity in Siberia are also summed up.

Keywords: history of cartography; military topographic service; Particular Siberian Corps; Corps of military topography; history Siberia XIX — early XX centuries.

XIX век явился веком расцвета могущества и силы Российской империи. К 1820-м годам уже отгремели залпы пушечных орудий Отечественной войны, русские войска вернулись домой, Александр I взял курс на реформирование внутренней жизни Российской империи.

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта РГНФ № 13-11-54001 а(р) «Рукописные карты Урала, Сибири и Дальнего Востока XVIII — нач. XX вв. в фондах архивов, библиотек и музеев России», в течение 2013—14 гг.

Прежде всего, требовалось привести в надлежащую известность обширные территории империи, две трети которых составляли малоизученные пространства Сибири. Мобильная организация качественной сети административных единиц не была возможна без подробного географического и картографического изучения ранее известных и вновь открываемых пространств Сибири. Опыт гражданских межевых служб, отдельных географических экспедиций Академии наук и военно-статистических описаний Генерального штаба (Генштаба) уже не мог удовлетворять ни имперским целям центральной администрации, ни практическим нуждам местных сибирских властей. Специальной топографической службы, занимающейся сплошными мелко- и крупномасштабными съемками на территории Сибири, не существовало. В рамках всей империи такую деятельность начала выполнять военно-топографическая служба (ВТС).

В современных исследованиях по истории военной картографии все чаще встречаются сюжеты, связанные с переосмыслением значения военно-топографических работ царской армии. Обозначаются новые направления исследований, открывающие социальные, экономические, психологические и социокультурные вопросы истории военно-топографической службы России в XIX — начале XX в. [2; 10; 13; 16; 34; 35]. Понимание процесса организации военно-топографической службы и деятельности военных топографов в Российской империи в рассматриваемый период невозможно без изучения истории региональной военной картографии.

Изучению истории ВТС в Сибири внимание уделялось всегда. В дореволюционный период интерес к фактическим данным о деятельности военных топографов в Сибири находил отражение в обобщающих работах по истории Генерального штаба Н. Глиноецкого [4] и Корпуса военных топографов (КВТ) В.Н. Соколова [36]. Авторы рассматривают военных топографов в Сибири лишь как часть общеимперской структуры. Другой автор этого же периода В.Ф. де Ливрон, касаясь некомплексной политики правительства и ведомств в деле картографирования обширных регионов империи, с сожалением отмечает, что «работы на окраинах предпринимались для удовлетворения случайных местных потребностей, а потому не представляли ничего цельного и систематического» [9, с. 6].

Внимание изучению деятельности и проблем организации ВТС Сибири посвящали и профессиональные военные топографы, служившие непосредственно в регионе. В своих работах Н.Д. Павлов, С.Т. Мирошниченко, Э.А. Коверский и Ю.А. Шмидт отмечают безусловный успех и значительные достижения военных топографов в деле картографирования и изучения обширных пространств Сиби-

ри. Авторы затрагивают и насущные проблемы ВТС, выделяя местную специфику: удаленность от основных кадровых и технических центров (городов Москвы и Санкт-Петербурга), сложность климатических и ландшафтных условий и другие [29; 21; 18; 40].

С 20-х по 70-е годы XX в. истории сибирской ВТС уделялось внимание только в рамках изучения истории науки, географических открытий в Сибири или составления биографических очерков о выдающихся географах и картографах [1; 3; 39]. В работах советских авторов этого периода заметна тенденция практически полного игнорирования какой-либо исторической динамики развития и возможностей организации сибирской ВТС. Сложно согласиться с тезисом З.К. Новокшановой-Соколовской о том, что «до учреждения в 1868 г. при Омском военном округе военно-топографического отдела систематических съемок в Западной Сибири не производилось» [22, с. 69]. Вопрос о важности организации ВТС (правда, без учета ее региональной специфики) как формы государственной службы поднимает в своих работах 1980-х годов А.В. Постников [31, с. 210].

С начала 90-х годов XX в. ВТС в Сибири продолжает рассматриваться в общем контексте изучения ВТС Российской империи [14; 20; 38]. Некоторые сведения об истории создания и деятельности сибирских военно-топографических отделов (ВТО) содержатся в коллективной работе В.А. Копылова, В.П. Милюхина и Ю.А. Фабрики [19] и монографии Ю.М. Ращупкина [32], посвященных истории местных военных округов. Авторы единодушно отмечают значимую роль сибирских ВТО в деле картографирования, изучения и освоения региона. Последнее десятилетие в историографии вопроса отмечено появлением интересного направления в массиве работ В.В. Глушкова и ряда других авторов, работающих в смежном направлении [5; 6; 7; 8; 34]. Авторами предпринимается попытка представить обобщающую и цельную историю становления и развития ВТС в России в XVIII — начале XX в. К сожалению, несмотря на использование в этих работах нормативно-правовых документов, связанных с проведением целенаправленных съемок в Сибири, и указание важности деятельности военных топографов в регионе, цельной картины организации сибирской ВТС в изучаемый период не складывается. Таким образом, анализ научной литературы свидетельствует об актуальности необходимости исследования первых системных и организованных военно-топографических съемок в регионе до открытия ВТО в Западной и Восточной Сибири в 1867 г.

Цель настоящей статьи состоит в рассмотрении процесса организации сибирской ВТС с начала до 1867 г. Сопутствующими задачами выступают определение и анализ нормативно-правовой базы; выяс-

нение структуры службы; рассмотрение кадрового состава и источников его формирования; выявление объемов финансирования сибирской ВТС; подведение общих итогов деятельности данной службы в рассматриваемый период.

На протяжении всего XIX столетия ВТС претерпевала ряд существенных административных, управленческих, научно-теоретических, кадровых и социально-экономических преобразований. Первая попытка создания общегосударственной геодезической и картографической службы страны на новых началах нашла отражение в указе Павла I от 13 ноября 1796 г. об открытии Его Императорского Величества Чертежной. Общегосударственный статус службы по картографированию отражен и в указе Павла I Сенату от 9 декабря 1798 г. «О непечатании и неиздании карт и планов земель Российской Империи без дозволения Географического департамента и Депо карт и не выпуске оных за границу» [17, с. 34]. Служба занималась составлением, печатанием и хранением топографических карт и атласов.

Нормативным документом, в котором нашли отражение цели, формы и средства создания общеимперской геодезической и картографической службы, явилось утвержденное императором Александром I «Положение о Корпусе военных топографов» от 28 января 1822 г. В положении говорилось: «Корпус топографов учреждается с той целью, чтобы успешнее могли производиться съемки государственные во время мирное и обозрение мест в тылу армии в военное...» [30, с. 48]. Корпус являлся специальным отделом Военно-топографического Депо Главного штаба (ВТД ГЛШ), ответственным за проведение полевых работ. Постоянный штат корпуса не был определен. В первый год для производства всех топографических съемок империи, в том числе и в Сибири, в Корпус топографов было зачислено 9 офицеров и 144 кантониста, будущих топографов [5, с. 115].

Организационная структура зарождающейся топографической службы включала в себя офицеров Квартирмейстерской части, топографов, находившихся при КВТ и ВТД ГЛШ в г. Санкт-Петербурге и топографов, состоявших под руководством генерал- и обер-квартирмейстеров региональных войсковых соединений: армий и корпусов [30, с. 48]. Сложность новых видов съемок, возрастающие объемы и цели освоения сибирского пространства со всеми его особенностями требовали создания местной ВТС. Переход от эпизодических «разведывательных» командировок из центра на окраины к созданию специальных региональных отделов, находящихся в общей структуре ВТС, свидетельствовали о включении Сибири на равных основаниях в общеимперское пространство.

Начальный период становления ВТС в Сибири (1822—1867) характеризуется работами, проводившимися на территории региона офицерами и чинами КВТ и Генштаба с привлечением местных военных сил. Научно-теоретической основой для производства военно-топографических съемок в Сибири послужили «Правила, которые вообще при описании Сибири наблюдать можно...» (1821), разработанные на основе проекта управляющего канцелярией Сибирского комитета инженер-майора Г.С. Батенькова (1793—1863). В «Правилах...» рекомендовалось производить сначала предварительное географическое изучение района картографирования по описаниям и на местности, чтобы создать на основе такого изучения «нечто целое, могущее впоследствии облегчить занятия экспедиции» [5, с. 305].

Еще одним нормативным документом, положившим начало систематизации военно-топографических работ на территории всей империи, и в частности, в Сибири, являются «Условные знаки для употребления на топографических, географических и квартирных картах и военных планах», разработанные генерал-майором А.И. Хатовым — членом Военно-ученого комитета (с 1820 г.) и генерал-лейтенантом К.Ф. Толем (1777—1842). Утвержденные 6 июня 1822 г. «Условные знаки...» представляли собой инструкцию, составленную на основе обобщенного опыта картографирования всей территории страны офицерами Квартирмейстерской части [5, с. 116]. Карты, составленные на основе этих обязательных рекомендаций с использованием условных знаков, представляли собой произведения искусства, напоминая шедевры отечественной картографии прошлого. Новые «Условные знаки...», кроме стандартных начертаний и обозначений географических объектов на топографических картах, давали их классификацию в зависимости от масштаба и детальности содержания. Съемка сибирских пространств в единой системе условных обозначений, принятой на всей картографируемой территории империи, свидетельствует о новом качественном шаге в изучении и освоения региона.

Еще один документ сыграл впоследствии немаловажную роль в деятельности ВТС Сибири. Несмотря на то, что утвержденная 21 мая 1822 г. начальником Главного штаба «Инструкция к составлению маршрутной карты», составленная К.И. Теннером, предназначалась для выполнения работ в Виленской губернии, она имела непосредственное отношение к Сибири. Это объясняется тем, что первые сибирские съемки офицеры КВТ и Генштаба производили, прокладывая маршруты вдоль Сибирской пограничной линии, основных транспортных путей и государственной границы с Китаем. Согласно этой «Инструкции...», маршрутная карта должна быть масштаба три

версты в дюйме, содержать информацию, необходимую для оценки тактических свойств местности, а также некоторые экономические характеристики, позволяющие составить представление о возможности снабжения войск провиантом и фуражом в том или ином районе [5, с. 118]. Теоретические и практические рекомендации «Инструкции» почти полностью были использованы на сибирских съемках 1820—1850-х годов.

В начале 1820-х годов проявились теоретические разногласия по вопросам о том, нужно ли производить съемку всей территории Сибири или достаточно ограничиться лишь пограничной линией, возможно ли будет использовать лишь полуинструментальную и глазомерную виды съемок. Тем не менее, в этот период в регионе уже стали производиться масштабные практические работы. Первым крупным проектом, в котором понадобились собственные военно-топографические кадры, явился императорский указ Сенату от 26 января 1822 г. «О разделении Сибирских губерний на Западное и Восточное управления» [23, с. 37].

Потребность в завершении имперского строительства и проведении четких политических границ, отсутствие возможности локализовать пограничные конфликты силами иррегулярных войск заставили центральную администрацию «перейти к юридическому оформлению статуса Степного края, продвижению линии военных укреплений в пределы степной зоны» [2, с. 74]. В упомянутом указе предполагалось подготовить необходимый картографический материал для проведения внутренних и внешних границ Западного и Восточного управлений. Конкретно вменялось в обязанность Тобольского и Томского генерал-губернатора на основе составленной примерной карты назначить граничную черту Омской области от Тобольской и Томской губерний.

В 1822 г. Сибирский комитет, обсуждая вопрос о приведении земли в известность, высказал следующее знаменательное соображение: «штат землемеров крайне недостаточен, землемеры не имеют инструментов и каких либо познаний не только в астрономии, но даже низшей геодезии» [24, с. 22]. Не только отсутствие достаточно-го количества подготовленных сибирских землемеров, но и высокие требования к съемкам, и определенный уровень их военной секретности требовали привлечения новых кадров. Военные топографы КВТ и офицеры Генштаба, командидуемые в Западную Сибирь, восполнили эту потребность. Работы производили топографы нижнего звания под руководством офицеров. Общий надзор за всеми производившимися работами принадлежал обер-квартирмейстеру Отдельного Сибирского Корпуса (ОСК).

Первые военно-топографические съемки сибирских военных топографов стали осуществляться вдоль пограничной сибирской линии и близлежащих территорий. В 1820 г. под началом Свиты Его Императорского Величества генерал-майора Клода-фон-Юргенсбурга была снята «инструментально часть Сибирской линии вдоль по границе, отделяющей Тобольскую губернию от Киргиз-Кайсацкой степи, на пространстве от г. Омска до крепости Лебяжей, по линейной дороге в длину на 171 версту, а в ширину на 125 верст; на оной находились чиновники той же части: капитан Дьяконов, и Омского военно-сиротского отделения учитель 10 класса Рябчиков и того же отделения воспитанники; съемка сия заключает в себе 4300 квадратных верст» [11, с. 148].

В 1822—1825 гг. по указанию генерал-губернатора Западной Сибири капитаном Дьяконовым и поручиком М.П. Бутовским под начальством генерал-майора Клода-фон-Юргенсбурга была произведена инструментальная топографическая съемка (в масштабе две версты в дюйме) правого фланга пограничной Сибирской линии (от г. Омска до редута Алабугского и до границ Оренбургской линии), на пространстве в 47 630 квадратных верст (кв. в.) [5, с. 307]. Эти работы позволили составить новую карту Омской области, которая и была утверждена императором 15 сентября 1827 г. [2, с. 91]. Итогом совместной более чем десятилетней деятельности офицеров КВТ, Генштаба и ОСК стало приведение в известность с 1820 по 1832 г. более 200 000 кв. в. Западной Сибири [34, с. 175].

Из-за несовершенства технологии съемок картографический материал довольно быстро «устаревал», поэтому уже в 1832 г. подполковник Бутовский для обновления материала вынужден был произвести инструментальную военно-топографическую рекогносцировку западной части Омской области (в масштабе 10 верст в дюйме), содержащей в себе 132 675 кв. в. Съемка была произведена шестью отделениями (по четыре топографа в каждом) под ведением старших топографов: Алабугина, Сергеева 1-го, Смирнова, Бабикова, Шетилина и Лушниковова [11, с. 174].

Изменение штатов КВТ в 1832 г. и образование в связи с этим рот и полурот также коснулось и ВТС в Сибири. В это время создается полурота Сибирских топографов (полурота № 4 при Отдельных Корпусах Оренбургском и Сибирском со штатом в сорок восемь человек) [33, с. 127], через 6 лет появляется еще 12 человек [15, с. 151]. Полурота при ОСК включала 12 топографов 2-го класса, 12 топографов 3-го класса, одного ротного командира, фельдфебеля, каптенармуса, писаря и цирюльника [25, с. 199].

В 1830-е годы гражданские межевые службы также пытаются не отставать в области картографирования, хозяйственного освоения и

создания региональной топографической службы в Сибири. В 1830 г. было окончено межевание Курганского, Ишимского, Тюменского и Тобольского округов и разрешено приступить к нарезке наделов крестьянам. Однако карты, по которым нужно было производить нарезку и исчисление земли, оказались настолько неверны, что пришлось производить пересъемку.

Увеличение снимаемого пространства и потребность ускорить приведение сибирских земель в известность побуждают центральную администрацию увеличить штат ВТС Сибири. Приказом военного министра от 21 июня 1835 г. «О сформировании четверть роты топографов для обмежевания земель под предположенную в Сибири колонизацию» были назначены ко второй полуроте № 4 еще 12 человек [28, с. 755]. Содержание четверти роты отнесено на счет сумм межевания сибирских земель. Чины дополнительного подразделения получали обмундирование с номером той же роты № 4. Общий штат военных топографов, находившихся на службе в регионе вплоть до 1867 г., всегда составлял примерно 36 человек. Незначительные изменения числа служащих были связаны с болезнями, отпусками или командировками.

В 1837 г. вышел еще один документ, обеспечивший организацию ВТС в Сибири и производство рекогносцировочных работ. В связи с продолжавшейся организацией административного деления и хозяйственной политикой освоения в Сибири в тот период были востребованы рекогносцировки. В «Правилах... военно-топографической рекогносцировки внешних округов Омской области» были изложены основные положения военно-топографического изучения Сибири, подвергшиеся до 1917 г. лишь незначительным изменениям [5, с. 308].

Важно также отметить, что внимание к картографированию Сибири в то время было настолько велико, что в 1838 г. командиром ОСК был назначен видный военный топограф полковник Х.Х. Ховен (1795 — после 1886) — будущий сенатор (1869—1886), генерал от инфантерии (1869) [5, с. 310]. При его непосредственном командовании в период с 1837 по 1840 г. съемка в округах Томской губернии: Томском, Кузнецком, Барнаульском, Бийском, Кольванском и в Киргизской степи — предоставляет для создания карт 115 100 кв. в. [12, с. 23].

В 1841 г. работы ВТС Западной Сибири продвигаются на юг и юго-восток, картографируя сенокосные места в округах: Кокчетавском, Акмолинском, Аман-Карагайском, Каркаралинском и в части Баян-Аульского, гора Улу-Тау с окрестностями, обнимая съемкой пространство в 51 700 кв. в. В 1842 г. усилия были направлены на север и восток: в Туринский округ Тобольской губернии по р. Тавде и в Томский округ Томской губернии по рекам Чулыму и Оби, а также в

Бийском округе по р. Бухтарме, всего 112 560 кв. в. С 1843 по 1845 г. съемка в Бийском и Каинском округах Томской губернии, а также в Тарском округе Тобольской губернии предоставляет информацию о 156 930 кв. в. сибирской земли [12, с. 22].

Нельзя не упомянуть о выдающихся личностях, профессионализм и высокие человеческие качества которых значительно способствовали становлению ВТС Сибири в рассматриваемый период. Среди малоизвестных обер-квартирмейстеров ОСК — полковник Дьяконов, штабс-капитан М.П. Бутовский и генерал-майор Густав Карлович Сильвергельм (в некоторых источниках читается как «Сильверъельм»), информация о которых была собрана буквально по крупицам. Сильвергельм принял активное участие в становлении военно-топографической службы в Сибири в период 1833—1860 гг., пройдя славный и нелегкий путь сибирского военного топографа, начиная с чина капитана и заканчивая генерал-майором. К сожалению, полную биографию барона Сильвергельма, даже по архивным источникам, восстановить довольно сложно. В период с 1835 по 1859 г. Г.К. Сильвергельм был начальником съемки Сибири и обер-квартирмейстером ОСК в звании подполковника Генштаба (в 1842 г. полковника), и скончался в 1864 г. в г. Омске [34, с. 521]. После его смерти, вдове баронессе Елизавете Сильвергельм, проживавшей в г. Омске, была назначена пенсия в размере 430 руб. в год [1А, л. 17].

Составить подробную летопись военно-топографических работ офицеров КВТ и установить организационную структуру службы в Восточной Сибири в 1820—1840-е годы на данный момент проблематично. Можно предположить с большой долей вероятности, что военные топографы, согласно § 7 «Положения о КВТ» 1822 г. [30, с. 48], после выпуска из военно-сиротских отделений при армиях и корпусах на востоке Сибири обратно возвращались состоять в них же.

Картографированием Восточной Сибири в этот период занимались исключительно командированные из центра офицеры Генштаба, совместно с чинами КВТ, а также ученые Академии наук. Целенаправленные военно-топографические работы в Восточной Сибири стали производиться только с 1845 г., когда явилась необходимость обзора пограничной линии с Китаем. Для решения этой задачи 11 декабря 1847 г. была утверждена докладная записка генерал-квартирмейстера «О сформировании части Генерального Штаба при генерал-губернаторе Восточной Сибири для геодезических работ».

Генштаб брал на себя обязательства сформировать при генерал-губернаторе следующие штаты: один штаб-офицер Генштаба для управления этой частью; трое офицеров КВТ и 13 топографов $\frac{1}{4}$ роты (12 топографов и один фельдфебель) для геодезических ра-

бот; для съемок на золотых приисках один обер-офицер Генштаба и два офицера, произведенные в чин из топографов по армии, предназначенных собственно для употребления по межевой части с прикомандированием по КВТ.

Обратим внимание, что формирование $\frac{1}{4}$ роты топографов происходило из 12 топографов роты № 4 (по 6 человек из Отдельного Сибирского и Оренбургского корпусов) с причислением ко 2-й полуроте этой роты, состоящей при ОСК. Фельдфебель, одновременно исправлявший должность каптернамуса, назначался из строевых унтер-офицеров. В документе весьма обстоятельно описана и финансовая сторона вопроса. На сформирование $\frac{1}{4}$ роты топографов требовалась первоочередная сумма в 587 руб. 84 коп. Ежегодное содержание штата всей части Генштаба в Восточной Сибири составляли столовые деньги штаб-офицеру Генштаба 560 руб. 40 коп. и обер-офицеру Генштаба 280 руб. 20 коп., порционные деньги трем офицерам КВТ и двум офицерам, прикомандированных к этому корпусу, 405 руб. (45 коп. в день каждому на 180 съёмочных дней), и 12 топографам (15 коп. в день каждому на 180 дней). Добавим к этому содержание $\frac{1}{4}$ роты топографов в 753 руб. 84 коп. и получим итоговую сумму в 2322 руб. 86 коп. [27, с. 896].

К середине XIX в. военно-топографические работы продвигаются все дальше на восток. На территории Восточной Сибири к этому времени было покрыто съемками лишь около 90 тыс. кв. в. [37, с. 185]. В это время штатов военных топографов на выполнение топографических съемок в Восточной Сибири не только для военного, но и для гражданских ведомств было уже недостаточно. В связи с этим 4 марта 1851 г. последовал императорский указ в приказе военного министра «О сформировании полуроты топографов для размежевания казенных земель в Восточной Сибири». Требовалось сформировать полуроту из 24 топографов, одного фельдфебеля и одного каптернамуса с отнесением расходов по содержанию на счет сумм межевого сбора в Восточной Сибири. Эта полурота структурно также причислялась ко 2-й полуроте № 4 при ОСК [26, с. 168]. В результате этих преобразований вплоть до 1867 г. военно-топографические силы Восточной Сибири будут иметь в среднем в своем распоряжении 39 топографов.

Итак, каковы были первые итоги организации и деятельности формирующейся военно-топографической службы в Сибири в 1820—1860-е годы? Работа в новых административных, социально-экономических и географических условиях требовала от топографов и их командования изменения форм организации работ, методов, способов съемки и используемых инструментов. За сорок лет съемок

была накоплена достаточная научно-теоретическая и практическая база для совершенствования структуры службы, ее кадрового, финансового и материально-технического обеспечения.

В начальный период организации ВТС Западной Сибири осуществила инструментальные, полуинструментальные и распросные типы съемок общим объемом в 1 332 523 кв. в. Глазомерные же съемки позволили охватить большую площадь — к 1852 г. территории Западной Сибири было снято 2,8 млн. кв. в. Благодаря нормативно-правовой организации ВТС в Восточной Сибири к 1866 г. общая площадь снятого пространства увеличивается с 90 тыс. кв. в. до 400 тыс. кв. в. Основные направления работ распространялись на Иркутскую губернию, Забайкалье, Якутскую и Амурскую области, Уссурийский край и некоторые места Приморской области и Камчатки.

Значительным итогом создания ВТО в Сибири явилось начало издания в 1864 г. карты Азиатской России в масштабе 100 верст в дюйме на восьми листах. При ее составлении, кроме материалов съемок Военного и Морского ведомств, были использованы результаты работ многочисленных экспедиций Императорского Русского Географического Общества, Академии наук и других научных учреждений, зачастую являвшихся единственным источником для картографирования многих районов Сибири. Всего за период 1820—1860-х годов на основе материалов съемок сибирской ВТС подготовлено и издано более сотни карт, объемом более тысячи листов. Примерно $\frac{1}{3}$ их общего числа составляют карты, составленные и изданные при штабе Отдельного Сибирского Корпуса.

Военно-топографические съемки и описания местности, востребованные для учреждения и организации Омской области, Енисейской губернии, государственной границы с Китаем и межевания казенных земель представляли собой первоклассные опытные полигоны для создания в последующем сибирской ВТС на новых качественных основаниях.

1А. РГВИА. Ф. 395. Оп. 148. Д. 207 (1842 г.).

1. *Андреев Н.В.* Географические труды офицеров Генерального Штаба: дис. ... канд. геогр. наук. М., 1963.
2. *Безвизонная, Е.* Геополитическое пространство Степного края [Текст]: Омская область и проблема границы в государственном строительстве Российской империи (20—30-е годы XIX века) // Регион в истории империи: ист. эссе о Сибири. М.: Новое изд-во, 2013. С. 72—93.
3. *Быковский, Н.М.* Картография [Текст]: ист. очерк. М.; Пг.: Гос. изд., тип. Печатный двор в Пг., 1923. 208 с.
4. *Глиноецкий, Н.* Русский Генштаб в царствование императора Александра I [Текст]. СПб.: тип. Департамента уделов, 1874. 189 с.

5. *Глушков, В.В.* Становление и развитие военной картографии в России (XVIII — начало XX в.): дис. ... д-ра геогр. наук: 07.00.10. М., 2003. 428 с.
6. *Глушков, В.В.* Корпус военных топографов российской армии в годы первой мировой войны [Текст] / В.В. Глушков, Е.И. Долгов, А.А. Шаравин. М., 1999. 232 с.
7. *Глушков, В.В.* На карте Генерального штаба — Маньчжурия [Текст] / В.В. Глушков, А.А. Шаравин. М., 2000. 400 с.
8. *Глушков, В.В.* История военной картографии в России, XVIII — начало XX в. [Текст] / В.В. Глушков. М.: ИДЭЛ, 2007. 528 с.
9. *Де Ливрон, В.Ф.* Очерк деятельности КВТ с 1855 по 1880 // Военный сборник. 1881. № 11.
10. *Долгов, Е.И.* История частей топографической службы [Текст] / Е.И. Долгов, С.В. Сергеев. М.: Аксиом, 2012. 642 с.
11. Записки Военно-топографического депо. СПб., 1837. Ч. I. С. 1—188.
12. Записки Военно-топографического депо. СПб., 1847. Ч. X. 294 с.
13. *Захаренко, И.А.* Военно-географическое изучение и картографирование восточно-азиатского пограничного пространства (сер. XVI — нач. XX вв.) [Текст]. Минск: Военная академия Республики Беларусь, 2008. Ч. 1: Военно-географическое изучение и картографирование Сибирского пограничного пространства (середина XV — середина XIX в.). 392 с.; Ч. 2: Стратегическая география и картография Восточно-Азиатского пограничного пространства (вторая половина XIX — начало XX в.). 403 с.
14. История Санкт-Петербургского высшего военно-топографического училища им. генерала армии А.И. Антонова (1822—1917 гг.) [Текст] / под общ. ред. В.А. Антюфеева. СПб., 1997. 250 с.
15. *Картыков, А. Н.* Краткий исторический очерк деятельности военных топографов в Западной Сибири [Текст] // Топографический и геодезический журнал. 1910. № 10. С. 150—155.
16. *Катионов, О.Н.* Топографический и геодезический журнал» как исторический источник по изучению службы военных топографов в Сибири [Текст] / Катионов О.Н., Смагин Р.Ю. // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2008. Т. 2, № 2. С. 272—278.
17. *Кашин, Л.А.* Топографическое изучение России [Текст]: ист. очерк. М.: Картгеоцентр-Геодезиздат, 2001. 116 с.
18. *Коверский, Э.А.* Объяснительная записка к «Отчетным картам астрономических, геодезических и топографических работ, произведенных в России» [Текст] // Записки военно-топографического отдела. СПб., 1892. Ч. XLVIII.
19. *Копылов, В.А.* Сибирский военный округ [Текст]: первые страницы истории (1865—1917) / В.А. Копылов, В.П. Милохин, Ю.А. Фабрика. Новосибирск, 1995. 266 с.
20. *Лосев, А.И.* Корпус военных топографов [Текст] / А. И. Лосев, В.И. Казаков // Военно-исторический журнал. 1992. № 10. С. 79—82.
21. *Мирошниченко, С.Т.* Отчет об астрономических работах в Забайкальской области 1893 г. [Текст] // Записки военно-топографического отдела. СПб., 1896. Ч. LIII. С. 140—141.
22. *Новокишанова-Соколовская, З.К.* Картографические и геодезические работы в России в XIX — начале XX вв. [Текст]. М.: Наука, 1967. 265 с.
23. О разделении Сибирских губерний на Западное и Восточное управления [Текст] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 38. № 28892.
24. *Остафьев, В.* Возможно ли при существующих знаниях и данных о Сибири определить количество свободных, годных и удобных земель для колонизации [Текст] // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Омск, 1895. Кн. 18, вып. 1.

25. О сформировании девяти рот топографов [Текст] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. СПб., 1833. Т. VII. № 5289.
26. О сформировании полуроты топографов для размежевания казенных земель в Восточной Сибири [Текст] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. СПб., 1852. Т. XXVI, отд-ние 1. № 25001.
27. О сформировании части Генерального Штаба при генерал-губернаторе Восточной Сибири для геодезических работ [Текст] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. СПб., 1848. Т. XXII. № 21783.
28. О сформировании четверть роты топографов [Текст] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. СПб., 1836. Т. X, отд-ние 1. № 8260.
29. *Павлов, Н.Д.* Краткий очерк топографических, геодезических, астрономических, картографических и сейсмических работ в Западной Сибири [Текст] // Известия Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Омск, 1915. Т. 3, вып. 1—2.
30. Положение о Корпусе военных топографов, 1822 г. [Текст] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 38. № 28901.
31. *Постников, А.В.* Развитие крупномасштабной картографии в России [Текст]. М.: Наука, 1989. 230 с.
32. *Ращупкин, Ю.М.* Иркутский военный округ во второй половине XIX — начале XX вв. [Текст]. Иркутск: Вост.-Сиб. ин-т МВД России, 2003. 207 с.
33. *Савицкий, М.А.* Историческая справка о способах комплектования Корпуса военных топографов в разные периоды его существования [Текст] // Топографический и геодезический журнал. 1911. № 8. С. 126—129.
34. *Сергеев, С.В.* Военные топографы русской армии [Текст] / С.В. Сергеев, Е.И. Долгов. М.: ЗАО «Сидипресс», 2001. 592 с.
35. *Смагин, Р.Ю.* Историография военно-топографической службы Сибири XIX — начала XXI вв. [Текст] // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2013. № 1. С. 55—62.
36. *[Соколов, Н.В.]* Исторический очерк деятельности Корпуса Военных Топографов, 1822—1872 [Текст]. СПб., 1872. 793 с.
37. Список точек России, географическое положение коих известно [Текст] // Записки Военно-топографического депо. СПб., 1851. Ч. XIII. С. 43—185.
38. *Фиалков, Д.Н.* Становление геодезической службы Сибири [Текст] // К 125-летию Омского военно-топографического отдела (1867—1992). Омск, 1993. С. 4—9.
39. *Шибанов, Ф. А.* Очерки по истории отечественной картографии [Текст]. СПб.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. 160 с.
40. *Шмидт, Ю.А.* Астрономические определения г. Минусинска помощью телеграфа, исполненное генерал-майором Шмидтом [Текст] // Записки Военно-топографического отдела. СПб., 1905. Ч. LXI.

К.С. Барабанова

ПЕРВАЯ ХОЛЕРА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В 1831 Г.: ПРОТИВОЭПИДЕМИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ И ОТНОШЕНИЕ К НИМ ГОРОЖАН

В первую эпидемию холеры в 1831 г. в Санкт-Петербурге была создана временная медицинская инфраструктура. Некоторые противоэпидемические мероприятия вызвали недовольство горожан и привели к холерным бунтам, в ходе которых было разрушено несколько больниц, подверглись нападению врачи и простые прохожие. После холерного бунта на Сенной площади власти были вынуждены внести изменения в созданную ранее инфраструктуру.

Ключевые слова: эпидемия холеры 1831 г.; холерный бунт; холерная больница; медицинская инфраструктура.

Ksenia Sergeevna Barabanova

The first cholera epidemic in St. Petersburg in 1831: the cholera and citizens

The temporary medical infrastructure was created in the first cholera epidemic in 1831 in St. Petersburg. Some control measures displeased citizens and it led to cholera riots, during which several temporary cholera hospitals were destroyed, some doctors were attacked. After Cholera riot at Sennaya Square city authorities were forced to take more active measures to combat cholera and to create new temporary medical infrastructure.

Keywords: cholera epidemic in 1831; Cholera riot; cholera hospital; medical infrastructure.

14 июня 1831 г. в Санкт-Петербурге началась первая эпидемия холеры, она длилась 4 месяца и 17 дней. Началом эпидемии принято считать эпизод, когда штаб-лекарь Д.Д. Бланк (Бланк 1-й), полицейский врач Рождественской части и врач для бедных Каретной части, 14 июня 1831 г. обнаружил первого холерного больного на прибывшей из Вытегры сойме, стоявшей на Калашниковой пристани. Благодаря вовремя оказанной медицинской помощи больной выздоровел. Однако болезнь проникла в город и стала быстро распространяться. По официальным данным, опубликованным в газете «Северная пчела», «с 14-го июня по 5-е ноября, в С. Петербурге всего заболело 9245 чел., из того числа умерло 4757» [16].

Сразу после начала эпидемии в Петербурге был создан «Комитет для принятия мер противу распространения холеры в здешней столице» (далее — Комитет). Его возглавил петербургский военный генерал-губернатор П.К. Эссен. Кроме него в состав Комитета на

первом этапе вошли граф А.А. Закревский, граф А.И. Чернышев и князь А.С. Меншиков.

В обязанности Комитета входила организация предохранительных мероприятий, к которым относились временные обсервационные заставы и оцепление домов, открытие временных холерных больниц и кладбищ. Комитет отвечал за разработку мероприятий по борьбе с распространением эпидемии.

16 июня, через два дня после официального уведомления о появлении холеры, Комитет издал распоряжение об организации медицинских частей Санкт-Петербурга. В результате город был разделен на 13 частей, в каждую из которых был назначен попечитель*.

На должность попечителей частей были выбраны такие известные сановники, как например, С.С. Уваров, А.И. Михайловский-Данилевский, которые ранее уже зарекомендовали себя как активные и деятельные организаторы. Во время эпидемии они руководили доверенными им частями, собирали пожертвования и распоряжались ими для организации медицинского обслуживания, занимались организацией помощи нуждающимся, которые пострадали от холеры или потеряли кормильцев. Активная деятельность многих попечителей, отразившаяся в сохранившихся материалах, не была сразу видна городским обывателям, так как принимаемые ими меры не могли быть воплощены сразу из-за отсутствия денежных средств и человеческих ресурсов. Возможно, поэтому отношение горожан к деятельности попечителей было на первых порах довольно скептическим. В частности, А.В. Никитенко записал 20 июня в своем дневнике: «В каждой части города назначены попечители, но плохо выбранные, из людей слабых, нерешительных и равнодушных к общественной пользе» [6, с. 107]. Возможно, мнение Никитенко о людях избранных в попечители можно отнести на время первого этапа эпидемии, когда еще не были устроены должным образом холерные больницы, а жители города боялись попасть в них больше, чем заболеть холерой. В дальнейшем, после второго посещения Николаем I столицы 25 июня, попечители зарекомендовали себя как активные участники в борьбе против холеры.

* Попечители: сенатор С.С. Уваров (1-я Адмиралтейская часть), сенатор И.С. Горголи (2-я Адмиралтейская часть), действительный советник И.И. Дмитриев (3-я Адмиралтейская часть), сенатор М.С. Вистицкий (4-я Адмиралтейская часть), князь А.Б. Голицын (Нарвская часть), Ф.И. Баумгартен (Московская часть), сенатор М.Ф. Ставицкий (Литейная часть), граф П.Ф. Буксгевден (Рождественская часть), генерал-майор П.П. Черкасов (Каретная часть), сенатор В.И. Болгарский (Васильевская часть), сенатор П.И. Полетика (Петербургская часть), сенатор С.Ф. Маврин (Выборгская часть), генерал-майор А.И. Михайловский-Данилевский (Охтинская часть).

Попечитель выбирал себе несколько помощников, которые должны были следить за чистотой в обывательских домах. Попечитель (или его помощник) с квартальным врачом должны были посещать больных для освидетельствования и принятия решения о госпитализации [6А, л. 100]. На основании полученных сведений попечитель части принимал решение о наложении особого карантинного режима на дома, где были больные или умершие от холеры [11].

На полицию были возложены обязанности по выявлению больных, их госпитализации, захоронению тел умерших на специальных холерных кладбищах в соответствии с особыми правилами. О заболевших помощникам попечителя части докладывали частный пристав или квартальный надзиратель. Таким образом, нижние полицейские чины должны были сообщать о «подозрительных» больных в домах вверенных им кварталов и частей. Кроме того, полицейские должны были сообщать о тех больных, которых приступ настиг на улице. Таких больных собирали фурманщики, которых набирали из фонарщиков. Им городские власти поручили доставку больных в больницы. В Московскую эпидемию чумы в 1771 г. была организована схожая служба, тогда в Москве работали «мортрусы» (колодники), обязанностью которых был подъем больных и мертвых с улиц города и перевозка больных из их домов в больницы. Таким образом, во время эпидемий городские власти привлекали на самую опасную и грязную работу или арестантов, или представителей городских низов. Как в Москве мортрусы, так и в Петербурге фурманщики иногда пугали горожан больше, чем болезнь, что приводило к укрыванию больных [20].

Фурманщиков вместе с полицейскими предполагалось использовать в оцеплении холерных домов. Как свидетельствовали современники, фонарщики не торопились исполнять возложенные на них обязанности. Свидетелем того, как исполнялось это распоряжение, был И.Р. фон дер Ховен, известный как «Герой Сенной». Проходя по Моховой улице, он наблюдал, как дом, стоявший напротив церкви Симеона, был заперт и оцеплен полицией на карантин. У ворот дома стояли два будочника, а третий ходил под окнами по тротуару. Ховен остановился напротив дома и стал наблюдать за жителями дома, которые что-то кричали, высунувшись в открытые окна. Остальные прохожие, в отличие от фон дер Ховена, старались как можно скорее убежать от оцепленного дома, затыкая нос платком или нюхая уксус. Через полчаса из-за ворот послышался шум, стук молотков и ворота зашатались под напором. На счастье жителей, слесарь, живший в этом доме, вместе со своими рабочими сбил калитку с петель и освободил пленников, которые немедленно разбежались во все направления. Фон дер Ховен отметил, что «полиция в миг исчезла»

[19, с. 395]. 22 июня министр внутренних дел А.А. Закревский доложил императору Николаю I о невозможности оцепления домов, где были обнаружены холерные больные. Он сообщал, что «дома в коих оказались заболевшие холерою, или умершие от сей болезни, хотя и оцепляются фонарщиками, однако же цепь сия ненадежна, как по множеству жильцов, в каждом доме тоже и по затруднительности обеспечить их продовольствием, прервав сообщение» [3А, л. 23].

В своих воспоминаниях современники уделяли особое внимание вопросу о том, как горожане попадали в холерные больницы. Существовало несколько механизмов попадания в больницу: госпитализация после осмотра врачом, привоз заболевшего родственниками или хозяевами и подбор больных с улиц города фурманщиками или полицейскими.

16 июня 1831 г. Комитет определил механизм госпитализации заболевших холерой. Больные, которые «не могут быть пользуемы в домах», помещались в ближайшую холерную больницу «без различия званий» [11]. Те же, кому разрешалось оставаться для лечения дома, передавались на попечение квартальному или частному врачу. В воспоминаниях современников прослеживается общая черта — авторы были уверены в том, что в больницы забирают всех без исключения, и единственный способ выжить — это избежать госпитализации.

В начале июня 1831 г. английское правительство отправило в Российскую империю двух докторов — В. Рассела и Д. Барри, которые отмечали, что больные скрывают свое плохое самочувствие, чтобы не попасть в больницу. Например, первая заболевшая в Воспитательном доме (19 июня) скрывала «с утра до двенадцати часов» свое состояние, пока ей не стало хуже. На мануфактуре Ч. Берда 23 июня была обнаружена первая заболевшая, которая до этого пряталась двенадцать часов, из страха быть отправленной в больницу [24, р. 45].

Таким образом, можно предположить, что горожане, чтобы избежать встречи с медиками и не попасть в больницу, скрывали факт, что они или их родственники были больны. Отношение к холере как постыдной, «грязной» болезни является одной из причин того, что горожане старались скрыть факт заболевания. В воспоминаниях редко встречается упоминание о том, что автор страдал от холерных симптомов.

Часто родственники или друзья, обеспокоенные состоянием больного, не могли найти врача и сами пытались оказать помощь больному или отправить его в холерную больницу. Так, актер П.А. Каратыгин вспоминал, как ранним утром 28 июня актера Сосницкого разбудил слуга его друга и коллеги В.И. Рязанцева и сообщил, что тот очень плохо себя чувствует. Сосницкий нашел Рязанцева сильно похудевшим, со впалыми глазами, а голос его был хриплым и глухим. Прислуга сбежала из дома еще до прихода Сос-

ницкого, оставив больного без помощи. Сосницкий, «подав своему несчастному другу первую помощь находившимися под рукой домашними средствами» [4, с. 194], отправился в ближайшую цирюльню. Там он попросил у хозяина отпустить кого-нибудь из учеников для ухода за больным и предложил за эту услугу 200 рублей в сутки. Именно сумма насторожила цирюльника. Когда Сосницкий подтвердил, что ухаживать надо будет именно за холерным больным, тот ответил: «Давайте две тысячи, я и тогда не отпущу ни одного из моих мальчиков на верную смерть!» [4, с. 194]. Попытки найти доктора ничего не дали. Когда Сосницкий возвращался, он встретил молодого актера Д. Семихатова, жившего в одном доме с Рязанцевым. Семихатов вызвался ухаживать за больным и оставался с ним до последнего.

Когда врача вызывали к больному, который имел возможность лечиться дома, он назначал ему домашнее лечение. Один из современников вспоминал, что когда он жил на даче в Екатерингофе, несколько раз чувствовал недомогание и с трудом мог заставить дома знакомого доктора. Врач дважды прописывал ему «свежий хороший бифштекс и рюмку старого портвейна, объясняя при этом, что не следует морить себя голодом и не терять присутствия духа при виде двигавшихся по улицам холерных карет и дрог с покойниками» [18, с. 740].

В сентябре 1830 г., когда в Москве началась эпидемия холеры, в Санкт-Петербурге было принято решение об открытии временных холерных больниц. К осени 1830 г. в ходе подготовки Петербурга к эпидемии холеры были созданы 12 больниц для холерных больных, рассчитанных на 730 кроватей [1А, л. 39—40]. К больницам были приписаны медики, которые должны были начать работу, как только в городе будет обнаружена холера. Сеть временных холерных больниц была создана на основе опыта московской эпидемии холеры, похожая временная инфраструктура была создана в ходе первой эпидемии и в других городах [22].

16 июня 1831 г. Комитет принял решение об открытии временных холерных больниц. Было дано распоряжение об открытии девяти «временных больничных домов», в число которых вошли уже открытые в 1830 г. больницы и лазареты, а также были открыты три новых больницы: на Шлиссельбургской дороге, на даче князя Куракина и отделение в Военно-сухопутном госпитале. Комитет принял решение об организации в общей сложности девятнадцати временных холерных больниц, которые были рассчитаны на 820 кроватей. В тот же день 16 июня было решено организовать десять «лазаретов для подания первоначального пособия» [6А, л. 44—45].

21 июня министр внутренних дел граф А.А. Закревский доложил императору Николаю I, что «временные больницы, не получили еще долж-

ного устройства, не снабжены некоторыми необходимо нужными вещами, и обсервационных домов, вовсе нет» [3А, л. 20 об.]. Уже открытые больницы министр предлагал доукомплектовать кроватями, постельным бельем, посудой, ванными и другими вещами, необходимыми для оказания помощи больным. Таким образом, спустя неделю после начала эпидемии холерные больницы не были полностью укомплектованы, т.е. не были подготовлены для принятия и лечения больных.

Жесткие противоэпидемические меры, которые были введены, а также страх перед быстро распространяющимся неизвестным заболеванием, от которого умирали даже не десятки, а сотни людей в день, вызвали недовольство горожан. По городу поползли слухи о том, что кто-то умышленно отравляет водоемы и источники питьевой воды, и все бросились на поиски «отравителей».

В отравлениях стали подозревать в первую очередь поляков, что было связано с Польским восстанием 1830—1831 гг. Горожане рассказывали, как «поляки ходят ночью по огородам и посыпают овощи ядом, как незаметно проходят в ворота домов, всыпают яд в стоящие на дворах бочки с водою, как зафрактованные мятежниками корабли привезли целые грузы мышьяку и всыпали их в Неву» [7, с. 695]. Именно поляки, по мнению горожан, и «выдумали» холеру. Распространялись нелепые слухи и о том, что она была распространена ими через отравленные колодца и лекарства, а помогали им доктора, которые открыли больницы, куда народ свозит подкупленная полиция.

Слух об отравленных колодцах распространился и охватил умы многих даже за пределами Санкт-Петербурга. 21 июня 1831 г. в Твери произошел бунт «от неосновательных, по случаю появления там признаков холеры, толков о испорченной якобы воде в реках и колодцах разливали зельями через неизвестных людей, присылаемых от поляков» [4А, л. 6]. В ходе расследования оказалось, что слухи об отравителях распространял учитель Тверской гимназии Будревич (с 1824 г. «кандидат философии») и его сосед, уроженец Уфы, отставной канцелярист Чечота. Стоит отметить, что социальный состав тех, кто принимал участие в беспорядках в Петербурге и в Твери мало чем отличался: «самая низкая чернь и грубые мастеровые, из коих большая часть была полупьяна» [4А, л. 20].

«Отравитель», по мнению петербуржцев, выглядел как прилично одетый господин. Любой прилично одетый человек вызывал у горожан подозрение. Для подтверждения версии о том, что прохожий является «тайным отравителем», его останавливали и обыскивали. Если при обыске находили подозрительный порошок или жидкость, то народ заставлял несчастного съесть найденное и отпускал его или сдавал в казенный дом. Между тем, некие порошки и склянки были

найлены у большинства задержанных. На самом деле это был не яд, а раствор хлориновой извести или крепкий уксус. Министерство внутренних дел советовало тем, кто должен был контактировать с больными, иметь при себе «скляночку с раствором хлориновой извести, или с крепким уксусом, кроме сего носить в кармане сухую хлориновую известь в полотняной сумочке» [12].

Задержание «отравителей» происходило по единому сценарию. Собравшаяся на улице толпа останавливала человека, который казался им подозрительным и устраивала ему допрос. Даже если человек не признавался, его все равно обыскивали прямо на улице. Найденный порошок или склянка с жидкостью признавались ядом, а их хозяин — отравителем. Его избивали и заставляли съесть всю его «аптеку». Иногда толпа вела своего пленника к начальству, чтобы сдать как «отравителя». Довольно часто «отравителям» везло, и их спасали военные, которые отводили их на ордонансгауз (т.е. в комендантское управление), находившийся по адресу Садовая улица, дом 3.

Об одном таком случае рассказал журнал «Русский архив». Прохожего признали «отравителем» и, подняв на руки, понесли по улице. Неизвестно, чем все закончилось бы для несчастного, если бы по пути следования процессии не находилась гауптвахта. Дежурный офицер спросил у конвоиров, куда они тащат человека. Ему с почтением ответили, что несут топить свою жертву, так как этот человек — «отравитель». В свою очередь офицер заметил, что сначала отравителя следует хорошенько «отодрать» и только потом топить. В дежурном офицере толпа нашла понимающего человека и отдала ему «отравителя», с наставлением: «Хорошенько отвалияйте его, ваше благородие, а потом камень на шею, да и в воду!» [18, с. 741]. Если бы не караульный офицер, то беды миновать не удалось бы. Таким образом прохожий был спасен.

В похожую ситуацию попал переводчик Соколов из Гоф-интендантской конторы (Шпалерная, 34), который поведал И.С. Силиванову о своем спасении из рук обезумевшей толпы. У Пяти Углов он был остановлен выкриком сидельца мелочной лавки, обвинившего его в том, что он подбросил яд в квас. Собравшаяся толпа потребовала обыскать «отравителя». Тогда Соколова раздели, ничего подозрительного, а тем более яда, не обнаружили. Несмотря на это, нашелся человек, который крикнул, что Соколов «оборотень», и что он видел, как тот проглотил склянку с травой. После этого обвинения в толпе закричали, что «оборотня» надо убить, а несколько человек отправились в ближайший двор за поленьями. Тут мы обратимся к словам самого Соколова: «Видя приближение смертного часа, я стоял почти нагой среди толпы и поручал душу мою Богу. Вдруг в

толпу въехал кавалергардский офицер, мальчик лет 19, верхом, и подбегавши ко мне, стал меня спрашивать: кто я такой и в чем дело. Как мог, второпях и в испуге, я ему объяснил, кто я такой и просил меня спасти. Юноша, не думая долго, обнажил палаш и плашмя, разгоняя им народ, велел мне идти за собою. Подобравши в охапку платье свое и сапоги, я в одной рубашке, на сколько мне позволяли силы, побежал за ним, под охраной его палаша, и таким образом через всю Литейную он довел меня до Гоф-интендантской конторы» [17, стб. 961]. Еще долго толпа не расходилась из-под окон конторы.

Недовольство горожан вызывало насильственное помещение заболевших в холерные больницы. Во время холерных волнений горожане нападали на холерные кареты и освобождали из них больных, кареты опрокидывали или скидывали в каналы, а извозчиков избивали. И.С. Силиванов был свидетелем того, как во дворе разрушенной холерной больницы была найдена холерная карета, несколько человек «запряглось в нее и с песнями возили по улицам, до тех пор, пока утомившись, не бросили ее в канаву» [17, стб. 962].

Случалось, в холерные больницы попадали здоровые горожане, которые были свезены туда в нетрезвом состоянии. Как только они немного приходили в себя, начинали дебоширить и старались уйти из больниц, представлявших собой, как отметил А.В. Никитенко, «только переходное место из дома в могилу» [6, с. 107]. Для этого они прибегали не только к хитрости, но и к подкупу, а иногда и дрались с докторами и сторожами. Вырвавшись из больницы, дома они появлялись нередко в одном больничном халате, рассказывая всем, что в больницы отправляют здоровых.

Начались нападения на врачей, которых обвиняли в сговоре с поляками. Одной из причин недоверия, а иногда даже и ненависти к врачам, была уверенность горожан в том, что некоторые из них пренебрегают своими обязанностями и невнимательны к больным до того, что не могут отличить больных от здоровых, а мертвых от живых. События в Петербурге во многом напоминали то, что происходило в Москве во время эпидемии чумы 1771 г.

В ходе беспорядков пострадало и было убито несколько врачей. Так, например, 23 июня 1831 г. в Московской части толпа напала на появившегося на Разъезжей улице штаб-лекаря Московской части коллежского асессора Ф.Ф. Кралицкого. Толпа, стоявшая около дома Боровикова, как только заметила врача, подняла крик: «Ребята, вот едет, держите, держите! Ура, убить лекаря!» [8, с. 71]. Медика стащили с дрожек и избили.

К 22 июню ситуация в столице накалилась до предела. В этот же день двоюродный брат И.С. Силиванова, А.Н. Силиванов, стал сви-

детелем того, как толпа «повыкидывала из больницы все, что там было, потом взобралась на крышу, раскидала железные листы ее и разобрала дом до основания» (речь идет о холерной больнице на Подъяческой улице) [17, стб. 962]. Потом во дворе была найдена холерная карета, в нее запряглись и с песнями возили по улицам, в конце концов бросили ее в канаву.

Утром того же дня была разгромлена больница чернорабочих у Харламова моста. Около тридцати человек из толпы принесли бревно, еще сотни две вооружились булыжниками, и «минуты через две раздалось бряцанье разбиваемых оконниц, затем последовали глухие удары в ворота бревном, употребленным вроде стенобитного тарана, и этим ударам вторило пение “Дубинушки” тысячами смелых, пьяных голосов» [5, с. 54]. В этот момент из-за угла показалась больничная карета. Сидевший на козлах солдат был сброшен и избит, а холерные больные были вытащены и посажены на тротуар. Им была подана помощь в виде нескольких кружек молока, кваса и сивухи. Лошадей из кареты распрягли, а ее опрокинули в канаву. Наконец, ворота больницы были разрушены. Толпа устремила в двор, и через несколько минут из разбитых окон на мостовую полетели тюфяки, подушки, халаты, табуретки, кровати, утварь, склянки с лекарствами, книги и «скорбные листы». Утром 22 июня была разгромлена холерная больница на Васильевском острове. Доктор Альбрехт был выброшен из окна и погиб.

22 июня толпа горожан собралась у временной холерной больницы в Таировском переулке, что у Сенной площади.

По преданию, пересказанному П.П. Каратыгиным, бунт на Сенной площади был «вызван неразумными распоряжениями докторов, грубым обращением прислуги и ее неуместною торопливостью выносить покойников в “мертвушку”» [5, с. 56]. Тут же он привел и возможный повод к волнению, о котором, впрочем, более никто не упоминал. По этому преданию, в доме купца на Садовой заболела молодая жена кучера, которую в отсутствие мужа отправили в главную холерную больницу в доме Таирова, находившуюся в одноименном переулке. Когда муж прибежал в больницу, ему сообщили, что супруга его умерла, и ее тело снесли в сарай. Несчастный бросился искать труп жены и нашел его среди других тел, сваленных на землю и осыпанных известью. Неожиданно он заметил у жены слабые признаки жизни. Взяв ее на руки, он выбежал на улицу и «огласил ее криком “живых хоронят, проклятые!”» [5, с. 56], что, вполне естественно, и послужило поводом к всеобщему возмущению толпы.

В здание полетели камни, больница была захвачена, а врачи выброшены из окна. Больных с кроватями вынесли на руках и понесли по площади к Спасу-на-Сенной. Разрушив больницу и «освободив»

больных, народ стал собираться на Сенной площади. Толпу сдерживал только небольшой отряд прапорщика И.Р. фон дер Ховена, который отражал нападения на гауптвахту, где нашли спасение прохожие. Прошло почти шесть часов после того, как фон дер Ховен отослал рапорт на главную гауптвахту, когда со стороны Садовой послышался барабанный бой и на площадь пришел учебный саперный батальон. Вскоре на Обуховском проспекте показался Измайловский батальон, потом взвод жандармов, затем два орудия с курящимися фитилями. Под руководством петербургского военного генерал-губернатора П.К. Эссена было составлено донесение императору Николаю I.

Петербургские события нельзя назвать уникальными. Точно такие же нападения на врачей, уничтожение больниц происходили в 1830—1831 гг. в других частях Российской империи, которые были охвачены холерой. 30 июня 1831 г. в слободке Землянке, помещика Л. Черепова (Путивльский уезд Курская губерния) произошло буйство крестьян. Крестьяне разрушили созданный помещиком лазарет для заболевших холерой, под предлогом, что работавший там вольнопрактикующий медик Калениченков с фельдшерами «производят больным на шеях пузыри, которые режут ножницами, дают будто бы отраву и льют оную в колодцы и ставки /то есть пруды/, припушают пиявки, открывают кровь» [5А, л. 1]. За что толпа угрожала убить медицинский персонал больницы. Когда в 1832 г. холера обнаружилась в Европе и США, там так же вспыхнули холерные волнения, вызванные недоверием к врачам. Так, в Лондоне и Ливерпуле толпа охотилась за врачами, а в США были отмечены «карантинные войны» [21; 25; 23].

Холерные больницы в представлении горожан несли только смерть. Разрушая больницу, горожане выносили из нее пациентов, тем самым, по их мнению, спасая их от ужасной смерти. При этом было распространено оказание больному помощи, например, давали выпить молока или сивухи. Горожане доверяли больше народным методам лечения, чем официальным мерам. Количество больниц открытых в начале холеры в Петербурге не было рассчитано на такое быстрое развитие эпидемии. Всплеск недовольства в начале 20-х чисел июня, как представляется, можно связать с резким увеличением количества заболевших. По данным, публиковавшимся в «Северной пчеле», 20 июня заболело 99 человек, а 21 июня — 152, и количество больных увеличилось, 22 июня заболело 223. В то же время росло число смертей: 20 июня умерло 57 больных, 21 июня — 67, а 22 июня от холеры скончалось 106 человек.

23-го июня Николай I назначил в помощь военному генерал-губернатору Эссену своих приближенных генерал-адъютантов — генерала от кавалерии князя В.С. Трубецкого и генерал-лейтенанта

графа А.Ф. Орлова — временными военными губернаторами, первого — Литейной, Каретной и Рождественской частей города, а последнего — 3-й Адмиралтейской части.

А.Ф. Орлов был вызван императором из Стрельны. Его поселили в Аничковом дворце, ближайшем к Сенной площади, которая находилась в вверенной ему 3-й Адмиралтейской части. Его адъютант Н.И. Бахметьев вспоминал, что в один из приездов император Николай I посетил дворец и, не застав Орлова, который был в Комитете, приказал собраться Комитету на Елагином острове. На том заседании, которое вероятнее всего происходило 25 июня, император «между прочим сказал, что снятие с лошади жандармского офицера и сорвание с него эполет и аксельбант превышает всякую дерзость, а равно и избиение докторов и разгромление временной больницы» [1].

24 июня последовало объявление от П.К. Эссена, по которому город был объявлен на военном положении. Санкт-Петербург был разделен на участки. За спокойствие каждого из них отвечали те полки, которым они были вверены. Горожан уведомляли, что «никто из людей благомыслящих не должен присоединяться к толпе, если бы где таковая дерзнула показаться, дабы, при исполнении принятых правительством мер, невинные не пострадали вместе с виновными» [13]. Если «после одиннадцати часов пополудни и до пяти часов по полуночи, патрули и разъезды откроют даже до пяти человек вместе собравшимися, то все таковые будут забираемы под стражу, как нарушители общего спокойствия» [10].

25 июня было опубликовано объявление от военного генерал-губернатора П.К. Эссена, в котором сообщалось, «что занемогающие болезнью холерою могут, по желанию своему оставаться для лечения в своих квартирах» [9]. Таким образом, уравнивались обеспеченные горожане, которые и до этого могли лечиться дома, и бедные обыватели, которых до 25-го июня принудительно отправляли в холерные больницы, чего они боялись больше, чем самой холеры. Теперь петербуржцы могли не только лечиться дома, но и сопровождать больного в больницу, если он пожелает быть туда отправленным. В самой же больнице можно было справляться у попечителя больницы о здоровье родственника. В больницы были назначены священники, которые должны были совершать «все христианские требы, а умерших отправит, по долгу Христианскому, на погребение» [9]. Полиция обязывалась больше не вмешиваться в отправление и принятие больных в больницы, в ее обязанности входил только сбор информации о заболевших, об отправленных в больницы и умерших.

24 июня П.Г. Дивов записал, что «появился приказ, чтобы полиция, которую обвиняли в насилиях, не вмешивалась в меропрятия,

принимаемые для борьбы с холерою» [2, с. 626]. Можно предположить, что этот приказ напрямую зависел от отмены мер по принудительной госпитализации и организации в доме больного карантина.

26 июня в «Северной пчеле» было опубликовано сообщение от военного генерал-губернатор о постоянных нападениях толпы на людей, заподозренных в отравлении воды продуктов. Он заявил, что «по строгому исследованию оказалось, что все сии подозрения были напрасные, что никто из взятых по сему случаю не был намерен отравлять что-либо и не имел при себе никакого яду, и что все они подверглись подозрению и обидам без малейшей вины с их стороны и без всякого повода» [13]. В дальнейшем горожанам запрещалось останавливать, обыскивать и брать под стражу кого бы то ни было, а те, кто ослушаются, могли быть наказаны как нарушители общественного спокойствия.

Одной из мер по улучшению работы медицинской части, которая была предпринята после холерных волнений, стало расширение системы попечительства. 30 июня в помощь попечителям были назначены «попечители от купечества»*.

Попечители от купечества также могли избрать себе нескольких помощников. В обязанности попечителей от купечества входила организация временных холерных больниц. В дальнейшем финансирование и организация новых лечебных учреждений в основном было возложено на купечество.

1 июля 1831 г. Совет министров принял решение о снятии карантинных и кордонов в Санкт-Петербургской и прилегающих к ней губерниях. 2 июля Эссен обратился к Меншикову об отмене карантинных. Были сохранены обсервационные заставы «при Нарве и кордоны по берегам Наровы и озера Чудского и Псковского в своем действии» [2А, л. 1].

2 июля 1831 г. полицией была объявлена высочайшая воля: «Умершие от холеры впредь имеют быть хоронимы не днем, а по ночам» [14]. Теперь все похороны проводились ночью, чтобы убрать с городских улиц бесконечные похоронные процессии. По свидетельству очевидцев, умерших от холеры хоронили в общих могилах во время эпидемии, что было вызвано необходимостью захоронить

* Попечители от купечества: П.П. Сыренков (1-я Адмиралтейская часть), И.Ф. Егерман (2-я Адмиралтейская часть), Н.Н. Меньшиков (3-я Адмиралтейская часть), Е.И. Петров (4-я Адмиралтейская часть), П.Ф. Миняев (Литейная часть), В.М. Зверков (Московская часть), П.П. Янков (Рождественская часть), П.А. Панов (Каретная часть), И.М. Глушков (Нарвская часть), К.И. Мейснер (Васильевская часть), И.Д. Устинов (Петербургская часть), А.Ф. Буренин (Выборгская часть), В.И. Конев (Охтинская часть).

большое количество покойников за короткое время. Было дано разрешение продолжить захоронение на Митрофаниевском кладбище, которое позднее также продолжало использоваться как холерное.

Холерные волнения стали причиной активизации деятельности городской администрации, которые приняли меры к улучшению организации и снабжения уже существующих лечебных учреждений, открытию новых больниц и привлечению купечества к их организации. Было принято решение об открытии новых больниц [6А, л. 23 об.].

После прокатившихся по Петербургу холерных волнений начали создаваться новые больницы, построенные и оборудованные на деньги благотворителей. Активное участие в этом приняло купеческое общество. К концу августа 1831 г. в Санкт-Петербурге работало 13 больниц на 693 места, организованных петербургским купечеством [7А, л. 96—97 об.].

4 августа, по причине ослабления болезни и уменьшения больных холерой, было принято решение о сокращении временных холерных больниц [15]. Больные переводились в 14 оставшихся. 6 ноября «Северная пчела» сообщила: «С чувством искреннего удовольствия и благоговейной признательности Всеблагому Провидению, извещаем читателей наших о совершенном прекращении холеры в здешней столице» [16].

Для борьбы с эпидемией холеры в Петербурге была создана временная система противоэпидемических мероприятий. Эта система применялась в 1830 г. в других городах Российской империи охваченных холерой [22; 3]. Как и в других местах, предпринятые меры стали причиной холерных волнений. Было разрушено несколько холерных больниц, после чего было принято решение о расширении временной медицинской инфраструктуры Санкт-Петербурга. Под влиянием нарастающей напряженности и возникших городских беспорядков, городская администрация была вынуждена открывать новые лечебные учреждения и улучшать систему обслуживания в уже существующих.

Комитетом для принятия мер против холеры было введено принудительное лечение, которое вызвало наибольшее недовольство горожан. До госпитализации заболевший находился под контролем квартального врача, попечителя части и его помощников и петербургской полиции. Квартальный медик принимал решение о госпитализации или разрешал лечиться дома, в то время как попечитель и его помощники вместе с полицией обеспечивали выполнение решения врача. Изоляция заболевших продолжала считаться наиболее действенной мерой в борьбе с холерой, хотя существовали и другие мнения по этому поводу. Страшная картина последних минут больного холерой,

высокая смертность в начале эпидемии и вид не готовых для приема больных больниц были отличной средой для поддержания слухов о врачах-убийцах и больницах, в которых убивают пациентов.

Основной стратегией выживания для горожан было избегание больных холерой, врачей, полицейских и больниц, всего того, что было напрямую связано с холерой. Более обеспеченные горожане шли на добровольную изоляцию, ограждая себя от возможных опасностей. Хотя такой метод не всегда помогал. Избегая врачей и больниц, горожане скрывали больных. Практика укрывание больного была распространена и в эпидемию чумы 1771 г. Страх перед врачами и медицинскими учреждениями смешивался с отношением к холере как «грязной» и «постыдной» болезни. Вслед за Ф. Арьесом Р. Эванс называет XIX в. «эпохой красивой смерти». Смерть от холеры не была красивой, что стало все более острым вопросом с каждой новой эпидемией.

После холерных волнений в Петербурге было объявлено военное положение и были внесены коррективы в противоэпидемические мероприятия. Были отменены мероприятия, которые вызывали наибольшее сопротивление у горожан, что должно было предотвратить новые вспышки недовольства и беспорядки. После холерных беспорядков было отменена принудительная госпитализация. С улиц исчезли фурманщики, которые пугали горожан.

Любая эпидемия в крупном городе является чрезвычайной ситуацией и изучение поведения людей в это время актуально, так как проявляются страхи и представления, которые в мирное время люди стараются скрыть.

- 1А. РГА ВМФ. Ф. 283 (Инспекторский департамент Морского министерства). Оп. 1. Д. 1358 (О принятии карантинных мер противу болезни холеры).
- 2А. РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 1. Д. 1703 (О снятии карантин).
- 3А. РГИА. Ф. 60 (Закревский Арсений Андреевич). Оп. 1. Д. 41 (Рескрипты, письма императора Николая I и распоряжения его главного штаба министру внутренних дел А.А. Закревскому и докладные записки последнего о мерах предохранения и борьбы с холерою в России и Финляндии).
- 4А. РГИА. Ф. 1286 (Департамент полиции исполнительной МВД). Оп. 5. Д. 479 (По донесении тверского гр. генерал губернатора о произведенных в городе Твери между простым народом беспорядков от неосновательных, по случаю появления там болезни холеры, только, и о прикосновенных к делу учителя тверской гимназии Будревича и канцеляриста Чечоты).
- 5А. РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 482 (По донесению состоящего в должности Курского гражданского губернатора, о произошедшем от крестьян Путивльско-го уезда в имении помещика Черепова смятении и нарушении повеления крестьян его при принятии мер от болезни холеры).
- 6А. РГИА. Ф. 1299 (Канцелярия генерал-штабс-доктора гражданской части МВД). Оп. 16. Д. 533 (О существовании в С.-Петербурге болезни холеры). Ч. 1.

- 7А. ЦГИА СПб. Ф. 221 (Петроградская купеческая управа). Оп. 2. Д. 28 (Списки купцов, решение собраний Петербургского купеческого общества и рапорты городского головы о вновь построенных заведениях).
1. *Бахметев, Н.И.* Записки и дневник Н. Бахметева [Текст] // Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М., 2003. Т. 12. С. 242—301.
 2. *Дивов, П.Г.* Из дневника П.Г. Дивова, 1831 год [Текст] // Русская старина. 1899. Т. 100, [№] 12. С. 606—626.
 3. *Дубасов, И.И.* Очерки из истории Тамбовского края [Текст]. Тамбов: Тамб. гос. пед. ин-т, 1993. 443, [2] с.
 4. *Каратыгин, П.А.* Записки [Текст]. Л.: Искусство, Ленингр. отд-ние, 1970. 327 с.
 5. *Каратыгин, П.П.* Холерный год, 1830—1831. СПб.: тип. М.И. Стасюлевича, 1887. VIII, 243 с.
 6. *Никитенко, А.В.* Дневник [Текст]: в 3 т. [М.]: Гослитиздат, [Ленингр. отд-ние], 1955. Т. 1: 1826—1857. XLIV, 543 с.
 7. *Пржецлавский, О.А.* Воспоминания О.А. Пржецлавского, 1818—1831 [Текст] // Русская старина. 1874. Т. 11, [№] 11. С. 451—477; [№] 12. С. 665—698.
 8. *Пупарев, А.Г.* Холерный месяц в Петербурге. Июнь 1831 г. [Текст] / сост. А.Г. Пупарев // Русская старина. 1884. Т. 44, [№] 11. С. 401—416.
 9. С.-Петербургские ведомости [Текст]. 1831. 25 июня (№ 147).
 10. С.-Петербургские ведомости [Текст]. 1831. 26 июня (№ 148).
 11. Северная пчела [Текст]. СПб., 1831. 20 июня (№ 136), прибавление № 31.
 12. Северная пчела [Текст]. СПб., 1831. 23 июня (№ 138).
 13. Северная пчела [Текст]. СПб., 1831. 26 июня (№ 141).
 14. Северная пчела [Текст]. СПб., 1831. 3 июля (№ 146).
 15. Северная пчела [Текст]. СПб., 1831. 5 авг. (№ 174).
 16. Северная пчела [Текст]. СПб., 1831. 7 нояб. (№ 253).
 17. Холера в Петербурге в 1831 году [Текст]: рассказ очевидца / сообщ. И. С. // Русский архив. 1868. № 6. Стб. 958—962.
 18. Холера в С.-Петербурге в 1830 г. [Текст] / сообщ. Л.М. Савелов // Русская старина. 1892. Т. 75, [№] 9. С. 738—744.
 19. Холера в С.-Петербурге в 1831 году [Текст]: рассказ современника и очевидца / сообщ. И.Р. Фон-дер-Ховен // Русская старина. 1884. Т. 44, [№] 11. С. 391—400.
 20. *Alexander, J.T.* Bubonic plague in Early Modern Russia [Text]: Public Health and Urban Disaster. Oxford; New York: Oxford University Press, 2003. 408 p.
 21. *Burrell, S.* The Liverpool Cholera Epidemic of 1832 and Anatomical Dissection — Medical Mistrust and Civil Unrest [Text] / Burrell S., Gill G.V. // Journal of the History of Medicine and Allied Sciences. 2005. Vol. 60, N 4. P. 478—498.
 22. *McGrew, R.E.* Russia and the Cholera, 1823—1832 [Text]. Madison, Wisconsin: Milwaukee: University of Wisconsin Press, 1965. 229 p.
 23. *Rosenberg Ch.E.* The Cholera Years [Text]: The United States in 1832, 1849, and 1866. Chicago: University of Chicago Press, 2010. 265 p.
 24. *Russell, W.* Official Reports made to government by Drs. Russell and Barry, on the disease called cholera spasmodica, as observed by them during their mission to Russia in 1831 [Text] / Russell W., Barry D. London: Winchester and Uarnham, 1832. IV, 147 p.
 25. *Schwartz, J.Z.A.* Melancholy and Trying Season [Text]: Cholera and the Conflict over Cultural Boundaries in Early Michigan // Journal of the Early Republic. 2006. Vol. 26, N 1. P. 95—116.

О.К. Ермакова

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ НА УРАЛЕ (первая половина XIX в.)*

В статье рассматривается правовое и социальное положение иностранных специалистов на Урале на основании анализа общероссийского законодательства, локальных нормативных актов, контрактов и договоров с иностранцами и делопроизводственных источников. Выявлены основные принципы правового регулирования деятельности западноевропейцев. Дифференцирована структура социальной группы иностранных специалистов на основании уровня профессиональной квалификации и материального положения, как показателей статуса.

Ключевые слова: иностранцы; социально-правовой статус; технические специалисты; Урал.

Olga Konstantinovna Ermakova

**Social and Legal Status of Western-European Specialists in the Urals
(the 1st half of the 19th century)**

The article considers legal and social position of foreign specialists according to the Russian laws, local normative acts, contracts with foreigners and clerical records. The author points out the main principles of legislative regulation of Europeans' activities and differentiates the structure of the social group of foreign specialists on the basis of professional qualification and standard of living as criteria of status.

Keywords: foreigners; social and legal status; technical specialists; Urals.

Государственная политика, направленная на обеспечение успешного развития российской промышленности, включала в себя меры по привлечению иностранных специалистов, что благоприятствовало обмену опытом в области технологий, распространению и применению новых знаний и разработок. Введение той или иной инновации в производственной сфере зависело от конкретных специалистов. Необходимые технические сооружения и машины изготавливались или привозились под руководством приглашенных

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации. (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет.) Договор № 14.A12.31.0004 от 26.06.2013 г.

европейцев, они же на практике обучали местных работников. Иностранные специалисты представляли собой особую социальную общность, обладавшую внутренней структурой, собственными традициями и порядками, специальными правами и привилегиями и до некоторой степени обособленную от местного населения. Проблема социально-правового статуса иностранных специалистов в России актуальна как для исследования трансфера европейских технологий в антропологическом ключе, так и для изучения социальной структуры российского общества.

В первой половине XIX в. получила новое развитие практика приглашения на казенные заводы Урала западноевропейских специалистов, общая численность которых за указанный период составила более 300 человек. Причины привлечения столь внушительного количества иностранных специалистов российским правительством были обусловлены двумя главными факторами. Во-первых, это военная угроза начала столетия, приведшая к необходимости расширения и обновления оружейного производства по европейским образцам. Во-вторых, все более ярко проявляющееся на протяжении первой половины XIX в. отставание уральской промышленности от общеевропейского уровня, что заставило прибегнуть к поиску и вызову в Россию квалифицированных кадров из-за границы с целью введения и адаптации на уральских предприятиях европейских технологических инноваций.

Правовое и социальное положение западноевропейцев, служивших на уральских заводах, основывалось на общероссийском законодательстве об иностранных подданных, но имело ряд особенностей, поскольку европейские технические специалисты составляли отдельную категорию иностранцев, отличавшуюся по своему статусу от других, например, купцов или колонистов. Ключевые тенденции развития законодательства об иностранцах в первой половине XIX в., нормы, регулирующие права и обязанности иностранцев, находившихся на военной и гражданской службе, иностранных торговых людей и колонистов рассмотрены в работах А.М. Тесленко и Е.С. Смирновой [19; 17; 18]; правовую основу политики в отношении иностранных колонистов в России исследовала А.В. Тихонова применительно к швейцарским переселенцам [20]; проблема подданства и паспортного контроля в отношении иностранцев изучалась Т.Б. Николаевой [5, с. 151—174, 137—138]. Однако вопрос социально-правового статуса западноевропейских технических специалистов не являлся предметом специальных исследований.

С конца XVIII в. в связи с революционными событиями во Франции, угрожающими монархическому строю, в российском законода-

тельстве прослеживается тенденция ограничения прав иностранных подданных, усиливается надзор и контроль над ними. С 1789 г. и до начала 20-х годов XIX в. был затруднен въезд иностранцев в Россию, ужесточались правила пропуска их в империю [18, с. 126—128]. В 1794 г. был издан указ Екатерины II «О наблюдении за поведением приезжающих иностранцев» [6, № 17201], в 1796 г. — указы Павла I «О наблюдении за приезжающими в Москву и пребывающими там чужестранцами», «О наблюдении за приезжающими из чужих краев в обе столицы или внутрь империи чужестранцами». Законы предписывали вести «наиприлежнейшее наблюдение» за приезжающими иностранцами относительно их поведения, а если какие-либо из них окажутся подозрительными, немедленно высылать их обратно за границу [7, № 17683, 17689]. Указы 1804 г., 1806—1807 гг. предусматривали пропуск иностранцев через российские границы строго по паспортам, особое внимание уделялось контролю над приезжающими в Россию подданными Франции и подчиненных ей государств [8, № 21284; 9, № 22371, 22593]. Переезд из одной губернии в другую в пределах страны по указу 1809 г. также должен был осуществляться только при наличии соответствующего паспорта на перемещение между губерниями [10, № 23875]. В 1816 г. вышло предписание Пермского гражданского губернатора «Об иностранцах без надлежащих видов проживающих». Оказалось, что на горных заводах Урала многие иностранцы проживают без узаконенных срочных видов на жительство, которые «они хоть и имеют, но ни мало не заботятся о возобновлении оных». Предписывалось выявить таких иностранцев и либо способствовать получению ими вида на жительство, либо высылать их за границу [6А, л. 1—2]. На практике, однако, ситуация мало изменилась, случаи высылки иностранцев из-за просроченных видов на жительство если и имели место, то крайне редко.

В конце 1820-х годов были существенно ограничены права иностранцев на гражданской службе. По указу Николая I от 14 октября 1827 г. и в связи с принятием Положения «О канцелярских служащих», запрещалось принимать на государственную службу и определять к каким-либо местам иностранцев. Однако в 1832 г. закон предписал относить данный указ только к канцелярским служащим, что же касалось «учебной и искусственной части», то иностранцы, выдержавшие экзамен и удостоенные «медицинских и аптекарских званий» могли беспрепятственно поступать на службу [11, № 1469; 13, № 5087].

В целом, в начале 1830-х годов законодательство благоприятствовало иностранцам. Согласно манифесту от 10 апреля 1832 г., иностранным художникам, ученым, хозяевам мануфактур могло быть

даровано Почетное гражданство, даже если они не вступили в российское подданство, но принесли пользу государству. В этом же году был издан указ о разрешении причислять к колонистам ремесленников из иностранцев, которые могут быть для них полезны, а также указ о приеме иностранных дворян на гражданскую службу при условии принятия ими подданства. Указ 1833 г. подтверждал, что при каждом выезде из России иностранный гость обязан заплатить городу трехгодичную дань, — что ограничивало права иностранцев и затрудняло выезд из России [13, № 5284, 5404, 5640; 14, № 6544].

К середине XIX в. законодательно расширяются права иностранных подданных, облегчается въезд иностранцев в пределы Российской империи, активно поощряется их участие в различных областях деятельности. По указу от 19 января 1844 г. «О предоставлении иностранцам, приезжающим в Россию со срочными паспортами, неограниченную свободу жить в России, несмотря на сроки, назначенные в паспортах их правительств» иностранцы получили право оставаться в России на неопределенный срок, если не было особых причин к отправке их за границу [16, № 17545].

Правовое положение западноевропейских специалистов на Урале определялось нормативными актами о заводах, Горным положением 1806 г. и заводскими штатами наравне с другими служащими [9, № 22208 (Проект Горного положения 1806 г.); 15, № 6685 (Положение о корпусе горных инженеров); 12, № 1776 (Положение и штаты Камско-Воткинского завода)]. Создавались и специальные локальные документы, устанавливавшие статус, права и обязанности иностранцев на заводах. В Златоусте в 1820 г. было составлено «Положение об иностранных мастерах Златоустовской оружейной фабрики», которое определило условия службы уже работавших на фабрике немецких мастеров, их детей и вновь поступающих иностранцев [9А, л. 3—23]. Необходимость создания такого «Положения» возникла в связи с окончанием сроков контрактов иностранных специалистов, а поскольку их вместе с детьми насчитывалось уже не менее двухсот человек, заводское начальство приняло решение не заключать новые соглашения, а в едином документе закрепить условия дальнейшей работы европейских мастеров, а заодно и тех, кто в будущем пожелает поступить на фабрику.

Непосредственно регламентировали правовой статус каждого приезжавшего на службу иностранца контракты. В тексте соглашения прописывались: права и обязанности западноевропейских мастеров; перечень поручаемых им работ и обязательства по подготовке русских учеников; срок действия договора и условия продолжения службы или увольнения; размер жалованья и дополни-

тельных выплат; условия проживания специалиста; ответственность иностранца за исполнение должностных обязанностей. Кроме названных основных пунктов могли быть включены дополнительные условия, например, о праве на отпуск, возможности переездов внутри Российской империи и выезда за границу. Европейские специалисты освобождались от податей и повинностей, что также закреплялось в «условиях» о службе. Иностранцы мастера и их дети были свободны от рекрутской повинности [4А, л. 2—10, 5А; 7А, л. 3—5; 13А, л. 108—109 об.; 17А, л. 4—8 об.; 18А, л. 8—14 об.]. В первой половине XIX в. правовое положение европейских специалистов обретает четкие контуры. Если в XVIII в. каждый контракт являлся, по сути, уникальным документом, а после окончания срока договора было неясно, каким образом дальше поступать с иностранцем — оставлять на службе или отправлять на родину, то в рассматриваемый период контракты приобрели типовую форму и стандартное содержание.

Ответственность иностранца за совершение преступлений определялась действием законов на том же основании, как и для российских подданных, что было закреплено в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. [18, с. 126]. Европейские специалисты уральских заводов попадали под юрисдикцию Управы Благодичиния. Но при Златоустовской оружейной фабрике по просьбе иностранцев в 1817 г. был учрежден специальный Немецкий суд, а в 1820 г. его деятельность закреплена юридически в «Положении о Немецком суде». В его состав входили четыре судьи и чиновник, которые выбирались из числа иностранцев и утверждались Оружейной Канторой. Дела решались большинством голосов. Чиновник не имел права голоса, он должен был следить за тем, чтобы решения суда были справедливыми и не противоречили законам. Без утверждения чиновника приговор не имел силы. Если же чиновник не соглашался с решением суда, но не мог убедительно доказать свою точку зрения, дело передавалось для рассмотрения в Оружейную кантору. В процессе судопроизводства не всегда могли присутствовать все пять членов суда, минимум должно было быть двое судей и чиновник. Немецкий суд рассматривал дела по жалобам иностранцев друг на друга или касающиеся конфликтов с участием иностранцев и русских. Судьи старались решать дела, приводя стороны к мирному соглашению. В случаях, когда все же суд решал установить наказание, это делалось через посредство Оружейной канторы и Управы Благодичиния. Если дело требовало длительного разбирательства, оно также передавалось в Управу благодичиния. Немецкий суд занимался и другими вопросами. Например, на его утверждение вы-

носили размер уроков при определении фиксированных норм выработки изделий [3А, л. 1—4; 9А, л. 8, 10, 32—34].

Специальные законодательные нормы регулировали заключение браков между иностранцами и русскими подданными. До 1833 г. действовали указы 1721, 1735 и 1743 гг. Суть их состояла в том, что если иностранец желает жениться на русской девушке, он должен подписаться в том, что никогда не будет склонять жену и будущих детей в свою веру, а позволит им придерживаться греко-российского вероисповедания. По императорскому указу 1743 г., иностранцам разрешалось вступать в браки без принятия подданства. Но по указу Синода 1735 г., заключение брака было возможно только при условии, что иностранец присягнет на верную службу России. По закону 1833 г., иностранцы могли жениться на православных россиянках только при условии принятия подданства, за исключением особых случаев, на которые требовалось специальное разрешение Синода [14, № 6406].

Иностранцы, приезжавшие на Урал по контракту на определенный срок, не принимали российского подданства. Они получали виды на жительство сроком на полгода, по окончании которого должны были получать новое свидетельство. Однако если после завершения контрактов западноевропейцы оседали на Урале, то со временем они могли принимать российское подданство, хотя многие довольно долгое время предпочитали оставаться в статусе иностранцев, и лишь дети европейцев впоследствии присягали на подданство России. Принятие европейцами присяги на подданство России происходило в Губернских правлениях и позволяло иностранцам вступать в действительную службу, записываться в купеческие гильдии и мещанство. Следует отметить, что, например, иностранцы, работавшие на Ижевском оружейном заводе, не собираясь возвращаться в свое отечество, довольно быстро принимали присягу на подданство Российской империи: некоторые — уже через несколько лет после приезда. Представляется, что в статусе полноправного российского подданного они рассчитывали на более надежные гарантии сохранения места службы и улучшение социального статуса. Например, представители немецких родов Бейне и Николаи в 1840-х годах были включены в число дворян Российской империи [14А, л. 216—218].

С другой стороны, в Златоусте европейские мастера не торопились присягать на подданство России, а, наоборот, всячески лелеяли свой статус иностранцев. Большая часть Златоустовских немцев приняла подданство лишь в 80-х годах XIX в. [2, с. 267]. При этом иностранные оружейники вовсе не собирались возвращаться на родину, а изначаль-

но знали, что уезжают в Россию навсегда. Разница в отношении выходцев из Европы к принятию российского подданства объяснялась тем, что на Камских и Златоустовских заводах положение иностранцев сильно отличалось. При вызове мастеров из Германии в Златоуст, столкнувшись с колебаниями иностранцев по поводу переезда на Урал, российское правительство пообещало им всевозможные привилегии и высокий уровень жизни. Что же касается ижевских иностранцев, то условия их контрактов были гораздо скромнее. Большинство из них в 1807—1808 гг. по собственному желанию выехали из-за границы ввиду сложившихся исторических условий: мастера приехали из Данцига, оккупированного в тот период французскими войсками.

Немецкие мастера-оружейники оседали на Урале, жили обособленными диаспорами, со временем принимали российское подданство. В отличие от них, далеко не все специалисты из числа британских и французских инженеров, механиков, формовщиков, литейщиков, молотарей оставались на уральских заводах дольше, чем на срок контрактов.

Европейцы имели право отправлять богослужение в специально создаваемых католических и лютеранских приходах, обучать детей немецкому языку и различным наукам. В Екатеринбурге, например, в начале XIX в. лютеранская кирха располагалась в одноэтажном каменном домике за территорией монетного двора по правому берегу Исети, где прежде размещалась Монетная экспедиция [3, с. 193]. Лютеранские приходы существовали при Ижевском и Воткинском заводах и в Златоусте [1А, л. 102—111; 2А, л. 26, 32]. Под приходы и школы отводились казенные дома. В 1849 г. было отказано в отпуске денег из казны на содержание немецкой школы в Златоусте. Немцы подали жалобу, ссылаясь на то, что при переезде их в Россию обещано было, что они не будут ни в чем терпеть недостатка. Однако правительство в ответ на это заявило, что немцы получают достаточные пенсии, чтобы часть из них потратить на обучение детей в русских заводских школах. Но иностранцы не желали отдавать детей в русские училища, а потому создали свою «немецкую школу», которую содержали за свой счет до середины 1870-х годов [1, с. 604].

Социальный статус западноевропейских специалистов определялся не только их профессиональной принадлежностью, но и материальным положением. Российские промышленные предприятия нуждались в квалифицированных кадрах из Западной Европы, а потому необходимо было сделать службу в России привлекательной для иностранных специалистов. Доходы иностранцев складывались из окладного жалованья и дополнительных денежных выплат, что вкупе выражалось в суммах весьма внушительных. Диапазон сумм на протяжении

первой половины XIX в. колебался от 125 до 10 000 рублей. Основными критериями определения размера жалованья служили звание, опыт работы иностранца и его семейное положение. Кроме заработной платы уровень жизни иностранных специалистов характеризовался комфортными условиями проживания, льготами и пособиями, которые предоставлялись мастерам по контрактам (квартиры с отоплением и освещением, строевой лес, прислуга, домашний скот, сукно).

Средний размер жалованья иностранного специалиста в первой половине XIX в. составлял 1500—2000 руб. [7А, л. 3—5 об.; 9А, л. 26—31; 15А; 16А; 19А, л. 2; 18А, л. 63; 21А, л. 235; 20А, л. 8]. Для сравнения укажем, что жалованье директора оружейной фабрики составляло 1500 руб., а его помощника — 750 руб. [4, с. 266]. Европейцам назначались пенсии наравне с классными горными чиновниками. Сроки выслуги могли сокращаться в случаях, когда первые годы службы иностранца проходили еще за границей, до приезда в Россию, а размеры пенсий в ряде случаев практически равнялись прежнему жалованью [10А, л. 6—8]. Высокая заработная плата и дополнительные пособия иностранных специалистов ставили их на уровень горных администраторов и чиновников.

Социальная группа западноевропейских специалистов уральских заводов представляла собой слой технической элиты местного общества, но по своему составу была неоднородна. Профессиональное сообщество западноевропейских специалистов на Урале обладало внутренней иерархией. Верхушку корпуса европейских высококвалифицированных кадров составляли горные администраторы, бывшие владельцы фабрик и мастерских, а также специалисты, обладавшие наиболее высоким уровнем квалификации, способные осуществлять руководство и контроль над технологическими процессами. К ним относятся немецкий фабрикант Давид Гильгер, прусский горный советник Александр Эверсман, британский инженер Джеймс Карр, английские инженеры-механики Самуил Пенн и Бернард Аллендер, представители династий оружейников Бейне, Боде, Вейерсбергов, Вольферцов, Шафов. Такие специалисты, безусловно, пользовались большим почетом, наделялись широкими правами и более высокими денежными вознаграждениями.

Вторую категорию и основной контингент специалистов составляли мастера узких специализаций. К ним относятся, прежде всего, иностранные оружейники. На Ижевском оружейном заводе и Златоустовской оружейной фабрике работали европейские специалисты по различным направлениям и составляющим оружейного производства. Это мастераковки клинков, точки и полировки, производства перочинных и саперных ножей, слесарных пил, изготовления

эфесов, украшения оружия и др. Среди них тоже существовала определенная градация. В Златоусте, например, все мастера делились на семь разрядов, для каждого из которых действовали определенные условия службы [11А, л. 41 об.—42 об.]. Также существовало деление на мастеров лучшего, среднего и худшего разрядов «по искусству и поведению» [9А, л. 26—31]. Наиболее квалифицированные специалисты занимали должности главных мастеров и их помощников, а также браковщиков, контролировавших процесс производства на всех его стадиях. Далее следовали оружейники в должности мастеров, подмастерьев и работников. Самые низкие позиции занимали дети иностранцев, с 10—12 лет уже работавшие под началом отцов. Кроме оружейников к категории специалистов узкого профиля относятся также сварщики, формовщики, молотовые мастера, литейщики, доменные мастера.

Источники свидетельствуют, что на уральских заводах присутствовал небольшой процент непрофессионалов и авантюристов. Они попадали на службу вследствие невозможности достоверно проверить степень их квалификации. Некоторым из них довольно долгое время удавалось удержаться на заводах, используя хитрости и давая бесконечные обещания о скорейшем успехе порученного им дела [7А, л. 348—368; 8А, л. 1—2, 6—7, 13—18, 173].

Социально-правовой статус западноевропейских специалистов отражал тенденции государственной политики по привлечению иностранцев в те или иные отрасли российской промышленности. Когда степень заинтересованности уральских заводов в определенных специалистах снижалась, сокращались и привилегии иностранцев, вплоть до несоблюдения отдельных пунктов контрактов заводскими администрациями. Примером может служить ситуация, сложившаяся на Ижевском заводе. В октябре 1808 г. Ижевский оружейный завод был передан из горного ведомства в военное, приостанавливалось инструментальное производство, в котором были заняты европейские мастера. В связи с произошедшими изменениями, иностранцы оказались уже не так необходимы Ижевскому заводу. При их увольнении возникало много споров в связи с нежеланием заводской конторы выплачивать обещанные по контрактам прогонные деньги [12А; 13А]. Мастеру Петру Расмусену также долгое время не выплачивалась установленная ему надбавка в 50 руб. за каждого подготовленного к самостоятельной работе ученика [15А, л. 53—59, 73—106]. Однако уже в 1810—1811 гг. 60 иностранных мастеров перешли с Ижевского завода на Златоустовский, где они оказались востребованы, в том числе для работы на открытой в 1815 г. оружейной фабрике, и положение их заметно улучшилось.

В целом, массовое появление западноевропейских специалистов на Урале способствовало выработке норм, четко определявших социально-правовой статус иностранцев. Несмотря на то, что в общероссийском законодательстве прослеживалась тенденция к ограничению прав иностранцев и усилению надзора за ними, приглашенные на Урал из Европы горные инженеры, технические специалисты и оружейники находились на исключительно привилегированных позициях. Профессиональная принадлежность, высокий уровень материального достатка и правовой статус приглашенных специалистов определяли особое социальное положение иностранцев внутри уральского социума.

- 1А. Архив ЗГО. Ф. И-24. Оп. 1. Д. 896.
- 2А. Архив ЗГО. Ф. И-24. Оп. 1. Д. 1332.
- 3А. Архив ЗГО. Ф. И-28. Оп. 7. Д. 8.
- 4А. ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 782.
- 5А. ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 1309.
- 6А. ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 644.
- 7А. ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1347.
- 8А. РГИА. Ф. 37. Оп. 10. Д. 35.
- 9А. РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Д. 146.
- 10А. РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Д. 231.
- 11А. РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Д. 276.
- 12А. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 55.
- 13А. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 75.
- 14А. ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 812.
- 15А. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 161.
- 16А. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 227.
- 17А. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 742.
- 18А. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 5592.
- 19А. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 5701.
- 20А. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 6018.
- 21А. ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 6610.

1. *Боков, В.* Немецкие оружейники на Златоустовском заводе [Текст] // Журнал императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1913. № 5—12.
2. *Бурмакин, А.С.* Исторические данные по введению изготовления холодного оружия на Златоустовской оружейной фабрике немецкими мастерами [Текст] // Горный журнал. 1912. Т. 4, № 10—12.
3. *Корепанов, Н.С.* Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005. 273 с.
4. *Ляпин, В.А.* «Уголок Германии, перенесенный в Уральские горы» [Текст] // Диффузия европейских инноваций в Российской империи: материалы Всерос. науч. конф. / отв. ред. Е.В. Алексеева. Екатеринбург, 2009. С. 262—266.
5. *Николаева, Т.Б.* Паспортная система России: формирование и механизм функционирования во второй половине XVII — начале XX в.: историко-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Н. Новгород, 2003. 220 с.
6. Полное собрание законов Российской империи [Текст]. Собрание 1. Т. 23. [1], 969, 6 с.

7. Полное собрание законов Российской империи [Текст]. Собрание 1. Т. 24. 873 с.
8. Полное собрание законов Российской империи [Текст]. Собрание 1. Т. 28. 1328, 25 с.
9. Полное собрание законов Российской империи [Текст]. Собрание 1. Т. 29. 1372, [19] с.
10. Полное собрание законов Российской империи [Текст]. Собрание 1. Т. 30. 1404, 84 с.
11. Полное собрание законов Российской империи [Текст]. Собрание 2. Т. 2. 1561 с. разд. паг.
12. Полное собрание законов Российской империи [Текст]. Собрание 2. Т. 3. 1642 с. разд. паг.
13. Полное собрание законов Российской империи [Текст]. Собрание 2. Т. 7. 1492 с. разд. паг.
14. Полное собрание законов Российской империи [Текст]. Собрание 2. Т. 8, отд-ние 1. 832 с.
15. Полное собрание законов Российской империи [Текст]. Собрание 2. Т. 9, отд-ние 1. 891 с.
16. Полное собрание законов Российской империи [Текст]. Собрание 2. Т. 19, отд-ние 1. 921 с.
17. *Смирнова, Е.С.* Регулирование правового статуса иностранцев в России до начала XIX в. [Текст] // Журнал российского права. 2004. № 9. С. 142—151.
18. *Смирнова, Е.С.* Регулирование правового статуса иностранцев в России с начала XIX в. до октября 1917 года [Текст] // Журнал российского права. 2004. № 10. С. 126—134.
19. *Тесленко, А.М.* Правовой статус иностранцев в России (вторая половина XVII — начало XX в.): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Екатеринбург, 2000. 226 с.
20. *Тихонова, А.В.* Российская политика в отношении швейцарских колонистов в первой половине XIX в. [Текст] // Вопросы истории. 2010. № 8. С. 82—90.

С.А. Иконников

О ТРУДНОСТЯХ В МАТЕРИАЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА РОССИЙСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

(по материалам Воронежской епархии)

В статье исследуются вопросы материального обеспечения приходского духовенства Российской православной церкви во второй половине XIX — начале XX в. На примере священно-церковнослужителей Воронежской епархии делается попытка выявить наиболее характерные трудности, возникавшие при получении средств с главных источников доходов. Рассматривается доля основных материальных источников, формировавших семейный бюджет духовных лиц. Анализируются меры, предлагавшиеся правительством и самими клириками к изменению сложившегося финансового положения. Ключевые слова: Православие; церковь; пореформенная Россия; Воронежская епархия; духовенство; материальное обеспечение.

Sergey Anatolevich Ikonnikov

On difficulties in providing material security of parish clergymen of the russian orthodox church in the second half of the XIX century — beginning of the XX century (based on materials from Voronezh eparchy)

The questions of material security of parish clergymen of the Russian Orthodox Church in the second half of the XIX — beginning of the XX century are studied in this article. The author attempts to reveal most notable difficulties that rose when receiving the revenue from basic sources on the example of the clergymen of Voronezh eparchy. The share of basic sources of clergymen's family budget formulation is examined. The subject of analysis is also the measures for changing the state of affairs which had been offered by the government and the clergymen themselves. Keywords: Orthodoxy; Church; Postreform Russia; Voronezh eparchy; clergy; material security.

Вопрос материального положения приходского духовенства занимал одно из ключевых мест в церковно-общественной дискуссии второй половины XIX — начала XX в. Многие священнослужители жаловались на свое финансовое состояние, говоря о необходимости существенных изменений в области обеспечения православных клириков. Высказывались, в основном светской печатью, и иные, противоположные, точки зрения, согласно которым священники жили вполне обеспеченной жизнью, имели дополнительные доходы и вообще занимались только тем, что зарабатывали деньги, облагая «религиозной» данью своих прихожан.

В данной статье на примере приходского духовенства Воронежской епархии будет предпринята попытка показать, что представляли собой основные источники благосостояния священно-церковнослужителей и с какими трудностями сталкивались клирики в процессе получения доходов. Вопрос материального обеспечения, будучи злободневным на протяжении всего рассматриваемого времени, часто обсуждался на страницах «Воронежских епархиальных ведомостей». Местное духовенство как будто бы делилось своими нуждами с обществом. Так, воронежский священник Григорий Лебедев замечал: «все статьи и заметки, хотя бы сколько-нибудь касающиеся материального обеспечения, по преимуществу, сельского духовенства, с таким жаром и вниманием всякий раз прочитываются духовенством... что весьма острая семейная нужда на время забывается, притупляется» [6, с. 930].

В большинстве своем приходские священники считали собственное материальное положение крайне скудным. В 1863 г. преосвященный епископ Воронежский Иосиф (Богословский) писал: «Приходское, городское и сельское духовенство единодушно замечает в своих отчетах, что настоящие средства материального обеспечения его неудовлетворительны. Средства, которые имеет оно (то есть духовенство. — С.И.) не соответствует быстро возрастающей дороговизне на все жизненные потребности» [6А, л. 4]. Если действительно положение духовенства в материальном плане было столь неудовлетворительным, то можно совершенно справедливо задать вопрос, какие меры предпринимались и предпринимались ли вообще к разрешению сложившейся ситуации.

Российское правительство видело всю плачевность материального обеспечения священно-церковнослужителей, и поэтому 28 июня 1862 г. было учреждено Особое присутствие по делам православного духовенства с целью изыскания средств для улучшения быта священно-церковнослужителей. Председателем этого присутствия был назначен митрополит Исидор (Никольский) [9, с. 138]. Во все епархии Российской православной церкви (в том числе и в Воронежскую) новоучрежденным органом были разсланы специальные бланки, в которых местные причты должны были указать «причины неудовлетворительности нынешних средств содержания» [7А, л. 10]. Интересна сама формулировка вопроса — «причины неудовлетворительности средств» — то есть само собой подразумевалось, что материальное положение оставляло желать лучшего.

Воронежское духовенство с радостью откликнулось на начинание духовных властей, откровенно указывая все удручающие стороны своего материального положения. Однако, как известно,

правительство так и не сделало никаких кардинальных шагов по существенному изменению *ситуации* [11, с. 371]. Тем не менее, собранные в ходе обсуждения материалы выявили характерные трудности, с которыми рядовые клирики практически ежедневно сталкивались при получении средств с основных источников доходов.

Главным источником доходов подавляющего большинства причтов Воронежской епархии были получаемые от совершения треб суммы, средний размер которых по состоянию на 1883 г. равнялся 388 руб. на причт [15, с. 2]. Однако в епархии были и такие причты, доходы которых от треб не превышали и 200 руб. на весь штат [6А, л. 5]. Вознаграждение в данном случае носило «доброхотный», а значит, и необязательный характер. Воронежский иерей И. Корыстин сетовал по этому поводу: «Сколько всегда стоит хлопот и убеждений со стороны духовенства, чтобы прихожанин-крестьянин, хотя бы и богатый заплатил прилично за известную потребу» [5, с. 249]. Священник И. Корыстин в качестве примера того, как порой приходилось представителям духовенства зарабатывать на совершении треб, приводил вполне типичную ситуацию, сложившуюся вокруг таинства венчания. В то время в сельских приходах установилась традиция заключать между церковным причтом, который должен был венчать молодых, и заказчиками так называемые «договоры за свадьбу». Крестьяне, обращавшиеся к духовенству с просьбой обручить молодых, в вопросе оплаты исходили из того, сколько отдали за свадьбу их братья или сестры: «Крестьянин желает дать и теперь за свадьбу сына своего именно столько же, сколько с его отца взяли 30 лет тому назад» [5, с. 249]. Но подобная практика оплаты не учитывала возрастающих цен на элементарные жизненные потребности. Естественно, священно-церковнослужители не были довольны подобным положением дел и, как следствие, участвовали в «договорах за свадьбу». На дом одного из представителей духовенства, как правило, иерея, который должен был совершать венчание, приглашались «просители» (те, кто заказывал требу). Духовенство старалось по сильнее напоить гостя, чтобы тем самым «распить доброту сердца мужика» [5, с. 250]. Когда крестьянин стоял на своем и не хотел увеличивать цену за совершение венчания, священники принимались расхваливать жениха или невесту. Если невеста была красивой, то усиленно говорили о ее внешних достоинствах, о том, что ради такой невесты не жалко заплатить и 20 рублей. «Если же она или крива на глаз, или хрома, то стараются восхвалить ее в работе», прибавляя при этом, что «за такую работницу не грех отдать в год 25 или 30 рублей, а ты берешь не на год, а навечно, и за свадьбу даешь только 2 рубля» [5, с. 250]. Подобные убеждения могли продолжаться до 3—4 часов. Сложно пред-

ставить, какие чувства унижения испытывали священнослужители, которые были вынуждены участвовать в подобных договорах. О какой высоте духовного служения могла идти речь, когда первоочередной задачей было элементарно выжить, в противном случае получить плату хотя бы в 5 или 6 руб. было затруднительно. «Смешно и вместе с тем грустно», — заключал автор статьи [5, с. 251].

Еще одной трудностью, связанной с требоисполнением, был своеобразный этический аспект. Многие воронежские священнослужители испытывали нравственные переживания ввиду того, что им приходилось получать деньги за совершение сокровенных для христианского верующего сердца таинств. Это как бы обмирщало и прихожан, и священнослужителей. Протоирей Михаил Скрыбин писал, что доходы приобретались стеснением совести, так как получались, главным образом, посредством преподавания таинств за деньги. Как известно, при совершении таинств, особенно таинства покаяния, священнику «приходится говорить о бескорыстии, а после таинства он получает денежную благодарность за труд, следовательно, тотчас им разрушаются преподаваемые теоретические наставления и убеждения; а не делать этого нельзя, потому что ни тайносовершитель, ни причт не имеют совершенно никаких других средств добыть себе насущное пропитание» [8А, л. 33 об.].

Естественно, прихожане, особенно те из них, кто был побогаче, понимали всю невыгодность положения священнослужителей и вполне осознавали их зависимость от подаяний. Это, в свою очередь, приводило к тому, что духовенство было «подчинено произволу богатых прихожан, их капризам и незаконным требованиям» [8А, л. 33 об.]. По словам кафедрального протоиерея Михаила Скрыбина, каждый богатый и зажиточный прихожанин хорошо сознавал свой особенный вклад в обеспечение причта. По его словам, такие люди «требуют себе от священнослужителей особенных знаков уважения и отличия перед другими. Это очень часто переходит в капризы. Нередко бывает то, что прихожанин оставляет свою церковь и своего духовного отца за то только, что последний не успел ему вовремя выслать просфору или за то, что не явился к нему первому с крестом в известные праздники» [4, с. 35].

В таких условиях о каком-либо глубоком религиозном и нравственном влиянии священно-церковнослужителей на прихожан сложно было вести речь. Столь печальное положение дел заставляло священников буквально кричать со страниц местной церковной периодической печати. На этот счет иерей Михаил Аполосов писал: «В настоящее время плохо обеспеченное духовенство в минуту нужды принуждено бывает обращаться за помощью в том или дру-

гом виде к местным кулакам богатеям, своим же пасомым, которые всегда пользуются при этом случае учсть в желательном для себя направлении поповскую нужду.. Как можно скорее разрушьте эту стену, отделяющую пастыря от паствы, уничтожьте зависимость учителя веры, пастыря душ от толстого кармана кулака и мироеда! Освободите совершителя таинства от необходимости торговаться из-за платы за его совершение» [6, с. 128].

Трудно не понять священнослужителя, которому приходилось испытывать эти трудности. Тем более что среди православного населения Российской империи, особенно под влиянием либеральной печати, активно включившейся в общественную полемику в ходе Великих реформ, все чаще стала высказываться мысль об отсутствии морального права у священнослужителей получать плату за совершение таинств. Основным аргументом подобной точки зрения были слова самого Христа, обращенные к апостолам: «Даром получили (подразумеваются дары Святого Духа. — *С.И.*), даром и давайте» (Мф. 10:8). Священник Михаил Аполлосов констатировал установившийся в обществе особый взгляд на духовенство. По его мнению, стала превалировать точка зрения об обязанности духовенства трудиться даром [1, с. 126]. Тогда как ни у кого не возникало мысли о том, чтобы не заплатить вызванному на дом доктору. Но почему, справедливо замечал священнослужитель, духовное лицо, приглашенное совершить отпевание умершего или молебен по случаю приведения чинов полиции к присяге, не должен получить определенного вознаграждения хотя бы за затраченное им время? [1, с. 126].

Описанный выше путь получения средств с совершения треб показывает лишь одну сторону проблемы. Существовали противоречия и внутри духовенства, часто конфликтовавшего в связи с борьбой за прихожан — заказчиков треб. Так, в 1896 г., воронежский священник Илья Соколов жаловался архиепископу Анастасию (Добрадину), что в день, когда он вместе со своим псаломщиком должен был совершать молебное пение на железнодорожном вокзале, на том же месте совершил молебен другой священнослужитель. Соколов обратился к настоятелю — священнику Иоанну Оболенскому, однако отношения с ним были уже изрядно испорчены, поэтому в итоге вынужден был просить вмешаться архиерея. «Отец Оболенский... злоупотребляет своим родством с глубоко почитаемым отцом протоиреем Иоанном Адамовым, настолько злоупотребляет, что позволяет себе открыто высказывать, что некоторые хотя и жаловаться на него, себя только этим потешат, а толку из их жалоб все равно не будет. Твердит одно, что его авторитет упрочен в Россоши, что скорее другие слетят с мест, чем он в Россоши, не только

торговцы, но и все крестьяне знают, что у него есть, как они выражаются, руки в Воронеже» [1А, л. 3 об.].

В начале XX в. споры клириков по поводу треб решали путем закрепления верующих за определенными приходами. В 1910 г. Духовная Консистория издала распоряжение, согласно которому город Воронеж был распределен на приходские районы [3А, л. 17]. К каждой приходской церкви приписывались определенные улицы. Горожанам (в том числе и приезжим квартирантам) следовало посещать именно те храмы, в районе которых они проживали [3А, л. 17]. Кроме того, Воронежское губернское земское собрание выступало с ходатайством к Святейшему Синоду о необходимости введения таксы за требоисполнения. По мнению земства, оно само должно было устанавливать размеры платы за требы, варьируя их в зависимости от экономических особенностей того или иного уезда. Однако Синод 18 августа 1886 г. отклонил ходатайство [7, с. 31].

Проблемы, связанные с добродетельным характером платы за требы, приводили к тому, что подавляющее большинство воронежских священно-церковнослужителей высказывало мнение о необходимости введения жалованья и обязательной платы за требы. Священник Елпидифор Попов прямо писал на страницах «Воронежских епархиальных ведомостей» о необходимости принятия правительством кардинальных мер для обеспечения материальной независимости духовенства. Священники должны были быть обеспечены таким образом, чтобы оказывать прихожанам не только религиозно-нравственную поддержку, но и призывать к участию в общественной молитве, не опасаясь при этом быть заподозренными в личной корыстной заинтересованности [8, с. 323]. Автор статьи предлагал установить твердое и достойное жалованье духовным лицам из правительственных средств, а именно: священнику — 1100 руб. в год, дьякону — 800 руб. и псаломщику — 400 руб. [8, с. 323].

Правительство осознавало, что духовенство нуждается в материальной поддержке и ежегодно увеличивало суммы, отпускаемые на введение жалованья приходским священникам. В 1863 г. из 863 приходских церквей Воронежской епархии жалованье в размере 112 руб. в год получали лишь в двух соборах: Крестовоздвиженском (г. Новохоперск) и Преображенском (г. Павловск) [6А, л. 1; 9, с. 1]. К началу XX в. ситуация стала постепенно меняться. В 1901 г. жалованье выплачивалось причтам 203 церквей (всего в этом году в епархии было 1043 церкви) [9, с. 33].

Хотя размер жалованья был небольшим (в среднем священник получал 250 руб., дьякон 150 руб., причетник 100 руб. в год.) [11, с. 155], *но именно на этом пути воронежским священно-церков-*

нослужителям виделось решение многих материальных проблем. Как утверждал Архипастырь Анастасий (Добрадин), некоторые священники испытывали опасения, «как бы духовенство, перешедшее на жалование, не порвало установившихся связей с прихожанами и не обратилось в чиновников» [10, с. 136]. Однако благотворительные собрания, прошедшие в Воронежской епархии в 1904—1905 гг., единодушно высказывались за введение жалования для священно-церковнослужителей.

Еще одним важным источником доходов православных клириков было пользование церковной землей. Среднее количество земли, приходившейся в 1877 г. на семью воронежского священника, равнялось 22 десятинам (меньше, чем в любой другой губернии так называемой центральной земледельческой области), на семью причетника — 11 десятин. Общее количество земли, состоящее в пользовании и собственности духовенства Воронежской епархии, равнялось в 1877 г. 43 540 десятин и почти 74% из них находились под пашнями. Это говорит о том, что духовенство, вопреки своей малоземельности, активно обрабатывало землю и уступало по этому показателю только крестьянству (в землевладении которого количество пахотной земли составляло 77%) и, как замечали современники, «лишь всеобщая недостаточность сельского духовенства не позволяла ему играть более видную роль в землевладении» [12, с. 27].

В то же время с земледелием, как источником доходов, для священнослужителей было сопряжено немало трудностей. Клирикам было трудно совмещать священнические обязанности с обработкой наделов. Само по себе священническое служение все-таки предполагало получение иного вида дополнительных доходов, нежели работа на земле. Воронежский священник Елпидифор Попов на страницах местной печати писал по этому поводу: «Спросите несчастного сельского батюшку с загорелым смуглым лицом и с мозолистыми руками, имеющего таковую (то есть землю. — С.И.), вызывающую расположение к себе и даже сострадательность внешность, и спросите: почему он так мало или даже совсем не говорит проповедей, не ведет внебогослужебных беседований, не ходит в школу, — он ответит вам: да помилуйте, да когда же мне это делать? ... Там нужно борону или соху починить, там нужно расчистить под хлеб, там зерно пересеять, там продать, там отправить на базар, а там на ярмарку, надо съездить кое за чем для хозяйства, да и лошадей прикупить или переменить» [8, с. 323]. Действительно, священник — «пастырь словесных овец» был неспособен полноценно исполнять свои служебные обязанности, отвлекаясь на сельскохозяйственные работы. Поэтому значительное количество священнослужителей Воронежской епархии старались сдать землю в аренду либо исполь-

зовали наемный труд. Священник Елпидифор Попов свидетельствовал, что «теперь духовенство почти нигде не обрабатывает своей земли своим трудом, а если обрабатывает, то наемным» [8, с. 322].

Как правило, духовенство сдавало землю в аренду, так как служителям алтаря использовать наемную силу было не по карману. Настоятель церкви святителя Николая села Россовецкое Коротоякского уезда священник Павел Сахаров писал на этот счет следующее: «При настоящей дороговизне на наем рабочих, не представляется выгодным вести полевое хозяйство и к улучшению материального быта духовенства можно предложить обеспечивающее безнуждное содержание — жалованье» [4, с. 268]. Настоятель Космодемьянской церкви села Ураково Коротоякского уезда священник Алексей Васильев утверждал, что неудовлетворительность материального положения священно-церковнослужителей его прихода заключалась в том, что в селах все жизненные продукты приобретались путем повседневной работы на земле (особенно если священник не имел возможности сдавать землю или использовать наемный труд). В свою очередь, это отнимало время от занятия «книжным делом», преграждало путь к образованию и даже, с точки зрения иерея Васильева, приводило к тому, что знания, приобретенные за годы обучения в духовной школе, постепенно забывались [8А, л. 280].

Духовные лица могли заниматься также пчеловодством. В 1896 г. в Воронежских епархиальных ведомостях появилась статья священника В. Харитонов «Следует ли духовенству заниматься пчеловодством?». Автор статьи отмечал, что не всегда и не везде представителям духовенства возможно обрабатывать землю, пахать, косить, хотя бы и используя наемный труд. Священник Харитонов писал, что пчеловодство в данном случае — самый оптимальный вид сельскохозяйственных занятий для духовенства. «Живем мы почти каждый на своей усадьбе, имеем садик и проч. Поставить 3—5 ульев в саду. Вот уже и пасека! И это доступно всем, и псаломщикам даже» [13, с. 240]. При этом автор статьи отмечал, что занятие пчеловодством могло помочь священнослужителям сблизиться со своими прихожанами «посредством взаимных советов и пособий» [13, с. 240], однако священник все же не должен был уподобляться крестьянам, тем самым окончательно теряя уважение к своему сану со стороны прихожан. В статье отмечалось, что пчеловодство — очень выгодная отрасль хозяйства (обыкновенный доход с крестьянской пасеки составлял 35%), отмечалось даже, что, например, «в Филадельфии пчеловод Гарбилон считается ныне первым пчеловодом в свете по количеству ульев и собираемого меда. Пасека его состоит из 15 тыс. ульев, причем получаемый от них мед и воск отправляется целыми вагонами» [13, с. 244].

Говоря о материальном положении воронежского духовенства, нельзя не упомянуть такую доходную статью церквей, как кружечные и кошелевые сборы. В городе Воронеже самый значительный кружечный сбор за 1911 г. составлял 5375 руб. (Троицкий кафедральный собор), самый маленький — 174 руб. 69 коп. (Михаило-Архангельская церковь при кадетском корпусе) [4А, л. 19]. В 1872 г. кружечный и кошелевый сбор, собранный в епархии, равнялся 143 081 руб. [4, с. 123], что составляло 40,2 руб. на семью священно-церковнослужителя в год. Кружечные сборы практически нигде не составляли основной статьи дохода для приходского духовенства. Средства, получаемые с кружечного и кошелевого сборов, в большинстве случаев, шли на иные, нежели приходские, нужды. Для подтверждения этого следует привести пункты расходов, указанные в приходно-расходной ведомости Покровской церкви Воронежского уезда села Тамлык. В качестве расходных сумм значились средства, собиравшиеся с кружек на такие нужды: на сооружение храма Кавказской армии в Тифлисе; помощь православному духовенству, а также в пользу вдов и сирот духовного звания; в пользу православных церквей и школ в Западном крае; восстановление православия на Кавказе; распространение православия между язычниками империи; в пользу церкви Святого Гроба Господня; на улучшение быта православных поклонников в Палестине и так далее [2А, л. 2 об.]. Средства, полученные церквями с кружечных сборов, как правило, не расходовались на местные нужды.

Материальное положение приходского духовенства характеризует также обеспеченность жильем, не случайно эта проблема занимала важное место в общественно-церковной дискуссии.

Воронежский епископ Иосиф Богословский писал в Святейший Синод: «Очень важно введение при церквях удобных церковных домов для жительства причтов с поддержкою сих домов от сельских церквей или от обществ, так как священно-церковнослужитель, прямо из учебного заведения поступающий на приход и не имея у себя под руками никаких средств, столько затрудняется приобретением для себя дома, что непогрешительно можно сказать, при всех своих усилиях и трудах целых полвека убивает на то, чтобы устроиться лишь каким-нибудь домом» [6А, л. 10]. По мнению архиерея, учреждение церковных домов могло заметно облегчить перемещение священно-церковнослужителей с прихода на приход, было бы «весьма удобно и легко» [6А, л. 10].

Все городские приходы жаловались на дороговизну жилья. Причт Покровской церкви города Воронеж указывал, что, получая 880 руб. в год на штат, священно-церковнослужители этой церкви

испытывали значительные финансовые трудности ввиду дороговизны жилья. Так как причт не имел собственного дома, то квартиры приходилось снимать. Самая невзрачная комната без отопления и необходимой мебели стоила от 30 до 35 руб. серебром в год, а в три комнаты от 85 до 100 руб. серебром, «каковая цифра составляет четвертую часть священнического дохода» [4, с. 51]. Клирики Покровской церкви писали, что вследствие высокой цены на квартиры, священнослужители должны были обзаводиться собственными домами. Но приобретение домов в собственность возможно было только при значительных денежных накоплениях — «а откуда возьмется этот запас у священно-церковнослужителей, вновь поступающих на места?» — или при посредстве займа и рассрочки платежа, «с коим по большей части и приобретаются» [4, с. 51]. Займы существенно подрывали благосостояние семейств. При этом на начало XX в. ситуация кардинально не изменилась.

Реальный уровень материального благосостояния приходского духовенства часто преувеличивался не только крестьянами, но и светской печатью, порой публиковавшей заведомо ложные данные о быте священнослужителей. В 1880 г. в журнале «Русский Курьер» была опубликована корреспонденция из Воронежа, где сообщалось, что священнослужители Воронежской епархии, как и клирики других епархий Российской церкви, явились жертвами обмана печально известного банкира Рыкова (мошенник предлагал делать вклады под выгодный процент, заведомо зная, что никакой прибыли вкладчики не получают). По сообщению журнала, более всех воронежских священников пострадал «протоиерей С., состоящий членом духовной консистории, который потерял 20 000 руб.» [14, с. 4]. Через год в «Церковно-общественном вестнике» появилась статья воронежского протоиерея, члена духовной консистории Евфимия Светозарова, где информация «Русского Курьера» опровергалась: «в Воронежской консистории с буквы С. начинаются фамилии двух членов: моя — “Светозаров” и кафедрального протоиерея — “Скрябин”. У меня в Скопинском банке не было ни копейки (если угодно заберите справки из этого банка), да такой громадной суммы 20 тысяч у меня никогда не было и быть не могло... Знаю хорошо, что у протоиерея Скрябина никакого вклада в Скопинский банк не было» [14, с. 4].

В целом, материальное положение воронежского приходского духовенства следует охарактеризовать как неудовлетворительное. Как писал воронежский преосвященный Иосиф (Богословский), в городских приходах Воронежской епархии, не говоря уже о сельских, священники получали от 300 до 400—600 руб. в год, и не более как в трех приходах получали до 800 руб. в год (включая в эту

сумму и доходы, получаемые за землю). По мнению воронежского архипастыря, для удовлетворительного содержания священника и его семейства (из 6 человек) требовалось от 1000 до 1200 руб. серебром, в том числе: «на пропитание семейств из 6 душ нужно не менее 300 руб. (50 на каждое лицо в год), на одежду для всего семейства 240 руб. (по 40 на лицо в год), на обувь 90 руб., на ремонт дома своего, починку и поправку мебели и посуды и разные годовые запасы 100 руб., на отопление 140 руб., на освещение 20 руб., на воду 20 руб., на содержание лошади, коровы 150 руб. на наем прислуги одного мужчины и двух женщин и пропитание им 132 руб., итого 1192 руб.; но если и сократить на $\frac{1}{3}$, то все равно недостаточно» [6А, л. 4].

По состоянию на 1892 г., средний доход приходского священника Воронежской епархии со всех источников составлял 450 руб. в год, дьякона — 200 руб. в год, псаломщика — чуть более 100 руб. в год [5А, л. 28]. Эти суммы были незначительными. Однако основные трудности духовенство испытывало не столько от малых доходов, сколько от полнейшего непонимания реального положения дел своими прихожанами. Образ русского священника — мироеда устойчиво закреплялся в массовом сознании уже в дореволюционной России. Крестьяне не хотели делиться с клириками своими небольшими средствами, равно как и государство не спешило ассигновать на нужды Российской церкви значительные суммы. Священникам порой приходилось унижаться ради того, чтобы прокормить себя и свои семьи. Подобная ситуация не могла не беспокоить церковную общественность, тем более, что молодые выпускники духовных школ, в большинстве своем дети священнослужителей, все чаще старались связать свою жизнь со светской карьерой, а не со служением церкви.

- 1А. ГАВО. Ф. И-84. Оп. 1. Д. 1942.
- 2А. ГАВО. Ф. И-84. Оп. 1. Д. 1945а.
- 3А. ГАВО. Ф. И-84. Оп. 1. Д. 1950.
- 4А. ГАВО. Ф. И-84. Оп. 1. Д. 1951.
- 5А. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1384.
- 6А. РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Д. 58.
- 7А. РГИА. Ф. 804. Оп. 1. Д. 64.
- 8А. РГИА. Ф. 804. Оп. 2. Д. 67.

1. *Аполлосов Михаил, свящ.* Реформа церковной жизни нашего Отечества [Текст] / Михаил Аполлосов // Воронежские епархиальные ведомости. 1908. № 4. С. 124—162.
2. *Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1901 год* [Текст]. СПб.: Синод. тип., 1905. 434 с.

3. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1914 год [Текст]. Петроград: Синод. тип., 1916. 490 с.
4. Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1872 г. [Текст]. СПб.: Синод. тип., 1873. 347 с.
5. *Корыстин И., свящ.* О настоящем положении духовенства [Текст] / И. Корыстин // Воронежские епархиальные ведомости. 1871. № 6. С. 249—255.
6. *Лебедев, Григорий, свящ.* На современные вопросы [Текст] / Георгий Лебедев // Воронежские епархиальные ведомости. 1908. № 19. С. 930—941.
7. Отзывы Епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе [Текст]. СПб.: Синод. тип., 1906. Ч. 1. 548 с.
8. *Попов, Елпидифор, свящ.* Относительно способов содержания духовенства и желательных изменений в них [Текст] / Елпидифор Попов // Воронежские епархиальные ведомости. 1906. № 7. С. 322—324.
9. *Рункевич, С.Г.* Русская церковь в XIX веке [Текст] / С.Г. Рункевич. СПб.: тип. А.П. Лопухина, 1901. 232 с.
10. Сборник распоряжений воронежского епархиального начальства, объявленных циркулярно по епархии за 1883—1894 г. [Текст]. Воронеж, 1895. [2], VIII, 312 с.
11. *Смолич, И.К.* История Русской церкви, 1700—1917 / И.К. Смолич. М.: Изд-во Спасо-Преображ. Валаам. монастыря, 1996. Т. 1. 801 с.
12. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. СПб.: Центр. стат. комитет, 1880. Вып. 1: Губернии центральной земледельческой области. [6], XVI, 276 с.
13. *Харитонов, В., свящ.* Следует ли духовенству заниматься пчеловодством? [Текст] / В. Харитонов // Воронежские епархиальные ведомости. 1896. № 5. С. 238—274.
14. Церковно-общественный вестник [Текст]. СПб. 1883. № 8. С. 2—8.
15. Церковно-общественный вестник [Текст]. СПб. 1883. № 107. С. 1—4.

В.А. Малахов

ПОЛИТИКА ВЛАСТЕЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЕВРЕЯМ ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРА II

Статья посвящена изменениям в политике властей по отношению к евреям в Царстве Польском в 1850—1870-е годы. Исследуется влияние на нее польского восстания 1863—1864 гг. Еврейский вопрос и политика по его разрешению исследуются в неразрывной связи с вопросом польским. Особое внимание уделено распространению среди российских элит националистических идей и правительственной политике по борьбе с польским культурным влиянием на евреев.

Ключевые слова: Российская империя; Царство Польское; Александр II; еврейский вопрос; польское восстание 1863—1864 гг.

Vadim Alexandrovich Malahov

Government policy towards the Jews in the Kingdom of Poland during the reign of Alexander II

The article is dedicated to changes in the government policy towards the Jews in the Kingdom of Poland in the 1850^s—1870^s. The author examines the influence on it of the January Uprising. The Jewish question and government policy are studied in close connection with the Polish question. Particular attention is paid to the spread of nationalist ideas among the Russian elites and government policy to combat the Polish cultural influence on the Jews.

Keywords: Russian Empire; Congress Poland; Jewish Question; Alexander II; the January Uprising.

Вторая половина XIX в. для России было временем модернизации и постепенной трансформации из донациональной династической империи в современное государство. Это было время все большего распространения в России националистических идей. *Особенно активно эти идеи стали распространяться* среди российских элит в годы правления Александра II, огромную роль в этом процессе сыграло польское восстание 1863 г. Очевидно, что эти события не могли не отразиться на национальной политике Российской империи в западных губерниях. В этой связи представляется интересным проследить за изменениями в политике властей по отношению к евреям Царства Польского в 1850—1870-е годы.

В той или иной степени политику российского правительства по отношению к евреям Царства Польского затрагивало в своих исследованиях целый ряд авторов. Среди них стоит отметить Л.Е. Го-

ризонтова, который в статье «Польско-еврейские отношения во внутренней политике и общественной мысли Российской империи (1831—1917 гг.)» [2] исследует взаимосвязь и влияние друг на друга польского и еврейского вопросов в Российской империи. Распространение националистического дискурса среди российских элит затрагивал А.И. Миллер в своей монографии «Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования» [7], один из разделов которой посвящен еврейскому вопросу в России.

Истории евреев Польши с конца XVIII в. по 1870-е годы посвящена монография варшавского исследователя А. Айзенбаха «Эмансипация евреев Польши, 1780—1870 гг.» [14]. В ней исследуются процессы эмансипации евреев (уравнивания их в правах с остальным населением) как на территории Царства Польского, так и на австрийских и прусских землях. Эмансипацию евреев автор рассматривает в рамках традиционной марксистской парадигмы перехода от феодального общества к капиталистическому. Несмотря на наличие определенных недостатков, присущих марксистской парадигме объяснения исторических процессов (в частности, Айзенбах уделяет недостаточное внимание религиозным и этнокультурным факторам в политике властей), «Эмансипация евреев» представляет собой важный труд, помогающий воссоздать целостную картину изменения правового статуса евреев на территории этнической Польши и проследить общность процессов, развернувшихся в Царстве Польском, Галиции и польских землях Пруссии.

Среди работ польских исследователей стоит также выделить работу А. Цалы «Ассимиляция евреев в Царстве Польском (1864—1897 гг.): отношение, конфликты, стереотипы» [12]. В ней изучается отношение различных польских и еврейских идейно-политических течений в Царстве Польском к ассимиляции евреев.

Американский исследователь Э. Полонский в своем фундаментальном трехтомнике прослеживает историю евреев на территории Польши и России с середины XIV до начала XXI в. [15]. Интерес представляет вывод историка о том, что поляки не смогли предложить привлекательный проект интеграции евреев в свою этнокультурную общность. Последние в большинстве своем продолжали существовать в рамках традиционного общества или же аккультурировались в русскую среду.

До 1860-х годов национально-культурная ориентация евреев Царства Польского мало заботила правительство: главной задачей своей политики оно видело просвещение евреев, искоренение их «закостенелости» и «фанатичности». В 1841 г. министр народного

просвещения граф С.С. Уваров направил в Комитет для определения мер коренного преобразования евреев в России (так называемый «Еврейский комитет») записку, которая впоследствии неоднократно цитировалась российскими чиновниками. В ней следующим образом оцениваются задачи правительства в деле просвещения евреев Царства Польского: «Лучшие из евреев чувствуют, что одна из главных причин их унижения лежит в превратном толковании их религиозных преданий; они знают, что в совокупности со многими другими источниками зла, Талмуд развращал и развращает их соотечественников; но нигде влияние Талмуда не столь сильно, сколько у нас в Царстве Польском, ибо нигде не господствует в евреях такое невежество. Это влияние единственно можно устранить просвещением, и правительству остается действовать тут в духе этой горсти лучших между евреями, дав им своими мерами покровительства надлежащий перевес» [цит. по: 1, с. 14]. Приобщение евреев к польской культуре и даже их ассимиляция поляками не рассматривались российскими властями как негативное явление [2, с. 260—261]. Наоборот, власти предпочитали просвещенных «поляков Моисеева закона» традиционным евреям. Предлагавшиеся в 1840—1850-х годах проекты унификации еврейского законодательства Царства и черты оседлости [10А, л. 139—139 об.] не несли в себе обрусительных тенденций.

В 1850-е годы правительственная политика по отношению к евреям Царства Польского отличалась жесткостью. Вплоть до начала 1860-х годов условия их проживания считались худшими, чем в пределах черты оседлости. Русские государственные деятели Западного края и Новороссии нередко проявляли большую терпимость к евреям, чем занимавшие высшие административные должности в Царстве Польском поляки. Как пишет Б. Портер, евреев в Польше терпели, если они выглядели и вели себя как поляки, к традиционной же «идишской» культуре относились крайне пренебрежительно [16, р. 38]. В конце 1850-х годов Комиссия внутренних и духовных дел Царства Польского дважды отклонила рекомендации «Еврейского комитета» распространить на Царство разрешение поступать на государственную службу евреям — обладателям ученых степеней. В 1858—1859 гг., когда в прессе Царства Польского разгорелась так называемая «польско-еврейская война», вызванная юдофобскими инсинуациями в одном из польских изданий, глава Комиссии внутренних и духовных дел и попечитель Варшавского учебного округа П.А. Муханов принял сторону антисемитов [2, с. 262].

Говоря о системе образования евреев в Царстве Польском, стоит отметить, что еврейские общеобразовательные училища появи-

лись здесь еще в первой половине XIX в. При этом первоначально одной из главных их задач было сближение евреев с поляками. Если в губерниях черты оседлости, где религиозные предметы преподавались на иврите, а перевод специальной литературы на русский язык не только не поощрялся, но напрямую запрещался, то в Царстве Польском, по отзывам современников, «не только придали училищам религиозный характер, но старались даже все необходимые религиозно-еврейские книги перевести на польский язык, чтобы тем легче полонизм проникал во все изгибы еврейской народности. Между тем как у нас (в Западном крае. — *В.М.*) все необходимые религиозные познания почерпаются из одних только немецких источников, в Царстве Польском, по образцу Западной Европы, старались, чтобы все религиозные еврейские книги переведены были на польский язык, и, таким образом, еврейские юноши, вместе с первыми понятиями о своей религии усваивали себе польский язык, польский образ мыслей; а отсюда уже произошло успешное слияние народностей» [9А, л. 34]. Даже в Варшавском раввинском училище бо́льшая часть предметов преподавалась на польском языке.

Однако преувеличивать влияние новых еврейских училищ не стоит, поскольку бо́льшая часть евреев региона придерживалась традиционного образования. Типичный для власти взгляд на проблему явствует из рапорта президента Варшавы 1874 г.: «В этой важной и заключающей в себе всю суть еврейского быта отрасли гражданской жизни проявляются два, так сказать, тока: один староеврейский, заветно переходящий от поколения в поколение, с исключительным еврейским отпечатком и стремлениями — к обособлению евреев от прочих жителей края... и другой, прогрессивный и общегуманный, общий с прочими жителями края» [5, с. 44].

Официально этнически польские земли не входили в черту оседлости, евреям Царства Польского было запрещено переселяться в губернии черты и наоборот. Впрочем, по закону от 1857 г., целому ряду групп еврейского населения Царства (купцы, фабриканты, учителя, раввины, медики и др.) разрешалось переселяться в империю [8, с. 880—881]. Царство Польское обладало уникальной правовой системой: на ее территории действовал гражданский кодекс Наполеона I, функционировало собственное законодательство о евреях. Иным было и общинное самоуправление: взамен кагалов, отмененных в 1822 г. (в империи кагалы были отменены в 1844 г.), вводились божничные округа, финансовый контроль государственной власти над которыми был значительно жестче [8А, л. 10—11].

Продолжало действовать множество давних запретов и правовых ограничений. Евреям было запрещено владеть землей, селиться во

многих городах (к началу 1860-х годов из 453 городов Царства Польского евреи имели право проживать только в 246 [9, с. 5]), они не могли вступать в браки с представителями других конфессий, свидетельствовать при составлении дел, требующих установления подлинности нотариусом, служить чиновниками. Существовали серьезные преграды, мешавшие им продвигаться на военной службе [14, р. 402].

В 1840-е — середине 1850-х годов правовое положение евреев Царства Польского активно обсуждалось в «Еврейском комитете». Неоднократно выдвигались проекты уравнивания польских евреев в правах с евреями из черты оседлости [11А, л. 139—248 об.; 12А, л. 248—249]. Необходимость этого объяснялась чрезмерным числом ограничений, мешающих слиянию евреев с христианским населением: «Постановления о евреях в Царстве наполнены стеснительными для них правилами, вовсе не действующими, даже неизвестными в империи, и такими, которые влекут за собой вместо желаемого слияния с христианами совершенное их отчуждение...» [11А, л. 139—139 об.]. Предлагалось разрешить евреям переселяться из Царства в империю, даже включить Царство Польское в черту оседлости [11А, л. 240—248 об.]. Однако всем этим проектам не суждено было воплотиться в жизнь.

Восшествие на престол Александра II породило надежды на облегчение положения. В 1855—1856 гг. варшавские евреи посылают в Санкт-Петербург делегатов с прошениями об отмене дополнительных налогов [14, р. 391—393]. В конце 1850-х годов в правительственных кругах возобновляются дискуссии об эмансипации евреев Царства Польского. Поначалу власть не желала идти на уступки, но затем в уравнивании прав евреев с поляками начинают видеть политический инструмент, позволяющий привлечь евреев на правительственную сторону [14, р. 402—404, 447].

Кардинально правовое положение евреев меняется только после реформ, проведенных главой гражданской администрации Царства маркизом А. Велепольским (1862 г.). По его инициативе евреи были уравнианы в правах с христианским населением. Это был важный шаг: ведь раньше речь шла лишь о приведении еврейского законодательства Царства Польского в соответствие с законодательством империи. Даже в ходе экспертизы проекта Велепольского законоположения Царства и остальной империи постоянно сравнивались на предмет соответствия друг другу. Однако в итоге «именно польские губернии стали самыми передовыми в плане решения еврейского вопроса, даже с учетом того, что при ближайшем рассмотрении декларированное там равноправие не было полным» [2, с. 262]. Евреи получили право владения земельной собственностью, повсеместно-

го проживания, право свидетельства в суде наравне с христианами. В этом же году был отменен запрет заниматься фармацевтикой и упразднен специальный кошерный сбор. Наконец, был принят закон о выборах в городские советы, согласно которому евреи могли избираться их членами.

Реформы Велепольского не были свернуты и после подавления польского восстания, напротив, уравнивание в правах продолжилось. В 1866 г. евреи Царства Польского были уравнены с евреями империи в отношении государственной службы. В 1868 г. аннулирован закон, запрещавший евреям Польши селиться в России, а российским — в Царстве Польском [8, с. 1098—1099]. Впрочем, в польской историографии существует мнение, что, в отличие от реформ Велепольского, деятельность властей после 1863 г. была направлена не на уравнивание евреев в правах с местным христианским населением, а на изоляцию евреев в польском обществе. Указывается на то, что одновременно с отменой границы между империей и Царством Польским правительство принимало меры по запрещению переселения поляков из Царства Польского в Западный край. Таким образом, дарование прав евреям одновременно с введением ограничений для поляков противопоставляло эти два народа и создавало в обществе очаг напряженности [13, с. 46]. Однако, судя по имеющимся в нашем распоряжении источникам, не похоже, чтобы власти связывали дарование прав евреям Царства Польского с ограничительной политикой по отношению к полякам. Правильнее, на наш взгляд, трактовать данные законы именно в русле продолжения политики Велепольского.

Однако даже после реформ нельзя говорить об эмансипации евреев Царства Польского как о свершившемся факте. Реформы во многом были компромиссными, в законодательстве оставался целый ряд пережитков. Так, сохранились ограничения на замещение определенных должностей в самоуправлении, во многих городах действовали различного рода дискриминационные правила (например, запрет евреям появляться в общественных местах в их традиционной одежде). Пережитки сохранялись и в сознании людей.

Предоставление евреям равноправия совпало с периодом подъема в Польше протестного движения. Реформы рассматривались как средство привлечь евреев на сторону правительства. Так, наместник Царства генерал-адъютант А.Н. Лидерс писал: «Теперь, в ожидании равноправности, они, конечно, не очень расположены к уступкам в пользу польской народности» [4, кн. 12, с. 681—682]. Описывая напряженные отношения между поляками и евреями в декабре 1861 г., он указывает: «Еврей не хочет назваться поляком Моисеева исповедания, или жидовским поляком, а остается по-старому при своем

“польский жид”... Евреи чувствуют смешную сторону наброшенного им названия “поляков Моисеевой веры”... Они взваливают всю вину мнимого братства на реформистов и новомодные божницы, что на Данеличевской улице и на Наливках» [4, кн. 11, с. 466]. В то же время в 1862 г. постановлением Государственного совета Царства Польского евреям было запрещено составлять юридические акты на своем языке. Это показывает, что реформы были направлены не столько на привлечение евреев на сторону власти в обстановке польских манифестаций, сколько на скорейшую их ассимиляцию: «Евреев, уже несколько веков поселенных в крае, нельзя почитать отдельным народом, скорее их следует считать частью польского народа, как сами они себя признают...» [13А, л. 66—66 об.].

Оценка властями предпринятых мер поначалу была довольно высокой, особенно с точки зрения ослабления польской оппозиции. Однако в том же 1862 г. А.Н. Лидерс писал: «Евреи... довольны проектом маркиза Велепольского относительно их устройства, прошедшим через Государственный совет Царства Польского, и гласно говорят, что принуждены были купить обещанные преимущества ценою братства, заявленного на польских манифестациях» [4, кн. 11, с. 466]. Из поздних донесений наместника видно, что с началом беспорядков власти начинают относиться к «полякам Моисеева закона» все с меньшим доверием. Впрочем, какой-либо четкой позиции по данному вопросу выработано не было. В донесениях самого наместника можно встретить взаимоисключающие оценки реформ и их последствий.

Во время восстания 1863 г. именно наиболее ассимилированные евреи поддержали польских повстанцев. Только за первые несколько месяцев беспорядков было повешено более 40 евреев-мятежников [2А, л. 171]. В отряды повстанцев входили еврей-офицеры [10, с. 485—492], еврейские купцы и банкиры жертвовали крупные суммы подпольному Национальному правительству. Братание евреев с поляками породило ряд лирических произведений, воспевавших эту польско-еврейскую солидарность. Таковы стихотворения И.А. Кона «Głos Żyda do dzieci Żydowskich» («Еврейский голос еврейским детям»), К. Норвида «Żydzi Polscy» («Польские евреи»), Т. Ленартовича «Krzyk starego Izraela» («Плач старого Израиля») и др. О том, с каким воодушевлением часть евреев воспринимала польские прокламации, писал в своем романе «Горячее время» еврейский автор и общественный деятель Л.О. Леванда [3].

Из материалов полицейских структур 1860-х годов видим, что российские чиновники обвиняли евреев в том, что они в большинстве руководствовались корыстными целями, занимали выжидательную позицию, пытались быть полезными обеим сторонам

конфликта. Так, в докладе Варшавского губернского жандармского управления говорится: «Еврейское сословие, столь многочисленное по городам и местечкам Царства Польского, суеверное и безусловно повинующееся своим раввинам, вообще предано своим корыстолюбивым видам... Евреи равно ненавидят как русских, так и поляков — покоряются тому, кто сильнее... Это продажное сословие привязанности к русским не имеет» [3А, л. 9]. Схожие отзывы содержались в ряде докладов других жандармских управлений. Начальник Петраковского губернского жандармского управления писал: «Народность по свойственному ей характеру служила нашим и вашим... Охотно обмундировывали повстанцев, а оружие для них же привозили из-за границы. Все шпионы революционеров были из жидов» [3А, л. 29].

Даже из более мягких отзывов следовало, что полностью полагаться на евреев нельзя. Так, начальник Радомского губернского жандармского управления писал, что они «в целой массе больше преданы нам, чем полякам», однако же «готовы служить и той и другой стороне» [3А, л. 41]. Помощник начальника Ломжинского губернского жандармского управления доносил, что «евреи, в особенности в пограничных местечках, пользующиеся всемилостивейше дарованными им в недавнее время правами и привилегиями, действительно считают себя счастливыми и в настоящее время преданы правительству. Нельзя, однако, полагаться на верность этого сословия. В 1861 и 1862 годах евреи примкнули к полякам и пели возмутительные гимны не только в своих синагогах, но ходили для этого и в костелы» [3А, л. 72]. В итоговом обзоре политических умонастроений говорится о том, что польские евреи «усвоили польский образ мыслей и во время смут были верными агентами мятежников» [3А, л. 109].

Подозрительность чиновников по отношению к ассимилированной части польского еврейства начала усиливаться после подавления восстания: «Купечество в Царстве Польском, как равно негоцианты и торговцы, состоят: из русских уроженцев, поляков, евреев, принявших европейский костюм, и евреев, придерживающихся древних своих обычаев. Сословия эти не присвоили себе вредных политических идей, однако же польское и образованное еврейское купечество и торговцы сильно сочувствовали восстанию и принадлежали ко всем бывшим беспорядкам — следовательно, на благонадежность их положиться нельзя» [3А, л. 6]. В одном из докладов чиновников говорилось: «Что же касается евреев, принявших костюм европейский, то они сочувствовали бывшему восстанию, явно оказывали пренебрежение законным властям и принимали участие во всех беспорядках». И хотя «в настоящее время они стараются убедить каждого, будто бы ко всему этому были принуждаемы

революционерами... некоторые из них были зачинщиками, а многие предводительствовали в беспорядках» [3А, л. 9].

После 1863 г. необходимость борьбы с польским культурным влиянием на евреев стала для российских властей очевидна. Предполагалось «разъединить поляков с евреями, потому что евреи хотят выказать свой патриотизм, между тем у них в виду не более как материальные выгоды, которые от этого они имеют, это возможно тем более, что энтузиазм примирения прошел уже со стороны поляков, которые по характеру самолюбивы, а евреи сравнены почти во всем с ними в правах» [1А, л. 27 об.].

В своих мемуарах юрист и общественный деятель Г.Б. Слиозберг писал о доброжелательности правительства к польским евреям как потенциальному противовесу революционерам. Однако политика местных начальников зачастую отличалась от общегосударственной линии: «Принцип “разделяй и властвуй”, применявшийся в окраинной политике, находил особенно яркое выражение в русской политике в Польше; в сферу действия этого принципа входил отчасти еврейский вопрос... Петербург не влиял в этом смысле на местную высшую власть... Генерал-губернаторы были окружены местной аристократией... Общий язык, который мог быть у царского генерал-губернатора с местными представителями аристократии, несомненно был язык антисемитский» [11, т. 1, с. 290; т. 2, с. 158].

В отличие от прусской части Польши, где евреи стали союзниками власти и быстро аккультурировались в немецкое общество [6, с. 75], в Царстве Польском ориентация на русскую культуру среди образованных евреев играла минимальную роль. В 1872 г., когда наместник Царства Ф.Ф. Берг составлял отчет о последствиях реформ Велепольского, большинство губернаторов писали ему о ее провале. По их мнению, евреи пользовались новыми правами исключительно для извлечения материальных выгод и сближаться с местным христианским населением не стремились: «Применение в течение 10 лет высочайшего указа 24 мая 1862 г. не имело никакого влияния на сближение и слияние евреев в Царстве Польском с местным населением и нисколько не изменило их замкнутости и обособления... Получив же значительные права без всяких новых обязанностей, оно (еврейское население. — *В.М.*) имеет ныне еще более средств к эксплуатированию коренных жителей края» [5, с. 6, 213—214, 458]. Берг делал вывод, что подобный исход реформ может «служить указанием и предостережением, насколько возможно применение подобных мер относительно евреев в других частях государства» [5, с. 6].

Радомский губернатор Д. Анучин считал, что сближение евреев с христианским населением «поведет к большей солидарности евреев

к местному городскому населению, следствием чего много евреев ополячится едва ли не ко вреду общего нашего здесь положения». В то же время, не веря в обрусение местных евреев, он заключал, что следует, «стараясь обрусить евреев, жительствоющих в прочих губерниях империи, принимать меры к меньшему их ополячиванию в Привислинском крае» [5, с. 262].

Одной из первых мер по противодействию польскому влиянию стал запрет проповедей на польском языке в синагогах. МВД дало следующую оценку подобной практике: «Нововведение, не основанное на какой-либо действительной потребности... может служить средством к достижению враждебной цели полонизации евреев в Царстве Польском» [6А, л. 9 об.]. При этом, однако, Министр из-за незнания большинством польских евреев русского языка «нашел необходимым дозволить произношение этих проповедей на языках еврейском или немецком, ограничиваясь пока наблюдением, чтобы стремление польских обществ к замене в некоторых случаях еврейского языка русским, ввиду последовавшего 25 декабря 1869 г. Высочайшего разрешения употреблять русский язык в богослужении иностранных исповеданий, не встречало никаких препятствий» [6А, л. 8 об.—9]. Введенный запрет впоследствии нередко нарушался.

После подавления восстания власти начинают вмешиваться в существующую систему образования с тем, чтобы ограничить польское влияние. Еще в 1863 г. было закрыто Варшавское раввинское училище. В 1860—1870-е годы все активнее звучат голоса о необходимости использования школ для русификации евреев, обсуждаются проекты полного подчинения частных еврейских училищ Министерству народного просвещения [4А, л. 1—1 об.].

Государственная политика выработывалась на фоне борьбы представителей ортодоксального иудаизма — хасидов и маскилов, активистов еврейского Просвещения («гаскала»). Правительство поддерживало последних, считая хасидов наиболее фанатичной частью еврейского общества и противниками любого прогресса. Отношение местных властей к хасидизму наглядно характеризует рапорт Петраковского губернатора наместнику Царства Польского от 1874 г., в котором говорилось: «В среде еврейского населения более всего распространяется секта хасидов, отличающихся тою особенностью, что резко других тайно проводит отдельность и поселяет вражду ко всему христианскому. Секта эта не допускается законом, но она действует тайным образом и приверженцы оной находятся во всех классах еврейского населения» [5, с. 219]. Из данного отрывка видно, что местные чиновники часто имели довольно смутное представление не только о хасидизме, но и о российском законодательстве по дан-

ному вопросу. Несмотря на негативное к нему отношение со стороны властей, хасидизм никогда законодательно не запрещался, и его представителям не приходилось действовать «тайным образом».

Однако после восстания местные власти оказались перед сложным выбором: поддержка прогрессистов означала содействие полонизации евреев, а поддержка хасидов поощряла их «фанатизм». Особенно сильно противоречия между двумя этими группами проявлялись во время выборов раввинов: иногда ситуация накалялась настолько, что дело доходило до массовых уличных драк [5А, л. 29—33]. Местные власти нередко вмешивались в выборы, поддерживая того или иного кандидата: «Необходимо, чтобы правительство имело своих кандидатов на должности раввинов, которые в здешнем крае гораздо менее духовные лица, нежели администраторы и представители общественных интересов. Только этим путем можно избежать тлетворного влияния находящейся в каждом обществе фанатической еврейской партии, олицетворяющей собою отжившее кагалное устройство» [5А, л. 55—55 об.].

Мотивом подобного вмешательства была не только забота о национально-культурной ориентации польских евреев, но и стремление с помощью раввинов воздействовать на еврейское общество для обеспечения рекрутских наборов (считалось, что хасиды наиболее активно уклонялись от призыва). С этой целью некоторые чиновники даже предлагали приглашать на должности раввинов выпускников раввинских училищ, происходивших из губерний черты оседлости: «Бывший Сувалкский губернатор действительный статский советник Головин, в виду крайне неблагоприятных результатов рекрутского набора по вверенной ему губернии в 1873 году, когда евреи, вместо следовавших с них 647 рекрутов, поставили только 8 человек, приписав это обстоятельство давлению раввинской власти на массу невежественного фанатического еврейского населения, предоставил б[ывшему] варшавскому генерал-губернатору в докладной записке от 10 мая 1874 г. о необходимости иметь раввинов, умственный кругозор которых шел бы вразрез с остальными нелепыми понятиями о раввинской власти и ее обязанностях, для достижения чего полагал целесообразным распространить на губернии Царства Польского существующий в Империи по ст. 1083 т. XI ч. I порядок выбора раввинов из евреев, окончивших курс наук в раввинских училищах или в других учебных заведениях, хотя бы подобные кандидаты в раввины принадлежали к числу уроженцев империи» [5А, л. 98 об.—99].

Подобные проекты были отклонены из-за того, что раввинские училища Западного края были в 1872 г. преобразованы в еврейские

учительские институты. Это, впрочем, не мешало местным властям продвигать в раввины выходцев оттуда. Так, в 1874 г. в той же Сувальской губернии при поддержке властей был избран С. Зелигман — выпускник Виленского раввинского училища, которого губернатор характеризовал как хорошо образованного и «с чисто русским направлением» [5А, л. 54 об.]. Выбор вызвал ожесточенное сопротивление местного еврейского общества, представители которого начали писать жалобы в различные инстанции, обвиняя Зелигмана в некомпетентности и требуя, чтобы он прошел экзамен на знание иврита и Библии. Более того, его обвинили во взяточничестве и даже тесных связях с социалистами, в частности, А. Либерманом [5А, л. 56—81].

В отдельных случаях власти назначали своих кандидатов на должность раввина в обход выборов. Так было, например, в 1870 г. в Варшаве, когда после смерти раввина был назначен новый. При этом власти решили поддержать традиционалистов: «В последнее время антагонизм между обеими партиями стал заметно усиливаться и нередко при рассмотрении общественных вопросов между ними возникала горячая борьба. Вскоре после смерти Бера Мейсельса, я догадываюсь, президент (К. Витковский. — *В.М.*) опасался в случае выборов торжества евреев-прогрессистов и считал более полезным устранить эту случайность прямым назначением на должность раввина одного из сторонников противоположной партии» [7А, л. 19 об.]. Поддержка властями традиционалистов объяснялась так: «Партию прогресса он считает способною легко увлекаться разными мечтаниями и поддаваться внешним возбуждениям, хотя бы враждебным правительству, тогда как неподвижность, присущая евреям правоверным, имеет в его глазах значение консервативного элемента, представляющего для правительства желаемые гарантии» [7А, л. 18].

Из приведенных данных видно, что правительственная политика по отношению к евреям Царства Польского после восстания 1863—1864 гг. не отличалась последовательностью, часто все зависело от мнения конкретного чиновника. Одни боролись с еврейским «фанатизмом» в лице хасидизма и поддерживали прогрессистов, другие, наоборот, видели в прогрессистах опасных революционеров и считали целесообразным поддерживать «фанатиков». Варшавский генерал-губернатор П.Е. Коцебу заявлял, что раввины-хасиды, в отличие от «поляков Моисеева закона», не замечены в систематическом противодействии мерам правительства [5А, л. 109 об.]. К концу 1870-х годов в МВД сложилось мнение, что правительству невыгодно поддерживать ни одну из групп евреев, более того, обострение противоречий между хасидами и прогрессистами даже на руку властям: «Дробление еврейского общества на разные враждебные

друг другу толки, с точки зрения их политической благонадежности, на практике более полезно, чем вредно, так как вызывает соперничество, поселяет между ними вражду, разъединяет, вследствие чего ослабляется та сила, которая не замедлила бы проявиться, если бы еврейское общество являлось одною крепко сплоченною солидарною и движимою одними началами массою» [5А, л. 108].

Таким образом, на примере политики властей по отношению к евреям в 1850—1870-е годы мы видим, что российские элиты отходят от характерных для начала XIX в. идей Просвещения, все больше начиная мыслить в русле националистического дискурса. Польское восстание 1863—1864 гг. стало в этом отношении своеобразным водоразделом, после которого российские власти пересматривают свое отношение к просвещенным евреям Царства Польского. Если ранее правительство всячески поддерживало маскилов, то теперь оно ищет союзников в борьбе с поляками в традиционном еврействе, аккультурированные же евреи стали рассматриваться как враги. После 1863 г. еврейский вопрос в Царстве Польском в гораздо большей степени виделся властям сквозь призму польского вопроса, и, соответственно, политика по отношению к евреям Царства Польского находилась в прямой зависимости от политики по отношению к полякам этого региона. В то же время последовательной концепции политики по отношению к евреям в данном регионе правительство не выработало. Зачастую решение о том, какие группы еврейского населения необходимо поддерживать и как проводить политику русификации целиком зависело от местных чиновников. Действия правительства в этой сфере в рассматриваемый период были нерешительны и непоследовательны.

- 1А. ГАРФ. Ф. 109. 1-я эксп. Оп. 36. Д. 37.
- 2А. ГАРФ. Ф. 109. 1-я эксп. Оп. 38. Д. 23. Ч. 1.
- 3А. ГАРФ. Ф. 109. 4-я эксп. Оп. 207. Д. 237.
- 4А. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 113.
- 5А. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 544.
- 6А. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 546.
- 7А. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 548.
- 8А. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 551.
- 9А. РГИА. Ф. 846. Оп. 1. Д. 126.
- 10А. РГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 61.
- 11А. РГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 136.
- 12А. РГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 138.
- 13А. РГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 139.

1. *Георгиевский, А.И.* Доклад члена Комиссии тайного советника А.И. Георгиевского по вопросу о мерах относительно образования евреев [Текст]. [СПб., 1889]. 314, [43] с.

2. *Горизонтов, Л.Е.* Польско-еврейские отношения во внутренней политике и общественной мысли Российской империи (1831—1917 гг.) [Текст] // История и культура российского и восточноевропейского еврейства: новые источники, новые подходы: материалы междунар. науч. конф., 8—10 дек. 2003 г. М., 2004. С. 257—278.
3. *Леванда, Л.О.* Горячее время [Текст] // Еврейская библиотека. СПб., 1871. Т. 1. С. 1—70; 1872. Т. 2. С. 1—160.
4. [*Лидерс, А.Н.*] Состояние царства Польского в 1861 г. и 1862 гг. [Текст]: (донесения генерал-адъютанта Лидерса Военному министру) // Русская старина. 1899. Т. 100, кн. 11. С. 497—524; кн. 12. С. 750—779.
5. Материалы Комиссии по устройству быта евреев (по Царству Польскому) [Текст]. [Б.м.: тип. м-ва внутр. дел, 187?]. [2], 499, 16 с.
6. *Маурер, Т.* Западные евреи? Восточные евреи? [Текст]: аккультурация как парадигма сравнительной истории евреев в Германии и Восточной Европе // *Ab Imperio*. 2003. № 4. С. 59—91.
7. *Миллер, А.И.* Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования [Текст]. М., 2006. 248 с.
8. Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев, от Уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени, от 1649—1873 г. [Текст]: извлечение из полных собраний законов Российской империи / сост. и изд. Леванда В.О. СПб., 1874. [8], 1158, XVIII с.
9. Рассвет [Текст]: орган русских евреев. 1860. № 1.
10. *Розенштадт, Б.* Еврейские жертвы в польском восстании 1863 года [Текст]: ист. справка // Еврейская старина. 1913. Вып. 4. С. 485—492.
11. *Слюозберг, Г.Б.* Дела минувших лет [Текст]: записки русского еврея. Париж, 1933—1934. Т. 1. 304 с.; Т. 2. 331 с.
12. *Cała, A.* Asymilacja Żydów w Królestwie Polskim (1864—1897) [Text]: Postawy, Konflikty, Stereotypy. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1989. 408 s.
13. *Datner, H.* Та I тамта strona. Żydowska inteligencja Warszawy drugiej połowy XIX wieku [Text]. Warszawa: Żydowski Instytut Historyczny, 2007. 341 s.
14. *Eisenbach, A.* The Emancipation of the Jews in Poland, 1780—1870 [Text]. Oxford; Cambridge: Blackwell, 1991. 632 p.
15. *Polonsky, A.* The Jews in Poland and Russia [Text]. Oxford; Portland: The Littman library of Jewish civilization, 2009—2011. 3 Vol.
16. *Porter, B.A.* When Nationalism Began to Hate [Text]: Imagining Modern Politics in Nineteenth Century Poland. Oxford; N.Y., 2000. 422 p.

А.В. Семененко

ЧЕНСТОХОВСКИЙ ЮБИЛЕЙ 1882 Г.: ИМПЕРИЯ VS РЕЛИГИЯ?

В 1882 г. Ченстоховский Ясногорский монастырь отмечал свой пяти-сотлетний юбилей — первый «под русским владычеством». В это время монастырь явился местом столкновения имперской идеологии и католической религиозности. Правительство было настроено на придание празднику «местно-религиозного» характера, исключив любое упоминание польской истории. Православная церковь, которая могла бы выступить посредником в этом столкновении, использовала его для укрепления своих позиций в польских губерниях.

Ключевые слова: XIX в.; Царство Польское; Привисленский край; Ченстоховский монастырь; история католицизма; юбилей; чудотворная икона.

Anna Vadimovna Semenenko

Czestochowa's anniversary celebrations 1882: empire vs religion?

In 1882 there was a 500th anniversary of Jasna Gora monastery, which jubilee was the first one under Russian rule. In that period the monastery was an object of ideological strife between empire and polish Catholics. Imperial government planned to make the anniversary celebrations “local and religious” without making any mentions about Polish history. Orthodox church, which could appear as a mediator in that conflict used the situation as a chance to enforce its status in Polish territories of the empire instead.

Keywords: XIX century; Russian empire; Jasna Gora monastery; Congress kingdom; Our lady of Czestochowa.

В своей знаменитой книге «Русский край, чужая вера» М.Д. Долбилов отмечает любопытный факт существования в Российской империи во второй половине XIX в. определенной неофициальной иерархии конфессий, отраженной в имперском законодательстве [1, с. 66]: сначала идут узаконения, касающиеся католиков, затем протестантов, евреев и, наконец, мусульман. Однако, как замечает автор, эта «иерархия» вовсе не коррелировала с объемом государственного вмешательства в дела этих конфессий.

Интересно проверить справедливость данного тезиса на примере Привислинского края (до 1864 г. — Царство Польское). А в качестве иллюстрации рассмотрим самый богатый и влиятельный католический монастырь на этой территории — Ченстоховский Ясногорский.

В XIX в. монастырь, находившийся на территории, которая после разделов конца XVIII в. вошла в состав Российской империи,

оказался одним из многих мест Царства Польского, где «имперское присутствие» становилось все более зримым и очевидным. В честь спасения императора Александра II во время покушения в мае 1867 г. православные жители Царства Польского построили в г. Ченстохов православный храм во имя святых Кирилла и Мефодия.

Для того, чтобы разобраться в причинах возведения православного храма на земле католической святыни, необходимо вспомнить историю до сих пор хранящейся в монастыре чудотворной иконы Божией матери, являющейся древнейшей из всех икон на территории Польши. По преданию, ее написал в Иерусалиме святой евангелист Лука. В 326 г. иерусалимские христиане передали икону царице Елене, матери императора Константина Великого, которая прибыла в Святую Землю, чтобы найти явленное ей во сне Древо Животворящего Креста Господня.

Такова легенда, достоверно историю иконы можно проследить лишь с XIII в. [3, с. 43]. Когда и почему образ Богоматери покинул Византию — доподлинно неизвестно, но в конце XIII в. образ оказался на территории Червонной Руси, в городе Белз, куда ее перевез галицко-волынский князь Лев Данилович (в честь которого его отец Даниил Галицкий назвал основанный им город Львов). Там икона прославилась многочисленными чудесами. В 1377 г., когда Червонная Русь была занята поляками, князь Владислав Опольский забрал изображение Богоматери из церкви в княжеском замке и перенес ее в свою столицу — город Львов, а еще через пять лет — в свои западные владения — Велюньское княжество. По дороге князь остановился на ночлег у бедной деревушки Частоховы (ныне город Ченстохов), на берегу реки Варты. Икона была помещена на ночь в частоховскую приходскую церковь Успения Божией Матери, которая стояла на Ясной горе. На следующий день, когда Владислав хотел тронуться в путь, икону стало невозможно сдвинуть с места. В этом чуде все присутствующие увидели явное указание Матери Божией о месте пребывания ее святого образа. Через некоторое время князь Опольский отдал церковь на Ясной горе монахам основанного в 1250 г. в Венгрии ордена паулинов [2, с. 1357].

Важно отметить, что в XIX в. «Матка Боска Ченстоховска» отнюдь не ассоциировалась с православием [4], хотя имперские власти прилагали значительные усилия, чтобы напомнить об истории этой иконы всем подданным российского императора (равно католикам и православным). Примером тому как раз и является строительство в Ченстохове православного храма.

В 1882 г. Ченстоховский Ясногорский монастырь стал настоящей ареной борьбы идеологий. В июле этого года исполнялось пятьсот

лет со времени перенесения иконы Божией Матери на Ясную гору и основания монастыря. В феврале 1882 г. в польских газетах, издававшихся в Варшаве, появились первые заметки о предстоящем юбилее [1А, л. 24]. Юбилей должен был стать важным событием в религиозной жизни: епископ Куявско-Калишской епархии, к которой принадлежал монастырь, составил прошение в Рим, дабы Папа даровал отпущение грехов всем паломникам, прибывающим в монастырь с 9 августа по 14 сентября [1А, л. 34—34 об.].

Подобный энтузиазм не мог не насторожить имперскую администрацию, которая была далеко не уверена в абсолютной лояльности польских католиков. В переписке министра внутренних дел Д.А. Толстого с варшавским генерал-губернатором П.П. Альбединским звучит озабоченность тем, что годовщина основания Ченстоховской обители впервые праздновалась «под русским владычеством» [1А, л. 24 об.] — то есть не существовало традиции, на которую можно было опереться: регламент юбилея пришлось создавать с нуля.

В самой империи совсем недавно взшел на престол император Александр III, коронация которого была намечена на 15 мая 1883 г. в Москве. Таким образом, отношение властей к празднованию юбилея должно было продемонстрировать их отношение к польской католической церкви в целом.

То, что во главе епархии в то время находился епископ Винцент (Викентий) Теофил Попель, также не способствовало снисходительному отношению властей к грядущему торжеству. Дело в том, что епископ Попель уже не в первый раз оказывался под пристальным вниманием имперских властей: после восстания 1863 г. он три года провел в ссылке в Новгороде. Епископ был известен и своими ультрамонтантскими взглядами [1А, л. 42]. Это движение, выступавшее за распространение влияния папы на светские вопросы, в 1870—1880-е годы набирало популярность в губерниях Привислинского края и вызывало сильное беспокойство правительства, стремившегося устранить влияние Ватикана на польских католиков.

Имперские власти ставили епископу в вину его популярность среди паствы [1А, л. 42], из-за которой он уже имел в 1877 г. конфликт с варшавским генерал-губернатором. Во время пастырской поездки епископа по приходам Новорадомского уезда ему были устроены торжественные встречи, с триумфальными арками, духовым оркестром и верховым эскортом. После этого генерал-губернатор обязал епископа заранее сообщать о маршруте своих поездок, чтобы полиция могла принять все необходимые меры для недопущения подобной «овации» в будущем. О популярности епископа

можно судить и по отчету петроковского губернатора от 12 сентября 1878 г.: «Такой значительный наплыв богомольцев в текущем году следует приписать главным образом приезду епископа Попеля (епископ Куявско-Калишский. — А.С.), о чем, как оказалось по расспросам богомольцев, пришедших из других епархий, было оповещено им местным духовенством, а так же отчасти ранней и удовлетворительной жатвой и хорошей погоде» [1А, л. 26].

Однако Попель смог договориться с генерал-губернатором и не допустить запрета на празднование юбилея. Основными условиями, поставленными Варшавой, были: ограничение празднования монастырскими стенами (в том числе запрет проповедей и обращений к паломникам с монастырских балконов, выдающихся за его ограду) и отсутствие «наружных особенностей», то есть праздничных украшений [1А, л. 37]. Единственным мероприятием вне стен монастыря должно было стать обращение епископа к богомольцам на монастырском погосте — поскольку все они явно не могли войти в костел.

По указанию министра внутренних дел, польским газетам, издававшимся на территории Привислинского края, до особого разрешения было запрещено публиковать какую-либо информацию, связанную с юбилеем [1А, л. 38 об.]. Такая «завеса молчания» резко контрастировала, например, с празднованием двухсотлетия битвы под Веной в 1883 г., подготовка к которому активно обсуждалась на страницах периодической печати (в частности, краковской газеты «Время» [6, р. 52]). Впрочем, и во время самих юбилейных торжеств газетам было запрещено о них сообщать [1А, л. 50]. Таким образом, правительство невольно поощряло самые причудливые слухи, которые распространяли в том числе нищие и коробейники. Например, говорили, что в Ясногорский монастырь придет папский нунций с новыми коронами для чудотворной иконы. Ждали нового императора, который якобы должен был встретиться с нунцием и короноваться в Ченстохове присланной из Рима короной. Местная власть пыталась бороться с этими слухами, однако при отсутствии официальных источников информации эта борьба была безуспешной [1А, л. 50 об.].

Еще одной проблемой, крайне волновавшей правительство, было исключение из празднования «общепольского, исторического контекста». Характерна риторика, которая использовалась в переписке между генерал-губернатором и министром внутренних дел. В частности, о юбилее говорится как о «праздновании 500-летия перенесения в Ченстохове древней византийской иконы Богородицы» [1А, л. 37]. Таким образом, монастырь как бы исключался из контекста празднования, которое сосредотачивалось исключительно на чу-

дотворной иконе (написанной, по преданию, апостолом Лукой и привезенной из Иерусалима в Константинополь императрицей Еленой — матерью императора Константина). Сравним вышеприведенную цитату с первыми строками письма епископа Попеля министру внутренних дел от 8/20 марта 1882 г.: «В текущем году 28 июля / 9 августа кончится пятисотлетний период, когда чудотворная икона Пресвятой Богородицы была привезена в Ченстохов и помещена в костеле, состоящем в заведовании Паулинского ордена» [1А, л. 34]. В данном случае икона обретает вполне конкретное место расположения и хранителей.

Имперская власть пыталась «деконтекстуализировать» празднование, оставив исключительно его религиозную составляющую. Поэтому о польской истории в проповедях можно было упоминать только в связи с историей Российской империи. В частности, при рассказе об осаде Ясногорского монастыря шведами в 1655 г. обязательно было рассказать и о памятнике герою этой обороны — приору Августину Кордецкому, воздвигнутом в Ченстохове «по велению в Бозе почившего Государя императора Александра II и на средства, пожалованные от щедрот Его величества» [1А, л. 38]. Более того, Куявско-Калишского епископа обязали заранее проверить тексты проповедей — он отвечал за то, чтобы в них не содержалось ничего «противного установлениям правительства». Более того, епископ обязывался предоставить список священников, которые будут эти проповеди читать (чтение проповедей было разрешено только в воскресенья и дни церковных праздников) [1А, л. 39]. Таким образом, всю ответственность за «церковную сторону» юбилея нес епископ Попель, который, как уже говорилось выше, и без того не пользовался особенной любовью властей.

Подавление «польскости» диктовалось не только соображениями политического, но, отчасти, и религиозного характера. После согласования с министром внутренних дел всех условий проведения юбилея, варшавский генерал-губернатор решил перестраховаться и направил копию списка условий на рассмотрение Святейшего Синода с целью выяснить, не противоречит ли какое-нибудь из них канонам православной церкви. Ситуация с точки зрения канонического права парадоксальная — веками сложившиеся традиции западного и восточного христианства, разумеется, во многом противоречили друг другу, но проведение церковного праздника в католическом монастыре на территории, населенной в абсолютном большинстве католиками, казалось бы, православную церковь ни в чем не ущемляло. Однако в 1867 г. в г. Ченстохов была построена православная церковь во имя Свв. Кирилла и Мефодия. С точки зрения генерал-

губернатора, поинтересоваться мнением Синода относительно порядка проведения юбилея было необходимо.

Последствия такого шага, учитывая предыдущий опыт взаимодействия католической и православной церквей на землях Привислинского края, были вполне предсказуемы. Обер-прокурор Синода, К.П. Победоносцев направил запрос архиепископу Холмско-Варшавскому Леонтию, и владыка охотно поделился с Петербургом своими соображениями относительно того, какую удобную возможность для «польской пропаганды» предоставляет юбилей. «Невозможно допустить», писал он, «чтобы католическое духовенство, которое также прибудет к торжеству в весьма значительном числе, не воспользовалось юбилейным торжеством и его обстановкой для пропаганды о которой оно так усердно заботится и случай для которой представляется здесь особенно благоприятным: в исповеди массы богомольцев-католиков на юбилее духовенство может иметь сильное орудие для возбуждения ненависти во всему русскому и православному» [1А, л. 57]. Архиепископ настолько красочно описал пагубное влияние грядущих торжеств на бывших униатов, что Победоносцев, хотя и согласившийся с преосвященным Леонтием в том, что никаких канонических препятствий к проведению юбилея нет, рекомендовал генерал-губернатору вовсе не выдавать в период юбилея паспорта жителям Августовского уезда Ломжинской, а также всем жителям Люблинской и Седлецкой губерний.

Парадоксально, но православные священники в бывших униатских губерниях сетовали на чрезмерно широкое распространение информации о ченстоховском юбилее и писали своим церковным начальникам с просьбой усюветить «бездействующую» светскую власть. В частности священник Островского прихода Седлецкой губернии А. Бедзио жаловался преосвященному vicарии Холмско-Варшавской епархии, что местные жители целыми группами направляются в Ченстохову, при полном бездействии местных властей. Повсеместно (даже евреями) продавались «юбилейные медали» (на самом деле — маленькие двусторонние медальоны, которые можно было прикрепить к четкам или иконе) [1А, л. 105—105 б]. Кроме того, Бедзио не нравилось, что разнообразные, порой совершенно неправдоподобные слухи о юбилее, почти совершенно не пресекались.

Однако вопрос с выдачей паспортов на паломничество в Ченстохову для жителей губерний с бывшим униатским населением не был до конца прояснен даже во время празднования юбилея. Дело в том, что наряду с православными приходами, в этих губерниях сохранялось и некоторое количество костелов, чьи прихожане могли пожелать посетить монастырь. Епископ Попель просил генерал-губернатора разре-

шить компаниям паломников, без излишней торжественности (то есть без пышных проводов и музыки) приходиться в Ченстохов, поскольку отказ в возможности исполнить религиозный долг мог бы, по его мнению, привести к волнениям в этих губерниях. Такое разрешение было дано, однако уездные начальники должны были наблюдать, чтобы в эти компании не проникали бывшие униаты.

Несмотря на подозрения в том, что некоторые униаты все же смогли тайком пробраться в Ясногорский монастырь, в отчетах не содержится сведений ни об одном из них.

В целом, правительство проводило жесткий курс на «деполонизацию» праздника, низведение его до уровня обычного местного торжества. С этой целью даже булла Папы Льва XIII, дарующая отпущение грехов всем, кто прибудет в Ченстохов в период праздника, была прислана в епархию только 12 августа, тем самым сократив празднование примерно на неделю. По замыслу министра внутренних дел, это должно было предотвратить «чрезмерное» скопление паломников, поскольку известия о начале «юбилейного периода» должны были распространиться как раз к его завершению. Разумеется, иностранному католическому духовенству, как и католическому духовенству из губерний со значительным процентом бывшего униатского населения, было запрещено принимать участие в юбилейных торжествах, а коллективные паспорта группам иностранных паломников были временно отменены (каждый иностранный паломник был обязан предъявить заверенный русским консульством или миссией национальный вид на жительство).

Хотя никаких высокопоставленных гостей (кроме кувяско-калишского епископа и петроковского губернатора) не ожидалось, меры безопасности были приняты без преувеличения беспрецедентные: из Варшавы была вызвана сотня казаков, а также два агента — и это не считая обычного в августе (в связи с празднованием престольных праздников Успения и Рождества Богородицы) усиления земской стражи. Впрочем, подобные чрезвычайные меры не пригодились — казаков вывели из казарм лишь однажды (28 августа), для помощи железнодорожной полиции, не справлявшейся с потоком желающих приобрести билеты на городском вокзале.

И все же, пусть и в максимально скромной обстановке, юбилей состоялся и его обстановка не вызвала у властей никаких нареканий. Это благотворно сказалось на карьере епископа Попеля: в 1883 г. Викентий Попель стал архиепископом Варшавским. Этот пост он занимал вплоть до своей кончины в 1912 г. [5].

Таким образом, попытка правительства создать «местный, религиозно-католический» контекст празднования особого успеха не

имела, несмотря на все принятые для этого меры. Не в последнюю очередь этому способствовал созданный вокруг празднования информационный вакуум, давший возможность для распространения самых фантастических слухов. Эти слухи показывают, что, несмотря на политику изоляции польской католической церкви от Ватикана, полностью ликвидировать его влияние не удалось (в частности, это заметно на примере слуха о прибытии в Ченстохов папского нунция). Более того, не удалось и привлечь к празднованию православную церковь: церковные иерархи были резко против любого торжества, а православных паломников во время юбилея в Ченстохове побывало не более 120 человек, «исповедовавшихся и причащавшихся в местной православной церкви» [1А, л. 202].

На этом примере хорошо заметно, что дела католиков являлись предметом вмешательства не только имперских властей, стремившихся максимально обезопаситься от любых проявлений «польскости», но также, хотя и косвенно, — православной церкви, желавшей укрепить свои крайне неустойчивые позиции в польских губерниях империи.

1А. РГИА. Ф. 821 (Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД). Оп. 1. Д. 305 (О ченстоховских богомольцах).

1. *Долбилов, М.Д.* Русский край, чужая вера [Текст]: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое лит. обозрение, 2010. 1000 с.
2. Католическая энциклопедия [Текст]. М.: Научная книга. Издательство францисканцев, 2007. Т. 3: М—П. 1010 с.
3. *Майоров, А.В.* Чудотворные иконы в Галицко-Волынской Руси начала XIII в. [Текст] // Русин. 2010. № 4. С. 39—44.
4. *Поселянин, Е. (Погожев, Е.Н.)* «Богоматерь». Полное иллюстрированное описание ее земной жизни и посвященных ее имени чудотворных икон [Текст]. СПб.: Изд. Сойкин, 1909. (Переизд.: *Погожев, Е.Н.* Богоматерь. Описание Ее земной жизни и чудотворных икон [Текст] / Е. Поселянин. М.: Отдых христианина, 2002. Кн. 1. 686, [1] с.; Кн. 2. 702, [1] с.
5. *Bender, R.* Wincenty Teofil Popiel / *Bender, R., Gałka A.* // *Polski Słownik Biograficzny.* Warszawa, 1982—1983. Т. XXVII. S. 582. URL: <http://www.psb.pan.krakow.pl/> (дата обращения: 24.03.2012).
6. *Dabrowski, P.M.* Commemorations and the shaping of modern Poland [Text]. Bloomington Indianapolis: Indiana University Press, 2004. 313 p.

Е.В. Белокуров

СЕЛЬСКАЯ ХЛЕБОЗАПАСНАЯ СИСТЕМА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1891—1914 гг.)

В статье рассматривается история сельской хлебозапасной системы в России в конце XIX — начале XX в. Хлебозапасные магазины были важным звеном в системе обеспечения продовольственной безопасности населения. Однако к кануну Первой мировой войны сельская хлебозапасная система постепенно пришла в упадок, поскольку в условиях быстрой модернизации российской деревни крестьянам становилось все более невыгодно держать натуральные хлебные запасы.

Ключевые слова: Российская империя; голод; продовольственная безопасность; хлебозапасные магазины.

Engeny Vladimirovich Belokurov

The Rural Public Granaries System in Russian Empire, 1891—1914

The article describes the history of rural public granaries in late imperial Russia, that were an important part of a national food security management system. But to the eve of the First World War the public granaries system started to decay because the maintaining of natural grain supplies in the rapidly modernizing Russian village became unprofitable for peasants.

Keywords: Russian Empire; famine; food security; public granaries.

В последние годы появилось немало исследований, затрагивающих проблемы продовольственной безопасности населения России после 1861 г. Достаточно подробно освещаются меры, к которым в годы неурожаев прибегали власти, чтобы помочь голодающим [3, с. 254—304; 8; 9, 10]. Однако в литературе почти не изучается сельская хлебозапасная система — система специальных зернохранилищ (хлебозапасных магазинов), которые с конца XVIII в. существовали в большинстве сельских поселений России. Хлебозапасные магазины были важным средством борьбы с голодом. Наиболее подробным современным исследованием, посвященным данной теме, является статья К. Мацузато [11]. В настоящей работе мы обратимся к анализу роли сельской хлебозапасной системы в 1891—1914 гг., т.е. в период между голодом 1891—1892 гг. и началом Первой мировой войны, когда происходила быстрая модернизация российского сельского хозяйства.

Создание запасов продовольствия в благополучные годы является одним из наиболее простых средств борьбы с голодом. Многие государства в период Нового времени создавали сеть зернохранилищ на случай голода и войны. Так, в Пруссии наибольшего разви-

тия система крупных зернохранилищ, принадлежащих государству, достигла в XVIII в. Она предназначалась в основном для снабжения армии. Последнее обстоятельство сыграло роковую роль во время неурожаев 1770-х годов. Местная администрация, значительную часть которой составляли военные, не видела особой надобности пополнять зернохранилища в мирное время, в результате чего к началу голода они стояли полупустыми [28, р. 238—244]. Однако по мере того, как голод в европейских государствах уходил в прошлое, исчезали и структуры, аналогичные российской сельской хлебозапасной системе, хотя этот процесс был довольно медленным. Так, в Дании предписания сельским общинам содержать хлебные запасы и продовольственные капиталы были отменены в первой половине XIX в., а Румынии это случилось лишь в 1905 г. В начале XX в. особое законодательство, регламентирующее действия властей в случае неурожая и голода, отсутствовало в большинстве развитых европейских государств. То же было и в США. Как отмечалось в справке, составленной для совещания по пересмотру законодательства о «народном продовольствии» при МВД в 1910 г., «само понятие о правительственной заботе о народном продовольствии противно духу американского народа...» [16А, л. 92—93].

Во многих азиатских государствах также существовали свои хлебозапасные системы. В Китае разветвленная система зернохранилищ, созданная императорами династии Цин в XVII—XVIII вв. и поддерживаемая местными властями, функционировала вплоть до XX в. Однако к этому времени она уже находилась в состоянии упадка [33, р. 14—15; 34, р. 104—105; 11, с. 186, 195]. Схожая система хранилищ риса существовала и в доколониальном Вьетнаме. Но к началу XX в. она уже была упразднена французами [31, р. 239—240]. В XVIII в. сеть зернохранилищ была создана в Корее [30, р. 118]. В конце XVIII в. в Японии появилась система «гисо» — амбаров для риса в городах на случай бедствий, а также для помощи сиротам и одиноким старикам [32, р. 37—39]. Напротив, в доколониальных государствах Индии в XVII—XVIII вв. правительства не брали на себя задачу закупки, хранения и транспортировки зерна, оставляя ее частным торговцам, и практически не вмешивались в сферу зерновой торговли [29, р. 119].

Российская империя к началу XX в. была единственной крупной развитой европейской страной, где существовала система хлебных запасов на случай голода. В XVIII в. зернохранилища появились в городах, затем стали создаваться и запасы в сельской местности [6, с. 44—73]. В 1799 г. был издан закон, согласно которому в каждом селении, насчитывающем не менее 50 дворов, необходимо было

создать «запасной сельский магазин». Запасы хлеба в магазинах пополнялись местными жителями, которые в случае необходимости получали ссуды на продовольствие и посев [18, № 19203]. Хотя законы 1822 и 1834 г. регламентировали организацию продовольственного дела на губернском уровне и учреждали губернские комиссии продовольствия [19, № 29000, № 29025; 20, № 7253], а в 1866 г. появился общеимперский продовольственный капитал на случай особенно сильных неурожаев [21, № 43240], вплоть до своей фактической ликвидации в 1917 г. система запасных сельских магазинов продолжала играть важную роль в предотвращении голода.

Продовольственный устав 1892 г. [6, с. 1—80] предусматривал два вида обеспечения продовольственной безопасности на уровне отдельных селений: натуральные запасы и денежные капиталы. Нормой считался запас в 1 четверть ржи или пшеницы и 0,5 четверти овса или ячменя на одну ревизскую душу. Нормальный размер капитала не оговаривался. Ссуды на посев и пропитание выдавались по приговорам сельских обществ с разрешения уездной земской управы после «...дознания о действительном положении нуждающихся членов общества». Организация местных продовольственных средств в разных частях Российской империи различалась. В прибалтийских губерниях существовали только волостные хлебозапасные магазины. В Архангельской губ., помимо общественных хлебозапасных магазинов, существовали также центральный казенный магазин в Архангельске, содержащий 300 тыс. пудов ржаной муки, и сеть казенных магазинов в отдаленных районах, «...жители коих могут подвергнуться недостатку в пропитании в случае крушения или замерзания отходящих к ним с хлебом судов». Особые казенные магазины были созданы и в Сибири. В отдаленных местностях Якутской обл. вместо хлебных организовывались общественные рыбные запасы. В Привислинских губерниях никакой продовольственной организации не существовало. Отсутствовала она и на Сахалине. Не имелось натуральных продовольственных запасов и во многих областях Средней Азии, где они заменялись особыми продовольственными капиталами.

С 1 января 1901 г. в 46 губерниях Европейской России (кроме прибалтийских и Архангельской) были введены Временные правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей [23, № 18855]. Основное отличие от устава 1892 г. заключалось в том, что в земских губерниях продовольственное дело передавалось от земств местной администрации: надзор за хлебозапасными магазинами осуществляли земские начальники и уездные съезды, а выдачу ссуд разрешало губернское присутствие. В остальном новый закон напоминал предыдущий. Каждое сель-

ское общество могло выбрать либо натуральные хлебные запасы, либо денежные продовольственные капиталы, либо смешанную денежно-натуральную систему. Нормальный запас хлеба в общественных магазинах составлял не более 4 пуд. на наличную душу. На сельское население налагались особые сборы для пополнения местных запасов, вносимые деньгами или зерном. Ссуды выдавались в случае неурожая, когда в хозяйствах появлялась нехватка продовольственного и семенного зерна и при этом отсутствовало имущество, которое можно было бы продать без существенного урона для хозяйства, а члены хозяйства не имели заработков. Максимальный размер продовольственной ссуды составлял пуд зерна в месяц для взрослых и $\frac{1}{2}$ пуда для детей, не достигших 5-летнего возраста. Ссуды должны были быть возвращены в срок не более 3 лет, в особых случаях — в срок не более 6 лет. Круговая порука по продовольственным долгам отменялась. Представители непривилегированных сословий, проживавшие в деревне и по своему экономическому положению и роду занятий не отличавшиеся от крестьян (мещане, посадские, ремесленники и цеховые), также были обязаны участвовать в образовании местных (частных) продовольственных средств. Согласно справке Центрального статистического комитета, в 1894 г. в 50 губерниях Европейской России насчитывалось 4,1 млн чел., не входивших в состав сельских обществ, но занимавшихся хлебопашеством [5А, л. 58].

На 1 ноября 1904 г. по 46 губерниям насчитывалось 96,7 тыс. хлебозапасных магазинов, в том числе 14,2 тыс. требующих ремонта и 3,3 тыс. совершенно неисправных [5А, л. 287]. К 1 октября 1908 г. в тех же губерниях численность хлебозапасных магазинов сократилась до 86,2 тыс. [15А, л. 28]. На 1 октября 1913 г. по 64 губерниям и областям Российской империи магазинов насчитывалось только около 79 тыс. [18А, л. 6]. Типичный хлебозапасный магазин выглядел следующим образом:

«Общественный магазин не есть нечто солидное, внушительное, как можно предположить по солидности самого термина. Это просто небольшая постройка, амбар, чаще всего деревянный, крытый тесом или соломой; иногда с галереей или навесом с другой стороны; внутри с одним черным полом, без потолка, с закромами по бокам; посередине против входа обыкновенно оставляется свободный проход шириною аршина в два. В большинстве случаев по наружному виду общественных магазины мало чем отличаются от частных крестьянских амбаров. Сплошь и рядом специальных общественных магазинов не строят, а таковыми служат старые купленные у кого-нибудь из односельчан амбары. В некоторых местах их роль игра-

ет яма; в Вятской губернии хлеб хранится не только в ямах, но и в скирдах. Отмечаются такие магазины от частных, возможно, только потому, что они находятся где-нибудь на выгоне, в стороне от прочих крестьянских построек, или вблизи церкви или вблизи общественного пруда... В редких случаях они выдают себя размерами и материалом» [15А, л. 27—28].

97% хлебозапасных магазинов было построено из дерева и только 1,4% — из камня. У 38,3% магазинов крыша была деревянной, у 8,3% — железной и у 53,4% — соломенной и из иных материалов [15А, л. 39]. В 1897 г. Мамадышская уездная сельская управа (Казанская губ.) докладывала очередному уездному земскому собранию о том, что хлебозапасные магазины «...находятся далеко не в удовлетворительном состоянии»: они «...большей частью построены из плохого материала, мало поместительны, крыты соломой» [2А, л. 4 об.]. Земский начальник одного из участков Козловского уезда Тамбовской губ. А.И. Новиков отмечал, что хлебозапасные магазины «...большей частью плохие, крытые соломой, текут» [12, с. 170]. Орловский губернатор С.С. Андреевский в 1909 г. сообщал в Земский отдел МВД, что «...строго удовлетворяющих требованиям полной исправности хлебозапасных магазинов в губернии почти нет, так как все хлебозапасные магазины выстроены давно, содержатся не вполне удовлетворительно и требуют более или менее основательного ремонта» [14А, л. 62].

По 46 губерниям Европейской России на 1 января 1891 г. в сельских хлебозапасных магазинах хранилось 92 млн пуд. хлеба. Кроме того, в ссудах и недоимках числилось еще 132,1 млн пуд. Таким образом, общее количество хлеба должно было составлять 224,1 млн пуд. На 1 января 1900 г. налицо по тем же губерниям насчитывалось 126,5 млн пуд., в ссудах и недоимках — 95,8 млн пуд. В следующее десятилетие хлебозапасная система уменьшается в объеме: на 1 января 1909 г. на лицо состоит лишь 49,7 млн пуд., а в ссудах и недоимках числилось 121,5 млн пуд. [16А, л. 116—119; сведения о недоимках на 1909 г. в источнике даны в рублях из расчета 50 коп.]. Таким образом, несмотря на рост населения, общий объем хлебозапасной системы сократился за десятилетие до 171,2 млн пуд., или почти на четверть. Сведения о динамике численности наличных хлебных запасов во всей Российской империи за последнее предвоенное пятилетие приведены в таблице 1. Количество хлеба, очевидно, из-за очень хороших урожаев, увеличилось, хотя и не сравнялось со значением 1900 г. и на 1 января 1914 г. составляло почти 97 млн пуд., в т.ч. около 76,8 млн по упоминавшимся 46 губерниям Европейской России.

**Сведения о состоянии общественных и частных натуральных запасов
в Российской империи, 1910—1914 гг. (на 1 января)**

Год	Общественные запасы, пуд.	Частные запасы, пуд.
1910	82 764 260	107 040
1911	95 074 884	106 410
1912	92 011 842	86 742
1913	83 878 552 ¹	106 004 ²
1914	96 965 285	104 992

Сост. по: Отчет по продовольственной кампании 1909—1910 гг. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1911. С. 72, 74; Отчет по продовольственной кампании 1911—1912 гг. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1913. Кн. 1. С. 93, 97 (Приложения); Отчет по продовольственной кампании 1912—1913 гг. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1914. С. 64, 67 (Приложения).

¹ По другим данным — 84 028 120 пуд.

² По другим данным — 104 615 пуд.

Приведенные выше данные об уменьшении числа хлебозапасных магазинов и количества хранящегося в них хлеба свидетельствуют о постепенном упадке хлебозапасной системы в начале XX в. Оренбургское губернское присутствие в 1904 г. отметило, что «...благая цель скопления запасов на случай могущего быть бедствия еще недостаточно проникла в сознание крестьян...» [8А, л. 27 об.]. «...Малокультурность их (крестьян. — *Е.Б.*) и беспечность мешают выработке ясного сознания необходимости иметь запас на черный день», — замечал инспектор сельского хозяйства Казанской губернии В.В. Марковников [8А, л. 224]. Такие объяснения скорее отражают патерналистскую ментальность бюрократии, нежели реальное положение дел. Более вероятно, что упадок сельской хлебозапасной системы объяснялся не недалевидностью крестьян, а, как ни парадоксально, невыгодностью для них хлебозапасных магазинов. Отчасти это было обусловлено несовершенством закона. Крестьяне считали запасаемый хлеб имущественным не сельского общества как юридической единицы, а каждого отдельного домохозяина [11, с. 187—188]. По закону хлеб, попадая в магазин, становился обезличенным и мог быть выдан в ссуду любому члену сельского общества. Поэтому установленный законом сбор в хлебозапасные магазины крестьяне уплачивали крайне неохотно. Ход мышления крестьянина хорошо показал А.И. Новиков: «Очевидно, что засыпать хлеб может тот, у кого он

есть. А так как значительная часть крестьян в каждом обществе его или вовсе не имеет, или имеет настолько мало, что кормится своим хлебом каких-нибудь два-три месяца, то и засыпать его могут не все: засыпают состоятельные и средние крестьяне; бедные не засыпают. Когда наступает голод, хлеб могут получать только бедные и иногда средние — богатые его не получают. Оказывается, что засыпает Иван, а ест Петр. Неужели такой закон удовлетворит мужика?» [12, с. 171—172].

Из тех же соображений крестьяне засыпали в магазин самый худший хлеб. Самарское губернское присутствие отмечало, что крестьяне не засыпают в магазины хорошее зерно из-за боязни, что в ссуду они могут получить худшее [8А, л. 203]. Уфимский губернатор доносил в МВД в 1905 г., что в магазины поступает «...далеко не лучший в крестьянском хозяйстве хлеб, так как в большинстве случаев пополнение запасов идет путем принудительным» [8А, л. 194 об.]. В.В. Марковников отмечал, что «...отбывая только необходимость, всякий несет в общественный амбар хлеб плохой, который менее жалко...» [8А, л. 225].

С учетом изложенного выше становится очевидно, почему отдельное сельское общество крайне неохотно разрешало использовать свои хлебные запасы для заимообразной помощи соседям [8А, л. 129 об., 202 об., 225]. Это порождало т.н. феномен «мертвого запаса» — ситуацию, когда хлебные запасы были прочно привязаны к конкретным сельским обществам и не могли быть использованы для помощи голодающим в соседних местностях. Это сильно снижало эффективность хлебозапасной системы. К «позаимствованию» хлебных запасов и капиталов не пострадавших от неурожая сельских обществ Временные правила 1900 г. разрешали прибегать только с соизволения императора. Эти операции могли выполняться только в пределах одной губернии.

Отношение крестьян к хлебозапасной системе усугублялось отсутствием эффективного надзора. До введения Временных правил 1900 г. уездным земским управам было поручено производить ревизии для того, чтобы определить, находится ли в магазинах должное количество хлеба, какого качества этот хлеб, правильно ли выдаются ссуды и своевременно ли они возвращаются [22, № 55553]. Однако на протяжении всех 1880-х годов МВД отмечало неудовлетворительное состояние сельских хлебных запасов [7, с. 254—255]. Когда разразился голод 1891—1892 гг., выяснилось, что большая часть натуральных запасов хлеба была роздана в ссуды, а оставшееся количество было недостаточным для предотвращения голода. В 50 губерниях Европейской России на 1 сентября 1891 г. налицо в общественных

магазинах состояло только 73,6 млн пуд (30,9%) хлеба, в то время как в долгах было записано 161,5 млн пуд. (69,1%). Непосредственно в пораженных неурожаем губерниях ситуация, как правило, была еще хуже. Так, в Оренбургской губ. налицо было всего лишь 0,5% от номинального количества хлеба, в Орловской — 0,7%, Казанской — 2,5%, Тульской — 3,7%, Рязанской — 3,9%, Самарской — 4,5%, Рязанской — 4,7%, Нижегородской — 6,9% [27, с. XII—XIII].

Неудовлетворительное состояние хлебных запасов, по заключению комиссии В.К. Плеве, созванной для пересмотра продовольственного законодательства, объяснялось тем, что «надзор уездных земских управ ... остается почти повсеместно мертвою буквою». Уездные земские управы не могли контролировать состояние каждого магазина и не имели исполнительной власти над волостным и сельским начальством [25, с. 83—84]. Контроль за выдачей и возвратом ссуд, таким образом, был предоставлен непосредственно крестьянам. Правильное ведение отчетности в этих условиях было невозможно. Так, даже в Московской губ. в 1890 г. существовали такие методы учета продовольственных долгов, как «настеночный» (за внесенную меру хлеба углем или мелом ставилась черточка; за взятую ссуду черточка перекрещивалась) и «бирочный» (палка с нарезками по числу сданных мер хлеба; при выдаче ссуды нарезка срезалась). Форменные книги учета либо оставались пустыми, либо заполнялись неправильно [1, с. 118].

Слабый контроль вместе с отношением крестьян к хлебным запасам как к своей личной собственности приводил к тому, что ссуды выдавались бесконтрольно, без разрешения земства или администрации. Новгородское губернское присутствие в 1904 г. сообщало в МВД, что «крестьяне никак не желают усвоить себе точку зрения законодательства ... что одна уплата продовольственного сбора еще не дает права на ссуду. Народное понятие о справедливости не хочет примириться с этим воззрением и ведет с ним неустанную войну вот уже более тридцати лет» [цит. по: 11, с. 188]. Корреспондент Вольного экономического общества из Енисейской губ. цитировал губернаторский циркуляр, в котором говорилось, что «среди местного населения укоренился ... такой взгляд на хлебозапасные магазины, по которому они являются какими-то ссудосберегательными хлебными учреждениями, всегда готовыми к услугам сделать из них позаимствование» [3А, л. 127 об.—128]. Такое положение дел привело к тому, что во многих губерниях сельская хлебозапасная система перестала выполнять изначально отводившуюся ей законом роль. «...Магазины в ряде губерний — например, Московской, Тверской, Новгородской, Псковской — давно уже играют роль обществен-

ных крестьянских складов семян и часто продовольственного хлеба. Крестьянин вносит зерно в магазин ... не для того, чтобы получить хлеб во время неурожая, а для того, чтобы воспользоваться им при первом же севе или обратить его на продовольствие в более трудное время зурядного года» [24, с. 147]. В Калужской губернии крестьяне некоторых волостей «охотно и в значительном размере» засыпали в магазины овес для того, чтобы воспользоваться им весной [5А, л. 13—14]. То же самое наблюдалось и у немцев-колонистов Камышинского уезда Самарской губернии [8А, л. 114].

Разумеется, при отсутствии контроля, а в особенности в случае аграрных волнений хлебозапасные магазины нередко разбирались подчистую. Как писал в 1909 г. А.С. Ермолов, «...кому неизвестны случаи разгрома сельских магазинов целым селом, — к затвору веревку привяжут, да все поголовно за нее тянут, пока он не поддастся, тогда весь хлеб разбирают, — мир весь виноват, все и в ответе, т.е. в сущности не отвечает никто» [5, с. 53]. А.С. Панкратов так описывал разборы магазинов в Стерлитамакском уезде Уфимской губ. в 1911—1912 гг.: «Обыкновенно староста уезжал в этот день по казенной надобности и забывал на столе ключ от магазина. Народ брал “забытый” ключ и отпирал магазин. Спокойно делил хлеб: кто сколько засыпал, тот столько и получил. Старостину долю оставили в углу магазина» [17, с. 165]. А.И. Новиков отмечал, что во время разбора магазинов старосте и вахтеру для вида связывали руки [12, с. 173]. «Сельские хлебозапасные магазины в большей части селений к лету 1906 г. стояли пустыми, — писал А.С. Ермолов, — хлеб из них был частью выдан крестьянам в предыдущие неурожайные годы, частью насильственно и своевольно ими разобран в виду тогда же провозглашенного принципа свободы, понятого крестьянами ... как отмена всяких законов и упразднение всяких властей» [4, с. 360]. На 1 июля 1906 г. по всей России насчитывалось только 31,8 млн пуд. местных продовольственных запасов.

Одним из способов усиления контроля за хлебными запасами могла бы стать их централизация. Первые опыты создания крупных хлебных складов для государственных крестьян, обслуживающих значительную территорию, относятся к 1842 г. Однако эта система просуществовала лишь до 1867 г., центральные склады были признаны бесполезными и убыточными. Но от самой идеи не отказались. После голода 1891—1892 гг. комиссия В.К. Плеве признала целесообразным устройство центральных хлебных складов в тех местностях России, где была недостаточно развита железнодорожная сеть и речное сообщение [25, с. 142—149]. Временные правила 1900 г. решили создание по желанию крестьян и с разрешения уездных

съездов хлебных магазинов для нескольких селений или целой волости. На 1 ноября 1904 г. по 46 губерниям Европейской России насчитывалось всего 758 волостных магазинов. Больше всего их было в Пермской (176), Оренбургской (108), Могилевской (96), Витебской (74) и Костромской (60) губерниях [5А, л. 285, 287]. После продовольственной кампании 1901—1902 г. было предложено завести центральные правительственные склады хлеба в Томской, Тобольской, Вятской, Уфимской, Пермской губерниях и Акмолинской обл. [1А, л. 11 об.—12]. В рамках реализации этой программы было создано 21 крупное зернохранилище в Акмолинской обл. Источником для их пополнения стали возвращаемые жителями натурой ссуды из общеимперского продовольственного капитала [13, с. 148—149]. Как видно из таблицы 2, в дальнейшем из казенных зернохранилищ Акмолинской обл. ежегодно стало выдаваться в ссуду значительное количество зерна.

Таблица 2

Ссудные операции казенных зернохранилищ Акмолинской области, 1905—1910 гг.

Год	Выдача ссуд, пуд.	Возврат ссуд, пуд.
1905	18 934	2 994
1906	150 664	1 900
1907	1 155 907	1 138
1908	62 307	119 200
1909	376 976	70 154
1910	681 488	148 164
Всего за 1905—1910 гг.	2 446 276	343 550

Источник: РГИА. Ф. 1291. Оп. 131 (1911 г.). Д. 438. Л. 186.

В исправном состоянии хлебозапасных магазинов были также заинтересованы военные. В январе 1896 г. командующий войсками Виленского военного округа просил ходатайства Начальника Главного Штаба об установлении по соглашению с МВД более строгого контроля над состоянием сельских запасных магазинов в пограничных губерниях округа с участием представителей военного ведомства, а также о выработке особого плана мобилизации запасов, обеспечивающего быстрый их сбор в случае необходимости в известных пунктах. Но это прошение не имело последствий [4А, л. 1—1 об., 6 об.].

Военное ведомство вновь заинтересовалось крестьянским хлебом с началом Русско-японской войны. В циркуляре МВД от 11 октября

1904 г. запрашивалось мнение губернаторов о возможности продажи излишков хлеба из сельских магазинов интендантскому ведомству. Военное министерство даже было согласно выделить кредит на постройку вместо или наряду с сельскими магазинами особых центральных хлебных складов, которые выполняли бы те же функции. Но взамен часть хлеба из них должна была поступать на нужды армии в счет погашения кредита [8А, л. 9—10 об.]. Однако почти все запрошенные губернаторы отметили, то магазинный хлеб не соответствует нормам интендантства по натуре, количеству примесей, влажности и т.п. [7А, л. 16—16 об., 17, 27 об., 32, 39, 42 б об., 111 об., 126, 129 об., 199 об., 224].

Многие из описанных выше недостатков хлебозапасной системы не были присущи общественным и частным продовольственным капиталам, которые находились в ведении уездных съездов. На 1 января 1891 г. общественных продовольственных капиталов по 46 губерниям Европейской России налицо состояло 18,2 млн руб. и 14,2 млн руб. в ссудах и недоимках. На 1 января 1900 г. их насчитывалось уже 23,6 млн руб. (и 16,3 млн руб. в ссудах и недоимках). К 1 января 1909 г. общественные капиталы составили 43 млн руб. (и 30,2 млн в ссудах и недоимках) [6А, л. 1]. Сословных капиталов на 1 января 1900 г. насчитывалось всего 3,3 млн руб. (и 1,3 млн в долгах) [26, с. 408]. Сведения о динамике общественных и частных продовольственных капиталов в последнее предвоенное пятилетие приведены в таблице 3.

Таблица 3

Сведения о состоянии общественных и частных продовольственных капиталов в Российской империи, 1910—1914 гг. (на 1 января)

Год	Общественные капиталы, руб.	Частные капиталы, руб.
1910	53 069 359	807 780
1911	59 376 869	943 760
1912	68 917 917	1 120 010
1913	76 985 119 ¹	1 242 172 ²
1914	88 240 670	1 289 050

Сост. по: Отчет по продовольственной кампании 1909—1910 гг. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1911. С. 63, 66, 69; Отчет по продовольственной кампании 1911—1912 гг. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел. С. 87, 90, 95 (Приложения); Отчет по продовольственной кампании 1912—1913 гг. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1914. С. 58, 61, 67 (Приложения).

¹ По другим данным — 76 958 239 руб.

² По другим данным — 1 172 144 руб.

Сравнивая динамику численности продовольственных капиталов и натуральных хлебных запасов, нельзя не прийти к выводу, что натуральный способ обеспечения продовольственной безопасности в 1900-е и 1910-е годы постепенно уступал место денежному. Орловское губернское присутствие отмечало, что население стремится заменить натуральную продовольственную повинность денежной. На ту же тенденцию указывали чиновники Рязанской губ., Рыльского и Фатежского уездов Курской губ. [8А, л. 38 об., 44, 126 об., 198 об.], Оршанского уезда Могилевской губ. [17А, л. 60 об.], Тверской губ. [20А, л. 31], Витебской губ. [11А, л. 1]. Наоборот, в Самарской губ. чиновники не отмечали «...добровольного желания к переходу от укоренившегося натурального способа обеспечения к денежному...» [8А, л. 202].

Один крестьянин в 1911 г. в письме в вологодский сельскохозяйственный журнал, обосновывая невыгодность для крестьян хлебозапасных магазинов, указал на их плохое состояние и неудовлетворительное качество хранящегося там зерна и утверждал: «...магазины уже десятки лет играют роль “поддерживателя”, высасывающего у мужика последние трудовые гроши на оборудование, содержание, наем администрации и служебного персонала ... крестьяне теряют дорогое рабочее время на ссыпку и разборку зерна и несут громадные ... убытки от порчи, утечки и понижения качества семенного зерна. Не ясно ли, что существующие хлебозапасные магазины являются для крестьянина не полезным, а вредным учреждением и несомненно являются одним из тормозов по пути культурного и экономического развития крестьянства» [2, с. 12]. Тверской губернатор в 1913 г. указывал, что «...за последний ряд лет само население стремится к переходу с натурального на денежный способ обеспечения, признавая таковой более удобным в виду того, что содержание хлебозапасных магазинов вызывает обременительные для общества расходы, денежные же капиталы, вложенные в сберегательные кассы, без всяких хлопот дают проценты. Губернское присутствие со своей стороны не встречает препятствий к удовлетворению таких ходатайств...» [20А, л. 31—31 об.].

Вот некоторые конкретные примеры перехода сельских обществ на денежную форму продовольственной повинности. Крестьяне четырех волостей Оршанского уезда Могилевской губ. в 1911 г. ходатайствовали о переходе от смешанной формы к продовольственным капиталам, поскольку:

1) расходы на содержание магазина «...ввиду малочисленности домохозяев, приписанных к общественному магазину, чрезмерно для них обременительны»;

2) крестьяне не хотели пополнять запасы из-за частых краж из магазина, небрежности их смотрителей, приводящей к недостатке и из-за необходимости постоянно замены пришедшего в негодность зерна.

Непременный член Могилевского губернского присутствия В.С. Каханов утверждал, что по имеющимся у него данным стремление населения Оршанского уезда перейти на денежный способ обусловлено тем, что:

1) хлеб в магазинах часто портится;

2) хуторское расселение привело к тому, что магазины «...остаются одиноко стоять среди поля и поэтому содержание и окарауливание их станет очень дорого»;

3) «...для заведывания магазинами очень трудно подыскать добросовестных лиц, так как, с одной стороны, чувство нравственного долга не созрело среди населения, а с другой, искушение магазинщиков очень велико: подношения водкой и деньгами заставляют их выдавать хлеб свыше того количества, которое разрешено к выдаче, а также принимать от должников в целях соблюдения их интересов зерно сыромолотое и значительно засоренное...».

По данным предводителя дворянства Оршанского уезда А.И. Адриянова, расход на содержание магазина составляет до 130 руб. в год: по 60 руб. уходит на жалование сторожу и смотрителю и 10 руб. на ремонт [17А, л. 60—61].

Многочисленные прошения крестьян из Каинского уезда Томской губ. губернское присутствие утверждало, принимая во внимание, что:

1) хлебопашество не составляет основного занятия населения;

2) селения находятся недалеко от станций железной дороги, и в случае надобности хлеб может быть легко доставлен;

3) денежный капитал выгоднее натуральных запасов, поскольку избавляет население от расходов по ремонту и охране магазинов и от убытков в результате порчи и утраты хлеба [10А; 11А; 13А; 17А; 19А; 20А].

Не менее интересными представляются ходатайства о переходе от денежных капиталов к натуральным запасам. Так, в 1906—1907 гг. в Тверской губ. значительное количество сельских обществ, избравших после 1900 г. «по неопытности» денежную форму продовольственной повинности, ходатайствовало о переходе на натуральную. В числе причин называлась невозможность своевременно весной купить семена, непригодность покупных семян для данной местности, затруднительность выплаты денежного сбора [9А]. Так, крестьяне дер. Фоминской Кашинского уезда аргументировали

свое ходатайство тем, что «...ввиду значительного расстояния железнодорожной станции и плохой туда дороги осенью и весной во время дождливой погоды ... не могут своевременно купить и получить нужный им хлеб в срок...» [11А, л. 6]. Села Мыльцевка и Бегунино Корчевского уезда жаловалось на упадок сапожного промысла, что вело к затруднительности выплаты денежного сбора [13А, л. 9—10 об.]. Если ходатайства о переходе к денежным капиталам обычно удовлетворялись, то в случае с ходатайствами о переходе к натуральным запасам это происходило гораздо реже. Вот несколько типичных случаев. Прошение крестьян Гончаровского сельского общества Вологодского уезда было отклонено, поскольку в 1901 г. крестьяне своим приговором избрали денежный сбор, «...что для них по местным условиям и является вполне целесообразным» [17А, л. 57—57 об.]. Крестьяне дер. Щелканово Балашинского уезда Нижегородской губ. решили заменить денежный капитал натуральными запасами [13А, л. 41—43]. Однако уездные и губернские власти отказали крестьянам, и они обратились с тем же прошением в МВД. Препровождая прошение в Управление Сельской продовольственной части, нижегородский губернатор указал, что «...домогательства крестьян о переводе их на натуральные запасы, не вызываясь практическими удобствами для них такого вида обеспечения, являются результатом сложившегося у просителей ошибочного убеждения об ином, более легком, чем из капитала порядке получения продовольственных и семенных ссуд из натуральных запасов». Ходатайство, по уверению губернатора, имело «...исключительную цель облегчить обществу возможность ежегодно в весеннее время разбирать засыпанный осенью хлеб» без наличия условий, оговоренных во Временных правилах 1900 г. В итоге жалоба была оставлена без последствий [13А, л. 39—52]. Таким образом, бюрократия нередко решала за крестьян, что им более выгодно, учитывая при этом, разумеется, и свои интересы.

Нижегородское губернское присутствие считало денежную форму обеспечения продовольственной повинности предпочтительнее натуральной, поскольку она не влекла расходов на хранение хлеба и неизбежных потерь от усушки, порчи и т.п. Нижегородский губернатор отмечал, что крестьянскими учреждениями губернии ведется систематическая борьба со стремлением крестьян самостоятельно разбирать хлебные запасы, и результатом этой борьбы стал «...добровольный переход большинства сельских обществ губернии с натуральных запасов на денежное обеспечение...» [13А, л. 40—40 об., 52]. Но вывод о том, что администрация предпочитала денежные капиталы натуральным запасам, нельзя распространять на всю Россию.

Так, при разработке нового продовольственного закона предпочтение отдавалось именно натуральным запасам. Против этого выступили многие земские деятели и часть местной администрации, отдававшие предпочтение денежным капиталам. В их число попали представители Бессарабской, Нижегородской, Новгородской, Олонецкой, Полтавской, Тамбовской, Смоленской, Тульской, Киевской, Минской губерний [16А, л. 35 об.]. Таким образом, единства по данному вопросу не наблюдалось.

Очевидно, одним из преимуществ продовольственных капиталов в глазах администрации являлась большая возможность контроля за ними. Если хлебозапасные магазины могли быть самовольно разобраны крестьянами, то с хранящимися в сберегательных кассах капиталами такого произойти не могло. Однако в периоды аграрных волнений продовольственные капиталы все же попадали в руки крестьян в обход закона. Так, в декабре 1905 г. Козельский уездный съезд постановил все имеющиеся продовольственные капиталы как сельских обществ, так и частных лиц выдать в ссуду сроком на 3 года полностью и выдавать по мере поступления ходатайств. Причиной этого незаконного решения было опасение беспорядков, т.к. крестьяне, вдохновляемые примером других уездов, где капиталы уже были розданы, и потерявшие доверие к «благонадежности государственных бумаг», имели «чрезвычайно повышенное настроение» [12А, л. 1—14]. То же самое происходило и в Тверской губ., где губернское присутствие издало аналогичное постановление, чтобы «...внести успокоение в настроение сельского населения, не доверяющего под влиянием агитации и пропаганды прочности сберегательных касс, в коих хранятся продовольственные капиталы...». МВД решительно воспротивилось этому решению. Как замечал товарищ министра внутренних дел Э.А. Ватаци, «...злонамеренная агитация может быть парализована отнюдь не уступчивым исполнением незаконных требований выдачи хранящихся в кассах сумм, а единственно авторитетным и спокойным разъяснением со стороны ближайших к населению органов власти о предвзятой ложности таковой агитации» [9А, л. 13—14 об.].

Большой интерес представляет вопрос, в каких регионах доминировали натуральные запасы, а в каких — продовольственные капиталы. Ниже приводятся данные о количестве членов сельских обществ, имеющих право на ссуду из тех или иных местных продовольственных средств на 1 мая 1909 г. Исключены неполные сведения по Области Войска Донского. Сведения о запасах казачьих войск не включены.

**Количество членов сельских обществ, имеющих право на ссуду
из местных продовольственных запасов и капиталов
по губерниям на 1 мая 1909 г.**

Губерния	Количество членов сельских обществ, имеющих право на ссуду из:			
	общественных хлебо-запасных магазинов	общественных продовольственных капиталов	смешанной системы	всего ¹
1	2	3	4	5
Астраханская	134 596	183 651	95 359	413 606
Бессарабская	76 445	1 061 923	38 521	1 176 889
Виленская	713 494	233 212	95 497	1 042 203
Витебская	407 151	217 488	416 317	1 040 956
Владимирская	828 625	546 315	11 955	1 386 895
Вологодская	1 083 373	83 621	197 575	1 364 569
Волынская	946 133	645 409	534 909	2 126 451
Воронежская	2 417 072	106 246	21 634	2 544 952
Вятская	2 628 569	248 913	403 352	3 280 834
Гродненская	212 784	549 807	318 159	1 080 750
Екатеринославская	1 233 143	137 740	441 453	1 812 336
Енисейская	445 719	2 812	—	448 531
Казанская	1 285 304	879 302	76 537	2 241 143
Калужская ²	331 756	709 592	17 405	1 058 753
Киевская	140 665	2 577 952	81 400	2 800 017
Ковенская	488 666	199 247	9 272	697 185
Костромская	1 169 509	156 779	15 269	1 341 557
Курская	1 625 780	580 157	141 677	2 347 614
Минская	709 350	374 666	432 592	1 516 608
Могилевская	824 399	19 487	542 597	1 386 483
Московская	340 745	960 368	12 590	1 313 703
Нижегородская	644 474	854 233	32 114	1 530 821
Новгородская	512 596	656 027	29 378	1 198 001
Олонецкая	120 305	239 120	—	359 425
Оренбургская	803 347	128 908	—	932 255

1	2	3	4	5
Орловская	441 965	1 546 282	—	1 988 247
Пензенская	1 503 402	13 964	—	1 517 366
Пермская	1 786 074	781 888	20 213	2 588 175
Подольская	942 672	1 239 903	110 023	2 292 598
Полтавская	1 162 470	675 656	591 998	2 430 124
Псковская	406 192	627 385	3 462	1 037 039
Рязанская	325 428	1 676 441	1 305	2 003 174
Самарская	2 057 137	387 766	142 324	2 587 227
Санкт-Петербургская	255 035	341 114	10 954	607 103
Саратовская	2 145 586	11 963	748	2 158 297
Симбирская	1 434 105	75 098	57 540	1 566 743
Смоленская	585 010	770 868	76 252	1 432 130
Ставропольская	807 222	4 339	11 495	823 056
Таврическая	347 870	625 472	55 910	1 029 252
Тамбовская	1 075 539	1 387 520	219 712	2 682 771
Тверская	1 117 374	535 852	100 958	1 754 184
Томская	421 465	—	—	421 465
Тульская	14 978	1 391 989	—	1 406 967
Уфимская	1 285 076	526 864	3 370	1 815 310
Харьковская	1 504 146	726 201	121 001	2 351 348
Херсонская	230 633	1 478 042	5 624	1 714 299
Черниговская	1 118 986	835 021	88 356	2 042 363
Ярославская	743 826	218 359	36 893	999 078
Всего по 48 губ.	41 836 191	28 230 962	5 623 700	75 690 853

Сост. по: РГИА. Ф. 1291 Оп. 131 (1909 г.). Д. 48.

¹ Арифметические ошибки источника в графе «Всего» исправлены. — Е.Б.

² Без Перемышльского уезда.

Из приведенных данных видно, что натуральные запасы все же доминировали в большинстве губерний. Очевидно, что преобладание натуральных или денежных запасов обуславливалось несколькими факторами: ролью земледелия в той или иной губернии, развитием железнодорожной сети, а также частотой неурожаев. Так, быстрая доставка хлеба в Поволжье и Приуралье, где неурожаи были очень часты, а земледельческое население довольно бедно, представляла проблему. Именно поэтому в данных регионах преобладали натуральные запасы.

Противоположную ситуацию мы можем наблюдать в богатых новороссийских губерниях, уже не знавших голода. Там невыгодность содержания хлебозапасных магазинов обусловила выбор в пользу продовольственных капиталов. Схожую ситуацию мы можем наблюдать в губерниях, где были развиты неземледельческие заработки.

Из сибирских губерний в таблице представлены только Енисейская и Томская, где безоговорочно преобладали натуральные запасы. Схожим образом обстояло дело и в других сибирских губерниях. Так, в Тобольской губ. общественные продовольственные капиталы составляли всего 40 тыс. руб., а в Якутской обл. они совсем отсутствовали. Более-менее значительными были капиталы Амурской обл. и Иркутской губ. [14, с. 64—66, 70—72 (Приложения)].

Слабо местными продовольственными средствами были обеспечены Степной и Туркестанский край [см.: 14, с. 64—66, 70—72 (Приложения)]. С учетом трудности доставки продовольствия в эти регионы, большого количества кочевого населения, а также переселенцев, не успевших прочно встать на ноги на новом месте, становится очевидным, что именно области Средней Азии становились наиболее проблемным регионом в годы сильных неурожаев.

* * *

В десятилетия, предшествовавшие Первой мировой войне, сельская хлебозапасная система постепенно теряла свое былое значение и приходила в упадок. Развитие сельскохозяйственного производства уменьшило остроту голода, повсеместная прокладка железных дорог сделала возможной экстренную доставку продовольствия в голодающие регионы и облегчила миграцию сельского населения в благополучные местности. Содержание значительных запасов зерна на случай неурожаев в некоторых областях страны стало ненужным. Когда голодная смерть перестала угрожать крестьянам, они, нередко поощряемые властями, отказывались от содержания обременительных хлебозапасных магазинов. Результатом стало распространение более выгодных денежных продовольственных капиталов. В ряде случаев крестьяне, пользуясь слабым контролем администрации, просто приспособили хлебозапасные магазины к своим нуждам. Натуральные запасы продолжали сохранять свое значение лишь там, где угроза голода была еще реальна, а экстренный подвоз продовольствия затруднителен.

1А. РГИА. Ф. 22. Оп. 2. Д. 3001.

2А. РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 187.

3А. РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 963.

- 4А. РГИА. Ф. 1291. Оп. 130. 1900 г. Д. 31.
- 5А. РГИА. Ф. 1291. Оп. 130. 1900 г. Д. 50.
- 6А. РГИА. Ф. 1291. Оп. 130. 1900 г. Д. 53.
- 7А. РГИА. Ф. 1291. Оп. 130. 1900 г. Д. 55.
- 8А. РГИА. Ф. 1291. Оп. 130. 1904 г. Д. 55.
- 9А. РГИА. Ф. 1291. Оп. 130. 1906 г. Д. 7.
- 10А. РГИА. Ф. 1291. Оп. 131. 1907 г. Д. 105.
- 11А. РГИА. Ф. 1291. Оп. 131. 1908 г. Д. 43.
- 12А. РГИА. Ф. 1291. Оп. 131. 1908 г. Д. 70.
- 13А. РГИА. Ф. 1291. Оп. 131. 1909 г. Д. 22.
- 14А. РГИА. Ф. 1291. Оп. 131. 1909 г. Д. 64.
- 15А. РГИА. Ф. 1291. Оп. 131. 1909 г. Д. 658.
- 16А. РГИА. Ф. 1291. Оп. 131. 1910 г. Д. 504.
- 17А. РГИА. Ф. 1291. Оп. 131. 1911 г. Д. 361.
- 18А. РГИА. Ф. 1291. Оп. 132. 1913 г. Д. 108.
- 19А. РГИА. Ф. 1291. Оп. 132. 1913 г. Д. 158.
- 20А. РГИА. Ф. 1291. Оп. 132. 1913 г. Д. 170.

1. *Анфимов, А.М.* Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России [Текст]. М.: Наука, 1984. 232 с.
2. *Беляков А., крестьянин.* Нужны ли крестьянам хлебозапасные магазины // Северный хозяин. 1911. № 15. С. 11—12.
3. *Давыдов, М.А.* Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX вв. и железнодорожная статистика [Текст]. СПб.: Алетейя, 2010. 832 с.
4. *Ермолов, А.С.* Наши неурожаи и продовольственный вопрос [Текст]. СПб.: тип. В. Киришаума, 1909. Ч. 1: Продовольственное дело в прошлом и настоящем. XII, 599
5. *Ермолов, А.С.* Наши неурожаи и продовольственный вопрос [Текст]. СПб.: тип. В. Киришаума, 1909. Ч. 2: Итоги прошлого и задачи будущего. Приложения. X, 220, 145 с.
6. Исторический обзор правительственных мероприятий по народному продовольствию в России [Текст]. СПб.: Изд. Хоз. деп. М-ва внут. дел, 1892. Ч. I. 277 с.
7. Исторический обзор правительственных мероприятий по народному продовольствию в России [Текст]. СПб.: Изд. Хоз. деп. М-ва внут. дел, 1893. Ч. II. 407 с.
8. *Корнилов, Г.Е.* Формирование системы продовольственной безопасности населения России в первой половине XX века [Текст] // Российская история. 2011. № 3. С. 91—101.
9. *Круглов, В.Н.* Царь-голод: факты против мифов [Текст] // Сборник Русского исторического общества. М.: Рус. панорама, 2011. Т. 11 (159): Правда истории. С. 87—106.
10. *Манкевич, М.К.* Сельскохозяйственной производство и продовольственное обеспечение населения Пермской губернии в конце XIX — начале XX в. [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2012. 29 с.
11. *Мацузато, К.* Сельская хлебозапасная система в России, 1864—1917 [Текст] // Отечественная история. 1995. № 3. С. 185—197.
12. *Новиков, А.И.* Записки земского начальника [Текст]. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. VIII, 240 с.
13. Отчет по продовольственной кампании 1908—1909 г. [Текст]. СПб.: тип. М-ва внутр. дел, 1910. LXV, 163, 79 с.

14. Отчет по продовольственной кампании 1909—1910 гг. [Текст]. СПб.: тип. М-ва внутр. дел, 1911. LXXII, 261, 74 с.
15. Отчет по продовольственной кампании 1911—1912 гг. [Текст]. СПб.: тип. М-ва внутр. дел, 1913. Кн. 1. XVI, 653, 105 с.
16. Отчет по продовольственной кампании 1912—1913 гг. [Текст]. СПб.: тип. М-ва внутр. дел, 1914. LXVII, 183, 83 с.
17. *Ланкратов, А.С.* Без хлеба [Текст]: очерки русского бедствия (голод 1898 и 1911—1912 гг.). М.: В.П. Португалов, 1913. 250 с.
18. Полное собрание законов Российской империи [Текст]. Собрание 1. СПб.: тип. II Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. Т. 25. 936 с.
19. Полное собрание законов Российской империи [Текст]. Собрание 1. СПб.: тип. II Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. Т. 38. 1355 с.
20. Полное собрание законов Российской империи [Текст]. Собрание 2. СПб.: тип. II Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1835. Т. 9, отд-ние 1. 891 с.
21. Полное собрание законов Российской империи. [Текст]. Собрание 2. СПб.: тип. II Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1868. Т. 41, отд-ние 1. 1081 с.
22. Полное собрание законов Российской империи [Текст]. Собрание 2. СПб.: тип. II Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1876. Т. 49, отд-ние 1. 948 с.
23. Полное собрание законов Российской империи [Текст]. Собрание 3. СПб., 1902. Т. 20, отд-ние 1. 1168, 10 с.
24. *Розенберг, В.* Из хроники крестьянского дела [Текст] // Очерки по крестьянскому вопросу: собрание статей / под ред. А.А. Мануилова. М.: Изд. Д.С. Горшкова, 1904. Вып. 1. С. 1—227.
25. Сборник правил по обеспечению народного продовольствия [Текст] / сост. Савич Г.Г. СПб.: тип. М-ва внутр. дел, 1900. Вып. 1. XXII, 456 с.
26. Свод Законов Российской империи: в 5 кн. СПб.: Рус. кн. т-во «Деятель», 1912. Кн. 5. 353 с.
27. Хлебные запасы в общественных магазинах и местные продовольственные капиталы к 1-му сентября 1891 года в Европейской России / под ред. А. Дубровского. СПб.: Издание Центр. стат. комитета М-ва внутр. дел, 1892. XXII, 100 с. (Временник Центрального Статистического Комитета Министерства внутренних дел. № 24. 1892).
28. *Collet, D.* Storage and Starvation: Public Granaries as Agents of Food Security in Early Modern Europe [Text] // Historical Social Research. 2010. Vol. 35, N 4. P. 234—252.
29. *Hardiman, D.* Usury, Dearth and Famine in Western India [Text] // Past & Present. 1996. Vol. 152. P. 113—156.
30. *Karlsson, A.* Famine Relief, Social Order, and State Performance in Late Chosŏn Korea [Text] // The Journal of Korean Studies. 2007. Vol. 12. P. 113—141.
31. *Nguyen-Marshall, V.* The Moral Economy of Colonialism: Subsistence and Famine Relief in French Indo-China, 1906—1917 [Text] // The International History Review. 2005. Vol. 27. P. 237—258.
32. The Relief Work of Japan. Tokyo: Bureau for Local Affairs, Home Dept., 1914. IX, 152 p.
33. *Robbins, R.G. jr.* Famine in Russia 1891—1892 [Text]: The Imperial Government Responds to a Crisis. New York; London: Columbia University Press, 1975. XIV, 259 p.
34. *Shiue, C.H.* Local Granaries and Central Government Disaster Relief [Text]: Moral Hazard and Intergovernmental Finance in Eighteenth- and Nineteenth-Century China // The Journal of Economic History. 2004. Vol. 64. P. 100—124.

Д.А. Бакшт

СТРАТЕГИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ЖАНДАРМЕРИЕЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В МЕЖРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД (на примере Енисейской губернии, 1907—1917 гг.)

Статья посвящена практике использования чрезвычайных законов в преследовании оппозиции на территории Енисейской губернии. Рассмотрена противоречивая ситуация в праве императорской России межреволюционного периода (1907—1917 гг.): существование гражданских свобод и парламента сочеталось с усилением репрессивных практик самодержавия. В статье подробно проанализирован чрезвычайный механизм: определение географии распространения и охвата населения, изменение баланса институтов политической власти и создание особого правового режима в отдельных районах.

Ключевые слова: Жандармское управление; Корпус жандармов; Департамент полиции; Енисейская губерния; чрезвычайное законодательство; межреволюционный период (1907—1917 гг.).

Dmitry A. Baksht

The strategy for the use of emergency legislation by the gendarmerie in the inter-revolutionary period (in example of the Yenisei province, 1907—1917)

The article is devoted to the practice of using emergency laws in the prosecution of opposition in the Yenisei province. The contradictory situation in the Imperial Russia's law in interrevolutionary period (1907—1917) is considered: the existence of civil liberties and parliament combined with the way of strengthening repressive practices of the autocracy. The article is analyzed the extraordinary mechanism in detail: determination of the geographical dissemination and coverage, change in the institutions of political power balance and the creation of special legal regime in certain areas.

Keywords: Gendarme Department; the Corps of Gendarmes; the Police Department; the Yenisei Province; the Emergency laws; the Inter-Revolution period (1907—1917).

Период между первыми двумя революциями в России характеризуется последней попыткой императорского режима самосохраниться как путем реформ, так и усилением карательной политики. Манифест октября 1905 г. предполагал переход к новому государственному строю, однако правовая база и тактика в преследовании оппозиции практически не изменились. Первая революция (1905—1907 гг.) и правительственная реакция на нее повысили уровень насилия в обществе, а государственные репрессии приобрели системный и

достаточно массовый характер. Их основными проводниками стали государственные органы социального контроля и юстиции (как гражданской, так и военной). Высшая власть империи делегировала обширные полномочия этим институтам посредством чрезвычайного законодательства, те же, в свою очередь, реализовывали карательную политику в соответствии со стратегией центра, региональной спецификой и собственными представлениями, основанными на практике. Установление соотношения этих трех компонентов — проблема, которая, в конечном итоге, является составной частью главного вопроса о характере политического режима поздней империи.

На современном этапе в отечественной историографии не уделяется должное внимание правовому фундаменту функционирования органов государственной безопасности. Считается, что это формальная составляющая, не отражающая сути институтов полиции и жандармерии. Периодически в исследованиях используется статистика следствий и дознаний, но без глубокого анализа. Интересный взгляд изложил П.П. Литвинов, рассматривавший органы государственной безопасности и чрезвычайные законы в рамках окраинной системы имперского управления [7]. Однако весьма специфичный регион (Туркестан) презентует лишь частный случай. Общие и более глубокие оценки были даны в зарубежной историографии. Так, Дж. Дейли, полемизируя с классической концепцией тоталитаризма в русистике, высказал точку зрения, что чрезвычайные законы являлись переходным этапом между абсолютизмом и конституционной монархией [13; 14]. И. Лохлан рассматривает их в условиях реформирующейся России как шаг назад к абсолютизму. В целом, не считая уникальной полицейскую структуру России, он доказывает, что все же нельзя называть дореволюционную Россию «полицейским государством» [15].

При подобной формулировке вопроса, изучение практики использования чрезвычайного законодательства поздней империи выходит за рамки историко-юридического анализа формальных процедур: проблемное поле расширяется до вопроса о самом характере власти в России на рубеже XIX—XX вв.

В российском уголовном законодательстве императорского периода «политические преступления» подробно прописывались отдельными статьями. Квалификация правонарушения и установление наказаний в начале XX в. регулировалось «Уголовным уложением» (разработано в 1903 г., введено в 1904 г.). Заметим, что эта часть генетически восходит к «Уложению о наказаниях уголовных и исправительных» (1845 г.). Ход следствия и дознания зависели от законодательного акта, которым руководствовалась сторона обвинения.

Первый вариант, «общий» (в источниках — «судебный»/«формальный» порядок), связан с «Уставом уголовного судопроизводства» (1864 г.). Жандармское участие ограничивалось дознанием, регулировавшимся 1035 статьей этого «Устава», которая, в свою очередь, ссылалась на 1030 и 1031 статьи, где был указан перечень преступлений согласно «Уголовному уложению» (всего 42 статьи) [11, т. XVI, с. 467—468, 469—471]. Туда входили посягательство на династию, государственная измена (включая шпионаж), попытка или планирование изменения строя и т.д. Такой порядок не был удобен карательным органам, так как скорость решения дела из-за большого количества процедур уменьшалась, а принятие решений выходило из-под полного контроля высшей бюрократии. Доля оправдательных постановлений гражданских судов была достаточно высока: в 1909 г. из 4349 подсудимых по государственным преступлениям осуждено 3014. Аналогичная ситуация прослеживалась относительно преступлений «против порядка управления»: из 11 998 чел. оправдано — 4105 [12, р. IV, с. 1—3]. В Енисейской губернии в этот же период процент оправдательных приговоров в окружном суде был еще выше: в 1908 г. было осуждено 91 чел., а оправдано — 75 [1А, л. 19].

В 1904 г. на уровне провинции был введен аналог Особого совещания при МВД для первичного разбора следственных дел. Губернское совещание состояло из губернатора, прокурора окружного суда и начальника жандармского управления [4, с. 187]. Сохранившиеся протоколы заседаний таких совещаний в Енисейской губернии показывают, что собирались они не часто: с августа 1904 по октябрь 1905 г. было всего 16 заседаний по 51 делу [4А, л. 3—50]. Все они производились в рамках общего судебного законодательства. Из дел, рассмотренных на совещании, только три были переданы далее в окружной суд, а остальные прекращены под разными предлогами. «Нерозыск обвинявшихся», самая частая формулировка протоколов, был возможен из-за существовавших ограничений на порядок заключения под стражу в случае производства общим законодательством. А система «надзора» за обвиняемыми со стороны полиции сводилась к формальности. Это подтверждает тезис о том, что репрессии по «политическим» делам в рамках «Судебных уставов» (даже усеченных в Сибири) были обречены на провал.

Второй вариант был связан с чрезвычайным законодательством, которое определяло не только институты и процедуры при следствии и дознании, но и устанавливало форму наказания. В понятии «чрезвычайное законодательство» в данном вопросе подразумеваются следующие акты: «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» (1881 г.), «Пра-

вила местностей, объявленных на военном положении» (1892 г.) и «Правила чрезвычайной охраны на железных дорогах» (1905 г.) [10, № 350; 11, № 8757; 12, № 27043].

Другой важной особенностью этих документов было то, что они изменяли правовой статус целых регионов, изымая их из общего управления. С помощью локальных подзаконных актов («Положение» 1881 г., статья 15 пункты «а» и «б»; «Правила» 1892 г., статья 12 и статья 19 параграфы 1—3) конструировалась отдельная система властных отношений на определенной территории (усиливая полицейскую или военную власть). В Восточной Сибири источником таких документов являлся иркутский генерал-губернатор. Роль жандармерии при этом заметно усиливалась: начальник жандармского управления мог выписать ордер на обыск и арест без согласования с кем-либо, кроме полиции (была обязана содействовать при их проведении). Дознание и следствие сливалось в одну процедуру, от расследования устранялись органы Министерства юстиции. При завершении дознания в чрезвычайном порядке выносилось постановление, передававшееся затем или в губернское совещание или в военно-окружной суд.

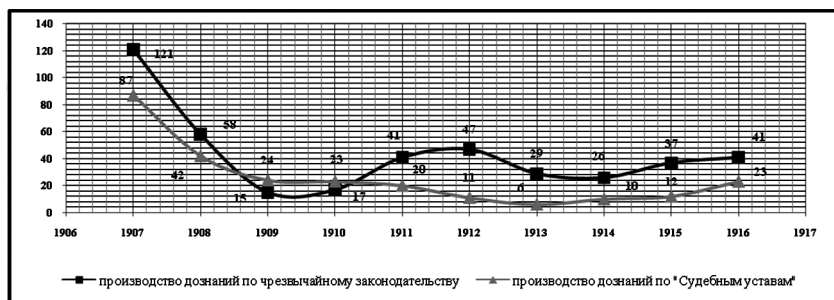
Дело выносилось на слушание военно-окружных судов в случае наиболее серьезных преступлений. Заседание открывало постановление жандармского офицера, производившего дознание, с изложением обстоятельств дела и заключением. Обычно председательствовали начальник и офицеры местного гарнизона. Генерал-губернатор, как командующий военным округом, не только сохранял, но и значительно увеличивал свое влияние на ход репрессий, что подробно осветил в своих мемуарах на примере Прибалтики военный юрист Р.Р. фон Раупах [10, с. 38—59]. Суд проводили представители армии, не искушенные в знании политических течений, а на слушаниях жандармский офицер присутствовал лично, что оказывало определенное влияние на ход процесса.

Характеризуя сложившуюся ситуацию в Енисейской губернии, отметим, что перед Первой революцией власти столкнулись с новым опытом. Так, если в 1896 г. (период завершения строительства отрезка Транссибирской железнодорожной магистрали через регион) жандармерия производила дознание над 7 обвиняемыми, то в 1904 г. — над 83 [6А, л. 7—8; 7А, л. 6—165].

В Енисейской губернии ввод таких мер был связан с ликвидацией волнений и саботажа на Сибирской железной дороге в период Русско-японской войны, затем для борьбы с крестьянскими волнениями в Минусинском уезде [1, с. 159]. Фактически в этих районах (на дороге с 1904 г., в уезде с 1906 г.) чрезвычайные законы действо-

вали непрерывно. С началом Первой мировой войны вся территория губернии, как и остальные тыловые части империи, по решению Совета министров оказываются на «охранном» положении [9, с. 222].

Исследование деятельности Енисейского губернского жандармского управления (ЕГЖУ) опиралось на его «Журнал дознаний» (велся с 1908 по 1917 г.) и реестры VII (регистрационного) делопроизводства Департамента полиции Министерства внутренних дел (ДП МВД). Также были учтены данные, содержащиеся в первичных источниках (ордеры на обыски и аресты), но не включенные в отчетность. Обобщенные результаты по межреволюционному периоду представлены на графике (рис. 1).

Составлено по: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 270. Д. 131. Л. 1 об.—114; Д. 195. Л. 1 об.—154 об.; Д. 196. Л. 1 об.—100 об.; Д. 197. Л. 1 об.—49; Д. 198. Л. 1 об.—25; Д. 12, ч. 25. Л. «Б», 44 об.; ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 327а. Л. 37; Д. 833. Л. 32 об.—33, 70 об.—72; Д. 1431. Л. 60—103; Оп. 3. Д. 85. Л. 115—122; Ф. 830. Оп. 1. Д. 45. Л. 46.

Данные за 1907—1908 гг. отображают процесс борьбы с инерцией Первой революции в регионе. Заметно превалирование показателей «чрезвычайных» дознаний. Уменьшение их доли в 1909—1910 гг. связано с частой сменой руководства ЕГЖУ (сменилось три начальника): секретная агентура, наиболее эффективная при чрезвычайном порядке, часто просто заново вербовалась новым жандармским офицером. Кроме того, наступала общая стабилизация, как в империи, так и в регионе.

В период 1905—1907 гг. полиция выработала особую практику ведения расследований по «политическим» статьям: заведение дела в чрезвычайном порядке, а затем его перевод в дознание в рамках «Судебного устава» (или наоборот). В научной литературе на этот счет существует ошибочное мнение, что одновременное ведение переписки по этим двум путям тормозило розыск [7, с. 198]. Практичность для жандармерии подобной практики подтверждает-

ся зашифрованной телеграммой ДП МВД от 12 июля 1907 г., где рекомендовалось выбирать порядок проведения дознаний в момент «ликвидации» (ареста) исходя из обнаруженных вещественных доказательств [5А, л. 17—18].

Для ограничения сферы применения чрезвычайных актов с марта 1906 г. малозначительные преступления, квалифицировавшиеся 3 частью 103 статьи (заочное оскорбление представителя династии) и 2 частью 107 статьи (оскорбление памяти предшествовавших монархов), расследовались только в общем порядке [6А, л. 11а]. По данным Б.И. Колоницкого, только в 1911 г. около 80 % из числа обвиняемых по 103 статье были крестьяне [6, с. 44—45].

При производстве дел чрезвычайным порядком роль секретной агентуры была одной из важнейших, так как давала основания для дальнейшего расследования. Численно это выражено в таблице 1.

Таблица 1

Использование агентурных данных при следствиях и дознаниях в Енисейском губернском жандармском управлении, 1911—1916 гг.

Год	Дознаний, всего	Дознаний, сопровождаемых агентурными данными	Количество лиц, всего	Количество лиц, находившихся под агентурным наблюдением
1911	61	8	109	19
1912	58	5	88	8
1913	35	7	57	10
1914	36	6	47	16
1915	49	12	97	17
1916	64	7	125	15

Составлено по: ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 327а. Л. 37; Д. 833. Л. 32 об.—33, 70 об.—72; Д. 1431. Л. 60—103; Д. 1942; Л. 1—29; Оп. 3. Д. 85. Л. 115—122; Ф. 830. Оп. 1. Д. 45. Л. 46; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 241. Д. 6, ч. 25. Л. «Б», 1—2 об., 5; Д. 9, ч. 25. Л. «Б», 43 об., 49—50; Д. 12, ч. 25. Л. «Б», 44 об.

Если рассмотреть эти данные более детально, то отчетливо видно, что агентурная информация использовалась чаще всего в делах, расследуемых административным путем (таблица 2).

В 1911 г. вновь сменился начальник ЕГЖУ (М.С. Байков, до 1916 г.), а в Енисейском уезде открылся розыскной пункт. Губерния становилась все спокойнее, инерция революции была практически

**Использование агентурных данных при следствиях и дознаниях
в Енисейском губернском жандармском управлении, 1911—1916 гг.**

Год	Дознаний по «Судебным уставам»	Из них с данными агентов	Дознаний по чрезвычайному законодательству	Из них с данными агентов
1911	20	2	41	6
1912	11	0	47	5
1913	6	1	29	6
1914	10	0	26	6
1915	12	2	37	10
1916	23	0	41	7

Составлено по: см. источники к таблице 1.

исчерпана. Поэтому ЕГЖУ обратило свое внимание на север региона (Енисейский уезд, Туруханский край), район массовой политической ссылки: из 106 дознаваемых в 1911 г. не менее 36 были ссылными, а в 1912 г. из 65 — не менее 35.

Период между началом I Мировой войны и Февральской революцией значительно отличался от предшествующих лет. С 1915 г. ситуация в губернии кардинально меняется. К негативным факторам относились поражения действующей армии на фронтах, товарный дефицит, рост цен и прибытие в губернию военнопленных. Фигурантами дознаний становились высланные из зоны военных действий и пленные. Что касается последних, то в основном жандармерия пресекала их попытки к бегству, осуществляла перлюстрацию и противостояла их действиям, которые рассматривались как шпионаж.

В Енисейской губернии, где свыше 90% населения являлись русскими и православными, национальный и конфессиональный вопросы не были первостепенными. До 1914 г. жандармы не заостряли на этом свое внимание, но с началом войны сюжеты «поиска внутреннего врага» и преследований «иноге» нашли свое отражение в следственном делопроизводстве. Дело группы красноярских сионистов, начатое в 1914 г. как «охранное», закончилось лишь в 1916 г. судебным слушанием и оправданием обвиняемых. Характерно, что затруднение вызвала квалификация преступления: ЕГЖУ обращалось за указаниями в ДП МВД и за материалами по аналогичному делу в Иркутск [5, с. 205].

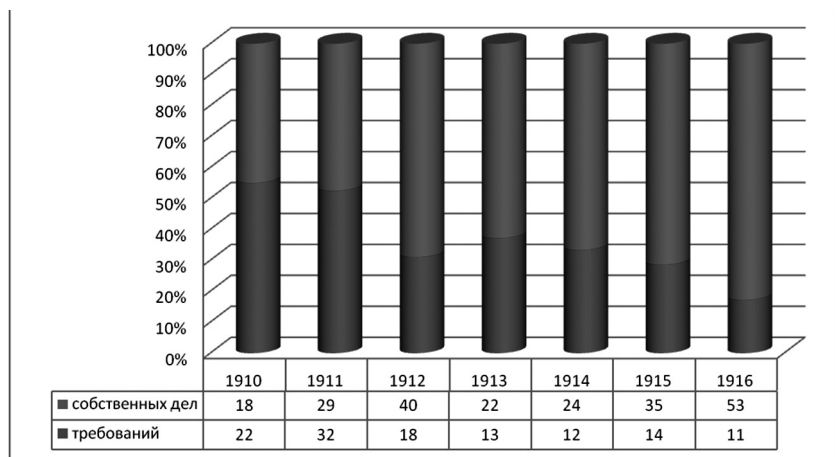
В 1915 г. к дознанию привлекались члены баптистской общины Красноярска, причем одновременно с арестами в Чите [12А, л. 49;

8А, л. 70—71; 9А, л. 105]. Поводом к репрессиям стала публикация в газете «Утро России» провокационного письма от имени забайкальских христиан-евангелистов, где выражалась симпатия к германскому императору Вильгельму II, а Сибирь названа «царством баптизма» [2, с. 31]. Как видно на графике (рис. 1), в это время растет количество дознаний, выполняемых чрезвычайным порядком.

Еще одним важным нюансом проблемы является вычленение из представленной на общем графике (рис. 1) доли выполняемых следственных требований из других регионов. К сожалению, наиболее подробный анализ возможен лишь на интервале 1910—1916 гг., поскольку в источниках более раннего периода не было найдено настолько точных сведений.

Рис. 2.

Соотношение следственных требований к общей совокупности дел в Енисейском губернском жандармском управлении, 1910—1916 гг.

Составлено по: см. источники к рис. 1.

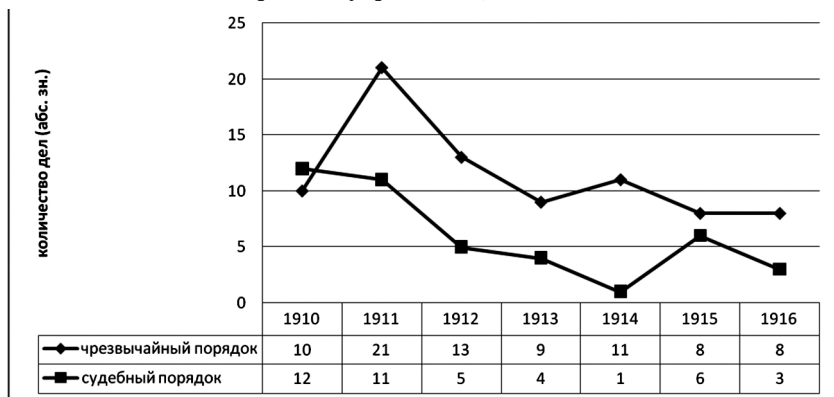
На графике (рис. 2) видна динамика изменения доли требований в деятельности ЕГЖУ. В 1910—1911 гг. фиксируется чуть более 50% требований от общего числа дел. Как уже указывалось, причинами были частая ротация офицерского состава и начальства. В дальнейшем доля требований постоянно снижается, но абсолютные показатели изменяются не намного. Значительно увеличивается доля «местных» дел.

Среди частых «заказчиков» требований фиксируются Санкт-Петербургское (Петроградское), Иркутское и Томское жандармские

губернские управления. В первом проводилось большинство столичных дознаний (в имперском центре четче всего были разделены функции жандармского управления и охранного отделения по дознанию и розыску). Остальные — территориальные органы соседних губерний.

Рис. 3.

Пути выполнения следственных требований в Енисейском губернском жандармском управлении, 1910—1916 гг.

Составлено по: см. источники к рис. 1.

Более подробная информация по требованиям отображена на другом графике (рис. 3). Видно, что выполнение действий по заданию других полицейских учреждений проводилось в основном за счет ресурса чрезвычайного законодательства. Закон не ограничивал запрашиваемый институт в выборе порядка расследования. Поэтому совпадение результатов с графиком общей динамики (рис. 1) не случайно: тактика расследования ЕГЖУ имела единый характер и при расследовании дел из других учреждений, и при ведении собственных дел.

Средняя скорость выполнения требований — меньше месяца. Они содержали снятие свидетельских показаний, обыск, арест, наведение справок по личности или документу, установление личности по перлюстрированному письму. Скорость осуществления процедур определяла выбор жандармерии своего правового инструментария.

Было бы упрощением считать, что все имперские чиновники одобряли «чрезвычайную» практику. Помимо известных публичных заявлений в либеральном духе бывшего директора ДП МВД А.А. Лопухина (1902—1905 гг.) интерес представляет публикация в «Русских ведомо-

стях» (1907 г.) отставного генерал-губернатора Туркестана Д.И. Субботича (1905—1906 гг.). «Всякое чрезвычайное положение, кроме вреда <...> ничего более не приносит. <...> Оно ужасно еще и тем, что дает страшную власть в руки низших агентов администрации» [3, с. 78].

По инициативе командира Корпуса жандармов В.Ф. Джунковского (1913—1915 гг.) и вопреки желаниям его подчиненных был издан циркуляр, сокративший срок переписок в порядке «Положения» 1881 г. до 1 месяца. В июне 1915 г. им же было подписано распоряжение о том, что выдворение необходимо применять в исключительных случаях. Хорошо известны меры Джунковского по ограничению использования секретной агентуры [2А, л. 4, 62]. Иркутский генерал-губернатор Л.М. Князев (1910—1916 гг.) в январе 1914 г. выпустил циркуляр губернаторам и жандармским начальникам Восточной Сибири о том, что ходатайства о высылках «свидетельствуют о весьма частых отступлениях от <...> указаний закона». Он привел пример, как в одной из губерний жандармерия арестовала «легальное лицо» в местности, управляемой общими законами, этапировала в зону действия чрезвычайного законодательства и держала человека в тюрьме свыше месяца. Перечисляя еще целый ряд менее значимых нарушений, Князев «напоминал» 12 циркуляров МВД, которые были нарушены в Восточной Сибири. В ЕГЖУ негативно оценивали этого чиновника. М.С. Байков убеждал ДП МВД в начале 1915 г.: «...типичная особенность работы в Сибири среди опытных и видавших виды революционеров не дает возможность привлечь арестованных к формальному дознанию». Однако, как писали жандармы, агентурные данные не являлись уликой для Князева, избегавшего часто применять свои чрезвычайные полномочия [2А, л. 1—5 об.; 10А, л. 190—190 об.].

В целом за указанное десятилетие, через ЕГЖУ официально прошло не менее 1438 чел., из которых не менее 1070 подвергались следственным действиям по чрезвычайному законодательству. Более полная и точная статистика весьма затруднительна, так как в реестрах ДП МВД крестьянские группы часто отмечали первой фамилией подозреваемого с припиской «и другие». Кроме того, жандармы фиксировали не все свои действия. Так, во время «Туруханского бунта» (зима 1908—1909 г.) в тюрьму Енисейска было заключено чуть больше сотни человек, но в журнал попало лишь 18. Фрагментарные документы полиции свидетельствуют о содержании в тюрьмах лиц, которые вообще не были где-либо отмечены. Например, в ачинской тюрьме в мае 1915 г. содержалось 4 человека, обвиненных в неблагонадежности и закрепленных за ЕГЖУ. В августе 1916 г. высланный из Галиции К. Червинский, согласно отчету енисейского исправника, находился в тюрьме по указанию местных жандармов.

Добавим, что в октябре 1916 г. при обыске нескольких канских евреев (также не вошло в журнал) на основании «Положения» 1881 г. начальником ЕГЖУ были выписаны ордера за номерами 8208—8210 [8А, л. 18; 11А, л. 115, 118, 119; 3А, л. 6—7 об.]. Даже если предположить, что нумерация бланков в начале года начиналась с 8000, то эта цифра все равно не совпадает с данными из журнала дознаний. Поэтому масштаб охвата населения Енисейской губернии жандармерией еще предстоит исследовать.

Далее, географически показания по дознаниям этого временного отрезка полностью совпадают с районами распространения чрезвычайного законодательства. Практически все внимание сконцентрировано на Красноярске и линии железной дороги: большая часть дел (двух вариантов производства) относится к губернскому центру. Затем идет Минусинский уезд, где аграрный вопрос лишь усугубился с ходом столыпинских реформ, что давало почву для активных действий левых радикалов (прежде всего, Партии социалистов-революционеров).

Таким образом, в межреволюционное время чрезвычайное (исключительное) законодательство активно использовалось региональной жандармерией как инструмент репрессий. Деятельность ЕГЖУ была синхронна настроениям имперской бюрократической верхушки и тем процессам, которые происходили как в стране в целом, так и в Сибири в частности. Значительным оставалось влияние субъективных факторов, таких, как политика региональных чиновников, работа с секретными осведомителями, опыт самих жандармских офицеров.

- 1А. ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 172.
- 2А. ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 7204.
- 3А. ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 7487.
- 4А. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 34.
- 5А. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 67.
- 6А. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 384.
- 7А. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 464.
- 8А. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 833.
- 9А. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1431.
- 10А. ГАКК. Ф. 827. Оп. 2. Д. 97.
- 11А. ГАКК. Ф. 827. Оп. 3. Д. 85.
- 12А. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 270. Д. 201.

1. *Бакут, Д.А.* Использование чрезвычайного законодательства в Енисейской губернии в межреволюционный период (1907—1917 гг.) [Текст] // Известия Иркут. гос. ун-та. Сер. История. 2012. № 2 (3). С. 158—164.
2. *Дементьев, А.А.* Авен-езер: Евангельское движение в Приморье, 1898—1990 годы [Текст]. Владивосток: Русский остров, 2011. 272 с.

3. *Иванов, И.Н.* Чрезвычайное законодательство [Текст]: история и современность: теоретический и историко-правовой аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2002. 163 с.
4. *Казанцев, С.М.* История царской прокуратуры [Текст]. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1993. 216 с.
5. *Кальмина, Л.В.* Сионизм в Сибири в 1914—1920 годах [Текст]: эволюция идеи // Мировой кризис 1914—1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. М.: РОССПЭН, 2005. С. 203—214.
6. *Колоницкий, Б.И.* «Трагическая эротика» [Текст]: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое лит. обозрение, 2010. 664 с.
7. *Литвинов, П.П.* Органы Департамента полиции МВД в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном [Текст]: (по архивным, правовым и иным источникам). Елец: Изд-во Елец. ун-та, 2007. 539 с.
8. *Овченко, Ю.Ф.* Безопасность империи [Текст]: (политический розыск — средство обеспечения безопасности российского самодержавия, 1880—1917 гг.). М.: Техинформ, 2012. 370 с.
9. Особые журналы Совета министров Российской империи, 1914 г. [Текст] / [сост. Б.Д. Гальперина]. М.: РОССПЭН, 2006. 700 с.
10. Полное собрание законов Российской империи [Текст]. Собрание 3. Т. 1. 623 с. разд. паг.
11. Полное собрание законов Российской империи [Текст]. Собрание 3. Т. 12. 1353, [2] с. разд. паг.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. 25, отд-ние 1. [2]. 966, 157 с.
13. *Раунах, Р.Р., фон.* Facies Hippocratica (Лик умирающего) [Текст]: воспоминания члена Чрезвычайной следственной комиссии 1917 года / [ред. и коммент. С.А. Манькова]. СПб.: Алетейя, 2007. 416 с.
14. Свод законов Российской империи [Текст]. Полный текст всех 16 томов, согласованный с последними продолжениями, постановлениями, изданными в порядке 87 статьи Основных Законов и позднейшими узаконениями. Неофиц. изд.: в 5 кн. (16 т.). / (ред. И.Д. Мордухай-Болтовский). СПб.: Рус. кн. т-во «Деятель», 1912. 8679 с.
15. Статистический ежегодник России. 1913 г. (Год десятый) / Н.Н. Белявский и др. СПб.: издание Центрального статистического комитета МВД, 1914. 333 с.
16. *Daly, J.* On the Significance of Emergency Legislation in Late Imperial Russia [Text] // Slavic Review. 1995. Vol. 54, N 3. P. 602—629.
17. *Daly, J.* The Watchful State. Security Police and Opposition in Russia, 1906—1917 [Text]. DeKalb: Chicago University Press, 2004. 320 p.
18. *Lauchlan, I.* Security Policing in Late Imperial Russia [Text] // Late Imperial Russia: Problems and Prospects: Essays in Honour of R.V. McKean / [ed. I.D. Thatcher]. Manchester: Manchester University Press, 2005. P. 44—63.

В.А. Березина

СПЕЦИФИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСКУРСИОННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ 1920-Х ГОДОВ

**(на примере центральной городской школьной экскурсионной
станции в Петрограде-Ленинграде)***

В статье рассматривается деятельность Центральной городской школьной экскурсионной станции, курировавшей в 1920-е годы экскурсионную работу в Петрограде-Ленинграде. Сделана попытка осветить ее место в системе экскурсионной работы, выявить основные особенности и трудности работы, состав работников. Анализируется содержание программ и методических руководств, выпущенных сотрудниками станции.

Ключевые слова: 1920-е; экскурсионное дело; Петроград-Ленинград.

Vera Berezina

Specifics of excursion institutes activities in the 1920 (evidence from Central city school excursion station in Petrograd-Leningrad)

The present paper considers activities of Central city school excursion station, coordinating school tours in Petrograd-Leningrad in the 1920. It attempts to highlight the place of station in the system of guiding tour activities, to draw out specific features of its activities, staff members. Content of methodological programs and published guidance materials is analyzed.

Keywords: 1920th; guiding tour activities; Petrograd-Leningrad.

В русский язык слово «экскурсия» проникло в XIX в. Одно из самых ранних определений этого понятия дал В.И. Даль в 1882 г. Согласно его словарю, «экскурсия — проходка, прогулка, выход на поиск чего-то, для собирания трав и пр.» [5, с. 663]. Часто именно во время экскурсий школьниками под руководством учителя совершался сбор наглядного материала для уроков.

Во второй половине XIX в. постепенно формируется методика экскурсионной работы, которая в начале своего существования была проявлением общественно-педагогической инициативы. На начальном этапе развития экскурсионного дела многие экскурсии представ-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-51-00012.

ляли собой туристические поездки, организуемые для школьников и под контролем (или, по крайней мере, с разрешения) педагогов. Это была некая коллективная прогулка, имевшая целью «посмотреть своими глазами» на мир, существующий за стенами школы. Постепенно экскурсия становится методом преподавания, выездом с целью наглядного обучения определенному школьному предмету.

Государственные структуры постепенно начинают интересоваться новым методом, особенно как средством воспитания патриотизма, и пытаются создать условия для распространения этого явления, а в ряде случаев и напрямую иницируют его.

На рубеже XIX—XX вв. Министерством народного просвещения (МНП) был издан ряд документов, призванных способствовать развитию экскурсионного дела. Так, в документе, изданном МНП в 1874 г., говорилось о том, что преподаватели «могут устраивать экскурсии для обозрения <...> местных достопримечательностей, для естественно-исторических целей, для обозрения произведений местного или нового искусства» [28, с. 15]. В 1900 г. вышел циркуляр МНП на имя попечителей учебных округов, которым отменялись летние работы учащихся, состоящие, главным образом, в выполнении письменных домашних заданий, а вместо них рекомендовалось устройство образовательных экскурсий [6, с. 193]. Спустя два года в циркуляре МНП рекомендовалось использовать в практике средних учебных заведений местных экскурсий, которые могли устраиваться до семи раз в год [27, с. 56]. А в предреволюционном 1916 г. МНП уже настойчиво рекомендовало ввести ученические экскурсии в «практику жизни и учебного обихода» и предлагало преподавателям всех предметов курса средней школы составить экскурсионные планы [9, с. 3].

Однако расцвет экскурсионного дела произошел уже после революции, когда экскурсионная работа была официально признана одним из важных элементов образования. Ее роль в образовательном процессе подчеркивалась в директивных документах структур Народного комиссариата просвещения (Наркомпрос). В Положении о Единой трудовой школе РСФСР, утвержденному Всероссийским центральным исполнительным комитетом (ВЦИК) 16 октября 1918 г., для экскурсий с учащимися отводилось специальное время: один летний месяц и, помимо того, два дня каждую неделю*. Значение экскурси-

* «Школьные занятия в течение года распределяются на 3 категории: 1) обычные школьные занятия, примерно с 1 сентября по 1 июня, 2) школьные занятия под открытым небом, примерно с 1 июня по 1 июля: площадки, летние колонии, *экскурсии* (здесь и далее курсив мой. — В.Б.) для знакомства детей с природой и жизнью; 3) полные вакации»; «Два дня в неделю, но не подряд, выделяются из общего числа учебных дней, при этом один день является совсем свободным от

онного метода в учебных программах Накромпроса, в особенности в первые годы обучения, подчеркивалось и в циркулярном письме Главного управления социального воспитания (Главсоцвоса) от 10 ноября 1922 г [29, с. 5]. В документе указывалось, что экскурсии «не должны быть случайным эпизодом в жизни школы и как один из методов образовательной работы должны быть разграничены по своим задачам от прогулок или поездок, имеющих увеселительный или спортивный характер или предпринимающихся в целях хозяйственного самообслуживания (сбор топлива и т.п.)» [29, с. 6].

Несмотря на важное значение экскурсионного дела в культурной и образовательной политике послереволюционного времени, этот ее аспект пока не привлек должного внимания исследователей. Выявление особенностей экскурсионной работы в период 1920-х годов позволит не только восполнить пробел в истории туризма, но и поможет выявить основные тенденции в сфере образования и культурной жизни. Особенно интересной представляется возможность проследить специфику деятельности отдельной экскурсионной организации, отразившей в себе особенности организации экскурсионной работы и сферы образования и культуры в целом. Именно такая задача — выявить специфику деятельности Центральной школьной станции гуманитарных экскурсий (ЦШСГЭ) — поставлена в данной статье.

Исследовательский материал для подобного анализа был выбран не случайно. ЦШСГЭ была одной из важных экскурсионных организаций в Петрограде-Ленинграде. Ее сотрудники занимались подготовкой и проведением значительной части обществоведческих, исторических, художественных школьных экскурсий по улицам города и в музеи Петрограда-Ленинграда.

Источниками для данной работы послужили архивные материалы из фондов Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб) и Центрального городского архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Некоторые источники впервые вводятся в научный оборот, поскольку, как справедливо замечает Е.А. Мельникова, «источники о повседневной, рутинной работе обществ и музеев обычно оставляются без внимания» [15, с. 44]. Таковыми, к примеру, являются материалы Комиссии по прослушиванию экскурсоводов, отложившиеся в фонде Экскурсионного института, которые позволили нам проследить биографии десятка

обязательных занятий и должен быть использован для чтения, *экскурсий*, спектаклей и других самостоятельных детских занятий. Другой является полурабочим днем с обычным педагогическим персоналом и используется для клубных и лабораторных занятий, рефератов, *экскурсий*, учебных собраний» [22, с. 124].

сотрудников ЦШСГЭ*. Кроме того, при написании статьи были использованы материалы местной периодической печати, касающиеся деятельности станции.

Сама идея создания специальных организаций, которые проводили бы экскурсионную работу, не принадлежала большевистским руководителям «культурного фронта». Так, например, в 1910 г. в Павловске увлекавшийся идеями естественнонаучного просвещения ученый-лесовед В.Ф. Мольденгауер на собственные деньги организовал «Практический институт природоведения», представлявший собой вспомогательное школьное учреждение, в котором около 50 подростков изучали местную природу [3, с. 71].

До октября 1917 г. возникло и понятие «экскурсионная станция», под который подразумевался специальный пункт для приема экскурсантов, расположенный в местах, интересных с исторической, этнографической или географической точки зрения, с оборудованным помещением для 30—40 человек с кухней и обслуживающим персоналом, где можно было бы жить 2—3 недели [18, с. 110, 112]. Ускоренная реализация этой идеи в Петрограде уже после Октября была связана во многом в связи с непростой социально-экономической ситуацией в стране. В годы революции и Гражданской войны петроградским методистам пришлось отказаться от дальних поездок и сконцентрировать свое внимание на изучении городского пространства и музейных объектов города и ближайших пригородов. Проект такой станции обсуждался на заседании Экскурсионной комиссии при Коллегии единой трудовой школы Комиссариата народного просвещения Союза коммун северной области уже в конце 1919 г. [8А, л. 15 (Протокол заседания экскурсионной комиссии, 23.12.1919 г.); 4А, л. 44 (Характеристика Центральной школьной станции гуманитарных экскурсий)]. Наиболее подходящим для размещения станции сочли находящийся в центре Петрограда Аничков дворец с его историческими интерьерами. Именно там Центральная школьная станция гуманитарных экскурсий (далее — Станция) и открылась в январе 1920 г.**

* В делах содержится *curriculum vitae*, написанные в 1923—1924 гг. Структура их схожа: в них освещается полученное образование, деятельность, участие в экскурсионной работе. Немаловажно отметить, что партийность и политические взгляды в автобиографии не указывались (вероятно, для сотрудников ПЭИ они не представляли интереса).

** До этого, весной 1919 г. открылись первые шесть естественнонаучных станций в Павловске, Детском селе, Лахте, Сестрорецке, Петергофе и при Каменноостровском сельскохозяйственном институте; органом, который должен был курировать работу станций, стала Экскурсионная комиссия, созданная в феврале 1919 г. при Коллегии единой трудовой школы Комиссариата народного просвещения Союза коммун северной области [подробнее см.: 2].

Ее сотрудники сразу активно приступили к работе. Уже за первый месяц работы Станция приняла 19 экскурсий, которые посетило 570 учащихся [8А, л. 18 (Журнал заседания Экскурсионной секции, 9.2.1920 г.)]. Количество организованных для школьников экскурсий быстро росло. В 1920 г. было принято 908 экскурсионных групп (т.е. 27 888 экскурсантов), а в 1925 г. — 9401 групп (т.е. 282 030 экскурсантов) [21, с. 7]. Таким образом, за пять лет поток школьных экскурсий, прошедших через Станцию, возрос в 10 раз.

Основными участниками школьных экскурсий были учащиеся городских школ Петрограда-Ленинграда. Однако первое место по числу экскурсантов сохранялось не за окраинами (как это планировалось изначально), а за Центральным и Петроградским районами города, что объяснялось руководством Станции близостью к учебным заведениям этих районов экскурсионных объектов, наличием в этих школах прочной «экскурсионной традиции», а также более благополучным социальным составом учащихся [21, с. 8].

Школьники из Петроградской губернии составляли первоначально всего 5—10% от общего числа учебных экскурсий [21, с. 7]. Это обстоятельство побудило руководство экскурсионных организаций в 1926 г. выдвинуть на первое место работу с приезжими из губерний [20, с. 1]. К концу весенне-летней экскурсионной кампании указанного года приезжие группы составили уже четверть от общего числа школьников, прошедших через Станцию [6А, л. 64 об. (Отчет о работе Центральной Школьной Станции Гуманитарных Экскурсий с 1 апреля по 1 октября 1926 г.)]. Стоит отметить, что, вероятно, в связи с выдвинутым в это время лозунгом РКП (б) «Лицом к деревне» особое внимание уделялось сельским школам: именно им, например, руководитель от Станции предоставлялся в первую очередь [13].

Количество иногородних экскурсантов, принимаемых Станцией, было небольшим на протяжении всего первого послереволюционного десятилетия. Из Москвы, Новгородской губернии, с Украины, Кавказа и др. территорий приезжало не более 11% от общего количества экскурсий [19, с. 58; 6А, л. 66 об. (Отчет о работе Центральной Школьной Станции Гуманитарных Экскурсий с 1 октября по 1 апреля 1925/26 г.), л. 64 об. (Отчет о работе Центральной Школьной Станции Гуманитарных Экскурсий с 1 апреля по 1 октября 1926 г.)].

Желающих попасть на экскурсию через Станцию было значительно больше, чем организация могла себе позволить принять. Популярность Станции объясняется несколькими причинами. Во-первых, она обеспечивала приезжих школьников бесплатным проживанием и питанием. Во-вторых, в музеи города было довольно

затруднительно попасть без необходимого документа от Станции. В-третьих, станция могла обеспечить группу профессиональным экскурсоводом.

Стремление упорядочить поток групп, пытающихся записаться на экскурсии, проявилось в требовании администрации Станции к школам предоставлять планы экскурсионной работы на несколько месяцев вперед и следовать четким инструкциям по организации экскурсий. К концу 1920-х годов регламентация экскурсионной деятельности школ ужесточается: инструкции уточняются, растет количество документов, необходимых для приема Станцией экскурсионной группы, вводится отчетность для педагогов-организаторов экскурсий. С 1927 г. правила записи на экскурсии довольно часто появлялись на страницах главного местного педагогического журнала [10].

Наибольшие сложности ЦШСГЭ были с тем, чтобы обеспечить экскурсионные группы штатными руководителями. Даже в 1926 г. в сообщении Станции отмечалось, что «при наличных педагогических силах Станции» может быть удовлетворено не больше половины заявок, поступающих от школ [21, с. 11]. А изначально штат сотрудников Станции был совсем небольшим. Так, весной 1922 г. на станции работали восемь сотрудников (включая технические должности), всего двое из которых были руководителями экскурсий [1А, л. 1—2 (Требование на выдачу вознаграждений за май 1922 г.)]. Количество сотрудников станции постепенно росло. Через два года на станции трудились уже четыре штатных руководителя экскурсий. Шесть сотрудников работали, хотя и вне штата, но фактически на ставку, и около 20 экскурсоводов проводили разовые экскурсии и консультации [2А, л. 2 (Ведомость на выдачу зарплаты), л. 6 (Ведомость на выдачу зарплаты руководителям эпизодических экскурсий)]. В последних обнаруженных нами сведениях о штате ЦШСГЭ в 1927 г. в число ее сотрудников входили: заведующая станцией, заведующая записью, пять руководителей экскурсий и шесть человек технического персонала (о состоящих вне штата сведений в документе нет) [7А, л. 118 (Штаты станции)].

При этом, как и другие станции и вообще учреждения образования, ЦШСГЭ испытывала недостаток финансирования. Местные органы Наркомпроса финансирование Станции планировали сократить. Об этом свидетельствует отложившийся в архиве черновой вариант записки, содержащей просьбу продлить выплату денег в прежнем объеме [7А, л. 97—99 (Записка заведующей ЦШСГЭ)]. Отметим, что в качестве аргументов необходимости финансирования организации автор, в первую очередь, подчеркивает спрос школ на экскурсии «строго программного характера» [7А, л. 97—99 (Записка

заведующей ЦШСГЭ)]. По всей видимости, записка была направлена в руководящие структуры и, вероятно, не осталась без внимания: штаты сокращены не были.

Руководителей экскурсий, однако, всё равно не хватало, и ЦШСГЭ позиционировала себя как, в первую очередь, инструкторская станция, сотрудники которой должны были проводить лишь показательные экскурсии для школьных учителей [11, с. 9; 12, с. 24]. Предполагалось, что руководители со Станции будут проводить одну экскурсию для школьников во главе с учителем-предметником, а потом педагог должен был повторять опыт с другими подопечными ему группами. Для педагогов устраивались как отдельные показательные экскурсии, так и целые циклы.

Инструкторская работа приносила плоды. Количество экскурсий, проводимых школьными учителями, как отмечалось, росло. В 1923 г. на преподавателей приходилось 30% общего числа экскурсий, в 1924 г. — 63%, в 1925 — уже 81% [21, с. 7]. В циркуляре 1928 г. подчеркивалось, что Станция «будет давать руководителей только в исключительных случаях, все же остальные экскурсии проводятся самими преподавателями» [24]. Однако при проведении экскурсий школьными педагогами остро вставал вопрос о качестве экскурсионной работы. На Станцию поступали сообщения «о полном незнании отдельных учителей с экспонатами музеев и совершенно не выдерживающем научной критики объяснением их» [21, с. 8]. Заявив, что плохое качество экскурсионной работы «дискредитирует школу в широких кругах общественности», местные наркомпросовские структуры, в конечном счете, нашли выход. Они решили, что ответственными за качество проведения экскурсий школьными педагогами станут заведующие школами, которые должны были не допускать к экскурсиям неподготовленных учителей [16, с. 6].

Проведение экскурсий сотрудниками Станции было отчасти залогом ее качества. Все сотрудники Станции, о которых нам удалось найти сведения, получили высшее, преимущественно историко-филологическое, образование до революции — в основном, на женских курсах. Многие тогда же начали заниматься педагогической работой, преподавали в средней школе, некоторые вели занятия в рабочих кружках. Многие сотрудники получили опыт работы в экскурсионной сфере еще до работы на Станции, участвовали в работе экскурсионных семинариев.

Первой заведующей станции была двадцативосьмилетняя художница, искусствовед, жена известного архитектора Л.А. Ильина Полина Владимировна Ковальская. Спустя два года ее сменила проработавшая на Станции год Зинаида Алексеевна Эдельштейн, которая

к тому моменту уже имела довольно большой педагогический и экскурсоводческий стаж: окончив Бестужевские курсы в Петрограде, она затем преподавала в учебных заведениях Твери и Москвы, работала в Главмузее в семинарии и в качестве руководительницы экскурсий [5А, л. 124 (Curriculum vitae З.А. Эдельштейн)]. Еще через год заведующим ЦШСГЭ стал В.А. Федоров, до этого — заведующий экскурсионной станцией в Пскове. А с апреля 1924 г и до закрытия Станции ею бесценно руководила Ксения Владимировна Ползикова-Рубец. Дворянка по происхождению, выпускница Высших женских курсов, она также начала преподавательскую деятельность еще до революции, а затем увлеклась экскурсоводческой деятельностью и с 1922 г. работала экскурсоводом при Станции, сотрудничала с экскурсионной секцией университета им. Зиновьева [1А, л. 8; 3А, л. 12 (Curriculum vitae К.В. Ползиковой-Рубец)].

Почти все сотрудники совмещали работу на станции с другой педагогической деятельностью: многие работали в школах, в Музее города, в Русском музее и т.п., что было вполне естественно при небольших окладах* и довольно свободном рабочем графике (в обязанности сотрудников входило проведение 12 инструкторских экскурсий в месяц при обязательном участии один раз в неделю в педагогическом совете станции [3А, л. 10 (В тарифно-экономический отдел Союза Работпроса, 27.10.1925)]). Совместительство, хоть и являлось вынужденной мерой, вызывало некоторое недовольство в наркомпросовских кругах. Так, В.Р. Менжинская, стоявшая в начале 1920-х годов во главе петроградского экскурсионного дела, а затем переведенная в центральные структуры Наркомпроса, заметила в одной из статей, что совместительство не давало возможности руководителям экскурсий сконцентрироваться на экскурсионном деле [31, с. 4].

Важно отметить, что помимо проведения экскурсий для местных школьников и приема приезжих групп и методических экскурсий с учителями в обязанности сотрудников станции вменялась еще и разработка программ «экскурсирования» по обществоведению и другим предметам [4А, л. 44 (Характеристика Центральной школьной станции гуманитарных экскурсий); 6А, л. 66—67 (Отчет о работе ЦШСГЭ с 1 октября по 1 апреля 1925/1926 гг.)]. С середины 1920-х годов стали

* На 1925 г. штатные сотрудники имели 11 разряд (по 17-разрядной единой сетке) и получали по 40 рублей 48 копеек в месяц при 24 часах нагрузки, что было сравнимо с зарплатой городского учителя. Инструкторские экскурсии, проводимые внештатными сотрудниками, оплачивались следующим образом: за двухчасовые занятия платили три рубля, за четырехчасовые — пять [3А, л. 10].

появляться подобные разработки по обществоведению, литературе, географии. Со временем программы менялись, уточнялись.

Из приведенной ниже таблицы, которая отражает количество разработанных и проведенных сотрудниками Станции экскурсий по тем или иным блокам школьного курса, виден интенсивный рост в 1924—1925 гг. экскурсий по новым для школы темам обществоведческого курса. Сотрудники станции особо подчеркивали, что ими ведется интенсивная работа «в области разработки тех экскурсий, в которых школа ощущает особую нужду» [21, с. 10].

Тематические блоки	1920/1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Первобытная культура	2	5	6	6	3
Древний мир	—	5	7	1	—
История запада	—	1	1	6	6
История русская	—	8	10	10	11
История революционного движения	—	2	3	9	14
Современность	—	1	1	1	13
Политическая экономика	—	1	1	8	21
География (этнография)	—	7	7	9	9
Изобразительное искусство	9	12	4	4	9
Литературные	—	—	—	2	5

Составлено по: Бюллетень / Ленинградский областной отдел народного образования. 1928. № 13. С. 9.

В 1926 г. был опубликован целый цикл экскурсий, рекомендуемых для приезжих из губернии групп. Программа была рассчитана на пять дней. Среди обязательных экскурсий были экскурсия по Петропавловской крепости, экскурсия «на революционную тему»; экскурсия на производство и др. Через два года появился уточненный вариант программы, в котором, помимо прочего, до поездки в Ленинград школьникам рекомендовалось познакомиться с ближайшей бывшей барской усадьбой и увидеть «дореволюционные пережитки» быта своего края [17].

Исходя из представленного в статье краткого анонса рекомендуемых экскурсий, можно сделать вывод о достаточно сильной идеологической составляющей экскурсионной программы. Все экскурсионные темы должны были быть раскрыты в связи с борьбой классов, сменой социально-экономических формаций, революционным движением. Представляется, что Ленинград стремились представить де-

тям из губернии не сам по себе, со своим архитектурным и культурным наследием, а как крупный город, промышленный центр и «как театр революционных выступлений в прошлом» [20, с. 2].

Сотрудниками Станции выпускались методические пособия по экскурсионному делу. В 1925—1926 г. вышло шесть сборников конспектов обществоведческих, художественных и производственных экскурсий в серии «Экскурсионная практика» [4; 23; 25; 26; 32]. Темы всех экскурсий были строго приурочены к определенному моменту школьного курса. Необходимо отметить, что авторами предпринимались попытки встроить экскурсию в идеологическую парадигму. Так, например, в экскурсиях по городу особый акцент делался на влияние социальных и экономических факторов на облик города и отдельных его построек*, а также на борьбу классов и классовый характер культуры. Иногда в конспектах цитировались речи большевистских лидеров: Н.К. Крупской, Ф.Э. Дзержинского, М.В. Фрунзе.

В 1929 г. под грифом ЦШСГЭ вышли еще два издания: методическое пособие «Труд и быт крепостных XVIII—XIX вв.» по экспозиции в особняке Шереметьева и материалы к экскурсии «От имперской войны к Октябрьской революции» по Музею Революции [7; 14]. Эти брошюры представляют собой конспекты экскурсий, которые должны были стать дополнениями, иллюстрациями к урокам обществоведения в средней школе. Несмотря на краткость изложения, в этих пособиях чувствуется стремление еще точнее соответствовать идеологической заданности, что проявилось в минимизации импровизационных моментов и политизации языка.

Таким образом, само появление Станции было продолжением дореволюционной традиции. В какой-то мере представление об экскурсионной работе как о продолжении в новых условиях «культуртрегерской миссии интеллигенции» роднил ее с краеведческой работой, в которой также «лица, не принявшие революции, находили <...> применение своим знаниям и навыкам» [30, с. 496—497]. (Подробнее о путях сотрудничества тех, кто начал практиковать экскурсионный метод до революции см.: [1].) Однако, как доказывает в своей статье Е.А. Мельникова, идеалистическое представление о «героическом противостоянии краеведов тоталитарному режиму» [15, с. 58], не совсем верно. Также неверно такое представление об экскурсионных институтах.

Специфика деятельности Станции объяснялась особенностями развития образования послереволюционного периода. Работа Стан-

* «Следы буржуазного строя на дворцовом строительстве», «Отражение социальной и экономической структуры общества на типе жилищ» [33, с. 15, 19].

ции была востребована со стороны школ, однако небольшое количество сотрудников и загруженность музеев не позволяли развернуть работу в необходимых школьным работникам масштабах. Администрация Станции и местные наркомпросовские органы пытались упорядочить процесс, выпуская большое количество распоряжений с требованиями заявок, экскурсионных планов, отзывов. Тем самым объем канцелярской работы для учителей рос, экскурсионная работа, которая во многом начиналась как импровизация со стороны педагогов, постепенно бюрократизировалась. Многие из этих распоряжений были заведомо трудновыполнимы. Такой, как представляется, была директива, которая требовала от заведующих школ следить за качеством экскурсий, проводимых школьными педагогами. Вероятно, однако, эти распоряжения были малоэффективны: далеко не все школы подавали планы экскурсионной работы, а учителя иногда пытались обойти Станцию и попасть в музеи самостоятельно.

Сотрудники Станции в своей работе всячески пытались следовать нуждам средней школы, что было главным аргументом в любом разговоре с властями. Работники ЦШСГЭ — люди с дореволюционным образованием — составляли экскурсии, следуя идеологическим постулатам партии.

Несмотря на востребованность и лояльность экскурсионной организации, в начале 1930-х годов она (как и многие другие экскурсионные станции) была закрыта. В сталинскую эпоху понятие экскурсионное движение исчезло, а экскурсия стала лишь вспомогательной частью туристического движения.

- 1А. ЦГАЛИ СПб. Ф. 27. Оп. 1. Д. 21.
- 2А. ЦГАЛИ СПб. Ф. 27. Оп. 1. Д. 24.
- 3А. ЦГАЛИ СПб. Ф. 27. Оп. 1. Д. 27.
- 4А. ЦГАЛИ СПб. Ф. 27. Оп. 1. Д. 28.
- 5А. ЦГАЛИ СПб. Ф. 53. Оп. 1. Д. 60.
- 6А. ЦГА СПб. Ф. 2552. Оп. 1. Д. 1518.
- 7А. ЦГА СПб. Ф. 2552. Оп. 1. Д. 1520.
- 8А. ЦГА СПб. Ф. 2552. Оп. 1. Д. 2913.

1. *Березина, В.* «Такие люди нам нужны и не опасны» [Текст]: экскурсионная работа 1920-х гг. и «старая» интеллигенция // Конструируя «советское»? : политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: материалы науч. конф. студентов и аспирантов (19—20 апреля 2013 г., Санкт-Петербург). СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2013. С. 17—24.
2. *Березина, В.* Эволюция форм организации экскурсионной работы в первое послереволюционное десятилетие [Текст]: (на материалах Петрограда-Ленинграда) // Время, вперед!: культурная политика в СССР / под ред. И. Глушенко, В. Куренного. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. С. 197—210.

3. *Волков, В.С.* На тернистом пути просвещения [Текст]: из истории биологических станций // Вестник Гершеневского университета. 2008. № 9. С. 70—80.
4. Город, быт, производство в школах 1-ой ступени [Текст] / под ред. К.В. Ползиковой-Рубец; Ленингр. центр. школьная экскурсионная станция. Л.: «Сетьель» Е.В. Высоцкого. 136 с. (Экскурсионная практика; [сб. 3]).
5. *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]: в 4 т. 4-е изд. стер. [воспр. 2-е изд. (1880—1882)]. М.: Рус. яз.: Медиа, 2007. [1], 683, [1] с.
6. Директивы ВКП (б) и постановления Советского Правительства о народном образовании [Текст]: сборник документов за 1917—1947 гг.: приложение к журн. «Советская педагогика» / сост. Н.И. Болдырев. М.; Л.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1947. Вып. 2. 302, [1] с.
7. *Ечеистова, В.* Разработка экскурсии на выставку «Труд и быт крепостных» XVIII и XIX вв. Фонтанный дом [Текст] / составили В.Б. Ечеистова, Т.Б. Лозинская; Науч.-методич. совет ЛООНО, Центр. школьная станция гуманитарных экскурсий. М.; Л.: Гос. изд-во, Центр. тип. Наркомвоенмора в Лгр., 1929. 38, [2] с.
8. *Зубков, И.В.* Земские школы, гимназии и реальные училища (1890—1916) [Текст] // Расписание перемен: очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы). М.: Новое лит. обозрение, 2012. С. 150—236.
9. Из циркуляра Министерства народного просвещения [Текст] // Русский экскурсант. 1916. № 5. С. 3.
10. Инструктивное письмо по экскурсионной работе ленинградских школ в 1929/30 уч. году [Текст] // Бюллетень / Ленинградский областной отдел народного образования. 1929. № 19—20. С. 31.
11. Информационная бюллетень [Текст] / Ленинградский губернский отдел народного образования. 1925. № 7. С. 9.
12. Информационная бюллетень [Текст] / Ленинградский губернский отдел народного образования. 1927. № 2 (38). С. 24.
13. К сведению учителей сельских, уездных и пригородных школ [Текст] // Информационный бюллетень / Ленинградский губернский отдел народного образования. 1926. № 20. С. 18.
14. *Манн, Э.Р.* Материал и вопросник к экскурсии в Музей Революции на тему «От империалистической войны к Октябрьской революции» [Текст]: для 7-го и 9-го годов обучения / составили Э.Р. Манн, С.М. Левидова; Науч.-методич. совет ЛООНО, Центр. школьная станция гуманитарных экскурсий. М.; Л.: Гос. изд-во, Центр. тип. Наркомвоенмора в Лгр., 1929. 47, [1] с.
15. *Мельникова, Е.А.* Центробежная сил [Текст]: краеведение на окраинах Ленинграда в 1920—1930-е годы // Российская история. 2013. № 5. С. 43—58.
16. Об ответственности заведующих трудовыми школами за качество экскурсий, проводимых преподавателями, и за организацию экскурсионной работы школы в целом [Текст] // Бюллетень / Ленинградский областной отдел народного образования. 1928. № 42. С. 5—8.
17. Об экскурсионной работе трудовых школ городского и сельского типа: (инструктивное письмо) [Текст] // Бюллетень / Ленинградский областной отдел народного образования. 1928. № 13. С. 25.
18. Об экскурсиях для ознакомления с родиной [Текст] // Русский экскурсант. 1917. № 2—3. С. 110—112.
19. Ленинградский губернский отдел народного образования. Отчет за 1922—23 учебный год и краткий обзор пятилетней деятельности отдела, 1918—1923 [Текст] / Петрогубисполком, Петрогр. губ. отд. нар. образования. Пг.: [Б.и.], 1923. 300, 214 с.

20. *Ползикова-Рубец, К.* Школы губернии на экскурсии в Ленинград [Текст] // Информационный бюллетень / Ленинградский губернский отдела народного образования. 1926. № 38. С. 1—5.
21. *Ползикова-Рубец К.* Экскурсионный метод в школах Соцвоса [Текст] // Информационный бюллетень / Ленинградский губернский отдел народного образования. 1926. № 11. С. 6—12.
22. Положение о Единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики [Текст] // Директивы ВКП (б) и постановления Советского правительства о народном образовании: сб. док. за 1917—1947 гг. М.; Л.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1947. Вып. 2.
23. Пособие для руководителей экскурсий [Текст] / сборник конспектов Центр. школьной станции гуманитарных экскурсий / под ред. [и с предисл.] Н.А. Кузнецова, К.В. Ползиковой-Рубец. Л.: Изд-во Кн. сектора ЛГОНО, 1925. Вып. [1]—2. (Экскурсионная практика Ленингр. отд. нар. образования / под общ. ред. Н.А. Кузнецова).
24. Правила записи на экскурсию школьных групп [Текст] // Бюллетень / Ленинградский областной отдел народного образования. 1928. № 34. С. 5.
25. Тема «Рынок» [Н.П. Анциферов], «Кооператив» [В.А. Миляева] и «Хлебозавод» [М.П. Вяткин] в школах 1-ой ступени [Текст] / под ред. К.В. Ползиковой-Рубец; Ленингр. центр. школьная экскурсионная станция. Л.: «Сеятель» Е.В. Высоцкого, 1926. 96 с. (Экскурсионная практика; [сб. 1]).
26. Тема «Транспорт» в школах 1-ой ступени [Текст] / под ред. К.В. Ползиковой-Рубец; Ленингр. центр. школьная экскурсионная станция. Л.: «Сеятель» Е.В. Высоцкого, 1926. 52 с. (Экскурсионная практика; [сб. 2]).
27. Труды Комиссии по организации экскурсий для учащихся и учащихся средних учебных заведений Московского Округа с 28-ХП-1910 г. по 6-І-1911 г. [Текст] / под ред. В.И. Комарницкого, С.И. Гинтовта, Г.К. Гиндце; М-во народ. просвещения, Моск. учеб. окр. [и др.], центр. экскурсионная комис. М.: тип. МНП, 1911. 223, III с.
28. *Харцев, В.И.* Об организации ученических экскурсий [Текст]. Харьков: тип. Губ. правл., 1897. [2], 20 с.
29. Циркулярное письмо Главсоцвоса от 10 ноября 1922 г. [Текст] // Ежедневник Народного Комиссариата просвещения РСФСР. 1922. № 2. С. 5—6.
30. *Шмидт, С.О.* Краеведение и культура России первой трети XX столетия [Текст] // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М.: Наука, С. 496—505.
31. Экскурсант и турист [Текст]: сборник по экскурсионному делу и туризму. М.: [Объединенное экскурсионное бюро Наркомпроса РСФСР], «Мосполиграф», 16-я тип., 1928. 85, [3] с.
32. Экскурсии и современность [Текст] / под ред. Н.А. Кузнецова, К.В. Ползиковой-Рубец; Ленингр. отд. нар. образования. Л.: Изд-во Кн. сектора ЛГОНО 1925. 154, [1] с. (Экскурсионная практика). На обл. сер.: «Экскурсионная практика Ленингр. Губсоцвоса / под ред. Н.А. Кузнецова».
33. Экскурсионная практика ЛОНО [Текст]. Л.: Изд-во Кн. сектора ЛГОНО, 1925. Вып. 1. С. 15, 19.

Е.А. Жданкова

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЗАРОЖДЕНИЯ ДЕТСКОГО КИНЕМАТОГРАФА В СССР В ПЕРИОД НЭПА

В фокусе данной статьи находится вопрос о необходимости организации детского кинематографа как формы детского досуга в период новой экономической политики, тесно связанный с социальной политикой советского государства. Первая мировая и Гражданская войны остро поставили перед советской властью детский вопрос и проблему беспризорности. Оказавшись без надзора, дети потянулись к взрослым развлечениям, одним из самых доступных стало кино. Присутствие детей в кинотеатрах стало объектом многочисленных обсуждений и жалоб. Стала очевидна необходимость создания детских кинотеатров. Дуализм в разрешении детского вопроса в отношении кино выразался в его оценке. Дурное влияние кинофильмов на детей бурно обсуждается в прессе и на педагогических съездах. Одновременно с этим кино предлагается использовать как воспитательный инструмент в просветительских целях. Государством разрабатывались способы заботы о детстве, в числе прочего и с помощью развития кинокультуры.

Ключевые слова: советское кино; детский кинематограф; 1920-е годы; нэп; беспризорники; детская преступность.

Elizaveta Aleksandrovna Zhdankova

Some aspects of the formation of children's cinema in the USSR during the NEP

The author focuses on a problem of necessity of organizing the children's cinema as a form of child's leisure during the New Economics Policy, which was closely related with social policy of the Soviet state. World War I and the Civil War put sharply a child's problem and a problem of child's homelessness. Being unsupervised, children were attracted to an adult entertainment, one of the most affordable was a cinema. The presence of children in theaters has been the object of much discussion and complaints. It became evident that there was a need for infrastructure for the normal child cinema leisure. The problem of resolving the children issue was dualistic, it expressed in a specific assessment of the cinema. Cinema's bad influence on children was a subject of debates in the press and on the pedagogical congresses. At the same time cinema was proposed to be used as educational tool in order to enlightenment. The state developed a practices of care for a childhood, among other things, by developing a culture of cinema.

Keywords: Soviet cinema; children's cinema; the 1920s; the New Economics Policy; homeless children; juvenile delinquency.

В 1920-е годы советская пресса наполнилась сообщениями о детской киномании. Стала очевидной необходимость создания инфра-

структуры для нормального детского кинодосуга, отдельных киносеансов и кинотеатров для детской аудитории, приспособление кинотеатров под нужды детей. Вопрос об ограничении детям доступа к кино поднимался еще в дореволюционной России, но в 1920-е годы ситуация значительно обострилась. Первая мировая и Гражданская войны на целое десятилетие остро поставили перед новой властью детский вопрос и проблему беспризорности, которая в дальнейшем усугубилась за счет социальных проблем нового государства [18]. По некоторым подсчетам, в 1922 г. в СССР насчитывалось около 7 млн. беспризорных детей. Оказавшись без надзора, дети тянулись ко взрослым развлечениям, и одним из самых доступных и популярных было кино.

Актуальность вопроса о детском кинематографе была обоснована рядом причин различного характера: от заботы о детях и их идеологическом воспитании до жалоб посетителей кино на поведение подростков в кинозалах. Типичное суждение кинозрителя имело подобную логику: «предлагаю устраивать специальные детские сеансы, а на вечерние лиц моложе 17 лет не пускать, т.к. часто картины бывают даже вредны. Это немного устраним хулиганство» [2А, л. 56]. Проблема посещения детьми кино, таким образом, требовала системного решения и изначально содержала в себе два основных пункта: убрать детей из взрослого кино как помеху нормальному течению киносеанса, с одной стороны, и обеспечить самих детей должным репертуаром, с другой.

По многочисленным опросам, в 1920-е годы дети массово увлекались кино. На педагогическом съезде в 1928 г. прозвучала обобщенная статистика — школьники посещают кино в среднем четыре раза в месяц [22, с. 14—15]. Неоднократно интерес детей к кинематографу изучался и гораздо подробнее. Например, в 1926 г. Ассоциацией революционной кинематографии среди детей был проведен опрос о том, как часто они посещают кинотеатры. Было обработано 135 анкет, из опрошенных — 114 школьников, 24 пионера, 7 октябрят и 3 комсомольца. По результатам этой анкеты было установлено, что дети бывают в кино в среднем в основном 2—5 раз в месяц: не больше десяти раз в месяц — 10 человек, от 5 до 10 раз — 18 человек, от 3 до 5 — 36 человек, 1-2 раза в месяц кино посещают всего 5 человек [13, с. 4]. Остальные ответили неопределенно: «редко» или «часто», в одинаковой пропорции.

Детская киноаудитория включала разнообразные возрастные группы: «Дети старше двенадцати лет посещают кино поголовно (100%), малыши девятилетки составляют 84% восьмилетки — 86%, и только десяти-одинадцатилетние ребята “не так любят кино”: из ста человек этих двух категорий кино посещают “всего только” 66—71%! Из всей детской массы 6% являются “завсегдатаями” кино, так

что на каждую сотню ребят шестеро бывают в кино десять, двадцать и даже тридцать раз в месяц!» [15].

Подъем социологии, педологии и других дисциплин побуждал педагогов-теоретиков анализировать детские реакции и искать истоки интереса детей к кино и, чаще, возможности использования кино в педагогическом процессе [см., например: 12; 6; 24]. Было установлено, что в наибольшей степени детей привлекало приключенческое кино с активными действиями [21, с. 5]. Это в свою очередь нередко служило поводом для рассуждений о негативном влиянии имеющегося кинорепертуара на детей как притупляющего их ощущения от реальной жизни: «Разнообразие и увлекательность киносюжета противопоставляется сереньким будням. У детей развивается эстетнаркомания — тяга сунуть голову в пуховую подушку кино-выдумок. Вырабатывается паталогический тип детей-киноманов» [26, с. 4].

Медики нередко также придерживались мнения о том, что современное кино пагубно сказывается на детской психике: «Мы, медики, ведем борьбу не только с неподходящими и опасными для детей картинками, но с кино, считая его чрезвычайно вредным для неустановившейся детской эмоциональности. На детей до семи лет кино производит слишком резкое действие в смысле быстрой смены впечатлений, сложных, волнующих трюков, быстрого мелькания. Ко мне массаи приводят детей, страдающих теми или иными формами нервных болезней — от кинематографа» [20, с. 6]. Встречались и категорические призывы не допускать детей в кино вовсе, такое резюме, в частности, выносил директор клиники нервных болезней профессор Г.И. Россолимо: «Я рекомендовал бы до семнадцатилетнего возраста оберегать молодое поколение от вредного влияния кино» [20, с. 6].

Некоторые педагоги, тем не менее, находили естественным такой интерес детей к киноэкрану. Педагог-экспериментатор М. Пистрак не находил ничего противоестественного в интересе детей к приключенческому кино. «Ребенок, сидя перед экраном, всматривается в разворачивающиеся перед ним картины, ставит себя на положение героя, дает таким образом возможность разряда накопившейся энергии, ищущей выхода по определенному пути», — такой подход принципиально иным образом оценивает влияние кинофильмов определенных жанров на детей [12, с. 124]. В позднейших своих работах М. Пистрак призывал учителей к необходимости психологического анализа учебной деятельности с точки зрения личностных интересов и потребностей школьников. Многие из авторов, занимавшихся подобными исследованиями, впоследствии были репрессированы, а их оценки объявлены ошибочными. В общегосударственном дискурсе имеющийся кинофонд стало однозначно оцениваться как категорически непригодный

для детей и «растлевающий» их, а детям приписывался завышенный интерес к познавательным фильмам. Однако, если обратиться к тому, какие именно «культурфильмы» предпочитала подростковая аудитория, то становится очевидна их специфика: «картина фартовая — хочу видеть “Аборт”», «хочу видеть научно-художественные картины, например “Аборт” и “Правда жизни”» (про сифилис) [13, с. 3]. Раннюю эротизацию называли еще одной опасностью кинематографа: «детям с двенадцати лет кино вредно с точки зрения сексуальности; оно рано пробуждает в них инстинкт пола, приводит к различным половым извращениям» [20, с. 6], «эротика, которой просочено все наше игровое кино — большой соблазн для детей, слишком раннее эротизирование детской психологии ведет к неврозам и психозам» [26, с. 4]. Среди детей популярны фильмы, в той или иной мере затрагивающие сексуальные темы. В прессе сообщается о том, что детям регулярно рассказывают о борьбе с проституцией и венерических заболеваниях, снимают фильмы о том, как рассказать детям о половой жизни [5, с. 18—19]. Реклама коммерческих фильмов также имела отчетливый эротический подтекст и расценивалась как фактор, негативно влияющий на детскую психику, поскольку дети видят рекламные афиши, даже не посещая кино. Это рождало обсуждения необходимости создания специального детского киноплаката и детской рекламы [6, с. 71—73].

«Повальная детская киномания» стала поводом для изучения не только популярности среди детской аудитории, но и влияния кинофильмов на поведение детей [3, с. 38-39]. С. Третьяков, теоретик кино 1920-х годов, начал статью о проблемах детского кинематографа в журнале «Советское кино» в уже сформировавшемся формате текстов о детском кинематографе — с объяснения того, чем он плох и опасен. Первая фраза этой статьи — «кино развращает детей» [26] — устоявшийся зачин для подобных обсуждений. Несмотря на то, что статья публиковалась с ремаркой «в порядке обсуждения», дискуссии не последовало. Третьяков выступил в защиту детского кино, но рассматривал его аудиторию под определенным углом: «Еще один аргумент против выставления детей из кинозалов. Ратующие за недопуск детей во взрослое кино забывают, что 99% городских детей в кино не бывают, неоткуда взять деньги на билет. Для этой массы рабочей детворы попасть на киносеанс — это вроде ананаса по вкусноте и редкости. Об этих детях приходится думать как бы их привести в кино, а не наоборот. Контингент привычных киноманов среди детей — это либо дети зажиточных и служилых групп, либо дети улицы, для которых кино один из видов наркотика наравне с табаком, водкой и кокаином. Последний свой полтинник на кинобилет они наскребут нищенством либо стрельнут воровством. Но не об этих же двух последних категориях наша первоочередная забота» [26, с. 4—5].

Создается, таким образом, миф о детях рабочих, которым недоступно кино. Следует заметить при этом, что приблизительно 70% беспризорников происходили из рабочих семей [23, с. 46].

Действительно, в раннесоветских исследованиях преступности и криминальной практики кинематографу уделяется внимание как фактору, заметно влияющему на рост детской преступности [28, с. 19—20]. В текстах разного уровня неоднократно повторяется, что кино имеет крайне негативное влияние на детей. Подотдел социально-правовой защиты несовершеннолетних при Наркомпросе поднял вопрос о дурном влиянии кинотеатров на детей-подростков. «Для детей, склонных к преступлению, кино — настоящая академия наук. Там они видят сложнейшие и изощреннейшие виды преступлений, вдобавок поощряемых и увлекательных», — полагали специалисты [20, с. 6].

Не раз на страницах газет, журналов и специализированной литературы приводится в качестве примера разрушительного влияния кинофильмов рассказ А. Толстого «Случай на Бассейной улице». Сюжет рассказа основан на реальных событиях: влюбленные юноша и девушки, вдохновившись французским криминальным фильмом, захотели красивой жизни и решились пойти на преступление. Такой сюжет, однако, был описан не только в книге, но нередко встречался и в прессе в различных хрониках. Приведем только несколько примеров:

- «Пионеры смотрели в “Смене” картину “Морской ястреб”. Заразившись жаждой героических приключения морских разбойников, показанных в этом фильме, они перебили все стекла в клубе» [27];
- «В картине “Человек без нервов” Коля Сироткин, ученик Богородской школы, видел, как повешенный человек через десять минут воскрес. Он решил повторить этот опыт и повесился» [10];
- «В кино при клубе ст. Корыстовка Е.ж.д. часто идут приключенческие картины с участием Гарри Пиля и других подобных ему героев. Результат: малыши, подражая своим кино-любимцам, стали срезать пломбы с вагонов» [17];
- «Мальчик, сын дворника, убивает другого шестилетнего мальчика (задушил), продает его одежду за 3 рубля 50 копеек и на вырученные деньги идет смотреть кино “Когда идет снег”» [1, с. 15];
- Дети, насмотревшись «всяких на шумевших боевиков, где на каждую часть по два убийства, по три ограбления и по одному насилию, сами решили заняться легкой наживой». Подростки отправились к клубу и вечером, мальчишки спрятались за забором, отправив девочку ко входу «ходить завлекательной

походкой». Мужчину, который соблазнился ее походкой, она завела в темный переулок, где его и «ограбили подростки в плащах и с ножами. Их успела поймать милиция» [25, с. 3—4].

Забота о детях в кино, таким образом, выразилась в первую очередь в ограждении их от мира взрослых соблазнов, провоцирующих их на девиантное поведение. Примечательно, что политическая составляющая дискуссии не занимала главной роли в контексте детского кинематографа. Главными идеологами и радетелями идеи детского кино нередко выступали педагоги. Зачастую они ставили во главу угла задачи образования и воспитания: «А меж тем потребность в детской фильме растет, хотя бы уже потому, что беспризорные, насмотревшись Гарри Пиля, и слышать не захотят о каких-то жучках и букашках, которыми их будет пытаться заинтересовать школа. Ведь они этих жучков никогда не видели и не представляют. А чужие страны? А далекие прерии? Покажите их ребятам, и вы направите работу их мозга с пути московских малин и притонов на жадную любознательность и стремление выяснить свое место в этом широком неизвестном им мире» [2, с. 1].

Играло свою роль в оценке кинотеатра как неблагоприятного для детей пространства и то, что значительную часть кинозала занимали беспризорники, повышающие криминогенность этого заведения [28, с. 20]. Большое число беспризорных детей объяснялось в немалой степени тем, что беспризорники посещали кино всегда — 41% беспризорных детей бывали в кино круглогодично, вне зависимости от каникул и выходных. Объяснялось это тем, что их режим дня не дифференцировался так строго, как режим других детей. Летом кино привлекало их в большей степени, чем в другое время. «Проводя летом все свое время на улице, беспризорные по вечерам толкаются у освещенных дверей кино, заполняя в залах значительное количество мест» [28, с. 20]. Следует отметить, что к 1929 г. социальной группой, наиболее поддерживающей общественно-революционные кинофильмы и наиболее лояльной к идеологически нагруженным картинам, оказались беспризорники (25% против 17% детей других социальных групп) [28, с. 18].

По частоте посещения кино на первом месте также стояли беспризорные дети (в среднем два раза в неделю), следом за ними шли дети рабочих, чья посещаемость кино ниже, но незначительно, и в условиях опроса можно списать это на погрешность. Примерно в два раза реже посещали кино дети служащих и мелкобуржуазных семей [28, с. 19]. При этом неодинаков и половозрастной состав детской аудитории кино — чаще это мальчики, дети 8—10 лет. Интервьюеры объясняли это в первую очередь тем, что мальчикам легче достать

деньги для покупки билета или хватает больше смелости рискнуть проникнуть в зал, в то время как девочки предпочитают проводить время менее рискованно. Кино доступно для беспризорников тем, что в библиотеки или музеи их не пускали, театр слишком дорог, зато улицы пестрили рекламами кинофильмов, куда можно было попасть как легальным, так и нелегальным путем. Но чем старше становились дети, тем больше расширялся круг их интересов, тем доступнее становились другие культурные развлечения и зрелища [28, с. 19].

При этом дети отмечали, что посещают кино гораздо реже, чем им хотелось бы, — в основном из-за отсутствия денег, а также из-за отсутствия перемен. Школьное расписание позволяло детям ходить в кино в основном в выходные дни — 72% школьников. Беспризорники посещают кино ежедневно в течение всей недели, но предпочитает также выходные — из-за более сильных эмоций от посещения кинотеатра, который переполнен зрителями и более презентабельной публикой [28, с. 19—20].

Отчетливо прослеживается дискурс — «существующее кино разлагает детей». Примечательно, однако, что позиция государственных киноучреждений в этом контексте не была ярко выражена. Это можно объяснить в первую очередь коммерческим интересом кинотеатров. Подростки, несмотря на то, что они, с одной стороны, создавали помехи киносеансу, в то же время являлись зрителями и покупали билеты.

Более важным фактором, тормозящим развитие детского кинематографа, был финансовый вопрос. Создание специальных кинотеатров и кинофильмов для детско-юношеской аудитории требовали немалых затрат, в то время как бюджеты были ограничены даже на взрослые фильмы. В 1920-е годы советское кино находилось в состоянии так называемого «пленочного кризиса» — СССР до 1926 г. не производил своей пленки и был вынужден покупать ее из-за рубежа, что создавало сложность в кинопроизводстве и в период нэпа весьма своеобразно отражалось на нем.

Тем не менее, предлагались меры по изменению ситуации. Запрет на посещение детьми кино многими рассматривался как уход от решения проблемы — в идеалистических рекомендациях о том, как следует устроить детский кинотеатр (или проводить детские киносеансы), читались лишь общее настроение и общие ориентиры. Любопытно, тем не менее, понять, что именно из мечтаний-рекомендаций оказалось воплощено в жизнь, а что осталось лишь в форме проектов. К примеру, стало возможным открыть детский кинотеатр и показывать детям специально подготовленные для них фильмы.

В практическом смысле вопрос заботы о детях выразался в необходимости формирования специального детского репертуара. 17 декабря

1922 г. состоялось совместное совещание кинематографистов и педагогической общественности. Был поставлен вопрос о необходимости специальных детских фильмов [7, с. 29]. По инициативе директора фабрики «Севзапкино» Д.И. Лещенко состоялось первое совещание петроградских научных работников, специалистов по кино совместно с представителями красной профессуры. Речь шла о введении кино в школах в качестве учебного пособия. Совещание приняло решение организовать общество «Научный кинематограф» при «Севзапкино» [7, с. 29]. 8 августа было опубликовано постановление Главной репертуарной комиссии (Главрепертком) и Главного управления социальных вопросов (Главсоцвос) Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) РСФСР о типах фильмов, которые можно показывать детям. В выработке законодательства по регулированию посещения детьми кинотеатров принимал участие отдел социально-правовой охраны несовершеннолетних при Наркомпросе РСФСР [14; 4]. Эти решения были приняты в рамках формирования списка запрещенных картин в целом, не только для детей, но и для взрослой аудитории [3А, л. 7—8]. При этом уже в конце 1923 г. при Севзапкино была организована секция детского кино [11, с. 37; 9]. Но производство детских фильмов оставалось на низком уровне и не было способно целиком удовлетворить возрастающие потребности советского общества.

Необходимость использовать кино в школе и при детском образовании, конечно, была очевидна и до революции [8, с. 21]. Но о реальном проекте создания детских кинотеатров заговорили только после окончания Гражданской войны. Двигателем этой идеи еще до 1917 г. была не столько забота о развлечении или образовании детей, сколько потребность изолировать их от взрослой аудитории. Действительно, нередки были жалобы на подростков в кинотеатрах: «У касс спекулируют дешевыми билетами, чаще всего подростки — надбавка в 10 коп. Предлагают не продавать больше 6—8 билетов в одни руки, особенно подросткам» [2А, л. 54]. Но запрос на отдельные детские киносеансы — даже не фильмы — возникал значительно чаще: «почему не устраивают детские утренники, ведь детям младшего возраста неудобно посещать вечерние киносеансы» [1А, л. 17], «почему не устраиваются детские утренники, это большой недостаток для учащихся младшего возраста, хотя и для всех детей недоступно смотреть картины в поздний час, да и некоторым дорого» [1А, л. 32].

Новая экономическая политика наложила свой отпечаток на социальную и культурную политику во всех сферах жизни, в числе прочего на кинематограф. Объективная потребность общества в детском кино вследствие его нехватки столкнулась с коммерческим интересом кинопроизводителей, при том что государственная полити-

ка здесь была не очень эффективна. На кино была возложена важная воспитательная функция: предполагалось, что оно «станет настоящим борцом с разлагающим влиянием, которое имеет на детей улица» [19, с. 12—13]. Со свертыванием нэпа в конце 1920-х годов детское кино постепенно стало одним из приоритетных направлений советской кинематографической политики.

- 1А. Сводка анкетного материала по тульским кинотеатрам // РГАЛИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 358.
- 2А. Сводка анкетного обследования зрителей в кинотеатрах г. Армавира // РГАЛИ. Ф. 645 (Главискусство). Оп. 1. Д. 312.
- 3А. ЦГАЛИ. СПб. Ф. 317. Оп. 3. Д. 12.
 1. Актуальнейшая проблема. Вопрос кино на педагогическом съезде [Текст] // Кино. М., 1928. № 2.
 2. *Асеев, Н.* О детской фильме [Текст] // Советский экран. 1926. № 6.
 3. *Гельмонт, А.М.* Изучение влияния кино на детей [Текст] // Кино и культура. 1929. № 4. С. 38—47.
 4. Известия [Текст]. 1923. 9 авг.
 5. Иной певец подчас хрипнет [Текст] // Советское кино. 1925. № 1.
 6. *Кейлина, Л.* Очередные задачи деткино [Текст] // Кино и культура. М., 1929.
 7. Кино: (двухнедельник О-ва кинодеятелей). 1922. № 4 (декабрь).
 8. Кино и школа [Текст] // Кино. М., 1922. № 1.
 9. Кино-неделя [Текст]. 1924. № 13.
 10. Комсомольская правда [Текст]. 1928. 22 янв.
 11. Педагогический театр [Текст]. [М.]: Гос. Мастерская Педагогич. театра, 1926. Сб. 2. 55 с. На послед. с. текста: «Сборник ред. Г.Л. Рошалема и сконструирован и выпущен Г.М.П.Т. Главсоцвосс. под руководством Л.Р. Свирского».
 12. *Пустрак, М.* Насущные проблемы современной советской школы [Текст]. М.: Работник просвещения, 1925. 187, [2].
 13. *Потемкин, Ив.* Кино и дети [Текст] // Советский экран. 1926. № 11. 16 марта.
 14. Правда [Текст]. 1923. 8 авг.
 15. Правда [Текст]. 1928. 6 янв.
 16. *Правдолюбов, В.* Кино и учащиеся [Текст]: из работ Института методов школьной работы. 2-е изд. перераб. и доп. // На путях к новой школе. 1927. № 2. С. 19—30.
 17. Рабочая газета [Текст]. 1927. 2 окт.
 18. *Рождков, А.* Беспризорники [Текст] // Родина. 1997. № 9. С. 70—75.
 19. *Сац, Н.* Десять лет ждут [Текст] // Советское кино. М., 1928. № 2.
 20. Советский экран [Текст]. М., 1928. № 12.
 21. Советский экран [Текст]. М., 1928. № 7.
 22. Советское кино [Текст]. М., 1928. № 1.
 23. *Соколов Б.* Спасите детей! [Текст]: О детях советской России. Прага, 1921. 70 с.
 24. *Станчинская-Розенберге, Э.* Влияние кино на школьника [Текст] // Работник просвещения. 1927. № 2. С. 8—25.
 25. *Толстова, Н.А.* Кино и дети [Текст] // Вопросы воспитания. М., 1930.
 26. *Третьяков, С.* Граждане 1940 года [Текст] // Советское кино. М., 1926. № 6—7. С. 4—5.
 27. Труд [Текст]. 1927. 26 нояб.
 28. *Элькин, Г.Д.* Ребенок и кино [Текст] // Кино и культура. 1929. № 3.

Л.А. Кузнецова

КУРОРТНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В 1920—1950-Е ГОДЫ: ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ И УПРАВЛЕНИЯ*

В статье анализируется процесс институционализации курортного дела в СССР, рассматриваются основные государственные и общественные институты в сфере управления курортами в 1920—1950-е годы. Подробно изучается то, как изменялась структура и функции этих институтов, описываются основные акты, регулирующие их деятельность. Особое внимание уделено роли отдельных руководителей курортного строительства в формировании принципов управления, ставится проблема ведомственного подчинения санаториев.

Ключевые слова: советский курорт; курортное строительство; Министерство здравоохранения; Союзкурорт; ВЦСПС.

Lyudmila Kuznetsova

Resort Construction in the 1930—1950^s: Issues of Organization and Administration

The article analyzes institutionalization of resorts in the USSR by looking at major state and public institutions in resort administration in the 1920—1930^s. The author explores changes in the structure and functions of these institutions, describing main acts that regulated their activities. The article gives special attention to the role specific resort construction managers played in the formation of administration principles. It also engages with the problem of industry-sponsored sanatoriums.

Keywords: Soviet resort; resort construction; Ministry of Health; Soiuzkurort, All-Union Central Council of Professional Unions.

ВВЕДЕНИЕ

«В Сочи, хоть один раз в жизни, отдыхал каждый человек», — говорила героиня фильма «Москва слезам не верит», насыщенного образами «узнаваемого прошлого». Представление об идеальном отдыхе занимало важное место в культурных схемах советского человека. Однако не только этим интересна данная тема: советский курорт был сложным явлением, вписанным в разные контексты. Представляется, что изучение системы курортного отдыха в Советском Союзе даст возможность перейти к более широким обобщениям, касающимся некоторых дискуссионных проблем советской истории.

* Исследование выполнено при поддержке фонда «Открытое общество».

Анализ различных аспектов курортного строительства может многое сказать о политике, идеологии, властных отношениях, социуме и культуре исследуемого периода.

В данной статье мы обратим внимание на то, какие организации и учреждения могли влиять на курортное строительство, на формирование системы курортного отдыха, воздействуя, в конечном итоге, на конструирование соответствующей культурной схемы. Конечно, учесть абсолютно всех акторов вряд ли возможно. Однако уделить внимание самым важным из них представляется полезным. Поэтому перед нами стоит задача выявить государственные и общественные институты в сфере управления курортами, рассмотреть их структуру и функции. Сразу отметим, что институтом, определявшим политику в области курортного строительства, было Главное курортное управление в составе Народного комиссариата здравоохранения (Наркомздрава), поэтому именно ему будет уделено основное внимание в этом тексте.

Источниками для данной статьи послужат следующие документы: решения партии и правительства, касающиеся различных вопросов курортного строительства; постановления, исходившие из различных заинтересованных организаций, переписка между ними. Отчасти данные источники опубликованы в сборниках документов по истории советского периода («Декреты Советской власти»; «Постановления КПСС и Советского правительства об охране здоровья народа»; «Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР, 1925—1940») и в журнале «Курортное дело», который был печатным органом Главного курортного управления. Однако нас в данном случае интересуют и проекты постановлений, даже тех, которые потом не были приняты. Подобные материалы хранятся в Государственном архиве Российской Федерации, в фондах Наркомздрава (ф. Р-8009 (Министерство здравоохранения СССР, 1931—1991); ф. А-482 (Министерство здравоохранения РСФСР, 1918—1991)), Главного Курортного Управления (ф. А-483 (Главное курортное управление Наркомата здравоохранения РСФСР, 1923—1931, 1937—1960); ф. Р-9228 (Главное Управление курортов и санаториев Министерства здравоохранения СССР, 1932—1956); ф. А-8042 (Все-российское Объединение курортов и курортных предприятий Наркомата здравоохранения РСФСР, 1931—1937)) и Центрального Совета по управлению курортами профессиональных союзов (ф. Р-9493 (1933—1979)); ф. Р-7701 (Всесоюзный строительный трест строительства курортов и санаториев ВЦСПС, 1937—1940)).

К сожалению, специальных исследований, посвященных советским курортам, практически нет. Как правило, в литературе они

упоминались в контексте истории здравоохранения. Как социальный институт или культурный феномен, они не рассматривались, внимание обращалось лишь на различные способы и методы лечения в санаториях. Также существует большой пласт краеведческой литературы, в которой упоминаются отдельные курортные зоны и здравницы. Однако эта литература носит преимущественно популярный характер и содержит лишь краткую и фрагментарную информацию о динамике развития территории. Краеведческие издания, как правило, описательны, в них практически отсутствует анализ, зачастую, они повторяют ранние публикации (например, «Курорты Черноморья и Северного Кавказа (Юго-Восточного края)» В.Н. Котовича (Ростов н/Д: Советский Юг, 1924); брошюра В. Зайцева и Н. Лариной «Знакомьтесь — Усть-Качка», изданная в Перми, в 2004 г.). Создается впечатление, что восемь десятилетий мало повлияли на этот жанр.

Вследствие отсутствия современных исследований, посвященных подразделениям Наркомздрава, сложно установить личности руководителей этих подразделений. Подобная ситуация характерна не только для изучаемого Наркомата. В предисловии к историко-биографическому справочнику, выпущенному в 1999 г. и содержащему информацию о высших органах советской власти и их руководителях, В. Ивкин отмечает, что «в настоящее время отсутствует справочно-библиографическое издание о представителях высшего эшелона государственной власти СССР» [3, с. 5]. Автор, используя обширный архивный материал и материалы прессы, внес коррективы в ранее опубликованные данные, подвергшиеся искажениям в силу закрытости архивов, а в некоторых случаях — впервые опубликовал информацию о руководителях советских ведомств и организаций. К сожалению, данный справочник охватывает только центральные органы власти, не уделяя внимания их подразделениям и отделам.

Литературы, посвященной непосредственно советским курортам, крайне мало. Однако существуют исследования, которые хотя напрямую не касаются избранной нами темы, но затрагивают сюжеты, актуальные и для данной работы. Здесь, прежде всего, следует упомянуть публикации, посвященные истории рекреационной сферы и различным практикам отдыха в Советском Союзе [26; 25; 27]. Также существует многочисленная литература, посвященная вопросам, которые, так или иначе, будут рассматриваться в исследовании, частью которого является эта статья. Сборники статей и монографии, посвященные политической истории и культуре, институционализации различных учреждений, взаимоотношениям властей разных уровней [10; 24]; социальной истории и истории повседневности

[5; 23]; истории культуры и искусства [9; 15; 22], позволяют составить полное представление о контексте, в котором формировалось и существовало такое явление, как советский курорт.

ИСТОРИЯ ВЕДОМСТВА

В литературе, как правило, процесс организации советского курортного отдыха сводится к трем декретам Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР: «О лечебных местностях общегосударственного значения» (1919 г.), «Об использовании Крыма для лечения трудящихся» (1920 г.), «О домах отдыха» (1921 г.). Однако становление советской курортной системы происходило гораздо сложнее.

Институционализация системы управления курортами имела прямое отношение к институционализации здравоохранения. А. Блюм и М. Меспуле указывают на устойчивую институциональную преемственность советских учреждений по отношению к старому строю [1, с. 9]. Однако в царской России отдельного Министерства здравоохранения не было, существовал только проект, автором которого был лейб-хирург Г. Рейн. Тем не менее, можно говорить об общей тенденции «огосударствлению медицины», которая после Октябрьской революции проявилась в попытке централизации медицинского и санитарного дела. 26 октября (8 ноября) 1917 г. при Военно-революционном комитете Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов был образован Медико-санитарный отдел, которому поручалось реорганизовать данную сферу. Для реализаций постановлений и оказания медицинской помощи населению на местах с ноября 1917 г. в различных районах страны были созданы Медико-санитарные отделы (при местных Советах) и Врачебные коллегии (при некоторых Народных комиссариатах). 24 января (6 февраля) 1918 г. декретом СНК Врачебные коллегии были объединены и был образован Совет Врачебных коллегий, на который возлагались функции высшего медицинского органа Рабочего и Крестьянского правительства.

В это время основной задачей Совета Врачебных коллегий оставалось объединение усилий в области здравоохранения в масштабах всей страны. В связи с этим велась работа по подготовке Всероссийского съезда представителей Медико-санитарных отделов, которому предстояло решить вопрос об образовании Народного комиссариата здравоохранения РСФСР. Съезд состоялся в Москве 16—19 июня 1918 г. В постановлении съезда признавалась необходимость создания единого центрального органа — Комиссариата здравоохранения. 26 июня 1918 г. Совет Врачебных коллегий направил в СНК

докладную записку и проект декрета о создании Народного комиссариата здравоохранения РСФСР. 13 июля 1918 г. после многократного обсуждения СНК принял декрет «Об учреждении Народного комиссариата здравоохранения». Первым главой ведомства стал Н. Семашко, его заместителем — З. Соловьев.

Создание Наркомата здравоохранения сопровождалось бурными дискуссиями: среди членов СНК были и такие, которые выступали против этого: например, по воспоминаниям Семашко, Л. Троцкий сказал, что он «не верит в начинание». Против были и некоторые представители земской медицины и Центрального управления социального страхования (Цусстраха), которых не устраивала бюрократическая централизация управления медицинским делом в одном учреждении, так как они хотели сохранить относительную независимость Медико-санитарных отделов. По словам первого наркома здравоохранения РСФСР, лишь поддержка идеи В. Лениным способствовала претворению ее в жизнь [11; 21].

Здесь следует отметить принципиальную позицию Семашко. Даже приняв во внимание возможную важную роль Ленина в образовании Наркомздрава, необходимо учитывать и влияние первого Наркома здравоохранения РСФСР. Как при создании Наркомата, так и в дальнейшем, когда он проявлял завидное упорство в деле централизации управления. О необходимости изжить, «выжечь каленым железом всякую идею “земщины”» [9А] и сконцентрировать всю полноту власти в одном органе — Наркомате здравоохранения — он заявлял регулярно, защищая интересы своего ведомства. Самого Семашко вряд ли можно считать представителем земской медицины. Закончив в 1901 г. Казанский университет, он очень недолго работал участковым врачом. В 1905 г. был арестован, в 1906 г. эмигрировал в Женеву, затем переехал в Париж, где работал секретарем заграничного бюро ЦК. Вернулся в Россию только в июле 1917 г., где сразу же включился в революционный процесс: был председателем районной управы в Замоскворечье, а во время октябрьских событий был одним из руководителей Совета районных дум в Москве. Вообще, складывается впечатление, что Семашко был скорее общественным и политическим деятелем, чем врачом. И если данное утверждение может быть оспорено, то предположение, что первый нарком здравоохранения имел сравнительно мало связей, как официальных, так и неформальных, с представителями земской медицины, кажется верным. Возможно, этим объясняется его позиция в отношении «земщины» и метод, который он избрал для борьбы с оппонентами, — письмо членам Политбюро.

Семашко был главой здравоохранения РСФСР до 1930 г., однако это была не единственная должность, которую он занимал. В 1922 г.

он возглавил первую в стране кафедру социальной гигиены на медицинском факультете Московского университета, которой руководил в течение 27 лет. В течение десяти лет (1926—1936 гг.) он возглавлял Детскую комиссию Всероссийского Центрального исполнительного комитета (ВЦИК). Он участвовал в создании Академии медицинских наук СССР (1944 г.), стал одним из первых ее академиков и вошел в состав первого Президиума АМН СССР. В 1945—1949 гг. он был директором Института школьной гигиены Академии педагогических наук РСФСР. Под его руководством создавался Институт организации здравоохранения и истории медицины АМН СССР, директором которого он был в 1947—1949 гг. Он был первым председателем Высшего совета по делам физической культуры и спорта, возглавлял Правление Всесоюзного гигиенического общества (1940—1949 гг.). Для нас же представляет интерес то, что с 1923 г. он был начальником Главного курортного управления. К сожалению, пока не удалось точно выяснить, до какого времени он оставался в этой должности.

Что касается поста наркома здравоохранения, то в 1930—1934 гг. его занимал М. Владимирский, в 1934—1937 гг. — Г. Каминский. Исследователь Х. Идельчик отмечала, что лейтмотивом выступлений последнего в 1920-е — начале 1930-х годов можно считать горячий призыв к переходу от административных к экономическим методам управления (роль сельскохозяйственной кооперации, развитие рыночных отношений, регулирование финансовой системы, хозяйственный расчет) [6]. Взгляды Каминского принципиально отличались от взглядов Семашко, что нашло отражение в методах управления системой здравоохранения и, в частности, системой курортного лечения, о чем будет идти речь далее. Именно Каминский был одним из инициаторов и активных пропагандистов создания Наркомздрава СССР, который был образован 20 июля 1936 г. постановлением ЦИК и СНК СССР. Он же стал его первым главой, сохранив при этом пост наркома здравоохранения РСФСР.

Следующим наркомом здравоохранения был М. Болдырев (с августа 1937 г. до июля 1938 г.). Далее, до сентября 1939 г. обязанности наркома исполнял первым заместитель главы ведомства Н. Проппер-Гращенко. Его сменил Г. Митерев, занимавший данную должность до февраля 1947 г. Отметим, что перед этим назначением он в течение трех месяцев руководил Наркоматом здравоохранения РСФСР. Именно на период руководства Митерева пришлось преобразование Наркомздрава в одноименное министерство. С февраля 1947 до декабря 1952 г. министром здравоохранения был Е. Смирнов, на смену которому пришел А. Третьяков, занимавший данный пост до марта 1954 г.

Карьерный путь последнего интересен тем, что на разных этапах своей жизни он был так или иначе связан с курортным делом. Первым крупным назначением в его карьере можно считать должность начальника Главного управления курортов и санаториев Наркомздрава СССР, которую он получил в марте 1939 г., занимая пост заведующего Курским областным здравотделом, Потом, в феврале 1940 г. он был назначен наркомом здравоохранения РСФСР, а в июне 1946 г. — министром медицинской промышленности СССР. В 1948 г. он получил должность директора Центрального института курортологии Минздрава СССР и уже после этого, в январе 1953 г. стал министром здравоохранения СССР.

Третьякова на данном посту сменила М. Ковригина, которая также проделала долгий путь к этой должности: с сентября 1942 г. была заместителем Наркома здравоохранения СССР, с декабря 1950 г. — министром здравоохранения РСФСР, с февраля 1953 г. — первым заместителем министра, а с марта 1954 г. до января 1959 г. — министром здравоохранения СССР [23, с. 155].

Орган управления курортным делом входил в состав Наркомздрава. Процесс его формирования был сложным и отчасти отражал тенденцию централизации управления, разделения республиканских и центральных институтов. Однако в развитии Управления курортным строительством можно усмотреть и собственную логику, которая проявлялась в решении вопросов, выходящих за рамки здравоохранения и затрагивающих политические и экономические аспекты.

Говоря про институциональную преемственность советских учреждений по отношению к старому строю, следует отметить, что в деле курортного строительства она также проявляла себя. Конечно, в царской России не было государственного учреждения, контролирующего курорты, однако нельзя сказать, что власти не обращали внимание на развитие курортного дела. Например, в 1915 г. Совет министров обязал Министра торговли и промышленности разработать меры по упорядочению отечественных лечебных мест ввиду «приобретаемого ныне особого значения и предстоящего усиления их посещаемости» [13, с. 74]. В том же 1915 г. под покровительством Императрицы Александры Федоровны было образовано Всероссийское общество здравниц в память войны 1914—1915 гг., которое имело целью «содействовать возможно полному восстановлению здоровья страждущих в Российской империи и, прежде всего, участников войны 1914—1915 гг. и пострадавших от нее, а также членов семей тех и других, путем пользования их в здравницах». Планировалось, что Общество будет учреждать, развивать и поддерживать научно поставленные здравницы — клинические санатории

[14, с. 218]. Таким образом, к 1917 г. на российских курортах были не только частные санатории, но и здравницы, устроенные общественными организациями в целях благотворительности.

После Октябрьской революции курорты сначала перешли в ведение ВСНХ и лишь в сентябре 1918 г. были переданы Наркомздраву [2, стб. 1098]. Видимо, первоначально управление курортами назвалось Курортной секцией. Во всяком случае, именно это название указано в декрете от 18 февраля 1919 г. Заведующим Курортной секцией был А. Залманов, который, как следует из письма заместителя наркома З. Соловьева, плохо справлялся со своими обязанностями. В письме от 12 ноября 1919 г., которое было адресовано Н. Тезякову, Соловьев предлагал врачу занять пост заведующего «Курортным отделом», где «Ваши знания и опыт найдут заслуженное применение» [7, с. 148]. Это письмо написано дружеским тоном. Дело в том, что Соловьев был другом и учеником Тезякова со времен совместной работы земскими врачами в Саратовской губернии в 1903—1906 гг. [7, с. 38]. Конечно, необходимо учитывать также и то, что Тезяков был известным земским врачом: в частности, он председательствовал на заседании секции общественной медицины XII Пироговского съезда в 1913 г., где было отклонено предложение Г. Рейна о создании Управления государственного здравоохранения на правах министерства. Его работу «Сельскохозяйственные рабочие и организация за ними санитарного надзора в Херсонской губернии» (Херсон: Херсонск. губ. земск. управа, 1896) положительно оценил В. Ленин в труде «Развитие капитализма в России». Тем не менее, можно предположить, что в данном назначении решающим оказалось личное знакомство Тезякова и замнаркома.

В конце 1919 — начале 1920 г. Тезяков принял предложение и стал заведующим преобразованного Отдела лечебных местностей в составе Наркомздрава.

Первым декретом, касающимся лечебных местностей, были определены важные правовые аспекты существования курортов. Во-первых, разрешался вопрос хозяйственного устройства: все земли, парки, степные и водные пространства лечебных местностей со всеми постройками и инвентарем изымались из ведения Наркомзема и передавались в непосредственное ведение Наркомздрава. Во-вторых, курорты были разделены на имеющие общегосударственное и местное значение. Курорты общегосударственного значения контролировались Наркомздравом, местные же, оставаясь под наблюдением ведомства, передавались в ведение и управление медико-санитарных отделов соответствующих местных органов [1А]. Однако на данном этапе все хозяйства «принадлежали» Наркомзему, а Наркомздрав лишь мог пользоваться ими по соглашению. Важно отметить, что в

это время Отдел лечебных местностей находился в довольно серьезной зависимости от местных органов власти, поскольку курортные управления должны были согласовывать свою деятельность с губернскими органами власти, а на территории союзных республик — с их правительствами [2А]. Можно предположить, что данное положение ограничивало самостоятельность курууправлений, заставляя их считаться с интересами местных чиновников.

Кроме Отдела лечебных местностей также существовала Курортная комиссия при Совете труда и обороны (СТО) СССР, членами которой были представители Наркомздрава, Наркомпроса, Наркомпрода, Наркомфина, ВЦСПС, Отдела лечебных местностей. Нам не удалось найти документов, в которых бы четко фиксировались функции данной комиссии, но, судя по тому, что в нее входили исключительно представители Наркоматов, и учитывая те вопросы, которые на ней рассматривались, можно предположить, что это был высший орган, координирующий общую политику в области курортного дела.

Следующий значимый этап развития учреждения был связан с переходом к «новой экономической политике» и некоторым изменением хозяйственных отношений. 13 марта 1923 г. вышел декрет СНК «Об организации курортного дела», в котором в целях «создания необходимых условий для перехода курортов общегосударственного значения на хозрасчет» было, кроме прочего, предписано «образовать в составе Наркомздрава Главное Курортное Управление» [3А, л. 33 об.].

Этот «высший орган управления курортами общегосударственного значения всего Союза Советских Социалистических Республик» был «временно образован» 18 июля 1923 г., в связи с чем свое существование прекратили Отдел лечебных местностей и Управление эксплуатацией курортов. Все дела (как законченные, так и находящиеся в производстве), а также переписка, книги, отчетность, документы и книжки чеков по текущим счетам последних были переданы в отделы ГКУ [6А]. Его начальником стал нарком Н. Семашко. Это назначение, скорее всего, не было неожиданным: еще в конце марта 1923 г. Семашко был назначен особоуполномоченным СНК по курортам общегосударственного значения с целью «наиболее успешного проведения курортного сезона в 1923 г.» [5А]. Н. Тезяков, до этого бывший начальником Отдела лечебных местностей, занял должность заместителя начальника ГКУ. Он также входил в Малую коллегию Главкурупра, которая, видимо, была основным органом оперативного управления в ГКУ. В частности, в ее обязанности входило «проводить свою работу в зависимости от необходимости принимать решения по текущим вопросам и делать [начальнику ГКУ] обязательные информационные доклады не позже, как через сутки

после принятого в Коллегии решения». Помимо Тезякова в Малую коллегию входили помощник начальника Главкурупра П. Обросов и доктор Фельдман [7А]. Как правило именно с образования Управления в литературе, посвященной истории здравоохранения, начинается отсчет эры централизованной и плановой эксплуатации курортов.

Правовое и хозяйственное положение Управления отличалось от положения его предшественников. Пункт 4 Положения о ГКУ гласил:

«Все находящиеся в пользовании курортов земли, парки, степные и водные пространства, со всеми сооружениями, постройками, оборудованием и инвентарем и переданные курортам для их обслуживания села, советские хозяйства, сенокосы, пастбища, виноградники, промышленные предприятия и прочие хозяйственные угодья с живым и мертвым инвентарем, а также весь числящийся за Курортными Управлениями жилищный фонд, как в черте городов, так и вне их со всем оборудованием, обстановкой, и инвентарем поступают в распоряжение и эксплуатацию Главного Курортного Управления, причем установление и пользование ими ни в какой мере от местных, губернских, областных властей не зависит. Главное Курортное Управление пользуется правом застройки находящихся в его распоряжении земельных участков» [4А].

То есть, все указанные хозяйства, ранее контролировавшиеся Наркомземом, передавались данному отделению Наркомздрава. Кроме того, важным изменением было и то, что местные власти теперь не могли напрямую влиять на политику курортных управлений. Наконец, с образованием ГКУ было решено «предоставить Наркомздраву право эксплуатации естественных богатств в пределах округов охраны общегосударственных курортов и вне их» [3А, л. 30]. Это давало новый источник дохода, а значит, повышало статус Управления.

В 1926 г., «учитывая укрепление местных органов власти и значительно большие экономические возможности мест», руководство курортами было децентрализовано. Часть курортов была передана в ведение местных органов — при сохранении единства планирования курортного дела в стране. Местным исполкомам советов рабочих и крестьянских депутатов было разрешено организовывать курортные тресты, а курорты получили большую самостоятельность в оперативной деятельности [16, с. 10].

Развитие курортной системы шло и по другим направлениям. Только в 1921—1929 г. состоялось шесть съездов по научно-организационным вопросам развития курортного дела. В межсъездовский период при Отделе лечебных местностей функционировало Центральное научное совещание по курортному делу. В 1928 г. оно было

преобразовано в курортную секцию Ученого медицинского совета Наркомздрава. Уже на 1-м съезде (февраль 1921 г.) была развернута широкая программа научно-исследовательских работ, предусматривавшая организацию пяти научно-исследовательских институтов на курортах и Центрального института в Москве. В 1920 г. создан 1-й Бальнеологический институт в Пятигорске, вслед за ним — ряд других институтов. В 1921 г. в Москве открыта Курортная клиника, в 1926 г. реорганизованная в Центральный институт курортологии. С 1929 г. институту была поручена разработка генеральных планов развития курортов и типовых проектов курортных сооружений. Работа по объединению и координации научной деятельности курортных институтов Советского Союза осуществлялась путем созыва в Москве с 1927 г. ежегодных совместных сессий ученых советов этих институтов. В 1958 г. институт курортологии был объединен с Государственным институтом физиотерапии (организован в 1920 г.) в Государственный НИИ курортологии и физиотерапии Министерства здравоохранения СССР.

В 1925 г. было учреждено Московское научно-курортное общество (первый председатель — Н. Тезяков), которое в 1936 г. было преобразовано во Всесоюзное научно-курортное общество. На базе его в 1952 г. было создано объединенное Всесоюзное общество физиотерапевтов и курортологов. Печатный орган общества — журнал «Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физкультуры» (основан в 1923 г., выходил под названиями «Курортное дело», «Курорты, физиотерапия и рабочий отдых», «Физиотерапия», «Вопросы курортологии» и другие) [8, с. 23].

В 1932 г. на основании постановления ЭКОСО (экономическое совещание, орган при СНК союзной республики, подчиненный СТО) от 18 июля 1931 г. и постановления СНК СССР за № 1012 от 7 июля 1932 г. было учреждено Всероссийское объединение курортов и курортных предприятий (ВОК) РСФСР в составе Наркомата здравоохранения РСФСР. Его функцией было «планирование и лечебное, техническое и хозяйственное руководство входящими в его состав курортами, курортными научно-исследовательскими учреждениями, курортными предприятиями и подсобно-хозяйственными организациями» [11А, л. 1]. Постановлением СНК все санатории и другие лечебные учреждения на курортах Закавказья, Крыма, Северного Кавказа, Одессы, Восточной Сибири и кумысные курорты объединялись в тресты общесоюзного значения. Всего трестов было 11, все остальные курорты предлагалось считать курортами местного значения и оставить в ведении наркомздравов союзных республик [19, с. 180—181].

В результате в состав Объединения вошли:

— курорты: Южный Берег Крыма, Сочи — Мацеста, Кисловодск, Пятигорск, Ессентуки, Железноводск, Евпатория, Саки, Старая Русса, Сергиевские минеральные воды, Шафраново, им. Фрунзе (быв. Оренбургский), Боровое, Чокрак;

— тресты: Кавминрозлив в г. Кисловодске, Крымский Курортный Совхозтрест в г. Симферополе;

— подсобные предприятия: кумысный совхоз Уранбаш, управленческие лесами Кавказских Минеральных Вод, автотранспорт КМВ.

Научные курортные институты (Центральный институт курортологии в Москве, Центральный бальнеологический институт в Пятигорске и Институт медицинской климатологии и климатотерапии в Ялте) не входили в состав Объединения, но передавались ему в управление и получали от него непосредственное руководство [11А, л. 1—1 об.]. Кроме того, в состав объединения ВОК было рекомендовано включить ряд наиболее важных курортов местного значения [20, с. 164]. Устав Объединения — чуть ли не первый документ, который позволяет оценить масштабы собственности, принадлежащей этому подразделению в составе Наркомздрава. Как видим, ее перечень довольно внушителен — очевидно, что в это время управление системы курортов стало учреждением, обладающим серьезными хозяйственными ресурсами.

В июле 1936 г., когда был организован Народный комиссариат здравоохранения СССР, Всероссийское объединение курортов вошло в его состав. Сокращенно его называли «Союзкурорт», а иногда, по старой привычке, «ВОК». В том же году при управлении курортами в составе Наркомздрава был учрежден Центральный научно-курортный совет, в функции которого входило: рассмотрение и дача заключений по важнейшим вопросам организации и планирования санаторно-курортного дела в СССР, учета, изучения, использования и охраны природных факторов курортов, по вопросам организации медицинского дела, по вопросам отбора больных на санаторно-курортное лечение, подготовки кадров, планирования и координации научно-исследовательских работ [2, стб. 1102].

Постановлением СНК СССР за № 1057 от 3 октября 1938 г. было утверждено положение и структура Наркомата здравоохранения СССР. Согласно этому Положению в составе НКЗ было образовано Управление курортов и санаториев, заменившее Всесоюзное объединение курортов. В это время главой Союзкурорта был П. Вихрев. По постановлению СНК СССР за № 1117 от 1 июля 1940 г. «Об организационной структуре Народного Комиссариата здравоохранения СССР» Управление курортов и санаториев стало именоваться «Главное управление курортов и санаториев» (Главкурсанупр). Однако из-

менение названия не повлекло за собой значимых перемен в статусе или функциях данного института.

Главкурсанупр функционировал до 1956 г. В 1956 г приказом Министра здравоохранения СССР за № 123-м от 12 июня 1956 г., изданном на основании постановления Совета министров СССР за № 748 от 2 июня 1956 г., Главное управление курортов и санаториев было ликвидировано. Была проведена реорганизация санаторно-курортного дела, объединение и укрупнение мелких учреждений с целью более рационального использования коечного фонда, природных лечебных факторов и сокращения расходов на содержание аппарата управления.

К ВОПРОСУ О ВЕДОМСТВЕННОМ ПОДЧИНЕНИИ САНАТОРИЕВ

Вопрос о ведомственном и хозяйственном подчинении санаториев и домов отдыха является одним из важнейших и наименее исследованных в интересующей нас области. Дело в том, что Отдел лечебных местностей оставался единственной управляющей организацией, контролировавшей не только все медицинские, но и экономические вопросы лишь первый год. В начале 1920-х годов появились другие учреждения, которые взяли на себя часть управленческих функций. Этими учреждениями были страховые организации и профессиональные союзы.

Уже в 1921 г. губернские советы профессиональных союзов получили право организовывать дома отдыха. Определение порядка очереди поступления в них и распределение мест между отдельными союзами было возложено на ВЦСПС и губсоветы профсоюзов [19, с. 71]. Активное участие страховых органов в курортном деле началось в 1923 г., когда они стали развертывать санаторную помощь для застрахованных. Кроме того, Цусстрах был привлечен к делу аренды санаторных коек местными организациями. В 1926 г. дома отдыха были переданы в ведение Центрального управления социального страхования при Наркомате труда СССР. Тем не менее, Наркомздрав РСФСР продолжал осуществлять «учет, надзор и контроль в отношении санаториев и домов отдыха, содержащихся на территории курортов отдельными ведомствами, организациями и частными лицами». Ведомство имело право выдавать разрешение на открытие подобных санаториев, а также — на закрытие их в случае невыполнения правил и распоряжений, установленных Наркомздравом [17, с. 40—41].

Взаимоотношения органов здравоохранения и социального страхования в период перехода к «новой экономической политике» были

определены в тезисах ЦК РКП (б) о социальном страховании от 22 сентября 1922 г. В них подтверждалась необходимость в полной мере сохранить основное начало советской медицины — единство медико-санитарной организации под руководством органов здравоохранения. Указывалось, что между страховыми органами и органами здравоохранения должна быть установлена тесная связь путем активного участия страховых органов в планировании и практическом осуществлении медицинской помощи застрахованным. Позднее в республиканских и местных органах здравоохранения были организованы специальные отделы и подотделы медицинской помощи застрахованным. Впоследствии такая практика была признана ошибочной. Отмечалось, что она создает «вредный параллелизм» в работе органов здравоохранения, не способствует эффективному использованию средств социального страхования, ассигнуемых на медицинскую помощь застрахованным. Постановление ВЦИК и СНК от 7 марта 1927 г. было направлено на устранение обозначенных недостатков. Постановлением ЦК ВКП (б) от 18 декабря 1929 г. Наркомздравам союзных республик было предложено коренным образом перестроить всю практическую работу в области здравоохранения, «более четко проводя в ней классовую пролетарскую линию». Постановлением СНК СССР от 13 мая 1934 г. все средства по государственному социальному страхованию на цели здравоохранения были полностью переданы в распоряжение Наркомздравов союзных республик [18, с. 310—311].

Серьезным «конкурентом» для Наркомздрава в деле управления курортами были профессиональные союзы и ВЦСПС. В 1932 г., после ликвидации Наркомтруда СССР, санатории и дома отдыха, ранее принадлежавшие Цусстраху, перешли в ведение профсоюзов. Во всяком случае, так утверждает в немногочисленной литературе, посвященной истории курортного дела. Однако из Постановления ЦИКа и СНК СССР ясно, что изначально планировалось передать санатории Цусстраха в ведение Союзкурорта [19, с. 180—181]. Пока трудно сказать, что послужило причиной изменения решения, почему санатории все же были переданы профсоюзам. Возможно, в этом столкновении интересов ВЦСПС был более удачлив в защите своих интересов, чем Всероссийское объединение курортов. Хотя передача санаториев привела к тому, что хозяйственные вопросы решались профсоюзами, общее руководство курортами оставалось за органами здравоохранения. В 1956 г. была предпринята попытка вернуть ведущую роль Минздраву: все курорты, санатории и дома отдыха других ведомств были переданы в ведение подчиненных ему ведомств в республиках. Однако уже в 1960 г., в целях «повышения роли профсоюзов в деле санаторно-курортного обслуживания», ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли реше-

ние о передаче профсоюзам санаториев (кроме санаториев для больных туберкулезом), домов отдыха, курортных лечебниц, поликлиник и пансионатов, как хозрасчетных, так и находившихся ранее в ведении министерств здравоохранения союзных республик [2, стб. 1104].

Для осуществления практического руководства санаторно-курортным делом и организацией отдыха трудящихся было создано Центральное курортное управление профсоюзов (при ВЦСПС), в союзных республиках — республиканские, в краях и областях — территориальные курортные управления, а на отдельных курортах — управление курорта. Позже, в начале 1960-х годов Центральное, республиканские и территориальные курортные управления профсоюзов были реорганизованы в Центральные, республиканские и территориальные Советы по управлению курортами профсоюзов.

Кроме того, даже лишившись хозяйственного контроля над материальными фондами курортов, органы здравоохранения сохранили общее руководство курортами и контроль над медицинской частью санаторного отдыха. Таким образом, санаторий, даже «принадлежавший» определенному профсоюзу, все равно отчасти оставался под контролем Минздрава, что могло создавать некоторые проблемы в распределении функций, прав и обязанностей заинтересованных учреждений.

Доказательством сложностей управления и распределения обязанностей служат удивительные по откровенности признания юриста-консультанта Союзкурорта Ястребова. Он описывает ситуацию, которая существовала к 1938 г. (то есть, через 19 (!) лет после образования первого курортного управления) следующим образом:

«С 1935 года, я пришел в систему ВОК и до сих пор пишу Положение. Оказывается, что в течение 16 лет (очевидно, Ястребов начинает отсчет с 1923 г., когда было образовано Главное курортное управление. — Л.К.) санатории не имеют Положения. В течения 3-х лет я слышу от дирекции — подождите с Положением, вот будет реорганизация, тогда утвердим Положение. Что сейчас мешает утверждению Положения — ничего. Работать без положения чрезвычайно трудно. Не имея Положения, курорты не имеют лица. Банки спрашивают Положения — его нет. Директора имеют только доверенности. Каждый товарищ Союзкурорта не знает своих прав. Не знает, какие претензии к нему может предъявить Союзкурорт. Тов. Вихрев сказал, что Нарком предложил ему с Положением подождать до разработки Положения по всему Наркомздраву. Какое отношение имеет наше Положение к Наркомздраву» [8А, л. 241].

Причем о необходимости определения правового положения курортов и их управлений речь шла еще в 1922 г. Тогда, в 1922 г. один из

деятелей Отдела лечебных местностей д-р Фельдман в связи с переходом на хозрасчет говорил:

«Это требует внесения точной формулировки в положение для выявления юридического лица Куруправления, со всеми вытекающими из этого правами и обязанностями, без чего немислимо в настоящих условиях проведение сложной курортной работы на местах» [12, с. 9].

Тем не менее, даже в таких сложных условиях курортное дело развивалось, шла разведка новых лечебных местностей, строились санатории и дома отдыха, количество больных, получивших курортное лечение, увеличивалось.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хронологически рассмотрев институционализацию управления курортами, можно говорить о преемственности всех этапов этого процесса. Всегда новообразованное учреждение включает в себя предшествующее, с его подразделениями, структурой и регламентом — в этих аспектах «разрыва» нет, только эволюция. Однако «разрыв» можно наблюдать, анализируя кадры управления курортами. Дело в том, что 1937—1938 гг. значительно изменили состав действующих лиц: как высших, так и рядовых чиновников управления. Директор Союзкурорта П. Вихрев на совещании директоров и главных врачей прямо заявил: «В настоящее время почти на всех курортах у нас новые директора. Старое руководство на курортах в большинстве случаев оказалось врагами народа» [10А, л. 25]. Только на курорте Эссентуки было арестовано около 15 человек, в том числе директор курорта и инженеры. Однако эти цифры, скорее всего, были предельными, так как новый директор курорта Сидоров обращал внимание на то, что Эссентуки «наиболее пострадал от вредительства» [10А, л. 26]. Вопрос о том, как и насколько эта ситуация повлияла на развитие принципов курортного отдыха, остается открытым. Однако можно говорить о возможном влиянии на методы и культуру управления, на стратегии решения конфликтных вопросов.

Курортное дело сопровождали постоянные сложности, связанные с функционированием отделов управления, многочисленными реорганизациями, отсутствием общей процедуры, наличием различных заинтересованных структур (местные власти, профсоюзы), неопределенностью в разделении функций и полномочий. Можно утверждать, что институциональное устройство и объективные причины не

позволяли центральному органу управления курортами в полной мере контролировать курортное строительство и отдых, оставляя значительные возможности для самоуправления местных властей и ведомств.

В некоторых случаях возможно четко определить ведомства, которые инициировали те или иные процессы. Например, Л. Максименков в книге «Сумбур вместо музыки» (М., 1997) убедительно доказал, что антиформалистическая кампания 1936 г. явилась следствием борьбы за власть между главой Комитета по делам искусств при СНК П. Керженцевым и А. Щербаковым, который руководил отделом культпросветработы при ЦК, а ходом кампании с самого ее начала руководил Керженцев. Однако в данном исследовании вряд ли можно сделать подобный вывод: у нас нет оснований говорить о том, что существовала какая-либо заранее принятая схема развития курортного дела, которую последовательно реализовало то или иное учреждение.

Для анализа предложенной ситуации больше подходит интерпретация, предложенная французскими исследователями А. Блюмом и М. Меспуле в их исследовании Центрального статистического управления. Они исходят из того, что одной из главных черт сталинского правления было то, что политические вожди не формулировали для бюрократии ясного, логичного и понятного руководства к действию. В такой интерпретации история сталинского правления предстает как процесс постоянной «подгонки» и «отладки» в условиях отсутствия у Сталина четкого плана. Сталин, в таком случае, играет центральную роль, но вместе с тем принимает решения и совершает действия, не следуя заранее определенной логике, а реагируя на ситуации, которые он считает неблагоприятными, на возникающие конфликты и противоречия.

В данном исследовании мы не сталкиваемся напрямую с «волей Сталина». Тем не менее, взгляд на формирование феномена советского курорта как на неопределенный заранее процесс, зависящий от разных обстоятельств и множества акторов, может быть применен и здесь. Нет оснований рассматривать Союзкурорт и его предшественников как учреждение, функцией которого в глобальной перспективе было сделать курортный отдых «советским курортным отдыхом». Мы не можем говорить о едином векторе конструирования новой культурной схемы, об одном направлении распространения идей — сверху вниз, посредством декретов.

Таким образом, деятельность одного только курортного управления не может в полной мере объяснить те трансформации, которые привели к появлению феномена советского курорта. Необходимо учитывать влияние других игроков и факторов. Однако анализ их деятельности выходит за рамки данной статьи.

- 1А. Декрет о лечебных местностях общегосударственного значения от 4 апреля 1919 г. // ГАРФ. Ф. А-423. Оп. 2. Д. 1. Л. 3 (Декреты, постановления и положения по курортному делу — СНК, ВЦИК и III Всероссийского научного съезда [Постановления III Всероссийского съезда по курортному делу]).
- 2А. Декрет об управлении местными местностями (курортами) общесоюзного значения от 23 июня 1921 г. // ГАРФ. Ф. А-483. Оп. 2. Д. 1. Л. 5 (Декреты, постановления и положения по курортному делу — СНК, ВЦИК, РСФСР и III Всероссийского научного съезда [Постановления III Всероссийского съезда по курортному делу]).
- 3А. Декрет Совета Народных Комиссаров об организации курортного дела // ГАРФ. Ф. А0483. Оп. 1. Д. 2.
- 4А. Положение о Главном Курортном Управлении // ГАРФ. Ф. А-483. Оп. 1. Д. 2. Л. 44.
- 5А. Постановление Совета Народных Комиссаров // ГАРФ. Ф. А-483. Оп. 1. Д. 1. Л. 31 об.
- 6А. Приказ № 1 по Главному Курортному Управлению // ГАРФ. Ф. А-483. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.
- 7А. Приказ № 6 по Главному Курортному Управлению от 20 июля 1923 г. // ГАРФ. Ф. А-483. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.
- 8А. Протокол вечернего заседания [совещания] директоров и главврачей курортов Союзкурорта от 28 февраля 1938 г. // ГАРФ. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 23.
- 9А. Секретное письмо членам Политбюро об итогах 2-го Всероссийского съезда врачей // РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23224. Л. 1—1 об.
- 10А. Стенограмма совещания директоров и главных врачей курортов Союзкурорта НКА СССР от 27 февраля 1938 г. // ГАРФ. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 23.
- 11А. Устав Всероссийского объединения курортов и курортных предприятий Народного Комиссариата Здравоохранения РСФСР от 25.11.1932 г. // ГАРФ. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 2.

1. Блюм, А. Бюрократическая анархия [Текст]: статистика и власть при Сталине / Блюм, А., Меспуле, М.. М.: РОССПЭН, 2006. 328 с.
2. Большая медицинская энциклопедия [Текст]. М.: Медгиз, 1960. Т. 14. 1184 стб.
3. Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители, 1923—1991 гг. [Текст]: историко-биографический справочник / сост. В.И. Ивкин. М.: РОССПЭН, 1999. 639 с.
4. Декрет СНК РСФСР о домах отдыха от 13 мая 1921 г. [Текст] // Постановление КПСС и советского правительства об охране здоровья народа. М., 1958.
5. Зубкова, Е.Ю. Послевоенное советское общество [Текст]: политика и повседневность (1945—1953). М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.
6. Идельчик, Х.И. Первый нарком здравоохранения СССР — Г.Н. Каминский (1895—1938). М.: Медицина, 1991. 144 с.
7. Идельчик, Х.И. Н.И. Тезяков и его роль в развитии земской медицины и строительстве советского здравоохранения. М.: Медгиз, 1960. 204 с.
8. Курорты [Текст]: энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 592 с.
9. Кухер, К. Парк Горького [Текст]: культура досуга в сталинскую эпоху, 1928—1941. М.: РОССПЭН, 2012. 350 с.
10. Мохов, В. Региональная политическая элита России (1945—1991 гг.) [Текст]. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2003. 238 с.

11. *Нестеренко, А.* Как был образован Народный комиссариат здравоохранения РСФСР [Текст]: из истории советского здравоохранения. М.: Медицина, 1965. 96 с.
12. Организационные вопросы по управлению курортами в свете новой экономической политики [Текст] // Курортная хроника. 1922. № 3—4.
13. Особый журнал Совета министров, 23 января и 17 февраля 1915 года. О мерах к упорядочению Кавказских минеральных вод [Текст] // Особые журналы Совета министров Российской империи, 1915. М.: РОССПЭН, 2008. С. 74—76.
14. Особый журнал Совета министров, 24 апреля 1915 года. По проекту устава состоящего под Августейшим Покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны Всероссийского общества здравниц в память войны 1914—1915 годов [Текст] // Особые журналы Совета министров Российской империи, 1915. М.: РОССПЭН, 2008. С. 218—219.
15. *Паперный, В.* Культура Два [Текст]. М.: Новое лит. обозрение, 1996. 384 с.
16. *Полторанов, В.* Основы санаторно-курортного дела [Текст]: учеб. пособие. М.: Медгиз, 1966. 163 с.
17. Постановление СНК РСФСР о предметах ведения Народного комиссариата здравоохранения РСФСР в области курортного дела от 13 сентября 1926 г. [Текст] // Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР, 1925—1940. М.: Медицина, 1973.
18. Постановление СНК СССР от 13 мая 1934 г. [Текст] // Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР, 1925—1940. М.: Медицина, 1973.
19. Постановление ЦИК и СНК СССР по реорганизации курортного дела в СССР от 7 июля 1932 г. [Текст] // Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР, 1925—1940. М.: Медицина, 1973.
20. Постановление ЭКОСО об организации Всероссийского объединения курортов и курортных предприятий от 18 июля 1931 г. [Текст] // Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР, 1925—1940. М.: Медицина, 1973.
21. *Семашко, Н.* Очерки по теории организации советского здравоохранения [Текст]. М.: МедГИЗ, 1947. 47 с.
22. Соцреалистический канон [Текст]: сб. ст. / под общ. ред. Х. Пюнтера, Е. Добренко. СПб.: Акад. проект, 2000. 1040 с.
23. *Фицпатрик, Ш.* Повседневный сталинизм [Текст]: социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001. 336 с.
24. *Хлевнюк, О.* Политбюро [Текст]: механизмы политической власти в 30-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. 304 с.
25. *Koenker, Diane P.* Club Red [Text]: Vacation Travel and the Soviet Dream. Ithaca: Cornell University Press, 2013. 328 p.
26. *MacCannel, Dean.* The Tourist [Text]: A New Theory of the Leisure Class. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, [1999]. XXVIII, 231 p.
27. Tourism [Text]: The Russian and East European Tourist under Capitalism and Socialism / Ed. Anne E. Gorsuch, Diane P. Koenker. Ithaca: Cornell University Press, 2006. IX, 313 p.

А.А. Яскунова

ТРУДОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КОЛХОЗНИКОВ НА ЛЕСОЗАГОТОВКАХ В 1930—1950-Е ГОДЫ (на материалах Вологодской и Архангельской областей)*

Статья посвящена анализу трудовой повседневности колхозников-лесозаготовителей Русского Севера. В начале работы автор характеризует актуальность изучения трудовой повседневности колхозников, дает краткий историографический обзор, описывает источники, на основе которых строится статья. Затронуты следующие аспекты трудовой повседневности: система мобилизации колхозников на лесозаготовки, организация труда, распорядок трудовой деятельности и бытовые условия жизни колхозников. Ключевые слова: трудовая повседневность; лесозаготовки; мобилизация колхозников; повинности.

Anna Aleksandrovna Yaskunova

Labour everyday life of collective farmers in logging in the 1930—1950^s (on the materials of the Vologda and Arkhangelsk regions)

The article is devoted to the analysis of labor everyday life of collective farmers of the Russian North in logging in 1930—1950^s. In the beginning of the work, the author characterizes the urgency of studying of labour everyday life of collective farmers, gives a historiographical overview, describes the sources on which the article is based. The article addresses to the following aspects of labour everyday life: the mobilisation system of collective farmers harvesting, labour organization, schedule of work activities and living conditions of farmers. Keywords: Labour everyday life; logging; mobilization of farmers; duties.

История повседневности на сегодняшний день является наиболее актуальной отраслью исторической науки. В качестве одного из ее направлений можно выделить трудовую повседневность. Трудовая деятельность — одна из важнейших составляющих повседневной жизни человека. Несмотря на огромное количество категорий повседневности, охватывающих огромные временные и географические рамки и совершенно противоположные друг другу процессы, человек всегда, так или иначе, находится в процессе выполнения какой-либо работы. И, по мнению Н.Л. Пушкаревой, одна из задач исследователя состоит «в изучении каждодневных обстоятельств работы, мотивации труда, отношений работников между собой и их

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 12-31-01305.

взаимодействий (в том числе и конфликтных) с представителями администрации и предпринимателями» [14].

В исследованиях культурологического плана «трудовая повседневность» зачастую заменяется аналогичными терминами «хозяйственная культура», «трудовая культура» и т.п. Под этими понятиями подразумевается система определенных ценностей, смыслов, знаний и традиций, обеспечивающих мотивацию и регуляцию хозяйственной деятельности, определяющих форму ее существования, восприятия ее обществом [17, с. 10]. Однако между ними существует важная разница. Понятие «хозяйственная культура» — более широкое, охватывающее не просто аспекты трудовой деятельности, но и определенный жизненный уклад, повседневные трудовые практики и практики жизнеобеспечения. Понятие «трудовая повседневность» — более конкретное и лаконичное, представляющее собой описание трудовых будней и основных аспектов, характеризующих основные особенности трудовой деятельности.

Изучение хозяйственной культуры и трудовой повседневности имеет свои традиции. В советской историографии общественный труд изучался как на макро-, так и на микроуровне [1; 14; 16]. Большой вклад в изучение социальной структуры населения и особенностей взаимодействия классов внесли Ю.В. Арутюнян, В.И. Староверов, Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина и другие исследователи. В советский период историки-«аграрники» уделяли большое внимание организации производства. Деятельность же самих людей в процессе работы рассматривалась в меньшей степени.

Современные исследователи трудовой повседневности изучают вопросы мотивации труда, ежедневные *обстоятельства* работы, взаимодействия работников и администрации и между собой в общественном производстве, а также восприятие современниками проблем производительности труда, трудовой дисциплины и др. [см., например: 18, 10; 13; 14]. Современные историки-аграрники изучают вопросы социального расслоения колхозного крестьянства, трудовых повинностей, социального протеста деревни, повседневной жизни колхозников, их быта, культуры, семейного уклада и т.д. [см., например: 5; 2; 3; 4; 8; 9; 7; 12].

В данной статье будут рассмотрены различные аспекты трудовой повседневности колхозников на лесозаготовках. Как известно, процесс «раскрестьянивания», начавшийся в 1930-е годы, привел к коренным изменениям в трудовой практике крестьянства. Были законодательно оформлены крестьянские повинности, установленные особые формы производственно-экономических и внеэкономических взаимоотношений в деревне. Для колхозников Русского Севера ведущими повинностями, определявшими их трудовую повседневность, являлись от-

рабочная повинность в колхозе и трудовая и гужевая повинности на лесозаготовках. Изучение особенностей организации труда, условий работы колхозников на лесозаготовках с позиции истории повседневности позволяет значительно расширить рамки исследовательского поля, изучить точку зрения самих крестьян, их отношение к отработочной повинности. В данной статье трудовая повседневность колхозников на лесозаготовках рассматривается на материалах Архангельской и Вологодской областей, традиционных лесосырьевых регионов страны.

Хронологически данная статья ограничена периодом становления колхозного строя — 1930—1950-е годы. Нижняя граница обусловлена зарождением колхозного строя в российской деревне, верхняя граница — упрочением колхозно-совхозного строя в ее «традиционной», «сталинской» интерпретации. Для данного периода в целом характерно применение системы внеэкономического принуждения при организации трудовой деятельности в колхозе, формирование и развитие системы повинностей. Это определило основы труда в «отходе», а также необходимость для колхозников ведения личного подсобного хозяйства.

Объект исследования — колхозники Русского Севера. Предмет исследования — трудовая повседневность на лесозаготовках в 1930—1950-е годы.

Территориальные рамки статьи охватывают Русский Север в границах Архангельской и Вологодской областей. Данную обширную территорию объединяет общность природно-климатических, демографических, социально-экономических и культурных процессов. Русский Север — регион, население которого придерживается определенных традиций и условий хозяйствования в сложных природно-климатических условиях. Здесь довольно длительный период времени сохранялся аграрный характер экономики и социальных отношений. Это в определенной степени сказалось на формировании трудовых традиций и повседневных практик. Кроме того, это богатый лесосырьевой регион.

Статья основана на привлечении как опубликованных, так и неопубликованных источников. Это делопроизводственная документация и нормативно-правовые акты советских и региональных органов власти, документы личного происхождения (письма, жалобы и заявления воспоминания крестьян), а также материалы народного творчества (частушки) и устные воспоминания, собранные студентами Вологодского государственного педагогического университета (ВГПУ) (личный архив Д.А. Черененко). Базовыми для исследования стали архивы Вологодской и Архангельской областей (Государственный архив Вологодской области, Вологодский областной архив новейшей политической истории, Государственный архив Архан-

гельской области, Отдел документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области).

В советской историографии достаточно подробно исследованы вопросы организации лесозаготовительной промышленности. При этом практика привлечения крестьянства на лесозаготовки трактуется как вынужденная мера, связанная с нехваткой «постоянных кадров» лесозаготовителей. Современные исследователи рассматривают привлечение колхозников на лесозаготовки как отработочную повинность [4], а колхозы — как удобную для власти форму мобилизации рабочей силы [6].

Участие колхозников в лесозаготовках было юридически закреплено. В ноябре 1933 г. Совет народных комиссаров (СНК) СССР принял постановление «О договорах с колхозами и крестьянами-единоличниками для лесозаготовок и сплава», в котором правлениям колхозов запрещалось отзывать колхозников на какие-либо другие работы до полного выполнения обязательств. Порядок воздействия в случае невыполнения «самообязательств» был определен постановлением Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) и СНК РСФСР «О мероприятиях по усилению работ на лесозаготовках и лесосплаве» от 13 февраля 1930 г. В нем говорилось: «1) штрафы в административном порядке до пятикратного размера стоимости падающей на них работы с применением, в случае отклонения от уплаты штрафов, продажи с торгов имущества...». Крестьян судили за выступления на собраниях против участия в лесозаготовках, отказ заключить договор, который был заведомо невыполним, или за невыполнение норм выработки, за выход из леса на 2—3 дня и т.д.

Участие в лесозаготовках становится обязательным для крестьян с конца 1920-х годов. Окончательно механизм мобилизации был установлен введением в январе 1941 г. платной трудовой и гужевой повинности на предприятиях Народного комиссариата лесной промышленности СССР. Мобилизация крестьян находилась в ведении правления колхозов и сельских советов. К лесозаготовкам привлекались мужчины возрастом от 16 до 55 лет и женщины — от 16 до 45 лет. Правительство спускало сезонный план лесозаготовок, на уровне области план разверстывался по районам, а затем райисполкомы Советов народных депутатов доводили план до сельсоветов. Сельские советы определяли число колхозников, выделяемых на сезонные лесозаготовительные работы каждым колхозом [4, с. 8]. В районы набора сезонной рабочей силы командировались представители леспромов и лесозаготовительных трестов, которые заключали договоры с сельскохозяйственными артелями и индивидуальные соглашения с колхозниками и единоличниками [4, с. 78]. Колхозники привлекались к лесозаготовкам в качестве «пешей» и

«конной» силы, с использованием колхозных лошадей. Мобилизованные крестьяне освобождались от колхозной работы.

Вот что вспоминает о мобилизации колхозников работница одного из леспромхозов Вологодской области: «...Первое время даже договор с колхозами ключил: Золотавино, Старыгино там выше, в Завражье центр. Колхозники заготавливали, а мы срывали и плавил» [9А].

Колхозников мобилизовали для выполнения работ на лесозаготовках на протяжении всего года. Ключевые работы по заготовке леса проходили в осенне-зимний период, а весной и летом крестьян привлекали к сплаву леса. Основные виды работ на лесозаготовках можно проследить на примере частушечного творчества крестьян:

Все на сплаве, все на сплаве,
Все на сплаве, на лесу,
Мое личико сгорело —
Потеряло всю красу [19, с. 131].

Дали пошевни и сани,
Дали три веревочки
И сказали: «Поезжай
На лесозаготовочки!» [20, с. 56].

Дали мне топорик в руки
И лучковую пилу,
Привели к кудрявой елочке
Не хочу, да пилю [20, с. 56].

За уклонение от выполнения повинности и за невыполнение обязательных заданий на лесозаготовках предусматривалась уголовная ответственность.

Тяжелой повинностью для колхозников являлись мобилизации на зимние лесозаготовки, на сплавные работы в период Великой Отечественной войны. Вот пример Великоустюгского района Вологодской области:

«В мае 1942 года из Усть-Алексеевского района отправили по мобилизации 100 человек и 30 лошадей в Архангельскую область, в июне 1942 года — 150 человек на сплавные работы. Сроки сплавных работ — с 10 июня по 15 сентября. Мобилизовывались мужчины с 16 до 55 лет, женщины — с 17 до 50 лет. Заметим, что отток рабочей силы из колхозов происходил в самое напряженное время, в период весенне-полевых и уборочных работ. Кроме того, колхозы должны были сами заготавливать фуражное зерно и сено для лошадей, занятых на лесозаготовках.

В колхозах возник огромный дефицит рабочей силы. Темп сельскохозяйственных работ замедлялся. Многие колхозы в 1942 году не смогли заготовить необходимое количество кормов. В районах было допущено большое снижение поголовья. В Великоустюгском районе пало 3398 голов скота, в том числе: коров — 1014, лошадей — 608, овец — 882, свиней — 894. Очень много пало скота в Самотовинском, Пушкаревском, Воломском, Парфеновском, Марденгском сельсоветах. В колхозе «Красный моряк» Викторовского сельсовета пало 45% всего поголовья скота, в основном из-за плохого ухода и недостатка кормов» [21].

Мобилизация колхозников на лесозаготовки, как свидетельствуют архивные материалы, проходила с большими трудностями. Об этом свидетельствуют многочисленные письма о выходе колхозников на лесозаготовки. «Из сообщений леспромхозов Тотемского, Нюксенского, Вожегодского, Кадуйского, Тарногского и др. можно установить, что большинство колхозников, ушедших из лесу домой на праздничные дни — 9 ноября для работы на лесозаготовки еще не возвращались. В Тотемском леспромхозе — по сообщению директора т. Труханова из 800 колхозников, работавших на лесозаготовках до праздников — 9 ноября приступили с утра работать 50 человек. Работники лесопунктов и 4 ответственных работника леспромхоза командированы в с/советы, чтобы ускорить возврат колхозников, ушедших с лесозаготовок в дни праздников» [2А, л. 97]. Вот что сообщает селькор газеты «Правда Севера» о вербовке колхозников на лесозаготовки: «По вербовке рабсилы в л/пункте дело обстоит плохо. Соцдоговора с колхозами заключены, но с труд договорами так сказать надо подумать... Здесь никто договора не желает ключить и наверное не думает ехать на л/заготовки» [8А, л. 285].

Во многом это было связано с попыткой председателей колхозов удержать работников в общественном хозяйстве. Так, в докладной записке на имя секретаря обкома Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) (ВКП (б)) тов. Комарова и зав. Промышленно-транспортного отдела т. Агаркова сообщается, что председатели колхозов Междуреченского района отказываются отпускать крестьян на лесозаготовки: «Нет людей, не окончена молотьба, не произведена хлебосдача...», «Зачем де возиться с женщинами, когда есть мужчины» [2А, л. 9]. При составлении списков людей, выделенных в лес, руководство колхоза «включало мертвых душ, т.е. людей, которые не находятся в колхозах по 2—4 года, работают по договорам в других организациях, жен рабочих постоянного кадра лесозаготовок, которые никакого отношения в данное время к колхозу не имеют, а так же несовершеннолетних, инвалидов и даже нянек» [10А, л. 11]. Как правило, добиться своевременного выхода в лес и стабильной работы всех мобилизованных колхозников не удавалось.

Невыполнение плана мобилизации колхозников и колхозных лошадей наблюдается на протяжении всего исследуемого периода. Партийные и государственные органы власти объясняли это, прежде всего, недостаточной практической работой с колхозниками. Кроме того, колхозники зачастую самовольно уходили из леса. Причин самовольного ухода много: неустроенность быта лесозаготовителя-сезонника, отсутствие или недостаток питания; многие колхозники возвращались в родную деревню для того, чтобы отметить какой-либо праздник (Рождество, Пасха и др.). Письмо на имя секретаря Кич-Городецкого районного комитета ВКП (б) М.К. Рябева описывает ситуацию так:

«Имеется большой отлив рабочей силы отсюда, правда не только из нашего района, но и других районов, поймать людей нашего района ни одного человека не можем, всегда обычно уходят ночью... Я лично думаю, что люди уходят по разным причинам. Во-первых, очень грубо здесь начальство... были такие факты на 46 участке со стороны технорука Мартынова один день было больных 5 человек, имели освождение на руках, но на работу все же их гнали и они все же не ушли и им не выдали хлеба и эти люди шесть человек на другую ночь ушли домой... Дальше очень часто не бывает хлеба по суткам по двоим когда нет наряда, когда нету размолотой муки...» [6А, л. 4].

Основой производственного процесса на лесозаготовках был бригадный метод организации труда, внедренный в 1930-е годы. Такой метод способствовал рациональной расстановке рабочей силы, более производительному использованию техники и инструментов, а также разделению труда на основные операции: заготовку, трелевку и вывозку древесины. За бригадой закреплялся участок работ, и устанавливалось производственное задание. Бригадиром назначался опытный лесоруб.

Внедрение бригадного метода на лесозаготовках, как при выполнении колхозных работ, проходило неровно. Вот как этот процесс описан в материалах обследования работы бригад в лесу по Конашкомскому лесопроизводственному хозяйству (Архангельская область): «...Отношение лесорубов к бригадному методу работы хорошее. Лесорубы, прибывшие на производство в Плесецк, говорят, — “Высокая производительность норм выработки плесецких лесорубов заключается в том, что все лесорубы и возчики в бригадах”. Используется и женский труд — “а у нас вся работа сам по себе. Подростки и женщины на заготовке, а мужчины лесоруб возчиком”. Но организация бригад идет туго — “не все работники одинаковы будут. Переработка друг на друга, взять женщин в бригады придется на них работать”. Слышатся “разговорчики” отдельных лесорубов» [1А, л. 19]. «К новому бригадному методу отношение недоверчивое. В результате обследования выявлено такое положение: бригад с раз-

делением труда незначительное количество. В абсолютном большинстве точного разделения труда в бригадах нет. Работают по старинке — артелью. Общее в бригадах — участки разработки древесины и заработная плата...» [1А, л. 36]. Впрочем, с середины 1930-х годов, с окончательным внедрением бригадно-звеньевой системы организации труда, работа в лесозаготовительной бригаде стала для колхозников привычной.

На протяжении 1940—1950-х годов бригадно-звеньевой метод остался основным способом организации производственного процесса на лесозаготовках. Правда, его формы неоднократно менялись. В годы Великой Отечественной войны, например, широкое распространение получили сквозные комплексные бригады, особенно среди колхозников-сезонников. Эффективность этого метода лесозаготовок заключалась в том, что он связывал единым режимом работы рубщиков и возчиков. Итоги рабочего дня определялись не количеством леса, заготовленного на делянке, а количеством доставленного в места приемки на верхних складах. В конце 1940-х годов начали создаваться поточно-комплексные бригады, которые осуществляли все производственные операции по заготовке древесины — от валки до доставки на нижние склады (в бригаде работало около 60 чел.). Затем появились комплексные бригады, работавшие по графику цикличности, малые комплексные бригады, малые сквозные комплексные бригады. Каждая из этих организационных форм имела свои отличия по одному или ряду признаков: по комплексу выполняемых работ, количеству людей и механизмов, закрепленных за бригадой, способу разделения труда между членами бригады, методу учета и по оплате труда [4, с. 84].

Рабочий график в лесу, как свидетельствуют большинство источников, колхозники зачастую устанавливали сами. Причин тому было несколько: плохая организация бытовых условий, недостаточное внедрение бригадного метода организации труда, отсутствие учета трудовых усилий колхозников, низкое качество инструмента для работы.

«...Недостаточно уплотнен рабочий день лесорубов и возчиков, много время уходит на ходьбу в делянку от 2-х до 5 км. Кроме перерыва на закурки и т.д.» [11А, л. 35]. «На большинстве лесопунктов леспромхоза, где пришлось быть, наблюдается низкая производственная и трудовая дисциплина. Нигде не было твердо введенного распорядка. Начало и конец работы на каждом лесопункте и даже мастерском участке установлен по-своему. Четкого контроля за использованием рабочего времени нет. Сигнализация начала и конца работы заброшена, поэтом очень часто приходится наблюдать, когда рабочие входят из лесу на час, а то и раньше установленного времени. Много рабочего времени теряется на перекурки (просиживание у костра). На ряде лесопунктов расстояние от барачков до лесосеки составляет 3—4 км... вследствие этого в дорогах очень часто прихватывается часть рабочего времени...» [12А, л. 88].

Вопрос учета труда колхозников на лесозаготовках в исследуемый период также был организован неважно. Отчеты уполномоченных обкома ВКП (б) свидетельствуют о многочисленных нарушениях.

«В Кумчугском лесопункте нет индивидуальной приемки работы от колхозников на подвозке и гужевой возке леса. Работа принимается “от колхоза”. Делается это для того, чтобы “облегчить” бракеру приемку работы и расчеты. “Получайте, сколько причиталось на колхоз, и делите”. Коэффициенты устанавливаются произвольно». Отсутствие учета работы отдельных навальщиков и свальщиков приводит к тому, что они хотя работой не загружены, а коэффициент получают самый высокий. Колхозницы Оленева Мария и Шишкина Лидия, хотя и выполняют одинаковую работу с другими возчиками, но коэффициент у них самый низкий. Бригадир Оленев единственно, что мог сказать в оправдание разницы в коэффициентах “женщина — она женщина и есть. У нее нет такой крепости в руках”» [4А, л. 6—7].

Труд крестьян на лесозаготовках долгое время оплачивался значительно ниже, чем у работников «постоянного кадра». Лишь 15 ноября 1938 г. вышло постановление СНК СССР и Центрального комитета ВКП (б) «Об улучшении работы лесозаготовительной промышленности СССР». Согласно ему, привлеченные к лесозаготовкам колхозники стали получать заработную плату и премии наравне с кадровыми лесозаготовителями. Однако имели место случаи задержки заработной платы. «Выдача денег рабочим, как постоянного кадра, так и сезонным систематически задерживается. По состоянию на 20 января с/года не были выданы деньги еще за вторую половину декабря. Рабочие совершенно не имеют возможность выкупить даже хлеб. По этой причине... значительная часть рабочих совершенно не выходила на работу» [7А, л. 2]. Тем не менее, как считает Л.В. Изюмова, отношение колхозников к лесозаготовкам было неоднозначным и напрямую зависело от материального положения колхозной семьи. В колхозах с низкой доходностью и незначительной оплатой трудодня после отработки лесозаготовительного сезона многие колхозники вербовались в «постоянный кадр» леспромхозов. Для многих колхозников, особенно молодежи, участие в лесозаготовках было реальной возможностью уехать из деревни, сменить свой социальный статус. В тех же колхозах, где доходы были более высокими или где крестьяне занимались традиционными кустарными промыслами, приносившими доход, отношение сельского населения к лесозаготовкам было негативным [4, с. 90].

Труд колхозников на лесозаготовках был ручным, немеханизированным. Трудовой инвентарь, которым работали колхозники, зачастую оказывался не лучшего качества. «Причинами такой низкой производительности труда являются неподготовленность леспромхоза к приему

сезонной рабочей силы. Точка пил и топоров на лесозаготовках не организована. На участке “Медвежье” все рабочие на это жалуются» [5А, л. 3]. Напряженность труда колхозников на лесозаготовках была неравномерной. Наиболее интенсивным он был в период объявляемых стахановских или фронтовых месячников. В это время удлинился рабочий день, паузы для отдыха регламентировались сигналами [4, с. 16].

Бытовые условия жизни колхозников на лесозаготовках были крайне неблагоприятными.

«Имеет значение и плохое снабжение лесорубов. В лесу за последний месяц нет ничего, кроме хлеба. Поэтому хорошо работать при таком снабжении трудно, а кто плохо работает, тот спекулирует на этом факте, рассуждая, что “на одном хлебе и воде не много наработаешь”. Во всяком случае, отсутствие продуктов питания тормозит ход лесозаготовки» [3А, л. 2].

«Во всех общежитиях нет набитых матрасов, рабочим спать приходится на голых горбылях на кроватях, сушилок при бараках нет, приходя с работы мокрую одежду рабочим негде просушить, что вызывает сильное недовольство среди рабочих. Имеется масса еще фактов плохого состояния быта рабочих в лесу, вроде того, что на 30 человек сезонников для питья кипятку дают одно ведро на четыре барака. 6 месяцев в продаже не было соли» [3А, л. 70].

Трудовая повседневная жизнь колхозников на лесозаготовках была четко регламентирована. Привлечение крестьян к выполнению трудгужповинности на лесозаготовках осуществилось на протяжении всего года. Колхозники выполняли значительный объем лесозаготовительных работ. Основу организации труда составлял бригадный метод. Трудились крестьяне в тяжелых условиях, труд был ручным, а жилищно-бытовые условия — крайне неблагоприятными.

- 1А. ВОАНПИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 1093.
- 2А. ВОАНПИ. Ф. 2225. Оп. 2. Д. 198.
- 3А. ВОАНПИ. Ф. 2225. Оп. 2. Д. 479.
- 4А. ВОАНПИ. Ф. 2225. Оп. 3. Д. 217.
- 5А. ВОАНПИ. Ф. 2225. Оп. 3. Д. 470.
- 6А. ВОАНПИ. Ф. 2225. Оп. 4. Д. 377.
- 7А. ВОАНПИ. Ф. 2225. Оп. 11. Д. 163.
- 8А. ГААО. Ф. 3066. Оп. 1. Д. 36.
- 9А. Личный архив Д.А. Черененко.
- 10А. ОДСПИ ГААО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 842.
- 11А. ОДСПИ ГААО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 1071.
- 12А. ОДСПИ ГААО. Ф. 296. Оп. 2. Д. 420.

- 1. *Абалкин, Л.И.* Хозяйственный механизм развитого социалистического общества и актуальные вопросы его совершенствования [Текст] / Л.И. Абалкин. М.: Б.и., 1980. 19 с. (Препринт докл. / АН СССР).

2. *Безнин, М.А.* Повинности российских колхозников в 1930—1960-е годы [Текст] / Безнин М.А., Димони Т.М. // Отечественная история. 2002. № 2. С. 96—112.
3. *Безнин, М.А.* Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х — 1960-е годы) [Текст] / Безнин М.А., Димони Т.М. // Отечественная история. 1999. № 3. С. 81—99.
4. *Безнин, М.А.* Повинности российского крестьянства в 1930—1960-х годах [Текст] / Безнин М.А., Димони Т.М., Изюмова Л.В. Вологда: Вологодский НКЦ ЦЭМИ РАН, 2001. 141 с.
5. *Глумная, М.* К характеристике колхозного социума 1930-х гг. [Текст]: (на материалах колхозов Европейского Севера России) // XX век и сельская Россия. Токио, 2005. С. 265—285.
6. *Доброноженко, Г.Ф.* Коллективизация на Севере, 1929—1932 [Текст] / Сыктывкар: Сыктывкар. ун-т, 1994. 194 с.
7. *Зима, В.Ф.* «Второе раскулачивание» [Текст]: (аграрная политика конца 40-х — начала 50-х годов) // Отечественная история. 1994. № 3. С. 109—125.
8. *Кознова, И.Е.* Историческая память российского крестьянства о попытках преобразования деревни в XX веке // Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.): материалы междунар. конф. М., 1996. С. 238—248, 397—399.
9. *Лебедева, Л.В.* Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е годы [Текст]: традиции и перемены. М.: РОССПЭН, 2009. 182 с.
10. *Маркевич, А.М.* «Магнитка близ Садового кольца» [Текст]: стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883—2001 гг. / А.М. Маркевич, А.К. Соколов. М.: РОССПЭН, 2005. 367 с.
11. *Никитина, О.А.* Коллективизация и раскулачивание в Карелии (1929—1932 годы) [Текст]. Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 1997. 131 с.
12. *Попов, В.П.* Паспортная система в СССР (1932—1976) [Текст] // Социологические исследования. 1995. № 8. С. 3—14; № 9. С. 3—13.
13. *Пушкарева, Н.Л.* «История повседневности» и «история честной жизни» [Текст]: содержание и соотнесение понятий // Социальная история, 2004. М., 2004. С. 93—122.
14. *Пушкарева, Н.Л.* История повседневности. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/ISTORIYA_POVSEDNEVNOSTI.html?page=0,2 (дата обращения 03.04.2014).
15. *Ракитский, Б.В.* Образ жизни [Текст]: рубежи 1985 года. М.: Политиздат, 1981. 94 с. (Шаги одиннадцатой).
16. *Руткевич, М.Н.* Социальные перемещения [Текст] / М.Н. Руткевич, Ф.Р. Филиппов. М.: Мысль, 1970. 253 с.
17. *Сидорова, Г.П.* Советская хозяйственная культура повседневности в массовой художественной литературе 1960—1980-х гг. [Текст]: ценностный аспект. Ульяновск: УлГТУ, 2011. 302 с.
18. *Соколов, А.К.* Социальная история, литература, искусство [Текст]: взаимодействие в познании реалий XX века // История России XIX—XX веков: новые источники понимания / под ред. С.С. Секиринского. М., 2001. С. 65—76.
19. Частушки в записях советского времени [Текст]. М.; Л.: Наука, [Ленингр. отд-ние], 1965. 496 с. (Великоустюгский район, Вологодская область, 1926—1936 гг.).
20. Частушки в записях советского времени. М.; Л.: Наука, 1965. 496 с. (Пинежский район, Архангельская область, 1937 г.).
21. *Чебыкина, Г.И.* Устюгский край в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Великий Устюг: краеведческий альманах. Вологда, 1995. Вып. 1. URL: <http://www.v-ustug.ru/books/A1/01.html>

О.Ю. Попова

«ВРАГ» В СТРУКТУРАХ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА ПЕРИОДА ДОВОЕННОГО СТАЛИНИЗМА

Статья является попыткой понять роль феномена внутреннего врага/«врага народа» в структурах повседневности советского общества периода довоенного сталинизма. Показано, как посредством формирования и транслирования образа внутреннего врага, маркирования различных явлений/качеств как «вражеских» и заполнения этой информацией всего информационного пространства происходила формовка «советского человека». Выделяются категории повседневных практик, которые условно обозначены как «бить врага» и «не быть врагом». Ключевые слова: образ внутреннего врага; повседневные практики; советская пропаганда

Olga Jur'evna Popova

The “Enemy” in the Structures of Everyday Life of Soviet People Prewar Period of Stalinism

The article is an attempt to understand the role of the phenomenon of the internal enemy/“vrag naroda” in the structures of everyday life of Soviet society prewar period of Stalinism. The article shows how to fill in the information space by way of the enemy took place forming a “Soviet man”. Two categories of everyday practices were defined and designated as “to beat the enemy” and “not to be an enemy”.

Keywords: the image of the internal enemy; everyday practices; Soviet propaganda.

Нас сплотило орлиное племя —
Мы боремя за каждый шаг!
Ружья — за плечи и ногу — в стремя,
Кто не с нами, тот и трус и враг!

Из песни «Бей, барабан!», 1937 г.

В качестве важнейших составляющих мира советского человека выступали структуры повседневности. Они воплощались в фундаментальных социальных потребностях и призванных их удовлетворять социальных институтах, повседневных поведенческих и речевых практиках, стратегиях выживания и адаптации людей к менявшимся условиям социальной и природной среды.

На наш взгляд, одним из ключевых факторов для понимания структур повседневности советского человека в период довоенного

сталинизма (конец 1920-х — 1930-е годы) является феномен внутреннего врага/«врага народа». Представляется актуальной задачей постичь его роль в структурах повседневности периода довоенного сталинизма с учетом уже освещенных исследователями аспектов советской повседневности и исторических источников. Эта попытка предпринимается в рамках практической парадигмы. Согласно ей, практики носят «раскрывающий» характер: они конструируют и воспроизводят идентичности, «раскрывая» основные виды социального существования, возможные в данной культуре и в данный момент истории. В этом смысле под понятием «практики» подразумеваются различные упорядоченные совокупности навыков целесообразной деятельности (практического искусства), которые в то же время дают человеку возможности состояться в том или ином социальном качестве [6, с. 22]. «Враждебность» же, в таком случае, предстает как подвижная социально-историческая условность, которая стала объективным фактом с помощью определенных практик, воспроизводя тем самым и свою противоположность — «советскость» [6, с. 26].

Учитывая масштабы поставленной проблемы, статья не претендует на ее фундаментальное исследование. Она скорее являет собой попытку наметить ключевые направления дальнейших исследований. Это необходимо, прежде всего, в силу новизны и актуальности темы исследования. Со второй половины 1990-х годов объектом исследовательского интереса стала тема конструирования и функционирования образа врага. На сегодня известен целый ряд работ, посвященных образу врага периода Гражданской войны, НЭПа, довоенного сталинизма, Великой Отечественной войны, «холодной войны», а также обзорные исследования, охватывающие весь советский период. Тем не менее, в работах, посвященных образу внутреннего врага конца 1920-х — 1930-х годов, исследованы лишь отдельные его аспекты. Это исследования В. Боннэль, М.Ф. Николаевой, В.Э. Багдасаряна, А.И. Савина, Г.А. Орловой, Д. Вайса, Н.Б. Арнаутова и др. Отсутствуют исследования в рамках практической парадигмы, так как образ врага рассматривается историками, прежде всего, в качестве механизма пропаганды.

Также данная тема требует профессионального исторического осмысления и в силу неограниченности географическими рамками какой-либо из советских республик, то есть в силу своего «общесоюзного» масштаба.

Историография проблемы в значительной степени ретранслирует ревизионистскую точку зрения. Ее суть заключается в том, что сталинское государство не было тоталитарным, как это представля-

лось ранее. Советское общество было не объектом действий властей, а одним из акторов процесса социального взаимодействия. Оно активно приспосабливалось к требованиям власти и вырабатывало свои социальные практики и стратегии выживания, порой заметно корректировавшие исходивший от власти импульс. Это обусловило необходимость привлечения исторических исследований, основанных на основательном анализе источников и посвященных проблемам повседневной истории и массовых настроений довоенного периода существования СССР. Среди них можно выделить работы таких видных авторов, как Ш. Фицпатрик, Н.Н. Козлова, Е.А. Осокина, Н.Б. Лебина, П.В. Романов, А.Р. Ярская-Смирнова и др. [44—46; 17; 29; 21; 22]. В Украине это направление исторической науки начало развиваться относительно недавно. Первой попыткой комплексного исследования истории повседневной жизни в годы сталинской «революции сверху» стала коллективная монография «Украинское советское общество 30-х гг. XX ст.: очерки повседневной жизни» («Українське радянське суспільство 30-х рр. XX ст.: нарисы повсякденного життя») [43].

Как известно, в идеократическом советском государстве любая политика (экономическая, социальная, культурная) обосновывалась с точки зрения официальной идеологии. Ее составной частью было и представление о внутреннем враге. Оно было «вписано» в официальный политический дискурс Советского Союза и главные законодательные и судебные документы (Конституцию, Уголовный кодекс). Актуализированное на государственном уровне еще В.И. Лениным представление о внутренних врагах явилось продолжением традиции обращения радикального течения русского народничества к опыту Великой Французской революции. Именно из истории якобинского террора было взято понятие «враг народа». Сам Ленин неоднократно ставил якобинцев в пример. Развивая учение К. Маркса о диктатуре пролетариата, он перенял не только риторику, достаточно популярную в революционную эпоху, но и практику террора по отношению к объявленным врагами [33].

Ленинская практика оказалась продолжена И.В. Сталиным, который с конца 1920-х годов начал планомерно закреплять ее не только на идеологическом, но и на законодательном уровне [32]. Введение понятия «враг народа» в правовую плоскость состоялось еще в конце 1910-х — начале 1920-х годов посредством декретов советского правительства («Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции», «Дополнение к декрету о продоловственной диктатуре») [23, с. 126; 24, с. 318]. В принятых в 1922 г. уголовных кодексах РСФСР и союзных республик, которые разрабатывались

на основе ранее принятых нормативных актов в области уголовного права, понятие «враг» отсутствовало [39]. Однако их обновленные редакции 1926 г. уже содержали понятие «враг трудящихся», объявление которым (с соответствующими последствиями) выступало в качестве одной из «мер социальной защиты» [42]. Поправками 1927 г. понятие «враг трудящихся» было введено в особый раздел о контрреволюционных преступлениях: большинство преступлений, предусматриваемых статьей 58 УК, влекли за собой, в том числе, объявление врагом трудящихся [41]. Именно в соответствии с этой статьей о контрреволюционных преступлениях были осуждены обвиняемые на открытых политических процессах рубежа 1920—1930-х годов, а также жертвы массовых репрессивных акций. Наконец, законодательно термин «враг народа» закрепил основной закон советского государства — сталинская Конституция 1936 г. Это понятие, в соответствии со статьей 131 IX главы «Суд и прокуратура», обозначало лиц, посягающих на общественную, социалистическую собственность [18].

Идеологема внутреннего врага позволяла сталинскому режиму легитимизировать насильственные меры в отношении самых разных оппозиционных, нелояльных или неугодных слоев советского общества. Она делала возможными ликвидацию оппозиционно настроенных партийцев и несогласных с реализуемой политикой («Шахтинское дело», процесс Промпартии, московские процессы и т.д.), насильственную коллективизацию (раскулачивание), широкое проведение репрессивных кампаний и наказуемость публичного проявления нелояльности к советской власти. То есть, идеологема внутреннего врага стала неотъемлемым фактором существования сталинского режима.

На ее основе в конце 1920-х годов советской пропагандой был актуализирован образ врага. Он должен был указать населению на виновников экономических неудач и неэффективности экономического курса (аварий на производстве, невыполнения планов, продовольственных трудностей и т.д.) и мобилизовать массы трудящихся [32].

Таким образом, все явления «большой истории» этого периода разворачивались при неперемненных ссылках на наличие врагов. Лозунги борьбы с внутренними и внешними врагами мобилизационного (выполнение производственных планов пятилеток, коллективизация и т.д. «вопреки врагам», во имя победы над ними) или конфронтационного характера (раскулачивание, репрессивные акции и т.д.) сопровождали почти всякое масштабное действие власти.

В этом контексте происходил и процесс формирования «советского человека». Посредством трансляции образа внутреннего врага,

маркирования различных явлений/качеств как «вражеских» и заполнения этой информацией информационного пространства власть стремилась прямо или косвенно воздействовать на повседневные практики населения СССР.

В первую очередь, образ врага распространялся средствами массовой информации — развитой сетью периодических изданий и радиовещанием. Выполнение этой задачи обеспечивалось за счет отсутствия альтернативных информационных ресурсов и неуклонного проведения в отношении СМИ принципов партийности, централизации и подцензурности. На протяжении 1930-х годов газеты регулярно помещали самые разнообразные материалы о внутренних врагах: стенограммы заседаний суда над «врагами народа», эмоционально окрашенные письма от имени трудовых коллективов и отдельных личностей с требованиями наказать врагов, выступления партийных лидеров, заметки о разоблачении очередной вражеской организации, теоретические статьи, корреспонденции и очерки о врагах и их деятельности «на местах». Тексты таких материалов были общедоступны и известны даже тем, кто по какой-либо причине (например, неграмотности) не читал газет. Материалы о врагах использовались агитаторами для подготовки выступлений, зачитывались на производственных политпятиминутках, в клубах и избах-читальнях. Так, методическое издание для агитаторов и пропагандистов «Уметь распознать врага» представляло собой сборник передовых статей «Правды» со вступительным словом [43].

Материалы советских газет конца 1920-х — 1930-х годов, посвященные врагам, создавались в соответствии с принципами пропагандистского сообщения: привлечь внимание, создать заинтересованность, эмоционально стимулировать и продемонстрировать пути снятия напряжения. Для создания образа внутреннего врага применялся целый ряд техник речевого воздействия: диффамация, эффект переноса, выборочное абстрагирование, источниковая дивергенция, персеверация, информационный штурм, акцент на отрицательных чертах внешности и характера, использование бранной лексики, бинарных идеологических конструкций и прочее. Весь этот арсенал средств использовался с тем, чтобы внедрить в сознание читателей очень четкую оценку, сформировать неполный/искаженный характер когнитивного компонента, эмоционально «заразить» отрицательными эмоциями по отношению к врагам и содействовать складыванию соответствующих намерений в отношении их. Так в массовом сознании советского населения создавался стереотип внутреннего врага.

Рис. Н. Стражникова (Москва)

ДОБРЫЕ ПОМОЩНИКИ

— Ну как, Тит Титыч, сынки-то помогают тебе?
— Помогают. Вчера селькора вместе избил.

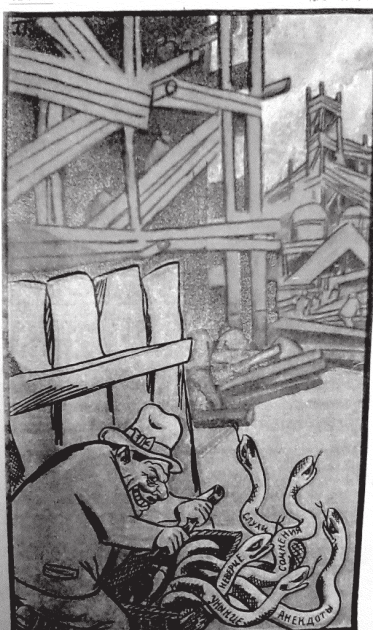
Крокодил. 1929. № 18. С. 9

БОЛЬШЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЗОРКОСТИ!

Людям классово чуждым советским делом не помогают, и в упрямстве и в слепоте, покуда они не увидят, что «облака выгнать не могут», а «красные» и «буржуазия».

(«ПРАВДА»)

А. Гени

КЛАССОВЫЙ ВРАГ. — Поливить, живить, поливить!

Крокодил. 1931. № 13. С. 8

Образ врага формировался и литературой: одной из составляющих «схемы задач» главного героя произведений соцреализма была борьба с врагом [9; 10]. А во второй половине 1930-х годов внутренний враг стал едва ли не главным литературным персонажем (например, в романе «Цемент» Ф. Гладкова, повести «Флаги на башнях» А. Макаренко и др.). Враги были героями не только прозы, но и стихотворных произведений. Вот для примера отрывок из стихотворения В. Маяковского «Лицо классового врага»:

Хотя
буржуй
и лицо перекрасил,
и пузо не выглядит грузно —
он волк,
он враг
рабочего класса,

он должен быть
понят
и узнан.

Цензура тщательно следила за тем, как писатели изображают врагов. Критиковалось изображение внешности врага в литературных произведениях как приятной, привлекательной (интересно, что газетные тексты не давали ясного представления о внешности врагов). Это хорошо иллюстрирует опубликованная в декабре 1934 г. в газете «Известия ВУЦИК» («Вести ВУЦВК») статья «Линия шпионажа, провокации, двурушничества» («Лінія шпыгунства, провокації, дворушництва»), в которой критиковалось изображение врагов писателем Ю.И. Яновским. Автор статьи резко осуждал наделение красотой представительниц вражеского лагеря в рассказе «История пепельницы» («История попилыницы») и романе «Первая весна» («Пэрша вэсна»). В них у героинь были зеленые глаза, «как крылья, большие брови», высокий стан, стройные ноги, мягкий глубокий голос [30]. Враг, согласно официальным канонам, должен был, в первую очередь, пугать, вызвать чувство отвращения, гнева, ненависти и поэтому не мог обладать ни внешней, ни внутренней красотой.

Советская театральная драматургия также транслировала образ врага. Как пример можно привести пьесу «Павел Греков», написанную Л.С. Ленчем и Б.И. Войтеховым на основе информации о политических процессах второй половины 1930-х годов [37].

Враг был неотъемлемой частью сюжетов массовой культуры (так называемой индустрии досуга). Киноиндустрия 1930-х годов представила на экране целый сонм образов маскирующихся врагов: кулаков, вредителей, шпионов, диверсантов («Великий гражданин», «Крестьяне» Ф. Эрмлера, «Большая жизнь» Л. Лукова и др.). Тема внутреннего врага обыгрывалась даже в исторических и биографических кинолентах [3].

Несмотря на то, что с начала 1930-х годов главными песенными мотивами «поющей страны» стали радость и счастье [38], внутренний враг продолжал фигурировать в советских патриотических песнях («Песня о Родине», «Бей, барабан!», «Слава вам, железные чекисты», «Все ли готовы? — Все как один!» и др.). Вот, например, слова из песни В. Юровского на стихи П. Германа «Слава вам, железные чекисты»:

Но пока не все враги известны
И пока хоть жив еще один,
Быть чекистом должен каждый честный
И простой советский гражданин.

Кроме того, внутреннего врага визуализировали агитационные материалы: транспаранты, лозунги, плакаты и прочее [50; 25].

Злостный симулянт — классовый враг. 1931. Худ. Кичигин

Уничтожить гадину! Стереть с лица земли врага народа Троцкого и его кровавую фашистскую шайку! 1937. Худ. Дени (Денисов) В.Н.

Таким образом, заполняя информационное пространство информацией о врагах, власть «предлагала» принять участие в «игре» по их поиску. И, следует отметить, это «предложение» отвечало на социальный запрос. Поиск врагов позволял канализировать нарастающее с конца 1920-х годов социальное напряжение. Кроме того, эта «игра» играла важную роль в актуализации и упрочении понятия «советский» (которому и противопоставлялось «враждебное»/«вражеское»). Насаждение идентификации с советским являлось одной из основных задач пропаганды.

Отсюда целый ряд повседневных практик, которые условно можно обозначить как «бить врага» и «не быть врагом».

«Б и т ь в р а г а». Сюда относятся практики, направленные на разоблачение врагов: доносительство, написание писем во власть или редакции газет о «подозрительных» личностях, критика отдель-

ных людей, «сигнализирование» об их враждебности на партсобраниях, сотрудничество с органами НКВД в качестве осведомителей.

В Советском Союзе существовал культ доноительства [2, с. 11]. Складываться он начал, вероятно, с зарождением рабселькоровского движения, поощряемого «сверху», и официально закреплённый героизацией Павлика Морозова. Требования быть бдительными, «вскрывать» маскирующихся врагов адресовались со страниц газет всем без исключения советским гражданам. Но особенно склонны были к такого рода практикам коммунисты (им Устав прямо предписывал зорко следить за чистотой партийных рядов), сотрудники НКВД и группы населения, которые сами могли попасть под подозрение («бывшие люди», раскулаченные, лица с «порочащим» происхождением или прошлым). Последние, демонстрируя лояльность к власти и непримиримость к ее врагам, старались таким образом обезопасить себя. Об этом свидетельствуют источники. «Для того, чтобы доказать свою преданность я должен усиленно работать по части НКВД», — к такому выводу, решив работать осведомителем, пришел сын раскулаченного, вынужденный скрывать свое происхождение [17, с. 232].

По этой же причине самыми активными разоблачителями часто оказывались люди с «темным» прошлым. Например, протоколы партсобраний редакции газеты «Новый Донбасс» зафиксировали следующий случай. Об активно вскрывающем врагов среди сотрудников газеты в 1937 г. председателе партячейки Козле уже в марте 1938 г. выяснилось, что он сам был «враждебным элементом». Он скрывал свое «порочащее» родство: его отец был церковным старостой, а брат и зять были «мобилизованы белыми» [1А, л. 24; 2А, л. 5].

Но «игра» на этом поле велась как для самоидентификации «советский», так и исключительно в корыстных целях. Последние обуславливались враждой, бытовыми склоками, профессиональными конфликтами. Известны случаи, когда после ареста граждан по обвинению в «вражеской деятельности», авторы доносов на них занимали квартиры или должности арестованных. Подобные случаи неоднократно осуждались на страницах газет уже в конце 1930-х годов. Так, например, серия репортажей центральной украинской газеты «Вести ВУЦИК» («Вести ВУЦВК») в июне 1939 г. была посвящена суду над «клеветником» Спичаком, который неоднократно писал клеветнические доносы, называя сотрудников «врагами народа», с целью занять их должность и т.п. [26].

Кроме того, как отметили украинские историки О. Мовчан и В. Гудзь, часто крестьяне, пришедшие в города на производство и рассчитывавшие осесть и закрепиться, всячески пытались «за-

светиться» как активные сторонники сталинской политики. Ради карьерного роста они сначала предавали односельчан, затем — товарищей по цеху, нередко становясь тайными информаторами органов ГПУ. Именно такое беспринципное поведение беспартийных «выдвиженцев», комсомольцев и коммунистов — в первую очередь по отношению к «своим» — вызывало негативное отношение к ним [42, с. 105].

Впрочем, «сигналы» в газеты о «вражеских практиках» могли стать и реальным рычагом воздействия на коррупционеров и бюрократов. Типичным примером в этом контексте было разоблачение «врагов народа», о котором сообщалось в газете «Вести ВУЦИК» в июле 1936 г. В системе государственного социального страхования Украины оказались выявлены «враги», которые разворовывали средства социалистического страхования. Они подкупали бухгалтеров и других работников подарками, премиями, махинациями с квартирами и растратили на вечеринки 50 000 руб., ассигнованных на лечение детей, больных туберкулезом [35]. Благодаря «сигнализирующим» материалам становилось известно о злоупотреблениях партийных функционеров, неоднократно совершавшихся на периферии. Так, благодаря письму в газету стало известно, что председатель Чугуевского горсовета в новогоднюю ночь «для развлечения» гнался с револьвером за рабочим Филатовым, после чего, угрожая стрелять, арестовал его. В другой раз функционер избил рабочего Иванова и его жену [8].

«Н е б ы т ь в р а г о м». К этой категории относятся повседневные практики, демонстрирующие лояльность к режиму с целью не быть заподозренным во враждебности. Это отказ от общения с «врагами» и их родственниками, отречение от родителей, сокрытие «порочащего» прошлого (служба белогвардейцам, участие в оппозиционных партиях, лишение гражданских прав и т.п.), сокрытие «порочащих» связей или, как вариант, самокритика с целью скрыть более серьезные проступки.

Жизненно важным было во время «охоты на ведьм» 1936—1937 гг. отречься от каких бы то ни было связей с людьми, объявленными «врагами». Так сделал, например, сотрудник издательства «Социалистический Донбасс» Маноян. Выступая на партсобрании, он признавался: «Некоторое время (очень короткое) завязалась интимная связь (с троцкисткой Вольпе. — *О.П.*). Это была ошибка: факт в том, что я не мог разглядеть врага, не был бдительным» [3А, л. 33].

К этой категории можно отнести практики, демонстрирующие поддержку государственных кампаний: участие в соцсоревнованиях, производственных переключках, коллективизации, госзаймах, стаха-

новском движении, участие в «ритуальных» бытовых действиях (митингах, субботниках, производственных судах, праздновании годовщин и т.п.). Учитывая это, неудивительно дневниковое наблюдение горожанина, который отметил, что «везде и всюду» разоблаченные оказываются «выходцами из другого класса» — «лучшие люди, прославленные герои труда» [17, с. 244]. Таким образом они пытались продемонстрировать лояльность советской власти.

В контексте практик, условно обозначенных как «не быть врагом», проходил процесс «национальной» мимикрии [11]. Например, определенная часть поляков, прежде всего проживающих в приграничных районах СССР, опасаясь возможных гонений и репрессий, уже в 1920-е годы выработала эффективную и весьма специфическую практику адаптации к враждебно настроенному политическому режиму. Она заключалась в сознательном сокрытии своей настоящей национальной принадлежности и добровольном переходе, прежде всего в Белорусской и Украинской ССР, в категорию титульных наций [11, с. 303].

Важно было не только осуществление подобных практик, но и «неосуществление» других: критических высказываний, анекдотов о советской власти и ее политике, хранения запрещенной литературы, порчи «сакральных» советских объектов (портретов вождей, паспортов и т. п.), религиозных практик, насильственных действий в отношении «знатных людей», целого ряда производственных практик, результатом которых могли стать поломки, аварии. Все эти действия были/могли стать весомым — а иногда и единственным — аргументом для обвинений в антигосударственной деятельности.

Особенно наглядны в данном вопросе «сигнализирующие» материалы районных и областных газет, которые демонстрируют понимание критериев «враждебности» на местах [31]. Указанием на принадлежность к врагам-троцкистам наряду с такими действиями, как хранение и распространение троцкистской литературы, «протаскивание» троцкизма на лекциях (например, высказывание о невозможности победы социализма) было, например, именование «бандита-фашиста Троцкого» «товарищем» [19]. Как «вражеские происки» трактовалось то, что директор Горловского азотно-тукового завода Уланов «угощал рабочих, занятых в газоопасных местах дорогами папиросами, чтобы при курении могли возникнуть взрывы и пожары» [20]. «Вражеской вылазкой» назывались и демонстративное уничтожение портрета автора книги «Сталин» А. Барбюса [16], и «извещательство над портретом» «вождя» [4].

Исключительно в качестве «враждебных» воспринимались насильственные действия по отношению к «знатным» людям. Весной

1936 г. газеты Украины опубликовали целый ряд материалов о «врагах народа», которые «терроризировали» пятисотенниц (крестьянок-стахановок): нападали и били их, издевались, мешали работе [36]. В том же году в Винницкой области (Украинская ССР) были осуждены две девушки-колхозницы, избившие ударницу-передовика колхоза «Красная звезда» («Чэвона зирка») [7]. Педалируя официальный дискурс, исключительно как террор требовал рассматривать корреспондент газеты «Социалистический Донбасс» убийство лучшего полевого бригадира родственниками разоблаченного врага [28].

В этом же контексте оппозиции «враждебное»-«советское» нормировались быт, семейные отношения, мода, телесность и досуг советского человека.

Вот лишь некоторые примеры, демонстрирующие масштабы тотальности нормирования повседневности советского человека посредством образа внутреннего врага.

С конца 1920-х годов девиантное поведение (проституция, суицид, наркомания, алкоголизм), которое ранее объяснялось теорией рудиментов и инфильтрации, стало маркироваться как проявления «враждебности» [22, с. 195]. В начале 1930-х годов в качестве одного из распространенных методов «вражеской работы» кулаков газеты называли разложение сельской верхушки пьянством.

О враждебности человека, согласно материалам прессы, свидетельствовало также разжигание «национальной вражды». Так, например, проявления антисемитизма маркировались как «активизация враждебных сил против революции». Несмотря на то, что они имели место в рабочей среде, они непосредственно связывались с влиянием врагов-кулаков [47; 48; 49].

С представлением о внутренних врагах было неразрывно связано понимание культурности как неотъемлемого атрибута «советского человека». Если в 1934—1935 гг. «враждебными элементами» считались неопрятные люди с плохими манерами, то в 1936 — начале 1937 г. — увлекающиеся «внешним», потребительством [5]. В конце 1930-х годов «щелями для шпионов» были названы танцплощадки, соответственно любители танцев также могли быть причислены к «врагам» [22, с. 260].

Косвенно нормировалась также частная жизнь. Решение связать себя браком с «неблагонадежным» партнером, вызывающим подозрение или уже уже заклеянным как враг, было рискованно. Фактически это означало подвергнуться общественному ostrакизму и даже аресту.

Во властных нормализующих суждениях, как отметила историк Н.Б. Лебина, оказывались тесно связанными контрреволюционность и сексуальная распущенность. Так, комсомольцы ленинград-

ской фабрики «Красное знамя» совершенно серьезно заявляли, что враги народа немало поработали над тем, чтобы привить молодежи буржуазные взгляды на вопросы любви и брака и тем самым разложить молодежь политически [22, с. 172].

В оппозиции «враждебное»-«советское» происходило нормирование внешнего вида советских граждан. Неудивительно, что на общегородской комсомольской конференции в Ленинграде в 1928 г. представителю ЦК ВЛКСМ был задан вопрос: «Что должен носить комсомолец и можно ли по одежде определить классового врага?» [22, с. 216].

Таким образом, одним из определяющих факторов формирования идентичности рядового советского человека в годы довоенного сталинизма был динамичный образ внутреннего врага. Повседневные практики, осуществлявшиеся на поле «игры» за соответствие «советскостию» (и обладание связанными с этим благами) в двух основных направлениях («бить врага» и «не быть врагом»), — представляются перспективным направлением дальнейших исследований.

1А. ГАДО. Ф. 454. Оп. 1. Д. 12.

2А. ГАДО. Ф. 454. Оп. 1. Д. 15.

3А. ГАДО. Ф. 782. Оп. 1. Д. 8.

1. *Арнаутов, Н.Б.* Образ «врага народа» в системе советской социальной мобилизации: идеолого-пропагандистский аспект, декабрь 1934 г. — ноябрь 1938 г.: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2010. 223 с.
2. *Баберовски, Й.* Красный террор [Текст]: история сталинизма. М.: РОССПЭН, 2007. 281 с.
3. *Багдасарян, В.Э.* Образ врага в исторических фильмах [Текст] // Отечественная история. 2003. № 6. С. 31—46.
4. *Быкова, С.И.* Советский патриот как «враг народа» [Текст]: дилемма личностной и официальной идентичности // Диалог со временем. 2011. № 35. С. 77—94.
5. *Волков, В.В.* Концепция культурности, 1935—1938 гг. [Текст]: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. 1/2. С. 203—220.
6. *Волков, В.В.* Теория практик [Текст] / Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2008. 298 с.
7. *Ворогів стаханівського руху — покарано* [Текст] // Вісті ВУЦВК. 1936. № 67 (4655). С. 3.
8. *Генін, Л.* Розплутати чугуївський клубок [Текст] // Вісті ВУЦВК. 1937. № 172 (5062). С. 3.
9. *Гюнтер, Х.* Архетипы советской культуры [Текст] // Соцреалистический канон: сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Акад. проект, 2000. С. 743—784.
10. *Гюнтер, Х.* Жизненные фазы соцреалистического канона [Текст] // Соцреалистический канон: сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Акад. проект, 2000. С. 281—288.

11. *Деннингхауз, В.* Феномен перемены национальной идентичности в преддверии Большого террора [Текст] // История сталинизма. Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий: материалы междунар. науч. конф. М.: РОССПЭН, 2013.
12. *Емануїлов, Я.* Куди скеровано удар ворога [Текст] // Вісті ВУЦВК. 1936. № 68 (4656). С. 2.
13. *Измозик, В.С.* Жилищный вопрос в быту ленинградской партийно-советской номенклатуры 1920—1930-х годов [Текст] / Измозик В.С., Лебина Н.Б. // Вопросы истории. 2001. № 4. С. 98—110.
14. *Истер, Дж. М.* Советское государственное строительство [Текст]: система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М.: РОССПЭН, 2010. 255 с.
15. *Кирильчук, О.* Соцреалістична практика в українській драматургії 1930-х років [Текст] // Актуальні проблеми сучасної філології. Літературознавство. 2008. Вип. XVIII. С. 65—71.
16. *Кобелев, А.* В Н.-Айдаре не выкорчеваны враги и их пособники [Текст] / Кобелев А., Павлов П., Овчаренко // Социалистический Донбасс. 1937. № 242. С. 2.
17. *Козлова, Н.* Советские люди [Текст]: сцены из истории. М.: Европа, 2005. 522 с.
18. Конституция СССР 1936 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm>
19. *Краевой, М.* Троцкистские корешки и гнилые либералы на Мариупольской швейной фабрике [Текст] // Социалистический Донбасс. 1936. № 205. С. 3.
20. *Кревой, М.* Урок Горловской партийной организации [Текст] // Социалистический Донбасс. 1937. № 30. С. 3.
21. *Лебина, Н.* Забота и контроль [Текст]: социальная политика в советской действительности, 1917—1930-е годы / Лебина Н., Романов П., Ярская-Смирнова Е. // Советская социальная политика 1920—1930-х годов: идеология и повседневность. М.: Вариант, 2007. С. 21—68.
22. *Лебина, Н.Б.* Повседневная жизнь советского города [Текст]: нормы и аномалии, 1920—30 годы. СПб.: Журнал «Нева»: Летний сад. 1999. 320 с.
23. *Ленин, В.И.* Полное собрание сочинений [Текст]. Т. 35. XXVIII, 599 с.
24. *Ленин, В.И.* Полное собрание сочинений [Текст]. Т. 36. XXVI, 741 с.
25. *Николаева, М.Ф.* Риторика и приемы визуализации образа врага [Текст]: на материале советского политического плаката 1920-х — начала 1930-х годов // Философский век: альманах. СПб., 2002. Вып. 22: Науки о человеке в современном мире, ч. 2. С. 70—80.
26. *Нік, Б.* Справа наклепника Спичака [Текст] // Вісті ВУЦВК. 1939. № 126 (5616)—131 (5621). С. 4.
27. Нормы и ценности повседневной жизни [Текст]: становление социалистического образа жизни в России, 1920—30-е годы. СПб.: Журнал «Нева», 2000. 726 с.
28. *Орделов, Г.* Политическая беспечность работников мариупольской милиции [Текст] // Социалистический Донбасс. 1937. № 105. С. 4.
29. *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия» [Текст]: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927—1941. М.: РОССПЭН, 2008. 351 с.
30. *Піскун, Ів.* Лінія шпигунства, провокації, дворушництва [Текст] // Вісті ВУЦВК. 1934. № 300 (4287). С. 4.
31. *Попова, О.Ю.* «Ворожі практики» [Текст]: досвід інтерпретації кореспондентами газети «Соціалістичний Донбас» (1936—1938 рр.) // Нові сторінки історії Донбасу: зб. ст. Донецьк, 2011. Кн. 20. С. 94—106.
32. *Попова, О.Ю.* «Враг народа» [Текст]: от ленинской риторики к сталинской идеологеме // Былые годы: рос. ист. журн. 2012. № 4 (26). С. 100—109.

33. *Попова, О.Ю.* Ленинская риторика «врага народа» [Текст]: истоки формирования // Одисос. Актуальні проблеми історії, археології та етнології. Одеса, 2012. С. 579—581.
34. *Романов, П.В.* Риторика и практика модернизации [Текст]: советская социальная политика, 1917—1930-е годы / Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. // Социальная история. СПб., 2009. С. 275—295.
35. Справа колишніх працівників РПСУ [Текст] // Вісті ВУЦВК. 1936. № 144 (4732). С. 4.
36. Суд над переслідувачами п'ятисотенниць [Текст] // Вісті ВУЦВК. 1936. № 76 (4664). С. 4.
37. *Токарев, В.А.* «Павел Греков» как театральная эпитафия к ежовщине [Текст] // История сталинизма. Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий: материалы междунар. науч. конф. М., 2013. С. 282—292.
38. *Тяжельникова, В.С.* Советская песня и формирование новой идентичности [Текст] // Отечественная история. 2002. № 1. С. 174—181.
39. Уголовный кодекс РСФСР 1922. URL: http://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_кодекс_РСФСР_1922_года/Temp (дата обращения: 20.02.2013).
40. Уголовный кодекс РСФСР 1926. URL: www.kodeks-luks.ru (дата обращения: 20.02.2013).
41. Уголовный кодекс РСФСР 1926.
42. URL:http://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_кодекс_РСФСР_1926_года / Редакция_05.03.1926 (дата обращения: 20.02.2013).
43. Українське радянське суспільство 30-х рр. XX ст. [Текст]: нариси повсякденного життя: колективна монографія. Київ, 2012. 786 с.
44. Уметь распознавать врага [Текст]: в помощь пропагандисту и агитатору / отв. за вып. И. Фомин. Саратов, 1936. 64 с.
45. *Фицпатрик, Ш.* Повседневный сталинизм [Текст]: социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с.
46. *Фицпатрик, Ш.* Срывайте маски! [Текст]: идентичность и самозванство в России XX века. М.: РОССПЭН, 2011. 375 с.
47. *Фицпатрик, Ш.* Сталинские крестьяне [Текст]: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2008. 422 с.
48. *Хвиля, А.* Враг не спит [Текст] // Комуніст. 1929. № 74 (2760). С. 3.
49. *Хвиля, А.* Враг не спит [Текст] // Комуніст. 1929. № 75 (2761). С. 4.
50. *Хвиля, А.* Враг не спит [Текст] // Комуніст. 1929. № 78 (2764). С. 2.
51. *Bonnell, V.E.* Iconography of Power [Text]: Soviet political posters under Lenin and Stalin / Victoria E. Bonnell. Berkley, Los Angeles, 1999. 363 p.

М.Ю. Наконечный

СМЕРТНОСТЬ В ЛЕСНЫХ ЛАГЕРЯХ ГУЛАГА В 1937—1938 ГГ. В СРАВНИТЕЛЬНОМ МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ

В статье предпринята аналитическая попытка рассмотреть на микроуровне катастрофу со смертностью заключенных в лесных лагерях ГУЛАГа в ходе массовых операций 1937—1938 гг. Автором используется компаративная методология. Для сравнения привлекаются данные пенитенциарных систем США, Третьей Французской республики (тюрьмы метрополии и колоний — Гвианы и Вьетнама), нацистской Германии, а также коэффициенты смертности сопоставимой половозрастной когорты на воле.

Впервые в научный оборот вводятся подробные помесечные абсолютные и относительные показатели смертности для всех новообразованных лесных лагерей, относительные показатели смертности Локчимлага, Томасинлага, Ивдельлага, Усть-Вымлага и ряда других лагерных управлений в период кризиса 1938 г.

Ключевые слова: ГУЛАГ; смертность заключенных; лесные лагеря ГУЛАГа; нацистские концлагеря.

Mikhail Nakonechnyj

Mortality rate among prisoners of the Gulag timber camps in 1937—1938: international comparisons

This paper is an analytical attempt to examine mortality of prisoners in the Gulag timber camps on micro-level during Great terror of 1937—1938. The author uses comparative methodology for his analysis. For comparison, he employs statistical data of U.S.A. prison system, metropolitan prisons of the Third French Republic, concentration camps of Nazi Germany, as well as death-rates of comparable sex and age cohorts of the USSR civil population.

Detailed mortality absolute and relative monthly rates for all newly created timber camps are introduced in this paper for the first time in historiography, including relative death rates of Lokchimlag, Tomasinlag, Ivdellag, Ust-Vym-lag camp and several others ITLs during the crisis of 1937—1938.

Keywords: GULAG; prisoner mortality; timber camps; Nazi concentration camps.

ВВЕДЕНИЕ

За последние десятилетия в научный оборот введен значительный массив статистических данных по смертности советских заключенных в 1930-е годы [7; 8; 10; 6; 21; 11; 5, с. 441—442; 12, с. 112—119], позволяющий проследить на макроуровне эволюцию

смертности по системе ГУЛАГа в целом и на протяжении длительного времени. Однако ряд важнейших сюжетов, касающихся санитарной ситуации в пенитенциарных учреждениях СССР этого периода на микроуровне — в отдельных лагерных управлениях и группах лагерей, до сих пор не получил должного освещения в историографии. К таким сюжетам, бесспорно, относится катастрофа, развернувшаяся на протяжении 1937—1938 гг. в «новообразованных» лесных исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) первой и второй очереди: Каргопольлаге, Тайшетлаге, Кулойлаге, Ивдельлаге, Локчимлаге, Томасинлаге, Усть-Вымлаге, Вятлаге, Усольлаге, Севураллаге, Краслаге, Унжлаге и Онеглаге [24, с. 371—372].

Феномен массовой гибели заключенных в упомянутых ИТЛ представляет интерес по следующим причинам.

Во-первых, в литературе не существует ни одной специализированной работы, посвященной анализу неординарной санитарной ситуации в лесных лагерях в ходе «Большого террора». Между тем, этот кризис настолько примечателен даже по меркам советской лагерной системы 1930-х годов, что заслуживает отдельного рассмотрения.

Во-вторых, судьба первых партий заключенных лесных лагерей представляет собой важный эпизод в истории политических репрессий. К сожалению, она также мало известна широкому читателю. Между тем, микроуровневый анализ кризиса приближает нас к пониманию демографических последствий беспрецедентных по масштабу массовых операций НКВД этих двух лет.

Наконец, в-третьих, компаративные исследования коэффициентов смертности лесных ИТЛ практически отсутствуют в исторической науке. Причем это касается как сравнений со смертностью аналогичной половозрастной когорты в свободном населении СССР, так и мирового контекста. Между тем, как в научных работах, так и в публицистике часто появляются взаимоисключающие мнения об уровне смертности в советской системе исполнения наказаний — катастрофическом или же, наоборот, умеренном. Однако ясно, что без опоры на конкретные математические пропорции и аналитику они носят отвлеченный, субъективный, оценочный характер.

Как результат, в историографии и тем более в общественном сознании отсутствует представление о лагерьном кризисе 1937—1938 гг. Отсутствует и понимание его особенностей на фоне тюремных систем зарубежных стран именно в аспекте смертности заключенных.

Цель исследования — хотя бы в первом приближении восполнить этот существенный пробел и, опираясь на компаративную методологию, дать интегральную дефиницию кризису в мировом сравнительном контексте.

Задачи исследования:

а) ввести в научный оборот помесячные и годовые коэффициенты для «новообразованных» лесных лагерей ГУЛАГа НКВД СССР за 1937—1938 гг.;

б) сопоставить уровень смертности в лесных лагерях с показателями аналогичных половозрастных когорт на воле для точной характеристики уровня смертности;

в) выявить комплекс причин, вызвавших гуманитарную катастрофу в лесозаготовительных лагерях.

Автор специально подчеркивает, что им затрагивается небольшой эпизод в истории лесных лагерей ГУЛАГа длительностью 12—15 месяцев. Узкие хронологические рамки накладывают определенные ограничения на выводы и не позволяют делать чрезмерно широких обобщений на макроуровне.

Данная работа является, прежде всего, исследованием масштаба и интенсивности конкретного кризисного пика конкретного вида лагерей на фоне типичных и пиковых показателей тюремных систем разных стран, современных СССР. Она не ставит целью сопоставления средних показателей целых пенитенциарных систем на протяжении длительного времени и не исследует смертность в лесозаготовительных ИТЛ в целом за весь период их существования.

Более подробный анализ долговременных общих трендов смертности и в лесных лагерях, и в целом в советской пенитенциарной системе на протяжении десятилетий в сравнении с показателями тюрем разных стран, с учетом комплекса разнообразных факторов, является куда более трудоемкой задачей. В рамках этого небольшого анализа ее полноценно выполнить невозможно, но мы работаем над этой сложной проблемой в нашем диссертационном исследовании.

Следует подробнее остановиться на применяемой нами сравнительной методологии.

МЕТОДОЛОГИЯ

По нашему убеждению, любая статистика смертности в тюрьмах и лагерях обретает ясное значение только в контексте сходных величин из мирового опыта пенитенциарных систем. Только тогда у исследователя появляется оценочная система координат, в которой все заявления о «катастрофической», «приемлемой» или «нормальной» смертности в тот или иной период перестают быть публицистическими приемами и обретают конкретное статистическое обоснование.

Если в ходе сравнений выяснится, что статистика, демонстрируемая лесными лагерями в 1937—1938 гг., была характерна для тюремных систем развитых стран исследуемого периода, то считать ситуацию в лесных лагерях «аномалией» нет оснований. Если же анализ будет свидетельствовать о гуманитарной катастрофе, не имеющий на тот момент аналога среди развитых стран, то можно будет вполне обоснованно, с опорой на доказательную базу использовать усиленное словосочетание «экстремально высокая смертность».

Когда мы говорим о тюрьмах, то принимаем как общеизвестное, что эти институты далеки от идеала во все времена и во всех государствах. Потому категории «благополучности», особенно относительно смертности заключенных, бесспорно, носят условный характер. Зачастую мы сравниваем показатели плохие, очень плохие и катастрофические.

Данная логическая цепочка подводит нас к следующему: несмотря на то, что в глобальном плане в пенитенциарных структурах любой страны в любую эпоху можно найти множество неприглядных явлений, условия содержания заключенных могут различаться кардинальным образом. В зависимости от этого одни тюремные системы будут считаться «нормальными» или «типичными», а другие — «аномальными». Причем среди этих последних некоторые могут выделяться — в худшую сторону — настолько сильно, что их показатели по праву получают название «катастрофических» и «беспрецедентных».

Для проведения сопоставлений с лесными лагерями необходимо установить «нормальный» и «аномальный» уровни смертности в пенитенциарных учреждениях зарубежных стран тех лет. Для этого по типовым признакам определены три статистические группы.

К а т е г о р и я I: пенитенциарные структуры экономически развитых индустриальных стран. Именно их тюремные системы считались «нормальными» и «лучшими из возможных» в санитарном отношении для 1930-х годов.

Для этой категории характерны низкие как абсолютные, так и относительные показатели смертности заключенных.

Для сравнения привлечена статистика смертности так называемых центральных каторжных тюрем Франции (фр. *maisons centrale*) [35] и также тюрем США (англ. *prisons*) [34]. Эти места лишения свободы в наибольшей степени соответствуют советским исправительно-трудовым лагерям. Во-первых, по критерию срока заключения: в *maisons centrale* и *prisons* отправлялись наиболее опасные с точки зрения законодательства преступники на длительные сроки заключения. Во-вторых, значительная часть контингентов этих пенитенциарных структур привлекалась к принудительному труду в местах лишения свободы и за их пределами.

К а т е г о р и я II: места заключения стран-колоний. К этой же категории относятся тюремные системы «развивающихся» стран (большая часть стран Африки, Азии и Латинской Америки). Для тюремных систем этой категории были характерны относительно невысокие абсолютные показатели смертности заключенных (из-за низкого коэффициента призывности), но аномально высокие относительные коэффициенты в результате тяжелейших условий содержания. Из-за узких рамок данной работы статистика этих мест лишения свободы привлекаться не будет, а получит более подробное освещение в нашем диссертационном исследовании.

К а т е г о р и я III: тюремная система — «гуманитарная катастрофа». В XX в. таковыми за рубежом являлись концлагерная система Третьего рейха [30; 28; 33; 26] и система концентрационных лагерей (Лао-Гаи) в коммунистическом Китае [29, p. 270].

Для этой группы характерны не только беспрецедентно высокие относительные показатели смертности из-за убийственных условий содержания в пенитенциарных учреждениях, но огромные абсолютные цифры гибели людей ввиду стабильно высокого количества заключенных на душу населения. Другой отличительной чертой является концентрация заключенных в так называемых «лагерях-гигантах»: крупномасштабных местах лишения свободы. Данная особенность существенно увеличивает масштаб смертности в отдельных пенитенциарных заведениях.

Из этой группы нами выбраны для анализа трудовые концентрационные лагеря нацистской Германии в юрисдикции СС. На наш взгляд, смертность в советских ИТЛ методологически корректно сравнивать с индексами именно таких «трудовых» лагерей Третьего рейха, располагавшимися на территории собственно Рейха (Дахау, Бухенвальд, Заксенхаузен, Маутхаузен, Флюссенбург и т.д.). Смертность заключенных там повышалась в большинстве случаев по тем же причинам, что и в советских лагерях: из-за тяжелейших условий содержания, провоцировавших эпидемии инфекционных болезней, сверхэксплуатации заключенных, жесткости администрации. Одиозные «лагеря смерти» на территории генерал-губернаторства (и рядом с ним) не являлись пенитенциарными заведениями в прямом смысле этого слова, будучи местами массовых преднамеренных казней. Поэтому сопоставление лагерей ГУЛАГа с этим сегментом нацистской системы нам представляется методологически некорректным. Подобную практику массовых убийств, на наш взгляд, правильнее было бы сравнивать с массовыми же расстрелами в СССР в 1937—1938 гг., но никак не с ИТЛ.

Однако для интересующего нас 1938 г. нацистская концлагерная система находилась на начальном этапе своего становления. Усло-

вия содержания заключенных, хотя и достаточно скверные, были еще совершенно не сопоставимы с катастрофой, начавшейся с разгаром Второй мировой войны [28]. Поэтому для большей объективности и репрезентативности привлечены данные по ряду лагерей не только мирного времени, но и военных лет (1939—1945 гг.).

Специально подчеркну, что в рамках данной работы не ставится целью сравнивать общие коэффициенты в ГУЛАГе и в нацистских концлагерях. Несмотря на то, что в историографии были некоторые попытки [32] провести такие сравнения, уровень разработанности статистических данных как по ГУЛАГу, так и по нацистской системе не позволяет пока проводить относительно точные сопоставления обобщенных трендов хотя бы в первом приближении.

Пока возможно давать лишь грубые и приблизительные оценки.

По предварительным оценкам, нацистская концлагерная система (входившая в юрисдикцию СС) была более благополучной, чем советские ИТЛ в довоенное время в относительных и абсолютных цифрах, но стала резко превосходить ГУЛАГ в 1939—1945 гг. в удельных коэффициентах. Исходя из имеющихся данных, можно сделать вывод, что концлагерная система Рейха была интегрально в разы более смертоносной в процентном отношении.

Но насколько велика была разница между двумя системами в аспекте смертности, еще предстоит установить путем тщательного и трудоемкого исследования.

С другой стороны, очевидно, что и ГУЛАГ и лагеря Рейха являлись экстремальными аномалиями в практике организации пенитенциарных систем для XX в. сразу в нескольких аспектах:

1. Нигде в развитых странах сотни тысяч и миллионы заключенных не вовлекались в грандиозные экономические проекты, как в СССР в 1930-е и нацистской Германии в 1940-е.

2. Нигде в европейских странах этой эпохи не погибало десятков и сотен тысяч заключенных, кроме СССР, нацистского Рейха, и, возможно, франкистской Испании.

3. Нигде в индустриальных развитых странах в мирное время в 1930-е не фиксировалось 10—15 % годовых относительных коэффициентов смертности в отдельных пенитенциарных учреждениях, как это случилось в СССР и в Третьем рейхе.

Безусловно, сравнение статистики двух лагерных систем ни в коем случае не означает, что нацистская и советская системы были одинаковы. Грубо приравнять к друг другу лагеря Рейха и ГУЛАГ ни в коем случае нельзя. Напротив, подобные сравнения выделяют не только возможные сходства, но и многочисленные, порой очень существенные, различия.

Однако в то же время сравнительный анализ советской и нацистской систем «обычных трудовых лагерей» представляется нам вполне конструктивным, полезным и обладающим научной ценностью. Подобное сравнение позволяет четче выделить сходства и различия обоих режимов в пенитенциарной политике.

Распространенным методом анализа условной «благополучности» санитарного состояния и условий содержания в тюремной системе считается сравнение индексов смертности за решеткой с аналогичными показателями среди свободного населения в стране. В отечественной историографии данную методику применяли лишь несколько авторов. К сожалению, некоторые из них допустили грубую методологическую ошибку, сравнивая так называемый общий коэффициент смертности по стране напрямую с гулаговской смертностью без поправки на пол и возраст [15, с. 114—120].

Из всех видов отдельных пенитенциарных учреждений нами отобраны места лишения свободы, где заключенные отбывали срочное наказание больше 1 года. Установлено, что смертность в местах лишения свободы в их условно нормальном состоянии в XIX в. [2, с. 442—454] и первой половины XX в. увеличивается пропорционально сроку заключения. Эта закономерность не универсальна, и в истории тюремных систем того периода есть и обратные примеры [17, с. 40—41], однако общая динамика такова. Поэтому нами из сравнения были исключены места заключения для так называемых краткосрочных арестантов, в которых смертность в 1930-е годы была минимальной из-за небольшого срока заключения.

Что касается климата, то установлено: если в тюремной системе отсутствует сверхэксплуатация подневольного труда, если арестантам обеспечиваются минимально нормальные медицинское обслуживание и питание, а бытовые условия отбытия наказания относительно приемлемы, климат и смертность заключенных коррелирует слабо. Это утверждение доказывается сравнительно низкой (с поправкой на критерии эпохи) смертностью в каторжных тюрьмах Сахалина или на Нерчинской каторге до революции в большую часть времени их существования. Подтверждают его и данные нескольких советских лагерей, расположенных в очень неблагоприятных климатических поясах. Такие учреждения, как Норильский ИТЛ, демонстрировали относительно умеренную статистику смертности благодаря рациональной организации труда, относительно мягким (по сравнению с другими лагерями) условиям содержания, более внимательному отбору «контингента» [4, с. 177—233].

Наконец, следует ввести поправку на половозрастной фактор: смертность всегда зависит от возраста и пола. Заключенные прак-

тически в любой тюремной системе представляют так называемую смещенную половозрастную когорту. В тюремной популяции отсутствует возрастная группа, которые на свободе дают самый высокий процент смертности: младенцы и глубокие старики. Также среди заключенных, как правило, преобладают мужчины в самом здоровом возрасте (от 20 до 40 лет), доля заключенных-женщин очень редко превышает 15—20%, колеблясь в основном вокруг отметки в 5—7% от общего количества арестантов.

Для того, чтобы сравнение с коэффициентом смертности на воле было корректным, необходимо высчитать средний индекс смертности для взрослых мужчин от 20 до 40 лет в свободном населении и сопоставить его с индексами тюремной смертности. Для этой половозрастной когорты на свободе еще с конца XIX в. характерна смертность в районе 10 *pro mille* [13, с. 7]. В годы кризисов (голод, война, эпидемии) этот показатель повышался, но не слишком значительно [1, с. 120].

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

В отечественной исторической науке впервые ряд абсолютных показателей смертности в лесных лагерях за 1937—1938 гг. был опубликован В.Н. Земсковым [10, с. 62]. Благодаря трудам региональных историков некоторые лесные лагеря ГУЛАГа исследованы достаточно подробно. Среди этих работ стоит отметить монографии В. Бердинских о Вятлаге [3], Н.А. Морозова о ГУЛАГе в Коми крае (в ней, помимо прочего, исследуются Локчимлаг и Усть-Вымлаг) [14], а также статью С.А. Шевырина об Усольяге [25, с. 50—56]. Ряд относительных показателей периода «массовых операций» НКВД для трех лесных лагерей (Каргопольлаг, Кулойлаг, Тайшетлаг) приводился А.В. Кокуриным и Ю.Н. Моруковым в серии публикаций в журнале «Свободная мысль». Ситуацию в лесозаготовительных ИТЛ затрагивали авторы фундаментального справочника «Система мест заключения в СССР, 1929—1960 гг.» [21], а также Н.В. Упадышев в своей работе о ГУЛАГе на Европейском Севере России [23].

Однако подробный анализ санитарной статистики данных лагерных управлений не входил в исследовательские задачи вышеупомянутых историков. Как следствие, соответствующие данные приводились ими фрагментарно. Полной статистики (среднемесячные и годовые абсолютные и относительные показатели для большей части лесных лагерей периода «Большого террора») до сих пор так и не было опубликовано.

Наиболее интересно, подробно и всесторонне осветил ситуацию в лесозаготовительных ИТЛ в исследуемый период один из наиболее авторитетных современных специалистов по эпохе сталинизма О.В. Хлевнюк в своей монографии «Хозяин» [24, с. 371—372]. Однако им справедливо отмечено, что «история этих лагерей требует специального изучения» [24, с. 371].

В современной историографии большинство исследователей (за редким исключением) ограничивается некритической ретрансляцией данных из документов Санитарного и Учетно-распределительного отделов ГУЛАГа, лишь констатируя флуктуации общего коэффициента смертности на протяжении ряда лет. Так, допустим, воспроизводит цифры известный специалист по истории советской пенитенциарной системы В.Н. Земсков: «В 1938 г. уровень смертности в ИТЛ довольно резко подскочил, составив в среднем 5,5—5,7% к годовому контингенту заключенных. В 1938 г. умерло лагерных заключенных в 3,6 раза больше, чем в 1937 г. (в Бамлаге — в 7,1 раза). В 1939 г. уровень смертности в среднем по лагерям ГУЛАГа понизился до 3,3%. В этом году умерло в 1,8 раза меньше заключенных, чем в 1938 г., а по ряду лагерей это снижение было еще более значительным (Ивдельлаг — в 5,2 раза, Сиблаг — в 4,7, Сазлаг — в 3,3, Ухтижемлаг — в 3,1, Краслаг — в 2,7, Карлаг — в 2,2 раза)» [10, с. 64].

На первоначальном этапе изучения проблемы, после открытия ранее засекреченных архивов, фактографическое изложение внутренней динамики смертности в советских лагерях было, безусловно, необходимо и важно. Однако с момента публикации статистики прошло уже много лет. Историография же до сих пор оперирует лишь сравнительной динамикой колебаний смертности внутри системы (между 1938 и 1939 г., например), без рассмотрения смертности ГУЛАГе в мировом контексте. Представляется, что простая констатация показателей никакой аналитической ценности не несет. Цифры, перенесенные из источников, вырванные из контекста эпохи, по сути, ничего не доказывают без учета этого контекста. Прежде всего они не отвечают на принципиальные, с нашей точки зрения, вопросы:

1. Можно ли считать подобную смертность «умеренной» или, наоборот, экстремально высокой, и почему?

2. Были ли такие показатели характерны для пенитенциарных систем развитых или, наоборот, отсталых стран конца 1930-х годов?

3. Если смертность в этих лагерях была аномально высокой, то насколько она превосходила аналогичную статистику пенитенциарных систем развитых стран и, с другой стороны, стран-аутсайдеров в вопросе смертности заключенных?

ИСТОЧНИКИ

Данные о смертности в лесных лагерях взяты из документооборота Санитарного и Учетно-распределительного отделов ГУЛАГа, отложившихся в фонде № 9414 Государственного архива Российской Федерации [3А; 1А; 2А]. Проблема полноты и достоверности статистических отчетов требует отдельного исследования и здесь подробно затрагиваться нами не будет. Следует лишь указать, что на сегодняшний день в историографии ее принято считать достаточно достоверной для характеристики основного тренда [9, с. 155—156].

Однако существует ряд существенных оговорок. Как замечает О.В. Хлевнюк, «...ГУЛАГовские отчеты о смертности, несмотря на значительность цифр, были неполными. Во-первых, в условиях быстрого увеличения количества заключенных увеличивались возможности для разного рода фальсификаций. Обращает на себя внимание, например, резкое увеличение численности заключенных, проходивших в ГУЛАГовской отчетности по графе “выбывшие из лагерей по неопределенным причинам”. Если в предшествующие несколько лет таких фиксировали от 1,2 до 2,7 тыс., то в 1938 г. — 16,5 тыс.

Во-вторых, как обычно в периоды массовых репрессий, резко увеличилась смертность на этапах, данными о которой мы пока не располагаем... в отчетности о движении лагерного населения обращает на себя внимание разница между численностью заключенных, отправленных из лагерей в другие лагеря и прибывших из лагерей в другие лагеря. В 1938 г. она составила 38 тыс.» [24, с. 373].

Другим существенным источником недоучета являлись так называемые «разгрузки» лагерей от «инвалидов и больных неизлечимых недугом» в ходе «активирования» умирающих заключенных на свободу для улучшения статистической отчетности.

Пенитенциарная статистика и смертность заключенных в тюрьмах США и Франции взята из официальных отчетов соответственных ведомств этих стран [34; 35] и считается достоверной.

Данные о смертности в нацистской концлагерной системе ретранслированы из материалов канцелярий о движении заключенных соответственных лагерей, опубликованных в разных источниках [30; 28; 33; 26]. В конце 1980-х годов польским историком М. Карни высказывались сомнения в достоверности отчетов движения заключенных немецких концлагерей, подчиненных СС. Позднее немецкий историк М. Бугтельн обработал и проанализировал значительный объем параллельных и пересекающихся данных из альтернативных источников. Он убедительно доказал, что статистика, пре-

доставляемая руководству SS-WVHA, куда ближе к реальности, чем полагал Карни, и может использоваться для характеристики трендов — с определенной поправкой на недоучет [27, S. 66—67].

Общая ситуация в системе ГУЛАГа в годы «Большого террора», предпосылки образования лесных лагерей

Объективный анализ кризиса в лесных лагерях невозможен без рассмотрения контекста и предпосылок их возникновения, а также общего краткого обзора ситуации в уголовно-исполнительной системе СССР этих двух лет.

Абсолютное большинство погибших заключенных новообразованных лесных ИТЛ этого периода являлись жертвами серии массовых террористических операций, получивших в историографии наименование «Большой террор». Инициированные Политбюро и проведенные советской политической полицией при поддержке прокуратуры, милиции и партийных органов, так называемые массовые операции НКВД стали одной из самых жестоких и масштабных репрессивных акций за все время существования советской власти, затронувшей все слои советского общества. Выдающийся даже по советским меркам уровень государственного насилия выразился, прежде всего, в феноменальном увеличении количества смертных приговоров. За два года было расстреляно около 700 тыс. чел.: в среднем в течение года убивали по тысяче человек в день [22, с. 568]. Это абсолютный антирекорд по смертным казням для нашей страны за два века.

Помимо расстрелов, этот период отмечен еще одним антирекордом: никогда за всю историю российской юстиции XIX—XX вв. в места лишения свободы не поступало в столь сжатые сроки такого гигантского количества следственных и срочных заключенных.

«Население» лагерей, колоний и тюрем увеличилось за 9 месяцев (с 1 июля 1937 г. по 1 апреля 1938 г.) на 800 тыс. чел. На 1 января 1939 г. в лагерях находилось 1 317 195 заключенных, в тюрьмах — 352 508, в колониях — 355 243 [10, с. 77].

Вот как описывает ситуацию Хлевнюк:

«Катастрофические последствия имело резкое нарастание потока в лагерь новых заключенных, причем измученных тюрьмами и пытками, тяжело больных и часто раздетых. Пик поступления заключенных, в силу того, что массовые операции начались в августе 1937 г., пришелся на зиму. Вопреки существовавшим правилам, предусматривавшим отправку в лагерь относительно здоровых и годных к физическому труду заключенных, новые контингенты состояли в значительной мере состояли из больных и нетрудоспособных... Во многих случаях областные и республиканские отделы мест заключе-

ния (которым подчинялись тюрьмы и колонии) направляли в лагеря значительно большее количество заключенных, чем предписывали наряды, выданные из Москвы. Отправка в лагеря большого количества истощенных, больных и инвалидов, а также превышение нарядов были естественным следствием всей гугаговской системы в годы “большого террора”. Переполненные тюрьмы и колонии старались избавиться от заключенных, лагерь не могли их принять» [24, с. 369].

От постоянно нарастающего потока заключенных коллапсировали даже так называемые «старые лагеря» ГУЛАГа, где жилищная и продовольственная материальная база создавалась много лет назад и постоянно расширялась в течение 1930-х годов.

Материалы прокурорских проверок свидетельствовали о критической ситуации, сложившейся в Бамлаге, Дальлаге и особенно в Сиблаге, где из-за переполнения вспыхнула эпидемия сыпного тифа [24, с. 369—370], которая распространилась и на другие лагеря. В полное расстройство пришла этапно-пересыльная система, не справлявшаяся с потоком заключенных. С эшелонов в это время постоянно снимали умерших в пути из-за истощения и обморожения. Скученность в переполненных вагонах, антисанитария, отсутствие отопления зимой приводили к росту заболеваемости, инвалидности и смертности. Кризис нарастал и в экономическом лагерном секторе. Из-за арестов руководителей, поступления в лагеря истощенных контингентов лагерная экономика провалила все хозяйственные планы [24, с. 373—375].

Наконец, одним из объективных свидетельств мощного кризиса системы исполнения наказаний стал резкий скачок в абсолютных и относительных показателях смертности по всем пенитенциарным структурам. Всего за 1937—1938 гг. в лагерях, колониях и тюрьмах погибло около 160 тыс. чел. — население небольшого города [2А, л. 2; 3А, л. 44, 50].

За всю историю существования системы исполнения наказаний у нас в стране (кроме, возможно, кризиса 1933 г., с учетом погибших в местах заключения наркомюстов) никогда в мирное время в местах лишения свободы не погибало такого количества заключенных за пару лет [18].

Пик смертности в удельных коэффициентах пришелся на 1938 г., когда общий средний коэффициент смертности в лагерях поднялся до 78 *pro mille* (при 34 *pro mille* в 1937 г.) [2А, л. 2]. Учитывая, что основную массу заключенных составляли взрослые мужчины в самом здоровом возрасте — от 20 до 40 лет [2А, л. 9], общий коэффициент смертности в лагерях в 7—8 раз превосходил смертность аналогичных возрастов в свободном населении СССР за этот год. Такой масштаб

преждевременной смертности относительно молодых людей, которые прожили бы значительно дольше на воле, является системным маркером тяжелой ситуации в лагерной системе этого периода.

Создание лесных лагерей первой и второй очереди летом 1937 г.

Динамика смертности «контингента» лагерей в 1937—1938 гг.

Политбюро и высшее руководство НКВД уже в июле 1937 г. отдавали себе отчет в том, что существующая инфраструктура лагерной системы будет не способна принять намечавшиеся гигантские потоки осужденных. Поэтому образование в авральном порядке новых лагерей являлось составной частью изначально амбициозного плана массовых репрессий.

Начало «Большому террору» положил печально известный оперативный приказ № 00447, утвержденный постановлением Политбюро от 31 июля [13, с. 281—282]. В нем специально оговаривалось создание сети лесозаготовительных исправительно-трудовых лагерей в Казахстане, на Севере, Урале и в Сибири, с конкретными указаниями НКВД обо всех нюансах их организации. Среди прочего предписывалось: «Всех кулаков, уголовников и другие антисоветские элементы, осужденные по 2-й категории к заключению в лагеря на сроки, использовать... для постройки новых лагерей, специально организуемых для лесозаготовительных работ силами осужденных».

Это решение было формализовано постановлением СНК СССР № 1244-286сс от 1 августа 1937 г. и закреплено приказом НКВД № 078 «Об организации лесозаготовительных лагерей» 16 августа того же года за подписью Н.И. Ежова. Приказ гласил: «Во исполнение постановления Совета Народных Комиссаров Союза ССР.. ПРИКАЗЫВАЮ: 1. Организовать нижеследующие лагеря: А) Тайшетский; Б) Томск-Асинский; В) Куломский; Г) Усть-Вымский; Д) Ивдельский; Е) Каргопольский; Ж) Локчимский...» [4А, л. 217—219]. В приказе также подробно регламентировались организационные аспекты создания лагерей и кадровые вопросы. Ставилась цель начать основные лесозаготовительные работы 1 января 1938 г., «забросив» в каждый лагерь не менее 15 000 заключенных.

Значительная часть узников новых лагерей состояла из осужденных по «политической» 58-й статье УК. Однако репрессии 1938 г. по масштабу превзошли операции 1937 г. С учетом постоянно увеличивающегося потока осужденных Политбюро было снова вынуждено в срочном порядке отдавать приказ об организации лесозаготовительных комплексов второй очереди: так были созданы Вятлаг, Усольлаг, Севураллаг, Краслаг, Унжлаг и Онеглаг. Однако и их создание не решило проблемы переполнения пенитенциарной системы. Как это часто бывало с

реализацией непродуманных и нереалистичных инициатив такого масштаба, приказ оказался совершенно не подкреплен реальными ресурсами и оперативными возможностями Главного управления лагерей. То, что выглядело гладко на бумаге, в реальности привело к катастрофе.

Предполагавшихся лагерных управлений в Казахстане создано не было в принципе из-за отсутствия экономических возможностей, а план по завозу заключенных в новые лагеря на 1 января 1938 г. оказался провален. Заброшенные в тайгу и лесные массивы осенью 1937 г. первые партии заключенных поначалу были еще способны бороться за свою жизнь (это выражалось, среди прочего, в большом количестве побегов). Однако зимой 1937—1938 г. они стали стремительно терять силы, что зафиксировали санотделы лагерей.

Таблица 1

Сведения о категорийном составе з/к, содержащихся в лесных лагерях НКВД по состоянию на 1 января 1938 г.

Лесные лагеря	I категория	II категория	III категория	В том числе инвалиды	Без категории	Всего заключенных
Кулойлаг	8 383	2 890	940	266		10 581
Каргопольлаг	4 676	3 452	4 519	966	2 570	15 217
Локчимлаг	7 811	4 867	6 295	1 187		18 973
Ивдельлаг	8 586	4 078	2 429	36	1 137	16 230
Томасинлаг	4 925	2 969	4 018	917		11 912
Тайшетлаг	5 512	2 805	3 033	1 090	1 983	13 333
Усть-Вымлаг	1 262	1 277	1 510	365	1 173	5 222
ИТОГО	41 155	20 706	22 744	4 857	6 863	91 468

Источник: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1 с. Д. 1139. Л. 111.

Вместо намеченных 103 тыс. чел. в новые лагеря была «заброшена» только 91 тыс. заключенных. Ограниченно годных к труду и нетрудоспособных (по принятой тогда гулаговской классификации категории III) среди них на 1 января было уже 22,7 тыс. чел. Особенно в негативную сторону выделялся Тайшетлаг, где из 13 333 заключенных инвалидов насчитывалось 1090 чел. Несмотря на то, что на образование и обустройство лагерных управлений были выделены солидные финансовые средства и кадровые ресурсы, эффективно их реализовать не удалось. Да и вряд ли это было возможно в условиях хаоса массовых операций, изначальной нереалистичности директивных установок верховной власти и некомпетентности лагерного начальства всех уровней.

Для иллюстрации этого тезиса ознакомимся с динамикой подробных помесечных показателей в лесных ИТЛ в 1938 г. на основе сводных данных Санитарного отдела ГУЛАГа.

Данные о смертности доступны с октября 1937 г. В конце года фиксируется относительно небольшое количество смертей: за октябрь — ноябрь — 532 чел. [1А, л. 123]. Однако уже в ноябре в Локчимлаге умирает 1,55%, в Ивдельлаге — 0,72%, в Устьвымлаге — 1,14% от среднесписочного состава лагерников [3А, л. 43]. Подобная *среднемесячная* смертность уже являлась крайне высокой. Стремительное увеличение смертности до катастрофических величин начинается в декабре 1937 г.: в Каргопольлаге среднемесячный индекс поднимается до 2,52%, в Локчимлаге — до 2,73%, а в Ивдельлаге — до 3,66% [3А, л. 43]. Кривая смертности также начинает стремительно ползти вверх и во всех остальных лагерях.

Таблица 2

Смертность в лесных лагерях в 1938 г. (январь — декабрь), чел. и в %

Лесные лагеря	1938 г.											
	январь		февраль		март		апрель		май		июнь	
	абс.	отн.	абс.	отн.	абс.	отн.	абс.	отн.	абс.	отн.	абс.	отн.
А	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
первой очереди												
Кулойлаг	536	4,80	486	4,21	490	4,50	321	3,05	166	1,59	161	1,79
Каргопольлаг	478	2,97	758	3,71	804	3,13	571	2,06	528	1,89	348	1,28
Локчимлаг	726	3,86	506	2,84	467	2,53	267	1,47	239	1,23	165	0,78
Ивдельлаг	530	3,19	397	2,29	296	1,51	199	0,91	146	0,67	155	0,71
Томасинлаг	160	1,37	222	1,94	305	2,76	217	1,97	163	1,46	89	0,81
Тайшетлаг	220	1,65	530	4,08	422	3,37	543	3,49	222	1,22	217	1,24
Усть-Вымлаг											45	0,63
второй очереди												
Унжлаг	11	0,02	27	0,28	114	0,75	108	0,7	89	0,57	52	0,33
Вятлаг			9	0,14	48	0,51	68	0,56	191	1,56	141	1,15
Онеглаг					2	1,21	85	0,61	138	0,98	104	0,73
Усоьлаг												
Сеvураллаг			1	0,03	38	0,29	82	0,39	114	0,68	159	0,67
Краслаг			2	0,04	39	0,57	100	0,75	104	0,60	114	0,61

Продолжение таблицы 2

Лесные лагерь	1938 г.											
	июль		август		сентябрь		октябрь		ноябрь		декабрь	
	абс.	отн.	абс.	отн.	абс.	отн.	абс.	отн.	абс.	отн.	абс.	отн.
А	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
первой очереди												
Кулойлаг	125	1,15	97	1,50	67	0,85	34	0,32	23	0,21	35	0,32
Карго-польлаг	247	0,88	278	0,98	186	0,64	124	0,4	76	0,26	92	0,31
Локчимлаг	129	0,58	135	0,51	114	0,46	96	0,38	88	0,33	94	0,32
Ивдельлаг	125	0,57	98	0,44	79	0,36	54	0,25	32	0,15	34	0,16
Томасинлаг	69	0,62	77	0,68	58	0,51	35	0,32	21	0,20	44	0,39
Тайшетлаг	313	1,92	262	1,72	184	1,25	85	0,58	33	0,22	45	0,31
Усть-Вымлаг	64	0,90	90	1,12	107	1,16	87	0,79	145	1,17	196	1,61
второй очереди												
Унжлаг	74	0,47	71	0,45	56	0,35	48	0,3	51	0,23	79	0,49
Вятлаг	209	1,6	203	1,69	115	0,96	155	1,07	136	0,83	130	0,78
Онеглаг	85	0,59	91	0,65	80	0,54	56	0,36	40	0,25	53	0,32
Усольлаг			116		120		103		97			
Севураллаг	154	0,64	112	0,45	78	0,32	59	0,23	51	0,19	62	0,23
Краслаг	199	1,26	261	0,97	149	0,66	105	0,63	62	0,4	48	0,31

Таблица 3

Итоговая смертность в лесных лагерях за 1938 г.

Лесные лагеря	ИТОГО за 1938 г.	
	абс., чел.	относительно среднегодовой численности, %
1	2	3
первой очереди		
Кулойлаг	2541	24,24
Каргопольлаг	4490	18,53
Локчимлаг	3026	15,37

1	2	3
Ивдельлаг	2145	11,21
Томасинлаг	1460	13,09
Тайшетлаг	3076	21,50
Усть-Вымлаг	734	7,38
второй очереди		
Унжлаг	770	4,94
Вятлаг	1405	10,85
Онеглаг	734	6,24
Усольлаг	436	Нет данных
Сеураллаг	910	4,12
Краслаг	1183	6,85

Составлено по: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2740. Л. 48—49; Д. 1139. Л. 123.

В статистические сводки санитарного отдела не входят данные о расстрелах в лагерях этого периода, достигшие пика за все 1930-е годы [17, с. 39]. Также необходимо учитывать, что итоговые коэффициенты лесных лагерей второй очереди рассчитаны за неполный год.

Итак, за 1938 г. во всех лесных лагерях погибло **22 910 чел. из 90 546 чел., умерших во всех ИТЛ**. Следует отметить беспрецедентный масштаб подобной смертности в такие короткие сроки. Достаточно сказать, что за один год и только в лесных лагерях погибло больше заключенных, чем **за 20 лет** существования всех каторжных тюрем Российской империи (1895—1915 гг.) [18].

Итоги первого этапа создания (осень 1937 — зима 1938 г.) лесных лагерей исчерпывающе охарактеризовал О.В. Хлевнюк:

«Невероятно высокой была смертность среди заключенных новых лагерей. В декабре 1937 г., согласно отчетным данным, она составляла 2415, в январе 1938 г. — 3343, в феврале — 3244, в марте — 3040 чел. Это составляло в среднем чуть меньше половины заключенных, числившихся умершими за этот период по всем лагерям (в декабре 1937 — марте 1938 гг. около 26 тыс.)... Результаты создания лагерей были ужасающими — за первые полгода существования более 12,5 тыс. умерших, 1272 беглеца, более 20 тыс. нетрудоспособных, в том числе 5 тыс. инвалидов... Новые лесные лагеря, организованные в 1937 г., по существу оказались временными лагерями смерти» [24, с. 372].

Заключенные в семи лесных лагерях оказались в экстремально тяжелом положении даже по сравнению с коллапсирующей сетью

старых ИТЛ. Высаженные из эшелонов в неподготовленные для расселения такого количества людей тайгу и лесные массивы, без достаточных запасов продовольствия, понукаемые начальством заниматься энергозатратными лесозаготовками, многие узники были обречены на инвалидность и гибель.

Кризис продолжался вплоть до осени 1938 г. Смертность почти во всех лагерных управлениях оставалась аномально высокой в течение зимы и весны. Она обрела первые тенденции к снижению лишь в апреле, после завоза новых нарядов (см. таблицы 1 и 2). Представление о том, что происходило в 1938 г., например, в Локчимлаге, можно получить из региональных исследований. Вот как описывает ситуацию первого года его функционирования Н.А. Морозов:

«Следует сказать, что Локчимский лагерь был самым страшным из всех лагерей, дислоцированных в те времена в Коми АССР. Условия жизни и труда заключенных были ужасающими. В январе — феврале 1939 г. Коми обком ВКП (б) проверял работу лагеря. В ходе проверки вскрылись факты, набор которых оказался достаточным для снятия с работы ответственных работников лагеря. Самым страшным, по мнению членов комиссии, был IV квартал 1938 г., когда от голода, болезни и непосильного труда умерли более 1000 заключенных (всего за этот год погибли 4003 заключенных, в том числе за октябрь 1937 — май 1938 гг. — 3169 чел.).

Главной причиной смертности были истощение организма и авитаминоз. При наличии запасов муки начальники лаготделений умышленно снизили нормы питания до 200 г хлеба в день, кормили заключенных мучной похлебкой. Особенно зверский режим содержания был в Мыелдинском, самом отдаленном лаготделении (начальник — Большаков).

Только на расходах по содержанию заключенных в этом квартале администрация лагеря “сэкономила” 105 280 руб. На каждый лагучасток было выделено по 2 т вазелина, который использовался как профилактическое средство против обморожения. Комиссия обнаружила несколько сот обмороженных заключенных. О вазелине никто из них не слышал. По воспоминаниям уцелевших бывших узников Локчимлага, “там царил такой голод, что люди ели людей. И от голода пытались бежать”. Их ловили, судили и расстреливали. Так, особая тройка НКВД Коми АССР 28 января, 7 и 14 февраля 1938 г. приговорила к расстрелу 106 заключенных Локчимлага по ст. 82 ч. 1 УК РСФСР за побег.

Таким образом, достигалась экономия средств. Только на питании заключенных в 1938 г. было “сэкономлено” 606 700 руб., и эти средства пошли в фонд зарплаты управленческого персонала лагеря. О тяжелом положении лагерников свидетельствуют и данные о категорийном составе заключенных. В I квартале 1938 г. из 18 623 чел. почти 40% были нетрудоспособными. Во II квартале: из 18 816 —

33,7%. В III квартале: из 22 936 чел. — 21,5%, и в IV квартале: из 26 861 — 30%.

Фактически все лагпункты были переполнены. Сотни заключенных жили за пределами зоны — в землянках, времянках, палатках, сараях местных жителей» [14, с. 155].

Примечательно, что данные из местного архива Локчимлага расходятся с информацией из сводной статистики центрального аппарата Санитарного отдела почти на 1000 чел. Это нередко случалось из-за развала учета и небрежного ведения документации работниками ГУЛАГа всех уровней.

Несмотря на то, что во всех без исключения лесных лагерях 1937—1938 г. фиксируется сверхсмертность, индексы достаточно сильно варьировались от одного лагерного комплекса к другому. Если подвести интегральный итог и выстроить некую иерархию по критерию смертоносности, то наиболее экстремальной выглядит ситуация в Кулойлаге. За 1938 г. там погибло 2541 заключенных, что составило 24% от среднесписочного состава — по сути, умер каждый четвертый узник. Это абсолютный антирекорд по всей системе ГУЛАГа в 1938 г. На втором и третьем месте находились Тайшетлаг и Каргопольлаг, где за год вымерло 21,5% и 18,53% заключенных соответственно — примерно каждый пятый от среднесписочного состава контингентов.

В Томасинлаге погиб каждый седьмой (13,8% от среднесписочного состава), в Локчимлаге — каждый шестой (15,37% от среднесписочного), в Ивдельлаге — каждый девятый (11,21% от среднесписочного). Наиболее низкая смертность из ИТЛ первой очереди зафиксирована в Усть-Вымлаге: погибло 7,38 %, то есть каждый четырнадцатый.

ИТЛ второй очереди в санитарном отношении были, как правило, благополучнее, хотя необходимо учитывать, что основаны они были в течение 1938 г. и данные о них имеются за неполный год. Худшим лагерем из этой категории был Вятлаг, где погиб каждый десятый заключенный от среднесписочного состава. Самые низкие показатели зафиксированы в Унжлаге и Севураллаге.

Причины катастрофы 1938 г. в лесных лагерях

Не подлежит сомнению, что ситуация 1937—1938 гг. в советской системе исполнения наказаний является экстремальной искусственной флуктуацией. Однако, по сути, в еще более широких масштабах повторилась картина массовых репрессий периода коллективизации 1930—1933 гг. Тогда утопические политические решения верховно-

го руководства страны о проведении глобальных централизованных репрессивных акций оказались невыполненными из-за несоответствия объективным логистическим и инфраструктурным возможностям пенитенциарной системы. Свою роль снова сыграл невысокий уровень профессиональной компетенции управленческих кадров ГУЛАГа — причем не только на местах, но и в центре.

Красноречивым подтверждением последнего является формулировка из сверхсекретной проверки НКВД после устранения наркома Ежова:

«Главное Управление лагерями, насчитывающее в своем центральном аппарате свыше 1.000 человек, находится в жалком состоянии и совершенно не способно руководить большим сложным и разнообразным хозяйством» [19, с. 361—362].

Лесозаготовительные работы всегда считались одними из самых тяжелых даже по меркам ГУЛАГа. В этот период основной их объем выполнялся вручную при очень низкой механизации, мускульной силой заключенных. Б.А. Нахпетов сообщает следующую информацию об энергозатратах: «Как установили отечественные ученые-гигиенисты, суточные энергозатраты шахтеров, лесорубов, землекопов, каменотесов и других представителей очень тяжелого, не механизированного труда составляют не менее 4500 ккал» [17, с. 26]. На лесозаготовках эти показатели могут в сутки достигать и 5—7 тыс. ккал. На потребление энергии прямым образом влияют и климатические условия — а практически все лесные лагеря были дислоцированы в зонах с очень суровым климатом. В результате калорий для поддержания организма заключенным этих лагерей требовалось еще больше.

Проблема недостаточного питания заключенных была универсальной для советской лагерной системы на протяжении всего периода ее существования. Она открыто признавалась высшими чинами НКВД. Так, в письме нового наркома Л.П. Берии на имя В.М. Молотова от 17 апреля 1939 г. говорилось следующее:

«Существующая в ГУЛАГе... норма питания в 2000 калорий рассчитана на сидящего в тюрьме и не работающего человека. Практически и эта заниженная норма снабжающими организациями отпускается только на 65—70%. Поэтому значительный процент лагерной рабочей силы попадает в категории слабосильных и бесполезных на производстве людей. На 1 марта 1939 г. слабосильных в лагерях и колониях было 200 000 человек, и поэтому в целом рабочая сила используется не выше 60—65%» [24, с. 376].

Это был результат 1938 г. В одном из отчетных документов Санитарного отдела под названием «Удельный вес смертности по отдельным болезням к общей смертности по ИТЛ НКВД за 1938 г.» истощение указано в качестве основного диагноза и причины 10% общего числа смертей по всем лагерям (не только лесным) в январе и марте 1938 г., во время самого массового мора заключенных в лесозаготовительных ИТЛ. За год этот показатель равнялся 5,1% [3А, л. 54]. Пеллагра (формально авитаминоз, а по факту — эвфемизм для того же истощения) зарегистрирована в 9,2% случаев [3А, л. 54]. Правда, эти проценты рассчитаны не от всего числа погибших за это время, но характеризуют очевидную тенденцию: зимой, весной и отчасти даже летом 1938 г. заключенные лесных лагерей вымирали от голода.

Наряду с легальными ограничениями пищевых раскладок и коррупцией существовал еще один системный фактор, игравший негативную роль: т.н. «шкала дифференцированного питания». В советских лагерях утвердился специфический принцип формирования суточной нормы еды для заключенного. Эта норма напрямую зависела от выполнения хозяйственных заданий. Принципиальным был следующий нюанс: заключенный мог получать надбавку за выполнение или перевыполнение норм. Однако существовали и понижающие коэффициенты: если заключенный норму выработки не выполнял, то ему урезали «пайку». На практике этот принцип приводил к появлению так называемых «доходяг», которые еще кое-как перебивались в спокойные периоды, но начинали вымирать при малейшем форс-мажоре типа расстройства снабжения. Если человек попадал в лесной лагерь в 1938 г. больным и ослабленным, шансов восстановить свое здоровье нормальным питанием почти не было, так как истощенные лагерники не вырабатывали положенных норм и переводились на более низкокалорийный «котел» питания. А если в эти «котлы» еще и не докладывали того, что положено по норме (как это было, например, в Локчимлаге), то астрономически высокая статистика оказывалась гарантирована. Важным фактором, усугубившим ситуацию, была традиционная для советских карательных ведомств погоня за производственными показателями.

Вот несколько наиболее выразительных телеграмм периода самой высокой смертности:

«Выписка из сообщений лагерей о завозе рабсилы.

Ивдельлаг.

Ввиду острой потребности контингентов прошу распоряжения реализации январских нарядов расчетом прибытия приема первой декады марта» [1А, л. 118].

Эти наряды начальник ИТЛ Тарасюк требовал в феврале 1938 г., когда среднемесячная смертность в лагере достигала 2,28%.

Сходные телеграммы поступали в центральный аппарат Учетно-распределительного отдела ГУЛАГа из Каргопольлага, Онеглага и Севураллага:

«В Ярцевское отделение Каргопольлаг'а до 12/II не поступало ни одного человека. К приему людей подготовлены, работ развернуть не можем, отгрузка леса под угрозой срыва» [1А, л. 119].

Онеглаг:

«Дополнение ряда моих телеграмм сообщаю, могу немедленно принять 4000 чел. Немедленно шлите валовую рабсилу лесозаготовки. Соколов».

(телегр.16/1-38уг).

«Терпим острую нужду людям. Прошу в/личного вмешательства Соколов»

(телегр. 26/1) [1А, л. 122].

Телеграмма из Севураллага:

«Готов приему размещению 9000. Форсируйте отправку контингентов».

Есть телеграмма о временной приостановки приема [1А, л. 120].

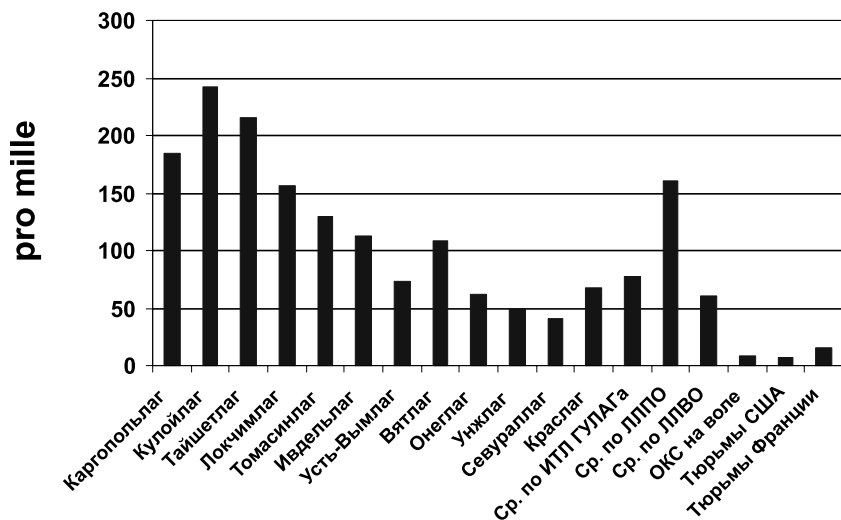
Анализ телеграмм начальников лагерей в течение 1938 г. позволяет выделить ряд интересных особенностей в политике лагерного руководства этого периода. Несмотря на то, что в зонах их ответственности разыгрывалась гуманитарная катастрофа, многие из всех сил пытались выполнить указания по лесозаготовкам, видимо, опасаясь (и вполне обоснованно) возможных репрессий за провал планов. Как следствие, в Учраспредотдел сыпались телеграммы начальников лагерей с просьбами о завозе все новых и новых партий заключенных. Это объяснялось тем, что первые партии либо погибли, либо были истощены, поражены дистрофией, авитаминозами и инфекционными болезнями. При этом помесечная статистика смертности наглядно демонстрировала, что новые лагеря были явно не готовы не только к приему новых контингентов, но и к обеспечению имеющихся минимальными условиями для сохранения их жизни и здоровья.

Сравнение в мировом контексте

Теперь приступим к основной цели данной работы: анализу кризиса 1937—1938 гг. в мировом контексте.

Блок № 1

Сравнение с сопоставимой половозрастной когортой на воле с тюрьмами США и Франции

Источники:

Для США: Statistical Abstract of the United States 1940. Number 62. US Government Printing Office. Washington, DC, 1941. P. 78.

Для Франции: Statistique Pénitentiaire Pour L'Année 1938. Melun: Imprimerie Administrative, 1945. P. 6, 28.

Для лесных лагерей ГУЛАГа: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1с. Д. 2740. Л. 48—49.

Коэффициент смертности на воле рассчитан с учетом возраста и пола заключенных по: Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Население Советского Союза, 1922—1991. М., 1993. С. 120; Народонаселение стран мира: справочник / под ред. Б. Ц. Урлианиса. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1978. С. 176—177.

ЛЛПО — лесные лагеря первой очереди.

ЛЛВО — лесные лагеря второй очереди.

Половозрастной состав заключенных лесных лагерей СССР и французских и американских тюрем различался несущественно. Поскольку ни во Франции, ни в США за репрезентативный отрезок (1930—1940 гг.) не произошло никаких серьезных флуктуаций общего коэффициента смертности среди заключенных, нами для анализа взята статистика только 1938 г.

В срочных тюрьмах США умерло 990 человек с относительным коэффициентом в *7 pro mille*. Во французских центральных каторжных тюрьмах умерло 58 человек с относительными коэффициентом в *15 pro mille*. Во всех лесных лагерях погибло, как уже отмечалось, 22 190 человек, из них в лагерях первой очереди 17 472, что составило примерно *160 pro mille*, или каждый шестой заключенный от среднегодового состава. В лесозаготовительных ИТЛ второй очереди за 10 месяцев 1938 г. погибло 5438 заключенных (без учета нескольких месяцев для Усольлага), что составило примерно *60 pro mille*.

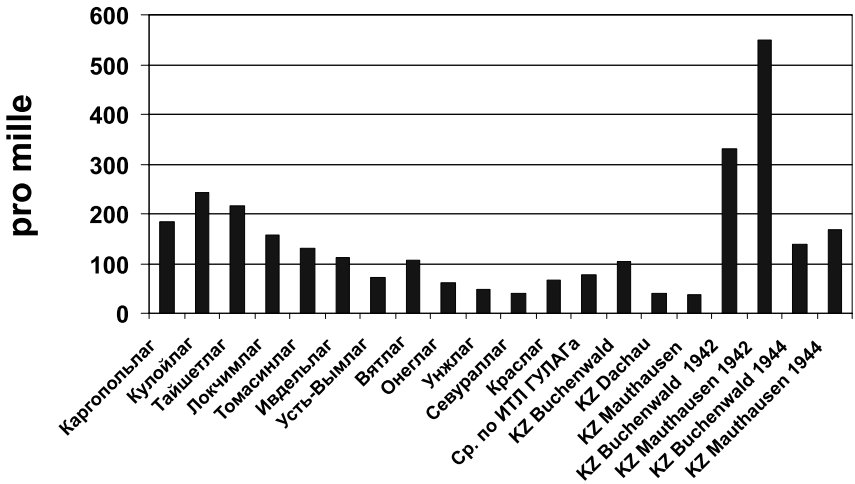
Иначе говоря, в лесных лагерях первой очереди погибло заключенных в 18 раз больше в абсолютных и в 23 раза в относительных показателях, чем в срочных тюрьмах США за 1938 г.

Уровень смертности в лесозаготовительных лагерях первой очереди в период массовых операций НКВД в среднем в 15—16 раз превосходил смертность сопоставимых возрастов в свободном населении СССР конца 1930-х годов. По отдельным лагерям этот коэффициент был еще выше: например, человек, попавший в 1938 г. в Кулойлаг, имел примерно в 25 раз более высокий шанс умереть, чем человек того же возраста на свободе. Лагеря второй очереди демонстрировали куда меньшую, но от того не менее аномальную смертность. Она в среднем в 6 раз превышала сопоставимые показатели на воле, а также в разы превосходила тюремные системы передовых стран.

Основываясь на этих цифрах и пропорциях, можно сделать однозначный вывод об архаичном и регрессивном характере столь высокой смертности советских заключенных в лесных лагерях по сравнению с «условно-нормальным» уровнем пенитенциарных систем развитых стран этого периода.

Второй системный вывод из данных сопоставлений: массовые операции НКВД спровоцировали в пенитенциарной системе СССР в невоенное время показатели смертности, характерные для далекого прошлого Европы и США.

**Сравнение с нацистскими «обычными» концлагерями
юрисдикции СС в 1938 г. и их пиковыми показателями
(1942, 1944 гг.)**

Источники:

Для лесных лагерей ГУЛАГа: ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1 с. Д. 2740. Л. 48—49.
 Для Бухенвальда: Документ 2171-PS из массива Нюрнбергского трибунала, опубликован: Nazi Conspiracy and Aggression. Washington, DC, 1946. Vol. 4. P. 829.
 Для Дахау: Die nationalsozialistischen Konzentrationslager: Entwicklung und Struktur / Herbert U., Orth K., Dieckmann Ch. (als Mitherausgeberin). Göttingen: Wallstein, 1998. Bd. I. S. 29.
 Для Маутхаузена: Benz W., Distel B., Königseder A. Der Ort des Terrors. München: C.H. Beck, 2006. Bd. 4: Flossenbürg, Mauthausen, Ravensbrück. S. 315.

Половозрастной состав советских и нацистских лагерей был, в целом, сопоставим.

При сравнении двух систем лагерей очевидно, что только смертность в Бухенвальде в 1938 г. примерно соответствовала уровню смертности в Вятлаге. В других немецких лагерях в тот год смертность была в разы ниже. Однако Кулойлаг, Тайшетлаг, Каргопольлаг, Локчимлаг, Томасинлаг, Ивдельлаг превосходили по уровню смертности вообще все немецкие лагеря на тот момент. Сопоставимыми выглядят лишь более благополучные лесные лагеря второй очереди.

Обращает на себя внимание разница и в абсолютных показателях из-за разницы в призерности двух режимов в конце 1930-х годов. В четырех самых крупных лагерях нацистской Германии (Маутхау-

зене, Дахау, Бухенвальде и Заксенхаузене) в 1938 г. умерли 1406 чел. [33, р. 36]. Это в 16 раз меньше, чем в лесозаготовительных ИТЛ в тот же год.

Однако в годы Второй Мировой войны немецкие концлагеря стали превосходить лесные ИТЛ 1937—1938 гг. в относительных цифрах. В самый кризисный период их существования (1942 и 1945 гг.) Маутхаузен и Бухенвальд значительно превосходили ИТЛ по индексам смертности. Самый страшный из всех концлагерей Рейха — Маутхаузен — в 1942 г. вообще продемонстрировал 500 *pro mille*, то есть в нем погиб каждый второй заключенный. С другой стороны, кризис лесных лагерей 1938 г. в аспекте смертности вполне был статистически сопоставим с санитарной ситуацией в Бухенвальде и Маутхаузене в 1944 г., что дополнительно подтверждает наши выводы о его аномальной тяжести.

Тем не менее, существенным отличием между двумя лагерными системами являлась то, что смертность в лесных ИТЛ сократилась в разы в 1939—1940 гг., когда как в нацистских лагерях в этот период, напротив, наблюдался ее рост до астрономических величин. Более подробные сравнения каждого лагерного комплекса на протяжении длительного времени с учетом всего комплекса факторов, сходств и различий, причин и следствий еще предстоят в рамках других работ.

ВЫВОДЫ

Прямым следствием массовых операций НКВД 1937—1938 гг. явилось не только физическое уничтожение приговоренных к высшей мере наказания, но и не имеющая прямых аналогов в нашей истории дезорганизация пенитенциарной системы, повлекшая резкое увеличение смертности среди вновь поступивших контингентов.

Особенно тяжелая санитарная ситуация складывалась в новых лесных лагерях ГУЛАГа, организованных в авральном порядке вслед за решением Политбюро. Именно в эти новообразованные ИТЛ хлынула часть гигантского потока осужденных в ходе «кулацкой» и «национальных» (линейных) операций НКВД. И именно эти заключенные умирали с беспрецедентной для мирного времени интенсивностью.

Кризис в лесных лагерях породили следующие причины:

1. Уникальный масштаб репрессивной политики 1937—1938 гг., которая осуществлялась без оглядки на реальные ресурсы пенитенциарной системы. Руководство страны, принимая решение о спешной организации лесных лагерей, вряд ли отдавало себе отчет о возможных гуманитарных последствиях своей репрессивной политики.

2. Характер самих лесозаготовительных работ. Рубка леса и в спокойные времена считалась тяжелейшим занятием для лагерных контингентов, а в условиях отсутствия продовольствия, медицинского обслуживания и нормального жилья в холодную зиму 1937—1938 г. привела к катастрофе.

3. Специфика формирования пайкового довольствия и общего состояния со снабжением в ГУЛАГе в 1930-е годы. На этой сфере постоянно экономили. Высокие энергозатраты на рубке, сплаве и погрузке леса не покрывались даже официальными нормами питания и при условии их выдачи в полном объеме. Вдобавок пайки выдавались по специфическому для ГУЛАГа дифференцированному принципу (в зависимости от нормы выработки), попутно расхищаясь в аппаратах снабжения.

4. Специфика государственного и хозяйственного управления сталинского периода. Производственный план играл для местных управленцев главенствующую роль даже в атмосфере гуманитарной катастрофы. Руководство лагерей, опасаясь взысканий и репрессий за провал лесозаготовительных работ, ориентировалось на предельную эксплуатацию заключенных даже при отсутствии инфраструктуры и продовольственных ресурсов. Именно этим объясняются лихорадочные запросы лагерного начальства на новые контингенты уже зимой 1938 г.

Обозначенные причины, конечно, далеко не единственные, но, на наш взгляд, они являются основными. Причем катастрофа в лесных лагерях примечательна именно превалярованием субъективно-политического фактора над всеми остальными причинами. Советский Союз находился на мирном этапе своего развития. В этот период не отмечено ни катастрофического голода, как в 1932—1933 гг. (урожай 1937 г. был рекордным), ни иностранного вторжения, как в 1941—1945 гг. Именно политические репрессии, организованные руководством страны, спровоцировали массовую гибель людей.

Если попытаться классифицировать ее на основе сравнительного анализа статистики тюремных систем разных стран, то ситуация в лесных лагерях 1937—1938 гг. однозначно относилась к выделенной нами III категории. Это была гуманитарная катастрофа беспрецедентного уровня, своеобразный антирекорд в негативном опыте организации пенитенциарных учреждений в XX в.

Коэффициенты смертности в лесных лагерях в среднем в разы, а в некоторых лесных лагерях в десятки раз, превосходили аналогичные показатели тюрем развитых стран, половозрастных когорт в свободном населении СССР и были сопоставимы с индексами на-

цистских концлагерей самого страшного периода их существования — 1941—1945 гг.

Если говорить о всех пенитенциарных структурах (лагеря, колонии, тюрьмы) в 1937—1938 гг., то никогда за всю историю существования российской и советской пенитенциарной системы (кроме, возможно, 1933 г.) в мирное время в ней не погибло столько заключенных в такие рекордно короткие сроки. Значительную часть умерших (22 910 человек) в 1938 г. составили именно заключенные «новообразованных лесных лагерей».

- 1А. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1 с. Д. 1139.
- 2А. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1 с. Д. 1155.
- 3А. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1 с. Д. 2470.
- 4А. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 490. Опул.: История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов [Текст]. М.: РОССПЭН, 2004. Т. 2: Карательная система: структура и кадры. С. 131—132.
1. *Андреев, Е.М.* Население Советского Союза, 1922—1991 [Текст] / Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. М.: Наука, 1993. 139 с.
2. *Бер, д-р.* Смертность в тюрьмах [Текст] // Тюремный вестник. СПб., 1899. № 10.
3. *Бердинских, В.А.* Вятлаг [Текст]. Киров: Киров. обл. тип., 1998. 317 с.
4. *Бородкин, Л.И.* Структура и стимулирование принудительного труда в ГУЛАГе [Текст]: Норильлаг, конец 30-х — начало 50-х гг. / Бородкин Л.И., Эртц С. // Экономическая история, 2003: ежегодник. М.: РОССПЭН, 2004. С. 177—233.
5. ГУЛАГ [Текст]: Главное управление лагерей, 1918—1960 / сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М.: Материк, 2000. 885 с.
6. *Дугин, А.Н.* Неизвестный ГУЛАГ [Текст]: документы и факты. М.: Наука, 1999. 101 с.
7. *Земсков, В.Н.* ГУЛАГ [Текст]: историко-социологический аспект // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10—27.
8. *Земсков, В.Н.* ГУЛАГ: историко-социологический аспект // Социологические исследования. 1991. № 7. С. 3—16.
9. *Земсков, В.Н.* О подлинности статистической отчетности ГУЛАГа [Текст] // Социологические исследования. 1992. № 6. С. 155—156.
10. *Земсков, В.Н.* Заключенные в 1930-е годы [Текст]: социально-демографические проблемы // Отечественная история. 1997. № 4. С. 54—79.
11. История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов [Текст]. М.: РОССПЭН, 2004. 621 с. Т. 4: Население Гулага: численность и условия содержания.
12. *Кокурин, А.И.* ГУЛАГ: структура и кадры [Текст] / Кокурин А.И., Морюков Ю.Н. // Свободная мысль. 2000. № 10. С. 104—119.
13. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина [Текст]: документы высших органов партийной и государственной власти, 1937—1938. М.: Материк, 2004. 734 с.
14. *Морозов, Н.А.* ГУЛАГ в Коми крае, 1929—1956 [Текст]. Сыктывкар: СГУ, 1997. 189 с.

15. *Моруков, Ю.Н.* Статистика ГУЛАГа [Текст]: мифы и реальность // Исторические чтения на Лубянке 2000 год: отечественные спецслужбы накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 г. М., 2001. 166 с.
16. Народонаселение стран мира [Текст]: справочник / под ред. Б.Ц. Урланиса. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статистика, 1978. 447 с.
17. *Наханетов, Б.А.* Очерки истории санитарной службы ГУЛАГа [Текст]. М.: РОССПЭН, 2009. 191 с.
18. Отчет по Главному тюремному управлению [Текст] ... СПб., 1887 — Пг., 1917. ...за 1885 год — за 1915 год. С 1908 г. отчеты издавались в 2 ч.: Ч. 1 — Объяснения; Ч. 2 — Приложения.
19. *Петров, Н.* «Сталинский питомец» [Текст]: Николай Ежов / Петров Н., Янсен М. М.: РОССПЭН, 2008. 446 с.
20. Сведения о болезненности и смертности среди арестантов в местах заключения гражданского ведомства [Текст]. [СПб.: б.и., 1882]. 15, 99, IV с.
21. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923—1960 [Текст] / сост.: М.Б. Смирнов; науч. ред. Н.Г. Охотин, А.Б. Рогинский. М.: Звенья, 1998. 597 с.
22. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание [Текст]: документы и материалы: в 5 т., 1927—1939. М.: РОССПЭН, 2006. Т. 5, кн. 2: 1938—1939. 701 с.
23. *Упадышев, Н.В.* ГУЛАГ на Европейском Севере России [Текст]: генезис, эволюция, распад. Архангельск: Поморский ун-т, 2007. 323 с.
24. *Хлевнюк, О.В.* Хозяин [Текст]: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 478 с.
25. *Шевырин, С.А.* Производственная деятельность Усольского ИТЛ (1938—1953 гг.) [Текст] // История пенитенциарной системы России в XX веке: сб. материалов междунар. науч. семинара. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2007. С. 50—56.
26. *Benz, W.* Der Ort des Terrors [Text] / Benz W., Distel B., Königseder A. München: C.H. Beck, 2006. Bd. 4: Flossenbürg, Mauthausen, Ravensbrück, 644 S.
27. *Buggeln, M.* Das System der KZ-Außenlager [Text]: Krieg, Sklavenarbeit und Massengewalt. Bonn: Friedrich-Ebert-Stiftung, Archiv der sozialen Demokratie, 2012. 170 S.
28. Concentration Camps in Nazi Germany [Text]: The New Histories / Edited by J. Caplan, N. Wachsmann. London; New York, NY: Routledge, 2010. VIII, 243 p.
29. *Mühlhahn, K.* Criminal Justice in China [Text]: A History. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2009. 365 p.
30. Die nationalsozialistischen Konzentrationslager [Text]: Entwicklung und Struktur / Herbert U., Orth K., Diekmann Ch. (als Mitherausgeberin). Göttingen: Wollstein, 1998. 520 S.
31. Nazi Conspiracy and Aggression [Text]. Washington, DC, United States Government Printing Office [in. Komm.], 1946. Vol. 4. III, 1107 p.
32. *Overy, R.J.* Dictators [Text]: Hitler's Germany and Stalin's Russia. London: Allen Lane, 2004. 849 p.
33. *Sofsky, W.* The Order of Terror [Text]: The Concentration Camp / Translated from the German by W. Templer. Princeton University Press, 1999. 368 p.
34. Statistical Abstract of the United States 1940 [Text]. Sixty-Second Number. Washington, DC, US Government Printing Office. 1941. XXIII, 963 p.
35. Statistique Pénitentiaire Pour L'Année 1938 [Text]. Melun: Imprimerie Administrative, 1945. 352 p.

Д. Ю. Хохлов

АРХИВНЫЕ УГОЛОВНЫЕ ДЕЛА ВОЕННОПЛЕННЫХ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья подготовлена на основе документов Центрального архива Федеральной службы безопасности России. В ней рассказывается о приобщенных к делам военнопленных материалах (протоколах допросов, личных документах, фотографиях), благодаря которым исследователи могут получить ранее неизвестные сведения о событиях Второй мировой войны.

Ключевые слова: Вторая мировая война; Германия; архивные дела; военнопленные.

Dmitriy Khokhlov

Prisoners of war' archival cases as a World War II historical source

The article is based on the documents from the Central Archives of the Security Service of the Russian Federation. It tells us about the materials filed to captives' cases (transcripts of interrogation, private papers, photos) due to which the researchers can get unknown information about World War II events.

Keywords: World War II; Germany; archival cases; prisoners of war.

«Большой археографический взрыв», по терминологии Владимира Петровича Козлова, открыл историкам целые пласты неизвестных ранее документов. Один из примеров — материалы архивных уголовных дел, которые вели органы государственной безопасности в отношении иностранных граждан, причастных к подготовке и проведению войны против СССР (бывшие военнослужащие, государственные и партийные функционеры стран «оси»). Уголовные дела заводились на нацистских военных преступников, осужденных советскими судебными органами на территории Германии в 1945—1953 гг. или военно-полевыми судами и военными трибуналами по месту дислокации органов, проводивших аресты и предварительное расследование [16]. Из общего числа всех военнопленных к уголовной ответственности в конце 1940-х — начале 1950-х годов было привлечено более 37 тысяч немцев. Примерно треть из них была осуждена в 1945—1947 гг., остальные — в 1949—1950 гг. [6, с. 25].

Для полноценной источниковедческой критики документов архивных уголовных дел необходимо учитывать, что информация такого рода выявлялась и документировалась с определенной целью — собрать доказательную базу для проведения открытых судебных процессов.

Только за последние пять лет вышли в свет три крупных сборника документов, базирующиеся на материалах архивных уголовных дел: «Генералы и офицеры вермахта рассказывают...: документы из следственных дел немецких военнопленных, 1944—1951», «Тайны дипломатии Третьего рейха, 1944—1945», «Вермахт на советско-германском фронте: следственные и судебные материалы из архивных уголовных дел немецких военнопленных, 1944—1952» [4; 8; 3]. В названных работах опубликовано свыше 400 документов из уголовных дел, хранящихся в Центральном архиве Федеральной службы безопасности (ФСБ) России. В основном это протоколы допросов и собственноручные показания нацистских чиновников и офицеров, сообщавших подробные сведения о подготовке Германии ко Второй мировой войне и агрессии против СССР.

Комплекс этих материалов представляет большую научную ценность, поскольку содержит значительный объем новой, ранее неизвестной информации. Она существенно расширяет возможности для более глубокого анализа и оценки исторических событий, позволяет точнее восстановить логику происходившего, понять взаимосвязь отдельных явлений и выявить факторы, повлиявшие на принятие важнейших военных и политических решений. Историки могут сопоставить показания военных, разведчиков и дипломатов, сравнить их с опубликованными ранее документами нацистских органов власти, мемуарами, воспоминаниями и дневниками. Большинство подследственных, видя, что война близится к завершению или уже окончена, старались облегчить свою участь, сообщив как можно больше ценной информации.

В совокупности с материалами архивных уголовных дел, заведенных в отношении немецких нацистских преступников, следует рассматривать аналогичные дела в отношении представителей военных и политических кругов стран — союзников Германии. Так, в 2011 г. в сборнике статей и документов «Великая Отечественная война, 1941 год» впервые опубликованы протоколы допросов [2; с. 661—692, 693—755] «кондукатора» Румынии маршала Иона Антонеску*, быв-

* Ион Георг Антонеску (1882—1946) — румынский политический и военный деятель; маршал (1941). Участник Первой мировой войны. С 1 декабря 1933 по 11 декабря 1934 г. начальник Генштаба румынской армии, бригадный генерал. С 1937 г. министр обороны. С 5 сентября 1940 г. глава т.н. Национального легионерского правительства, военный диктатор («кондукатор») Румынии. 23 ноября 1940 г. подписал протокол о присоединении Румынии к Берлинскому пакту. В 1941—1942 гг. одновременно возглавлял Военное министерство. 23 августа 1944 г. в результате антифашистского вооруженного восстания был арестован и отправлен в СССР. В 1946 г. депортирован в Румынию. 17 мая 1946 г. по приговору Народного трибунала в Бухаресте расстрелян как военный преступник. В 1990 г. реабилитирован румынским судом.

шего заместителя премьер-министра Румынии Михая Антонеску* и бывшего начальника Генерального штаба венгерской армии генерал-полковника Хенриха Верта**.

Маршал Антонеску и члены его кабинета были арестованы и переданы представителям советского военного командования в конце августа 1944 г. На допросах в Москве они рассказали об обстоятельствах заключения соглашения между Германией, Румынией и Венгрией о совместном нападении на Советский Союз, о создании специального аппарата чиновников, которые должны были осуществлять оккупационный режим в захваченных районах.

С показаниями Антонеску перекликаются документы из дела бывшего генерал-полковника венгерской армии Генриха Верта, который лично участвовал в подготовке и проведении агрессивной войны против СССР, разрабатывал программу милитаризации страны и реорганизации венгерской армии по немецкому образцу. В июле 1939 г. по поручению регента Венгрии Хорти он вел переговоры с Гитлером, Браухичем, Гальдером и Кейтелем о подготовке венгерских вооруженных сил для участия в агрессивных войнах на стороне нацистской Германии. По приказу Верта в конце июня 1941 г. венгерская авиация подвергла бомбардировке советские города, а венгерская армия вместе с немецко-фашистскими войсками участвовала в захвате территории СССР, где установила жестокий оккупационный режим, проводя репрессии против советских граждан. 17 марта 1945 г. Верт был арестован ОКР «Смерш» 3-го Украинского фронта и в ходе следствия описал свое личное участие в подготовке нападения на Советский Союз.

* Михай Антонеску (1907—1946) — румынский государственный деятель; профессор. В сентябре 1940 г. в результате создания Национального легионерского правительства получил пост министра пропаганды. С 29 июня 1941 г. министр иностранных дел. В 1942—1944 гг. одновременно заместитель главы правительства, провел принятие пакета антиеврейских законов. В феврале 1943 г. попытался через посольства Румынии в Испании, Португалии и Швейцарии установить контакт с союзниками по Антигитлеровской коалиции. Арестован во время румынского восстания 23 августа 1944 г. и отправлен в СССР. В 1946 г. депортирован в Румынию. В начале 1990 г. реабилитирован румынским судом.

** Генрих Верт (1881—1956) — венгерский военный деятель; генерал-полковник. Воевал в составе австро-венгерской армии в Первую мировую войну. С 25 мая 1938 г. по 6 сентября 1941 г. начальник генерального штаба и главнокомандующий венгерской армией. Один из главных инициаторов вовлечения Венгрии в войну с СССР. Осенью 1944 г. арестован гестапо. 19 января 1945 г. задержан ОКР «Смерш» 3-го Украинского фронта. 28 мая 1952 г. умер в больнице Бутырской тюрьмы МГБ СССР. Заключение Главной военной прокуратуры от 15 ноября 1996 г. установлено, что Верт привлечен к уголовной ответственности обоснованно и не подлежит реабилитации.

Среди публикуемых протоколов выделяется документ от 11 августа 1945 г., в котором говорится об авиационном налете на Кошице 26 июня 1941 г. Эти события до сих пор остаются одной из крупнейших загадок, так как до сегодняшнего дня не удалось определить принадлежность нападавших самолетов. Именно в результате этого авиационного удара правительство Венгрии приняло решение вступить в войну против СССР на стороне Германии.

Для венгерских коллег публикация материалов дела Верта стала настоящей сенсацией и открыла возможность для дальнейших исследований. Руководитель Архивного института Культурного научного и информационного центра Венгерской Республики в Москве д-р Ева Мария Варга совместно с сотрудниками Цента публикации источников по истории России XX в. Института российской истории РАН и архивистами ФСБ России провела широкомасштабное изучение уголовных дел венгерских военнослужащих.

В 2013 г. на венгерском языке вышел сборник документов «Документы о злодеяниях венгров на временно оккупированной территории СССР (1941—1947)» [18]. На русском языке по этой теме опубликована статья Е.М. Варги и Т. Крауса «Замалчиваемый геноцид: венгерские оккупационные войска на территории Советского Союза» [1]. Учитывая действия, которые сегодня предпринимают венгерские правые силы по реабилитации режима М. Хорти (возводятся памятники, лоббируются решения о придании улицам его имени), авторы сочли своим долгом сказать правду о преступлениях, совершенных венграми на оккупированной территории СССР и показать степень ответственности за эти преступления режима Хорти.

Найти в архивах дела в отношении известных военных и политических деятелей не так сложно, но когда речь идет о среднем командном составе и административно-политическом руководстве Германии и ее союзников, поиск существенно осложняется, хотя информация, содержащаяся в этих материалах, не менее интересна. Зачастую в таких делах гораздо больше подробных описаний событий и конкретных фактов, чем в делах высших руководителей.

Примером такого рода может служить дело, которое было выявлено в процессе работы над статьей о генерал-майоре А.Г. Самохи-не [11]. К его архивному уголовному делу был приобщен протокол допроса полковника немецкого генерального штаба Ф. Шильдкнехта* в ГУКР «Смерш» НКО от 18 мая 1943 г. [1А, л. 46—47], дававшего

* Фридрих Шильдкнехт (1906—?) — немецкий офицер; полковник генерального штаба (1942). В армии с 1924 г. В декабре 1927 г. произведен в офицеры, служил на строевых должностях до 1936 г. В 1938 г. закончил Академию генерального штаба и назначен референтом отдела «Иностранные армии — Восток» при

показания, как лицо, отвечавшее за проведение допросов высокопоставленных советских офицеров.

Большую часть дела самого Шильдкнехта занимают показания о работе отдела «Иностранные армии — Восток»^{*} Верховного командования сухопутных сил Германии (ОКХ): структура, штат, направления работы, сведения о сотрудниках, система получения и обработки информации [13]. Имеются сведения о ставке Гитлера, ее передислокации в Винницу, схемы Верховного командования вермахта (ОКВ), ОКХ с подробными пояснениями к ним; схема подразделений, находящихся в подчинении обер-квартирмейстера IV ОКХ, также с пояснениями; схема взаимодействия обер-квартирмейстера IV и абвера с пояснительной запиской к ней; справки о взаимодействии обер-квартирмейстера IV и отделов I ц дивизий, армейских корпусов, армий и армейских группировок; показания об обработке радиоданных и форме разведсводок, о противоречиях между армией и партией о поездке японского посла на Восточный фронт [15]; краткая характеристика руководителей ОКВ.

В результате обобщения материалов дела можно утверждать, что Отдел «Иностранные армии — Восток» ОКХ фактически был одним из важнейших аналитических центров нацистской Германии. Для получения наиболее точных сведений о состоянии военного потенциала советских вооруженных сил и замыслах командования Красной армии сотрудники отдела использовали максимально широкий спектр источников информации (официальных и неофициальных), обменивались ею с подразделениями генеральных штабов союзных Германии

ОКХ. В 1939 г. принял участие в польской кампании в качестве начальника отдела I ц штаба 17-го армейского корпуса. Во Франции служил в качестве начальника штаба 75-й стрелковой дивизии. Осенью 1940 г. назначен начальником группы в отделе «Иностранные армии — Восток» ОКХ, одновременно заместитель начальника отдела. С осени 1942 г. начальник штаба 8-го армейского корпуса. 1 февраля 1943 г. взят в плен в сталинградском «котле». Постановление о принятии дела в отношении Ф. Шильдкнехта к производству было утверждено 10 августа 1952 г. Дело велось следственным отделом 2-го Главного управления МГБ СССР. Содержался в Бутырской тюрьме. По завершении следствия дело было рассмотрено на Особом совещании при МГБ СССР 31 октября 1951 г. Ф. Шильдкнехт был обвинен в совершении преступления по ст. 58-6 ч. 1 УК РСФСР и заключен в исправительно-трудовой лагерь сроком на 25 лет. 27 февраля 1952 г. мера наказания была заменена тюремным заключением на неотбытый срок. 13 октября 1955 г. освобожден от наказания досрочно и репатриирован на родину в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28.09.1955. Заключением Главной военной прокуратуры РФ от 20 сентября 2001 г. реабилитирован.

^{*} Отдел «Иностранные армии — Восток» занимался сбором и анализом информации по армиям СССР, США, Швеции, Финляндии, Японии, Китая, Таиланда. Подчинялся обер-квартирмейстеру IV Верховного командования сухопутных войск.

государств. До 1942 г. непосредственно Советским Союзом в отделе занимались почти 90 сотрудников (из них 4 офицера генерального штаба и 25 офицеров). Была организована оценка и сопоставление добытых различными службами данных, их систематизация, доклад командованию, информирование других подразделений и ведомств.

Зачастую к архивным уголовным делам приобщены в качестве вещественных доказательств личные документы, подтверждающие партийную принадлежность (партибилет), служебное положение (удостоверение военнослужащего, дипломатический паспорт, наградные листы), а также документы личного происхождения (дневники, записные книжки, письма, фотографии). Как показывает практика, они могут содержать ценную информацию и рассматриваться как объект самостоятельного исследования.

Яркий пример такого источника — дело на бывшего служащего 690-го батальона немецкой полевой жандармерии* Герхардта Марквардта**, в котором содержится уникальная информация о деятель-

* Полевая жандармерия, фельджандармерия (Feldgendarmerie) — осуществляла полицейские функции в войсках и на территории, находящейся в непосредственном подчинении армейского командования. В сформированную при мобилизации в 1939 г. фельджандармерию входили преимущественно бывшие чины гражданской жандармерии, обладавшие достаточным опытом, а также армейские унтер-офицеры. В отличие от тайной полевой полиции (Geheime Feldpolizei) в фельджандармерии проходили службу военнослужащие. Старший по званию находился в подчинении генерал-квартирмейстера ОКХ. Отряды фельджандармерии входили в состав дивизий и более крупных формирований. Каждая полевая армия располагала батальоном фельджандармерии, а каждая дивизия — отрядом. В зоне ответственности армейского командования фельджандармерия охраняла железнодорожные узлы, порты и аэродромы, вела патрулирование, осуществляла контроль дорожного движения и административный надзор за перемещениями немецких граждан и иностранцев. Двигаясь непосредственно за регулярными войсками, фельджандармерия проводила поиск дезертиров и возвращала в части отставших; охраняла военные трофеи от разграбления, собирала и сопровождала военнопленных и беженцев. При обыске взятых в плен солдат неприятеля имела задачу обнаружения документов, карт или иной полезной информации. Во взаимодействии с тайной полицией фельджандармерия проводила аресты дезертиров и вела борьбу с партизанами. Также задачами фельджандармерии были: надзор и контроль гражданского населения на оккупированных территориях, в том числе его разоружение; создание на захваченных территориях местных органов власти и охрана порядка, сбор вражеских пропагандистских листовок и предотвращение их распространения; патрулирование улиц; предотвращение саботажа. Кроме того, фельджандармерия занималась вопросами организации работ гражданского населения, а также приведением в исполнение приговоров военно-полевых судов [5, с. 437—439; 7, с. 256; 9, с. 54, 60].

** Герхардт-Гюнтер Марквардт (1919—1953) — служащий немецкой полевой жандармерии. В 1926—1933 гг. учился в народной школе в Берлине, в 1933—1936 гг. — в школе, которая готовила специалистов для машиностроения. В 1936—1938 гг. проходил производственную практику, после чего поступил в шко-

ности этого подразделения, зафиксированная непосредственным участником событий.

В деле Г. Марквардта содержатся сведения о действиях 690-го батальона с момента его формирования в начале 1941 г. до марта 1943 г. Как непосредственный участник событий, Г. Марквардт зафиксировал свои впечатления на страницах личного дневника (157 страниц) и фотоальбома (216 страниц, 852 фотографии), которые приобщены к делу в качестве вещественных доказательств. Кроме того, по отдельным эпизодам, заинтересовавшим следователей, Г. Марквардт давал необходимые пояснения, что нашло отражение в собственноручных показаниях и протоколах допросов.

Благодаря комплексу материалов дела, появилась возможность показать место полевой жандармерии в мероприятиях, проводив-

лу инженеров-машиностроителей в Берлине. Осенью 1939 г. призван на военную службу в пехотную часть, которая располагалась в г. Мезерец. В январе 1940 г. освобожден от военной службы для завершения учебы. В сентябре получил диплом инженера-машиностроителя. Около двух месяцев работал на турбинном заводе в Берлине. В 1940 г. окончил инженерное училище в Берлине, получив специальность инженера-машиностроителя. В ноябре 1940 г. призван в армию и до января 1941 г. проходил обучение в школе полевой жандармерии в г. Перлеберге, после окончания которой попал в формирующийся тогда 690-й батальон полевой жандармерии, который располагался в г. Лар земли Баден. В составе батальона принял участие в войне против СССР. В марте 1943 г. переведен в 511-й пехотный полк 333-й дивизии на должность командира отделения, а затем командира взвода. В боях севернее г. Орла был ранен. Лечился до конца сентября 1943 г. В октябре 1943 г. направлен в резервный полк в г. Шверине на Варте и находился там до января 1944 г., после чего четыре месяца обучался в военной офицерской школе в г. Хагенау в Эльзас — Лотарингии. По окончании присвоено звание обер-фенриха. По окончании офицерской школы в г. Штутгарте в сентябре 1944 г. получил звание лейтенанта технической службы. Осенью 1944 г. в составе 406-го корпуса народной артиллерии переброшен во Францию. В боях с американскими войсками корпус понес большие потери и вместе с другими частями немецкой армии отступил до г. Бонна. В марте 1945 г. после переформирования корпус был переброшен на Восточный фронт, и Г. Марквардт около четырех недель участвовал в боях против советских войск в районе г. Штеттина. Затем корпус был переброшен на Одер в район Шведта, а затем в район Франкфурта, где после трех недель начал отступление. 4 мая 1945 г. под г. Пархим земли Мекленбург Г. Марквардт сдался в плен. 25 августа 1952 г. арестован следственным отделом Аппарата уполномоченного МГБ СССР в Германии. Военный трибунал в/ч 48240 на основании ст. 2 § 1 пп. «в» и «ц» Закона № 10 Контрольного Совета для Германии от 20 декабря 1945 г. приговорил Марквардта к пожизненному заключению с отбытием каторжных работ, а на основании ст. 58-2 УК РСФСР — к расстрелу. Ходатайство о помиловании было отклонено Президиумом Верховного Совета СССР. 21 февраля 1953 г. Военная коллегия Верховного суда СССР направила указание о немедленном исполнении приговора. 3 марта 1953 г. приговор приведен в исполнение. Заключением Главной военной прокуратуры Российской Федерации от 17 декабря 1999 г. Марквардт признан не подлежащим реабилитации [19, S. 259].

шихся немецкими властями на оккупированных территориях, достаточно четко проследить путь 690-го батальона немецкой полевой жандармерии. В материалах дела показаны структура, состав, функции и методы работы, места дислокации, фамилии командиров, зафиксированы места и результаты проведенных операций. Из документов видно, что на определенном этапе основной обязанностью немецкой полевой жандармерии была борьба с партизанами. Кроме того, в исследуемых документах содержатся сведения о некоторых дополнительных задачах, решавшихся полевой жандармерией, недостаточно освещенных в литературе: целенаправленная очистка оккупированной территории от еврейского населения и изъятие принадлежавших ему ценностей [14].

На страницах дневника и фотоальбома, помимо истории конкретного подразделения, четко прослеживается еще два уровня информации: история оккупированных территорий, на которых действовал 690-й батальон полевой жандармерии, и история отдельно взятого человека, гражданина нацистской Германии [12]. Источник дает возможность проследить изменения, на протяжении войны происходившие с человеком, и влияние на него правящей идеологии. Целые абзацы Марквардт посвящает размышлениям о судьбе Германии, воинском долге и своем будущем, которое он считает нужным связать с использованием во благо родины ресурсов завоеванных территорий.

Снимки, запечатлевшие отдельные эпизоды войны (локальные боевые действия и карательные операции, факты мародерства, быт немцев на оккупированной территории), а также снимки пленных и местного населения, военной техники (советской и немецкой) составляют около 30% от общего количества фотографий альбома. Они представляют наибольший интерес для исследователей, изучающих Вторую мировую войну

Материалы дела Г. Марквардта стали основой для документального фильма «Фотолюбитель» (автор сценария Л. Рошаль, режиссер И. Гедрович), который был снят в 2004 г. на киностудии «Гранат». Картина была представлена на многих отечественных и международных фестивалях документального кино: на 15-м Открытом фестивале документальных фильмов «Россия» (г. Екатеринбург) фильм был отмечен призом «За высокохудожественное отражение реальности на экране с использованием хроникальных материалов»; в Стокгольме на 4-м Международном кинофестивале документальных фильмов «Humanity in the World» он завоевал Гран-при и на 2-м Международном кинофестивале еврейского кино (World Jewish film festival 2nd edition «Jewish eye») фильм был признан лучшим короткометражным документальным фильмом.

Основная проблема, с которой сталкивается исследователь, ведущий поиск уголовных дел военнопленных в архивах, — слабый научно-справочный аппарат (так, например, необходимо учитывать все возможные варианты русского написания иностранной фамилии). Сложившаяся на настоящий момент нормативно-правовая база, регламентирующая доступ исследователей к такого рода документам, достаточно противоречива. Это обстоятельство осложняет исследовательскую работу и порождает юридические коллизии, вплоть до судебных разбирательств.

Архивные уголовные дела на лиц, проходивших службу в германских разведывательных, контрразведывательных, полицейских, оккупационных органах и аналогичных структурах стран-сателлитов, — один из недостаточно исследованных источников. В Центральном архиве ФСБ России на хранении находится около 30 тыс. таких дел [17], часть материалов уже введена в научный оборот в виде тематических сборников документов. Но приходится констатировать недостаточное внимание к уже опубликованным документам и хотелось бы высказать пожелание современным исследователям использовать их шире. Разработка, изучение и введение в научный оборот комплекса этих документов — весьма перспективная задача для историков и архивистов.

1А. ЦА ФСБ России. Д. Р-82. Т. 3.

1. *Варга, Е.М.* Замалчиваемый геноцид [Текст]: венгерские оккупационные войска на территории Советского Союза / Варга Е.М., Краус Т. // Великая Отечественная война, 1943 год: исследования, документы, комментарии / отв. ред. В.С. Христофоров. М.: Изд-во Гл. арх. управления г. Москвы, 2013. С. 285—312.
2. Великая Отечественная война, 1941 год [Текст]: исследования, документы, комментарии / отв. ред. В.С. Христофоров. М.: Изд-во Гл. арх. управления г. Москвы, 2011. 756 с.
3. Вермахт на советско-германском фронте [Текст]: следственные и судебные материалы из архивных уголовных дел немецких военнопленных, 1944—1952 / отв. ред. В.С. Христофоров; вступ. ст., сост. В.С. Христофоров, В.Г. Макаров; коммент. В.Г. Макарова. М.: Книжница: Русский путь, 2011. 880 с.
4. Генералы и офицеры вермахта рассказывают... [Текст]: документы из следственных дел немецких военнопленных, 1944—1951 / вступ. ст., сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова; коммент. В.Г. Макарова. М.: МФД, 2009. 576 с.
5. *Залесский, К.А.* Вермахт. Сухопутные войска и Верховное командование [Текст]. М.: Эксмо; Яуза, 2005. 660 с.
6. *Конасов, В.Б.* Немецкие военнопленные в СССР [Текст]: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат / Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. Вологда: [Волгогр. ин-т развития образования], 2002. 231, [1] с.
7. *Мюллер-Гильдебранд, Б.* Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг. [Текст]. М.: Эксмо; Изофагус, 2002. 855 с.

8. Тайны дипломатии Третьего рейха [Текст]: германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену: документы из следственных дел, 1944—1955 / отв. ред. В.С. Христофоров; вступ. ст., сост. В.С. Христофоров, В.Г. Макаров; коммент. В.Г. Макарова. М.: МФД, 2011. 880 с.
9. *Томас, Н.* Немецкая армия, 1939—1940 [Текст] / Томас Н., Эндрю С. М.: АСТ, 2001. 60. [2] с.
10. *Уильямсон Г.* Немецкая военная полиция, 1939—1945 [Текст] / Уильямсон Г., Вольстад Р. М.: АСТ: Астрель, 2005. 59, [2].
11. *Хохлов, Д.Ю.* Армия так и не дождалась своего командующего [Текст] // Военно-исторический журнал. 2012. № 2. С. 62—66.
12. *Хохлов, Д.Ю.* Вторая мировая война глазами немецкого солдата // Семинар Центра визуальной антропологии и эгоистории РГГУ, 4 декабря 2008 г. URL: <http://visantrop.rsuh.ru/news.html?id=73405>
13. *Хохлов, Д.Ю.* Отдел «Иностранные армии — Восток» ОКХ [Текст] // Великая Отечественная война, 1943 год: исследования, документы, комментарии / отв. ред. В.С. Христофоров. М.: Изд-во Гл. арх. управления г. Москвы, 2013. С. 199—228.
14. *Хохлов, Д.Ю.* 690-й батальон немецкой полевой жандармерии на оккупированной территории [Текст] // Великая Отечественная война, 1941 год: исследования, документы, комментарии / отв. ред. В.С. Христофоров. М.: Изд-во Гл. арх. управления г. Москвы, 2011. С. 345—368.
15. *Хохлов, Д.Ю.* Японский посол Х. Осима на советско-германском фронте [Текст] // Великая Отечественная война, 1942 год: исследования, документы, комментарии. М.: Изд-во Гл. арх. управления г. Москвы, 2012. С. 155—172.
16. *Христофоров, В.С.* Материалы Центрального архива ФСБ России периода Великой Отечественной войны [Текст] // Вестник архивиста. 2005. № 3 (87). С. 48.
17. *Христофоров, В.С.* Органы госбезопасности СССР в 1941—1945 [Текст]. М.: Изд-во Гл. арх. управления г. Москвы, 2011. 432 с.
18. A magyar megszálló csapatok a Szovjetunióban. Levéltári dokumentumok (1941—1947) [Text]. Budapest: L'Harmattan, 2013. 630 l.
19. «Erschossen in Moskau...» [Text]: Die deutschen Opfer des Stalinismus auf dem Moskauer Friedhof Donskoje, 1950—1953. [Berlin]: Metropol, [2005]. 339 S.

Е.А. Бабкина

ВИЗУАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ УЧЕНЫХ В СОВЕТСКОМ ДОКУМЕНТАЛЬНОМ КИНО

(вторая половина 1950-х — 1970-е годы):

ГЕРОИ ЭПОХИ И ЛЮДИ ЭПОХИ*

Автор рассматривает советские документальные кинофильмы второй половины 1950-х — 1970-х годов на тему научных исследований как результат конструирования социальной и антропологической визуальной реальности. В рамках этой реальности был создан миф об ученом как о носителе образа культурного героя «оттепели» кинематографическими средствами в том числе. Однако это же визуальное пространство содержало некоторые предпосылки для преодоления этого мифа и рассмотренного сквозь него иного формата повседневной реальности ученого.

Ключевые слова: документальное кино; визуальная культура; визуальные знаки; визуальные образы; оттепель; советские ученые; повседневность; советские мифы.

Elena Aleksandrovna Babkina

The visual representation of the scientists in soviet documentary movies (second half of 1950^s—1970^s): the heroes of the epoch and the men of the epoch

The author studies the soviet documentary movies of the second half of the 1950^s — 1970^s on the scientific research as the result of the constructing the social and anthropological visual reality. According to this construction the myth about the scientist as the cultural hero of the “ottepel” had been created by the special cinematographic methods over the others. Nonetheless this visual dimension was containing some presuppositions for surmounting this myth and looking for the another shape of the scientist’s everyday life through it.

Keywords: Documentary movies; visual culture; visual patterns; visual shapes; “ottepel”; soviet scientists; everyday life; soviet myths.

В современной науке феномен визуальной культуры является актуальным предметом историко-антропологических исследований: образы героев, их жесты, тексты, атрибуты места действия в кадре изымаются из художественного контекста и вводятся в контекст стиля эпохи, и — еще шире — ее культурных парадигм и социальных мифов и стереотипов. «В настоящий момент, — пишет российский специалист Т. Дашкова, — важно зафиксировать значимость *визуальной составляю-*

* Статья выполнена при поддержке гранта Германского исторического института в Москве.

щей идеологии — как в ее взаимодействии с вербальной составляющей, так и самой по себе» [6, с. 34]. Так, советское киноискусство как источник знания об обществе «внутри него» и по ту сторону экрана, равно как и о его мировоззрении создателей экранного искусства, нашло отображение в ряде исследовательских работ [2; 7; 10; 6]. Обращение к конкретному аудиовизуальному материалу, детализация его, внимание к элементам и способу их группировки в кадре является попыткой не допустить того историографического явления, когда культура «утекает» из исследовательского конструкта [6, с. 16], что успешно преодолевается в упомянутых выше работах по советскому художественному кинематографу. Мы же обратимся к документальным теле- и киноматериалам — киножурналам («СССР сегодня», «По Советскому Союзу», «Страна советская», «Советский Урал» и т.д.), информационным сообщениям в «Новостях дня», документальным кинофильмам второй половины 1950-х — 1970-х годов, посвященным науке и ученым [см.: 2Ф; 3Ф; 6Ф; 8Ф; 17Ф, а также др. ленты], — аудиовизуальным текстам, которые также можно считать каноническими для советского метанарратива*. Привнося в общественный дискурс нормативной культурности в значении овладения понятиями научно-технической революции и прославляя достижения советского экономического и социального устройства, они конструируют** в рамках оттепельного мифа об ученом — «герое эпохи» [3, с. 100] — образ повседневности научного работника сообразно социальному запросу на героическое и безотносительное в контексте пользы обществу, трудовой морали и человеческих качеств, а также в контексте оттепельного настроения появления иного, нежели в тоталитарную эпоху, советского человека, соотносимого с иной визуальной реальностью, иной эстетикой и стилем в противовес сталинскому так называемому Большому стилю, воплощая и транслируя новые антропологические смыслы массовой культуры.

Таким образом, выделим основные концептуальные схемы, внутри которых строился визуальный и вербальный порядок изображения ученых на экране советского документального кино 1960—1970-х годов:

* Все упомянутые киноматериалы сняты, как правило, ЦСДФ или Центрнаучфильмом. Местом их хранения служит Российский государственный архив кинофотодокументов (РГА КФД) (г. Красногорск, Московская область, Российская Федерация).

** Принципиальной чертой советского визуального искусства автор считает отсутствие в нем незнаковой реальности. Документальный фильм, который до съемок обязательно прорисовывался, и у которого был помимо режиссера редактор и сценарист (даже если это фильм о работе телескопа), скорее конструировал реальность, чем ее отображал.

1. Безотносительность объединения идей науки и прогресса, потребности современного советского общества в научных достижениях.

2. Героизация ученого как первооткрывателя, культурного героя прометеевского типа. При этом — свойственная для культуры оттепели деконструкция монументального героизма Большого стиля, претензия на создание метанарративных образцов, максимально близко отражающих действительность, — через простоту манер и жестов героев кинохроник, их сосредоточенность на конкретных действиях, сочетающих значимость и вербальной, и телесной репрезентации (рабочий процесс, активный отдых, беседа, спорт), но не выступление с речью или статичное присутствие в кадре, а также через демонстрацию рядовых ученых, ассистентов, лаборантов — безымянных (для зрителя, конечно) людей в белых халатах, которых в культуре сталинского времени, как правило, «вытесняли» наиболее выдающиеся деятели науки. Кроме того, документальное, как и художественное, кино с точки зрения посттоталитарных культурных канонов и самоощущения общества, радостно переживающего нахождение в конкретном историческом пространстве*, должно было изображать современников**, осязаемых в реальности и соотносимых с ней, а не удаленных во времени и символически от зрителя подобно великим ученым до-революционной эпохи. Отсюда то, что на экране в изображаемую реальную трудовую повседневность, например, работы с ускорителем, искусственно включаются знаки формирующегося в художественной культуре образа ученого [9] — белые халаты (а их не хватало на всех!), небритость и курение — а с ними, как с признаками некультурности и отсутствия самодисциплины, недопустимых у научного работника, боролась администрация научных учреждений***. Потому массовость присутствия в кадре этих и подобных знаков можно объяснить заинтересованным взглядом авторов фильма, выбирающим из отснятого материала те образы, что наиболее точно отвечали авторским и зрительским представлениям о современном ученом.

* Оно объясняется прежде всего приходом в активную общественную жизнь имевшего значительный количественный вес поколения рожденных в ближайшие предвоенные — первые послевоенные годы, составивших ядро «шестидесятников», у которого феномен оптимистичного восприятия реальности связан с отсутствием в коллективном (но не социальном!) опыте последствий Гражданской войны, репрессий, голода, войны и надеждой на значительные социальные изменения, санкционированные на политическом уровне XX и XXI съездами КПСС.

** Об этом — ряд статей в журнале «Советский экран» за 1961—1962 гг. [см., к примеру: 9].

*** Об этом свидетельствуют протоколы собраний месткомов [см.: напр.: 1А, с. 124] и собраний первичных партийных организаций [2А, с. 157, 226—227] научных учреждений.

3. Осознание необходимости замены структурирования материала по принципу «опереточной» бутафории^{*} принципами, которые давали бы картины, воспринимаемые зрителями как соответствие реальности. Культурные деятели «оттепели» с их пафосом борьбы с тоталитарным наследием пытались «отучить» зрителя (а также читателя) от стремления видеть мир в солнечных тонах и искать на экране радость. Теперь зрителю на экране полагалось видеть действительность со всей ее амбивалентностью, недосказанностью, конфликтностью вне оппозиции «мы» и «враги». Так объясняла основу идейной составляющей кинематографа оттепели статья в «Советском экране» [4], сопровождающая выход на экраны кинофильма «Девять дней одного года», среди прочих, написанная в ответ на письмо в редакцию читательницы, для которой этого фильма, как и ряда других, «проблемных», картин, «не существует»^{**}, поскольку в картине нет радости, счастливого финала и победы науки над термоядерным синтезом и лучевой болезнью. В ответ автор Я. Варшавский апеллирует к противопоставлению двух эстетических канонов и двух взглядов на искусство, один из которых — современный, а другой символически связывается с культом личности и, следовательно, автоматически осуждается и считается неприемлемым. «Наши художники... изживают то, что внесено в искусство культом личности, то есть делают правду жизни главнейшим своим ориентиром» [4, с. 18]. Документальное кино в этом смысле виделось наиболее простой возможностью реализовать этот художественно-социальный запрос борьбы с образцами старой культурной парадигмы и выработки новых в процессе художественного конструирования «правды жизни»^{***}. С этим пафосом оно приходило на экраны страны. Однако ни советское киноискусство в целом, ни сознание «шестидесятников» не могли преодолеть общее стремление советской культуры к мифологизации реальности, подмене действительного визуального и рефлексивного опыта мифологическим конструктом, более приемлемым для экрана и автора как художественный (стиль мужественного и отважного облика ученого), нравственный (работа с угрозой для жизни), социальный (вера в науку) образ, нежели реальный человек и коллектив.

^{*} Отсюда наиболее полно сложившийся жанр сталинского визуального искусства и всей культурной парадигмы эпохи середины 1930-х — середины 1950-х годов — музыкальная комедия (И.А. Пырьев, Г.В. Александров).

^{**} Отметим между строк, что эта читательница представлена автором статьи как человек с высоким культурным уровнем.

^{***} Документальное кино в данном контексте предполагается рассматривать как художественный конструкт.

Итак, документальные фильмы и кинохроники соответствуют в целом идеологеме героизации ученого в вербальных и визуальных символах советского героического — сверхчеловеческого, направляющего общество в будущее своей культурной миссией, объединяющей сотворение нового и самопожертвование. Большинство их направлено на демонстрацию научной работы, связанной с риском для жизни, преодолением испытаний, покорением природы, — так, в кадр чаще других попадают геофизики и геологи, метеорологи и астрофизики*, проводящие исследования в открытом океане, тайге, Заполярье, на высокогорье, преодолевающие шторма, водные потоки, снежные бури [см.: 15Ф, 14Ф], или физики-ядерщики, маркером героической деятельности которых в кадре выступает не снег и холод, а красная лампочка с надписями «Опасно: радиация», «Внимание: излучение», «Магнитное поле включено» [см., напр.: 2Ф; 8Ф; 9Ф]. В обоих случаях динамика сюжета делает акцент на необузданной и разрушительной силе природы и готовности и способности человека ее покорить. Символизм повседневного труда ученого как опасного испытания усиливается милитаризацией образа — через риторику боя, визуализацию «боевой» мобилизации при проведении опыта, использование белого халата в хабитусе ученого как знака унификации и особого рода достоинства, аналогичного знаку военной формы [см., напр.: 19Ф; 3Ф; 21Ф]. Значительную роль играет обращение к символизму энергии — огромной, подконтрольной герою, направляемой им на цивилизацию [см., напр.: 19Ф; 6Ф; 18Ф]. Энтузиазм ученого подчеркивается отсутствием материальной заинтересованности — ни один репортаж не освещает вопрос оплаты явно ненормированного труда с риском для жизни и здоровья или материального положения ученого. Вместе с этим, с целью отойти от пафоса сталинского экранного искусства и образа ученого — «человека не от мира сего» — герою позволяют смех, курение, работа

* Важный для оттепели символизм равнозначности «чистоты снегов и слов» (из стихотворения В.С. Высоцкого «Горная лирическая»), т.е. символической сопряженности покорения/обитания в северных/сибирских/высокогорных климатических условий и положительных в интерпретации «шестидесятников» черт характера, мы наблюдаем и на примере документального кино об ученых, что свидетельствует о том, что данный продукт культуры есть в большей степени выражение дискурса этой эпохи, чем отражение реальности. Так, в фильм о работе высокогорной обсерватории попадает совершенно необязательный по смыслу, однако обусловленный культурной парадигмой сюжет о пребывании ученых на леднике Федченко [13Ф]. Кадры, запечатлевшие героических исследователей полюсов, океанов и т.д. неизменно попадают в фильмы о развитии научного знания «с древних времен» [к примеру: 17Ф; 8Ф]. Фильм о досуге ученых снят на фоне снежной зимы, с присутствием обязательных прогулок на лыжах [см., напр.: 10Ф].

руками с приборами и механизмами, чертежами или формулами, засучив рукава [к примеру: 2Ф; 16Ф], спорт*, танцы и мускульная активность вообще**, неформальная одежда, женщинам — тоже курение, а также красивые прически и элегантные движения. Мужчины-ученые приобретают явную мужественность во внеидеологической эстетике 1960-х, а женщины — женственность [10Ф], что мы параллельно наблюдаем в художественном кино (к примеру, культовый фильм М. Ромма «Девять дней одного года», 1961 г.). В целом, отмечаем реализацию в рамках документального кино апологетики демонстративной маскулинности, сохраненной из Большого стиля в образе авиатора и дополненной интеллектуализмом геологов и физиков. Вероятно, истоки этого культурного феномена необходимо искать в гендерной дисгармонии послевоенного общества, в котором проходили социализацию «шестидесятники», а также тенденцией экранного метанарратива тоталитарной эпохи к трансляции идей через женские образы [1, с. 395]. Таким образом, героем научного и научно-популярного документального кино оттепельного и послеоттепельного периода был преимущественно мужчина, формируя, используя и транслируя один из образов стандартной маскулинности 1960-х мужчины-интеллектуала. Женщинам, если они появлялись в кадре, отводилась роль *присутствующей* в научной дискуссии (любопытно, что включенность женщины в контекст передается, помимо направления взгляда, курением — неартикулируемым знаком интеллигентности и претензии на равноправие в мужском коллективе интеллектуалов***), *присутствующей* в доме отдыха для ученых, однако с заведомо двойственным для зрителя статусом, — как и мужчины, она совершает лыжные прогулки, еще больше — танцует, беседует, однако мы не увидим женщину, самозабвенно пишущей сложные формулы или спорящей с коллегой [10Ф]. В то же время научные споры мужчин — достаточно емкие, значимые для автора кадры. Точно так же женщина *присутствует* в научном поиске — как ассистент, как лаборант, как «девушка за микроскопом» [см. такие киножурналы и документальные фильмы, как: 21Ф; 20Ф; 12Ф; 3Ф]. При этом сюжет не дает ясного представления о том, является ли работа этих женщин

* Массовость репрезентации спорта в документальных фильмах об ученых [к примеру: 2Ф; 10Ф; 6Ф] позволяет считать его в визуальном каноне не формой повседневности, а социокультурной нормой.

** Обращает внимание эта легитимация телесности — полноты телесного существования — в облике ученого, которая, с одной стороны, несет художественный смысл (свободные жесты, движения заменяют статичные напряженные позы), с другой — символизм молодости и раскрепощенности в разных контекстах.

*** Тот же знак использует, в частности, М. Ромм. Стоит также заметить, что сатирический журнал «Крокодил» в одном из номеров поместил фельетон с критикой постоянно курящих «научных женщин» [см.: 8].

важной частью научного процесса или их присутствие в кадре объясняется эстетическими вкусами автора кинофильма — часто внешность этих женщин приукрашена и не создает коннотаций с производственным процессом, а скорее с реализацией стереотипов моды в повседневности — это и каблук, это и сложная прическа (как в рабочей, так и в нерабочей обстановке), это, возможно, и сигарета* (в нерабочей обстановке). Так, мы можем наблюдать как в рамках документального кинематографа происходит преодоление комплекса взгляда фотографа/оператора, названного Т. Дашковой «бесполом» — «для этого взгляда не существует различий в способах репрезентации мужчины и женщины» [6, с. 21]. И если прямая артикуляция различия мужских и женских ролей в научном коллективе была недопустима, то ее визуализация представляется достаточно четкой.

В то же время присутствуют черты отхода в репрезентации ученых от героического вообще. Одна из них — отсутствие доминирования в кадре, в построении сюжета идеи молодости — если не фактической, то «вечной» — как традиционного маркера советского героя [5, с. 749]. Молодость придает сакрально-мифологический смысл жертвованию жизнью и здоровьем ради идеи безграничного познания (актуализация архетипа героя) и социальный смысл безудержной растрате энергии, демонстрации витальной силы, преодолению препятствий (возмужание, инициация, доказывание сыновьями силы перед отцами). Молодостью героя манипулировала визуальная культура как 1930—1950-х годов, так и «оттепели», однако для нее молодой герой символизировал новое, послевоенное и «посттоталитарное», поколение, на котором не лежал отпечаток грехов сталинизма. В документальных фильмах 1960—1970-х молодых ученых действительно много, однако акцент в некоторых сюжетах сделан на одном или нескольких пожилых ученых или ученых средних лет — создателях школ, направлений, институтов. Ученому постепенно возвращается классический образ, объединяющий исследователя с учителем, критиком, администратором. Такие «солидные» ученые наблюдают показания приборов (здесь показателен акцент в кадре на глазах, не на механических операциях), стоят у пульта управления, комментируют, оценивают, прогнозируют. Как правило, только их имена попадают в кадр. Фильмы выстраивают иерархию — молодые рядовые

* Здесь проводить прямую параллель с модой на даму с сигаретой, декларируемой доступными для советских зрителей итальянскими и французскими фильмами и маркирующей рафинированную эстетику и современность и сексуальность образа, не представляется полностью правильным, поскольку в советской визуальной культуре и повседневном опыте курящая женщина — комиссар, фронтовичка — воплощала иной культурный стереотип — равенства, свободы и женской реализации.

исполнители и легитимирующие знание «отцы» научных школ и направлений. Воспроизведение вторыми классического канона подчеркивает и хабитус (костюмы, очки), и жесты (размеренные движения или статическая поза, серьезность, сосредоточенность, которые задают тон общему настроению научного коллектива, но отнюдь не неформальное общение молодых лаборантов и младших научных сотрудников), предполагаемое владение по меньшей мере одним иностранным языком, присутствие в повседневной культуре книжных собраний и музыкальных инструментов, как части интерьера и, очевидно, досуга [11Ф; 1Ф; 2Ф; 17Ф]. Конструируемый антропологический порядок научного общества — разделение на «отцов»* и «сыновей» — воплощает запрос научной и творческой интеллигенции на возможность символической деиерархизации социума, поскольку функции «отцов» в советском обществе принадлежали партийным вождям, герои не могли возвыситься до них, оставаясь вечно молодыми, т.е. незрелыми, подлежащими опеке и заботе. В данном же порядке предполагается осуществление власти заботы о научном коллективе и власти создания для общества нормативного научного дискурса в значительной степени без символического или реального, как это было в сталинскую эпоху, присутствия вождей. Это также подчеркивается формой трансляции научных достижений — не в официальной обстановке конференций и съездов, в присутствии партийных лидеров, санкционирующих их проведение и легитимирующих то, что на них говорится, а в интервью, носящих полуприватный характер и полностью сфокусированных на личности ученого.

Документальный фильм обращает внимание зрителя на «наукограды»** — научные центры — институты, города ученых наподобие Дубны, Протвино, новосибирского Академгородка, обсерватории, станции, исследовательские суда, дома отдыха для ученых всего Союза. С первого взгляда формируемый образ мира науки вполне соответствует советскому дискурсу — он рисуется через символику титанической энергии и агрегатов, занимающих все пространство в кадре, приближающих общество к новой эре технического могущества человека. Однако обыватель, которого в 1960-е начинало интересовать не только все гигантское в кадре, не мог не заметить за ускорителями вошедшую в сюжет словно мимоходом другую действительность, недоступную ему в повседневном опыте настолько, насколько и заграничная жизнь из импортируемых кинолент. Научные центры изначально представляли дистанцированными от простого советского человека

* Вполне самостоятельных в своих решениях в кадре, но не опекаемых государственным руководством и не ссылающихся на тексты вождей.

** Вербальный символ «город науки» упоминается в нескольких текстах за кадром [см., напр.: 6Ф].

географической средой и функционально, куда, согласно сюжету, этот обыватель допускается только посредством кинообъектива, в подтексте — без права что-либо нормировать, а только созерцать. Акцентируя внимание на названии центральных улиц — Курчатова или Королева, кинообъектив и голос за кадром фиксирует существующую здесь собственную традицию [2Ф]. Оторванность научных центров от обычных ритмов и функций советской городской среды также позволяет авторам документальных фильмов в некоторых случаях конструировать в них повседневность без типичных знаков советского. Так, в кадр Дубны, представленной в документальном кино наиболее полно, не попадает ничего из советских стандартных городских объектов — общественный транспорт, гастрономы и универмаги, дома культуры и райкомов партии, лозунги и памятники Ленину, а также люди, ждущие на остановках или бегающие с авоськами за продуктами. В «научкоградах» вообще отсутствуют признаки урбанистической спешки и советского дефицита. Город науки на экране может в равной степени находиться в СССР и за его пределами — наряду со скрытием советской инфраструктуры города, демонстрируется совсем иная, более «западная» — это коттеджи и прогулочные парки, места для активного индивидуального отдыха. Эта среда предполагает совершенно иной, несоветский, набор повседневных практик, куда становится сюжетно и культурно необходимым включить пространство досуга, нетрудовой повседневности — к примеру, музицирование, беседа у камина, ужин с друзьями, занятие спортом, основой которых является комфорт материальных условий быта (отдельное жилье, в котором есть все условия, чтобы пригласить гостей!), его эстетизм, ландшафтное взаимопроникновение культуры и природы, что в целом является постиндустриальным стандартом* и мечтой культурной интеллигенции 1960—1970-х.

Символично также внимание к исследовательским кораблям — но уже не борющимся с природой ледоколам, с отважными ученым-полярниками, так богато представленными на советском экране весь изучаемый период [напр.: 17Ф; 8Ф], а исследующим иные культуры судам этнографов (цикл фильмов об экспедициях в Тихий океан [5Ф; 7Ф; 4Ф]). Эти корабли, как и города с несоветским образом жизни, и полярные станции, символически «уходят» (корабли — реально, заходя в заграничные порты) из пространства норм советской повседневности, переходя в другое, универсальное, позволяющее в той или иной степени выбирать набор и порядок повседневных практик. При этом в фильмах отсутствуют проявления советской общественной деятель-

* И в некотором смысле легитимацией преодоления «образа Гусева», ученого без опыта и без досуга, вопрошающего: «Зачем мне квартира?»

ности — партийные или профсоюзные собрания, советские праздники. Напротив, жизнь города научных работников на экране, как правило, нарушает советский городской хронотоп, построенный на соотношении практик рабочего и нерабочего времени. Так, важнейшей практикой повседневности героев фильмов, нивелирующей разграничения работы и досуга, показана беседа, спор, неформальное общение ученых по научным вопросам — в лаборатории, в коридоре дома отдыха, в квартире за семейным обедом, в прогулках по Енисею. Этими двумя маркерами — необходимостью постоянного интеллектуального общения, которое является такой же производственной деятельностью, как и эксперимент, и нарушением гармонии работы и отдыха, ритмов, в которых строится повседневность советского обывателя, стандартно характеризуется исследовательская работа. Привносся сюжет о неотделимости интеллектуальной деятельности от работы (в смысле поиска решения научной задачи) в форме практик досуга, документальные фильмы допускают оценку труда ученого вне связи с риском для жизни — фильму важен сам научный поиск, в каком бы пространстве он не происходил, — на дрейфующей льдине ли, в лаборатории или в уютном холле дома отдыха после катания на лыжах. Так на экране появляется как допустимая, а значит легитимная, негероическая повседневность ученого. Фон тропических широт и санатория в заснеженных горах показывает совсем иной тип работы исследователя — не агональный, а гармоничный, расслабленный, не на пределе сил и жизни. При этом позитивная оценка результатов его труда не меняется, интересен двойной подход в придании им социального смысла. С одной стороны, они несомненно несут пользу людям и приближают их к коммунизму. Но с другой стороны, значимость исследований связывается с личностью ученого — выполнение им своего призвания и дело своей жизни, давая позитивную оценку исследовательского индивидуализма. Открывая в герое эпохи пространство человеческого, режиссер дает ему право не только танцевать твист под заграничную музыку и работать без каждодневного напряжения, но и получать удовольствие от реализации собственной творческой мысли и связывать выбор деятельности с эмоциональным эффектом от нее. Идея призвания и работы из внутреннего исследовательского авантюризма, помимо столкновения с опасностью, осталась позволенной интеллигенту 1960—1970-х формой проявления героического пафоса, трактованной как внеидеологическая и обусловленная внутренними потребностями творческой личности.

В конечном итоге, разрывая обязательную связь героического с определенным набором практик повседневности, визуальный образ ученых в документальном кино терял важный социальный посыл, который нес в себе любой героический образ Большого стиля и был

унаследован от тепелю. Им являлась возможность (и необходимость) наследования его обывателем через копирование визуального образа повседневности героя, если повторение самого подвига представлялось невозможным. Простой советский человек читал важные для советских героев книги, учился владеть оружием и занимался милитаризованным спортом, прыгал с парашютом и трудился «по-стахановски», позже — носил хемингуэевскую бороду, курил трубку, ходил в походы с рюкзаком, сочинял стихи и песни во многом потому, что верил, что это приближает его — в глазах власти, общества и его самого — к стандарту героической или просто правильной/достойной жизни. Однако на экране документального кино стала появляться принципиально не могущая быть наследуемой повседневность в силу ее «негероичности» — обыденности и даже комфортабельности, недоступной ряду советских людей совсем по другим причинам. По сути, появление на экране документального киноматериала о трудовой повседневности научных коллективов без элементов борьбы, напряжения, выживания, смертельной опасности есть единственный допущенный этим видом официальной визуализации реальности в 1960—1970-е годы шаг по осознанию неоднозначности научного поиска и антропологической картины мира науки. Этот шаг можно рассматривать как попытку преодоления мифа о вечной борьбе («и вновь продолжается бой!»), утвердившегося в советской культуре и обуславливающей ее стремление к тотальной агональности — бороться с врагами, преодолевать препятствия — в природном, социальном, своем внутреннем мире*, активно преобразо-

* Любопытным является такое проявление этого феномена, как снятие фильмов об астрономах как оппозицию фильмам о физиках-ядерщиках (я допускаю, что это не полностью осознанное новаторство режиссера, а не его позиция как результат глубокой культурной рефлексии). Ибо синхрофазотрон является таким же символическим воплощением идеи вечной борьбы советского человека с внешними врагами (за престиж, за ядерный щит) и с собственным страхом, что и Серп и Молот, самолет или ракета, ЛЭП-500 или Братская ГЭС, к примеру. Телескоп является же только инструментом наблюдения — и не более, он не несет символизма *преобразования энергии*. Потому, возможно, в другом фильме, также о научном поиске, заключенном в наблюдении, а не в активном преобразовании материи, — высокогорной метеорологической станции, вносится элемент, маркируемый как агональное, — необъяснимое сюжетно, а только через символическую нагруженность в советской культуре, пребывание ученых на леднике Федченко (они его не исследуют, ледник дополняет символический ряд: советский ученый — борьба, противостояние — стихийное, природное) [13Ф]. А упомянутый выше фильм об астрономах [16Ф] примечателен еще и тем, что в нем не только сюжет носит антиагональный характер, но и в содержании отсутствуют маркеры агональной трудовой повседневности физика, символически близкой к военной, — белый халат (форма), четкость, предельная дисциплинированность жестов, безэмоциональность. Показательная единичность подобного способа репрезентации ученых и исследовательского процесса.

вывать мир. Этот феномен наиболее полно воплощается в появлении на экране мирной эстетики «наукограда», где коттеджи возведены посредине леса, и где значительное внимание уделено *нетронутой* природе (окружающей, правда, гигантский ускоритель, посредством которого природа преобразовывается), и, далее, — в съемках работы этнографов, антропологов, археологов, чья трудовая повседневность — повседневность *наблюдателя*, с некоторыми чертами туриста, при этом наблюдатель не вооружен никакими техническими приборами (кроме корабля разве что) — маркерами современности и технократии. Таким образом, происходит попытка не только деконструкции советского мифа перманентной борьбы человека, а еще и выражение тревоги человека постмодерна по поводу технократии в обществе. Так в рамках документального кино была реализована попытка более реалистичного взгляда на ученого и науку в целом. Попытка неполная и непоследовательная, в силу особенностей жанра — так, жанр дискуссионной статьи в «Литературной газете», сатирического фельетона или рисунка в «Крокодиле», художественного фильма (например, комедии «Гараж»), конечно, давал значительно больше пространства для выявления просачивавшейся в массовое сознание сквозь скрепы мифа и идеологии реальности — «измельчание» (творческое, нравственное) рядового ученого, дисгармония в научных коллективах, проявление в них бюрократизма, волонтаризма, имитации науки, появление у ученого нетрудовой повседневности и «личных проблем». Демонстрируя «несоветские» «наукограды», «несоветскую» (не «знаково советскую») повседневность, документальное кино не имело возможности, не нарушая связи с советской культурной и социальной парадигмой, полностью перейти к разговору об экологических проблемах, порожденных научно-техническим прогрессом, или о материальном положении ученых с разным формальным статусом. В этом смысле документальное кино через завершенность и бесконфликтность сюжета оставалось неким оплотом незыблемого миропорядка, в котором и атомы, и люди подчинены общему согласованному движению — к победе над термоядерной энергией, вирусами и патогенными клетками, что в сумме давало надежду на счастливое существование уже живущих поколений и их детей. Сохраняя из Большого стиля оптимистичность и непротиворечивость восприятия реальности и растягивая в культурном и социальном времени «оттепель»* с ее пафосом перманентной борьбы человека в белом халате, приближающей это всеобщее счастье, документальные фильмы о научных исследованиях компенсировали все более трезво подходивший к реальности и ставящий все больше открытых вопросов художественный кинематограф.

* Социокультурный феномен сродни «длинным семидесятым».

- 1Ф. Академик Н.П. Сагин. ЦСДФ. 1967.
- 2Ф. Дубна — город науки, город международного сотрудничества. ЦСДФ. 1962. Реж. С. Пумпянская.
- 3Ф. Дубна — город физиков. ЦСДФ. 1967.
- 4Ф. К берегам далекой Океании. Центрнаучфильм. 1972. Реж. В. Рыклин.
- 5Ф. К берегу Маклая. ЦСДФ. 1971. Реж. П. Русанов.
- 6Ф. Кольцо дружбы. ЦСДФ. 1975. Реж. В. Моргенштерн.
- 7Ф. На островах Океании. ЦСДФ. 1972. Реж. П. Русанов.
- 8Ф. Рассказывает кинолента. Центрнаучфильм. 1967. Реж. А. Левин.
- 9Ф. Сибирь в объективе науки. ЦСДФ. 1974. Реж. В. Лебедь.
- 10Ф. Советский Урал. Свердловская киностудия. 1967. № 24. Реж. Л. Козырева, А. Зубрицкий.
- 11Ф. Солнечное затмение. ЦСДФ. 1961. Реж. Е. Козина.
- 12Ф. СССР сегодня. ЦСДФ. 1956. № 6. Реж. И. Копалин.
- 13Ф. СССР сегодня. ЦСДФ. 1957. № 7. Реж. Л. Махнач.
- 14Ф. СССР сегодня. ЦСДФ. 1957. № 8. Реж. Л. Махнач.
- 15Ф. СССР сегодня. ЦСДФ. 1959. № 5. Реж. А. Лебедев.
- 16Ф. СССР сегодня. ЦСДФ. 1959. № 12. Реж. А. Лебедев.
- 17Ф. Страна и наука. ЦСДФ. 1974. Реж. А. Зенякин.
- 18Ф. Страна советская. ЦСДФ. 1964. № 5. Реж. Б. Небылицкий.
- 19Ф. Страна советская. ЦСДФ. 1969. № 2. Реж. Л. Дербышева.
- 20Ф. Страна советская. ЦСДФ. 1969. № 5. Реж. Файнберг.
- 21Ф. Страна советская. ЦСДФ. 1970. № 6. Реж. К. Эггерс.

1А. ГАДО. Ф. Р-1036. Оп. 3. Д. 387.

2А. ГАДО. Ф. 7764. Оп. 1. Д. 5.

1. *Булгакова, О.* Советские красавицы в сталинском кино [Текст] // Советское богатство: статьи о культуре, литературе и кино. СПб.: Акад. проект, 2002. 464 с.
2. *Булгакова, О.А.* Фабрика жестов [Текст]. М.: Новое лит. обозрение, 2008. 304 с.
3. *Вайль, П.* 60-е. Мир советского человека [Текст] / Вайль П., Генис А. М.: Новое лит. обозрение, 1998. 368 с.
4. *Варшавский, Я.* Как рождается радость? [Текст] // Советский экран. 1962. № 16. С. 18—19.
5. *Гюнтер, Х.* Архетипы советской культуры [Текст] // Соцреалистический канон. сб. ст. / под ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Акад. проект, 2000. С. 743—784.
6. *Дашкова, Т.Ю.* Телесность — Идеология — Кинематограф [Текст]: визуальный канон и советская повседневность. М.: Новое лит. обозрение, 2013. 256 с.
7. Кинематограф оттепели [Текст]. М.: Материк, 2002. Кн. 2. 450 с.
8. *Моралевич, А.* Нужное подчеркнуть [Текст] // Крокодил. 1973. № 28. С. 2.
9. *Образцова, А.* Время и мастерство [Текст] // Советский экран. 1962. № 16. С. 4—5.
10. *Сальникова, Е.В.* Советская культура в движении, от середины 1930-х к середине 1980-х [Текст]: визуальные образы, герои, сюжеты. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 471 с.

В.Н. Сергеев

ДЕЛО ТРОФИМОВА – ТЕЛЬНИКОВА: СТУДЕНЧЕСКАЯ БОРЬБА ЗА ДЕМОКРАТИЮ И СОЦИАЛИЗМ

В статье рассматривается деятельность двух объединений левых диссидентов: группы В. Трофимова и группы В. Тельникова. В первой части статьи анализируется социальный состав обеих групп. Показывается география происхождения активистов и их профессиональная деятельность. Во второй части описывается процесс формирования данных организаций левых диссидентов и их «антисоветская деятельность». Третья часть статьи посвящена разбору идеологических позиций каждого направления внутри этих двух групп.

Ключевые слова: левые диссиденты; антисоветская деятельность; СССР; идеология; социализм; демократия.

Vsevolod Sergeev

Case Trofimov — Tel'nikov: student struggle for Democracy and Socialism

The article examines the activities of two of the United dissidents left group Trofimov and group Tel'nikov. In the first part of the article analyzes the social composition of both groups. Showing geography origin activists and their professional activities. The second part describes the process of forming these organizations dissidents left. Describes the “anti-Soviet activity” Trofimov, Tel'nikov and their companions. The third section is devoted to an analysis of the ideological positions of each direction within these two groups.

Keywords: dissident left; anti-Soviet activity; Soviet Union; ideology; socialism; democracy;

Для описания объединений левых диссидентов времен «Оттепели» зачастую используют такие термины, как студенческие или молодежные группы. Данная характеристика приводит к путанице, так как большинство представителей диссидентской левой относились к молодежи в широком смысле (до 35 лет), но не выдвигали каких-то специфических молодежных требований. Однако были группы, которые состояли из студентов и вели работу в молодежной среде. Под такое описание подпадают группы В. Трофимова (Союз коммунистов-ленинцев) и В. Тельникова (Союз революционных ленинистов). Ниже будет подробно рассмотрена история этих групп, которая имеет единый конец в виде «дела Трофимова» и общего приговора суда.

СОЦИАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ ГРУПП

Местом «преступной» деятельности членов Союза коммунистов-ленинцев (СКЛ) и Союза революционных ленинистов (СРЛ) был Ленинград. Если локализовывать еще точнее, то их деятельность развернулась в стенах трех вузов (Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова, 1-й Ленинградский государственный педагогический институт иностранных языков* и Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена) и на квартирах активистов.

Кто же именно был членами этих двух групп? Здесь возникает методологическая проблема, связанная с критериями членства. Так как эти два Союза хоть и имели различного рода программные документы, но находились в процессе формирования и возможного слияния. Поэтому активистское «ядро» не успело провести формализацию членства (через раздачу членских билетов или устное согласие на вступление).

Со своей стороны, правоохранительные органы также не совсем точно зафиксировали членство в этих «антисоветских группах». На сентябрьский процесс 1957 г. было выведено восемь человек: А. Голиков, В. Малыхин, В. Петров, И. Потапов, Б. Пустынцев, В. Тельников, В. Трофимов и Б. Хайбулин. В отдельное производство было выведено дело в отношении Г. Дмитриева, а Е. Сидоров «к ответственности не привлекался и по делу не допрашивался» [1А, л. 278]. Такое разделение определялось удобством проведения судебно-следственных действий, а не реальной ролью конкретного обвиняемого в «антисоветской организации». Например, деятельность В. Петрова сводилась к хранению «архива» В. Трофимова и посредничестве в приобретении типографского шрифта. В свою очередь, Е. Сидоров являлся автором «Программы Союза революционных ленинистов», а квартира Г. Дмитриева была местом сборов Союза коммунистов-ленинцев. При этом Г. Элинсон, на квартире которого проходили встречи В. Трофимова с В. Тельниковым, Б. Хайбулиным и другими, проходил в суде только как свидетель.

Опираясь на материалы уголовного дела [1А], различные статьи и интервью участников [1; 2; 6], можно описать активистские центры эти двух Союзов. Ядром Союза коммунистов-ленинцев были: А. Голиков, Г. Дмитриев, В. Малыхин, И. Потапов, Б. Пустынцев и В. Трофимов. «Костяк» Союза революционных ленинистов составляли: Е. Сидоров, В. Тельников, Б. Хайбулин. Периферия у этих

* В 1956 г. 1-й ЛГПИИЯ вошел в ЛГУ им. А.А. Жданова на правах факультета.

двух Союзов была смешанная и довольно обширная. Для удобства повествования, описание периферии ограничим несколькими именами: Г. Бен, Б. Пескин, В. Петров, С. Семанов, А. Шевченко и Г. Элинсон.

Общей чертой СКЛ и СРЛ был однородный гендерный состав — исключительно мужчины, что одновременно роднило их с другими группами левых диссидентов. В ходе следственных и судебных мероприятий в качестве свидетелей по делу В. Трофимова и В. Тельникова привлекались только две женщины: А.И. Алешина и Белоносова. Их роль в деятельности рассматриваемых групп сводилась к выполнению чисто технических поручений, без посвящения в подробности дела. Например, А. Алешина по просьбе В. Трофимова набирала проект программы СКЛ [1А, л. 51, 53].

Как уже говорилось, состав этих двух Союзов был однороден в отношении возраста активистов. Все они родились в промежуток с 1933 по 1937 г. При этом самыми молодыми (1937 г. рождения) были активисты Союза революционных ленинцев. Практически все активистское ядро Союза коммунистов-ленинцев было примерно одного возраста — 1934 г. и 1935 г. рождения. Аналогичная картина наблюдается и в среде периферии этих организаций. Такое единообразие объясняется тем фактом, что обе организации строились за счет вербовки однокурсников и одноклассников. Агитация и пропаганда зачастую проходили во время различных встреч друзей и приятелей.

Несмотря на то, что вся деятельность СКЛ и СРЛ, попавшая позднее в уголовное дело, происходила в Ленинграде, география участников обоих Союзов была очень широкой. Вот краткий список мест, где родились активисты: Баку (В. Трофимов), Владивосток (Б. Пустынцев), Иркутск (В. Малышев), Ленинград (А. Голиков, В. Тельников), Москва (Б. Хайбулин), Хибиногорск (И. Потапов). Периферия двух Союзов оказалась более однородной. Рассматриваемые в данной работе контактеры были уроженцами Ленинграда. Отчасти это связано с тем, что пропаганде и агитации подвергались участники дружеских встреч, часть из которых предоставляла место сбора (например, Г. Бен и Г. Элинсон).

Ядро Союзов составляли не просто молодые люди, а именно студенты. На момент ареста только два активиста являлись рабочими: В. Малыхин и Б. Пустынцев. И то последнего можно считать рабочим лишь условно. Незадолго до ареста он был исключен из ЛГУ за оппозиционные настроения и был вынужден устроиться лаборантом в Государственное специальное конструкторское бюро аналитического приборостроения. Среди студентов преобладало со-

циально-гуманитарное направление (историки — 2 чел., переводчики — 3 чел., юристы — 1 чел.). Студенты-физики были представлены двумя друзьями — В. Тельников и Б. Хайбулин. Периферия же состояла из гуманитариев и обществоведов (3 историка и 1 переводчик). Кроме того, в среде контактеров были люди, которые закончили обучение в ВУЗе и начали свою трудовую деятельность. Здесь, прежде всего, надо отметить переводчика Г. Бена и историка С. Семанова. Последний из них после окончания ЛГУ стал заведующим отделом пропаганды Петроградского райкома ВЛКСМ.

«АНТИСОВЕТСКАЯ» ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Союз коммунистов-ленинцев начал формироваться первым. В 1954 г. В. Трофимов и А. Голиков познакомились и сблизились на почве общего интереса к политическим процессам. Затем А. Голиков познакомил В. Трофимова со своим давним знакомым студентом-историком Г. Дмитриевым и приятелем по ВУЗу Б. Пустынцевым. «Вскоре, — как это описывает Б. Пустынцев, — сам собой организовался своего рода клуб, где за бутылочкой обсуждались роль государства в обществе, проблемы свободной прессы и т.д., вплоть до колхозной системы» [2]. Местом сбора этого политического кружка стала квартира Г. Дмитриева. В 1955 г. в этот студенческий клуб вошел В. Малыхин, который был соседом Б. Пустынцева и имел богатую биографию. Первоначально эта компания молодых людей ограничивалась дружескими дискуссиями и отдельными индивидуальными действиями. Например, в декабре 1955 г. В. Трофимов написал листовку ко Дню Конституции. Она была создана в единственном варианте и была «повешена против двери в партбюро» в ЛГПИ [1А, л. 43].

Летом 1956 г. в Москве три приятеля — Е. Сидоров, В. Тельников, Б. Хайбулин — обсуждали разные актуальные политические вопросы. По ходу дискуссий у Б. Хайбулина появилась идея создать нелегальную политическую организацию, которая в дальнейшем получила название Союз революционных ленинцев. «Первоначально В. Тельников отнесся критически, а Е. Сидоров поддержал» [1А, л. 49], но в дальнейшем эти колебания исчезли. Процесс формирования новой структуры затянулся из-за переезда В. Тельникова и Б. Хайбулина в Ленинград, в связи с поступлением на Физический факультет ЛГУ.

На активизацию и сближение обеих групп огромное влияние оказало Венгерское восстание 1956 г. и общественная реакция внутри СССР. Выразилось это в нескольких действиях. Во-первых,

В. Трофимов со своими товарищами изготовил листовку с призывом перенести венгерский опыт в Советский Союз. Листовка была рукописной, и ее тираж не превышал 15—20 штук. Еще одной особенностью данной листовки было то, что она имела два варианта вступления. Это должно было примирить общедемократическое и титоистское течение в СКЛ. Листовка была распространена в ноябре 1956 г. в помещениях ЛГУ и ЛГПИ.

Во-вторых, произошло знакомство В. Трофимова с В. Тельниковым. Они встретились на знаменательном обсуждении романа В. Дудинцева «Не хлебом единым», которое проходило 10 ноября 1956 г. в ЛГУ. Помимо этого легального мероприятия, В. Трофимов и В. Тельников участвовали в полулегальном обсуждении творчества Пабло Пикассо и всего современного искусства, которое проходило 21 декабря 1956 г. на площади Искусств.

По своей сути, это был пик активности обоих Союзов. Дальше деятельность свелась к обсуждению программных вопросов и подготовке новой листовочной кампании. В планах В. Трофимова и его товарищей был переход от рукописных листовок к печатным. Для этого члены СКЛ собирали деньги на бумагу и краску. Самым же главным достижением стало получение через В. Петрова и его соседа А. Мороза типографского шрифта. Но, несмотря на первоначальные успехи, выпустить новую листовку не удалось, так как «со шрифтом никто из участников группы обращаться не умел» [1А, л. 3]. Освоить же полезный навык не удалось из-за того, что 18 мая 1957 г. был арестован В. Малыхин, который в этот момент работал в Ленинградском торговом порту и активно искал возможность бежать из СССР. За вторую половину мая 1957 г. были арестованы практически все члены СКЛ и СРЛ. Формальным поводом для ареста стали листовки 1956 г. и создание антисоветской организации.

ИДЕОЛОГИЯ: В ПОИСКАХ ИСТИННОГО ПУТИ

Одним из самых сложных вопросов при изучении любого объединения левых диссидентов является изучение идеологии. В нашем случае есть свои плюсы и минусы. К плюсам можно отнести программу СРЛ и два варианта листовок СКЛ, которые отражают широту взглядов активистов. Минусом является то обстоятельство, что обе организации не были до конца оформлены, следовательно, не понятно, насколько эти документы отражали взгляды всех членов.

В среде активистов СКЛ и СРЛ можно условно выделить несколько устойчивых идеологических центров: либералы/демократы

(Б. Пустынцев), титоисты (А. Голиков, Г. Дмитриев и В. Трофимов) и ленинисты (В. Тельников и Б. Хайбулин). Общим у всех этих идеологических позиций было желание радикальной десталинизации и демократизации советского общества и государства. Что, в принципе, являлось общим для всех диссидентов периода «Оттепели». Больше всего идеологическая неоднородность проявлялась у Союза коммунистов-ленинцев. Молодых людей объединяла свободная интеллектуальная дискуссия [6, с. 250] и негативная программа (см. выше). Различия между идеологическими течениями внутри СКЛ и СРЛ проявлялись в позитивной части, т.е. в разделе об альтернативе существовавшим порядкам. Позитивная программа вызывала споры из-за разных теоретических установок участников полемики. В частности, были разные идеальные модели, на которые надо ориентироваться (титовская Югославия, Запад и т.д.). Довести диспуты до логического конца и выработать единый подход помешали аресты. Поэтому каждое идеологическое направление в обоих Союзах будет описано по отдельности.

Больше всего идеологических текстов осталось от В. Трофимова и его товарищей А. Голикова и Г. Дмитриева (две листовки и наброски программы). «Все трое были социалистами и сторонниками марксистского понимания истории, но при этом были убеждены в необходимости политической и экономической либерализации и даже демократизации существующей системы» [6, с. 250]. Такую характеристику дал В. Иофе (псевдоним С.Д. Рождественский) в своей статье в сборнике «Память». Но это определение не раскрывает сущности их идеологических воззрений и не позволяет понять отдельные моменты. Например, чем взгляды этих троих активистов отличались от взглядов «красных волков» В. Тельникова и Б. Хайбулина.

В. Трофимов с товарищами принадлежал к советской версии восточноевропейских марксистов-ревизионистов и титоистов. Это идейное течение было близко по своим установкам сторонникам истинного ленинизма (самый простой пример — В. Тельников и Б. Хайбулин), но уделяло больше внимания опыту построения социализма в Югославии, Польши и Венгрии. Другими словами, их больше занимал вопрос, как в Восточной Европе борются со сталинизмом, а не почему и как был извращен ленинизм. Идеальный образец у этих двух сходных течений был либо отделен во времени («золотой век» В. Ленина и революционных большевиков), либо — в пространстве (где-то на западе Восточной Европы). Хотя довольно часто встречалось смешение идеологий. Тот же В. Трофимов довольно сильно был увлечен фигурой Н. Бухарина.

Самое большое влияние на В. Трофимова оказала идеология югославских коммунистов (титоизм). Это было связано с тем, что

к середине 1950-х годов только в Югославии был альтернативный проект построения социализма, информация о котором доходила до граждан Советского Союза. В частности, В. Трофимова привлекали югославские идеи самоуправления и децентрализации государства и экономики. Что в свою очередь, перекликалось с его идеями о борьбе с бюрократизмом. В одном из своих писем-жалоб, написанных после вынесения приговора, В. Трофимовым об этом говорил напрямую: «я решил создать марксистскую группу для борьбы с бюрократизмом, для чего я написал “программу”. Основные положения ее я заимствовал у югославских коммунистов...» [1А, л. 65]. Влияние титоизма на В. Трофимова подтверждают более поздние слова его подельника Б. Пустынцева: «марксист югославской ориентации» [1].

Влияние других восточноевропейских марксистов-ревизионистов, прежде всего венгров, на формирование взглядов В. Трофимова было связано с революционными событиями 1956 г. Виктор, как и множество других советских молодых людей, заинтересовался опытом Венгрии только после начала восстания. Его вдохновляли революционные действия венгерских студентов и давали пример активной борьбы со сталинистским режимом. Венгерский опыт был образцом, на который надо равняться при свержении власти сталинистов. Уже после победы политической революции можно было обращаться к югославским идеям.

В отношении Н. Бухарина позиция В. Трофимова заключалась в необходимости реабилитировать этого видного коммуниста [1А, л. 216]. Данная идея сформировалась у него «после XX Съезда в связи с реабилитацией многих ранее неверно осужденных деятелей партии» [1А, л. 70]. Идея реабилитации именно Н. Бухарина связана с его удачным положением в руководстве большевиков. С одной стороны, В. Ленин всегда довольно мягко критиковал «любимца партии», что отличала его от лидера Левой оппозиции Л. Троцкого. С другой стороны, Н. Бухарин выглядел умеренной альтернативой И. Сталину, который был верен ленинскому курсу на продолжение НЭПа.

Свой анализ социально-экономической и политической системы в СССР В. Трофимов попытался изложить в проекте программы Союза коммунистов-ленинцев, который в момент ареста всех членов группы находился на стадии обсуждения и корректировки. Однако анализ этого проекта дает нам общее представление о направлении движения мыслей В. Трофимова и его единомышленников А. Голикова и Г. Дмитриева.

В своем проекте программы СКЛ В. Трофимов уверенно заявляет, что «существующий строй не является по своей сущности социалистическим» [1А, л. 34]. Далее он приводит аргументацию, почему

это не социализм. Во многом он опирается на идеи самоуправления, которые существовали в Югославии. Первым признаком является тот факт, что «экономика страны ультрацентрализована». Вторым — «отстранение непосредственных производителей — рабочих и крестьян — от активного участия в производстве и полного отстранения их в процессе распределения» [1А, л. 34]. Данные идеи перекликались с представлениями К. Маркса, В. Ленина и Э. Карделя о социализме, как самоуправлении большинства.

Но если это не социалистический строй, то что? На этот вопрос В. Трофимов пытается найти ответ в духе времени: Советский Союз — это «государство полицейско-бюрократического типа». Практически такое же определение существовало в «Программе СРЛ», которая была написана до знакомства В. Трофимова и В. Тельникова.

Полицейско-бюрократический режим в СССР, по мнению В. Трофимова, основан на концентрации власти в руках «партийной олигархии». Она господствуют над экономикой через контроль над «производством и распределением материальных благ». Как уже говорилось выше, трудящиеся не могли активно контролировать ни производство, ни распределение товаров. В свою очередь «усиление роли полицейского аппарата свело на нет власть государственных органов, власть Советов». Следствием этого стала «замена диктатуры рабочего класса на диктатуру партии, на диктатуру ее руководящего центра». Вся «политическая власть находится у кучки бюрократической верхушки», господство которых «поддерживается при помощи террора (во всех сферах жизни) и широкой сети полицейского аппарата» [1А, л. 34].

Имелся у В. Трофимова и план действий. Он выступал за создание партии, «стоящей на позициях революционной марксистско-ленинской теории». Новое политическое объединение «ставит своей задачей борьбу против существующего строя, за установление в России демократической республики и построение социализма» [1А, л. 34]. К этому необходимо добавить содержащийся в листовке 1956 г. призыв к созданию студенческих организаций [1А, л. 33].

Отдельно надо сказать о листовках, которые были созданы В. Трофимовым при идейном содействии А. Голикова и Г. Дмитриева. Таких листовок было всего две: на День Конституции (1955 г.) и о Венгерском восстании (1956 г.) [6, с. 250]. Иногда из-за не очень ясного делопроизводства в следственных и надзорных органах СССР эти две листовки объединяют или путается авторство второй. Например, такое смешение произошло в работе «Крамола: инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе, 1953—1982» [3]. Это связано

с тем, что в надзорном деле [1А] тексты листовок нормально не отделены друг от друга. Однако при детальном изучении дела можно найти тексты этих листовок по отдельности.

Показателем эволюции взглядов В. Трофимова и его единомышленников является частота упоминания имени В. Ленина в листовках. В тексте 1955 г. имя Ленина и производные от имени слова встречаются три раза. В листовке о венгерских событиях только один раз употребляется словосочетание «знамя ленинизма». Причем оно встречается в текстах обеих листовок. Изменяется и контекст использования слова «свобода». В 1955 г. В. Трофимов упоминает это слово, либо связывая его с именем В. Ленина («свобода, которая была завоевана Лениным» и «ленинская свобода»), либо — как «истинная свобода». Через год появляется принципиальное новшество — «демократические свободы». Изменяется также и способ обретения свобод. В первом тексте свободу надо возрождать, так как однажды она уже была завоевана В. Лениным. Второй текст говорит о завоевании свободы. Уменьшение числа апеллирований к ленинскому наследию свидетельствует о влиянии либералов (В. Пустынцев) и большом увлечении югославским опытом. Но несмотря на снижение частоты упоминаний имени В. Ленина, в обеих листовках есть общий враг — «диктатура Сталина», «сталинщина», «бюрократизм», «господство узкой клики».

В информационном плане текст о Венгерском восстании смотрится более выигрышно. Его отличие заключается в кратком упоминании о развертывающемся среди советских студентов движении за демократические свободы. Листовка 1955 г. лишь повторяет банальные истины о том, что «народ не может говорить свободно о политике правительства, не боясь расплаты» [3, с. 351].

Проблемой обеих листовок были очень размытые требования и призывы к действию. Читателю листовок не было понятно, что конкретно надо делать и какой должен быть алгоритм действий. В листовке ко Дню Конституции были такие требования, как «поднять политическую активность»; «возродить ленинскую свободу»; «уничтожить оковы политического бюрократизма» [3, с. 352]. В листовке 1956 г. помимо общих требований («долой деспотизм, господство узкой клики, долой бюрократизм снизу доверху») появились и более конкретные призывы («[Студенты] создавайте свои организации» [1А, л. 1, 33]).

Сложнее всего поддаются описанию и анализу политические взгляды Б. Пустынцева, В. Малыхина и И. Потапова, т.е. либерально-демократической части СКЛ. Связано это с несколькими обстоятельствами. Во-первых, данное течение практически не оставило

после себя политических текстов. Исключением является небольшая листовка о венгерских событиях, которая была написана при участии А. Голикова. Во-вторых, Б. Пустынцев и В. Малыхин больше интересовались современной англо-американской культурой [6, с. 250]. В-третьих, «Малыхин, Пустынцев и Потапов вынашивали изменнические намерения» [1А, л. 3], т.е. были сторонниками бегства за границу. Об этом В. Малыхин заявил во время следствия и суда. Из такой установки выходило, что не стоит изобретать велосипед, а можно просто скопировать опыт «классической парламентской демократии» [6, с. 250].

Отличительной чертой либерального варианта листовки о событиях в Венгрии было отсутствие апеллирования к революционному наследию. Наоборот, сразу давалось понять, что существующий строй что-то плохое — «коммунистическая цитадель». Но в этой твердыне могут появляться трещины, что и произошло в 1956 г. Даже обращение «граждане студенты» шло вразрез с принятой традицией и отсылало как минимум к российской демократической традиции XIX — начала XX в.

Содержание данной листовки было посвящено нескольким моментам. Во-первых, обличались преступления коммунистов в Венгрии и Польше, где «народная свобода была раздавлена гусеницами советских танков» [1А, л. 33]. Во-вторых, рассказывалось о ведущей роли студентов в «защите задушенной свободы». В-третьих, говорилось о перенесении польского и венгерского опыта в СССР, «о требованиях демократических свобод, которые выдвигают студенты многих ленинградских вузов». Из последнего вытекал единственный и довольно абстрактный призыв: «Не надоело ли молчать и Вам?». В плане требований этот вариант листовки проигрывал варианту, который потом сделал В. Трофимов. Читателю не было понятно, что нужно делать конкретно, даже если ему надоело молчать.

В противоположность СКЛ, революционные ленинисты имели более гомогенную идеологию. Адекватную картину политических взглядов активистов СРЛ можно составить при анализе «Программы Союза революционных ленинистов» [3, с. 352—354]. Если говорить юридически точно, то это был только проект программы, который летом 1956 г. начали разрабатывать Е. Сидоров, В. Тельников и Б. Хайбулин, а завершил один Е. Сидоров. В августе того же года Б. Хайбулин привез проект программы в Ленинград [1А, л. 7].

Главным отличием «Программы СРЛ» от аналогичных текстов (например, трофимовского варианта программы СКЛ) является ее условный ревизионистский характер. В ней практически нет заимствований из опыта титоистов или польских и венгерских марксистов.

стов-ревизионистов. Главный упор делался на актуализацию ленинских идей по борьбе с бюрократизмом и перерождением компартии и советской власти. Но при этом Б. Хайбулин упоминал на следствии, что на него произвели большое впечатление статьи Э. Карделя [1А, л. 49].

«Программа СРЛ» была написана на основе распространенного в молодежной среде недовольства темпами борьбы с культом личности, проведения десталинизации и демократизации советского общества и государства. Вместо «проводимой ЦК КПСС политики поверхностного осуждения культа личности» И. Сталина, авторы программы предлагали «устранить причины изменений норм государственной и партийной жизни» [3, с. 352]. Выделялось несколько таких причин.

Во-первых, вырождение компартии и советского государства. Произошло «срастание государственного и партийного аппаратов и подмена государственного аппарата партийным» [3, с. 352], т.е. Партия перестала выполнять свои специфические политические функции. Следствием этого является «бюрократизация и загнивание обоих аппаратов», что приводит к потере связи с массами трудящихся и противопоставлению Партии-Правительства и советского пролетариата.

Во-вторых, расхождение практических дел ЦК КПСС с марксистско-ленинской теорией. Выражением «частичного отхода от этой теории» является «вопрос о мирном переходе к социализму» [3, с. 352]. В этом моменте «Программа СРЛ» напоминает не восточноевропейский ревизионистский марксизм и титоизм, а маоизм, для которого характерны обвинения руководства КПСС и СССР в ревизионизме. Принципиальным отличием идей СРЛ от идей Мао Цзедуна было апеллирование к возрождению ленинских норм, а не сохранению подлинного сталинизма.

В-третьих, «снижение политического уровня и творческой активности широких масс трудящихся нашей страны» [3, с. 353]. Вслед за классиками марксизма авторы программы связывают успех социалистического строительства с подлинным участием в нем широких пролетарских масс. Они исходили из теоретической установки, данной еще В. Лениным: «Марксизм отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс (курсив мой. — В.С.), — а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами» [4, с. 23].

По мнению авторов «Программы СРЛ», одним из следствий установления режима личной власти И. Сталина стала ситуация, когда сама КПСС уже «не может самостоятельно изменить свое внутреннее положение» и нужно внешнее вмешательство. Силой, которая исправит и излечит компартию, может быть только «высокая политическая и творческая активность трудящихся». Но в середине 1950-х годов в Советском Союзе, по мнению авторов, не было ни первого, ни второго. При отсутствии у широких масс инициативы необходимо подготовить кадры агитаторов и пропагандистов. «Для этой цели и создается Союз революционных ленинистов» [3, с. 353].

Большая часть «Программы СРЛ» была посвящена конкретным рецептам улучшения жизни пролетарских масс в Советском Союзе. И это было характерной чертой данного текста. В отличие от других левых диссидентов, которые фокусировали свой анализ на истории формирования современного им советского общества и государства, члены СРЛ сделали ставку на будущее, т.е. на подробное изложение плана действий. Большинство требований, заложенных в программе, было направлено на возвращение подлинно ленинских норм партийной и советской демократии. Эта часть программы была лучше всего прописана — на эти темы приходилось большинство пунктов.

Создатели программы на первое место поставили борьбу с бюрократией во всех ее формах и проявлениях. Необходимо было отобрать власть и полномочия у чиновников, а следовательно, провести значительное сокращение государственного (советского) и партийного аппарата. Кроме того, речь шла о борьбе с материальными привилегиями номенклатуры. Предлагалось возродить партийный максимум (партмаксимум) заработной платы и дополнить его «госмаксимумом для членов общества, не связанных непосредственно с производством, включая военнослужащих» [3, с. 354]. По своей сути эта была попытка модернизировать и адаптировать политику В. Ленина к современным реалиям, а точнее, перевести на понятный язык. Неологизм «госмаксимум» должен был заменить долгое перечисление (высшие служащие и чиновники «во всех без исключения государственных, общественных и частных учреждениях и предприятиях» [5, с. 105]).

Борьба с реальной высокой заработной платой должна была дополняться отменой материально-бытовых привилегий у партийно-государственной бюрократии. В тексте «Программы СРЛ» в двух местах подробно объяснялось, что должно быть изъято у Партии и государственных ведомств: «дома отдыха, дачи, автохозяйства, закрытые магазины, мастерские, излишки жилой площади» [3, с. 354]. Однако не понятна была дальнейшая судьба этого «конфиската».

В одном пункте программы говорилось о «передаче соответствующим государственным органам... хозяйств, находящихся в ведении партии». Другой пункт гласил о «передаче соответствующим общественным организациям ведомственных вспомогательных хозяйств» [3, с. 354]. Вне поля зрения авторов программы осталась собственность и привилегии таких могущественных общественных организаций, как профессиональные и творческие союзы.

Кто же должен был получить власть, которой лишилась бюрократия? «Программа СРЛ» в этом вопросе формально не предлагала ничего кардинально нового. Все их преобразования в отношении Советов и Партии сводились к более позднему лозунгу либеральных диссидентов-правозащитников: «соблюдайте вашу Конституцию [и Устав]». На практике это должно было привести к перераспределению власти от КПСС и исполнительных органов к Советам депутатов трудящихся. Местные советы должны были усилиться за счет «предоставления [им] свободы действий и большей исполнительной власти». В целом Советы при поддержке общественности должны были осуществлять «систематический контроль над деятельностью исполнительных учреждений» [3, с. 353].

В отношении КПСС авторы «Программы СРЛ» предлагали более широкий комплекс мер, который должен не только восстановить партию, но и вернуть ей пролетарский характер. Возродить компартию нужно было через ее окончательную смерть. Партия должна была пережить не только «значительное сокращение раздутого и бюрократившегося аппарата», но «чистку по классовому признаку и в дальнейшем регулирование роста партии по тому же принципу». Целью было «создание подлинно рабочей партии» [3, с. 353].

Преградой для повторного перерождения коммунистической партии должна была стать развитая партийная демократия. По большей части авторы программы предлагали соблюдать Устав и основные принципы демократического централизма, что выразилось в нескольких требованиях.

Во-первых, «фактическое признание первичной организации основной партии», т.е. проведение в жизнь § 48 Устава КПСС («Основной партии являются первичные партийные организации» [7, с. 112]). Фактическое признание должно выражаться в «недопущении грубого администрирования высших партийных органов по отношению к первичной организации». Одним из практических проявлений такого администрирования было «фактическое назначение руководящих партийных работников». Хотя в Уставе КПСС существовал § 18-а, который определял «выборность всех руководящих органов партии снизу доверху» [7, с. 41]. «Порочная практика» на-

значений, по мнению авторов «Программы СРЛ», должна быть «немедленно искоренена».

Во-вторых, «свобода мнений о путях достижения общих для всей партии целей», что перекликалось с § 57 Устава КПСС («Свободное и деловое обсуждение вопросов партийной политики в отдельных организациях или в партии в целом является неотъемлемым правом каждого члена партии, вытекающим из внутрипартийной демократии» [7, с. 123]). В этом вопросе «Программа СРЛ» не отходит от предложенной В. Лениным политики по устранению всякой фракционности. Революционный ленинизм в версии СРЛ предлагает сохранение сомнительной практики сочетания широкой дискуссии и запрета фракции.

Очищение компартии и возрождение внутрипартийной демократии, по мысли создателей «Программы СРЛ», должно привести к возрождению Партии и возвращению ее к исполнению именно политических функций. В частности, это проявилось бы в том, что КПСС будет заниматься «широким принципиальным директированием (пятилетка)... и контролем над государственным аппаратом» [3, с. 354]. Такое ограничение «государственных функций Партии» должно было привести, в свою очередь, к усилению власти всей системы Советов и превращению их в реальные органы власти.

В «Программе СРЛ» говорилось о развитии демократии и верховенстве закона в целом. Например, было прямое требование «соблюдения конституционных свобод, уничтожения цензуры и допущение в печать и радио свободы мнений» [3, с. 354]. Однако революционные ленинисты в отношении доступа к СМИ делали небольшую оговорку — «в рамках диктатуры пролетариата». Предполагалось сохранение революционной монополии на средства массовой информации и ограничения критики советской системы извне. Такое соблюдение ленинского теоретического и практического наследия можно объяснить через другое требование программы. Отдельным пунктом оговаривался «пересмотр Уголовного кодекса СССР* в целях усиления борьбы с хулиганством и с проявлением национальной нетерпимости» [3, с. 354]. «Рамки диктатуры пролетариата» должны были ограничить влияние реакционного национализма и препятствовать развалу Советского Союза.

Еще одним нарушением Конституции авторы программы считали «существующую в настоящее время паспортную систему». По их мнению, данный порядок выдачи и функционирования паспортов

* Это явная ошибка авторов, так как уголовное законодательство определялось на республиканском уровне, и не было единого УК для всего СССР.

является «средством регламентации и ограничения конституционных свобод» [3, с. 354].

По своей сути СРЛ выступал только за политическую революцию, при небольшой корректировке экономической политики. Об этом свидетельствует тот факт, что в программе есть только один пункт, который затрагивает вопросы экономики в целом. Революционные ленинисты требовали «обеспечения на деле прожиточного минимума для всех трудящихся (урегулирование зарплаты)» [3, с. 354]. Отчасти такое размытое требование можно объяснить социальным положением активистов — студенты-первокурсники двух ведущих ВУЗов. Возможно, что с течением времени авторы дописали бы другие требования, но этого не получилось из-за подпольного характера организации и вмешательства КГБ.

Неверно предполагать, что членов СРЛ совсем не интересовал вопрос о социально-экономической природе СССР. Однако этот наиболее дискуссионный момент был вынесен за рамки «Программы СРЛ» и его должны были обсуждать отдельно. Об этом свидетельствует «изъятая у В. Тельникова запись доклада, которую он намечался прочитать своим единомышленникам» [1А, л. 35]. Хотя сам В. Тельников в своих письмах-жалобах из ИТЛ называл этот текст не антисоветским докладом, а списком каверзных вопросов для обсуждения на занятиях по истории КПСС.

В этом докладе существует определение «военно-полицейский бюрократический социализм», также есть словосочетания «полицейско-бюрократический социализм» и «бюрократический социализм». По мнению Тельникова, существующий в середине 1950-х годов в СССР строй является «закономерным результатом извращения ленинизма» [1А, л. 35]. Были приведены основные черты бюрократического социализма. Во-первых, это «перерождение партии рабочего класса в партию государственного аппарата». Этот тезис перекликается с требованием из «Программы СРЛ» о чистке Партии по классовому признаку. Во-вторых, именно бюрократический аппарат является «опорой полицейско-бюрократического социализма». Перерождение КПСС вызвало «кризис международного коммунистического движения» [1А, л. 35]. Это был логичный вывод из информации, которая приходила в 1956—1957 гг. из Народной Польши и Венгрии.

* * *

История Союза коммунистов-ленинцев и Союза революционных ленинистов до определенной степени является образцовой моделью для большинства объединений левых диссидентов периода «Оттепели». В судьбе В. Трофимова, В. Тельникова и их товарищей

отразились практически все характерные черты всего движения. Во-первых, они были представителями молодежи (все они не достигли и 30 лет), и не просто некие юноши, а студенты или выпускники с хорошими карьерными перспективами. Во-вторых, всех этих молодых людей объединяло желание ускорить и углубить процесс десталинизации и демократизации советского общества. Они были сторонниками борьбы не только с внешними проявлениями культа личности И. Сталина, но и поднимали вопрос о перерождении всей советской системы и коммунистической партии. В-третьих, большинство активистов СКЛ и СРЛ были носителями левых взглядов, что отражало общее доминирование социалистических идей в диссидентском, оппозиционном движении. В-четвертых, для обеих групп, как и для большинства левых диссидентов «Оттепели», было характерно преувеличение значения программных текстов и слабое понимание алгоритма практической работы.

1А. ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 78804.

1. «Венгерскую революцию мы воспринимали как свою собственную...» [Текст]: интервью с Б. Пустынцевым // Русская мысль. 1996. 24—30.10.
2. Борис Пустынцев [Текст]: В пятнадцать лет я уже был антикоммунистом // Дело. 2005. 27.06.
3. Крамола [Текст]: инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев, 1953—1982: рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР / под ред. В.А. Козлова, С.В. Мироненко. М.: Материк, 2005. 432 с.
4. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений [Текст]. Т. 16. 697 с.
5. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений [Текст]. Т. 35. 599 с.
6. Рождественский, С.Д. Материалы к истории самостоятельных политических объединений в СССР после 1945 года [Текст] // Память: ист. сборник. Париж: YMCA-Press, 1982. Вып. 5. С. 249—261.
7. Устав Коммунистической партии Советского Союза [Текст]. М.: Госполитиздат, 1956. 128 с.

ИСТОРИОГРАФИЯ И НОВЫЕ МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

О. В. Шемякина

И. А. ТЕОДОРОВИЧ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНИЧЕСТВА В 1920—1930-Е ГОДЫ

Статья посвящена историографическим дискуссиям о народничестве 1920—1930-х годов. Одну из главных ролей в этих дискуссиях сыграл старый большевик, политический и общественный деятель И. А. Теодорович. Анализируя его работы, автор показывает различные политические и идеологические контексты, в которых проходило изучение народничества в указанный период.

Ключевые слова: советская историография; народничество; история идей; советская идеология; марксизм.

Olga Shemyakina

I. A. Teodorovich and political contexts of the study of the Russian populism in 1920^s—1930^s

The article considers the historiographical discussions about Russian populism in the 1920^s—1930^s. The old Bolshevik, politician and public figure I. A. Teodorovich played major role in these discussions. The author analyzes his works and shows various political and ideological contexts of the study of the Russian populism in this period.

Keywords: soviet historiography; populism; history of ideas; soviet ideology; Marxism.

В 1920—1930-е годы советская историческая наука существовала по принципу «история — это политика, опрокинутая в прошлое». Советская историография была призвана сформировать принципиально отличную от дореволюционной модель прошлого, отвечающую потребностям создания новой советской культуры, поэтому ее становление происходило в тесной связи с актуальными политическими и идеологическими проблемами [18; 43]. Эта связь обеспечивалась не только прямым воздействием на нее партийно-государственных органов, но и тем, что в этот период историческая наука перестает быть полем деятельности только лишь профессиональных историков, активно пополняясь из среды «старых» революционеров

и политических руководителей разного уровня. В данной работе рассматривается история революционного народничества как одной из ключевых тем советской историографии 1920—1930-х годов [2; 12; 13; 41; 55], прошедшей путь от расцвета до полного забвения, на примере фигуры Ивана Адольфовича Теодоровича (1875—1937), как бы воплотившей в себе все те сложные политические и идеологические контексты, в которых изучалось народничество в довоенный период.

Иван Адольфович Теодорович родился в 1875 г. в Смоленске в польской семье с богатыми революционными традициями: его дед принимал активное участие в польском восстании 1831 г., а отец и два брата матери — в восстании 1863 г., за что последние были отправлены в ссылку. Под влиянием этих событий и настроений Теодорович, как он сам писал в своей автобиографии, «научился ненавидеть русский царизм, его чиновников и военщину» [19, с. 714]. Семья Теодоровича жила очень бедно, так как отец их бросил, и его мать осталась одна с шестью детьми. Учась в гимназии, он познакомился с революционно-демократической литературой. «Так синтезировались в душе подростка влияние повстанческой традиции, сближение с городской беднотой и воздействие революционной литературы 60—70-х гг.», — писал Теодорович о своем пути в революционное движение [19, с. 714].

В 1894 г. он поступил на естественный факультет Московского университета. К этому времени относится его первое знакомство с нелегальной марксистской литературой, среди которой особое значение имели «Наши разногласия» Г.В. Плеханова. «Эта книга ответила на вопрос, который так мучительно вставал передо мною: чем объяснить крах и разложение народничества? Дело в том, что у меня завязались связи с некоторыми бывшими участниками народолюбческих кружков в Смоленске. Они производили удручающее впечатление... Чувствовалось, говоря словами Герцена, что они исповедуют “религию, из которой бог выехал, а церковная утварь осталась”. Под влиянием блестящей работы Плеханова я “самоопределился”, еще точнее: я увидел выход в том, чтоб остаться “профессиональным революционером”, но на почве истинно-революционного и в то же время глубоко-реалистического марксистского учения» [19, с. 715].

Во время учебы в университете Теодорович вел активную революционную работу, а после окончания в 1901 г. был избран в члены Московского комитета РСДРП. С 1902 г. находился в ссылке в Якутской области. Узнав о расколе партии, примкнул к большевикам. В 1905 г. бежал из ссылки в Женеву, где сблизился с Лениным и вошел в редколлегию газеты «Пролетарий». Вернувшись в Россию в том же году, Теодорович стал членом Петербургского комитета

РСДРП, а с 1907 г. — членом ЦК РСДРП. Через два года Теодорович снова оказался в ссылке и вернулся в Петроград только в середине марта 1917 г.

Иван Адольфович вошел в первый состав СНК в качестве наркома продовольствия, но уже в ноябре 1917 г. покинул этот пост, так как был сторонником создания «однородного социалистического правительства» с участием меньшевиков и эсеров. В годы Гражданской войны Теодорович оказался в Сибири, где воевал с армией Колчака в партизанских отрядах. В 1920 г. вернулся в Москву и стал членом коллегии Наркомзема, а в 1922 г. — заместителем наркома земледелия. В 1928—1930 гг. он также занимал пост генерального секретаря Международного крестьянского совета (Крестинтерна), а с 1926 г. — директора работавшего при нем Международного аграрного института. За это время Теодорович написал множество статей по общим и частным вопросам нэпа и крестьянской политики. Таким образом, почти вся профессиональная деятельность Теодоровича после его возвращения в Москву была связана с проблемой положения крестьянства в условиях построения социализма, которая оказала очень большое влияние на процесс изучения народничества, особенно на рубеже 1920—1930-х годов в ходе дискуссии о «Народной воле».

С приходом к власти большевиков произошел *радикальный* пересмотр существующих концепций истории России, и начался сложный процесс поиска новых «культурных героев». Естественно, что представители русского революционного движения и особенно народничества с его героическим прошлым должны были сыграть в нем важную роль, что нашло свое отражение в художественной и историко-популярной литературе, театральных постановках и кинематографе, праздновании памятных и юбилейных дат. Народникам было выделено особое место и в знаменитом ленинском плане «монументальной пропаганды», в соответствии с которым предполагалось установить памятники Бакунину, Лаврову, Перовской, Желябову, Кибальчичу, а также Герцену и Чернышевскому. Правда, некоторые из задуманных монументов пали жертвой несоответствия между авангардными устремлениями скульпторов и более традиционными вкусами широкой публики. Так, кубофутуристический памятник Бакунину скульптора Б. Королева пришлось демонтировать после газетной заметки «Уберите чучело», та же участь постигла и изображенную в виде львицы Софью Перовскую итальянского скульптора О. Гризелли — друга и последователя основателя футуризма Ф.Т. Маринетти [11, с. 48, 50].

В то же время попытки героизации народничества постоянно сталкивались с различными препятствиями, и отношение к народ-

ничеству как к идеологии и персонально к отдельным его представителям было неоднозначным. Эта ситуация неопределенности хорошо выражена в небольшой юбилейной статье М.Н. Покровского о Бакуanine: «До сих пор удельный вес этой огромной исторической фигуры как-то не определен окончательно. Поставили было памятник — и сняли. Первое предложение назвать именем Бакунина одну из московских улиц провалилось, потом назвали какую-то на окраине. <...> Назвать Бакунина великим революционером как-то не решаются» [36].

Одно из таких препятствий состояло в том, что биографии многих видных представителей народнического движения были далеко не безупречны с точки зрения революционной этики. В связи с этим в исторической литературе 1920-х годов сформировалось направление, которое, пользуясь терминологией самой эпохи, можно обозначить как «историческая реабилитация». После публикации в 1921 г. «Исповеди» Бакунина [4], написанной им в Петропавловской крепости на просьбе Николая I, начался поиск возможных оправданий для этого поступка, превратившего Бакунина из пламенного революционера в «подаванца». Различные версии предлагали как большевистские авторы, так и анархисты, объясняя «Исповедь» то влиянием «нечаевской стихии», то внутренним душевным разладом, то дворянским происхождением ее автора, благодаря которому он сохранял чувство общности со своими преследователями [7; 17; 35, с. 55—70; 44, с. 297]. Не менее интересным эпизодом была попытка реабилитировать одну из самых одиозных фигур русского революционного движения — Сергея Нечаева и найти оправдание его «макиавеллевским» методам, изобразив печально известное убийство студента Иванова как героический и самоотверженный поступок истинного революционера [14; 28].

Параллельно с «реабилитацией» героев народничества шел процесс «модернизации» их наследия. Наибольшие споры в 1920-е годы вызывали именно эти попытки некоторых историков вписать народничество в «родословную» русского марксизма и большевизма, показав, что народники в своих теоретических работах и революционной практике были близки марксизму и так или иначе «предвосхитили» и «нащупали» те идеи, которыми потом воспользуются большевики. Чаще всего в историографии 1920-х годов «предвозвестниками» большевизма объявлялись так называемые русские якобинцы — П.Г. Зайчневский, С.Г. Нечаев и П.Н. Ткачев, то есть те революционеры, которые призывали к созданию централизованной партии, насильственному захвату власти и последующему установлению диктатуры [14; 31; 32]. В более сложной ситуации находились Лавров и

Бакунин, однако среди всего литературного наследия этих главных теоретиков народничества советским историкам удалось обнаружить тексты, раскрывающие «бланкистский» элемент их учений.

Главную роль в «большевизации» Петра Лаврова сыграла его работа «Парижская коммуна», в которой, как утверждалось, он сумел сделать из опыта событий 1871 г. правильные тактические выводы о значении партии в революции [3; 10; 16; 21; 22; 33]. «Парижская коммуна» в 1920-е годы получила широкую известность, несколько раз переиздавалась. Ключом к изменению образа Михаила Бакунина как врага всякой государственности оказались его письма к Альберу Ришару, опубликованные В. Полонским. В письмах предлагалось создать революционное правительство, обладающее вооруженной силой, что было интерпретировано главным «модернизатором» наследия Бакунина Ю. Стекловым как призыв к созданию диктатуры пролетариата и крестьянства [45]. В качестве наиболее яркого примера подобного подхода стоит также назвать курс лекций лидера советской исторической науки 1920-х годов М.Н. Покровского «Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв.». В нем Покровский неоднократно повторяет, что само по себе изучение истории русского революционного движения интересно именно с точки зрения его «пророческих» элементов и «эмбриологии». «Для нас чрезвычайно важно проследить наши лозунги до самых последних корней», — так формулировал Покровский задачу своей книги [37, с. 50].

Казалось бы, «модернизация» народнического наследия с прагматической точки зрения была вполне оправданной. Во-первых, таким образом большевистская партия обретала укоренение в традициях русского революционного движения, а значит, получала еще один дополнительный уровень легитимности. Во-вторых, подобная оптика рассмотрения истории революционного движения соответствовала «телеологическому» характеру советской историографии в целом: если вся история России понималась как предыстория Октябрьской революции, то все русское революционное движение представлялось как бы бессознательно движущимся к марксизму и большевизму. В-третьих, большевистские историки вступали в конкуренцию за право на присвоение народнического наследия с другими политическими течениями — эсерами и анархистами, упрекая их в слишком упрощенном и прямолинейном его восприятии. Они старались показать, что учения Лаврова и Бакунина являются гораздо более противоречивыми и сложными конструкциями, способными сочетать в себе анархизм и бланкизм, идею свободы человеческой личности и необходимость создания централизованной партии и режима революционной диктатуры.

Тем не менее, идея генетической связи народничества и большевизма вызывала резкий протест у многих историков. Основная часть критики была направлена на ненаучность метода, базировавшегося на поиске аналогий между отдельными элементами народнических теорий и программой большевиков, в результате чего исторический анализ идей зачастую сводился к переводу идеологии народничества на язык актуальных газетных лозунгов [23; 27]. Данный метод также противоречил основным принципам марксистского подхода, в соответствии с которым история революционного движения должна изучаться не как «родословная» каких-либо идей и интеллигентских кружков, а как результат развития классовой борьбы [5, с. 106—107]. Определенную настороженность вызывала и сама постановка вопроса о близости большевиков народничеству, так как именно это сопоставление было одним из ключевых инструментов меньшевистской критики революционной тактики и политики Ленина, а также важной составной частью осмысления феномена большевизма в интеллектуальной жизни русской эмиграции. Так, в одной из статей Исаака Татарова, ставшего главным оппонентом Теодоровича во время дискуссии о «Народной воле», напрямую указывалась связь между «модернизацией» народничества и «национал-большевизмом» в работах Н.В. Устрялова [48, с. 116]. В эмигрантской литературе большевизм часто рассматривался как национальный феномен, продукт российских условий и выводился из наследия «нечаевщины», анархизма, мессианизма Герцена, славянофильства и русских крестьянских бунтов [20; 42]. Естественно, что для большевистской идеологии подобные взгляды были неприемлемы даже в том случае, если они были направлены на оправдание, а не на критику большевизма.

Финальным столкновением сторонников и противников модернизации наследия народничества стала знаменитая дискуссия о «Народной воле» 1929—1930 гг., которую принято считать важной отправной точкой в установлении партийно-государственного контроля над исторической наукой [1; 56]. На 1929 г. — «год великого перелома» — пришелся 50-летний юбилей создания «Народной воли», в честь чего была намечена обширная программа торжественных мероприятий, которые должны были продолжаться в течение двух лет вплоть до годовщины убийства Александра II. Однако именно желание отдать дань уважения этой революционной организации в ходе празднования юбилея парадоксальным образом обернулось фактическим уничтожением народничества как темы для научного изучения и тем более как основы для выстраивания «генеалогии» большевизма.

Главным действующим лицом дискуссии стал И.А. Теодорович, выступивший с докладом «Историческая заслуга народолюбия»

на торжественном заседании 30 декабря 1929 г., в президиум которого входили в том числе Сталин и Молотов. Этот доклад послужил основой для всей дальнейшей дискуссии. «Кто же теперь говорит о Народной воле? Все говорят о т. Теодоровиче. Но ведь не его же юбилей справляется», — писал в начале 1930 г. Покровский [38, с. 74].

В своем выступлении [50; 54, с. 99—116] Теодорович, во-первых, опровергал представление о народовольцах как об узкой заговорщической организации бланкистского типа, которое, по его мнению, развивал Покровский. Приводя в большом количестве цитаты из программных документов и журналистики, Теодорович пытался доказать, что народовольцы считали безусловно необходимым опираться на массы. Во-вторых, Теодорович критиковал представление Покровского о «Народной воле» как о «либералах с бомбой», требующих Конституции и политической свободы. Он настаивал на том, что хотя бы «субъективно» народовольцы были социалистами, выступали против буржуазии и планировали изменение экономического строя. В-третьих, в духе присущей историографии 1920-х годов тенденции модернизации революционного наследия он выдвигал мысль о том, что народовольцы «в зародыше» «нащупали» все основные идеи той социалистической революции, которая произошла в октябре 1917 г.: насильственный захват власти, создание государства советов, экономический переворот и даже нэп. В-четвертых, Теодорович видел заслугу народовольцев и народников вообще в правильной постановке вопроса о революционности крестьянства, к которому так пренебрежительно относились многие марксисты эпохи II Интернационала. В отличие от них Маркс и Ленин развивали идею возможности некапиталистического развития для ряда отсталых стран и укладов при условии наличия пролетариата-организатора, что являло собой, по словам Теодоровича, «синтез» между утопическим социализмом и «ревизионистским» вариантом марксизма. Таким образом, выступление Теодоровича и последующая его критика были продолжением ставшего уже традиционным в историографии 1920-х годов спора сторонников и противников «модернизации» народничества. Однако принципиально новым мотивом стал вопрос о революционной роли крестьянства, который историками 1920-х годов, как правило, аккуратно обходился. В результате произошел перевод дискуссии в политическую плоскость.

Проблема «сущности» крестьянства — мелкобуржуазной или социалистической — была одной из ключевых для советской идеологии и в период нэпа, и тем более в условиях перехода к сплошной коллективизации и борьбы с «правой оппозицией». Оппоненты Теодоровича расценили его попытку воздать должное народнической

вере в революционность крестьянства как «смазывание» разницы между утопическим социализмом и марксистско-ленинской идеей перехода крестьянства к социализму под руководством пролетариата. Они приписали Теодоровичу воскрешение так называемой «теории самотека» о наличии у крестьянина «социалистической души», что отсылало к господствовавшей в период нэпа теории перехода деревни к социализму через добровольное постепенное кооперирование. Именно на этом основывались те многочисленные обвинения в «правом оппортунизме» и «неонародничестве», которые посыпались на Теодоровича со страниц «Правды» и «Известий», предоставленных в распоряжение молодых историков, постепенно осваивающих новые методы ведения полемики по историческим вопросам [29; 30; 46]. Однако Теодорович не только не обратился к самокритике, чего от него, по всей видимости, ожидали, но выпустил в издательстве Общества политкаторжан книгу «Историческое значение партии “Народной воли”», куда вошли все его выступления в ходе дискуссии, а также ряд более ранних статей, затрагивавших в том числе проблему взаимоотношения города и деревни в период строительства социализма. Эта книга тут же подверглась еще более острой критике со стороны молодых историков Эсфири Генкиной и Исаака Татарова, которые опубликовали рецензии на нее с характерными названиями «Правооппортунистическая апология “Народной воли”», «Товарищ Теодорович в плену у народнической методологии», уже целиком посвященные политическим оценкам концепции Теодоровича [15; 47].

Теодорович со своей стороны использовал против своих оппонентов другие политические ярлыки, а именно — меньшевизм, ревизионизм и троцкизм, имея в виду недооценку революционности крестьянства, а следовательно, и неверие в возможности социалистического развития России в целом. Более того, он, вероятно, считал, что начало коллективизации является подтверждением его позиции, а не наоборот. Например, отвечая на критику И. Татарова, он задавался следующим вопросом: «Понимает ли т. Татаров, какую воду на мельницу меньшевизма и троцкизма льет он, бросая упреки в идеализации мелкого производителя в момент, когда последний двинулся в колхозы?» [53, с. 119].

Более конкретной почвой для обвинений Теодоровича в «правом оппортунизме» и политизации дискуссии стала его работа в Наркомземе РСФСР, а именно его тесные контакты с Н.Д. Кондратьевым — всемирно известным экономистом, основоположником теории экономических циклов. В начале 1928 г. Теодорович был снят с должности председателя Земплана Наркомзема, а буквально за месяц до своего выступления о «Народной воле» на юбилейном за-

седании подвергся уничтожающей критике на страницах «Правды» в статье под названием «Против буржуазной идеологии. Против укрывательства кондратьевщины» за положительный отзыв на книгу Кондратьева «Народное хозяйство в СССР». По мнению автора этой статьи, книга проводила «ярко кулацкую идеологию, при совершенно недопустимом попустительстве людей, поставленных во главе воспитательной работы» [8].

В 1920-е годы Н.Д. Кондратьев, А.В. Чайанов и другие близкие к ним экономисты, несмотря на их очевидные политические разногласия с большевиками, активно привлекались в качестве специалистов для работы в Наркомземе и Госплане. Однако в конце 1920-х годов, когда в СССР происходит резкая смена экономического курса, на них обрушивается поток политических обвинений, что привело в 1930 г. к их аресту и осуждению по сфабрикованному делу так называемой «Трудовой крестьянской партии».

Дело ТКП сопровождалось активной кампанией в советской печати по борьбе с «кондратьевщиной» и «чаяновщиной». В общем потоке «разгромной» литературы сливались воедино и теория Н.Д. Кондратьева, и правый оппортунизм, и неонародничество, и иногда даже троцкизм. Несмотря на всю противоречивость обвинений в адрес «кондратьевцев», в качестве основных объектов критики можно выделить теорию циклов Кондратьева как обосновывающую нерушимость капитализма, исследования Чайанова об особенностях крестьянской экономики как разрывающие классовые противоречия в деревне, а главное — идею приоритета сельского хозяйства над промышленностью и веру в неизбежное развитие СССР по капиталистическому пути. В ходе кампании активно использовались как взаимозаменяемые понятия «народничество» и «неонародничество», которые в этом экономическом контексте уже оторвались от своего первоначального исторического смысла и стали ярлыками для любых идей и теорий, которые представляли деревню как особый мир, развивающийся по своим собственным законам, и ставили в центр внимания экономистов интересы индивидуального крестьянского хозяйства [6; 24; 25; 26; 39; 40].

Практически ни одна статья или книга, посвященная разгрому «кондратьевщины», не обходилась без упоминания имени Теодоровича, так как он непосредственно курировал работу Кондратьева в Наркомземе, предоставляя ему определенную защиту и покровительство, и оказался таким образом ответственным за превращение Земплана в «контрреволюционный штаб». Часть авторов лишь осторожно указывала на то, что Теодорович «потерял классовое чутье» и неосознанно оказался под влиянием буржуазных специалистов. Однако в большинстве

работ Теодорович напрямую объявлялся «правым оппортунистом», а его связи с Кондратьевым — осознанной политической позицией. Более того, к разбору роли Теодоровича в этой истории были подключены его статьи 1920-х годов по экономическим вопросам, которые, по мнению его оппонентов, содержали в себе ложное понимание сущности нэпа и ленинской политики в деревне, являясь лишним подтверждением идейной «смычки» Теодоровича с Кондратьевым и «правыми». В своих работах Теодорович трактовал нэп как способ накопления средств в капиталистическом аграрном секторе за счет развития «крепких» крестьянских хозяйств. Это должно было послужить в дальнейшем источником средств для индустриализации, в том числе и самой деревни, а следовательно, и ее переходу к социализму. «Мы видим и будем видеть в дальнейшем передвижку крестьянских хозяйств из низших групп в высшие. Не нужно пугаться этой передвижки вверх, а всемерно ее поддерживать <...> в этой передвижке крестьянских хозяйств все наше спасение», — эта фраза из статьи Теодоровича 1926 г. чаще всего цитировалась его оппонентами в доказательство «кулацкой» сути его экономических воззрений [24, с. 66; 40, с. 139].

22 ноября 1930 г. в «Правде» было напечатано «покаянное» письмо Теодоровича. Он признавал ошибочным и опасным свое понимание нэпа: «Теперь мне ясно, что во время своего руководства Земпланом я допустил ошибку, толкуя расширительно, а следовательно неправильно идею Ленина об “использовании капитализма как посредствующего звена между мелким производством и социализмом”. Этой моей ошибкой и воспользовался классовый враг. Конечно, субъективно я хотел только одного — максимальной успеха для нашего маневра, но объективно я давал возможность врагу попытаться начать свой маневр. Субъективно я смотрел на подъем индивидуального крестьянского хозяйства как на средство, только средство для развития социалистической индустрии; объективно же я давал возможность врагу смотреть на этот подъем как на самоцель со всеми вытекающими отсюда выводами...» [49]. В письме Теодорович также соглашался с претензиями в адрес его отзыва на книгу Кондратьева: «Когда полтора года назад мне пришлось дать отзыв об одной книге Кондратьева, я, по словам “Правды”, “недостаточно отмежевался от нее”. Я признаю этот упрек справедливым, я отмежевался от этой книги, но недостаточно» [49].

Таким образом, борьба с «кондратьевщиной» стала тем значимым контекстом дискуссии вокруг выступления Теодоровича, который во многом определил ее содержание. Еще одним вопросом, с которым пересекалось изучение народничества, была проблема некапиталистического развития отсталых стран, актуальная для политики

Коминтерна в рассматриваемый период. Теодорович всегда подчеркивал, с каким интересом относился к русскому народничеству Маркс, объясняя это тем, что, согласно его теории, при условии победы пролетарской революции в Европе страны, не прошедшие путь буржуазного развития, могут, тем не менее, пойти по пути социализма. По мнению Теодоровича, историческая заслуга «Народной воли» заключалась именно в том, что она готовила социалистическую революцию в стране с несозревшим капитализмом, которая должна была стать «резервом» и поддержкой для пролетарской революции в Европе. В этом смысле Теодорович сравнивал возможную роль России в 1860—1870-е годы с той ролью, которую теперь должны сыграть такие страны, как Китай и Индия. Возникновение такого «международного» аспекта в интерпретации деятельности «Народной воли», очевидно, было связано с тем, что Теодорович занимал пост генерального секретаря Крестьянского интернационала — структуры, целью которой было распространение коммунистических идей среди крестьянских организаций преимущественно в тех странах, в которых движущей силой революции может стать именно крестьянство, а не пролетариат.

И.А. Теодорович в результате критики его позиции в отношении народничества и его связей с Н.Д. Кондратьевым был снят с занимаемых постов и отправлен в «Каторгу и ссылку» — заведовать журналом и издательством Общества политкаторжан и ссылопоселенцев (ОПК). Тем не менее, и в 1930-е годы он продолжал писать о народничестве, немного скорректировав свою позицию. Теперь он постоянно подчеркивал неоднородность народнической идеологии, выделяя в ней три направления, которые выражали собой различные соотношения пролетарской и буржуазной сущности в душе мелкого производителя [52; 51]. Позиция Теодоровича по вопросу о связи народничества с большевизмом стала основой для нескольких конфликтов внутри редколлегии издательства ОПК. Однако Теодорович от своей точки зрения не отступал и, более того, утверждал, что именно его в этом споре поддерживает ЦК. Так, на заседании комфракции ОПК в ноябре 1930 г. Теодорович говорил: «Я продолжаю думать, что это научный спор. <...> Что хотите, то и делайте со мной, в этом научном споре я считаю свою точку зрения правильной. <...> Моей книжке угрожала опасность не быть выпущенной, и тем не менее в ЦК партии восторжествовало мнение, что книга должна быть выпущена, что спор научный и пускай Теодорович спорит. <...> Наша партия велика и мочуча и допускает свободу исследований. <...> Вы обратили внимание на такой факт, что со мной полемизируют все, а я не отвечаю. <...> Я почувство-

вал, что вокруг этого спора разгорелись политические страсти. Враги могут меня поддержать ради того, что я выступаю против целого ряда молодых ученых-коммунистов. Хотя я признаю, что эти молодые ученые ошибаются, я не хочу публично об этом говорить. Я уже закидывал удочку в ЦК и мне ответили, что время еще не наступило, но, может быть, еще наступит. По-большевистски это? Да, по-большевистски» [1А, л. 199—200]. В укреплении позиции Теодоровича сыграл также тот факт, что в 1932—1935 гг. многие его оппоненты по дискуссии о «Народной воле», молодые историки школы Покровского (Г.С. Фридлянд, Э.Я. Газганов, П.О. Горин, и прежде всего — И.Л. Татаров) были исключены из партии за троцкизм [2А, л. 61]. Позже все они либо погибли в заключении, либо были расстреляны. В 1937 г. был расстрелян и сам Теодорович.

Окончательная точка в изучении народничества была поставлена в середине 1930-х годов. В июне 1935 г. ЦК ВКП (б) выпустил постановление «О пропагандистской работе в ближайшее время», в котором содержался призыв «разъяснить, что марксизм у нас вырос и окреп в борьбе с народничеством (народовольчество и т.п.) как злейшим врагом» [34]. Новая, однозначно негативная, оценка народничества получила свое оформление в книге Ем. Ярославского «Разгром народничества марксизмом» (1939). В ней народничество было представлено как чисто интеллигентское движение, не имеющее какой-либо социальной базы, «беспочвенное» и «бесплотное», опирающееся исключительно на свою теорию «героев и толпы» [57, с. 25]. Среди причин такого резкого поворота чаще всего называют убийство С.М. Кирова в декабре 1934 г., которое могло осознаться как прямой аналог террористической деятельности народовольцев [2, с. 10; 41, с. 257]. Кроме того, в этот период на смену революционному утопизму 1920-х годов приходит патриотическая и государственническая сталинская идеология [9], в которой героям революционного народничества уже не было места.

Случай Теодоровича как человека, привнесшего в историографию свой профессиональный политический опыт и проблематику, безусловно, не является единичным. Для исторической науки 1920-х годов это можно признать характерным явлением, особенно в сфере изучения истории революционного движения. В качестве другого близкого нашей теме примера можно привести С.М. Дубровского, который известен своими работами о крестьянском движении, столыпинской реформе, азиатском способе производства, хотя изначально его деятельность была в большей степени связана с экономикой и сельским хозяйством, и он также подвергался критике в ходе кампании по борьбе с «кондратьевщиной».

На изучение истории революционного движения не мог не оказывать влияния также и личный революционный опыт исследователей. В 1920-е годы народническая тема еще не успела превратиться в застывшую идеологию и продолжала оставаться частью живой памяти реальных людей. Многие «старые большевики», в том числе и Теодорович, начинали свой революционный путь с народнических кружков. Критикуя народничество как идеологию, они продолжали считать его важным этапом своей личной биографии. Во многом этим объясняется популярность идеи генетической связи между народничеством и большевизмом в 1920-е годы. Именно поэтому историкам из среды «старых большевиков» было так сложно во время дискуссии о «Народной воле» согласиться с тем отрицанием значения народничества, которое исходило от молодых историков, смотревших на него лишь как на совокупность ошибочных и устаревших идей.

Дискуссии о революционном народничестве 1920—1930-х годов — один из тех многочисленных сюжетов советской историографии, в которых тесным образом переплетались наука, политика и идеология, внеученная профессиональная деятельность историков и связанные с нею конфликты и противостояния. При изучении подобных тем самое сложное — это ответить на вопрос, не являются ли научные дискуссии лишь результатом и внешним воплощением борьбы между различными политическими силами или отдельными фигурами. Но так или иначе, эти дискуссии оставляют в науке свой след. Изучение народничества в 1920-е — начале 1930-х годов было крайне идеологизировано. В то же время политическая заостренность и актуальность этой темы стимулировала ее научную разработку: именно в этот период была проделана огромная работа по введению в научный оборот и исследованию ранее неизвестных источников по истории народничества, шел активный поиск различных подходов к изучению данной темы.

- 1А. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 192.
- 2А. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 198.

1. *Алаторцева, А.И.* Дискуссия о Народной воле в советской исторической науке конца 1920-х — начала 1930-х годов [Текст] // История и историки. М.: Наука, 1990. С. 209—230.
2. *Антонов, В.Ф.* Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности [Текст] // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 5—19.
3. *Антонов, Н.* Новая работа по истории Парижской коммуны 1871 г. [Текст] // Ежегодник правды. 1919. № 12. С. 29—30.
4. *Бакунин, М.А.* Исповедь и письмо Александру II [Текст]. М.: Гос. изд-во, 1921. 142 с.

5. *Батурин, Н.* Еще о цветах русского яacobинства [Текст] // Пролетарская революция. 1925. № 8. С. 97—109.
6. *Батуринский, Д.А.* Кондратьевщина на сельскохозяйственном плановом фронте [Текст]. М.: Гос. изд-во с.-х. и колхоз.-кооп. лит-ры, 1932. 112 с.
7. *Боровой, А.* Рец. на: Бакунин М.А. Исповедь и письмо Александру П. М.: Гос. изд-во, 1921 // Печать и революция. 1921. № 3. С. 202—207.
8. *Боярский, Г.* Против буржуазной идеологии. Против укрывательства кондратьевщины [Текст] // Правда. 1929. 21 нояб.
9. *Бранденбергер, Д.Л.* Национал-большевизм [Текст]: сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания, 1931—1956. СПб.: Акад. проект, 2009. 416 с.
10. *Быстрянский, В.* Отец народничества и рабочей революции [Текст] // Коммунистический Интернационал. 1919. № 4. С. 577—590.
11. *Бычков, Ю.А.* Вестники нового мира [Текст]. М.: Политиздат, 1976. 94 с.
12. *Волк, С.С.* Советская историография революционного народничества 70-х — начала 80-х [Текст] / Волк С.С., Михайлова С.Б. // Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967. Ч. 1. С. 133—160.
13. *Володин, А.И.* Наследство П.Л. Лаврова в идейной борьбе 1920-х годов [Текст] / Володин А.И., Итенберг Б.С. // Отечественная история. 1993. № 5. С. 54—74.
14. *Гамбаров, А.* В спорах о Нечаеве [Текст]. М.; Л.: Моск. рабочий, 1926. 156 с.
15. *Генкина, Э.* Товарищ Теодорович в плену у народнической методологии // Пролетарская революция. 1930. № 9. С. 157—168.
16. *Горев, Б.* Лавров и утопический социализм [Текст] // Под знаменем марксизма. 1923. № 6—7. С. 121—131.
17. *Гроссман-Роцин, И.* Сумерки великой души [Текст] // Печать и революция. 1921. № 3. С. 44—58.
18. *Данилов, В.Н.* Власть и формирование исторического сознания советского общества [Текст]: курс лекций. Саратов: Науч. книга, 2005. 192 с.
19. Деятели СССР и революционного движения России [Текст]: энциклопедический словарь Гранат. Репр. изд. М.: Сов. энциклопедия, 1989. 832 с.
20. *Жордания, Н.* Большевизм [Текст]. Берлин: Русская типография Гутнова, 1922. 96 с.
21. *Книжник, И.* Лавров П.Л. [Текст]: его жизнь и труды. Л.: Прибой, 1925. 139 с.
22. *Книжник, И.* Место П.Л. Лаврова в истории социализма [Текст] // Звезда. 1925. № 1. С. 111—123.
23. *Козьмин, Б.* История или фантастика [Текст] // Печать и революция. 1926. Кн. 6. С. 96—108.
24. Кондратьевщина [Текст]: (сборник). М.: Изд-во Комакадемии, 1930. 128 с.
25. Кондратьевщина и борьба за кадры [Текст]. [М.]: ОГИЗ — Гос. изд-во с.-х. и колхоз.-кооп. лит-ры, 1931. 112 с.
26. Кондратьевщина, чайновщина и сухановщина. Вредительство в сельском хозяйстве [Текст]. [М.]: Междунар. аграрный ин-т, 1930. 103 с.
27. *Кузьмин, Д.* К вопросу о реабилитации Нечаева [Текст] // Каторга и ссылка. 1927. № 3. С. 225—238.
28. *Кункль, А.А.* Нечаев [Текст]. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и сс.-поселенцев, 1929. 56, [3] с. (Дешевая историко-рев. б-ка. 1929 г.; № 38—39).
29. *Малаховский, В.* О юбилейном славословии [Текст] // Правда. 1929. 20 дек.
30. *Малаховский, В.* Реставрация ленинизма [Текст] // Правда. 1929. 27 дек.
31. *Мицкевич, С.* К вопросу о корнях большевизма [Текст] // Каторга и ссылка. 1925. № 3. С. 92—101.

32. *Мицкевич, С.* Русские якобинцы [Текст] // Пролетарская революция. 1923. № 6—7. С. 3—26.
33. *Н. Л—р.* Лавров о роли партии в пролетарской революции [Текст] // Молодая гвардия. 1923. № 4—5. С. 130—146.
34. О пропагандистской работе в ближайшее время: постановление Центрального Комитета ВКП (б) [Текст] // Правда. 1935. 14 июня.
35. *Отверженный, Н.* Миф о Бакунине [Текст] / Отверженный Н., Боровой А. М.: Голос труда, 1925. 187 с.
36. *Покровский, М.* Бакунин в русской революции [Текст] // Правда. 1926. 1 июля.
37. *Покровский, М.Н.* Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв. [Текст]. М.: URSS, 2009. 200 с.
38. *Покровский, М.Н.* По поводу юбилея Народной воли [Текст] // Историк-марксист. 1930. Т. 15. С. 74—85.
39. Против кондратьевщины [Текст]. М.: Молодая гвардия, 1931. 175 с.
40. *Садовский А.А.* Завершим разгром кондратьевщины [Текст]. М.; Л.: Гос. изд-во с.-х. и колхоз.-кооп. лит-ры, 1931. 179 с.
41. *Седов, М.Г.* Советская литература о теоретиках народничества [Текст] // История и историки. М.: Наука, 1965. С. 246—269.
42. *Слоим, М.* Русские предтечи большевизма [Текст]. Берлин: Русское универсальное изд-во, 1922. 64 с.
43. *Соколов, В.Ю.* История и политика [Текст]. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1990. 204 с.
44. *Стеклов, Ю.* Бакунин М.А. [Текст]: его жизнь и деятельность. М.: Книгоиздательство Т-ва И.Д. Сытина, 1920. Ч. 1. 391 с.
45. *Стеклов, Ю.* Что разделяет и сближает нас с Бакуниным [Текст] // Вестник Коммунистической академии. 1926. Кн. XVIII. С. 17—41.
46. *Татаров, И.* Попытка воскресить народничество [Текст] // Известия. 1929. 27 дек.
47. *Татаров, И.* Правооппортунистическая апология «Народной воли» [Текст] // Историк-марксист. 1930. Т. 18—19. С. 185—200.
48. *Татаров, И.* Рец. на: И.А. Теодорович. Историческое значение партии «Народной воли» М., 1930 [Текст] // Большевик. 1930. № 23—24. С. 110—119.
49. *Теодорович, И.* [Текст] // Правда. 1930. 22 нояб.
50. *Теодорович, И.* Историческое значение партии «Народной воли» [Текст] // Каторга и ссылка. 1929. № 8—9. С. 7—53.
51. *Теодорович, И.* По поводу полемики В.Н. Фигнер с Е. Колосовым [Текст] // Каторга и ссылка. 1932. № 1. С. 5—104.
52. *Теодорович, И.* Роль Н.А. Морозова в революционном прошлом [Текст] // Каторга и ссылка. 1932. № 7. С. 7—61.
53. *Теодорович, И.* Тартарен на Альпах ленинизма [Текст] // Каторга и ссылка. 1930. № 1. С. 108—127.
54. *Теодорович, И.А.* Историческая заслуга народовольчества [Текст] // *Теодорович И.А.* Историческое значение партии Народной воли. М.: Изд-во политкаторжан, 1930. 280 с.
55. *Троцкий, Н.А.* Русское революционное народничество 1870-х годов [Текст]: (история темы). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. 102 с.
56. *Худолеев А.Н.* Дискуссия о «Народной воле» на рубеже 1920—30-х годов в отечественной историографии [Текст] // Диалог со временем. М.: ЛКИ, 2008. Вып. 22. С. 217—238.
57. *Ярославский, Е.* Разгром народничества марксизмом [Текст]. 2-е, испр. изд. [М.]: Госполитиздат, 1939. 72 с.

В.С. Батченко

КРЕСТЬЯНСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА В КОНЦЕ 1920-Х — НАЧАЛЕ 1930-Х ГОДОВ: ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ БАЗЫ ДАННЫХ (на примере Западной области)

В работе описан один из этапов изучения крестьянского сопротивления антирелигиозной политике государства в 1929—1933 гг. — составление электронной базы данных в среде Microsoft Office Access 2007. В базу вошли случаи активного и пассивного протеста на территории бывшей Западной области, отраженные в региональных архивах. Задача данной публикации — представить опыт составления электронной базы как один из путей исторического исследования.

Ключевые слова: антирелигиозная политика; крестьянское сопротивление; электронная база данных; коллективизация; закрытие церквей.

Victoriya Sergeevna Batchenko

Peasant resistance to the anti-religious policy of the state in the late 1920s — early 1930s: the experience of compiling an electronic database (in the Western Region)

This paper describes one of the stages of the study of peasant resistance to the anti-religious policy of the state in the years 1929—1933 — compiling an electronic database environment Microsoft Office Access 2007. The database includes cases of active and passive protest in the former Western Region, as reflected in regional archives. The purpose of this publication — to present the experiences compiling an electronic database as a way of historical research.

Keywords: anti-religious policy; peasant resistance; electronic database; collectivization; the closing of churches.

Последние десятилетия тема церкви и так называемых «религиозных гонений» остается одной из самых востребованных среди исследователей советского периода. Рассекречивание архивных документов, смена государственного строя и даже образа мышления порождают всё новые работы историков, различные по своему научному вкладу в историографию положения религии в СССР. Так или иначе, в ней остается огромное количество «белых пятен», требующих тщательного подхода и более детального изучения.

О сопротивлении антирелигиозной политике конца 1920-х — начала 1930-х годов не принято говорить цифрами, и причин тому достаточно: утрата либо имеющая пока место засекреченность архивных документов по данной тематике, разрозненность сводок, докла-

дов и отчетов о церковных событиях того времени, невозможность количественного подхода к некоторым видам антирелигиозного сопротивления (оплакивание, слухи, распространение листовок и т.п.).

В то же время без цифр сложно строить аналитику, говорить о наличии собственно антирелигиозного сопротивления верующих, сопоставлять его с сопротивлением коллективизации и раскулачиванию. Судить о протесте закрытию храмов по отдельным фактам невозможно, нужна четкая структура фактологического материала.

На базе программного пакета *Microsoft Office* нами предпринята попытка составить базу данных в приложении *Microsoft Office Access 2007*, отвечающую основным запросам исследования.

База состоит из трех таблиц: «Активный протест», «Пассивный протест» и «Книга учета церквей Смоленской области». Все таблицы объединены между собой по территориальному признаку (данные о церквях и протестах, связанных с их закрытием, собраны только по Западной области), а также по хронологическому (в силу задач, поставленных в исследовании, нас интересуют события 1929—1933 гг.). Но в плане хронологии в базе сделаны исключения в таблице «Книга учета церквей Смоленской области», т.к. в нее записаны все церкви области, а они были закрыты как раньше, так и позже указанных дат, что не является основанием не включать сведения о них в базу.

При составлении электронной базы данных режим таблицы оказался наиболее удобным из возможных вариантов в *Microsoft Office Access 2007* (среди других вариантов существуют режимы сводной таблицы, диаграммы, конструктора), так как представляет собой простое создание полей и их заполнение.

Наименования полей и их количество зависели от степени информативности архивных документов, с которыми велась работа (информационные сводки, обвинительные заключения, докладные записки). Отсюда в двух первых таблицах примерно одинаковые наименования полей. Рассмотрим их по порядку.

Графа «Дата» составлена преимущественно в формате дат «ДД.ММ.ГГГГ», за исключением случаев, когда в донесении дата точно не определена. Например, в информационной сводке № 2 прокурору Западной области «О ходе весенней сельскохозяйственной кампании» сообщалось, что в с. Щигры предположительно в январе 1930 г. около 70 мужчин и женщин «с криками “не дадим закрывать церковь”» остановили снятие колоколов [3А, л. 38]. Или другой случай — в информационной сводке № 1 прокурору республики сообщалось, что в д. Корсики Ершицкого района в день крестного хода собралась толпа около 3000 человек в защиту попа, которому «председатель с/совета предъявил требование уплатить не-

Дата	Округ	Район	Деревня/село	Выда протеста	Мотивация закрыт	Ход закрытия	Обстоятельства
	Клинцовский???		деревня "Ралф"	устный протест группы работников			кричали: "Сперва сами церковь закройте, а теперь приходите нас"
июнь 1929	Вяземский	Гжатский	дер. Мышалки	агитация			председатель церковного совета агитировал против советской власти
начало 1929	Великолукский	Осташковский	дер. Соосицы	контрреволюционная агитация			священник Зеленецкий агитировал против сов. власти
весна-лето 1930	Вяземский	Издешковский	Хмельниковский с/с	группировка, контрреволюционная агитация пола против советской власти			в основном, угрозы, слухи, агитация (много примеров)
с конца 1929 года	Вяземский	Вяземский	с. Жилино	н/р деятельность пола			серия актов агитации
конец 1929-начало 1930	Вяземский	Бухаринский	пос. Полотный завод	группировка, контрреволюционная агитация пола против советской власти			серия актов агитации, слухи-примеры
21.12.1929	Сушинский	Мещевский	??	агитация священником			священник вел агитацию по

Рис. 1. Общий вид электронной базы данных. Фрагмент таблицы «Пассивный протест»

медленно 500 рублей на самообложение» [4А, л. 5]. Когда документ не содержит четкой даты, в базу заносится формулировка из источника, как например, «предположительно январь 1930», «день крестного хода».

Редко встречаются точные формулировки дат при составлении таблицы «Пассивный протест». Объясняется это тем, что при описании контрреволюционной деятельности или агитации сложно установить точные даты, так как эти процессы не односложные, часто протекавшие в течение нескольких месяцев. Соответственно, в поле заносятся все имеющиеся данные, например, «начало 1929», или «весна — лето 1930».

Далее следуют поля «Округ», «Район» и «Деревня/село», наличие которых обязательно во всех таблицах базы. Графа «Округ» актуальна лишь для событий, произошедших до июля — августа 1930 г., когда все округа в краях и областях были отменены и остались только районы, в том числе и в Западной области.

Иногда документы не содержат наименования села, но есть названия церкви, при которой произошло выражение протеста, или указание на фабрику, где рабочие возмущались церковной политикой во время очередного собрания. Так, например, в докладной записке прокурору республики «Искривления и перегибы при проведении коллективизации» сообщалось об устном протесте группы работниц фабрики «Ралф» в Клинцовском округе, которые кричали: «Сперва сами церковь закрыли, а теперь приходите нас уговаривать; никакие решения рабочими о закрытии церквей не выносились» [4А, л. 24]. Или в другом документе — обвинительном заключении по делу контрреволюцион-

ной группировки попа — записано лишь, что деятельность их проводилась на территории Хмельниковского сельсовета Издешковского района Вяземского округа, и в основном, это были угрозы, слухи, агитация (много примеров из разных населенных пунктов) [6А, л. 256—259].

Графы «Количество участников» и «Состав» есть только в таблице «Активный протест», так как эти данные встречаются в источниках, когда речь идет об активных действиях верующих и сочувствующих им. Поле «Количество участников» демонстрирует количественный разброс и различие в видах выступлений. Данные разнятся: от двух участников (разногласия отца и сына на почве закрытия церкви в д. Лысково Краснинского района, вылившиеся в судебное разбирательство) [5А, л. 15] до выступлений двух-трех тысяч человек. Например, в с. Глыбочки Шаблыкинского района 26 января 1930 г., когда около двух тысяч верующих с разных населенных пунктов съехались на службу в день запланированного закрытия церкви и сорвали таковое, забросав камнями инициативную группу во главе с председателем сельсовета [1А, л. 55].

Часто в документах использовался термин «толпа» при описании количества собравшихся верующих: «толпа верующих», «толпа крестьян во главе с церковниками» [3А, л. 38; 1А, л. 55] и т.п. Конечно, толпой можно назвать 30 и 300 человек, — всё зависит от восприятия свидетеля, но наличие такого определения все-таки подразумевает некоторую массовость и стихийность события.

В поле «Состав» данные об участниках делятся по двум признакам — половозрастные и классовые. Из половозрастных различий встречаются определения: «женщины», «мужчины», «старика-мужчины», «дети», «преимущественно женщины», «отец и сын»; из классовых — «крестьяне», «женщины всех прослоек» (что можно также отнести и к половозрастным), «лишенец», «бедняки», «церковники и кулаки». С помощью анализа состава участников выступлений можно выявить гендерную специфику выступлений (например, преобладание или, наоборот, неявное выражение так называемых «бабьих бунтов», разброс их по районам), классовый разброс участников и порой даже внутрисемейные конфликты.

На этом заканчиваются поля, присущие только таблице «Активный протест», — все последующие встречаются также в таблице «Пассивный протест».

Все встречающиеся в документах виды активного протеста условно можно разделить на три группы: массовые выступления, мелкие беспорядки и драки/побои. Массовые выступления, судя по донесениям, чаще сводились к «бабьим бунтам», так как принимали участие в них женщины (встречаются формулировки «массовое выступление женщин всех прослоек на почве закрытия церкви», «массовое вы-

Дата	Обл.	Район	Деревня/село	Количество участников	Состав	Виды протеста	Мотивация закрытия	Ход закрытия	Обс.
26.01.1930	Брянский	Шабалинский	с. Глыбочки	2000	старшие-мужчины, женщины, дети	верующие сорвали закрытие церкви			с разв. съеза, на слуш. перед
07.01.1930	Смоленский		с. Дубосице		толпа верующих	нападение на Секретаря парт. ячейки			нанес/голове
07.04.1930	Брянский	Беложичский	с. Большое-Полдино		женщины	избиение			рядом горел не пок. избиен
23.03.1930	Брянский		с. Слободиче		толпа женщины	сорвали собрание, вернули колокол			сорвал чистые требы колоко-
29.03.1930	Брянский		г. Карачев		толпа				церковь была закрыта, начали разбирать следую. пров.
07.04.1930		Ельнинский	с. Мароттино	500 человек	крестьяне, русскоязычные церковниками и вулканами	угрозы			толпа. Благое же дел. месячи

Рис. 2. Фрагмент таблицы «Активный протест»

ступление женщин на почве снятия колоколов»), либо указывали просто — «массовое выступление крестьян» [напр.: 5А, л. 454—455; 2А, л. 121, 122]. К мелким беспорядкам относились угрозы, срыв собраний, совещаний по вопросам закрытия церквей, хождение с криками по селу и др. [напр.: 1А, л. 54; 5А, л. 660; 7А, л. 32—33, 31]. Среди побоев и драк чаще встречаются случаи избиения представителей местной власти [напр.: 4А, л. 4; 1А, л. 55—56; 2А, л. 121; 7А, л. 24], реже случаи мести за закрытие церкви, выяснения отношений между членами одной семьи по тем же причинам, дошедшие до судебного разбирательства, и т.п. [напр.: 5А, л. 780 с об., 15].

Из видов пассивного протеста также возможно выделить три группы: устный протест (обычно выражался на собраниях при обсуждении вопросов закрытия молитвенных зданий, где и фиксировался уполномоченными в докладные записки и информационные сводки), контрреволюционная агитация (к таковой относилось практически всё — от неосторожных рассуждений до, что чаще, проповеди священника) и жалобы. Жалобы были письменные, писали их уполномоченные от религиозных объединений, лишенных своих молитвенных зданий, в различные инстанции — от районных исполкомов и прокуратур до ВЦИКа и лично тт. Калинина и Сталина.

Так выглядят поля «Виды протеста» в первых двух таблицах электронной базы. Следующие три графы — «Мотивация закрытия церкви», «Ход закрытия», «Обстоятельства» — раскрывают суть событий, описанных в архивных источниках. К мотивации закрытия мы относим формальный или неформальный повод ликвидации здания, будь

Виды протеста	Обстоятельства	Арест	Архивный паспорт	Наименование документа
Мотивация закрытия - Ход закрытия - толя с требованиями	"раздать семфонд из церкви и открыть последнюю"	расследованы в ведение ОГПУ	ГАСО. Ф.2683. Оп.1. Д.14. Л.659.	Прокура Западной области от прокурора Клинецкого
ходили с криками по селу, избили безбожницу			ГАСО. Ф.2683. Оп.1. Д.14. Л.660.	
драка	драка на почве места за закрытие церкви	судебное разбирательство	ГАСО. Ф.2683. Оп.1. Д.14. Л.780 (с об.)	Обвинительное заключение
протест против закрытия церкви	заявления об угрожаемой опасности	в воскресенье после службы комиссия из председателей	ГАСО. Ф.2683. Оп.1. Д.17. Л.4.	Информационная сводка №1 прокуратуры области.
требовали снять с совещания вопрос о закрытии церкви	закрытие церкви и снятие колоколов		ГАСО. Ф.2683. Оп.1. Д.17. Л.4об.	Информационная сводка №1 прокуратуры области.
погон		"убили председателя с/с и члены Песоченского РИКА на почве снятия	ГАНИСО. Ф.5. Оп.1 Д.559. Л.121.	Инф.сводка
выступилие женщины		"выступилие женщины	ГАНИСО. Ф.5. Оп.1 Д.559. Л.121.	Инф.сводка

Рис. 3. Фрагмент таблицы «Пассивный протест» (окончание таблицы)

то «постановление колхозников-бедноты и общего собрания граждан» [3А, л. 38; 1А, л. 55], либо закрытие церкви никем не было санкционировано [5А, л. 373 об.—374, 552]; ход закрытия показывает действия обеих сторон, а в обстоятельства попадают дополнительные описания событий, если документ ими располагает. Если описываемые происшествия влекли за собой аресты и даже судебные разбирательства — данные сведения нами отнесены к полю «Аресты».

Что немаловажно, к каждой позиции прикреплен свой архивный паспорт с указанием архива, в котором хранится источник, фонда, номера описи, дела и листов, а также наименование документа (чаще это информационные сводки прокуратуры области и республики, докладные записки, информационные бюллетени Облпрокуратуры, обвинительные заключения).

При составлении базы отбирается материал из фондов Государственного архива Смоленской области и Государственного архива новейшей истории Смоленской области. В данный момент база находится в стадии активной разработки, прорабатываются документы Западной областной прокуратуры (ГАСО, ф. 2683), Западного областного исполнительного комитета (ГАСО, ф. 2360) и Западного областного комитета ВКП (б) (ГАНИСО, ф. 5). В сумме, это около тысячи дел. В дальнейшем планируется подключить материал Государственного архива Брянской области, Центра документации новейшей истории Брянской области, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории.

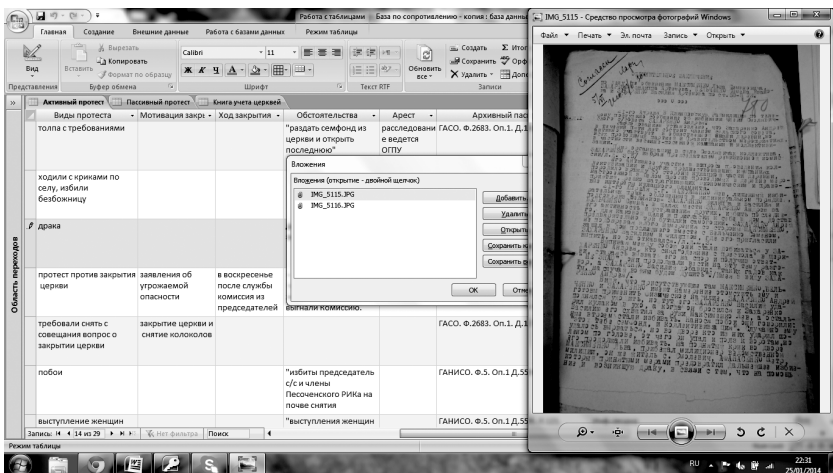

Рис. 4. Общий вид электронной базы данных. Вложения

Пока характер документов, подвергшихся изучению, обусловлен спецификой региональных архивов — это либо донесения из районных управ (например, районный исполнительный комитет, районная или окружная прокуратура и т.д.), либо, наоборот, документы, разосланные из столичных ведомств по провинциальным (директивы, решения, обвинительные заключения).

Чтобы как можно полнее донести отраженную в документе информацию, источник разбивается на части, соответствующие полям в базе. С целью сохранить первоначальное изложение источника, в базе было создано отдельное поле «Вложения», в котором к каждой записи прикреплены цифровые копии документов (при наличии таковых), позволяющие при необходимости обратиться к оригиналу. Важный технический момент — все прикрепленные копии хранятся в самой базе, что, с одной стороны, делает ее тяжелее в цифровом плане, но, с другой стороны, позволяет базе существовать автономно, не привязывает ее к общему массиву цифровых копий архивных документов исследователя, что облегчает саму работу с ней. Общий объем таких вложений, как и объем базы данных *Microsoft Office Access 2007*, не должен превышать 2 Гб. Это дало возможность создать свой тематический цифровой каталог документов, отвечающий задачам исследования.

Четвертая таблица представляет собой Книгу учета церквей. Книга учета церквей составлена в декабре 1938 г. комиссией по религиозным вопросам Смоленской области. Она хранится в Государственном архиве Смоленской области, фонд 2361, опись 1, дело 67, объемом 109 листов рукописного текста. К сожалению, в книге описана судьба

		14. Духовенство			
1	село Кубарово	Закрыта, постановление от 11/10-1938 об этом	—	—	22 погостный храм
2	г. Вуховичи, Рязановская	—	Второй с 1925г.	—	—
3	г. Вуховичи, Вуховский	Закрыта в 1930г.	—	—	погостный обывачный
4	г. Вуховичи, сотвор	Закрыта постанов. Облисполкома в 1929г.	—	—	погостный обывачный.
5	г. Вуховичи, Мозельский	Закрыта постанов. облиспол. в 1925г.	—	—	Месторечный м.т.с.
6	г. Вуховичи, Вуховский	—	не закрыта	—	—
7	село Башковичи	Закрыта постанов. Облисполкома в 1938г.	1938 1912	—	Мезокожарский храм
8	село Бришково	постан. в 6/11/1937г.	—	—	Мезокожарский храм
9	село Архисавельо	постан. в 10/12/1930г.	—	—	погостный
10	село Бояк, Ульи	закрыта в 1935г.	—	—	Мезокожарский храм
11	село Стан, Ульи	закрыта постанов. в 1908-08г.	—	—	Как ветхий славянский
12	село Н.Вуховичи	постан. в 6/11/1937г.	—	—	Мезокожарский храм
13	село Вуховичи, Килеминский	постан. в 10/12/1937г.	—	—	погостный
14	село Вуховичи, Вуховский	—	Второй с 1909г.	—	—
15	село Пашово	Закрыта, постановление Облисполкома в 1938г.	1930-37г.	—	погостный

Рис. 5. Книга учета церквей Смоленской области. Фрагмент оригинала

только тех храмов, которые входили в состав Смоленской области по состоянию на 1938 г. (в 1937 г. Курская и Западная области были преобразованы в Смоленскую, Курскую и Орловскую). Поэтому она не дает данных обо всех интересующих нас храмах, но является важным источником по судьбе остальных и важным дополнением в общую базу.

Сама книга составлена следующим образом. Вся информация в ней разбита по районам (всего учтено 53 района). Материал структурирован в таблицу из шести граф, которые были взяты за основу при составлении одноименной таблицы в базе данных. В источнике это были графы: 1) номер по порядку; 2) в каких населенных пунктах района имелись молитвенные здания (церкви, синагоги, костелы и т.д.); название церкви и села, где они находились; 3) закрытые постановлением Облисполкома; 4) незакрытые постановлением Облисполкома; 5) действующие церкви в настоящее время; 6) под что использовалось здание закрытой церкви, если не использовалось — причина неиспользования.

В электронной базе эти поля выглядят следующим образом: «Город», «Село», «Деревня» (естественно, в каждом отдельном случае занята только одна из трех позиций), «Название церкви» (если есть), «Район», «Направление церкви» (если есть; в книге встречаются три направления — старообрядческое, обновленческое, тихоновское), «Дата закрытия» (встречаются полные даты, либо просто указание года, либо пометки «закрыта»/«не закрыта»/«действует»), «Постановление» (вносится номер и орган, вынесший постановление о закрытии церкви; это помогает определить, насколько далеко зашел вопрос о функционировании или ликвидации молитвенного здания), «Как использовалась церковь» (указано, с какими целями использовалось здание после

Город	Село	Деревня	Название церкви	Район	Направление церквей	Дата закрытия	Постановление	Как использовалась	Примечания	
	Клетки			Всходский			не закрыта		переоборудована под клуб	Клетковский с/с
	Мелятино			Всходский		13.07.1938	Облн №1242	не используется за отсутствием средств		Мелятинский с/с
	Мытшино			Всходский		04.12.1940	№3527	под мастерские МТИ		Мытшинский с/с
	Городечин??			Всходский		1937	№1846/53			
	Глотова			Всходский			не закрыта			Осельский с/с
	Пустоши			Всходский			закрыта	не используется за неимением средств		Пустошинский с/с
Вельма		Веденская		Вяземский		1938	№1119	нижний этаж под музей, верхний - под н/к школу		ул.Ларкинской Коммуны, 1541 - под краеведческий музей
Вельма		Троицкая		Вяземский		19.09.1939	№2026	под клуб		ул.Кронштадтская
Вельма		Кладбищенская		Вяземский			закрыта	снята		Дмитрова гора

Рис. 6. Общий вид таблицы «Книга учета церквей»

его ликвидации как молитвенного здания, либо было разобрано, либо не использовалось). Последняя графа «Примечания» — в нее чаще других занесены пометки и исправления из источника (например, постановления, датированные уже 1940, 1941 гг., т.е. после составления самой книги, или исправлены цели, на которые было направлено использование здания) либо уточнения, будь то указание сельсовета, на территории которого располагалась церковь, или точный адрес ее месторасположения, если речь шла о городской церкви. Таким образом, удалось унифицировать весь материал, сосредоточенный в документе.

Необходимость столь скрупулезной компьютерной обработки информации обусловлена тем, что архивные документы располагают, в основном, лишь разбросанным материалом. Крайне редко встречаются сводные данные о количестве выступлений и жалоб по церковной тематике. Благодаря современным компьютерным технологиям все архивные данные можно свести в один большой каталог, включающий в себя несколько таблиц различных типов и тематик, связанных между собой в единую базу данных.

Унификация архивного материала — главная задача при составлении базы данных. Зачастую информация об одном и том же случае сопротивления дублируется в нескольких документах, делах, фондах. При помощи объединения всех случаев в одну базу, проблема повтора исключена, во-первых, а во-вторых, информация о том или ином случае пополняется благодаря разнице источников. Так, например, сразу в нескольких документах проходят сообщения о массовых волнениях в с. Белоголовом Жуковского района Брянского

округа Западной области в период с 13 по 21 января 1930 г. [4А, л. 2; 5А, л. 66]. Местные власти, «не проведя глубокой массовой работы... приступили к снятию колоколов», что в итоге вызвало выступления порядка 300—400 человек, аресты, следствие [4А, л. 2].

В историографии церковного вопроса конца 1920-х — начала 1930-х годов наметилась дискуссия на тему наличия активных и пассивных форм крестьянского сопротивления антирелигиозной политике. Одни исследователи считают, что возможно существование активных и пассивных форм сопротивления [1; 4; 5], другие утверждают, что сопротивление верующих было исключительно пассивным [2; 3].

Проработка данного вопроса на примере Западной области дает возможность согласиться с вариантом наличия и тех, и других форм протеста. В дальнейшем, при окончании пополнения базы данных, возможен подсчет и составление графиков всплесков активных и пассивных форм сопротивления.

Благодаря возможности свести все данные из архивных документов, можно создать статистику и посчитать акты сопротивления, в общем, по области за конкретные промежутки времени либо, в частности, по различным параметрам. Можно объединить их по территориальному признаку (выступления в конкретных округах Западной области, районах, городах, селах), хронологическому (количество выступлений в определенный период времени — год, месяц), создать статистику по количественному и качественному составу участников выступлений. На примере Западной области такой работы еще не проводилось.

- 1А. ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 256.
- 2А. ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 559.
- 3А. ГАСО. Ф. 2683. Оп. 1. Д. 4.
- 4А. ГАСО. Ф. 2683. Оп. 1. Д. 10.
- 5А. ГАСО. Ф. 2683. Оп. 1. Д. 14.
- 6А. ГАСО. Ф. 2683. Оп. 1. Д. 15.
- 7А. ГАСО. Ф. 2683. Оп. 1. Д. 18.

1. *Бакаев, Ю.Н.* Власть и религия [Текст]: история отношений (1917—1941). Хабаровск: Изд-во Хабаровск. гос. техн. ун-та, 2002. 199 с.
2. *Бердинских, В.А.* Крестьянская цивилизация в России [Текст]. М.: Аграф, 2001. 432 с.
3. *Беспарточный, Б.Д.* Культура и власть [Текст]: из рассекреченных архивов ВЧК-ОГПУ-НКВД / Беспарточный Б.Д., Ильина З.Д., Карнаевич В.Г. Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 1999. 235 с.
4. *Грациози, А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне, 1917—1933 [Текст]. М.: РОССПЭН, 2008. 136 с.
5. *Климин, И.И.* Российское крестьянство накануне «великого перелома» (1928—1929) [Текст]. СПб.: ВВМ, 2010. 400 с.

**ПОБУЖДЕНИЕ ИЛИ ПРИНУЖДЕНИЕ?:
ПРОБЛЕМА МОРАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ ТРУДОВОЙ
МОТИВАЦИИ СОВЕТСКИХ РАБОЧИХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ 90-Х ГОДОВ XX — НАЧАЛА XXI В.**

В статье рассматривается зарождение и развитие современной отечественной историографии изучения моральной основы трудового поведения советских рабочих в годы войны. Основное внимание уделяется анализу трех этапов ее эволюции с начала 1990-х годов до наших дней, в частности показано изменение историографических оценок роли побуждения и принуждения в формировании мотивации труда гражданского населения, в том числе рабочих. Автор делает вывод о том, что за последние два десятилетия российская историография эволюционировала от наличия диаметрально противоположных позиций (на первом месте — принуждение или побуждение) к более сложной и неоднозначной интерпретации сочетания и соотношения моральных факторов трудовой мотивации с выделением более или менее действенных из них. Ключевые слова: Великая Отечественная война; трудовая мотивация; моральные факторы; советские рабочие.

Roman E. Romanov

Inducement or coercion?: Problem of moral factors of labour motivation of soviet workers during Great Patriotic war in Russian historiography, 1990^s — 2000^s

The article examines the emergence and development of modern historical study of the moral foundations of labor behavior of Soviet workers during the war. Focuses on the analysis of the three stages of its evolution since the beginning of the 1990^s to the present day. In particular, we show the change historiographical assessments of the role of motivation and coercion in shaping the motivation of the civilian population, including the workers. The author concludes that in the last two decades of Russian historiography has evolved from having diametrically opposite positions (in the first place — coercion or inducement) to a more complex and ambiguous interpretation of a combination of factors and relations of moral motivation to work with the release of more or less efficient ones.

Keywords: Great Patriotic War; work motivation; moral factors; the Soviet workers.

В связи с кардинальными общественно-политическими переменами, происшедшими в нашей стране в конце 1980-х — начале 1990-х годов, исследование многих актуальных проблем новейшей

отечественной истории по сравнению с предшествующей советской историографией получило принципиально новое направление. Одной из таких проблем является история труда, которая превратилась в площадку для дискуссий, посвященных анализу и переосмыслению опыта использования людских ресурсов в экономике дореволюционной России и СССР. В частности отдельное внимание стало уделяться изучению вопроса об отношении работников к трудовой деятельности, обусловленном конкретными условиями той или иной исторической эпохи. Так, значительный интерес у исследователей вызывает феномен сверхинтенсивного труда советских людей в годы Великой Отечественной войны, ставшего экономической базой Победы. Данный интерес связан с падением роли материально-экономических стимулов и зависимостью трудовой мотивации населения, прежде всего, от морального воздействия на него таких противоречивых факторов, как побуждение и принуждение к работе. Наиболее актуальным представляется изучение этого аспекта в русле отечественной историографии «рабочей истории» 90-х годов XX — начала XXI в. Выбор объекта историографического исследования обусловлен тем, что во многом благодаря героическим усилиям рабочих военная экономика СССР выполнила главную задачу — обеспечила фронт нужным количеством вооружения и боеприпасов.

К настоящему времени наиболее развернуто и полно вклад современных российских исследователей в изучение проблемы мотивации труда в годы войны показан лишь в первой главе монографии В.А. Сомова [22]. В ней детально проанализирована степень изученности данного вопроса на шести этапах развития отечественной историографии. По мнению автора, последние два этапа (1991—1995 гг. и с 1995 г. до наших дней) отражают динамику постсоветской историографической ситуации — от повышения научного интереса в основном к негативным фактам и явлениям к более взвешенной оценке событий и процессов военного времени. В целом В.А. Сомов проанализировал широкий круг разноплановых работ, в которых были выявлены и охарактеризованы те или иные мотивы трудовой деятельности гражданского населения (в том числе рабочих) в первой половине 1940-х годов. При этом он отметил, что вопрос о главной мотивационной составляющей конструктивного поведения граждан в тылу по-прежнему остается открытым в новейшей российской историографии. Учитывая этот вывод, попытаемся выявить основные тенденции в исследовании проблемы моральных факторов трудовой мотивации советских рабочих в годы войны, получившие развитие в отечественной исторической науке в 90-е годы XX — начале XXI в.

Переходя к анализу современной историографии данного вопроса, следует обратить внимание на ее периодизацию. С точки зрения автора статьи основным критерием этой периодизации является степень изученности моральных аспектов мотивации труда военного времени с учетом изменения исследовательского интереса к «рабочей истории». В соответствии с этим критерием в изучении данной темы можно выделить три этапа:

— 1991—1997/98 г. — выявление и анализ моральных факторов трудовой мотивации в контексте изучения других проблем истории Великой Отечественной войны на фоне снижения исследовательского интереса к «рабочей истории».

— 1997/98—2008 г. — начало изучения моральных факторов трудовой мотивации военного времени на предприятиях в условиях возрастания исследовательского интереса к «рабочей истории»; анализ моральных трудовых мотивов в контексте исследования других проблем истории войны.

— С 2008 г. — начало фундаментального изучения проблемы моральных факторов трудовой мотивации населения на уровне отдельных крупных регионов России в 1941—1945 гг. при сохранении высокого исследовательского интереса к «рабочей истории»; анализ моральных стимулов к труду в рамках других проблем истории Великой Отечественной войны.

ПЕРВЫЙ ЭТАП (1991—1997/98 г.)

Следует отметить, что отход от позиций советской историографии, для которой в целом характерен акцент на изучение позитивных аспектов трудового поведения рабочих в годы войны, был инициирован отдельными исследователями еще в конце 1980-х годов. В это время началось переосмысление значения нормативно-правовых актов, составлявших основу трудового законодательства СССР в конце 1930-х — первой половине 1940-х годов [28]. В частности подчеркивался сугубо внешний характер воздействия на работников чрезвычайных указов Президиума Верховного Совета от 26 июня 1940 г.* и 26 декабря 1941 г.**, не создававших у них внутренних сти-

* Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений».

** Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих за самовольный уход (дезертирство) с предприятий военной промышленности».

мулов к труду. В результате впервые в центре внимания оказались преимущественно административно-правовые и репрессивные методы регулирования трудовой мотивации населения, вовлекавшегося в общественное производство. В начале — середине 1990-х годов данный тренд в историографии заметно усилился, что было связано с изучением мобилизационной политики советского государства [8], функционирования местных чрезвычайных органов управления [3] в годы войны. В частности была подробно освещена деятельность Государственного Комитета Обороны (ГКО) (П.Н. Кнышевский) по мобилизации трудовых ресурсов и их закреплению в отраслях военной экономики за счет уголовного преследования нарушителей дисциплины, а также городских ГКО (В.Н. Данилов) по решению военно-политических, хозяйственных и других задач, связанных с защитой страны от фашистской агрессии. По мнению авторов, широко применяемые государством способы принуждения различных категорий граждан, в том числе рабочих, к выполнению этих задач являлись для них основным мотивирующим фактором, а способы побуждения (например, агитация и пропаганда) — второстепенным.

В середине 1990-х годов в качестве противовеса этой тенденции в историографии зародилось одно из новых направлений исследования истории Великой Отечественной войны, связанное с реконструкцией массового сознания в первой половине 1940-х годов (Ю. Поляков, Н.Д. Козлов) [9, 16]. Началось изучение условий и механизмов формирования умонастроений советских людей, переживших тяжелый военный период. В частности были выявлены побудительные моральные факторы, прямо или косвенно способствовавшие усилению их трудовой мотивации. Самоотверженный труд в тылу рассматривался как психологический феномен, производный от внутреннего духовного потенциала народа. Роль же государства сводилась к активному стимулированию этого потенциала с помощью широкого набора методов социальной мобилизации — от пропаганды до репрессий.

Следовательно, в начале — середине 90-х годов XX в. анализ моральных факторов трудовой мотивации населения в годы войны осуществлялся в контексте изучения государственной политики и общественного сознания. Однако этот вопрос не получил глубокого освещения в рамках «рабочей истории», переживавшей в постсоветской России методологический кризис. В то же время диверсификация методологии открыла новые возможности для научного поиска.

ВТОРОЙ ЭТАП (1997/98 — 2008 гг.)

Важной вехой в развитии постсоветской историографии социально-трудовых отношений в дореволюционной России и СССР стало начало издания Институтом российской истории РАН двух ежегодников — «Социальная история» (с 1997 г.) и «Экономическая история» (с 1998 г.), а также реализации российско-голландского исследовательского проекта «Эволюция мотивации труда в российской промышленности, 1861—2000 гг.» (1999—2002 гг.). Данные события, способствовавшие постепенной реанимации «рабочей истории» на основе поиска новых методологических подходов, привели к появлению исследований, посвященных анализу эволюции дореволюционной и советской трудовой этики [12; 26; 27], мотивации труда (включая стимулы к работе) на крупных предприятиях экономического центра страны [5; 11], изменения ее факторов в более хронологически сжатые периоды [25]. Применительно к концу 1930-х — первой половине 1940-х годов их авторы сделали вывод об увеличении роли принуждения в регулировании трудового поведения рабочих, связанного с действием чрезвычайных указов, при широком использовании побудительных стимулов. При этом признавалась зависимость сочетания позитивного и негативного морального стимулирования от хода войны (А.М. Маркевич, А.К. Соколов), низкая эффективность применяемых административных и уголовных санкций (С.И. Тогоева), наибольшая действенность «опоры на сознательность» (В.С. Тяжелникова).

В начале XXI в. в отечественной исторической науке началось непосредственное изучение трудовой политики государства и ее влияния на отношение советских людей к выполняемой работе в военные годы (В.А. Сомов) [22; 23]. В данном случае была осуществлена детальная характеристика законодательства о труде, а также его анализ в качестве одного из мотивационных факторов поведения работников. Отмечалось, что, несмотря на ключевое значение административно-правовых мер в активизации трудовой мотивации в условиях войны, они являлись лишь частью более вариативной системы внеэкономического стимулирования трудящихся.

Наряду с самостоятельным исследованием, моральные факторы мотивации труда реконструировались в контексте изучения истории советского тыла [2], развития системы государственного управления [4, 29], индустриального базиса народного хозяйства [15], рабочего класса [24], массового сознания [1; 6; 10] военного времени. Стоит подчеркнуть, что в отличие от российской историографии начала — середины 1990-х годов в более поздних исследованиях сочетание методов побуждения и принуждения к работе, использовавшихся в

годы войны, было показано более сбалансированно. При этом многие авторы придерживались точки зрения, согласно которой основную роль в усилении мотивации труда сыграла совокупность побудительных стимулов (от менталитета народа до государственной пропаганды).

Следовательно, в период с конца 1990-х до конца 2000-х годов анализ моральных факторов трудовой мотивации населения, в том числе рабочих, в годы войны осуществлялся в рамках различных сюжетов социальной, экономической и политической истории тыла. В частности значительный импульс изучение данной темы получило в русле «рабочей истории» и истории социально-трудовых отношений, ставших основными сферами ее апробации. Одновременно широкий диапазон научного поиска способствовал получению новых исследовательских результатов, позволявших более взвешенно оценить психологические аспекты трудового подвига советских людей.

ТРЕТИЙ ЭТАП (с 2008 г.)

Начало нового и продолжающегося в настоящее время этапа в изучении моральных аспектов трудового поведения населения в годы войны связано с появлением первых в новейшей отечественной историографии фундаментальных исследований по данной проблематике. Речь идет о монографии и докторской диссертации В.А. Сомова [21; 22], посвященных скрупулезному анализу комплекса внеэкономических факторов мотивации труда в Волго-Вятском регионе в 1941—1945 гг. Эти факторы разделены автором на три группы: политико-правовые (трудовое законодательство, политический контроль), информационно-идеологические (информационно-идеологический контроль, распространение слухов и информации религиозного содержания, письма с фронта), морально-психологические (эмоция-шок и внешняя угроза, коллективная ответственность и чувство долга, восприятия образа И.В. Сталина). Последовательно реконструируя влияние данных факторов на трудовую мотивацию, В.А. Сомов выявил характер и эффективность их морального воздействия на различные категории тружеников тыла, включая рабочих. С точки зрения исследователя политико-правовые (в том числе репрессивные) методы стимулирования в целом усиливали мотивационную основу конструктивного поведения работников. При этом принудительные меры непосредственно распространялись только на нарушителей закона, которыми потенциально могли стать все трудящиеся. Более существенное значение для фор-

мирования положительного отношения к труду, по мнению В.А. Сомова, имели официальные каналы подачи информации, письма фронтовиков, а также различные элементы морально-психологической атмосферы военного времени. В целом они активизировали внутренний духовный потенциал народа, работавшего в интересах обороны страны. С позиции автора, решающую роль в мобилизации этого потенциала сыграло государство, сумевшее сформировать в массовом сознании граждан необходимость всеобщей борьбы с фашизмом вопреки тяготам и лишениям военного времени.

Кроме выхода работ В.А. Сомова, стоит отметить косвенное рассмотрение вопроса о моральной стороне мотивации труда в первой половине 1940-х годов в исследованиях, посвященных изучению формирования и использования людского потенциала в годы Второй мировой войны (В.А. Исупов) [7], репрессивной политики советского государства в восточных районах страны [14], в том числе в сфере трудовых отношений (С.А. Папков) [13]. В частности были детально показаны общегосударственные меры по мобилизации и закреплению кадров, поддержанию дисциплины среди рабочих и служащих за счет уголовного преследования ее нарушителей. В целом особенностью этих работ является акцент их авторов на анализе привлечения людских ресурсов к производственной деятельности с помощью административно-правовых, в том числе репрессивных, методов.

Еще одной характерной чертой новейшей российской историографии стало изучение роли побуждения и принуждения в регулировании трудового поведения рабочей молодежи Сибири в годы Великой Отечественной войны (Р.Е. Романов [17—20]). В данном случае в качестве наиболее действенных моральных факторов рассматривались агитационно-пропагандистская и воспитательная работа, проводимая в отношении юношей и девушек со стороны партийных, комсомольских организаций и кадровых производственников. Кроме того, показано противоречивое влияние традиционной этики труда на отношение молодых рабочих оборонных заводов к производственной деятельности. Речь идет о высокой роли крестьянского менталитета как в формировании психологии их трудового подвижничества, так и массового нарушения заводской дисциплины.

Следовательно, в конце 2000-х — начале 2010-х годов моральные факторы трудовой мотивации населения, в том числе рабочих, в годы войны не только анализировались в контексте других проблем истории крупных тыловых регионов страны, но и стали предметом самостоятельного исследования. При этом данная тематика продолжает занимать определенную нишу в рамках «рабочей истории». Что касается исследовательских результатов в изучении конкретно-

исторических аспектов психологии трудового поведения работников военного времени, то они свидетельствуют о сохранении уже сложившихся в отечественной исторической науке тенденций — преимущественно сбалансированной или более односторонней оценки данного явления.

Таким образом, за последние два десятилетия российская историография проблемы моральных факторов трудовой мотивации населения, в том числе рабочих, в годы войны эволюционировала от наличия диаметрально противоположных позиций (на первом месте — принуждение или побуждение) к более сложной и неоднозначной интерпретации сочетания и соотношения данных факторов с выделением более или менее действенных из них. В связи с этим точка зрения В.А. Сомова о сохранении дискуссионности вопроса о главном компоненте мотивации труда в условиях военного времени остается актуальной и в контексте «рабочей истории».

1. *Андрюченко, М.В.* Население Ставропольского края в годы Великой Отечественной войны: оценка поведенческих мотивов: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Пятигорск, 2005. 171 с.
2. Великая Отечественная война, 1941—1945 [Текст]: военно-исторические очерки: в 4 кн. М.: Наука, 1999. Кн. 4: Народ и война. 368 с.
3. *Данилов, В.Н.* Война и власть [Текст]: чрезвычайные органы регионов России в годы Великой Отечественной войны. Саратов: Поволж. фил. Рос. учеб. Центра, 1996. 391 с.
4. *Данилов, В.Н.* Советское государство в Великой Отечественной войне [Текст]: феномен чрезвычайных органов власти 1941—1945 гг. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002. 396 с.
5. *Журавлев, С.В.* «Крепость социализма» [Текст]: повседневность и трудовая мотивация на советском предприятии, 1928—1938 гг. / Журавлев С.В., Мухин М.Ю. М.: РОССПЭН, 2004. 238 с.
6. *Зима, В.Ф.* Менталитет народов России в войне 1941—1945 гг. [Текст]. М.: ИРИ РАН, 2000. 277 с.
7. *Исупов, В.А.* Главный ресурс Победы [Текст]: людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939—1945). Новосибирск: Сова, 2008. 378 с.
8. *Кнышевский, П.Н.* Государственный Комитет Обороны [Текст]: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 53—65.
9. *Козлов, Н.Д.* Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны [Текст]. СПб.: ЛОИУУ, 1995. 138 с.
10. *Козлов, Н.Д.* С волей к Победе [Текст]: пропаганда и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб.: ЛГОУ, 2002. 312 с.
11. *Маркевич, А.М.* «Магнитка близ Садового кольца» [Текст]: стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883—2001 гг. / Маркевич А.М., Соколов А.К. М.: РОССПЭН, 2005. 368 с.
12. *Мионов, Б.Н.* «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история, 1998/99: ежегодник. М., 1999. С. 243—283.

13. *Панков, С.А.* Карательное правосудие на трудовом фронте в СССР в 1941—1945 гг. [Текст] // Вопросы истории. 2011. № 12. С. 72—80.
14. *Панков, С.А.* Обыкновенный террор [Текст]: политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН, 2012. 440 с.
15. *Парамонов, В.Н.* Россия в 1941—1945 гг. [Текст]: проблемы индустриального развития. Самара: Самар. ун-т, 1999. 460 с.
16. *Поляков, Ю.* Почему мы победили? [Текст]: о массовом сознании в годы войны // Свободная мысль. 1994. № 11. С. 62—72.
17. *Романов, Р.Е.* Влияние традиционной трудовой этики на поведение рабочей молодежи оборонно-промышленного производства сибирского тыла [Текст] // Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества: проблемы урбанизации и индустриализации: материалы межрегион. науч. конф. Новосибирск, 2013. С. 171—186.
18. *Романов, Р.Е.* Стимулирование труда рабочей молодежи оборонных предприятий Сибири в годы войны [Текст] // Исторический ежегодник, 2012: сб. науч. тр. Новосибирск, 2012. С. 184—198.
19. *Романов, Р.Е.* Трудовая этика молодых рабочих оборонных предприятий Сибири (1941—1945) [Текст]: факторы консервации и модернизации // Исторический ежегодник: сб. науч. ст. Новосибирск, 2013. С. 61—86.
20. *Романов, Р.Е.* Формирование мотивации городской молодежи к трудоустройству в сфере промышленного производства Сибири в годы войны (1941—1945) [Текст] // Исторический ежегодник: сб. науч. ст. Новосибирск, 2010. С. 99—109.
21. *Сомов, В.А.* Внеэкономические факторы мотивации трудового поведения рабочих и колхозников Волго-Вятского региона Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны (1941—1945): дис. ... д-ра ист. наук. Н. Новгород, 2009. 408 с.
22. *Сомов, В.А.* «Потому что была война...» [Текст]: внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2008. 234 с.
23. *Сомов, В.А.* Трудовое законодательство и мотивация труда в годы Великой Отечественной войны [Текст] // Историко-экономические исследования. 2007. Т. 8, № 2. С. 163—174.
24. *Тельуховский, В.Б.* Героизм рабочего класса [Текст] // Война и общество, 1941—1945: в 2 кн. М.: Наука, 2004. Т. 2. С. 6—26.
25. *Тогоева, С.И.* Факторы влияния на мотивацию труда [Текст]: (на материалах Тверского вагоностроительного завода в 1941—1951 гг.) // Экономическая история: обозрение. М., 2002. Вып. 8. С. 39—56.
26. *Тяжельникова, В.С.* Отношение к труду в советский и постсоветский период [Текст] // Социально-экономическая трансформация в России. М., 2001. С. 99—123.
27. *Тяжельникова, В.С.* Отношение к труду [Текст]: факторы изменения и консервации традиционной трудовой этики рабочих в советский период / Тяжельникова В.С., Соколов А.К. // Социальная история, 2001/2002: ежегодник. М., 2004. С. 69—116.
28. *Хлевнюк, О.В.* 26 июня 1940 г. [Текст]: иллюзии и реальности администрирования // Коммунист. 1989. № 9. С. 87—96.
29. *Черепанов, В.В.* Власть и война [Текст]: сталинский механизм государственного управления в Великой Отечественной войне. М.: Известия, 2006. 491 с.

А. Т. Урушадзе

ИСТОРИКИ ЮГА РОССИИ: ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ В УСЛОВИЯХ РАЗДЕЛЕННОГО НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА

Статья посвящена анализу некоторых особенностей современного состояния профессионального сообщества ученых-историков юга России (специалистов в области региональной истории). Рассматриваются проблемы и перспективы институционализации исторического знания на юге России, определяется место и значение «Кавказской войны историографий» в развитии регионального научного сообщества историков. Ключевые слова: юг России; региональная история; кавказоведение; историография.

Amiran Tarielovich Urushadze

Historians of South of Russia: professional life in a divided scientific community

This article analyzes some of the features of the current state of the professional community of historians of South Russia (experts in the field of regional history). Considered the problems and prospects of institutionalization of historical knowledge in southern Russia, and determined place and significance of “the Caucasian War of historiography” in the development of regional scientific community of historians.

Keywords: South of Russia; regional history; Caucasus studies; historiography.

За последние двадцать лет российское сообщество профессиональных историков прошло сложный путь эволюции, связанный как с потерями, так и с приобретениями. Очевидно, что социальный статус историка в современной России заметно снизился в сравнении с советскими временами, но в то же время историки освободились от оков официальной идеологии и партийно-государственного контроля. Под влиянием этих метаморфоз, а также развития средств массовой коммуникации (сети Интернет) в России начался процесс формирования «новой исторической культуры» [15]. В данной работе предпринята попытка охарактеризовать особенности развития сообщества историков юга России на современном этапе. Автор считает необходимым отдельно пояснить, что основное внимание будет сосредоточено на сообществе историков специалистов в области региональной истории и краеведения.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СООБЩЕСТВА: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Бюджетное научное или образовательное учреждение остается основной формой кооперации профессиональных историков как на юге России, так в рамках всей страны в целом. Историки работают либо в образовательных учреждениях, либо в академических институтах. Особенностью жизни историков в провинции является их «пожизненная приписка» к одному месту работы (будь то университет или исследовательский институт). В отличие от российских столиц в провинции «наряду с низкой плотностью вузов наблюдается еще более низкая плотность сетей научных организаций» [10, с. 27]. Даже в крупнейших городских центрах южнороссийского макрорегиона — Ростов-на-Дону, Волгоград — в лучшем случае кроме университета есть педагогический вуз или один небольшой академический институт. Историк фактически лишен какой-либо трудовой, карьерной мобильности. Такая ситуация порождает зависимость ученого от вышестоящего начальства. Как отмечает И.И. Курилла: «Эта зависимость в некоторых случаях ограничивает его (историка. — А.У.) инициативу» [9]. Вузовские ученые юга России, как и их коллеги из других регионов [11, с. 311], жестко подчинены параметрам учебной нагрузки и, тем самым, крайне ограничены в свободе предлагать студентам новые, авторские учебные курсы.

Слабая развитость структуры РАН на юге России отчасти компенсируется наличием в национальных республиках Северного Кавказа республиканских институтов гуманитарного профиля. Такие учреждения имеются в Нальчике, Майкопе, Черкесске, Владикавказе. Деятельность этих учреждений финансируется (или финансировалась) за счет региональных бюджетов, что создает дополнительный источник формирования зависимости ученых. В 2011 г. серьезным моральным потрясениям подвергся коллектив одного из старейших научных институтов юга России — Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Дело в том, что система разделенного финансирования (работа института обеспечивалась из бюджета республики и средств РАН) не предусмотрена Бюджетном кодексом РФ. Таким образом, половина сотрудников института оказалась перед угрозой сокращения. Проблемы института были усугублены многочисленными обысками, которые неоднократно проводились в здании учреждения в период 2011—2013 гг. Обнаружение «пиратского» программного обеспечения стало причиной изъятия системных блоков 13 компьютеров института. Кроме того, в ходе обысков сотрудниками правоохранительных органов была проведена «выемка всех

бухгалтерских и иных документов учреждения за период с 1 января 2007 года по 31 декабря 2012 года» [20].

Переход учреждения в полное ведомство РАН отчасти стабилизировало ситуацию вокруг научного центра, но последствия реорганизации академии и предстоящего перехода академических институтов в структуру Федерального агентства научных организаций (ФАНО) труднопрогнозируемы.

В конце 2011 г. с серьезными трудностями столкнулся и Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований. Институт обязали переехать в аварийное здание, что поставило под угрозу его дальнейшее полноценное функционирование. Лишь вмешательство первых должностных лиц республики позволило сохранить институт, отметивший в 2012 г. свое 80-летие. Ученым позволили занять некоторые помещения Карачаево-Черкесского педагогического колледжа, однако, это не более чем паллиативная мера.

Отсутствие мобильности ученых на индивидуальном уровне усугубляется атрофированностью связей между научными учреждениями. Причиной этому стал «процесс регионализации исторической науки, начавшийся в 1990-е гг. и совпавший с самоопределением российских территорий, который являлся ответной реакцией новых субъектов на исчезновение координирующего научного центра и распад сложившихся институциональных взаимосвязей в области изучения прошлого» [7, с. 10].

В 1970—1980-е годы роль интегрирующего научного центра юга страны с успехом выполнял основанный в 1969 г. Северо-Кавказский научный центр Высшей школы (Ростов-на-Дону) во главе с ректором Ростовского государственного университета Ю.А. Ждановым. В настоящее время данное учреждение продолжает существовать, однако, от былого значения и масштаба деятельности не осталось и следа. Несмотря на появление на южной окраине новых академических центров — Кабардино-Балкарский научный центр РАН (1993 г.), Южный научный центр РАН (2002 г.) — им в силу различных причин пока не удалось стать общепринятой интеллектуальной площадкой и механизмом интеграции историков юга России.

Следует отметить, что идея научной интеграции на юге России пользуется популярностью. Периодически к ней возвращаются и озвучивают не только представители науки, но и высокие чины администрации [16]. Однако практических результатов такое обсуждение не имеет. Более того, между научными учреждениями, реализующими во многом сходные темы НИР, зачастую не налажен элементарный информационный обмен. Научная историческая литература, вышедшая в Карачаево-Черкесии, недоступна в Кабардино-Балкарии и наоборот (такая ситуация

характерна для всех регионов юга страны). Это происходит на фоне подписания множества договоров о научном сотрудничестве между вузами и НИИ республик, областей и краев юга России [4].

Отсутствие кооперации в научной среде юга России ведет к «провинциализации» знания, научные работы ученых-историков оказываются погребенными в «братских могилах» сборников статей и тезисов конференций, остающихся малодоступными для коллег из соседних регионов и малозаметными для столичных исследователей.

Полноценную научную коммуникацию и общезначимые референтные группы в научном пространстве юга России заменяет система личных связей. Данный вид социального капитала является немаловажным условием «успешности» ученого-историка. Воспроизводство такого способа профессионального общения обусловлено сложившейся традицией и имеет свои преимущества, такие, как устойчивость и возможность своеобразного наследования наработанных контактов от учителя к ученику. В то же время очевидно, что именно личностный характер взаимодействия ведет не только к расширению круга общения, но и к его сужению (неприятные отношения между учеными-историками обычно труднопреодолимы и повсеместно распространяются на «взрачиваемые» поколения молодых специалистов). Для значительной части историков юга России характерен своеобразный «культ учителей» — особый способ внутригрупповых взаимоотношений, основанный на почти безграничном авторитете «патриарха» и на чувстве едва ли не личной преданности ему и его идеям со стороны многочисленных учеников. Этот феномен имеет также как позитивные, так и негативные формы проявления. С одной стороны, это способствует научной и научно-педагогической преемственности, закладывает надежный фундамент в процесс подготовки молодых специалистов. Но с другой стороны, взгляды, мнения, а иногда и просто пристрастия «старшего брата» канонизируются, становясь для когорты его учеников «символом веры». В этом случае знания и опыт, накопленные учителем, превращается из необходимого багажа или джентльменского набора в тяжкие оковы, сковывающие мысль и своим грохотом распугивающие коллег по цеху.

В качестве перспектив дальнейшей институционализации исторического знания на юге РФ можно отметить, в первую очередь, возрастающую роль и значение проекта формирования федеральных университетов. Южный федеральный университет, созданный на базе Ростовского государственного университета в 2006 г., несмотря на ряд проблем, продолжает сохранять значительный научный потенциал, а с приходом к руководству нового ректора вуз, кажется, начинает выходить из затянувшейся фазы кризиса. В начале 2012 г. в Ставрополе Указом Правительст-

ва РФ был учрежден Северо-Кавказский федеральный университет, призванный стать «научным ядром инновационного развития региона».

Расширение сети федеральных университетов, наряду с реформой РАН, является практическим воплощением давно заявленного курса на поэтапное реформирование российской науки, в новой структуре которой центральное место занимают исследовательские и федеральные университеты [17]. Будущее академических институтов сейчас выглядит весьма туманно, несмотря на оптимистические заверения руководства ФАНО [21].

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ НА ЮГЕ РОССИИ

После распада СССР на постсоветском пространстве начался процесс регионализации исторического знания, который в «содержательном отношении свелся к преимущественному изучению отдельных территорий и их народов» [8, с. 217]. Особенно масштабно данный процесс протекал в полиэтничных регионах, таких, как юг России. Эпоха 1990-х годов связана с обретением национальных историй народами Северного Кавказа, а также с формированием отдельного казачьего исторического нарратива. Обе научно-исследовательские практики первоначально развивались как составные части крупных просветительско-возрожденческих проектов. И как следствие почти неизбежно оказывались втянутыми в общественно-политические баталии. В дальнейшем образовавшиеся идеологические «линии разлома» оказались непреодолимы, и накал историографического противостояния продолжал нарастать.

В настоящее время историки юга России остаются разделенными на два больших лагеря «государственников» и «националов». Историки-«государственники» выступают с державных позиций, в своих трудах всячески подчеркивают позитивную, созидательную роль российского государства в исторической судьбе региона. Организационным ядром этого лагеря уже давно (с начала 1990-х годов) выступает армавирская кавказоведческая школа профессора В.Б. Виноградова. Представители школы В.Б. Виноградова работают в вузах различных городов юга России: Ростов-на-Дону (В.А. Матвеев), Пятигорск (Ю.Ю. Клычников), Славянск-на-Кубани (Б.В. Виноградов), что позволяет говорить о региональном масштабе данной исследовательской группы. На страницах трудов В.Б. Виноградова и его многочисленных учеников региональная история зачастую предстает не только как объект профессионального исследования, но и в качестве ресурса патриотического воспитания в духе примата ценности «единого Отечества». Историки, входящие в школу В.Б. Виноградо-

ва, активно и последовательно критикуют ученых, выступающих с иных гражданских позиций [13]. В свою очередь школа В.Б. Виноградова подвергается не менее жесткой критике со стороны историков-«националов» [1]. Иногда некоторые полемисты покидают профессиональное поле, публикуя в электронных СМИ откровенные пасквилы, в которых можно наблюдать полную дегуманизацию объекта критики [18]. Написание, публикация и тиражирование (перепост) подобных опусов свидетельствует о неизжитой в сознании части профессионального сообщества подспудной тяге к разоблачениям и кампанейщине.

В последнее время еще одним фактором, активизирующим историографические войны на юге России, стала полемика вокруг «черкесского вопроса». Обсуждение данной проблемы зачастую выходит за рамки периода окончания Кавказской войны и массового переселения адыгов и других горцев в Турцию, в подобных дискуссиях затрагиваются вопросы уровня политического и социально-экономического развития народов Северного Кавказа, социокультурной роли Российской империи в крае, этнических границ и идентичностей. Дискуссии ведутся чаще всего на страницах малотиражных региональных изданий. Отдельные рецензии, отзывы и содержащиеся в них аргументы и контраргументы размещаются на интернет-сайтах.

Жаркой полемикой и жесткими критическими отзывами была отмечена публикация книги историка З.Б. Кипкеевой «Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграция и расселение (60-е годы XVIII в. — 60-е годы XIX в.)» [6]. Особенно острой была критика со стороны Р.Г. Ошроева, который, кроме прочего, отметил, что «рост этнического национализма и кризисные явления, затронувшие северокавказские народы на постсоветском пространстве, привели не только к поискам национальной идеи, но и к подкреплению их созданием этноцентристских исторических схем, провоцирующих разъединение и напряженность между народами» [12, с. 457]. Добавим к сказанному, что «разъединение и напряженность», в первую очередь, возникает между историками региона, так по-разному оценивающими его прошлое. Как справедливо отмечает К. Казенин: «...напряженность среди историков оказывается значительно более стабильной, чем в обществе в целом» [5, с. 167].

Историографическую ситуацию осложняет на наш взгляд, сложившийся еще в советские времена принцип, согласно которому специалистом по истории определенного народа должен быть историк соответствующей национальности. Данная традиция устойчиво воспроизводится на юге России и по сей день. Редкие исключения из этого правила по большей части воспринимаются членами общества как разновидность девиации. Между тем хорошо известно,

что насколько высоким не был бы профессионализм историка, «национальный фактор» непременно оказывает большее или меньшее влияние на его научное творчество.

С другой стороны, такой подход (который можно сравнить с известным принципом: «Каждый да держит отчину свою») несмотря на всю его архаичность иногда помогает избежать конфликтов и обид. Так, при подготовке масштабного проекта «Энциклопедия культуры народов Дона и Северного Кавказа» использование обозначенного метода, по мнению одного из авторов издания, оказалось наиболее оптимальным вариантом: «Ситуация получилась бесконфликтная, а все противоречия оставались как бы за кадром» [2]. Однако в данном случае позитивность принципа была, скорее всего, обусловлена спецификой вида научно-исследовательской работы.

Было бы ошибкой думать, что создавшееся положение, а именно бушующая на страницах книг, журналов и интернет-сайтов «Кавказская война историографий» (Д.И. Олейников) воспринимается историками как некая норма жизни. Сообществом предпринимаются попытки преодолеть разобщенность и взаимную отчужденность.

Механизмом примирения и объединения выступает проведение совместных мероприятий с громкими названиями. Так, 14–15 октября 2013 г. в Ростове-на-Дону на базе Южного федерального университета проходил «Международный форум историков-кавказоведов». Кроме характерного для любого научного мероприятия обмена мнениями в рамках работы мероприятия была принята «Хартия историков-кавказоведов». В документе историографические войны связываются с проблемами безопасности региона, и признается, что историками «используются ненаучная публицистично-оценочная, недостаточно аргументированная или устаревшая терминология, навешивание друг на друга идеологизированных, политизированных ярлыков, обвинений в фальсификации, что практически исключает возможность налаживания диалога, проведения конструктивных дискуссий. В преддверии Зимних Олимпийских игр в Сочи в 2014 году стало очевидно, что сохранение таких тенденций может иметь самые негативные последствия для самочувствия народов, их искусственного противопоставления друг другу, для региональной и национальной безопасности. В частности, может использоваться деструктивными силами для нагнетания межнациональной напряженности, ослабления российской идентичности на Кавказе и Юге России, что является, как показывают события в Северной Африке и на Ближнем Востоке, вызовом безопасности всем народам России и Закавказья» [19]. В принятой собранием «Хартии» указывается на необходимость разработки «Этического кодекса кавказоведа». Всерьез говорить о перспективах создания и популяризации

данного или иного кодекса, свода или завета пока рано. Представляется, что подобные формы интеграции скорее принадлежат прошлому и на их основе трудно рассчитывать на полноценное развитие научной коммуникации в будущем. Степень успешного и гармоничного развития кавказоведения, региональной истории определяется в первую очередь ростом качества научного продукта, который будучи выполнен на высоком профессиональном уровне служит лучшей защитой от исторического беспамятства и поводом к плодотворной дискуссии.

БУДУЩЕЕ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА ГЛАЗАМИ ИСТОРИКОВ ЮГА РОССИИ

Невзирая на все трудности профессионального и материального бытия, историки южнороссийского региона, как показывают специальные исследования, в большинстве своем довольны выбором профессии и менять ее не собираются [14, с. 68]. Кроме того, большинство историков не рассматривает возможность переезда (в российские столицы, за границу) как решение многочисленных проблем [14, с. 68]. Вероятно, для историков юга России остается актуальным известное кредо А.И. Солженицына: «Где родился, там и пригодился».

Историки юга России, как и их коллеги из других регионов, выражают уверенность в будущем исторической науки и профессионального сообщества. Но при этом, по словам представителей южнороссийского исторического цеха, в будущем наиболее востребованной будет просветительская и воспитательная функция истории: «...в ближайшее время нас потянут читать общеобразовательные лекции, в частности в патриотическом ключе, так как народ патриотизма не имеет, все-таки нам станут навязывать не свойственные функции пропаганды и агитации» [2].

Такая картина будущего непосредственно связана с опасениями историков, связанными с ограничением академической свободы, которое проявляется в тотальной регламентации и стандартизации работы вузовского преподавателя: «Нам начинают давать установки, какие у нас должны быть презентации, как они должны выглядеть и, что мы должны делать, но, слава Богу, пока это еще не касается содержания лекций» [3].

Тем не менее, наряду с возросшими требованиями к универсализации труда историка нельзя не отметить и появившиеся в постсоветский период возможности к самоорганизации. К сожалению, в силу объективных и субъективных причин, частью описанных выше, историки юга России пока оставляют нерализованным огромный потенциал научной самоорганизации и кооперации.

1. *Ахмадов, Я.З.* Об освещении «кавказоведческой школой» академиком В.Б. Виноградова вопросов истории народов Северного Кавказа [Текст] / Ахмадов Я.З., Гапуров Ш.А. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2010. № 2 (13). С. 78–84.
2. Интервью с А.В. Венковым // Полевые материалы автора. Папка 2. Запись 2.
3. Интервью с Н.В. Самариной // Полевые материалы автора. Папка 2. Запись 1.
4. Интервью с Р.Г. Ошроевым // Полевые материалы автора. Папка 1. Запись 4.
5. *Казенин, К.* Элементы Кавказа [Текст]: земля, власть и идеология в северокавказских республиках. М.: REGNUM, 2012. 175 с.
6. *Кипкеева, З.Б.* Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа [Текст]: миграция и расселение (60-е годы XVIII в. — 60-е годы XIX в.). М.: Ипполитов, 2006. 360 с.
7. *Кринко, Е.Ф.* История Северного Кавказа в 1920—1940-е гг. [Текст]: современная российская историография / Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. 304 с.
8. *Кринко, Е.Ф.* Региональная история [Текст]: конфликтный и консолидирующий потенциал / Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. // Юг России: проблемы, прогнозы, решения: сб. науч. ст. Ростов н/Д, 2012. С. 214–248.
9. *Курилла, И.И.* Историк в региональном вузе на перекрестке сообществ // История: электронный научно-образовательный журнал. 2010. Вып. 1: Историческая наука в современной России. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: http://mes.igh.ru/magazine/content/istorik_v_regionalnom_vuze.html (дата обращения: 14.08.2012).
10. *Латова, Н.В.* «Столицецентризм» как причина социального неравенства в российской системе высшего образования [Текст] / Латова Н.В., Латов Ю.В. // Общественные науки и современность. 2012. № 2. С. 21–33.
11. Научное сообщество историков России: 20 лет перемен / под ред. Г. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2011. 520 с.
12. *Ошров, Р.Г.* Творец истории З.Б. Кипкеева [Текст] // Исторический вестник. Нальчик, 2007. Вып. VI. С. 457–465.
13. Российский Северный Кавказ [Текст]: текущие риски, посягательства и перспективы / под ред. В.Б. Виноградова. М.; Армавир: Армавирск. гос. пед. ун-т, 2009. 143 с.
14. *Тажидинова, И.Г.* Проблемы профессионального самоопределения вузовского преподавателя [Текст]: (на материалах интервью с преподавателями ФИСМО) / Тажидинова И.Г., Уфимцева Ю.А. // Голос минувшего. 2012. № 1—2. С. 65–76.
15. *Тишков, В.А.* Новая историческая культура [Текст]. М.: Изд-во МГОУ, 2011. 60 с.
16. URL: <http://adygeya.msu-russia.ru/news/Adygeya/5785.html> (дата обращения: 16.08.2012).
17. URL: <http://expert.ru/expert/2011/38/vernite-dejstvennost-nauke/> (дата обращения: 1.09.2012).
18. URL: <http://www.grozny-inform.ru/main.mhtml?Part=14&PubID=31375> (дата обращения: 3.01.2014).
19. URL: <http://www.grozny-inform.ru/main.mhtml?Part=14&PubID=46432> (дата обращения: 2.01.2014).
20. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/222046/> (дата обращения: 3.01.2014).
21. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=f6c46095-d354-4730-9bda-b0906930e0a7> (дата обращения: 3.01.2014).

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ КЛАСТЕРЫ ЧЕЛЯБИНСКА

В статье на примере локального сообщества историков Челябинска предлагается концепция «историографического кластера». Под термином понимается или территориальное объединение историков, или схожесть методологических и тематических позиций. Формирование кластеров связано с установлением определенных коммуникативных правил на основе комплекса мемов.

Ключевые слова: историография; история; Челябинск; мем; историографический кластер; научная школа, социология истории.

Aleksandr Aleksandrovich Fokin
Historiographical clusters Chelyabinsk

The article draws on the example of the local community of historians of the city of Chelyabinsk to suggest a concept of historiographical cluster. The term refers either to a territorial association of historians, or a similarity of methodological and thematic approaches. The formation of clusters is associated with the establishment of certain communication regulations based on a meme complex.

Keywords: historiography; Chelyabinsk; meme; historiographical cluster; scientific School; sociology history.

Изучение современного состояния науки актуальная не только исследовательская, но и общественная проблема. Дискуссии, скандалы, реформы — все это создает точку бифуркации, которая, возможно, определит траекторию развития науки в ближайшее время. Историография, как отдельная область исторического знания, может стать базой для саморефлексии и определения как проблем, так и перспектив исторического сообщества. Хотя в последнее время и появилось несколько работ, которые посвящены современным историческим сообществам [14; 18; 35], но на современном этапе в рамках историографических исследований акцент делается на изучении отдельных историков, гораздо реже на некие генерации по типу университетских сообществ или школ различного типа.

Не отрицая антропологическую и концептуалистическую парадигму, необходимо продуктивнее использовать в рамках историографии достижения смежных дисциплин, прежде всего социологии науки [12; 15; 34]. Поскольку представляется, что рассматривать развитие исторического знания можно только как систему, где действует значительное количество участников, а не только выдающиеся исследователи.

В.П. Корзун, перечисляя методики изучения научных школ, среди прочего выделяет культурологический и коммуникативный подходы. Первый рассматривает науку как культурную практику, которая включает не только знание, но и ценности. Таким образом формируются определенные корпорации, основной целью которых является самовоспроизводство. Второй подходит к научным школам как к сообществам с определенной коммуникативной структурой, в которой могут быть выделены как внутринаучные коммуникации, так и внешние, связанные с взаимодействием с обществом и властью [13]. Но рассматривать эти подходы только применительно к научным школам не целесообразно. Поскольку большинство научных коммуникаций носит неформальный характер. Работа с конечным продуктом научной деятельности: монографиями, статьями, диссертациями, а также архивными и мемуарными источниками оправдана с точки зрения доступности материала. Но при этом в сфере внимания оказываются только пиковые точки, а рутинные и повседневные практики, а тем более неудачи, зачастую оказываются вне внимания автора.

Именно изучение коллективных практик, вместо отдельных биографических исследований, представляется более актуальной задачей на данный момент. Можно посмотреть на историков как на элементы сложной системы, не сводимой к сумме ее частей, которые вынуждены существовать в определенных территориальных рамках с ограниченными ресурсами и бороться за свое выживание и развитие.

В качестве рабочей гипотезы предлагается введение понятия «историографического кластера», которое позволит перейти от эмпирического описания к теоретическому обобщению. Можно предложить как узкое, так и широкое определение понятия. В узком смысле это региональные коммуникативные образования профессиональных историков, объединенных формальными и неформальными связями и работающих в тесной кооперации, в этом случае главной характеристикой становятся именно территориальные границы. В различных городах и областях складываются собственные традиции и особенности научной коммуникации, что позволяет сформироваться отличительным чертам «историографического кластера». Дискуссия о «провинциальной» и «туземной» науке, с одной стороны, показывает доминирование взгляда из столицу в провинцию, с другой — показывает значение территориальной спайки в условиях распада исторического сообщества. Это было вызвано как экономическим кризисом, когда местные сообщества вынуждены были искать пути выживания, так и методологическим вакуумом, образовавшимся после исчезновения монополии марксизма и потери контроля со

стороны центра. Периферийные сообщества оказались предоставлены сами себе и, следовательно, стали искать механизмы выработки социального капитала и легитимации внутри себя. Это приводит к ситуации, которую метафорически можно обозначить как «натуральное научное хозяйство».

Говоря о широком определении, необходимо отметить, что с развитием коммуникационных технологий значение границ и расстояний постоянно уменьшается. В современных условиях исследователь может гораздо активнее осуществлять коммуникацию с коллегами из других городов и стран, чем с историками своего региона. В таком случае кластер строится не исходя из территориальной близости, а исходя из общих научных интересов. Важным каналом формирования историографических кластеров в широком понимании являются участие в конференциях, научные журналы, монографии и т.п. Так, марксистов, позитивистов, неогегельянцев нельзя рассматривать в качестве научной школы, как формальной, так и неформальной, но они вполне укладываются в концепцию «историографического кластера». В значительной степени такое понимание термина пересекается с концепцией «незримого колледжа», но понимание «незримого колледжа» связано с совместной работой над определенной проблемой в обход формальным каналам научной коммуникации. А «историографический кластер» предполагает обмен широким диапазоном идей и может не иметь продуктивного «ядра», а представлять собой ризоматическую структуру.

В этом контексте необходимо обратить внимание еще на один аспект, который редко рассматривается как фактор, влияющий на отдельных историков или на их группы, имеется в виду коммуникация через литературу. Помимо непосредственного общения влияние могут оказывать идеи, почерпнутые из работ других авторов. Это, пожалуй, один из серьезных аргументов в пользу системного подхода к историографии и изучению науки как коллективной практики.

Изучая влияние и распространение идеи, можно обратиться к концепции мемов — информационных единиц, которые передаются как по горизонтали (между историками одного ранга), так и по вертикали (между учителем и учеником или исходящие от авторитета). В 1976 г. Р. Докинз предложил использовать термин «мем» как обозначение единицы культурной информации. Вот что он пишет в своей работе: «Точно так же, как гены распространяются в генофонде, переходя из одного тела в другое с помощью сперматозоидов или яйцеклеток, мемы распространяются в том же смысле, переходя из одного мозга в другой с помощью процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией» [7, с. 189]. Исследователь вы-

деляет качества, обеспечивающие выживаемость мемов: долговечность, плодовитость и точность копирования. Распространяясь как вертикально, так и горизонтально, мемы, подобно генам, стараются создать как можно больше копий себя. Конкуренция между мемами может приводить или к исчезновению некоторых из них, или к трансформациям. Но если отбор генов происходит в силу эволюционных законов и борьбы за ресурсы, то за что борются мемы, что является их ресурсом? Человеческий мозг в чем-то подобен компьютеру, каждый раз информация заполняет некий объем и в конечном итоге переполняет наш мозг. Так что мемы исчезают по причине поражения в конкурентной борьбе за место в нашем сознании. Важно отметить еще одну схожесть генов и мемов: они действуют не отдельно, а совместно друг с другом, возникают цепочки, в которых одни элементы поддерживают другие. Комплексы мемов могут рассматриваться как важная часть развития исторического знания, поскольку историки в таком случае выступают только как механизмы копирования и распространения мемов, а следовательно, на смену биографическому подходу может прийти непосредственно история идей. На данном этапе меметика — еще не сформировавшаяся дисциплина, в которой есть ряд спорных моментов [21], но при этом она обладает интересным инструментарием, который может дополнить традиционные подходы к историографии.

Переходя от теоретических положений к практике, стоит указать, что в данной статье невозможно охватить всех историков Челябинска, не говоря уже о Челябинской области или Урале в целом. Акцент делается на существующие «историографические кластеры», поэтому некоторые исследователи, являющиеся на данный момент научными одиночками, но при этом ведущие довольно активную исследовательскую деятельность, не отражены в этом обзоре. Также, дабы не перегружать список литературы, в качестве примеров приводятся только монографии и сборники статей.

Челябинск является «городом-миллионником» и крупным университетским центром с тремя вузами, в которых готовят историков — ЧГПУ, ЧелГУ, ЮУрГУ (плюс один в области — в г. Магнитогорске). Кроме того, почти в каждом высшем учебном заведении на межфакультетских кафедрах есть люди с историческим образованием. Длительное время работало два диссертационных совета по специальностям: 07.00.02 — Отечественная история и 07.00.09 — Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки). Таким образом, в городе высокая концентрация историков. Количество докторов наук составляет порядка 50 (несколько человек в недавнем прошлом защитились, но

еще не получили дипломы), а численность кандидатов еще более неопределенна, ибо многие из них после защиты не работают в сфере образования или академических исследований, но по предварительным подсчетам их около 200. Если обратиться к РИНЦ, который в последнее время становится одним из главных показателей научной деятельности, то поисковый запрос по теме «История» и городу «Челябинск» выдает 115 человек. Для челябинских историков характерны те же тенденции, что и для российского сообщества в целом. Лидирующие позиции по количеству цитирования уверенно занимают археологи: Г.Б. Зданович (541), А.В. Епимахов (370), А.Д. Таиров (280). Помимо них в десятку входят М.Г. Абрамзон, И.В. Нарский, С.Г. Баталов, Н.Н. Алеврас и др. (Данные приводятся на 01.01.2014.)

Год назад многие лидеры рейтинга просто не были представлены в системе, но значение индекса цитирования как для отдельного учебного, так и для учебных заведений заставляет их активно включаться в данную систему. При этом РИНЦ использует такой подход, при котором значительную долю работы должен выполнять сам автор. Во многом это можно объяснить несовершенством поисковых механизмов, когда программная оболочка не в состоянии в автоматическом режиме обработать всю информацию. Поэтому вторичную работу с публикациями должны проводить сами авторы. В целом же научное сообщество пока находится в состоянии перехода от прежней модели неформализованных критериев, когда на первый план выходило понятие авторитетности, к модели формализованной, где главную роль играют количественные показатели. С одной стороны, это связано с попыткой создать некий четкий критерий, с помощью которого можно оценивать эффективность как отдельных ученых, так и учреждений. Не случайно некоторые организации стали в спешном порядке регистрировать даже почивших сотрудников, чтобы увеличить коллективные показатели. С другой стороны, это является попыткой преодолеть самоизоляцию всей российской науки от мира и территориальных кластеров от остальных научных сообществ.

В регионах зачастую складывается модель научного сообщества, которую условно можно обозначить как клановую самоизоляцию. Один или несколько человек, особенно в отсутствии первоначальной конкуренции, например при создании областных университетов, могли аккумулировать в своих руках символический капитал и административные ресурсы и оказаться в роли местного интеллектуального монополиста. Наличие собственного научного издания, работающего диссертационного совета, связи с местными властями и значимых постов фактически создает систему «натурального научного хозяйства», когда необходимость взаимодействия с колле-

гами из других регионов сводится к минимуму. Для такой системы характерна крайне низкая академическая мобильность, человек может пройти все ступени от студента до доктора наук в одном учебном заведении, что в свою очередь порождает сложную сеть внутренних связей как на вертикальном, так и на горизонтальном уровнях. Невысокие доходы и регулярное сокращение ставок приводили к негативной селекции в регионах, когда приток кадров был минимальным и не происходило смены поколений, что также является фактором самоизоляции исторического сообщества. В некоторой степени сходные тенденции можно увидеть и в Челябинской области, хотя в целом следует признать челябинское сообщество достаточно интегрированным в российскую науку и отчасти в мировое историческое комьюнити.

Среди челябинских историков важную роль посредника между локальным сообществом и глобальными историческими трендами играет И.В. Нарский [31]. Совместно с О.С. Нагорной, О.Ю. Никоновой и Ю.Ю. Хмелевской было проведено несколько международных конференций на различные темы, в результате чего челябинские историки познакомились с локальной, повседневной, визуальной историей [2; 5; 16; 17; 19; 24; 28]. Для челябинских историков, как и для отечественных в целом, характерно слабое знакомство с иностранными языками, что в совокупности с географическим расположением города затрудняет выход на международный уровень и обновление методологического аппарата. В силу этого большое распространение получают местечковые темы, которые позиционируются как важные в глобальном масштабе.

Кандидаты и доктора наук, защитившиеся под руководством И.В. Нарского (Е.В. Волков, Д.В. Тимофеев, Р.С. Черепанова, А.П. Романов и др.) [3; 26; 30; 33], образуют особую группу внутри исторического сообщества, хотя ее нельзя назвать школой в узком смысле слова, ибо нет общей темы и метода изучения, но есть своеобразная традиция, которая ориентирует на выход за рамки локального сообщества, что позволяет говорить о наличии кластера.

Говоря о группах, следует выделить еще несколько коллективов, которые выделяются в челябинском пространстве. Начать можно с уже упоминавшихся археологов. Хотя они относятся к трем отдельным институциям (ЧелГУ, ЮУрГУ и Южно-Уральский отдел Института истории и археологии), их можно объединить в один кластер. Общие принципы, практика коллективной работы и схожесть материала позволяют им успешно налаживать коммуникацию как внутри страны, так и за ее пределами, что и объясняет высокие рейтинги в РИНЦ [9; 29].

Важным трендом в сообществе является изучение интеллектуальной истории, которую можно разделить на две группы: 1) история интеллигенции (И.В. Сибиряков, С.С. Загребин, П.Б. Уваров, Т.А. Андреева и др.) [8; 27; 32]; 2) историографические исследования (Н.Н. Алеварс, Н.В. Гришина, Ю.В. Краснова, А.М. Скворцов и др.). В силу многих причин эти исследователи не оформились в некие устойчивые коллективы, поэтому в данной области не происходит существенных прорывов, которые выделили бы город на отечественном историческом ландшафте [6; 10; 11]. Хотя успехи историографов, в частности, получение грантов на исследование и проведение конференции, позволяют рассматривать их как перспективный кластер в Челябинске. Еще одной особенностью историографов является их тесная связь как с другими региональными центрами, например Омском, так и с Москвой, через РОИИ.

Во многом с региональной спецификой связаны исследователи военно-промышленного комплекса. Челябинская область является крупным центром оборонной промышленности, поэтому данные историки (В.Н. Новоселов, В.С. Толстикова и др.) [20], изучая становление и развитие ВПК, обосновывают значение региона в истории страны, поддерживая концепт «Урал — опорный край державы». Хотя замкнутость на региональной тематике делает этот кластер, с одной стороны, востребованным в городе, но с другой, приводит к стагнации, особенно на методологическом уровне.

Изучение оренбургского казачьего войска — еще одна специфическая тема челябинских историков. Попытка возрождения казачества в 1990-е вызвала к жизни и запрос на историю этой общности. Под руководством патриарха челябинских историков А.П. Абрамовского складывается школа «казаковедов» (В.А. Кузнецов, В.С. Кобзов и др.) [23]. В настоящее время данное направление переживает явный кризис в связи с тем, что нет новых крупных проектов.

В последние годы «серьезным игроком» становится коллектив, связанный с Центром экономической истории (Г.А. Гончаров, А.А. Пасс, С.А. Баканов и др.) [1; 4; 25]. Изучая советскую экономику, они отталкиваются от идеи мобилизационного развития страны, которая требовала решительных мер для преодоления различных вызовов. Центр тесным образом связан как с коллегами из Екатеринбурга, так и с РАН. Было организовано две конференции в 2009 и 2012 гг., выпускаются сборники статей и монографии, посвященные экономической истории, а также реализована Федеральная целевая программа.

Происходит постепенное возрождение исследования всеобщей истории. Долгое время это направление было связано с деятель-

ностью А.Б. Цфасмана, но после его отъезда из страны ученики оказались не в состоянии поддерживать должный уровень. В последнее время было защищено несколько диссертаций по специальности 07.00.03 — Всеобщая история, под руководством В.В. Грудзинского выигран трехлетний грант РГНФ, опубликована монография [22]. Все это позволяет надеяться на то, что в ближайшее время появится кластер и в рамках всеобщей истории.

Определенный потенциал развития, в должной степени не реализованный, имеет кластер, связанный с историей религии. За последние десятилетия было защищено четыре докторские диссертации, связанные с данной тематикой, — Т.А. Чумаченко, А.И. Конюченко, А.Э. Алкашкин и А.Н. Андреев. Но несмотря на общую проблематику, не происходит консолидации исследователей для создания влиятельной школы.

Вышеперечисленные историки составляют незначительный процент тех, кто проживает в городе Челябинске, но в значительной степени именно они формируют творческое ядро сообщества, представляя город на российском и мировом уровне. Остальную часть можно охарактеризовать как крайне инертную массу, которая не участвует в конференциях, не публикует статьи и старательно дистанцируется от научной работы, выходящей за рамки обязательных требований к занимаемой должности. Во многом это связано с материальным положением работников гуманитарной сферы, когда низкая зарплата не стимулирует заниматься ничем, кроме прямых обязанностей.

Подводя итоги, следует сказать, что единственный критерий, объединяющий челябинское сообщество историков, — это географическое расположение. Отсутствуют коммуникационные каналы, которые из отдельных микрогрупп могли бы создать настоящее сообщество с общими установками и целями. Большинство докторов наук, занимая ведущие посты, производят крайне мало нового знания, что можно рассматривать как неэффективное использование ресурсов. Даже если из-под их пера появляются тексты, то часто они являются или морально устаревшими и значимыми только в силу положения, которое занимает их автор, или слегка измененными публикациями прежних исследований. Негативное влияние оказывает и большое количество пенсионеров, которые зачастую оккупируют должности и мешают обновлению кадрового состава, что оборачивается разрывом преемственности и конфликтами.

На данную ситуацию накладывается образовательная политика государства, которая приводит к коллапсу гуманитарных специальностей в региональных вузах, что, в свою очередь, приводит к сбоям

в воспроизводстве историков и к сокращению их профессионального применения. Борьба за ресурсы становится все более острой, и научные проблемы постепенно отходят на задний план, что имеет негативные последствия не только в данный конкретный момент, но и в будущем. Перспективная линия развития может быть прервана в зародыше. Вспоминая известный рассказ Рэя Бредбери, можно сделать предположение, что мы слишком часто наступаем на бабочек.

1. *Баканов, С.А.* Угольная промышленность Урала [Текст]: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка. Челябинск: Энциклопедия, 2012. 327 с.
2. Век памяти, память века [Текст]: опыт обращения с прошлым в XX столетии: сб. ст. / под ред. И.В. Нарского, О.С. Нагорной, О.Ю. Никоновой, Ю.Ю. Хмелевской. Челябинск: Каменный пояс, 2004. 544 с.
3. *Волков, Е.В.* Гидра контрреволюции [Текст]: Белое движение в культурной памяти советского общества. Челябинск: Челяб. Дом печати, 2008. 392 с.
4. *Гончаров, Г.А.* «Трудовая армия» на Урале в годы Великой Отечественной войны [Текст]. Челябинск: Челяб. Гос. ун-т, 2006. 222 с.
5. Горизонты локальной истории [Текст]: сб. ст. / под ред. И.В. Нарского, О.С. Нагорной, О.Ю. Никоновой, Ю.Ю. Хмелевской. Челябинск: Каменный пояс, 2003. 304 с.
6. *Гришина, Н.В.* «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре [Текст]. Челябинск: Энциклопедия, 2010. 287 с.
7. *Доккинз, Р.* Эгоистичный ген [Текст]. М.: Мир, 1993. 318 с.
8. *Загребин, С.С.* Культурная политика государства [Текст]: принципы и реализация в 1900—1940 гг.: (на материалах Урал. региона). Челябинск: Челяб. гос. пед. ун-т, 1998. 321 с.
9. *Зданович, Г.Б.* Аркаим — «Страна городов». Пространство и образы [Текст] / Зданович Г.Б., Батанина И.М. Челябинск: Крокус, 2007. 260 с.
10. Историк в меняющемся пространстве российской культуры [Текст]: сб. ст. Челябинск: Каменный пояс, 2006. 496 с.
11. История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII—XXI веков [Текст]. Челябинск, Энциклопедия, 2011. 512 с.
12. *Коллинз, Р.* Социология философий [Текст]: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1280 с.
13. *Корзун, В.П.* Научные сообщества историков России [Текст]: практики антропологического описания: (из лекционного опыта) // Вестник ЧелГУ. 2012. № 16. С. 104—106.
14. *Корзун, В.П.* Коммуникативное поле современной исторической науки [Текст]: от размышления историографов к опыту описания / Корзун В.П., Рыженко В.Г. // Диалог со временем. 2011. Вып. 37. С. 24—44.
15. *Латур, Б.* Наука в действии [Текст]: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: ЕУ СПб., 2013. 414 с.
16. *Нагорная, О.С.* Другой военный опыт [Текст]: русские военнопленные в Германии в период Первой мировой войны (1914—1922). М.: Новый хронограф, 2010. 440 с.
17. *Нарский, И.В.* Фотокарточка на память [Текст]: семейные истории, фотографические послания и советское детство: (автобио-историко-графический роман). Челябинск: Энциклопедия, 2008. 516 с.

18. Научное сообщество историков России [Текст]: 20 лет перемен. М.: АИРО-XXI, 2011. 519 с.
19. *Никонова, О.Ю.* Воспитание патриотов [Текст]: Осоавиахим и военная подготовка населения в уральской провинции (1927—1941 гг.). М.: Новый хронограф, 2010. 440 с.
20. *Новоселов, В.Н.* Тайны сороковки [Текст] / Новоселов В.Н., Толстиков В.С. Екатеринбург: Урал. рабочий, 1995. 318 с.
21. *Носырев, И.Н.* Мастера иллюзий [Текст]: как идеи превращают нас в рабов. М.: Форум: Неолит, 2013. 448 с.
22. *Нохрин, И.М.* Канада: английская или французская? [Текст]: утверждение британской колониальной администрации в Квебеке и первые попытки урегулирования межэтнических противоречий (1763—1791 гг.). Челябинск: Энциклопедия, 2013. 160 с.
23. Оренбургское казачье войско [Текст]: Поиски. Находки. Открытия: сб. науч. ст. / под ред. А.П. Абрамовского. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1999. 195 с.
24. Очевидная история [Текст]: проблемы визуальной истории России XX столетия: сб. ст. / под ред. И.В. Нарского, О.С. Нагорной, О.Ю. Никоновой, Ю.Ю. Хмелевской. Челябинск: Каменный пояс, 2007. 476 с.
25. *Пасс, А.А.* «Другая» экономика [Текст]: производственные и торговые кооперативы на Урале в 1939—1945 годах. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2002. 235 с.
26. *Романов, А.П.* Начальное образование русского крестьянства в последней четверти XIX — начале XX веков [Текст]: официальная политика и общественные модели. Челябинск: Энциклопедия, 2007. 278 с.
27. *Сибиряков, И.В.* Уралрабис [Текст]: профсоюз работников искусств на Урале в 20—30-е гг. XX века. Челябинск: Энциклопедия, 2008. 142 с.
28. Слухи в истории России XIX—XX веков [Текст]: неформальная коммуникация и крутые повороты российской истории: сб. ст. / под ред. И.В. Нарского и др. Челябинск: Каменный пояс, 2011. 368 с.
29. *Таиров, А.Д.* Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII—VI вв. до н.э. [Текст]. Челябинск: ЮУрГУ, 2007. 274 с.
30. *Тимофеев, Д.В.* Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века [Текст]. Челябинск: Энциклопедия, 2011. 456 с.
31. Траектория в сегодня [Текст]: россыпь историко-биографических артефактов: (к юбилею проф. И.В. Нарского). Челябинск: Энциклопедия, 2009. 318 с.
32. *Уваров, П.Б.* Дети хаоса. Исторический феномен интеллигенции [Текст]. М.: АИРО-XX, 2005. 196, [4] с.
33. *Черепанова, Р.С.* «Русский путь» и его пророки [Текст]: идея «особого пути» и мессианские настроения в русской общественной мысли во второй половине XIX в. Челябинск: ПИРС, 2007. 207 с.
34. *Шереги, Ф.Э.* Наука в России [Текст]: социологический анализ / Шереги Ф.Э., Стриханов Н.М. М.: ЦСП, 2006. 456 с.
35. История: электрон. науч.-образоват. журн. 2010. Вып. 1: Историческая наука в современной России.

А.Г. Гуськов, В.В. Тихонов

РОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРИОДИКА: ИНДЕКСЫ НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ УРОВНЯ ЖУРНАЛОВ

Статья посвящена проблеме отражения состояния отечественной научно-исторической периодики в зарубежных и отечественных индексах научного цитирования (Web of science, Scopus, РИНЦ). Показываются основные способы расчета рейтинга изданий (импакт-фактор, Science index). Анализируются причины, по которым отечественные периодические издания научно-исторического профиля оказываются неадекватно представлены в зарубежных базах данных. Подробно рассматривается работа с исторической периодикой Российского индекса научного цитирования. Выявляются случаи искусственного повышения рейтинга журналов, предложенная Высшей школой экономики, основанная на экспертной оценке специалистов.

Ключевые слова: индекс научного цитирования; научно-историческая периодика; Web of science; Scopus; Российский индекс научного цитирования; импакт-фактор; Science index; ВШЭ.

Andrey Guskov, Vitaliy Tihonov

The Russian scientifically-historical periodical press: problems of the assessment of the level of magazines

The article is devoted to the problem of reflection of the status of the national scientific-historical periodicals in foreign and domestic science citation index (Web of science, Scopus, RSCI). Shows the basic methods of calculation of rating of publications (impact factor, Science index). The author analyzes the reasons why domestic periodicals scientific and historical profile are inadequately represented in foreign databases. Describe in detail the historical periodicals Russian scientific citation index. There are cases of artificial increase of a rating of the journals. Analyzes the methodology of ranking Russian journals offered by the Higher school of economy, based on expert evaluation specialists. Keywords: index of scientific citation; scientific-historical periodicals; Web of science; the Russian index of scientific citation impact factor; Science index.

Проблема презентации научных достижений всегда остро стояла перед исследователем. В ходе развития науки выработалось несколько основных форм донесения своих идей до научного сообщества: доклад на конференции, публикация статьи, брошюры, монографии, получение патента и практическая реализация разработки и т.д. В последнее время одной из форм презентации стали общедоступные Интернет-сайты, но слабая правовая база, часто не позволяющая опре-

делить приоритет в открытии, и отсутствие четких этических норм в киберпространстве могут привести к тому, что ваши идеи будут украдены. Подобный случай произошел с известным математиком Г.Я. Перельманом, чьи открытия попытались присвоить китайцы.

Для специалистов в гуманитарных областях, в силу того, что они не могут свои исследования воплотить в форме патентов и изобретений, особую важность имеют публикации научных работ. В этой связи роль научной периодики трудно переоценить: она используется как инструмент по популяризации и апробированию промежуточных результатов, а также конечных выводов, и, что не менее важно, публикация позволяет «застолбить» определенные идеи и тематику, войти в избранный круг специалистов.

Впрочем, необходимо подчеркнуть, что главной формой подачи в гуманитаристике является монография, которая в идеале вбирает в себя все достижения ученого по разрабатываемой проблематике. Особенно это заметно в исторических науках, где большой объем фактического материала не позволяет ограничиваться журнальными формами. Именно для исторической науки проблема индексов научного цитирования и их влияния на сложившуюся структуру общества (включая систему периодики, издательства, титулы и звания, «символический капитал», неформальные связи и т.д.) является одной из наиболее болезненных.

В отечественной науке внедрение индексов научного цитирования произошло позднее, нежели в западноевропейских странах, что только добавило трудностей. Выработанные традиционные способы оценки качества исследования (количество публикаций, признание коллег, премии, положительные рецензии, наличие учеников и т.д.), вполне устраивали российское научное сообщество, но они, мягко говоря, далеки от идеала. Во-первых, опубликоваться (в том числе и за деньги) сейчас очень легко, при этом возникает ситуация, когда большинство ученых печатается в различных сборниках конференций, кафедральных трудах и т.д., которые никто не читает, и которые часто не найти даже в крупнейших библиотеках. Это приводит к ситуации, когда практически невозможно даже проверить, а есть ли эти публикации в действительности. Многочисленные скандалы с публикациями-«фантомами» для защиты диссертаций, разразившиеся в последнее время, наглядный тому пример. Во-вторых, признание коллег в виде званий и премий также критерий ненадежный: в исторической науке процветает групповщина, вкусовщина. Дифференциация по специальностям достигла того, что специалист по одной теме не способен оценить достижения своего коллеги (если вообще знает о его существовании) по смежной проблематике. Рецензия, как жанр,

переживает явный кризис, они пишутся, как правило, по знакомству и редко представляют собой критический разбор труда.

В этих условиях многие, особенно сторонние наблюдатели видят в индексах цитирования едва ли не единственный инструмент для мониторинга состояния той или иной сферы науки. По старой доброй российской традиции чисто бюрократическими методами от исследователей, журналов, научно-исследовательских учреждений и вузов в приказном порядке стали требовать данные по цитируемости, которые в свою очередь влияют на оценку работы и даже последующее финансирование. Естественно, такие методы внедрения вызвали отторжение, с которым приходится регулярно сталкиваться. В качестве инструмента анализа были рекомендованы как зарубежные базы данных (Web of science (WoS) и Scopus), так и отечественный Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Насколько их данные позволяют получить объективную картину? Попробуем это выяснить на примере отечественной научно-исторической периодики. Необходимо помнить, что для наукометрии периодика — скорее канал передачи научной продукции и ссылок, а не объект для специального анализа.

Появление индексов научного цитирования в качестве важнейшего инструмента оценки продуктивности постепенно меняет положение и условия существования научно-исторической периодики. Поскольку созданные базы данных (WoS, Scopus) ориентированы преимущественно на естественнонаучные дисциплины, где именно статья является основной формой публикации результатов, то гуманитарные науки оказались в существенном проигрыше. Например, наиболее авторитетная база данных WoS включает в основном журналы, в значительной степени игнорируя иные формы публикации. В последнее время, правда, появились сведения о попытках включения в базу материалов монографических исследований.

Еще одной особенностью упомянутых баз данных является их ориентация на англоязычные издания, что не позволило представителям других национальных сообществ быть адекватно в них представленными. Например, в WoS выделяется т.н. «большая тройка» стран (США, Великобритания, Нидерланды), которая представлена наибольшим количеством изданий. Так, в WoS включено 221 журнал по историческим наукам, из них 76 — американские издания, 49 — английские, голландских — 4 [7, с. 615, табл. 2]. Специфика исторического знания — в его национальной ориентации. Очевидно, что подавляющее большинство историков занимается историей своего отечества. Поэтому такой расклад в распределении научно-исторической периодики приводит к тому, что у американских и английских специалистов имеется колоссальное преимущество перед теми, кто

занимается иной тематикой. По подсчетам И. Савельевой и А. Поле-таева, 43% американских журналов в WoS посвящены истории США и являются не международными, а национальными по тематике [4, с. 646]. Поэтому российские чиновники заблуждаются (если это, конечно, не преднамеренная политика), когда призывают публиковаться в «международных» изданиях, которые по факту являются просто иностранными, к тому же сугубо национально ориентированными. Справедливости ради, необходимо указать на то, что в США существует немало специалистов по русистике, объединенных в солидные и многочисленные ассоциации и имеющие авторитетные периодические издания. Именно в этих изданиях и публикуются российские ученые. Наличие значительного количества специалистов и изданий, казалось бы, позволяет надеяться на активное цитирование наших историков. Но, по наблюдениям специалистов по американской русистике, это отнюдь не так. Зачастую в трудах англоязычных ученых нельзя найти ни одной ссылки на работы коллег из России. Американцы, как и представители других национальных сообществ, часто предпочитают вариться в «собственном соку».

Что касается российских периодических изданий, то в WoS их всего два — «Вопросы истории» и «Российская история» («Отечественная история»), больше российских журналов здесь не представлено. При этом ссылки в этих журналах не индексируются, поскольку в большинстве своем они на кириллице. Попасть в WoS российскому научно-историческому журналу чрезвычайно трудно, если вообще возможно.

В отличие от WoS, Scopus более открытая система, в ней больше представлено журналов, в том числе и неанглоязычных. На конец 2013 г. в Scopus были включены следующие российские исторические журналы: «Былые годы», «Российская история», «Новый исторический вестник» и издающийся на английском языке “Social Evolution and History”. В базе данных можно проследить общее положение российских научных статей, попадающих под категорию, куда относятся и исторические работы, — “Art and humanities”.

Первое, что бросается в глаза, — это неуклонный рост публикаций авторов, аффилированных с российскими научными структурами. Серьезный количественный рост наблюдается в последние годы. Так, если в 2000 г. в базе данных было зафиксировано всего 30 работ, вышедших в этом году, то в 2012 г. — 258 [11]. Очевидно, что это связано с тем, что все больше журналов входят в систему. В то же время наблюдается падение цитируемости статей, что, впрочем, нормально, поскольку многие работы просто не успели аккумулировать ссылки. Еще одной тенденцией является уменьшение количества статей, написанных в соавторстве с иностранцами. Вероятнее всего, ранее большинство статей

попадали в базу благодаря их публикации в иностранных журналах, где соавтор-носитель языка способен был обеспечить публикацию.

Название журнала	Рейтинг в РИНЦе
Ab Imperio	16
Археология, этнография и антропология Евразии	1
Вестник древней истории	13
Восток	14 ¹
Древняя Русь: Вопросы медиевистики	2 ²
Отечественные архивы	12 ³
Российская археология	15
Российская история	2
Средние века	17
Этнографическое обозрение	4

¹ В категории «Комплексное изучение отдельных стран и регионов».

² В категории «Языкознание».

³ В категории «Культура. Культурология».

К категории «С» отнесены:

Название журнала	Вариант 1 ¹	Вариант 2 ²	Рейтинг в РИНЦе
1	2	3	4
Stratum plus: Археология и Культурная Антропология	+	+	38
Антропологический форум	+		3
Вестник археологии, антропологии и этнографии	+	+	12
Вестник архивиста	+	+	18 ³
Вестник Московского университета. Серия 13 Востоковедение	+	+	19 ⁴
Вестник Московского университета. Серия 8 История	+	+	20
Вестник Новосибирского университета. Серия «История, филология»	+		53
Вестник Пермского университета. Серия «История»	+		33

1	2	3	4
Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2 История	+		49
Военно-исторический журнал	+	+	45
Вопросы истории	+	+	8
Вопросы истории естествознания и техники	+	+	23
Диалог со временем	+	+	22
Исторический архив	+	+	35
История: Электронный научно-образовательный журнал	+	+	52
Клио	+	+	39
Новая и новейшая история	+	+	14
Родина	+	+	43
Уральский исторический вестник	+	+	11

¹ Отмечен не менее 3 экспертами, которые просматривают каждый номер журнала или прочли более 3 статей из него за последние 3 года.

² Отмечен не менее 20% респондентов, из которых не менее 50% читали статьи из этого журнала за последние 3 года.

³ В категории «Культура. Культурология».

⁴ В категории «Комплексное изучение отдельных стран и регионов».

Во избежание «недоразумений» списки по всем категориям приведены исчерпывающие. В первые дни после презентации проекта в сети Интернет появился ряд недостоверных материалов о результатах анкетирования, которые затем «чудесным образом» стали изменяться на более корректные.

Результаты анкеты по отдельным вопросам оказались не менее любопытными (сведения приводятся за вычетом мнения аффилированных специалистов). Наиболее известными для экспертов оказались журналы «Вестник Московского университета. Серия 8: История» и «Вопросы истории», набравшие по 50 пунктов. Публикуются больше всего в «Вопросах истории», «Родине» и «Российской истории» (20, 19 и 15 позиций), а читают — их же с добавлением «Новой и новейшей истории» (26, 25, 19 и 20 респондентов соответственно). На вопрос: «Является ли журнал лидирующим (наиболее авторитетным и престижным) в вашей области исследований?» — вариант ответа: «Да, лидирует в мире и в России» — выбрали 30% экспертов для «Российской археологии», 18,18% — для «Российской истории» и 15,91% — для «Вестника древней истории». Тройка лидирующих только в России включает «Новую и новейшую историю» (56,76%), «Российскую историю» (54,55%)

и «Средние века» (51,72%). Самый высокий научный уровень был отмечен у «Древней Руси: Вопросы медиевистики» (92,86%), «Антропологического форума» (85,71%) и «Этнографического обозрения» (76,47%).

Попытаемся разобраться в достоинствах и недостатках представленной методики. К положительным моментам можно отнести гибкость системы, ее относительную неангажированность, определенную корреляцию с наукометрическими показателями, понятную методику отбора экспертов. С другой стороны, отсутствие «прозрачности» «пула» экспертов и вызывает наибольшие критические замечания. Все эксперты представлены как некоторый образ-«фантом», компетенция которого не подвергается сомнению, но который сохраняет полное инкогнито. Т.е. не раскрывается не только информация, кто дал какие оценки (что вполне допустимо), но и кто проводил экспертизу, что ставит сразу же под сомнение репрезентативность, верифицируемость и, в конце концов, научную ценность всей методики. Отобранные эксперты могут представлять собой лишь часть научного сообщества, отобранную под специальные задачи или без них, но с определенным уклоном. Например, представители только московских вузов, только региональных сообществ, только академических ученых, занимающихся преимущественно российской историей или всемирной или... (варианты достаточно многочисленны).

Сомнения в репрезентативности результатов связаны и с численностью экспертов, принявших участие в опросе. Из предложенных 287 человек согласились участвовать в анкетировании лишь 56, т.е. меньше 20%. Кроме того, не все цифры приводимых результатов по показателям совпадают друг с другом. Так, в разделах «Самые известные» и «Научный уровень» для некоторых журналов приводится разное количество анкет (во всех случаях указано число неаффилированных респондентов): «Вестник древней истории» — 45 и 44, «Российская история» — 37 и 33, «Российская археология» — 35 и 30.

Есть некоторые изъяны и в методике. Не совсем корректно исключены аффилированные респонденты в определении уровня «известности». Можно с уверенностью предположить, что из экспертов многие «знают» и «Родину», и «Российскую историю», и «Новую и новейшую историю». При этом часть из них входит в состав редакции журнала, его редколлегии или редсовета. В результате — их анкеты не учитываются. Конечно, количество исключенных анкет не так велико — 50 (т.е. 5,3%), но из-за отсутствия информации мы можем предположить, что на наиболее популярные журналы и пришелся основной «пик» «изыятий». Т.е. из-за «случайного» попадания в число экспертов большого количества членов редколлегии или редсовета журнал «потерял» десяток анкет, может быть позволявший бы ему за-

нять совсем другую позицию. И «случайность» попадания аффилированных экспертов можно оценивать иначе: журнал делают профессионалы высокого уровня (раз они вошли в состав экспертов), а значит, и их мнение по собственному журналу тоже следует учитывать.

Таким образом, рейтинг, составленный ВШЭ, не лишен недостатков. Методику, на основе которой он был сформирован, следует совершенствовать. Тем не менее, его появление — вполне закономерное явление в условиях начала перехода к новой модели организации и оценки науки. Его следует рассматривать как первый серьезный шаг.

Приведенные выше факты наталкивают на естественный вопрос: насколько активное продвижение индекса цитирования в качестве основного или важнейшего критерия успешности работы научно-исторического журнала оправдано. Не секрет, что научно-историческая периодика (как, впрочем, и научная в целом) переживает не лучшие времена. С одной стороны, количество наименований изданий только растет, но с другой — общие тиражи сокращаются, журналы превращаются в место для публикации (часто платной) не собственно исследований, а статей, необходимых для защиты диссертации. Более того, в условиях, когда изданий чрезвычайно много, их почти никто не читает. Смогут ли рейтинги цитирований как-то изменить ситуацию? Как и везде, есть гипотетические плюсы и минусы. Рассмотрим их.

Во-первых, индекс цитирования в идеале позволяет выявить место издания в общем потоке научной периодики. Если для старых авторитетных изданий это неактуально, то для новых, малоизвестных — это имеет смысл. Но, как это уже было показано выше, иные издатели не прочь искусственно завысить свой рейтинг. С чрезмерно активным самоцитированием со стороны журнала и «договорным» цитированием необходимо всячески бороться. Во-вторых, новые требования оценки качества научной работы заставят ученых публиковаться в журналах с высоким импакт-фактором, что повысит уровень статей, конкуренцию и благотворно скажется на научной работе. Но уже сейчас ясно, что появится ряд журналов, которые, «раздув» рейтинг, попросту будут торговать публикациями. К тому же остается ситуация, когда одни исследователи, в силу ряда причин, будут иметь привилегированный доступ к авторитетным периодическим изданиям по сравнению с другими. В-третьих, создание базы данных без труда позволит отслеживать описанные выше негативные тенденции. Остается открытым вопрос о готовности самих разработчиков соблюдать правила игры и бороться с выявленными случаями. Главный вывод напрашивается сам собой: индекс цитирования может стать весьма эффективным инструментом в наукометрическом анализе, контроле над прозрачностью работы

научно-исторической периодики, будет способствовать принятию менеджерских решений в данной сфере, но только в том случае, если будет обеспечена борьба с нечестными формами пиара и коммерциализацией исторической науки.

Аналогичную картину мы видим в экспертной оценке. Ее эффективность будет определяться, во-первых, прозрачностью состава экспертов (с сохранением инкогнито индивидуальных оценок), во-вторых, верифицируемостью результатов экспертизы, в-третьих, полнотой, взвешенностью и сбалансированностью системы экспертизы. В любом случае нельзя абсолютизировать ни одну из представленных методик. Приближение к истине, как представляется, возможно лишь на балансе разных подходов.

1. *Мотрошилова, Н.В.* Недоброкачественные сегменты наукометрии [Текст] // Вестник Российской академии наук. 2011. Т. 81, № 2. С. 134—146.
2. *Писляков, В.В.* Наукометрические методы и практики, рекомендуемые к применению в работе с Российским индексом научного цитирования. URL: <http://elibrary.ru/projects/citation>
3. *Ранчин, А.* Диссертации, рейтинги, индексы: о критериях оценки научной деятельности. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz1-2014/23088-dissertacii-reytingi-indeksy-o-kriteriyah-ocenki-nauchnoy-deyatelnosti.html> (дата обращения: 04.04.2014).
4. *Савельева, И.М.* Зарубежные публикации российских гуманитариев: социометрический анализ [Текст] / Савельева И.М, Полетаев А.В. // Неклассическое наследие. Андрей Полетаев. М., 2011. С. 643—665.
5. *Тихонов, В.В.* Российская историческая наука и индексы научного цитирования [Текст] / Новый исторический вестник. 2013. № 2 (36). С. 89—106.
6. *Усачев, А.С.* Российские историки и зарубежные журналы [Текст]: некоторые размышления специалиста по истории России // Новый исторический вестник. 2013. № 1 (35). С. 69—83.
7. *Юрьевич, А.В.* К проблеме оценки вклада российской социогуманитарной науки в мировую [Текст] // Вестник Российской академии наук. 2011. Т. 81, № 7. С. 613—621.
8. URL: http://elibrary.ru/titles_compare.asp
9. URL: <http://www.aphr.ru/>
10. URL: <http://www.nkj.ru/news/24123/> и http://www.gazeta.ru/science/2014/04/09_a_5984625.shtml
11. URL: (<http://www.scimagojr.com/countrysearch.php?area=1200&country=RU&w=> (дата обращения: 16.04.2014).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи
Архив ЗГО – Архив Златоустовского городского округа
Архив СПБ ИИ РАН
ВОАНПИ – Вологодский областной архив новейшей политической истории
ВТС – военно-топографическая служба
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВШЭ – Высшая школа экономики
ГАО – Государственный архив Архангельской области
ГАВО – Государственный архив Вологодской области
ГАВО – Государственный архив Воронежской области
ГАДО – Государственный архив Донецкой области
ГАКК – Государственный архив Красноярского края
ГАНИСО – Государственный архив новейшей истории Смоленской области
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАСО – Государственный архив Свердловской области
ГАСО – Государственный архив Смоленской области
ГИАНО – Государственный исторический архив Новгородской области
ГИМ – Государственный Исторический музей
КВТ – Корпус военных топографов
ВТД ГЛШ – Военно-топографическое депо Главного Штаба
ЛГПИИЯ – Ленинградский государственный педагогический институт иностранных языков
НА ИА НАНУ – Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины
НИИА СПб ИИ РАН, Архив СПБ ИИ – Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук
ОДСПИ – Отдел документов социально-политической истории
ОР – Отдел рукописей
ОСК – Отдельный Сибирский Корпус
РГА ВМФ – Российский государственный архив Военно-Морского флота
РГА КФД – Российский государственный архив кинофотодокументов
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
РГБ – Российская государственная библиотека
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
РИНЦ – Российский индекс научного цитирования
РНБ – Российская национальная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина
СНК – Совет Народных Комиссаров
ЦА ФСБ России – Центральный архив Федеральной службы безопасности
ЦГА СПб – Центральный городской архив Санкт-Петербурга
ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской Республики
ЦГАЛИ СПб – Центральный городской архив литературы и искусства Санкт-Петербурга
ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЦСДФ – Центральная студия документальных фильмов
ННStA – Österreichisches Staatsarchiv. Abteilung Haus-, Hof- und Staatsarchiv

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабкина Елена Александровна — аспирант Донецкого национального университета (Украина). Сфера научных интересов: советская социальная история, социально-историческая антропология, культура повседневности, визуальная культура.

Бакшт Дмитрий Алексеевич — ассистент Красноярского государственного педагогического университета. Сфера научных интересов: политическая и социальная история России XIX—XX вв., полицейские органы императорской России, история Сибири.

Барабанова Ксения Сергеевна — аспирант Санкт-Петербургского института истории РАН. Сфера научных интересов: история России, история медицины, экологическая и технологическая история, историческая антропология

Батченко Виктория Сергеевна — аспирант Смоленского государственного университета. Сфера научных интересов: история крестьянства 1920—1930-х годов.

Белов Алексей Викторович — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института российской истории РАН. Сфера интересов: русский город периода Нового времени, русский дореформенный город, типология и характер русского города, городская сеть (сеть городов).

Белокуров Евгений Владимирович — магистрант Санкт-Петербургского государственного университета. Сфера научных интересов: аграрная история России и СССР XIX—XX вв.

Березина Вера Анатольевна — аспирантка Санкт-Петербургского института истории РАН. Сфера научных интересов: история СССР межвоенного периода, история туризма.

Верховцев Дмитрий Владимирович — студент Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Сфера научных интересов: этническая история и этнография прибалтийско-финских народов, этничность, этнические процессы.

Гуськов Андрей Геннадьевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. Сфера научных интересов: история России XVII—XVIII вв., реформы Петра I, Великое посольство 1697—1698 гг., источниковедение, археография.

Ермакова Ольга Константиновна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН. Сфера научных интересов: иностранные специалисты в России; российско-европейские контакты; межкультурное взаимодействие.

Иконников Сергей Анатольевич — аспирант Воронежского государственного университета. Сфера научных интересов: история Русской православной церкви во второй половине XIX — начале XX в.

Котышев Дмитрий Михайлович — кандидат исторических наук, доцент, преподаватель муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Лицей № 13» г. Троицка Челябинской области. Сфера научных интересов: история Южной Руси домонгольского времени, история междукняжеских отношений, история древнерусского города.

Кузнецова Людмила Анатольевна — младший научный сотрудник Пермского государственного национального исследовательского университета. Сфера научных интересов: история СССР, история досуга.

Малахов Вадим Александрович — аспирант Российского государственного гуманитарного университета. Сфера научных интересов: история России второй половины XIX — начала XX в.; еврейский вопрос; национальная политика в западных губерниях; национальные движения народов на западных окраинах империи.

Наконечный Михаил Юрьевич — аспирант Санкт-Петербургского института истории РАН. Сфера научных интересов: история СССР, историческая демография.

Петрова Мария Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Сфера научных интересов: история международных отношений XVIII в., культурная история дипломатии, история дипломатической культуры.

Попова Ольга Юрьевна — аспирант Донецкого национального университета (Украина). Сфера научных интересов: советская история, советская повседневность, образ внутреннего врага.

Романов Роман Евгеньевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН. Сфера научных интересов: история СССР, «рабочая история».

Семененко Анна Вадимовна — аспирант Европейского университета в Санкт-Петербурге. Сфера научных интересов: история Российской империи, история Царства Польского, история Польши, история церкви.

Сергеев Всеволод Николаевич — кандидат исторических наук, доцент Московский государственный университет путей сообщений. Сфера научных интересов: левые диссиденты, история СССР, история политических партий и организаций.

Слугина Виктория Александровна — студент магистратуры Новосибирского национального исследовательского государственного университета. Сфера научных интересов: присоединение Сибири, межэтнические отношения, империостроительство в России.

Смагин Роман Юрьевич — ассистент Новосибирского государственного педагогического университета. Сфера научных интересов: история картографии, военно-топографическая служба, корпус военных топографов, изучение и освоение Сибири, рукописные и печатные карты XIX— начала XX в.

Старицын Александр Николаевич — ведущий библиограф Института научной информации по общественным наукам РАН. Сфера научных интересов: история церковного раскола и раннего старообрядчества, Русский Север, церковная история XVII в.

Тихонов Виталий Витальевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН. Сфера научных интересов: история исторической науки, историческая политика, науковедение.

Урушадзе Амиран Тариелович — кандидат исторических наук, доцент Южного федерального университета (Ростов-на-Дону). Сфера научных интересов: история Юга России, региональная историография.

Устинова Ирина Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН. Сфера научных интересов: история и источниковедение русской государственности, русской церкви и церковно-государственных отношений.

Фокин Александр Александрович — кандидат исторических наук, доцент Челябинского государственного университета. Сфера научных интересов: история СССР, история идей, теория истории.

Хохлов Дмитрий Юрьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН. Сфера научных интересов: история России, история Второй мировой войны, источниковедение, архивоведение.

Чибисов Борис Игоревич — студент магистратуры Тверского государственного университета. Сфера научных интересов: история древнерусской церковной иерархии и канонического права.

Шемякина Ольга Владимировна — аспирант Российского государственного гуманитарного университета, ассистент Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева. Сфера научных интересов: советская историческая наука, советская культура и идеология 1920—1930-х годов, история революционного движения в России, народничество.

Яскунова Анна Александровна — аспирант Вологодского государственного педагогического университета. Сфера научных интересов: история повседневности, история труда, история Русского Севера.

Научное издание

**ТРУДЫ
ИНСТИТУТА
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ**

Выпуск 12

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института российской истории
Российской академии наук*

Редактор: О.А. Пруцкова
Макет и оформление: Ю.В. Балабанов

Подписано к печати
Формат 60×90/16. Гарнитура Newton ГТ.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26,5. Уч.-изд. л. 27,8.
Тираж 500 экз.
Заказ

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2: 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в

9 785805 502805